

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

4340-13

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ, НАУЧНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

1887

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

КНИГА П—ФЕВРАЛЬ

- I. РАБА. Повѣсть въ двухъ частяхъ. (Часть I, главы I—VII). *К. С. Баранцевича.*
- II. ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ И. С. АКСАКОВА. *М. Г. Гребенщикова.*
- III. МАТРОССКІЙ ЛИНЧЪ. (Картинки морской жизни). Разсказъ. *М. Костина.*
- IV. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) ВЪ ДЕРЕВНІИ ОСЕНЬЮ; 2) ПѢСНИ ВЛАГИ. *С. Караскевичъ.*
- V. СТИХОТВОРЕНІЕ: „Послѣ бури отдыхають“... *П. Грѣя.*
- VI. МѢСТА НѢТЬ. Разсказъ. *В. Левина.*
- VII. НОВЫЯ ВЪЯНІЯ ВЪ ВОПРОСЪ О СВОБОДѢ ВОЛИ. *І. Юзова.*
- VIII. ТРИ РАЗСКАЗА: 1) САПОЖНИКЪ ФЛОРЕНТІЙ; 2) СЪ ВИЛЕНСКОЙ МОСТОВОЙ; 3) ПАВЛЮКЪ. (Переводъ съ польскаго). *Элизы Оржешко.*
- IX. СТИХОТВОРЕНІЕ: „Еще не осень, — нѣтъ! Но сжатые поляны“ *Ө. Ромера.*
- X. ПУШКИНЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. (Статья вторая). *П. О. Морозова.*

XI. ЗНАЧЕНИЕ ОТХОЖИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ ВЪ ЖИЗНИ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА. (Статья вторая) . . . Л. П. Весина.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дворянскія и губернскія земскія собранія.—Земская помощь кустарямъ.—Ходатайства земствъ объ учрежденіи особаго Министерства земледѣлія и сельской промышленности.—Задачи и результаты дѣятельности „Общества улучшенія народнаго труда“.—Земскія повинности Эстляндской губ.

XIII. ХРОНИКА ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ:

1) По Руси Православной. Бывалаго.

2) Московскія письма (Письмо второе) . . . С—

XIV. КЪ ТРИДЦАТИЛѢТІЮ КОНЧИНЫ М. И. ГЛИНКИ.

. А. Пузыревскаго.

XV. НОВЫЯ КНИГИ.

В. Шенрокъ. Ученіческіе годы Гоголя.—Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. Т. II.—Произведенія фабричной, заводской, ремесленной и кустарной промышленности; издано подъ редакціей Д. А. Тимирязева.

XVI. ПАДЕНІЕ ГЕРМАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА).

XVII. КУРЬЕЗЫ И РАРИТЕТЫ РОДИМОЙ ПРЕССЫ.

. Беззаботнаго журналиста.

XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Съ 12 января по 10 февраля 1887 г.

XIX. ОТЗЫВЫ РЕДАКЦІИ (на оберткѣ).

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

XX. ЗОЛОТОЕ ДНО. Романъ. Гюи де Мопассана.
Перев. съ французскаго. Продолжен. части I.

XXI. ВЪ СЕРДЦѢ ЛОНДОНА. Разсказъ. . . Д. Райса-Джонса.
Переводъ съ англійскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. Объ изданіяхъ: 1) „Кавказскаго Обзорнія“; 2) „Южнаго Края“.

Издатель журнала „Дѣло“ имѣетъ честь заявить, что всякіе, вызванные задержаніемъ февральской книги „Дѣла“, слухи о новой пріостановкѣ или прекращеніи изданія журнала лишены какого либо основанія. Журналъ будетъ въ 1887 г. издаваться также безостановочно, какъ и въ прошломъ 1886 г., и въ настоящее время, съ перенесеніемъ печатанія въ собственную типографію издателя, редакціей будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы книги журнала выходили ни въ какомъ случаѣ не позднѣе конца соотвѣтствующаго мѣсяца.

Такимъ образомъ, гг. подписчики должны получать книги журнала также не позднѣе первыхъ чиселъ слѣдующаго за выходомъ книги мѣсяца, по разсчету времени, нужнаго на почтовую пересылку.

Въ теченіе же слѣдующихъ мѣсяцевъ редакція приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы книги журнала выходили между 15 и 20 числами каждаго мѣсяца.

Просимъ обратить вниманіе на опечатки, указанныя на оборотѣ этого листка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія журнала „Дѣло“ (И. С. Дурново).

Орловскій пер. д. № 1—2.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОПИСЬ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	<i>Напечатано:</i>		<i>Слѣдуетъ читать:</i>	
„Раба“	стр. 37,	строк. 8	сверху—нашихъ	вашихъ
” — ”	” 9	”	—безирравстванны	безирравственны
” 40 ”	” 16 ”	”	—не прославляютъ	ни прославляютъ
” — ”	” 28 ”	”	—не слышать	ни слышать
„И. С. Аксаковъ“	” 62 ”	” 14	снизу —не посѣшь	ни посѣшь
” — ”	” 63 ”	” 20 ”	—который	которое
„Мѣста иѣтъ“.	” 1 ”	” 7	сверху—предвнушая	предвкусная
” — ”	” 7 ”	” 6 ”	—пятнадцатъ	пятнадцать
” — ”	” 20 ”	” 17 ”	—Эмиграціонные	Эмиграціонные
” — ”	” 21 ”	” 27 ”	—Европа	Европа
Въ нѣкоторые экз.				
Ст. „М. И. Глинка“	” 15 ”	” 9	сверху—о перное	о первое
вкралось	” 16 ”	” 10 ”	—Надзора и Фодоля	Надзара и Фодора
„Золотое Дно“	” 73 ”	” 17	снизу —гекторъ	гектаръ
„Въ Сердцѣ Лон- дона“	” 1 ”	” 13 ”	—Пестъ-Сидомъ	Вестъ-Эндомъ
” — ”	” 15 ”	” 2	сверху Линкольн-Иифилдъ	Линкольн-Иифилдъ

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- XX. ЗОЛОТОЕ ДНО. Романъ. Гюи де Мопассана.
Перев. съ французскаго. Продолжен. части I.
XXI. ВЪ СЕРДЦѢ ЛОНДОНА. Разсказъ. . . Д. Райса-Джонса.
Переводъ съ англійскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. Объ изданіяхъ: 1) „Кавказскаго Обзорнія“; 2) „Южнаго Края“.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ФЕВРАЛЬ—1887—№ 2.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“ (И. С. Дурново).

ОРЛОВСКІЙ ПЕР. Д. № 1—2.

Δ
Pslav 236.4 (1887, no. 2)

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Марта 1887 г.

За Редактора

Издатель И. С. Дурново.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. РАБА. Повѣсть въ двухъ частяхъ.
Часть I, главы I—VII. . . . *К. С. Баранцевича.*
- II. ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТ-
ВЕННЫЯ ИДЕИ И. С. АКСА-
КОВА. *М. Г. Гребенщи-*
кова.
- III. МАТРОССКІЙ ЛИНЧЪ. (Кар-
тинки морской жизни) *М. Костина.*
- IV. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) ВЪ ДЕ-
РЕВНѢ ОСЕНЬЮ; 2) ПѢСНИ
ВЛАГИ. *С. Караскевичъ.*
- V. СТИХОТВОРЕНІЕ: „Послѣ бури
отдыхаетъ“ *П. Грѣя.*
- VI. МѢСТА НѢТЪ. Разсказъ. . . . *В. Левина.*
- VII. НОВЫЯ ВЪЯНІЯ ВЪ ВО-
ПРОСѢ О СВОБОДѢ ВОЛИ. . . . *І. Юзова.*
- VIII. ТРИ РАЗСКАЗА: 1) САПОЖ-
НИКЪ ФЛОРЕНТІЙ; 2) СЪ ВИ-
ЛЕНСКОЙ МОСТОВОЙ; 3) ПА-
ВЛЮКЪ. Переводъ съ польскаго. *Элизы Оржешко.*
- IX. СТИХОТВОРЕНІЕ: „Еще не
осень, — нѣтъ! Но сжатыя по-
ляны“ *Ө. Ромера.*
- X. ПУШКИНЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИ-
ТЕРАТУРѢ. (Статья вторая). . . *П. О. Морозова.*
- XI. ЗНАЧЕНІЕ ОТХОЖИХЪ ПРО-
МЫСЛОВЪ ВЪ ЖИЗНИ РУС-
СКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.
(статья вторая). *Л. П. Весина,*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дворянскія и губернскія земскія собранія.—Земская помощь кустарямъ.—Ходатайства земствъ объ учрежденіи особаго Министерства земледѣлія и сельской промышленности.—Земчи и результаты дѣятельности Общества улучшения народнаго труда.—Земскія повинности Эстляндской губ.

XIII. ХРОНИКА ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ:

1) По Руси Православной. *Бывалого.*

2) Московскія письма (письмо второе). С—

XIV. КЪ ТРИДЦАТИЛѢТІЮ КОНЧИНЫ М. И. ГЛИНКИ.

А. Пузыревскаго.

XV. НОВЫЯ КНИГИ:

В. Шенрожъ Ученическіе годы Гоголя.—Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи т. II.—Произведенія фабричной, заводской, ремесленной и кустарной промышленности; издано подъ редакціей *Д. А. Тимирязева.*

XVI. КУРЬЕЗЫ И РАРИТЕТЫ РОДИМОЙ ПРЕССЫ.

Беззаботнаго журналиста.

XVII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ. Съ 12 января по 10 февраля 1887 г.

XIX. ОТЗЫВЫ РЕДАКЦІИ (на оберт.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

XX. ЗОЛОТОЕ ДНО. Романъ. *Гюи де Мопассана.*
Перев. съ французскаго. Продолженіе части I.

XXI. ВЪ СЕРДЦѢ ЛОНДОНА. Рассказъ. *Д. Райса-Джонса.*
Переводъ съ англійскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. Объ изданіяхъ; 1) «Кавказскаго Обозрѣнія». 2) «Южнаго Края».

Р А В А .

(Повѣсть).

Ч А С Т Ъ І .

І .

Я хочу рассказать про одинъ эпизодъ изъ моей жизни, — „изъ жизни зауряднаго человѣка“... Я вовсе не претендую на почетное званіе литератора, хотя сослуживцы мои, а въ особенности экзекуторъ Ермилъ Клементьевичъ, какъ-то узнавши, что я „пишу“, съ улыбочками посматриваютъ на меня и величаютъ „сочинителемъ“. Но я, все-таки, знаю, что я вовсе не сочинитель, а просто самый обыкновенный чиновникъ, и что эта тетрадь, конечно, такъ и останется у меня. И это очень хорошо! Я чувствую, что когда я испишу эту тетрадь, — мнѣ жаль будетъ разстаться съ нею, какъ бываетъ жаль разстаться съ любимымъ человѣкомъ.

Вѣдь то, о чемъ я буду писать, относится къ лучшей порѣ моей молодости, къ „разцвѣту“, который болѣе не повторится. Съ любовью и горечью буду я перечитывать написанное мною, и дѣлиться потомъ впечатлѣніями съ моимъ неизмѣннымъ „другомъ“.

Этотъ „другъ“, — скрипка, простая, обыкновенная скрипка россійскаго издѣлія, инструментъ причинившій мнѣ не мало въ свое время непріятностей. Что дѣлать, не всѣ любятъ музыку, а плохую, „заурядную“ музыку не любитъ никто! Бывало у меня изъ-за „друга“ не мало ссоръ и съ сосѣдями по комнатѣ, и съ квартирными хозяевами, такъ что я принялъ за правило, при наймѣ комнатъ, заранѣе предупреждать хозяйку, что: „играю“, моль, „сударыня, на скрипкѣ“.

Заговорилъ впрочемъ я о своемъ „другѣ“ съ единственной цѣлью объяснить то, чрезвычайно неожиданное обстоятельство, что когда я однажды остался въ квартирѣ почтенной моей хозяйки Василисы Макаровны (она ушла, кажется, къ обѣднѣ), одинъ одишенокъ, — и, по обыкновенію, увлекся скрипкой, — то вдругъ, въ моментъ исполненія одного весьма

труднаго пассажа, былъ ошеломленъ раскатистымъ смѣхомъ, раздавшимся за моей спиной. Оглянувшись, я увидѣлъ передъ собою мужчину и даму. Онъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ подь 30, одѣтый франтомъ, красивый, бѣлокурый, съ небольшими усиками, она также очень молоденькая—лѣтъ 18—19, очень недуренькая, съ симпатичнымъ, нѣсколько блѣднымъ, утомленнымъ лицомъ.

Признаюсь, столь безцеремонное вторженіе не понравилось мнѣ; я всталъ, положилъ скрипку и смычокъ, и сухимъ тономъ спросилъ: „чего“, дескать, „вамъ угодно?“

— Ха-ха-ха! Вотъ такъ славно! вскричалъ молодой человѣкъ,—мы стоимъ за вами по крайней мѣрѣ минутъ десять, стоимъ и смотримъ какъ вы это усердствуете... ха-ха-ха! А знаете ли, господинъ музыкантъ, что у васъ двери настежь, и если бы мы захотѣли, то преспокойнѣйшемъ образомъ могли бы стащить всѣ ваши самовары, кострюли и пр?..—Если не ошибаюсь, вы хозяинъ этой квартиры?

— Нѣтъ, я не хозяинъ! отвѣчалъ я, смущенно,—это Василиса Макаровна... хозяйка то-есть!..

— А можемъ мы видѣть достойную Василису Макаровну? освѣдомился онъ, улыбаясь самымъ противнѣйшимъ образомъ,—мы пришли собственно посмотрѣть комнату, которая сдается.

— Василисы Макаровны дома нѣтъ! съ достоинствомъ отвѣчалъ я,—но и я могу, если хотите, показать комнату.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе! сказала дама.

Я обернулся къ ней. Голосъ ея мнѣ чрезвычайно понравился. Онъ былъ такой молодой, пріятнаго тембра, съ отбѣнкомъ задушевности.

— Пожалуйте сюда! пригласилъ я, направляясь въ комнату, которая сдавалась. Оба послѣдовали за мной.

— Цѣна? спросилъ молодой человѣкъ, бѣглымъ взглядомъ окинувъ помещеніе.

— Цѣна? переспросилъ я, стараясь усвоить тотъ же небрежный тонъ съ какимъ, какъ мнѣ показалось, говорилъ наниматель,—пятнадцать рублей!

— А уступить нельзя ли? спросила она.

У нея былъ такой нѣжный, пріятный голосокъ, что у меня явилось вдругъ упорное желаніе заставить ее еще поговорить. Я подумалъ немного, какъ бы соображая, можно ли сбавить цѣну, и сказалъ, обращаясь исключительно къ ней.

— Я такъ и ждалъ, сударыня, что вы, именно вы, задаете мнѣ этотъ вопросъ, а не вашъ кавалеръ.

— Почему же такъ? спросила она, недоумѣвая.

— Потому, что въ натурѣ всякой женщины, — поторговаться.

Она разсмѣялась, и ея звонкій, серебристый смѣхъ наградила меня за мою выдумку, которая почему-то понравилась и ея кавалеру.

— Это правда! сказалъ онъ улыбаясь, — ну, а уступить-то все-таки можно? А?

— Хозяйка, пожалуй уступить рубль!.. отвѣчалъ я, сразу перемѣняя тонъ.

Молодой человѣкъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на дворъ, скорчилъ гримасу и посвисталъ себѣ подъ носъ.

Я стоялъ молча, чувствуя себя въ весьма неловкомъ положеніи.

— А вы тоже здѣсь живете? спросилъ онъ.

— Да, вонъ тамъ, въ сосѣдней комнатѣ! отвѣчалъ я.

— И тоже четырнадцать платите?

— Нѣтъ, дешевле! моя комната меньше.

— Гм! Вы что же, музыкантъ?

— Нѣтъ, не музыкантъ, а играю, потому, что люблю играть! отвѣчалъ я съ запальчивостью, — вы сами не музыкантъ ли?

— О, нѣтъ! простодушно отвѣчалъ онъ, — кромѣ какъ на стеклянныхъ инструментахъ не играю ни на чемъ.

Я не понималъ, а онъ такъ и не счелъ нужнымъ объяснить, и продолжалъ:

— Я служу въ одномъ частномъ учрежденіи. Цѣлый день не бываю дома, къ вечеру только прихожу... Вотъ она такъ всегда дома! небрежно кивнулъ онъ на свою даму.

— Ну такъ какъ же, Нюта? спросилъ онъ.

— Я не знаю, Ваня, какъ ты? отвѣчала та, тономъ покорности, — мнѣ все равно, было бы тебѣ удобно.

— Ну, такъ нечего и думать! нужно дать задатокъ! Вы потрудитесь получить? обратился онъ ко мнѣ, раскрывая бумажникъ.

— Извольте! отвѣчалъ я.

Онъ небрежно вручилъ мнѣ пять рублей, и уходя, въ дверяхъ, сказалъ:

— И такъ, четырнадцать рублей, прислугѣ особо, утромъ и вечеромъ самоваръ, не такъ ли?... — Такъ мы переѣдемъ сегодня же! Вѣдь можно?...

— Когда хотите, все равно!

— До свиданія!

Онъ отворилъ дверь и вышелъ на лѣстницу.

— До свиданія! сказала его дама, выходя слѣдомъ.

Я пошелъ затворить за ней дверь.

Онъ спускался съ лѣстницы, громко насвистывая, она протянула мнѣ руку, худенькую, маленькую, какъ у ребенка... Я съ чувствомъ пожалъ ее.

II.

„Свистунъ!“ мысленно рѣшилъ я, возвращаясь въ свою комнату, и берясь за скрипку, — „самонительный нахаль, неучъ!“ продолжалъ я размышлять, — и что хорошаго нашла она въ немъ? Красоту, что ли? Да онъ и красивъ-то какъ-то нахально, и какъ ужъ должно быть носится съ своей фигурой!..

Съ энергіей принялся я пилить на скрипкѣ, стараясь отогнать отъ себя назойливыя думы о новыхъ жильцахъ, но это мнѣ не удавалось.

Оказывалось, что я только и думалъ, что о нихъ, и даже, Богъ вѣсть ужъ зачѣмъ, пытался разгадать въ какихъ они отношеніяхъ другъ къ другу, повѣнчаны ли или живутъ *такъ* (вѣрнѣе что *такъ*, являлось во мнѣ убѣжденіе), гдѣ онъ служить, чѣмъ занимается она, какъ они будутъ жить и пр. и пр.

Наконецъ, бросивъ скрипку, я повалился на кровать, закурилъ папиросу, и сталъ уже спеціально думать о нихъ.

Нужно сознаться, я былъ самолюбивъ и ревниво оберегалъ свою особу отъ всякихъ поводовъ не только къ оскорбленію, но даже къ намеку на оскорбленіе. И я рѣшилъ, что былъ оскорбленъ! Не то, что этотъ господинъ оскорбилъ меня какъ нибудь словами, — этого не было, но меня какъ-то коробило отъ всей его молодцоватой фигуры, мнѣ не нравилась его манера держаться и говорить, — небрежный, нѣсколько высокомерный тонъ, — не нравилось и то, что меня, чиновника, онъ принималъ за музыканта, — да еще, пожалуй, бродячаго, почему съ видимымъ презрѣніемъ отнесся къ моей игрѣ, а уходя, не протянулъ руки, не назвалъ ни себя, ни свою даму, и не спросилъ, какъ зовутъ меня. Да, я былъ оскорбленъ. Повторяю: я былъ ужасно самолюбивый молодой человекъ.

Хозяйка вернулась отъ обѣдни, и я сообщилъ ей о новыхъ жильцахъ. Тотчасъ же, по обыкновенію всѣхъ квартирныхъ хозяекъ стараго покроя, Василиса Макаровна страшно взволновалась, забѣгала и засуетилась. Желая показать „товаръ лицомъ“,

старуха спеціально откомандировала кухарку Оеклу въ пустую комнату, наказавъ вымыть и прибрать „все, какъ слѣдуетъ“.

Оекла долго возилась тамъ съ мочалкой, въ изобиліи лила воду, двигала мебелью, и наконецъ, торжественно пригласила Василису Макаровну произвести окончательный осмотръ. Оказалось, что Оекла, желая придать больше эффекта обстановкѣ, собрала всѣ стулья и кресла и устала ихъ въ тѣсный рядъ у одной стѣны, оставивъ другія три совершенно пустыми. Хозяйка всплеснула руками, и цѣлый потокъ брани полился на Оеклу.

Поднялась перепалка. Кричала Василиса Макаровна, не менѣе кричала и Оекла, утверждая, что „у настоящихъ господъ“ такъ всегда дѣлается, и видимо переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Въ такихъ отчаянныхъ случаяхъ Василиса Макаровна обыкновенно прибѣгала къ защитѣ жильцовъ, каковой, т. е. защитой, думала воспользоваться и теперь, пригласивъ меня войти въ комнату и вразумить „дурицу“ Оеклу.

Но я отказался наотрѣзъ, подъ предлогомъ головной боли и пошелъ прогуляться, въ сущности не имѣя къ тому ни малѣйшаго желанія. Мнѣ просто не хотѣлось присутствовать при переселеніи новыхъ жильцовъ.

Когда я вернулся, переселеніе уже совершилось, и въ комнатѣ новыхъ жильцовъ происходило благодушное чаепитіе совместно съ Василисой Макаровой, что я увидѣлъ черезъ полуотворенную дверь, проходя въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вошла Василиса Макаровна, раскраснѣвшаяся отъ чая, чрезвычайно довольная, даже веселая, и сообщила, что жильцы оказались прекрасными людьми, — „онъ хорошъ, — она еще лучше“, — что жалъ воть только, что они не вѣнчаны, но что это „ничего“, что „по нынѣшнимъ временамъ“ это „сущіе пустяки“, были бы „любовь да согласіе“, что, со временемъ, когда она, Василиса Макаровна, ознакомится съ жильцами покороче, можетъ быть никому иному, какъ ей же, „глупой старухѣ“, удастся обладать это дѣло, „окрутить голубчиковъ“, какъ уже это ей нѣсколько разъ и удавалось съ другими.

Въ заключеніе, какъ бы въ доказательство истинной порядочности жильцовъ, Василиса Макаровна сдѣлала самое главное и наиболѣе интересное сообщеніе: жилецъ, за вычетомъ задаточныхъ пяти рублей, уплатилъ и остальные девять!..

— Сейчасъ видать, что „жентильмень!“ восторгалась она.

Однако я нисколько не раздѣлялъ восторговъ Василисы Макаровны, даже наоборотъ, сдвинувъ брови и отвернувшись, выразилъ нѣкоторое неудовольствіе. Дѣло въ томъ, что въ данное время и по отношенію къ Василисѣ Макарьевнѣ, я никакъ не могъ считать себя тоже „жентильменомъ“, ибо, увы! числился у старухи въ маленькомъ должку.

Но Василиса Макаровна должно быть сообразила всю безтактность своего поступка, потому что тотчасъ же смолкла, и сунула мнѣ въ руки двѣ четвертушки гербовой бумаги.

— Пачпорты въ прописку даль! шепнула она. Прочти-ко, что тамъ обозначено, изъ какихъ онъ такихъ? А вотъ и ея, барышнинъ!

Я поднесъ къ лампѣ обѣ бумаги и прочелъ на первой: кронштадскій мѣщанинъ Иванъ Павловъ Крутковъ, а на второй: дочь коллежскаго регистратора, Анна Сергѣевна Протопопова.

— Ска-а-жите на милость!—тономъ величайшаго изумленія и какъ бы разочарованія произнесла Василиса Макаровна, — мѣ-ща-нинъ! Вотъ ужъ, можно сказать: никакъ не ожидала!... Какой деликатный, обходительный мущина! Ужъ не ошибся ли ты, батюшка? Чудеса! На-ко-сь, мѣщанинъ!

Я пустился объяснять старухѣ, что и мѣщане могутъ быть деликатными и образованными джентльменами, такъ какъ нынче люди, вышедшіе изъ податного сословія также получаютъ высшее образованіе.

Но Василисѣ Макаровнѣ очевидно хотѣлось, чтобы новый жилецъ принадлежалъ къ разряду лицъ привилегированныхъ, и она не сразу согласилась со мною.

Чтобы понять такое желаніе Василисы Макаровны, нужно знать, что въ своихъ безпрестанныхъ, мелкихъ стычкахъ съ дворниками, то по поводу дровъ, то изъ-за чердака, старуха, не надѣясь на свое вдовство и сиротство, и въ видахъ устрашенія грубаго люда, авторитетно пользовалась званіями своихъ жильцовъ, то обѣщалась пожаловаться жильцу-чиновнику, то угрожая жильцомъ-полковникомъ.

Оставила меня Василиса Макаровна далеко не въ томъ восторженномъ настроеніи духа, въ какомъ явилась, и ясно было, что ее не столь радовало приобрѣтеніе денежныхъ жильцовъ, сколько печалило то обстоятельство, что жилецъ оказался чловѣкомъ „грубаго званія“.

Что касается до меня, то и я, въ свою очередь, былъ какъ

бы нѣсколько взволнованъ появленіемъ въ квартирѣ новыхъ лицъ, а въ особенности молодой особы.

Потушивъ лампу, я забрался въ постель, хотя не было еще десяти часовъ. Но мнѣ хотѣлось въ темнотѣ помечтать, подуматъ...

Свѣтъ маленькой лампочки, постоянно горѣвшей въ передней, черезъ стеклянную раму вверху двери, широкой полосой проникалъ въ мою комнату и ложился на стѣну, вырисовывая изъ мрака одинъ только этотъ квадратъ. Всѣ въ квартирѣ угомонились,—было тихо. Со двора тоже не доносилось ни звука. Я лежалъ, устремивъ взглядъ на рисунокъ темныхъ, шоколадныхъ обоевъ съ изображеніемъ какихъ-то неестественныхъ цвѣтовъ, и думалъ, въ то же время невольно прислушиваясь къ тому, что происходило за стѣной, у новыхъ жильцовъ. Но звуки доходили слабо, и тихаго разговора, который они вели, почти не было слышно. Они еще пили чай, о чемъ можно было заключить по звону посуды и звяканью ложекъ. По временамъ булькала какая-то жидкость, вслѣдствіе чего у меня явилось предположеніе, что чай пьютъ (т. е. онъ пьеть) съ коньякомъ или ромомъ.

Наконецъ и эти звуки стихли. Я слышалъ какъ Фекла убрала самоваръ и посуду, и затѣмъ настала полнѣйшая тишина.

„Кто бы она могла быть?—раздумывалъ я,—по паспорту—дочь чиновника... И должно быть очень бѣднаго, многосемейнаго... Бѣдная дѣвушка! Такая еще молодая, неопытная... Ну, встрѣтилась гдѣ-нибудь съ г. Крутковымъ, поддалась соблазну, эффектной его виѣшности... Понравился! Да, вотъ есть же на свѣтѣ такіе счастливицы, которые такъ вотъ, ни за что ни про что, пользуются всѣмъ! для такихъ вотъ готовы на какія угодно жертвы... И за что? Просто, иногда, за то, что у нихъ вьющіеся волосы, красивые глаза, высокій ростъ. Объ внутреннихъ качествахъ даже не думаютъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, и случается, что разочаровываются, а потомъ гибнутъ. Такъ что же! За то живутъ, хоть мѣсяць, хоть нѣсколько дней живутъ,—какъ это говорится: „Хоть часъ,—да мой!“ Вотъ оно что!...

И кто же тутъ станеть соваться, разгадывать или, сохрани Богъ, предостерегать, что вотъ, дескать, смотрите, не ошибитесь, барышня, вѣдь вы еще цвѣтокъ, полевой нѣжный цвѣточекъ, вѣдь вы бури не вынесете, простого дуновенія вѣтра не вынесете, завянете вы, захирѣете, погибнете!..

„А вамъ“, скажутъ, „а вамъ-то какое дѣло, милостивый госу-

дарь, вы-то что тутъ? предостерегайте ту, которая возьмѣтъ глупость васъ полюбить, буде такая дура найдется, и оставьте въ покоѣ меня!“ И совершенно права будетъ, совершенно права! Даже, если хорошенько подумать, такъ это совсѣмъ немыслимая, совсѣмъ фантастическая вещь. Вѣдь это такъ только можно про себя, въ одиночку, въ темной комнатѣ, глядя на эти необычайные цвѣты на шоколадныхъ обояхъ, сочинять такіе необычайные разговоры, а въ жизни такихъ разговоровъ не бываетъ, совсѣмъ они и не мыслимы въ жизни! Вотъ оно что!..

Спѣшу оговориться, — я еще очень молодъ, и, если хотите, — несчастливъ. Несчастливъ, главнѣйшимъ образомъ оттого, что, съ большимъ самолюбіемъ и „большимъ“, — какъ мнѣ казалось, сердцемъ, я въ то же время обладаю по собственному убѣжденію самую nepозволенную физиономію...

Кто же послѣ этого станетъ сомнѣваться въ томъ, что въ душѣ моей инстинктивно зародилось что-то вродѣ непріязни къ г. Круткову?

III.

Я сталъ наблюдать. Свободное отъ службы время, — я посвятилъ, почти исключительно, изученію новыхъ жильцовъ.

Крутковъ уходилъ на службу съ утра, и возвращался вечеромъ, а иногда и поздно ночью. Анна Сергѣевна почти не показывалась изъ своей комнаты, откуда слышалось частое, съ короткими промежутками, стрекотанье швейной машины; иногда, какъ видѣнъе, промелькнетъ мимо открытыхъ дверей по корридолу, и только, бывало, и видишь ее. Крутковъ являлся обыкновенно около семи часовъ, всегда съ громомъ и стукомъ, внося съ собою въ ихъ молчаливую обитель приливъ необузданной шумливости.

Но выпадали, и довольно часто, вечера, когда Крутковъ не являлся. Эти вечера памятны мнѣ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя они во мнѣ оставляли.

Сидя въ своей комнатѣ, ждешь когда пробьетъ шесть часовъ, и уже начинаешь настораживать уши. Съ обычными перерывами, въ полнѣйшей тишинѣ, торопливо стучитъ швейная машина, но часовая стрѣлка постепенно приближается къ семи, и все замедленнѣе и вмѣстѣ какъ-то нервнѣе, лихорадочнѣе становится стукъ машины. А вотъ она и совсѣмъ смолкла.

По комнатѣ раздаются шаги; — Анна Сергѣевна тихо расхаживаетъ взадъ и впередъ, волнуемая ожиданіемъ. Чуть-чуть

скрипнула дверь. Это Анна Сергѣевна вышла въ корридоръ, а оттуда на лѣстницу, чтобы встрѣтить тамъ Круткова. Однажды, совершенно случайно, я засталъ ее блѣдную, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, свѣсившись черезъ перила. Она испуганно взглянула на меня, отпрянула отъ рѣшетки, и скрылась за дверью, прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить въ чемъ дѣло.

Но вотъ Анна Сергѣевна вернулась въ комнату, — я слышу ея шаги... Мнѣ кажется, я даже слышу какъ Анна Сергѣевна вздыхаетъ, — глубоко, мучительно, и я убѣжденъ, что все ея вниманіе, вся она сосредоточена теперь въ одномъ: придетъ ли онъ, или не придетъ?

Въ такихъ случаяхъ Крутковъ приходилъ обыкновенно поздно ночью, и должно быть значительно навеселѣ, судя по тому грохоту, который вслѣдъ за его приходомъ поднимался въ комнатѣ.

Разъ какъ-то я проснулся даже отъ шума, затѣяннаго имъ. Должно быть онъ лежалъ на полу и стучалъ по немъ плашмя руками и ногами, — такое по крайней мѣрѣ впечатлѣніе произвелъ на меня шумъ, исходившій изъ ихъ комнаты.

— Ваня, Ваня? слышался мнѣ ея испуганный голосъ, — Ваня, ради Бога, что съ тобой? Встань, Ваня!

— М...мал—чать! пьянымъ голосомъ кричалъ онъ, — чего тебѣ нужно? Напле-вать! Я у себя! У себя ли—я спрашиваю? Ну! Отвѣчай! Отвѣчай, говорятъ тебѣ!

Она что-то ему сказала, на что онъ возразилъ:

— Зн-нать не хоч-чу! хочу—пѣть буду! Вотъ!

И онъ запѣлъ фальшиво, пьянымъ голосомъ, акомпанируя себѣ ударами въ поль:

„Вотъ мы шли величаво, шли величаво,
Шли велича-а-а-во,—
Два Аякса вдругъ!“

Потомъ вскочилъ на ноги, и крикнулъ:

— Хоч-чу—плясать буду!

И дѣйствительно принялся, неуклюже тычась въ разныя стороны и роняя стулья, прыгать такъ, что даже у меня въ комнатѣ поль заходилъ ходуномъ, и стоявшій на столикѣ около графина стаканъ зазвонилъ объ него.

— Ваня! Голубчикъ, родной, дорогой мой, оставь, не нужно, не нужно это! умоляла она.

— Прочь! кричалъ онъ въ какомъ-то изступленіи, чего пристала! Ишь ты! Плевать мнѣ на всѣхъ!

„Чигиривки-чикъ чигири,
Комаривки—мухи комары!“

Едва, едва удалось ей уговорить его. Сколько самой трогательной любви, сколько нѣжной, совсѣмъ материнской ласки, сказывалось въ ея тихихъ мольбахъ, обращенныхъ къ нему!

Я слышалъ все, лежа на кровати, и чувство злобы давило мою грудь. Мнѣ было скверно, обидно и досадно за эту любящую женщину, за ея униженіе и безропотную покорность человѣку, который, по моему мнѣнію, недостойнъ былъ развязать шнурокъ у ея башмака.

Наконецъ Крутковъ уgomонился, не совсѣмъ, конечно, но все-таки настолько, что пересталъ бѣсноваться, а только болтала чухъ, которая приходитъ въ голову или черезчуръ ужъ пьяному, или сумасшедшему человѣку.

— Ъдятъ васъ мухи съ комарами! бормоталъ онъ (и дались же ему эти комары!) Нютка! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, и повторяю, и сто, тысячу разъ буду повторять! Я не хочу; понимаешь,—я, ну, ты понимаешь, что я не хочу. Чтобы этой чортовой машины не было! З-завтра, понимаешь, з-завтра чтобы ея не было! Къ чертямъ, къ свиньямъ! Ъдятъ васъ мухи!... Она мнѣ н-нервы измочалила! „Тукъ, тукъ!“ Она меня съ ума сведеть, чортова перечница!

Послышался стукъ, какъ бы происшедшій отъ вставанья, послѣдовала даже легкая борьба, и голосъ, полный слезъ и мольбы,—ея голосъ—заговорилъ:

— Ваня! Милый! Успокойся, лежи! Ну, хорошо, ну, хорошо, ну, не будетъ, не будетъ зав...завтра же!..

— Черти, анафемы! ругался онъ задыхавшимся, обезсиленнымъ голосомъ,—женскій грудъ, честный трудъ придумали! Ха!! Одинъ развратъ! Да! Что глаза выпучила, дура? Да, развратъ! Вы тамъ шьете разную чертовщину, разную дрянъ, на грошъ нашъеть, и бѣгаетъ по магазинамъ, съ прикащиками перемиги-вается... Еще сюда лѣзетъ аршинникъ, будто за заказомъ! Ха! Что? Не говори, молчи! Знаю, все знаю, спрашивалъ, говорили! Чудесно знаю! Да! Что? Реви, реви больше! Это мнѣ оч-чень пріятно!

Дѣйствительно, мнѣ послышались глухія, едва сдерживаемыя рыданія... Кажется, если бы только это не было верхомъ безразсудства или я былъ бы посмѣльѣе, что ли, я бы вскочилъ съ кровати, схватилъ свой увѣсистый графинъ, и вбѣжавъ къ нимъ въ комнату,—расколотилъ бы графинъ въ дребезги объ его го-

лову. А она? Она только плакала, тихо, боязливо, чтобы не было слышно другимъ.

Вмѣсто того, чтобы разбить графинъ объ голову Круткова, я дрожавшей рукой налилъ изъ него полный стаканъ воды и осушилъ залпомъ. Это было благоразумнѣе, да и полезнѣе въ томъ состояніи необычайнаго нервнаго возбужденія, въ какомъ я тогда находился.

Между тѣмъ Крутковъ сталъ стихать. Онъ еще бормоталъ что-то безсвязное, словно бредилъ или говорилъ съ просонокъ, потомъ умолкъ, но не надолго—и вдругъ заговорилъ совсѣмъ уже другимъ, трезвымъ, нѣсколько болѣзненнымъ, и даже, какъ мнѣ показалось, жалобнымъ голосомъ.

— Нюта, Нюточка! Проснись! звань онъ,—Нюточка, мнѣ ужасно скверно! Ахъ, голова, голова!

Я слышала, какъ она встала, засуетилась по комнатѣ, двигая ящичками комода, стала чѣмъ-то шуршать, наливать во что-то воду.

Освѣжившись стаканомъ воды, я забрался подъ одѣяло, и только что, какъ говорится, „сталъ заводить глаза“, какъ вдругъ дверь моей комнаты тихонько скрипнула, пріотворилась, и въ образовавшееся пространство просунулась сперва морщинистая рука съ ночникомъ, а за нею показалась характерная голова Василисы Макаровны, повязанная по ночному темнымъ платкомъ, съ двумя торчащими на темени изрядной величины рогулками.

— Спишь, что ли?—хриплымъ, соннымъ баскомъ спросила Василиса Макаровна, сдвинувъ брови въ суровую складку.

— Нѣтъ! А что? Войдите пожалуйста! Войдите!

Василиса Макаровна вошла. Она была въ кофть и въ шерстяной, вязаной юбкѣ; на босыхъ ногахъ красовались плісовые съ мѣховой опушкой „коты“, которые она, должно быть въ попыхахъ, надѣла прямо на босу ногу.

— Что-й-то за скандалъ?—спросила она, ставя ночникъ на столикъ, и дѣлая трагическій жестъ по направленію къ комнатѣ Круткова. Тѣнь отъ рогулекъ внушительно-грозно заколебалась на потолкѣ.

— Что у нихъ тутъ, драка, что ли была?

— Какая тамъ драка! Просто пьяный пришелъ, пошумѣлъ, покричалъ!.. отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, я этого не поз-во-лю! тономъ необычайнаго негодованія заговорила Василиса Макаровна, обращаясь прямо ко мнѣ, какъ будто я былъ настоящимъ ви-

новникомъ шума,—это не порядокъ! Что за безобразія! Ночью добрыхъ людей будить! Завтра же ему скажу! Такъ, молъ и такъ, какъ вамъ будетъ угодно, а этого у меня не полагается! У меня, сударь, не ночлежный, да нынче, вонь, и въ ночлежномъ шуму не допускаютъ. У меня благородные люди живутъ, не угловые какіе-нибудь! Что за стуки да крики въ полночь! Хочешь кричать, — ступай на улицу, тамъ, по крайности, въ участокъ заберутъ!

Такъ какъ голосъ Василисы Макаровны шель все *crescendo* и *crescendo*, да и сама она теперь говорила, обрѣтая лицомъ къ стѣнѣ, раздѣлявшей наши комнаты, я долженъ былъ, конечно, уразумѣть, что тирада эта цѣликомъ предназначалась моему сосѣду.

Но сосѣдъ только стоналъ, очевидно вовсе не внимая старушечьимъ репликамъ, которыя въ томъ же угрожающемъ тонѣ длились еще нѣсколько времени, пока не закончились уже прямымъ обращеніемъ ко мнѣ.

— Видишь ли, батюшка, значить моя правда была! воскликнула Василиса Макаровна, принимая ночникъ со стола, укоризненно качая головой и заставивъ при этомъ плясать на потолокъ свои внушительныя рогульки,—мѣщанинъ, такъ ужъ и есть мѣщанинъ... Эхъ, кому ты у меня комнату-то сдалъ! Грѣхъ тебѣ, батюшка, на душу большой грѣхъ!

И она медленно удалилась съ видомъ оскорбленнаго достоинства, мягко шаркая плисовыми „котами“ и потрясая рогулками.

IV.

Слѣдующій день былъ, —воскресенье.

Круговъ на службу не пошелъ, да если бы и долженъ былъ идти, то по всей вѣроятности не былъ бы въ состояніи, такъ какъ захворалъ окончательно. Я слышалъ его стоны, жалобы на головную боль, слышалъ, какъ ухаживала за нимъ и лечила его разными домашними снадобьями Анна Сергѣевна.

Мнѣ-то, конечно, не было до этого никакого дѣла, и будучи также свободнымъ въ этотъ день, я съ утра взялся за скрипку. Я испытывалъ какое-то угнетеніе духа, мнѣ было страшно скучно, и почему-то особенно тяжело переносить одиночество. Въ теченіи моей холостой жизни, кажется, я долженъ былъ бы привыкнуть и къ тишинѣ, вѣчно господствовавшей въ моей комнатѣ, и къ угрюмымъ стѣнамъ шоколаднаго цвѣта нѣсколько лѣтъ подрядъ молчаливо глядѣвшимъ на меня, и къ прокуренному, стоячему воздуху, рѣдко когда освѣжавшемуся чѣмъ-нибудь

вторженіемъ,—словомъ ко всѣмъ, незамѣтнымъ непривычному глазу, но пріѣвшимъ до тошноты мелочамъ обстановки холостого жилья,—и однако въ этотъ день все меня раздражало, злило, все навѣвало на душу невыносимую хандру.

„Вонъ тамъ“, думалось мнѣ,—„стонетъ и жалуется человѣкъ, окруженный заботами и попеченіями любящей женщины, и, я думаю, какъ бы ни сильны были его страданія, — ему легче ихъ переносить чѣмъ мнѣ мое одиночество! И что такое какая-нибудь временная головная боль, которая пройдетъ и тотчасъ же забудется, въ сравненіи съ той душевной болью, которая никогда не проходитъ, никогда не забывается!“ И кто же, кто облегчить эту боль, кто приметъ участіе въ судьбѣ одинокаго человѣка, бросить ему хоть бы изъ жалости ласковое слово? Никто! Вѣдь не Богъ знаетъ, чего ожидаешь, чего требуешь, и не требуешь даже вовсе, потому что не чувствуешь за собою права требовать, — а такъ, просто желаешь, чтобы только кто-нибудь принялъ самое крохотное участіе въ твоей судьбѣ, вошелъ бы въ твою мрачную, прокопченную комнату, положилъ руку на плечо, и сказалъ бы хоть эти простыя слова: „тебѣ грустно, ты одинокъ? Полно, утѣшься, я побуду съ тобою!“ Такъ нѣтъ же, и этого даже не будетъ! Никто не войдетъ,—какая кому въ этомъ нужда,—никто не скажетъ ласковаго слова, и останешься ты одинъ!

Есть у тебя только одинъ другъ, вѣрный, нелицемѣрный, вотъ онъ, этотъ самый другъ, которому беззавѣтно вѣряться ты всѣ свои одинокія маленькія радости и печали.

Онъ не безмолвень, твой другъ, о нѣтъ, не безмолвень! Въ скорбныхъ звукахъ отвѣчаетъ онъ на твои скорбныя рѣчи, и плачетъ, плачетъ вмѣстѣ съ тобою!

Я тихо водилъ смычкомъ по струнамъ скрипки, и плакалъ дѣйствительно... Смѣшно вспомнить теперь обо всемъ этомъ, но въ то время и слезы и думы мои были не безосновательны, и служили какъ бы непосредственнымъ выраженіемъ того, что затхлое чиновничество не успѣло еще окончательно засосать меня.

Чувствительная игра моя была прервана появленіемъ Василисы Макаровны, торжественно внесшей кусокъ пирога съ капустой. Это была обычная, воскресная дань уваженія къ жильцамъ, не только столовавшимъ у Василисы Макаровны, но даже и къ тѣмъ, которые не обѣдали дома.

Приношеніе свое Василиса Макаровна сопровождала постоянно одной и той же фразой: „отвѣдай, батюшка, моего пе-

ченья, — не знаю ужъ удался ли?“ и горе было тому вольнодумцу, который подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ отказывался отвѣдать всегда неизмѣнно прекрасно приготовленнаго пирога. Василиса Макаровна тотчасъ же зачисляла его въ разрядъ непокорныхъ и принималась съ чисто женскою страстностью, донимать виновника такими мелочными, булавочными уколами, — несмѣтное количество которыхъ имѣется всегда, въ достаточномъ запасѣ у всякой женщины, — что провинившемуся ничего не оставалось дѣлать, какъ, по возможности, скорѣе отрясти прахъ отъ ногъ своихъ.

Исключеніе составлялъ полковникъ Аркебузовъ, хилый, семидесятилѣтній старикашка, прострѣленный насквозь, страдавшій какими-то необыкновенными желудочными болями, и питавшійся исключительно однимъ куринымъ бульономъ. Надо думать, что въ тѣ архаическія времена, когда полковникъ впервые основалъ свою резиденцію у Василисы Макаровны, ему пришлось выдерживать, изъ-за рокового пирога, не мало битвъ и генеральныхъ сраженій, пока Василиса Макаровна не снизошла-таки къ его немощамъ и не оставила его въ покоѣ; но за то теперь храбрый вояка вполнѣ заслуженно пользовался плодами своихъ побѣдъ, и въ то время, когда всѣ по воскресеньямъ, рискуя испортить пищевареніе, начинали себя жирнымъ пирогомъ, полковникъ могъ невозбранно наслаждаться куринымъ бульономъ, вдобавокъ еще приготовленнымъ руками самой высокопочтенной хозяйки.

Сказавши свою обычную фразу, и поставивъ тарелку съ пирогомъ на столъ, Василиса Макаровна опустила на ближайшій стулъ, подперла щеку рукой и внимательно прослушала окончаніе игры.

— Хорошо! — одобрила она; — сдается мнѣ, что ты шибко навострился. Молодецъ! Одно вотъ только у тебя не хорошо выходитъ...

— Что же такое? — съ волненіемъ спросилъ я, весьма ревниво относясь къ оцѣнкѣ моей игры.

— Скрипъ у тебя этотъ больно ужъ не хорошъ!

— Какой же этотъ скрипъ, Василиса Макаровна? — спросилъ я, уже окончательно встревоженный.

— Да такой! Играешь, играешь, — все ничего, все гладко выходитъ; да вдругъ и заскрипишь, ровно чижикъ.

— Господь съ вами, Василиса Макаровна, — обидѣлся я, — этого у меня никогда не бываетъ!

— Бываетъ, бываетъ! — съ горячностью вскричала она, —

самому-то тебѣ, можетъ, и ни къ чему, потому игрой занять, не замѣчаешь, а со стороны-то оно и видно!

Замѣчаніе Василисы Макаровны повергло меня въ немалое уныніе, но она тотчасъ же посѣщила меня утѣшить:

— Ты не тужи, разыграешься! Въ прошломъ году куда хуже игралъ, просто можно сказать душу выворачивалъ,—я ужъ, грѣшная, собиралась тебѣ отъ комнаты отказать! Покушай-ко, вотъ, пирожка, предложила она,—изъ печи-то давно ужъ вынула, боюсь, чтобы не остыла! Я и имъ по кусочку снесла,—прибавила она, ткнувъ пальцемъ по направленію къ комнатѣ Круткова.

Признаюсь, я вытаращила глаза. Вилка съ кускомъ пирога такъ и остановилась на половинѣ дороги.

— Чего ты? вскинулась на меня Василиса Макаровна, ты думалъ мы въ ссорѣ, изъ-за вчерашняго? Э, батюшка, да мы ужъ помирились!

— Когда же это? спросилъ я, все еще ничего не понимая.

— Сегодня утромъ! съ достоинствомъ отвѣчала Василиса Макаровна,—первая пришла ко мнѣ, стала извиняться: „никогда, говорить, больше шуму не будетъ“, просила и передъ тобой извиниться... Очень деликатная дѣвица, и образованная, говорить такъ гладко, вразумительно такъ говорить! „Вы“, говорить, „уже извините его, человѣкъ онъ молодой, съ пріятелями закружился, увлекся, выпилъ лишнее. „Только этого“, — говорить, „съ нимъ никогда больше не случится“,—это ужъ такъ, грѣху быть, за это, говорить, онъ и наказанъ, голова у него сегодня ужасно болитъ, совсѣмъ расхворался! „Нѣтъ ли,—говорить,—у васъ, между прочимъ, горчицы, я ему горчишникъ хочу поставить, чтобы отъ головы оттянуло!“ Ну, я ее успокоила, обласкала, „что же“,—говорю,—„дѣлать, это, иногда, бываетъ, это ужъ молодежь такая неосторожная, и въ наше время случалось, да еще какъ, а передъ Павломъ Ивановичемъ я извинюсь, онъ тоже человѣкъ молодой, и хоть непыющій, а понять-то все-таки пойметъ“. Дала я ей горчицы, и очень-очень она меня благодарила.—„Дай“,—думаю послѣ, „зайду провѣдать больного, что это съ нимъ такое приключилось“. Захожу, это, сидитъ онъ и вылитый, я тебѣ скажу, башибузукъ,—вотъ что въ этихъ, какъ ихъ, иллюстраціяхъ-то рисовали,—на головѣ мокрое полотенце навертено, весь горчицей обложенъ, глаза красные, дикіе такіе, раскосые,—видать, что хлѣбнулъ вчерась порядочно! За пирожокъ поблагодарилъ, а „ѣсть“, говорить, покуда, ничего не могу, и тоже

извиняться сталъ, только, знаешь, больше въ шутиливомъ такомъ видѣ, — „я“, говорить, „вчера немножко покуралесиль, пошумѣлъ, ну да былъ молодцу не укорь“. А она сидитъ, да все глядитъ на него, все улыбается: засмѣется онъ, и она засмѣется, взглянетъ куда въ сторону, она ужъ глазами такъ и зоритъ, такъ и ищетъ, чего ему требуется, чтобы подать, чтобы самъ не вставалъ, не беспокоился. А онъ, ровно турка, сидитъ себѣ на диванѣ, подушки это кругомъ, и сзади, и съ боковъ, на столѣ всякія снадобья, и адикалонъ, и спиртъ какой-то, понюхала я съ дуру, такъ у меня ажъ въ глазахъ позеленѣло!

— Что же, она такъ сильно любитъ его? спросилъ я.

— Любить? Обожаютъ! Души въ немъ не слышитъ! Да вѣдь и то сказать: молода еще, отчего не любить! Мущина онъ красивый, ростъ одинъ чего стоитъ... Волосы у него очень замѣчательные...

— Такъ вы, Василиса Макаровна, полагаете, что можно любить человѣка за одинъ ростъ и волосы? — съ ядовитостью въ тонѣ спросилъ я.

— И глупъ же ты, батюшка, какъ я погляжу! — напрямикъ отрѣзала Василиса Макаровна, — тоже книжки какія-то читаешь... Э-эхъ! Будто не знаешь, что всякъ молодецъ на свой образецъ, всякая дура по своему скачетъ. Одной ростъ нравится, другой рожу смазливую подавай, третья на слова льстится... Я-то почему знаю? Ужъ чѣмъ ни на есть онъ ей приглянулся!.. Я вотъ хоть про себѣ скажу. Покойнаго-то своего мужа я за что больше любила, знаешь ли ты? Сказать, — такъ разсмѣешься! За чистоту да аккуратность! Да! Покойничекъ, бывало, ни за что на полъ не плюнетъ, хвораль, сердечный, такъ и то плевательницу у кровати приказывалъ ставить. Какъ курить бывало, ни за что пепель на полъ не сбросить. И такъ это мнѣ нравилось, такъ нравилось, что сказать не могу! Это то, вошь, я какъ половнику по недѣлямъ не эхажу, — самъ глупый старичишка! Суть свой отъѣсть, да въ тарелку изъ тубки пеплу навалить; на столѣ пепель, на окнѣ пепель, на полу пепель, — тѣфу, грязнуха какой! Я и за тобой иногда замѣчаю, куришь да окурокъ за печку — шваркъ! или въ цвѣты затискаешь, есть за тобой эта повадка! внушительно погрозила мнѣ пальцемъ Василиса Макаровна, и, принявъ пустую тарелку, удалилась за дверь.

А я снова взялся за скрипку. Но мысли мои были далеки и по прежнему мучилъ меня одинъ и тотъ же, наболѣвшій какъ старая рана, — вопросъ. „Да, любовь дѣйствительно слѣпа!“

разсуждалъ я, — сердце не нуждается ни въ совѣтахъ, ни въ указаніяхъ, и человекъ, за одинъ мигъ, можетъ быть даже призрачнаго счастья, готовъ, иногда, заплатить цѣною жизни! И все-таки любить, и все-таки счастливы, хоть эту минуту счастливы, а ты, вотъ, не зналъ даже и такихъ минутъ, да можетъ быть и не узнаешь никогда, и скоротаешь свой вѣкъ одинокимъ, угрюмымъ, чуждымъ всему міру холостякомъ!“

Я слонялся по комнатѣ изъ угла въ уголь, терзаясь и бѣсясь Богъ знаетъ на кого и за что, и не выдержавъ, наконецъ, этой пытки, одѣлся и вышелъ на улицу, въ надеждѣ хоть тамъ найти себѣ успокоеніе...

Стоялъ прекрасный, морозный день. Лучи солнца ослѣпляли глаза; изъ множества трубъ къ безоблачному, бирюзовому небу подымался розоватый дымокъ. По скрипучему, серебристому снѣгу скользили „собственные“ экипажи, и даже „ваньки“ на своихъ тощихъ лошаденкахъ старались не ударить въ грязь лицомъ, по хорошей погодкѣ. По тротуарамъ, густыми рядами, прохаживалась разодѣтая, праздничная публика.

На морозномъ, чистомъ воздухѣ дышалось легко. Въ трактирахъ, куда я время отъ времени заходилъ, чтобы выпить бутылку пива, — негдѣ было присѣсть. Все было биткомъ набито народомъ, какими-то прикащиками, артельщиками, писарями съ ихъ любовницами, женами и даже дѣтьми. Вся эта публика шла водку, пиво, чай, жевала бутерброды, галдѣла, смѣялась, и въ провозгломъ, насыщенномъ спиртными испареніями, воздухѣ слушала игру на органахъ, — словомъ, находилась въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Одинъ я былъ всему этому чуждъ, одинъ я сновалъ какъ мрачная тѣнь, не находя ни мѣста, ни развлеченія. Случилось какъ разъ на оборотъ тому, на что я рассчитывалъ, выйдя „освѣжиться“ на улицу, — всѣ эти ликующія толпы народа, въ большинствѣ случаевъ навеселѣ, или даже пьянаго, только обозляли меня своимъ благодушіемъ. И однако я имѣлъ глупость или терпѣніе, — а можетъ быть и то и другое вмѣстѣ, — пропататься до вечера, когда количество веселаго народа увеличилось вдвое, — то и дѣло, стали попадаться совершенно уже пьяные, а въ мѣстахъ глухихъ и плохо освѣщенныхъ раздавались брань, крики, и воззванія къ „городовому“.

Такъ кончился праздничный день. Ну и Богъ съ нимъ! Ничего праздничнаго не внесъ онъ въ мое существованіе, и вошелъ я къ себѣ, въ квартиру, такимъ же, какимъ выходилъ.

V.

Когда я вернулся, въ квартирѣ нашей замѣтно было большее оживленіе. Двери почему-то были не на крюкѣ, какъ-то особенно ярко горѣла лампочка въ передней, и висѣли двѣ шубы, не принадлежавшія обитателямъ квартиры. Тутъ же въ передней налетѣла на меня, обремененная свертками и бутылками, тяжело дышавшая, какъ бы обезумѣвшая Эекла и взволнованнымъ, задышавшимся голосомъ сообщила, что у „новаго жильца“ гости, и что она „просто съ ногъ сбилась“, услуживая имъ.

Въ присутствіи гостей, и довольно шумливыхъ, я убѣдился тотчасъ же, какъ вошелъ въ свою комнату. Черезъ перегородку доносился смѣшанный гулъ рѣчей, звонъ посуды, хлопали пробки, стрекоталъ чей-то женскій голосъ. Но голосъ Круткова покрывалъ все.

— Господа! кричалъ онъ, — господа, послушайте!.. Такъ нельзя, нужно чтобы кто-нибудь одинъ говорилъ!.. Что такое? А! принесла? Отлично! Поставь тутъ, вотъ такъ! Да умѣешь ли ты откупорить? Пусти, я самъ!

Хлопнула пробка, и въ наступившей тишинѣ послышался голосъ Анны Сергѣевны.

— Ваня! Зачѣмъ ты это? Опять будетъ голова болѣть!

— Какой вздоръ! раздраженно воскликнулъ Крутковъ, — это-то и поправляетъ! Представьте, — началъ онъ рассказывать гостямъ, — я сегодня цѣлый день просидѣлъ пень пнемъ, голова трещала невыносимо! Она вотъ лечила меня — и никакого толку! Ни-ни! Престо огненные круги въ глазахъ! Ну заснулъ немного, какъ будто легче стало, а теперь вышилъ, — и какъ рукой!

— Это всегда! Самое лучшее средство! раздался чей-то басъ! — клинъ клиномъ!

— Именно, именно! вскричалъ Крутковъ, — такъ вотъ по этому случаю... Не мѣшай, пожалуйста! Гдѣ вашъ стаканъ? Барынька, а вамъ? Такъ слушайте же наконецъ! Вотъ у меня какое предложеніе: кто-нибудь изъ насъ отправляется за тройкой.

— Тройка! Ахъ какая прелесть! взвизгнулъ женскій голосъ, и раздались апплодисменты.

— Да слушайте же, слушайте! кричалъ хозяинъ, — мы катнемъ сперва на острова, объѣдемъ весь этотъ кругъ, а тамъ... въ Аркадію! Согласны?

— Великолѣпно! крикнулъ басъ.

— Послушайте! взвизгнулъ опять женскій голосъ, — вы такъ

милы, так милы, что я не знаю... я бы вась вотъ при всѣхъ поцѣловала!

— Сдѣлайте одолженіе! воскликнулъ Крутковъ, — я увѣренъ — Нюта не будетъ въ претензіи! Вѣдь не будешь, Нюта?

Я не разслышалъ отвѣта.

— Ну такъ какъ же, въ самомъ дѣлѣ, господа? Кто же отправляется? воскликнулъ Крутковъ.

Оказалось, что ни у кого не было желанія идти нанимать тройку.

— А, если такъ, господа, то на узелки! предложилъ хозяинъ.

— Ахъ, какъ это мило, какъ забавно! восклицала женскій голосъ.

— Тяните! приказывалъ хозяинъ, — и вдругъ неудержимо расхохотался: „вотъ такъ, такъ, вотъ такъ ловлю! Что, попался, голубчикъ! А, каково? Самому лѣнивому пришлось! Ну, Илюша, ступай, братъ, нечего дѣлать!

Илюша что-то ворчалъ недовольнымъ тономъ.

— Нечего, нечего! Одѣвай свой колпачекъ—и маршъ! трюнилъ надъ нимъ хозяинъ,—да смотри, торгуйся, много не давай! Ха, ха, ха! Вотъ оиъ перстъ-то судьбы! Ну, ну, подымай свои тѣлеса! А что, господа, не смилостивиться ли надъ нимъ, не дать ли на дорожку стаканчикъ краснаго? Смотри же, Илюша, не задерживай, чтобы черезъ полчаса ты былъ тутъ! Пей! Или постой, не хочешь ли коньяку? Нѣтъ? Ну, отлично, ступай! Слышишь, черезъ полчаса! Мы ждемъ! тараторилъ Крутковъ, выпроваживая гостя.

По уходѣ „Илюши“ не надолго наступила тишина, прерываемая хлопаньемъ пробокъ и бульканьемъ жидкости. Крутковъ рассказывалъ вчерашнія похождения. Упоминались обѣды у Палкина, маскарадъ въ благородномъ собраніи, и что было затѣмъ, и какъ это было весело и непринужденно, а главное, — непринужденно.

— Слишкомъ даже, кажется, непринужденно! замѣтила Анна Сергѣевна, — кой о чемъ, полагаю, ты бы могъ умолчать.

— Вотъ пустяки! воскликнулъ хозяинъ, — чего тамъ умалчивать? Тебѣ должно быть извѣстно, что я человекъ откровенный. Не нравится слушать, — не слушай, кто неволить! Послушайте, барынька, тамъ была одна маска...

— Вы—шалунъ! взвизгнула гостя, и залилась звонкимъ хохотомъ.

— Нѣтъ, да вы послушайте! — взывалъ ужъ нѣсколько пьяный голосъ хозяина. — Нютѣ, я этого не скажу, Нютѣ гово-

рять не слѣдуетъ, а вамъ мнѣ ужасно хочется... Послушайте! Да куда же вы?

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричала гостья,—не хочу и слушать! Я уши заткну! Крутковъ, оставьте мои руки! Крутковъ! Нюта, да что же это? Заступись! Нюта, ай, ай!

Началась возня. Задвигались стулья, бутылка слетѣла со стола и разбилась... Неизвѣстно, до чего бы все это дошло, если бы голосъ ввалившася въ комнату Илюши не прекратилъ возню!

— Эй, вы, американцы!—хриплымъ басомъ крикнулъ вошедшій,—тройка у подъезда! Ванька, это ты что? Ахъ, канальство! Хорошъ другъ!

Все стихло, но опять не надолго. Началась ходьба, сборы къ отъѣзду. Рѣзкій, какой-то звенящій, голосъ гостья запѣлъ:

„Ванька парень былъ пригожій
„Не дурень собой...“

— „А Матрена!“... рявкнулъ басъ, но кто-то тотчасъ же зажалъ ему ротъ, и онъ словно захлебнулся. Но зато все уже общество, за исключеніемъ Анны Сергѣевны, стало подпѣвать:

„Ванька, Ванька, Ванька, Ванька,
„Ванька не шали!“

Кто-то даже началъ подплясывать.

— Ну, ну, нечего вамъ!—раздался повелительный голосъ Круткова, —ѣхать такъ ѣхать! Еще по одной на дорожку, и маршъ!

Гости повалили въ прихожую, стали отыскивать шубы, калоши, шумѣтъ, смѣяться. Въ комнатѣ Круткова наступила тишина.

— Ваня!—послышался голосъ Анны Сергѣевны,—мнѣ не хочется ѣхать, я останусь!

— Что за вздоръ! Вдемъ всѣ! отвѣчалъ Крутковъ.

— Нездоровится мнѣ что-то!

— Пустяки! Тутъ накурено! На воздухъ пройдетъ!

— Нѣтъ, я положительно не поѣду!

— А я тебѣ положительно приказываю ѣхать! Пожалуйста—Нюта, не дури! Выбрось изъ головы эту фантасмагорію. Я не понимаю, какая муха тебя укусила? Ну, что же, что такое?

— Мнѣ не нравится твое обращеніе съ... этой!

— Ха-ха-ха! Вотъ оно что! Ревность! Сцены ревности! Ну этимъ мы можемъ заняться въ болѣе удобное время! Поѣдемъ!

— Ваня!

— Такъ вотъ же тебѣ! Я поѣду одинъ! Лучше это будетъ! Я тебя спрашиваю: лучше будетъ?

— Чего вы тут милуетесь?—послышался сильный голос Илюши, — не нацѣловались еще? Не надоѣло?

— Сейчас, сейчас, — отвѣчали Крутковъ, — помогу только Нютѣ одѣться! Ну, живѣй пожалуйста! Гдѣ твой платокъ? Калоши надѣла? Отлично! Вотъ и мы! — раздался его голосъ въ передней.

Всѣ гурьбой вышли на лѣстницу. Дверь хлопнула, со звономъ упалъ крюкъ. Фекла шумно прошла въ кухню, испустивъ глубокий вздохъ. Настала тишина. Вотъ изъ кухни доносится отдаленное брянчанье посуды; это Фекла принялась мыть ножи и тарелки, и въ душѣ, должно быть, порядкомъ поругиваетъ Круткова съ его гостями.

Василисы Макаровны дома нѣтъ. Съ утра еще отправилась въ гости къ невѣсткѣ, сидитъ, надо полагать, теперь въ маленькой, жарко натопленной комнатѣ, и ведетъ интересную и поучительную бесѣду о вчерашнемъ снѣ, о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, о насъ, своихъ жильцахъ.

Странно! Василиса Макаровна, кажется, женщина немолодая, сырая, тяжелая на подъемъ, ко всевозможнымъ вопросамъ совершенно равнодушная, а тоже ищетъ развлеченій, общества, тоже хочетъ людскую рѣчь послушать и свое живое слово сказать. Какъ будто ужъ это такъ нужно, какъ будто безъ этого жить не можетъ человѣкъ?

Должно быть, что такъ! А вотъ мнѣ, такъ и съ людьми и безъ людей одинаково тоскливо. Въ это воскресенье мнѣ почему-то было ужъ очень тяжело, — меня давило тупое, безисходное одиночество. И однако, во мнѣ не было ни малѣйшаго желанія, ни развлечься, ни даже просто видѣть людей. Всѣ они мнѣ были противны, я просто ненавиждѣлъ ихъ въ эти тяжелыя для меня минуты. За что ненавиждѣлъ, — я понять не могъ самъ, — просто, должно быть, за то, что они люди какъ люди, не такіе какъ я.

О, какъ хотѣлось бы мнѣ иногда быть такимъ, какъ другіе!

Я хандрить самымъ настоящимъ образомъ, запершись даже на ключъ въ своей комнатѣ, лежа на кровати, и безпощадно истребляя папиросу за папиросой. Маленькая комнатка наполнилась дымомъ, въ которомъ слабо мерцалъ огонь лампы. Отъ нечего дѣлать я наблюдалъ, какъ клубы дыма медленно разстилались въ неподвижномъ воздухѣ... Вотъ, чуть замѣтно колеблясь и расширяясь все болѣе и болѣе, стелется одна широкая, густая полоса дыма; вотъ она начинаетъ медленно, постепенно рѣ-

дѣтъ, становится прозрачной подобно паутинѣ, но вдругъ густыми комками въ нее врывается новый клубъ дыма, производитъ переполохъ, движеніе частицъ то вверхъ, то внизъ, то въ сторону, и затѣмъ въ свою очередь постепенно превращается въ длинную, неподвижно повисшую въ воздухѣ полосу...

Я должно быть вздремнулъ или забылся, не знаю уже хорошо ли, только сквозь голубоватые очертанія дымныхъ полосъ, мнѣ представились такъ правдиво, такъ ясно лица и сцены изъ моего дѣтства. Ахъ, какое нехорошее это было дѣтство! Я видѣлъ себя маленькимъ, забитымъ, вѣчно грязнымъ, оборваннымъ созданіемъ, бѣгавшимъ безъ призора по заднимъ дворамъ и ослизлымъ, сырымъ петербургскимъ лѣстницамъ, съ единственнымъ желаніемъ, какъ бы только поѣсть, съ единственною мечтой, какъ бы только кто нибудь сжалился надо мной, и накормилъ хоть объѣдками. Ради этого я кривлялся, корчилъ шута, подличалъ передъ кухарками, и часто, тщетно испробовавъ всѣ средства, — красть, — урывками, съ наскоку, какъ крадетъ изголодавшійся пестъ.

Своего я никогда ничего не носилъ: все, что только изъ одежды и обуви появлялось на мнѣ, были обноски, которые за негодностью мнѣ дарили на бѣдность. Поэтому случалось, что на мнѣ не было рубашки, и я прямо на голое тѣло надѣвалъ истрепанную, но тѣмъ не менѣе франтовскую, бархатную куртку съ бранденбурами, потускнѣвшими позументами и разными другими фантифлюшками, сброшенную съ плечъ какого-нибудь барченка, котораго я, въ тотъ же день, при первой возможности, колотилъ.

И я былъ битъ, и неоднократно. Можно сказать, что я постоянно былъ избиваемъ за кражи, за драки съ другими мальчишками, за произнесеніе скверныхъ словъ и разныя пакости, на которыя я былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ. Били меня всегда чужіе, и ужъ конечно не жалѣли ни моихъ волосъ, ни ушей, ни боковъ, но зато считали своей непремѣнной обязанностью благодѣтельствовать. Какой фальшью, какимъ отвратительнымъ фарисействомъ сопровождались ихъ благодѣянія, — достаточно сказать, что я, ребенокъ, понималъ уже это!

Отца я помню смутно, собственно одинъ разъ: когда мнѣ было что-то около шести лѣтъ, я увидѣлъ отца лежащимъ на кровати за занавѣской. Онъ кашлялъ, стоналъ, и когда замѣтилъ меня, то взглянулъ такими страшными, лихорадочно-

блестѣвыми глазами, что этотъ взглядъ до сихъ поръ сохранился въ моей памяти. Затѣмъ, отецъ какъ-то совершенно исчезаетъ изъ моихъ воспоминаній, оставивъ въ нихъ только какую-то страстную, болѣзненную любовь къ себѣ. Объяснить это можно тѣмъ, что онъ очень скоро умеръ. Я помню, что мать часто съ бранью и проклятіями вспоминала о немъ, какъ о человѣкѣ, - который народилъ дѣтей (всѣ мои братья и сестры впоследствии очень скоро примерли), расплодилъ нищихъ, и будучи мелкимъ чиновникомъ, не выслуживъ пенсіи, оставилъ по смерти семью безъ гроша денегъ.

Мать моя... Но нѣтъ, лучше не будить тяжелыхъ воспоминаній о ней, я не любилъ ее! И какъ я тогда не былъ маль, но во мнѣ уже существовали глубокія чувства вражды и пріязни.

Шести лѣтъ я смотрѣлъ и поступалъ какъ десятилѣтній: я отлично научился хитрить, скрывать свои цѣли и намѣренія, прикидываться, лгать. Всему этому научила меня улица, — и передо мной уже открывался торный путь заброшеннаго ребенка, — путь въ колонію малолѣтнихъ преступниковъ, если бы не какой-то господинъ, помѣстившій меня въ пріютъ. О, съ какимъ восторгомъ благодарности я пожалъ бы теперь его руку, и слезами облилъ бы ее, если бы зналъ его имя! Но онъ такъ и остался мнѣ неизвѣстенъ.

О пріютахъ говорили и говорятъ много дурного. Пусть такъ, можетъ быть въ этихъ обвиненіяхъ и есть частичка правды, я не знаю, и даже знать не хочу, потому что тамъ, куда меня приняли, меня очистили отъ цѣлага нароста грязи, меня, нагого, одѣли и обули, отъучили отъ дурныхъ привычекъ и научили грамотѣ, а главное дали возможность поступить въ одно, тоже благотворительное, средне-образовательное заведеніе.

Помню, съ какимъ восторгомъ я, прежде грязный, уличный, забитый мальчишка, черезъ нѣсколько лѣтъ увидѣлъ себя въ мундирчикѣ. Я тогда же далъ себѣ слово съ честью носить его, быть его достойнымъ, и сдержалъ свое слово, съ энергіей преодолевая всѣ трудности ученія. Занятія въ классахъ не мѣшали мнѣ иногда, на досугѣ, читать. Я полюбилъ чтеніе, пристрастился къ нему; книга, какая бы она ни была, становилась для меня дороже всего, дѣлалась моимъ другомъ!...

И вотъ, я окончилъ курсъ, „вышелъ на дорогу“, другими словами — поступилъ въ чиновники, но такъ или иначе пересталъ быть паріемъ между людьми.

Чиновничьи семьи стали смотрѣть на меня какъ на жениха, и даже не безвыгоднаго: молодой человекъ, тихаго нрава, не пьющій, можетъ сдѣлать хорошую каррьеру. Меня стали звать на вечеринки, навязываться на знакомства, — я туго поддавался на приглашенія, былъ нелюдимъ, хотъ вовсе не по натурѣ, а скорѣе въ силу полученнаго воспитанія въ закрытомъ заведеніи. Съ трудомъ и большой осторожностью сходилъ я съ людьми, и въ этомъ, какъ знать, можетъ быть сказывались также впечатлѣнія забитаго дѣтства. Даже теперь, порою, я ощущаю страхъ, чтобы люди чего-нибудь не сдѣлали мнѣ худого, а въ то время этотъ страхъ доходилъ до того, что я положительно всѣхъ избѣгалъ, въ каждомъ подозрѣвая врага.

Я избѣгалъ и боялся также женщинъ, но уже совсѣмъ по другой причинѣ: мнѣ, съ моими медвѣжьими, неуклюжими манерами, съ моимъ неумѣніемъ ни ступить, ни заговорить, изъ самолюбія не хотѣлось быть смѣшнымъ, не хотѣлось ударить лицомъ въ грязь; и въ то же время я по опыту зналъ, что стоить мнѣ только заговорить съ какой-нибудь барышней, такъ я сейчасъ же и надѣлаю неловкостей, и осрамлюсь. Я краснѣлъ и заминался, говорилъ не впопадъ, не то, что слѣдовало, не то, что думалъ даже; выходило глупо, смѣшно, надъ чѣмъ я самъ потомъ смѣялся, но въ то время самолюбіе мое страдало, и я бѣжалъ женскаго общества.

А между тѣмъ, въ моемъ отчужденіи отъ всѣхъ, оно мнѣ было такъ желательно! Такъ жаждалъ я ласковаго женскаго слова, привѣта, улыбки!

Я лежалъ, курилъ, и мучился, томимый размышленіями.

Въ этотъ безконечный вечеръ я только и дѣлалъ, что разбиралъ самого себя, „самоѣдствовалъ“, какъ кротъ въ землѣ копошился въ собственномъ „я“, и приходилъ къ выводамъ одинъ другого безотраднѣе. Послѣдній выводъ былъ тотъ, что я полнѣйшее ничтожество, и вмѣстѣ страшный себялюбецъ, самомнительный себялюбецъ, привыкшій интересоваться только самимъ собою, знать и любить только одного себя. Отчего нѣтъ во мнѣ къ людямъ ни любви, ни прощенія? Отчего, напримѣръ, я сразу, ни съ того, ни съ сего, не влюбилъ Круткова? Какіе проступки совершилъ онъ? Напился пьянъ? Господи, да развѣ это преступленіе, развѣ этого не дѣлають тысячи, сотни тысячъ людей, и изъ нихъ не мало вполне порядочныхъ. Пьяный ломался надъ Анной Сергѣевной? Да я-то тутъ

что за судья, мнѣ-то что за дѣло? Что я ей братъ, что ли? Наконецъ, развѣ мнѣ извѣстно, что за особа сама Анна Сергѣевна, то есть доподлинно ли мнѣ это извѣстно? Я поддался впечатлѣнію первой встрѣчи, почему-то вдругъ восчувствовалъ къ ней симпатію, ни разу не поговоривши даже съ ней!

Но тутъ мнѣ стало какъ будто немножко совѣстно, что я усомнился въ Аннѣ Сергѣевнѣ! Нѣтъ, нѣтъ, она добрая, чистая, простая душа! Зачѣмъ только она поѣхала на тройкѣ, когда не хотѣла? Онъ велѣлъ, сказалъ: „поѣдемъ!“, и она поѣхала! она слабая, безхарактерная женщина, а все-таки... добрая, милая! А онъ-то, Крутковъ, кутить! На тройкѣ поѣхалъ! Эка штука! деньги есть и поѣхалъ, а у тебя вотъ нѣтъ денегъ и ты не можешь на тройкахъ кататься, дома остался, лежишь, травмишь себя, завиствуешь и злишься, несчастный чиновничекъ!

А чиновничекъ этотъ такъ и не спалъ до четырехъ часовъ утра, и дождался-таки возвращенія Круткова съ его возлюбленной, и самъ, своими ушами слышалъ, какъ Анна Сергѣевна съ какимъ-то сладостнымъ томленіемъ въ голосѣ произнесла:

— Ахъ, Ваня, какъ хорошо! Воздухъ какой свѣжій, морозный! Милый, я такъ довольна сегодняшнимъ катаньемъ! Только вотъ устала очень, спать хочется!

VI.

На другой день я торжествовалъ, вмѣстѣ съ духомъ мрачности и унынія, который, какъ я убѣдился, свиль себѣ прочное гнѣздышко въ моей душѣ. День былъ туманный, съ оттепелью и грязью. Кака-то темная, свинцовая пелена словно ниспадала съ неба и въ ней чуть-чуть вырисовывались неясные контуры отсырѣвшихъ зданій. Скучно было на улицѣ, скучно было и у насъ въ квартирѣ. Съ утра еще, уходя на службу, я слышалъ, какъ Василиса Макаровна, за какія-то упущенія по хозяйству, распекала Ѳеклу; тутъ же, на кухнѣ, слонялся полковникъ Аркебузовъ, крихтѣлъ, кашлялъ, и жаловался хозяйкѣ на безпокойства, на то, что онъ больной человекъ, ищетъ покоя, а его-то и нѣтъ, что онъ сорокъ лѣтъ прослужилъ отечеству („шутка ли, матушка, сорокъ лѣтъ!“ внушительно помавалъ онъ въ воздухъ пальцемъ, обращаясь къ Василисѣ Макаровнѣ) и тутъ же, Богъ вѣсть ужъ зачѣмъ, приплеталъ клоповъ, которыхъ, будто бы изъ злобы, поселила у него Ѳекла, предварительно выживши отъ себя.

Въ дурную погоду старикъ былъ невыносимъ: онъ брюзжалъ

и капризничать, придираясь ко всёму и придумывая для этого самые невозможные предлоги.

Василиса Макаровна раздраженно махала на него руками, и не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, и на что жалуется старикъ, кричала, внушительно потрясая своими рогульками.

— Ступай, ступай! Куриный супъ тебѣ будетъ, чего тебѣ еще нужно!

Крутковъ, тоже очень хмурый и недовольный, прогрохотала мимо меня въ своихъ калошахъ, торопясь на службу. Анна Сергѣевна молчаливо и спѣшно строчила на машинѣ.

Вернувшись со службы, я взялся за скрипку, и проигралъ вплоть до прихода Круткова, который, на этотъ разъ, сверхъ обыкновенія, явился нѣсколько раньше семи часовъ.

Я слышалъ, какъ онъ большими шагами долго ходилъ по комнатамъ, и на какой-то вопросъ Анны Сергѣевны грубо отвѣтилъ:

— Откуда я тебѣ возьму? Погоди до жалованья!

„Вотъ оно что!“ подумалъ я, — „денежки-то, должно быть, вчера всё проѣздили!“ Признаюсь, мысль эта была нѣсколько злораднаго свойства: дескать, вотъ вы вчера веселились и чувствовали себя хорошо, а сегодня приходится расплачиваться за это веселье!

Я злорадствовалъ до самаго вечера, когда случайно выйдя въ корридоръ, чуть не носъ къ носу столкнулся съ Крутковымъ.

— А, здравствуйте! улыбаясь чрезвычайно любезно, привѣтствовалъ онъ меня, — что это мы съ вами не встрѣчаемся?

— Не приходится! отвѣчалъ я.

— То-то не приходится! Въ одной квартирѣ живемъ и хоть бы разъ столкнулись. Это даже удивительно! А я у васъ въ долгу!

— Какъ въ долгу? спросилъ я.

— Вѣдь это вы играете на скрипкѣ? Такъ вотъ я все собирался поблагодарить васъ за вашу игру. Очень, очень мило!

— Помилуйте! Это ученическая игра и я думаю, я вамъ надоѣлъ!

— О, нисколько! Да что же это мы въ корридорѣ стоимъ! И идемте ко мнѣ, чай пить?

— Благодарю васъ, я всегда пью дома! отвѣчалъ я.

— А развѣ вы не дома? Кстати, позвольте ваше имя-отчество?

— Павелъ Ивановичъ.

— А меня Иванъ Павловичъ! Какъ разъ наоборотъ! Вотъ какъ пришлось! Мы, значить, съ вами, такъ сказать, обратные другъ другу люди? Ну такъ какъ же Павелъ Ивановичъ, идемте чай пить?

— Право, не знаю...

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Нюта, что ли стѣсняетесь? Такъ я васъ сейчасъ хорошенько познакомлю! пойдѣте же, пойдѣте!

Онъ взялъ меня за плечи, и деликатно проталкивая впередъ, провель въ свою комнату.

— Вотъ Нюта!—нашъ сосѣдъ Павелъ Ивановичъ!

Анна Сергѣевна подняла голову, остановила колесо швейной машины, за которой работала, и дружелюбно кивнувъ мнѣ, произнесла:

— Здравствуйте! милости просимъ!

— Нюта! сказалъ Крутковъ, я пригласилъ Павла Ивановича раздѣлится съ нами чаепитіе, такъ вотъ, нельзя ли распорядиться, а кстати и...

Анна Сергѣевна посмотрѣла на него многозначительно, и тихонько покачала головой.

— Понимаю, понимаю! усмѣхнулся Крутковъ,—а все-таки безъ водочки никакъ не возможно! Славно хватить рюмочку! добавилъ онъ, сладостно потирая руки, и бросивъ на меня вызывающій взглядъ.

— Признаюсь, я этого удовольствія не понимаю, сказалъ я.

— Какъ! воскликнулъ Крутковъ,—развѣ вы не пьете?

— Не пью вовсе!

— Гм! Странно! А коньякъ съ чаемъ?

— И коньякъ не пью!

— Такъ вина, вѣроятно, пьете! продолжалъ допытываться Крутковъ.

— И винъ никакихъ не пью!

Онъ посмотрѣлъ на меня какъ на существо не нашего міра. Я невольно улыбнулся.

— Да вы антикъ! вскричалъ онъ,—Нюта, взгляни на не-пьющаго человѣка! Нѣтъ, да это вздоръ, вы шутите! Вотъ на диванъ не угодно ли, удобнѣе... Какъ это можетъ быть,—Нюточка, распорядись же насчетъ чая,—какъ это можетъ быть, чтобы человѣкъ взрослый, мужчина... виновать,—сколько же вамъ лѣтъ?

— Двадцать пять! отвѣчалъ я.

— ...двадцати пяти лѣтъ, и отрицалъ напитки!

— Напитковъ я не отрицаю, но просто не пью!

— „Не отрицаю и не пью“! Это что-то странное, не понятное! Вы здѣсь, въ Петербургѣ, родились?

— Здѣсь.

— И я тоже! И съ пятнадцати лѣтъ пью! Вотъ папиросы, не угодно ли? Или вы, можетъ быть, также не курите?

— Курю! И вотъ вамъ доказательство!

Я закурилъ папиросу. Крутковъ сидѣлъ задумавшись и ерошилъ волосы.

— Позвольте! началъ онъ, вы какже... вотъ, напримѣръ, ну скажемъ такъ: любовь! Вы и это тоже отрицаете?

Онъ задѣлъ, самъ не зная того, мое больное мѣсто. Я вспыхнулъ, покраснѣлъ, и хотѣлъ уже промолчать, но замѣтивъ, что онъ смотритъ на меня въ упоръ съ какой-то иронической усмѣшкой, отвѣчалъ:

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Нѣтъ, позвольте, позвольте! захохоталъ Крутковъ, — вы не отвиливайте, а отвѣчайте прямо!

— Извольте, я отвѣчу, если вы мнѣ скажете, къ чему вы задали мнѣ этотъ вопросъ! сказалъ я.

— Господи! воскликнулъ онъ, — да вы никакъ того... Помилуйте, я вамъ предложилъ вопросъ не по отношенію лично къ вамъ. Я хотѣлъ знать, такъ, вообще, въ принципѣ, что ли, какъ вы смотрите на это чувство.

Трудно было бы отвѣчать сразу! — Въ принципѣ любовь я, конечно, не отрицаю, хотя не могу понять, какое отношеніе имѣетъ она къ вину.

— А какже! воскликнулъ Крутковъ, — всѣ поэты воспѣваютъ и любовь и вино вмѣстѣ! Э, да вы, какъ я замѣчаю, моралистъ!

— Пожалуй, что моралистъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Ну, тогда мы съ вами не сойдемся! Я человѣкъ матеріалистическаго направленія, а вы, значить, витаєте въ небесныхъ пространствахъ, и хотя мы съ вами однихъ лѣтъ, но играемъ на разныхъ инструментахъ. А кстати, что ваша скрипка?

— Скрипка?.. Здорова! засмѣялся я.

— Что бы вамъ притащить ее сюда? Сыграли бы что-нибудь!

— Нѣтъ, ужъ увольте; я играть не стану.

— Почему же?

— Во-первыхъ потому, что не хочется, а во-вторыхъ потому, что играю наединѣ, для себя.

— Вотъ вы какой! усмѣхнулся Иванъ Павловичъ.

Мнѣ показалось, что онъ какъ будто обидѣлся, — даже нѣсколько отодвинулся отъ меня, — но это продолжалось не долго.

У такихъ людей, каковъ былъ Крутковъ, никакое настроеніе не могло быть продолжительнымъ, и быстро смѣнялось другимъ, часто совершенно противоположнымъ.

Оекла внесла самоваръ, Анна Сергѣевна оставила работу и подошла къ столу заварить чай.

Случайно я взглянулъ на нее, и только теперь могъ болѣе подробно рассмотреть черты ея лица. Не скажу, чтобы она была очень хороша собой,—нѣтъ! Той условной, античной правильности чертъ лица и рельефной выточенности формъ, которыя составляютъ обязательную принадлежность истой красавицы,—въ ней не было и въ поминѣ. Это было простое русское, миловидное, именно миловидное лицо, опалое, немного блѣдное, съ нѣсколько вздернутымъ, русскимъ носомъ и пухлыми, пунцовыми губами, за которыми сверкала двойной рядъ бѣлыхъ, какъ молоко, зубовъ. Изъ-подъ густыхъ и темныхъ, красиво очерченныхъ бровей, сѣрые, грустные глаза смотрѣли простодушно и ясно. Руки ея были замѣчательно маленькія, тоненькія, совсѣмъ дѣтскія, да и вообще отъ всей ея несовсѣмъ еще сложившейся фигуры вѣяло чѣмъ-то дѣтскимъ.

Она такъ мило, съ такой неподражаемой, природной граціей занялась приготовленіемъ чая, что я невольно залюбовался ею: въ ея округлыхъ, плавныхъ движеніяхъ маленькихъ рукъ сказывалось что-то домовитое. Я думаю, если бы холостяки, несовсѣмъ, конечно, безнадежные,—чаще наблюдали за хозяйками, когда онѣ разливаютъ чай,—количество ихъ уменьшилось бы въ значительной пропорціи. Явилась, между прочимъ, и водка. Какъ и когда успѣла распорядиться Анна Сергѣевна,—я не замѣтилъ, но графинчикъ водки съ подобающей закуской предсталъ передъ Крутковымъ, который тотчасъ же повеселѣлъ, и не замедлилъ совершить должное возліяніе.

— Славно! сказалъ онъ, ставя рюмку на столъ, и снова берясь за графинъ,—люблю пропустить рюмочку, другую! Рекомендую, г. непьющій: желудочная. Такъ-таки и не хотите? Напрасно! Полагаю, вы оттого и не пьете, что ни разу еще не пробовали? Правда?

— Нѣтъ, пробовалъ! отвѣчалъ я, — когда окончилъ курсъ, то, отъ радости, напился съ товарищами, и такъ было скверно потомъ, что я далъ слово больше не пить.

— Пустяки! возразилъ Иванъ Павловичъ,—къ этому привыкають!

— Я не понимаю удовольствія привыкать пить водку! сказала Анна Сергѣевна, и прибавила, обращаясь ко мнѣ:

— Неужели, Павелъ Ивановичъ, вы ни разу не измѣнили слову? Вамъ послаще?

Послѣднее относилось къ чаю. Но не успѣлъ я отвѣтить на эти оба вопроса, какъ въ передней раздался оглушительный звонокъ, заставившій даже вдрогнуть Анну Сергѣевну.

Оекла со всѣхъ ногъ бросилась отворять. Черезъ минуту дверь распахнулась, и внося съ собою струю холоднаго воздуха, въ комнату влетѣла молодая женщина, одѣтая въ шикарный рединготъ, опушенный собольимъ мѣхомъ.

— Здравствуйте! звонко крикнула она, подбѣгая къ столу, цѣлуя Анну Сергѣевну, и протягивая Ивану Павловичу маленькую, затянутую въ лайковую перчатку, — руку, — за чаемъ? Какъ это мило!

По голосу я тотчасъ же узналъ гостью, которая прошлый разъ съ такимъ увлеченіемъ пѣла „Ваньку“.

Она была недурна собой, даже очень недурна: ея молодое, нѣсколько вакхическое, оживленное лицо, съ густымъ румянцемъ и бойкими, черными глазками, обрамленное соболью опушею шапки, — походило на лицо задорнаго шалуна-мальчишки.

Не снимая ни шапки, ни шубки, она сѣла на ближайшій стулъ, и вопрошающимъ взглядомъ посмотрѣла на меня. Я выпрямился на своемъ мѣстѣ и также вопросительно смотрѣлъ на Ивана Павловича, ожидая, что онъ меня представитъ. Но тотъ и не думалъ. Положеніе было неловкое. Выручила меня Анна Сергѣевна.

— Вотъ, Катя! сказала она, — позволь представить: нашъ сосѣдъ Павелъ Ивановичъ...

— Рѣчинцевъ! подсказалъ я.

— А это моя подруга Катя... Катерина Семеновна.

— Очень пріятно познакомиться! сказалъ я обычную, банальную фразу.

— Пріятно? задорно переспросила Катерина Семеновна, стрѣльнувъ въ меня жгучими глазами, — вы это правду? Неужели пріятно?

Я смутился и молчалъ.

— Ну! протянула она, закинувъ назадъ голову, и обнаживъ часть ослѣпительно бѣлой шеи, — смотрите, не говорите раньше, чѣмъ узнаете! Я вѣдь ухъ какая! Не правда ли?

Она кокетливо повернула голову въ сторону Ивана Павло-

вича, и увидѣвъ, что тотъ тянется къ графину, — всплеснула руками, сверкнувъ при этомъ двумя золотыми браслетами.

— Опять за водку! вскричала она, — фи, какъ это несносно! Аня, что ты его не удержишь? Попался бы онъ мнѣ въ руки, я бы ему показала!

И она съ размаха ударила его по рукѣ, при чемъ часть водки изъ графина пролилась на скатерть.

— За что? За что, Катенька! съ комической горечью возопилъ Крутковъ, — за что водку-то пролили, Катенька?

Гостья съ дѣланнымъ негодованіемъ повела плечами, и состроила строгое лицо; но въ уголкахъ ея нѣсколько толстыхъ губъ зазѣвилась улыбка.

— Во-первыхъ, — я не „Катенька“, милостивый государь, — а „Катерина Семеновна!“ произнесла она.

— А во-вторыхъ... перебилъ Иванъ Павловичъ, преспокойно приподнимая гостью со стула, и снимая съ нея шубку, — а во-вторыхъ такъ вѣдь можно и простудиться.

— Что тутъ общаго, скажите на милость? вскинула на меня гостья удивленный и вмѣстѣ улыбающійся взглядъ.

— Ничего общаго! усмѣхнулся я.

Иванъ Павловичъ молча понесъ шубку въ переднюю.

Я взглянулъ на Анну Сергѣевну. Одновременно взглядъ ея съ какимъ-то суровымъ оттѣнкомъ скользнулъ по изящной фигурѣ подруги; легкая, чуть замѣтная складочка появилась между бровями.

— Ну такъ какъ же? заговорилъ Иванъ Павловичъ, возвращаясь и садясь на диванъ, — онъ нѣсколько отодвинулся въ уголь, какъ бы этимъ молчаливымъ движеніемъ приглашая гостью занять мѣсто подлѣ себя, — вы, значить, не Катенька, а Катерина Семеновна? Такъ и запишемъ! Ну, а маленькую рюмочку водки выкушаете, милостивая государыня Катерина Семеновна.

Послѣднее онъ произнесъ съ разстановкой, берясь за графинъ и иронически улыбаясь.

— Дайте! сказала гостья, скользнувъ мимолетнымъ взглядомъ по лицу Анны Сергѣевны.

— А шапочку снимете?

— Но вѣдь я на минуту! Я къ Анѣ... по дѣлу. Вещичку одну нужно взять! заговорила гостья, дѣлая вдругъ серьезное лицо.

— Все это прекрасно, можете взять вашу вещичку, но въ шапкахъ у насъ не сидятъ!

— Даже дамы?

— Даже дамы! Позвольте!

Онъ снялъ съ нея шапку, и отнесъ на комодъ. Волосы у гостыи были густые, черные безъ блеска, и коротко-вьющіеся какъ у негрятянки. Никогда не случалось мнѣ видѣть такихъ, въ своемъ родѣ эффектныхъ волосъ.

Очевидно съ цѣлю усилить впечатлѣніе эффекта, которое она, по всей вѣроятности, подмѣтила на моемъ лицѣ, гостыя задорно, по-мальчишески тряхнула головой, и протянула маленькую ручку къ рюмкѣ.

— Пить, или не пить? сдѣлала она задумчивый видъ.

— Это вы Гамлета пародируете? спросилъ я.

— Гм! Гамлета! усмѣхнулась она,—такъ что же, Иванъ Павловичъ, пить, или не пить?

— Конечно пить! съ жаромъ воскликнулъ Иванъ Павловичъ.

— Нашла кого спрашивать! Молчите вы лучше! прикрикнула на него гостыя,—Аня, пить?

— Какъ хочешь! отвѣчала Анна Сергѣевна.

— Ну, выпью! рѣшила гостыя, тряхнувъ головой, только смотрите! погрозила она Ивану Павловичу, если я буду пьяна...

— Я васъ провожу! воскликнулъ онъ.

— Пожадуйста! Я не нуждаюсь въ проводникахъ, слышите ли? Я еще сама кого-нибудь проведу! Правда, Аня?

— Не знаю! отвѣчала Анна Сергѣевна голосомъ, въ которомъ звучалъ отгѣнокъ холодной принужденности.

Гостыя граціозно, двумя пальчиками, взяла со стола рюмку, посмотрѣла на свѣтъ, сдѣлала гримаску, и выпила залпомъ.

— Фу! судорожно, съ омерзѣніемъ повела она плечами,—дайте скорѣе закусить.

— Ха, ха, ха! расхохотался Иванъ Павловичъ, подавая ей тарелку съ закуской; затѣмъ, повернувшись ко мнѣ, произнесъ: поучайтесь! Вотъ какъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ барыни водочку пьютъ. А вы что? Еще мущина! Э-эхъ! Представьте, Катерина Семеновна,—обратился онъ къ гостыѣ,—мой почтенный сосѣдъ не пьетъ ни водки, ни вина, словомъ ничего сердце-веселящаго.

— Да?! удивилась гостыя.

— Ни, ни! Капли въ ротъ не беретъ! Я ужъ соблазнялъ,—ни за что! Такой схимникъ, бѣда!

— Схимникъ? усмѣхнулась гостыя, и прищуривъ одинъ глазъ пристально посмотрѣла на меня.

— Помилуйте: любовь отрицает!

Тѣмъ же прищуреннымъ взглядомъ гостя продолжала смотреть на меня, какъ бы желая подробнѣе разглядѣть такое удивительное созданіе. Терпѣть не могу прищуренныхъ взглядовъ, — въ нихъ сказывается какъ бы презрѣніе къ человѣку, на котораго смотреть.

— Позвольте, Иванъ Павловичъ! заговорилъ я, оскорбленный взглядами гостя, — вы не вѣрно передали то, о чемъ мы съ вами говорили! Любви я не отрицаю...

— Да, да! спохватился Крутковъ, — сосѣдъ, видите ли признаетъ любовь, только... невинную.

— Какъ это? спросила гостя.

— Мнѣ кажется, что Иванъ Павловичъ хотѣлъ сказать калямбуръ, хотя собственно я именно невинную любовь и признаю, — заговорилъ я, — но онъ, насколько я могъ убѣдиться, раздѣляетъ любовь на два разряда, что ли: на винную, т. е. съ виномъ...

— Что? что такое? Какъ это: съ виномъ? что вы, господа? разсмѣялась гостя.

— Ну конечно же! воскликнулъ Иванъ Павловичъ, — вино и любовь, это такъ сходится одно съ другимъ. Поэты, напримѣръ...

Онъ не кончилъ, налилъ рюмку водки и выпилъ.

— Ну, господа! произнесла Анна Сергѣевна, вставая съ мѣста, — говорите себѣ о любви, а я пойду работать. У меня спѣшная работа... Катя, ты займешь мое мѣсто?

— Изволь, если хочешь!

— У ней дѣйствительно масса работы! подтвердилъ Иванъ Павловичъ, — ступай, въ самомъ дѣлѣ, Нюта, а то, пожалуй, къ сроку не кончишь! Великолѣпное платье шить... кивнулъ онъ мнѣ на удалявшуюся Анну Сергѣевну, и тотчасъ же обратился къ гостѣ: Катерина Семеновна, пожалуйте сюда, на диванчикъ, здѣсь вамъ будетъ удобнѣе!

Я тоже всталъ, и хотѣлъ откланяться, но Крутковъ почти насильно усадилъ меня.

— Что вы, что вы, помилуйте! Такъ рано, еще нѣтъ восьми часовъ, вѣдь не спать же вы ляжете? Посидимъ, поболтаемъ! убѣждалъ онъ.

И какъ я ни отговаривался, какихъ предлоговъ ни придумывалъ, онъ настоялъ-таки на своемъ, и уговорилъ меня остаться.

Катерина Семеновна очень граціозно расположилась на диванѣ, и вступила въ роль хозяйки.

Но выходило все это у ней далеко не такъ, какъ у Анны Сергѣевны: не было простоты, естественности, а видно было ломанье, какое-то дѣланье жестовъ какъ на сценѣ, у плохой актрисы.

Круткову же все это, очевидно, нравилось: я замѣтилъ, какъ онъ нѣсколько выдвинулся изъ своего угла, чтобы быть ближе къ гостѣ. Онъ уже выпилъ пять или шесть рюмокъ водки, раскраснѣлся и какъ-то распустился, какъ это вообще бываетъ съ выпившими людьми.

VII.

Разговоръ начался съ какихъ-то пустяковъ и перешелъ къ театру. Катерина Семеновна довольно связно передала содержаніе видѣнной ею недавно пьесы. Началось обсужденіе характеровъ дѣйствующихъ лицъ, которые въ силу излюбленной манеры современныхъ драматурговъ, были поставлены въ самыя невозможныя отношенія другъ къ другу. Вся эта путаница на любовной подкладкѣ восхищала Катерину Семеновну и нравилась Круткову. Я возражалъ. Разговоръ мало по малу коснулся старой темы о любви. Катерина Семеновна вдругъ вспомнила предъидущій разговоръ.

— Ахъ, кстати! вскричала она, — мы еще не разъяснили прежній вопросъ! Такъ вы! обратилась она къ Круткову, — предпочитаете любовь съ виномъ (она лукаво, съ вызывающимъ видомъ улыбнулась ему), а вы, г. Рѣчинцевъ, безъ вина; такъ кажется.

— Совершенно вѣрно! воскликнулъ Крутковъ, — совершенно вѣрно, несравненная Катерина Семеновна, я предпочитаю съ виномъ.

— Объясните же мнѣ, по крайней мѣрѣ, что значить съ виномъ? Я этого все какъ-то въ толкъ не возьму!

Начавшійся стукъ швейной машины нѣсколько заглушалъ нашъ разговоръ, и поэтому Анна Сергѣевна должно быть слышала плохо, да ей очевидно было не до насъ. Склонясь надъ машиной такъ, что мнѣ видѣнъ былъ только красивый овалъ ея затылка съ вьющимися прядками закрученныхъ кверху волосъ, она быстро вертѣла колесо, дѣлая плавныя движенія руками. Дорогая, тяжелая матерія, которую она шила, красивыми широкими складками ложалось къ ея ногамъ.

— А это значить, заговорилъ Крутковъ, — это значить, во-первыхъ, что надо выпить, — позвольте-ка графинчикъ, — а во-вторыхъ... передайте, пожалуйста, закусить!

— Ха, ха, ха! засмѣялась Катерина Семеновна, — „выпить и закусить!“ Вотъ такъ объясненіе...

— Ну, нѣтъ! серьезно отвѣчалъ Крутковъ, — это только увертюра, а вы слишкомъ скоры въ своихъ заключеніяхъ... Я еще не сказалъ... (онъ торопливо прожевывалъ бутербродъ) погодите... Ну вотъ, теперь я готовъ... Гм! Такъ, что такое любовь съ виномъ, спрашиваете вы? Эхъ, милостивая государыня, Катерина Семеновна, не вамъ бы меня спрашивать, не мнѣ бы вамъ отвѣчать. Что вы такъ на меня смотрите? А не вы ли, не далѣе какъ вчера, тамъ, въ Аркадіи, въ отдѣльномъ кабинетѣ, — не правда ли какъ весело было, — спѣли намъ очень миленькую пѣсенку, да съ какимъ еще огонькомъ-то спѣли! Какъ это, слова? Ахъ, постойте, постойте... Да, да!..

Пей Токайское вино,
Въ сердце жаръ прольетъ оно!

— Ась? Что вы на это скажете?

— Ничего не скажу... Я не понимаю!.. жеманничала Катерина Семеновна.

— Гм! Не понимаете! Помните! „Жаръ прольетъ!“ А какой жаръ, позвольте васъ спросить, сударыня? Онъ улыбался, наклонивъ къ ней голову, и многозначительно играя бровями.

— Какой же это жаръ прославляется? Любовный жаръ, Катерина Семеновна, любовный, обязательно. Должно быть вамъ это все-таки не безызвѣстно?

— Я ничего не знаю... Я такъ... спѣла... Поютъ эту пѣсню! потупивъ огненные глазки, съ напускною скромностью отвѣчала гостья.

— Гм! Я знаю, что поютъ! Да мало ли что поютъ! Крутковъ все болѣе и болѣе хмѣлѣлъ. Онъ совсѣмъ склонился къ Катеринѣ Семеновнѣ и сталъ говорить тихо:

— Вотъ эту-то любовь я и понимаю... за нее я и стою, т. е. за ту, которая подогрѣвается виномъ. Это — любовь, а всякая другая: тамъ родство душъ, симпатія и все такое высокое, — чушь, выдумка одна! А не то, такъ отводъ глазъ! Вотъ оно что-съ, несравненная Катерина Семеновна! Однако, за вапе здоровье!!

Машина вдругъ перестала стучать. Анна Сергѣевна повернулась къ намъ и смотрѣла на насъ изъ глубины слабо-освѣщенной комнаты. Ни опредѣлить, ни даже просто уловить ея взгляда я не могъ, но мнѣ бросилась въ глаза необычайная блѣдность ея лица.

Съ минуту продолжалось общее, неловкое молчаніе. Даже Катерина Семеновна какъ будто нѣсколько смѣшалась.

Но вотъ Анна Сергѣевна отвернулась и снова раздался то-ропливый стукъ машины.

— Да и что это за любовь съ стѣсненіемъ свободы! продолжалъ ораторствовать Крутковъ, — любите покуда любитесь, а перестало любиться, прочь, не нужно! А подогрѣвать себя все-таки необходимо, такое ужъ время наше: нервы притупились, чувства зачерствѣли, пылу, пылу того нѣтъ! Ну, а какъ подогрѣешь себя этакой штучкой (онъ щелкнулъ по графину), кровь у тебя и пойдетъ ходить, чувствуешь, что живешь, чувствуешь, что какъ будто человѣкъ, какъ слѣдуетъ быть, съ кровью, съ нервами, не устрица какая-нибудь. Женщинамъ рекомендую тоже! Право хорошо!

Онъ подвинулся къ Катеринѣ Семеновнѣ, смотря на нее въ упоръ воспалевающимъ, алчнымъ взглядомъ; та опустила глаза и откинулась къ спинкѣ дивана.

— Выпьешь, и полюбишь! А? Не такъ ли? произнесъ онъ, наклоняясь къ гостѣ.

Мнѣ стало противно. Я сдѣлалъ рѣзкое движеніе, чтобы встать и уйти. И я бы ушелъ непременно, если бы не произошло нѣчто, остановившее меня. Стукъ машины внезапно прекратился, и я увидѣлъ грустное, убитое лицо Анны Сергѣевны, обращенное ко мнѣ. Она смотрѣла на меня какимъ-то расширеннымъ, лихорадочно блестящимъ взглядомъ, и мнѣ казалось, что этотъ взглядъ молилъ о заступничествѣ, краснорѣчиво говорилъ мнѣ: „заступись же, заступись хоть ты за меня, опровергни ихъ, уничтожь, скажи имъ, что они втаптываютъ въ грязь самое чистое, самое священное чувство, — чувство любви, скажи имъ... все, что ты можешь сказать! Или и ты такой же, какъ прочіе, и ты не скажешь ни слова въ защиту оскорбленной, любящей женщины“?

Жалость и негодование сжали мое сердце.

— Иванъ Павловичъ! воскликнулъ я, — ваши слова возмутительны! Мнѣ стыдно за васъ!

— Что? Что такое? всполошился Крутковъ.

Занятый сосѣдкой, онъ никакъ не ожидалъ нападенія, пожалуй даже не понималъ меня, и кидаль вокругъ бессмысленные взгляды. Катерина Семеновна съ любопытствомъ выставила впередъ свою кудрявую голову.

— Мнѣ стыдно за васъ! повторилъ я также громко и горячо, — вы на людей клеветаете, Иванъ Павловичъ, вотъ что!

— Ахъ, да! равнодушно произнесъ онъ, — вы это про то, что

я сейчас... Ну, думайте, что хотите, а я останусь при своемъ убѣжденіи!

И опять словно что горячее пробѣжало у меня по сердцу. Кровь бросилась въ голову, въ глазахъ помутилось, такъ что я едва могъ видѣть предметы передъ собою. Я вскочилъ и закричалъ, не ска- залъ, нѣтъ, а именно закричалъ:

— Ну, и оставайтесь при вашемъ убѣжденіи, да не навязывайте нашихъ теорій другимъ— вотъ что, потому что они безнравственны, да! безнравственны,—слышите ли вы это!

Крутковъ вытаращилъ на меня глаза.

— Послушайте, послушайте, милѣйшій сосѣдь... заговорилъ онъ,—я не знаю... это довольно странно... Что же это? Къ чему намъ ссорится?..

Въ тонѣ, съ какимъ были сказаны эти слова, было столько искренности и сожалѣнія, что я былъ подкупленъ и заговорилъ мягче и спокойнѣе.

— Иванъ Павловичъ! началъ я,—у меня нѣтъ никакого желанія ссориться съ вами, даже наоборотъ, я бы хотѣлъ... по возможности дольше сохранить наши... добрыя отношенія, но меня... всегда возмущали рѣчи, подобныя вашей, и ихъ мнѣ приходилось выслушивать иногда... До сихъ поръ мнѣ казалось, да кажется и теперь, что люди, вотъ этой вашей теоріи, Богъ знаетъ изъ-за чего, сами на себя лгутъ, стараются казаться не тѣмъ, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Не знаю ужъ, зачѣмъ и для чего это дѣлается? Такъ, можетъ быть, чтобы порисоваться... ну, тамъ ради краснаго словца, что ли! Думаю, что и вы вотъ тоже, потому что иначе придется допустить, что есть, такіе, въ которыхъ окончательно погасла искра Божья, которые совсѣмъ... одичали...

— Фу! Какіе страхи! съ напускнымъ комизмомъ вскричалъ Крутковъ,—Павель Ивановичъ, пощадите! Къ чему такія страшныя слова?

— Да позвольте же, Иванъ Ивановичъ! вскричалъ я, задѣтый за живое,—развѣ это не звѣрство, о чемъ вы проповѣдуете? Вѣдь вы чего хотите?.. Вамъ хочется подогрѣвать вашу любовь виномъ, а другой, испытавши ваше средство и не находя въ немъ возбужденія, захочетъ крови!

— Ну! Вотъ тебѣ и разъ! размѣялся Крутковъ.

— Да, крови, подтвердилъ я,—такіе случаи бывали неоднократно въ исторіи, бывали, могу васъ завѣрить, вспомните хоть нашего Ивана Грознаго, да, наконецъ, такіе случаи хоть и из-

рѣдка, втихомолку, но повторяются и теперь. Вы не станете этого отрицать?

— Вы все берете крайности, сказалъ Крутковъ, — вы совсѣмъ не поняли меня, развѣ я говорилъ о чемъ нибудь такомъ?

— Да, Иванъ Павловичъ, ужасы явятся потомъ! Начало можетъ быть очень веселое, милое, т. е. конечно для людей извѣстныхъ понятій, — ну а тамъ, незамѣтно, наступать и ужасы...

Стукъ машины прекратился. Я видѣлъ, какъ Анна Сергѣевна бросила работу, и не оборачиваясь къ намъ, склонивъ слегка голову, слушала.

— Потомъ, потомъ все это наступить! говорилъ я въ приливѣ какого-то ораторскаго возбужденія, — потомъ будетъ и цинизмъ и грязь, потому что, Иванъ Павловичъ, ваша хваленая винная любовь не смѣетъ называться любовью! Истинная любовь возвышаетъ человѣка, дѣлаетъ его добрымъ, хорошимъ, эта — унижаетъ! Я знаю, что вамъ понравилось... Вамъ понравились красивыя слова, вы вотъ въ восторгѣ отъ пѣсенки, гдѣ воспѣваются любовь, вино, свободныя женщины, свободныя отношенія? Да свободныхъ-то тутъ нѣтъ никого, тутъ все рабы и рабыни животныхъ инстинктовъ! Тутъ грязь, мерзость и ничего красиваго, ничего облагораживающаго. Нѣтъ, Иванъ Павловичъ, въ людяхъ и безъ того всегда было много гадостей, люди и безъ того наполовину звѣри, чтобы еще желать...

Анна Сергѣевна совсѣмъ повернулась къ намъ и слушала съ большимъ вниманіемъ. Только ея блѣдное лицо съ задумчиво устремленными на меня глазами и видѣлъ я, да признаться сказать, въ качествѣ слушательницы только ею одною и интересовался. Въ густыхъ клубахъ табачнаго дыма, которыми безпрестанно окружалъ себя Крутковъ, изрѣдка, какъ бы мимоходомъ, мелькало его красное лицо съ растрепанными волосами, да изъ глубины дивана, въ тѣни, по временамъ не ясно обрисовывалась фигура Катерины Семеновны.

— Этого ли мы хотимъ? кричалъ я, все болѣе и болѣе воодушевляясь и чувствуя самъ, что говорю такъ, какъ никогда, сроду, не говорилъ: пылко, связно и даже краснорѣчиво, — это ли цѣль нашего существованія? Вѣдь тутъ, Иванъ Павловичъ, вопросъ глубокой, вопросъ серьезный, вѣдь это вовсе не такіе пустяки, какъ вы, можетъ быть, полагаете. Это вопросъ молодого, подростающаго поколѣнія!..

— Экъ вы куда! пьянымъ голосомъ промямлилъ Крутковъ.

— Погодите, погодите! страшно торопился я, — погодите, дайте мнѣ развить мысль! Слушайте только меня, слушайте и не перебивайте! Отчего это у насъ нисколько не думаютъ о воздѣйстви собственнымъ примѣромъ на воспитаніе дѣтей? Отчего это дѣти даже хорошихъ, вполне порядочныхъ родителей остаются предоставленными самимъ себѣ или сданы на руки боннамъ и гувернанткамъ. Отчего наши семьи такъ дурны, что школа не въ состояніи, подчасъ, бороться съ тѣмъ зломъ, которое приносить ребенокъ изъ родительскаго дома? Отчего все это? А? Какъ вы полагаете, отчего?

Молчаніе было отвѣтомъ на мой вопросъ. Крутковъ наливалъ водку изъ графина и, какъ мнѣ показалось, тихонько что-то говорилъ Катеринѣ Семеновнѣ. Только Анна Сергѣевна все съ большимъ и большимъ вниманіемъ вслушивалась въ мои слова, и лицо ея становилось все блѣднѣе и блѣднѣе.

— Оттого, кричалъ я:—оттого, что мы взрослые дѣти, и на нашихъ дѣтей смотримъ какъ на куколь, которыя должны насъ забавлять, говорить „папа и мама“, не мѣшать намъ ѣздить на пикники, въ концерты, въ оперетку, слушать развращенную пошлость, исповѣдывать культъ винной любви! И какъ только дѣти насъ не забавляютъ, они намъ мѣшаютъ. Думаемъ ли мы о томъ, что этотъ ребенокъ, оставленный на весь вечеръ на попеченіе няньки, или какой-нибудь развращенной бонны, долженъ со временемъ сдѣлаться человѣкомъ, внести свою долю честнаго труда и познаній на общую пользу? Нѣтъ, мы не думаемъ, мы не знаемъ, не интересуемся, какъ онъ живетъ, что у него копошится въ его маленькой головкѣ, что у него назрѣваетъ въ душѣ. Мы не хотимъ понять, что съ рожденіемъ ребенка мы сами для себя становимся мертвы и должны жить для него. Эка штука! Мы вѣдь жить хотимъ! Намъ нужно доставлять себѣ удовольствія, пить, наслаждаться свободной любовью, а ребенокъ... прочь его, съ глазъ долой, отдать... хоть на воспитаніе!..

Какой-то внезапный, рѣзкій стукъ послышался мнѣ; въ полусвѣтѣ комнаты блѣдная фигура Анны Сергѣевны очутилась передо мной, чей-то тихій, дрожащій голосъ, должно быть ея же, молитственно прошепталь: „Павель Ивановичъ, ради Бога!“ но я ничего не могъ ни понимать, ни слышать; увлеченный своей идеей, я стремительно несся впередъ, словно подталкиваемый какою-то посторонней силой.

Потомъ уже, на другой день, припоминая всѣ мелочи, всѣ

детали этого вечера, я припомнилъ такъ же и этотъ случай, смутный и мимолетный, совершившійся какъ въ туманѣ, — теперь же, повторяю, я ничего не видѣлъ, не слышалъ, ни на что не обращалъ вниманія, и говорилъ такъ, какъ будто изъ меня что лилось.

И это еще дѣлается среди людей хоть столько нибудь обезпеченныхъ, — продолжалъ я. — А что совершается тамъ, гдѣ жаждѣ наслажденій мѣшаетъ нищета! кричалъ я. О, я отлично знаю, что дѣлается тамъ! Вотъ откуда вылѣзають заскорузлыя, покрытыя язвами и коростой, голодныя, полудикія, заброшенныя дѣти! А сколько ихъ мреть, Боже мой! сколько ихъ мреть по городскимъ угламъ и подваламъ, по глухимъ деревнямъ отъ голода, холода, грязи! И вѣдь это все люди, такіе же люди, Иванъ Павловичъ, какъ и мы съ вами, и неужели вамъ не бываетъ ихъ жаль? Несчастныя дѣти, чѣмъ они виноваты, что ихъ родители любили друга друга вапшей позорной любовью! Да, Иванъ Павловичъ, позорной, какъ ее не прославляютъ ваши поэты. Да и какіе это поэты? Пушкинъ, что ли? Да кто же помнитъ его эротическія пѣсни, грѣхи юности, и развѣ благодаря имъ, сталъ онъ великъ! Барковъ, вонъ, говорятъ, въ этомъ духѣ еще опредѣленіе писалъ, а кому онъ нуженъ, кто его помнитъ?

— П-по-слушъ-те! заговорилъ Крутковъ (онъ мнѣ показался совершенно пьянымъ), п-по-слушъте! В..вы.. это-то... о поэзії... оставьте!

Онъ махнулъ рукой, попалъ по стакану, который покатился, упалъ на полъ и разбился.

— Что жъ, будемъ говорить о любви! продолжалъ я, въ пылу краснорѣчія не обращая вниманія на то, что пьяный Крутковъ, занятый больше своей сосѣдкой, не могъ не слышать, ни понимать хорошенько, и только изрѣдка кидалъ на меня бессмысленные взгляды. О какой только? Къ *вашей* возвращаться не стану, — конечно! Но есть другая любовь, чистая, святая, — о, объ ней, объ ней — я готовъ говорить сколько угодно!..

Но я былъ какъ въ лихорадкѣ и дрожалъ, я чувствовалъ, какъ все во мнѣ трепещетъ и рвется наружу. Графиня, изъ котораго я сталъ наливать себѣ воду, плясалъ въ моей рукѣ.

Случайно я взглянулъ на Катерину Семеновну: она смотрѣла на меня съ отгѣнкомъ пренебрежительнаго любопытства, какъ смотреть на шутовъ или подростковъ, когда они входятъ въ азартъ и горячатся по поводу давнымъ давно рѣшенныхъ вопросовъ.

Но мнѣ было все равно, такъ какъ у меня была другая слу-

шательница. Анна Сергѣевна совсѣмъ оставила работу и сидѣла надъ машиной, подперевъ голову рукой. Лица ея я не видѣлъ, но судя по глубокому дыханію, отражавшемуся въ движеніи груди и плечь, я могъ предположить, что не одно простое любопытство побуждаетъ ее слушать меня.

— Да, господа, эта любовь свята, и благо тому, кто хотя разъ въ жизни испыталъ ее! Эта любовь начинается съ дѣтства, — дѣти любятъ такую безкорыстной любовью мать, отца, брата, няню. Позвольте вамъ, Анна Сергѣевна, рассказать случай изъ моей жизни, случай, пожалуй глупый и смѣшной, какъ и всѣ эти дѣтскіе случаи, но оставившій во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Мнѣ было тогда лѣтъ пять. Отца я любилъ безумно и страшно жалѣлъ. Онъ дѣйствительно былъ жалкій человекъ и я, пятилѣтній ребенокъ, это чувствовалъ. Такая ужъ напa была семья, что мы очень рано начинали понимать... И вотъ, однажды, отецъ, хмурый и недовольный вышелъ изъ квартиры. Мнѣ ужасно было больно за него, и жалко какъ никогда. Я бросился къ окну, съ цѣлью посмотрѣть какъ онъ будетъ проходить по двору, и вдругъ мнѣ показалось, что онъ подъ воротами обернулся, посмотрѣлъ на наше окно, грустно такъ посмотрѣлъ, и махнулъ рукой, какъ бы зовя идти вмѣстѣ. Я не знаю, что со мной сдѣлалось! Какое-то и радостное и вмѣстѣ щемящее чувство охватило меня, — кажется — кинься онъ въ воду — я не задумавшись последовалъ бы за нимъ! И вотъ я соскочилъ съ окна, бросился на лѣстницу, очутился за воротами и помчался по улицѣ, глазами отыскивая отца.

Я такъ былъ занятъ мыслью догнать отца, что пришелъ въ себя только тогда, когда почувствовалъ, что нахожусь въ объятіяхъ городского, который и привелъ меня домой.

Впослѣдствіи все выяснилось, и оказалось, что отецъ и не думалъ манить меня, что это мнѣ дѣйствительно только показалось.

Этотъ случай я помню до сихъ поръ, и увѣренъ, что не забуду до самой смерти, потому что этотъ случай послужилъ выраженьемъ моей любви къ отцу... И вотъ это-то чувство любви, которое зарождается въ насъ съ дѣтства и которое никогда не забывается, потому что оно чистое, свѣтлое какъ лучъ солнца, безкорыстное, безъ расчетовъ, безъ соображеній, безъ желанія купить за него что нибудь, совсѣмъ какъ бы безсознательное, — вотъ это чувство и есть истинная любовь. Такою любовью любить впервые, и нѣтъ ничего благотворнѣе этой любви. Она смяг-

часть характеръ чловѣка, облагороживаетъ, дѣлаеть добрѣе, снисходительнѣе къ другимъ, заставляетъ работать, трудиться, чтобы сдѣлаться достойнымъ любимаго существа. Такова сила той любви, которую я понимаю. Другой любви нѣтъ, и быть не можетъ. О, господа, Иванъ Павловичъ, неужели вы не можете понять меня, неужели вы, Иванъ Павловичъ, ни разу не испытали это чувство? Неужели ваше сердце не билось отъ одного появленія той, которую вы любили, неужели ея простая, безхитростная рѣчь, ласковый взглядъ, нѣжное пожатіе руки,—не волновали вашу душу, и вы готовы были пожертвовать для нея всѣмъ, всѣмъ что дорого вамъ на свѣтѣ... счастьемъ... жизнью...

Нѣтъ, я не могъ продолжать! Все закружилось, завертѣлось у меня въ глазахъ. Какой-то клубокъ подступилъ къ горлу, подымался все выше и выше, душилъ меня, не позволялъ выговорить слова.

Я всталъ, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ въ темный корридоръ, ощупью дошелъ до дверей своей комнаты, ощупью добрался до постели, повалился на нее, и, уткнувшись лицомъ въ подушку, истерически зарыдалъ.

К. Баранцевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ И. С. АКСАКОВА.

Обстоятельства сопровождавшія смерть Ивана Сергѣевича Аксакова каждому, кто незнакомъ съ особенностями нашей русской жизни, должны были показаться весьма страннымъ явленіемъ, собственно по отношенію къ ней русскаго общества. Не задолго до нея общество хоронило Тургенева, Костомарова и Кавелина, несло за прахомъ ихъ вѣнки и проливало слезы. Казалось бы, что среди такого общества не могло найтись мѣста для сожалѣнія объ Аксаковѣ; такая разница была между идеями первыхъ и послѣдняго. Будь Викторъ Гюго не республиканецъ, а бонапартистъ, его гроба, конечно, не поставили бы подъ триумфальной аркой. Національ-либералы, конечно, не пойдутъ на похороны самаго крупнаго вождя социалистовъ. То сочувствіе или, вѣрнѣе, та печаль, съ какою была встрѣчена вѣсть о смерти Аксакова доказала, что у насъ нѣтъ той партійности, которую мы видимъ повсюду на Западѣ, и которая тамъ не смолкаетъ даже передъ открытой могилой.

Въ отношеніи общества къ кончинѣ главы славянофильской партіи, мы не можемъ однако не обратить вниманіе на преувеличенное значеніе, которое было придано этой кончинѣ. Покойный далеко не былъ ни вождемъ русской интеллигенціи, ни даже выразителемъ какой либо цѣльной теоріи. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ несравненно ниже и своего брата Константина Аксакова и Хомякова. Во всей своей литературной дѣятельности онъ являлся проповѣдникомъ такого направленія, которое не имѣло многочисленныхъ приверженцевъ. Если идеи славянофильства и дѣлались популярными время отъ времени, то слишкомъ на короткое время. Начиная съ конца пятидесятихъ годовъ въ нашемъ обществѣ было слишкомъ много разнообразныхъ теченій, въ массѣ которыхъ славянофильство невольно терялось, тѣмъ болѣе, что оно основывалось на слишкомъ отвлеченныхъ идеяхъ, тогда какъ жизнь выдвигала одинъ за другимъ чисто реальныя вопросы. Но отчего же явилось это преувеличеніе и даже нашло себѣ отголосокъ въ обществѣ? Большинство русскаго общества знало Ивана Сергѣевича по

имени, но не знало его на самомъ дѣлѣ, не было хорошо знакомо съ его литературною дѣятельностью и не слѣдило за ней. Жизнь и смерть общественнаго дѣятеля не то, что жизнь и смерть частнаго человѣка. На могилѣ послѣдняго пріятно видѣть единодушную скорбь всѣхъ его знавшихъ, безъ различія взглядовъ и убѣжденій. Такое же единодушіе у гроба общественнаго дѣятеля означало бы безличность этого дѣятеля. Однако Аксаковъ конечно не былъ безличенъ: то былъ писатель съ рѣзко-очерченной фізіономіей, человѣкъ ярко выступавшій на общемъ фонѣ, умъ если не оригинальный, то послѣдовательный и не дѣлавшій никакихъ уступокъ. Если бы общество восьмидесятыхъ годовъ знало Аксакова, то многіе бы изъ среды общества не пошли за его гробомъ—и это было бы только лестно для его памяти. Кто не имѣетъ враговъ, тотъ имѣетъ и мало друзей.

Только съ выходомъ въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Аксакова, читающая публика можетъ ознакомиться со всей совокупностью идей послѣдняго, и даже для тѣхъ, кто слѣдилъ за его литературной дѣятельностью, только теперь представляется возможность дать ей надлежащую и полную оцѣнку. Объ Аксаковѣ писали очень много, но писали въ большинствѣ случаевъ пристрастно. Вѣрному, спокойному отношенію къ его дѣятельности, при его жизни мѣшала полемика, послѣ смерти мѣшало то лицемеріе, которое болѣе и болѣе распространяется въ нашей печати. А между тѣмъ Аксаковъ заслуживаетъ именно безпристрастной оцѣнки. Только такая оцѣнка можетъ пролить истинный свѣтъ на его идеи и ихъ практическое значеніе. Аксаковъ, какъ писатель, былъ глубоко искренній человѣкъ, — мало того, это былъ человѣкъ горячо любившій свою родину. Но, признавая за нимъ искренность, нельзя не сказать, что, прежде всего, это не былъ публицистъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Какъ человѣкъ чувства, которое онъ не хотѣлъ никогда скрывать, покойный Аксаковъ не слушалъ часто ни своего разсудка, ни уроковъ исторіи, и вотъ почему многое изъ того, что онъ писалъ, не выдерживаетъ строгой научной критики. Въ публицистикѣ онъ былъ постоянно поэтомъ, онъ „чувствовалъ“ справедливость, и это чувство помѣшало ему понимать горькую дѣйствительность.

I.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на славянофильскихъ идеяхъ Аксакова. Въ этихъ идеяхъ заключается разгадка всего остального. Разсмотрѣвъ причину и сущность этихъ идей, мы только и поймемъ истинную его фізіономію, поймемъ многое изъ того, что онъ неуклонно проповѣдывалъ, не смотря на то, что жизнь подсказывала совершенно иное. Приступая къ этой задачѣ, мы должны уклониться нѣсколько въ сторону и вернуться къ тому времени, когда вообще зародилась идея о націонализмѣ. Идея эта по сущности совершенно не русская, тѣмъ и объясняется то, что когда она перенесена была на русскую

почву, къ ней сначала примѣшаны были совершенно посторонніе элементы. Судьба нашего государства такова, что въ продолженіи болѣе столѣтія народныя массы вынуждены были играть въ его исторіи чисто пассивную роль. Что касается до классовъ правящихъ, то они во весь этотъ періодъ времени заботились совершенно о другомъ, нежели о вопросѣ національности. Болѣе ста лѣтъ въ Россіи не могло быть и рѣчи ни о какой гражданственности, а между тѣмъ безъ развитія послѣдней, и политической свободы народовъ, національный вопросъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть той постановки, которую онъ имѣетъ въ наше время.

Изъ этой-то идеи націонализма и развилось ученіе славянофильства. Теорія, провозгласившая не только годность, но и превосходство культурныхъ началъ славянскаго міра надъ культурными началами міра романо-германскаго, не только защищающая самобытность славянства, но и осуждающая содержаніе и форму западно-европейской цивилизаціи, была и есть продуктомъ этого самаго міра и этой „гнилой“ цивилизаціи. Славянофильство явилось въ своихъ основаніяхъ не болѣе, какъ теорією Фихте Старшаго, съ замѣною лишь германскаго народа славянствомъ. Фихте объявилъ, что абсолютная идея абсолютной цивилизаціи воплотилась въ германскомъ народѣ, что цивилизація этого народа есть послѣднее слово саморазвивающагося духа; славянофилы объявили западную цивилизацію „гнилою“, а вселенскою истиною и политической мудростью—православіе и „земское единство“ Россіи. Явившись продуктомъ и противовѣсомъ ложной идеи, славянофильство не могло и само не страдать преувеличеніями съ перваго своего появленія на свѣтъ, какъ ученія. Это, было понято и самими славянофилами. Такъ напримѣръ, уже Хомяковъ говорилъ нѣсколько разъ, что народность, какъ начало общечеловѣческое, *принимаетъ въ себя все человѣческое.*

Основное положеніе И. С. Аксакова, высказываемое имъ почти въ каждой статьѣ, есть противопоставленіе славянскаго міра всему остальному или вѣрнѣе Западу, яко бы насъ ненавидящему *чисто инстинктивно*, въ силу того антагонизма, который, по мнѣнію И. С. происходитъ между „противопожными духовными просвѣтительными началами: славянскимъ и романо-германскимъ“. Всякое преклоненіе *передъ духовными началами* Запада И. С. Аксаковъ признавалъ измѣною славянскому началу и, какъ его воплотительницѣ, русской народности, а отъ славянъ, желающихъ остаться славянами, требовалъ полнѣйшаго и безповоротнаго отреченія отъ латинскаго міра. „Если славяне хотятъ оставаться славянами, и не только оставаться славянами, но исхитить свою славянскую душу изъ цѣпей духовнаго плѣна, сковывающихъ ихъ съ судьбами латинскаго міра,— то на вопросъ, предлагаемый имъ современною исторіей, они

должны дать отвѣтъ рѣшительный и неуклончивый, должны отречься Рима и всѣхъ дѣлъ его, всенародно и гласно, безъ сдѣлокъ и изворотовъ“ *). „Россія и всѣ славяне Балканскаго полуострова — это цѣлый особый міръ православно-славянской“ **). Это высказывается Аксаковымъ на каждомъ шагу. „Наша почетная роль въ исторіи“ — пишетъ онъ въ 1877 году въ отвѣтъ на письмо къ нему извѣстнаго чешскаго дѣятеля Ригера, — „прежде всего: *стать, быть и жить самимъ собою, славянами*, чѣмъ мы до сихъ поръ не были или были, но не вполнѣ; значить и дѣйствовать въ исторіи какъ славяне; служить — не культурѣ и цивилизаціи: замѣнимъ эти малосодержательныя иностранныя слова и понятія многосодержательнымъ славянскимъ выраженіемъ — служить *просвѣщенію* общечеловѣческому, служить истинѣ и высшей правдѣ своею правдою — свойствами и особенностями славянскаго духа“ ***).

О противоположности міра славянскаго и западнаго говорилось и раньше Ивана Сергѣевича. Еще первые славянофилы доказывали превосходство славянскаго міра надъ міромъ романо-германскимъ, и осуждали содержаніе и форму западно-европейской цивилизаціи. Какъ уже было сказано выше эта мысль отнюдь также не была оригинальной, а заимствованной изъ ученія нѣмецкихъ націоналистовъ. Трактовали первые славянофилы и объ общечеловѣческомъ значеніи культурныхъ началъ славянскаго племени. Но на первые славянофилы, ни И. С. Аксановъ ничѣмъ не доказали ни этого превосходства, ни этого общечеловѣческаго значенія, ни того упадка европейскаго просвѣщенія, о которомъ кричатъ многіе уже цѣлое пятидесятилѣтіе. Кирѣевскій, напримѣръ, доказывалъ упадокъ Европейскаго просвѣщенія тѣмъ, что „разсудочная мысль“ Запада изжила въ системахъ Шеллинга и Гегеля. Это, конечно, не доказательство. Западники, какъ извѣстно, въ свою очередь, возражали на это, что мы варвары, что „въ крови у насъ, что-то отгалкивающее, враждебное совершенствованію, что „разсудочная мысль“ ни только не изжила, а вступила послѣ Гегеля на лучшую дорогу и проявилась въ полезныхъ открытіяхъ“.

Какъ въ самомъ дѣлѣ доказать превосходство одной національности предъ другою? Аксаковъ повидимому отлично это понималъ, и не писалъ историко-философскихъ трактатовъ, замѣнивъ ихъ восторженными призывами. „Теорія, какъ говоритъ г. Пыпинъ, представляется Аксакову совершенно доказанной; онъ не углубляется въ исторію, не дѣлаетъ никакихъ особыхъ разысканій, ни въ догматической, ни въ исторической сторонѣ теорій; онъ только истолковываетъ изъ нея новѣйшіе факты славянской

*) Полн. Собр. Соч. т. I, стр. 177.

**) Ib. стр. 249.

***) Ib. стр. 309.

жизни и русско-славянскихъ отношеній“ *). Понятно, что его проповѣдь славянофильства является еще голословнѣе, чѣмъ теорія его предшественниковъ.

Но если у первыхъ славянофиловъ мечтанія о гибели „гнилага запада“ и ученіе о превосходствѣ славянскаго міра были естественнымъ, законнымъ протестомъ противъ безпощадной теоріи нѣмецкихъ націоналистовъ, то у Аксакова они происходили по другой причинѣ. Пускай онъ признаетъ Западъ „гнилымъ“, пускай онъ считаетъ динамитчиковъ и революціонный нигилизмъ плодомъ „отъ древа культуры, взрожденнаго Западомъ“; онъ какъ будто и самъ плохо вѣрить въ это. Онъ все-таки чувствуетъ силу „гнилага“ Запада, чувствуетъ и даже временами боится. Онъ даже взываетъ къ возбужденію въ славянствѣ „самомиѣнія“, потому что признаетъ самомиѣніе „могучимъ рычагомъ“, которымъ обладаетъ Западъ. „Мадьярское племя, какъ извѣстно, — говорилъ онъ, — физиологически вымираетъ, но мадьярскій національный духъ живъ и живучъ, и неумоимо продолжаетъ свои нравственныя завоеванія, превращая въ Мадьяръ не мадьярскихъ обитателей Венгріи“ **). „Меркнетъ заря на Западѣ — брезжетъ заря на Востокѣ“ — писалъ Аксаковъ въ 1867 году. „Мы наконецъ дождались того времени, когда вопросъ славянскій, такъ долго отвергаемый, заявилъ свое несомнѣнное право на бытіе и сталъ не только жизненнымъ, но и животрепещущимъ вопросомъ современной политики“ ***). Но чрезъ семнадцать лѣтъ онъ уже не говоритъ о катаклизмѣ Запада, а указываетъ на помолодѣвшую, воспрянувшую духомъ Пруссію, на Германію, имя которой высоко и грозно, а слово твердо и властно, на Австрію, которая „самоувѣренно и словно по праву стала разыгрывать роль хозяйки“ на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ видитъ въ этихъ явленіяхъ доказательство того, „какъ слабо воздѣйствіе причинъ чисто вещественныхъ на благосостояніе, процвѣтаніе, преуспѣяніе государствъ, и какъ напротивъ *велико воздѣйствіе причинъ нравственнаго свойства* въ широкомъ смыслѣ слова, или точнѣе сказать: *того состоянія общественнаго духа, которое у историческаго организма неразрывно связано съ его политическимъ въ мірѣ значеніемъ, съ удовлетвореннымъ чувствомъ собственной достоинства*“ ****).

Такимъ образомъ по словамъ самого же Аксакова гибель „гнилага“ Запада, которую предсказывали отцы славянофильства, болѣе чѣмъ далека. Да выходитъ, что и не гниль этотъ Западъ, если народы его составляющіе „неумоимо продолжаютъ нравственныя завоеванія“, молодѣютъ и приобрѣтаютъ „твердое

*) Славянскій вопросъ. Вѣстн. Европы. 1886 г. № 8, стр. 765 и 766.

**) Полн. Собр. Соч. т. I, стр. 132.

***) Ib. стр. 101.

****) Ib. стр. 507 и 577.

и властное слово“. Аксаковъ самъ какъ бы не вѣрить въ основу того ученія, восторженнымъ трибуномъ котораго онъ является. Объясняется это очень просто. Аксаковъ былъ слишкомъ умный и образованный человѣкъ, чтобы не понимать, что теории гибели Запада и абсолютности восточной культуры отжили свой вѣкъ, у него уже сильно—были развиты идеи *національной теоріи*, встрѣчающейся у первыхъ славянофиловъ только въ зародышѣ. Если онъ и говоритъ о преимуществахъ славянства, то въ силу именно соединенія патриотизма съ глубокой вѣрою въ школу, ставшую сектой. Онъ оставался, по крайней мѣрѣ, старался остаться вѣрнымъ старому преданію славянофильства, но жизнь не могла не заставить его дѣлать въ извѣстныхъ случаяхъ уступки фактамъ.

Въ этомъ отношеніи г. Пыпинъ не совсѣмъ справедливо называетъ его „вѣрнымъ отголоскомъ славянофильства сороковыхъ годовъ“. Если бы онъ былъ этимъ отголоскомъ, онъ никогда бы не написалъ многаго изъ того, что мы читаемъ въ его статьяхъ, такъ сказать въ предсмертныхъ. Да и ранѣе онъ высказываетъ много такого, что уже не является чистымъ славянофильствомъ, а скорѣе *крайнимъ русскимъ націонализмомъ*.

Извѣстный поэтъ Щербина на вопросъ о томъ, славянофиль ли онъ, отвѣчалъ:

„Я слишкомъ русскій человѣкъ,

„Что бъ стать славянофиломъ.“

Аксаковъ, правда, ничего подобнаго никогда бы не сказалъ, свята чтя завѣты школы славянофиловъ. Но по сущности своей природы онъ былъ именно „слишкомъ русскимъ челосѣкомъ“, для котораго самый славянскій вопросъ существовалъ по столько, по сколько онъ являлся въ его глазахъ русскимъ. Онъ, можетъ быть, въ этомъ бы никогда и не сознался; но такъ выходитъ изъ всей совокупности того, что онъ писалъ по славянскому вопросу. Славянскій вопросъ, по его мнѣнію, есть внутренній русскій вопросъ, въ разрѣшеніи котораго заключается неотразимое призваніе Россіи, „какъ православной и славянской державы“. Эта „сила ея историческаго призванія, — говоритъ онъ, слышится и чуется, отчасти даже безотчетно и инстинктивно, всѣми ея врагами, всѣми западно-европейскими державами, хотя, можетъ быть, менѣе всего сознается самою Россією, — и эта нравственная сила страшнѣе и грознѣе всякихъ вещественныхъ силъ, или—вѣрнѣе сказать—въ этомъ вся и сила Россіи, равно какъ и весь смыслъ, вся задача и причина ея историческаго бытія“ *). „Безъ сознанія своего славянскаго призванія, — говоритъ онъ въ другой статьѣ, — немыслимо ни правильное развитіе, ни истинная національная политика для Россіи. Національность политики предполагаетъ дѣятельность, соотвѣтственную интересамъ внѣшнимъ и вну-

*) Пол. Соб. Соч. т I, стр. 142—143.

треннимъ своей земли, своей народности. Но развѣ русскіе политическіе интересы могутъ быть поняты внѣ связи съ ея интересами, какъ славянской державы? Развѣ русская народность по тому самому, что она русская, не есть народность по преимуществу славянская! Развѣ возможна полнота русскаго народнаго сознанія безъ сознанія славянскаго происхожденія, славянской стихіи русскаго народа и принадлежащаго ему историческаго подвига? Чтобы вполнѣ уразумѣть русскую народность, надо понять ее не только какъ русскую, но и какъ славянскую; чтобы русская политика была вполнѣ національною, русскою, необходимо, чтобы она была не только русскою, но и славянскою“. „Главнѣйшая задача славянскаго міра вся теперь въ томъ, чтобы Россія поняла себя какъ его средоточіе и познала свое славянское призваніе. Въ этомъ одномъ все. Въ этомъ вся будущность и Россіи, и всѣхъ славянскихъ племень. Какъ Россія немыслима внѣ славянскаго міра, ибо она есть его главнѣйшее выраженіе и вещественно, и духовно, такъ и славянскій міръ немыслимъ безъ Россіи. Вся сила славянъ въ Россіи, вся сила Россіи—въ ея славянствѣ“ *).

Такимъ образомъ „славянство“, по мнѣнію Аксакова, имѣетъ смыслъ уже не само по себѣ, а какъ элементъ служебный для его родины, для Россіи, для русскаго народа. Славянство для него дорого по стольку, по скольку оно необходимо для русскихъ интересовъ. И хотя онъ говоритъ, что „тутъ нѣтъ двойства понятій“, но, очевидно, что „славянскому вопросу“ онъ оставляетъ лишь служебную роль. Русскій патриотъ беретъ верхъ надъ славянофиломъ. Это еще яснѣе выступаетъ въ одной изъ статей, написанныхъ имъ еще въ 1861 году, гдѣ онъ говоритъ также объ историческомъ призваніи Россіи. „Освободить изъ-подъ матеріальнаго и духовнаго гнета народы славянскіе и даровать имъ даръ самостоятельнаго духовнаго и, *пожалуй*, политическаго бытія, подѣ сѣнію могущественныхъ крыль русскаго орла“—вотъ въ чемъ, по его мнѣнію, историческая миссія Россіи, ея „призваніе“ и ея „право“ **). Онъ требуетъ освобожденія славянъ отъ нѣмецкаго и турецкаго ига; но освобожденія условнаго, подѣ полнымъ или относительнымъ верховенствомъ Россіи. Судьбою такого взгляда на „славянство“, конечно, лучше всего явятся славянскіе критики. Мы же только можемъ замѣтить, что основатели славянофильства, повидимому, смотрѣли на дѣло иначе. „Исторія народа должна быть дѣломъ самаго народа“,—говорили они,—„каждый народъ, какъ личность коллективная, имѣетъ свою нравственную идею, которая и даетъ ему значеніе какъ народу“. Тутъ уже нѣтъ мѣста ни для какихъ „пожалуй“, такъ какъ въ силу этихъ положеній каждому

*) Пол. Соб. Соч., стр. 152—154.

**) И., стр. 6.

„Дѣло“ № 2. Февраль, 1887 г. Отд. I.

народу предоставляется право самостоятельнаго выбора относительно „самостоятельнаго политическаго бытія“.

Въ силу указанныхъ взглядовъ Аксаковъ требуетъ, чтобы славяне и въ области своего духовнаго бытія черпали исключительно изъ одного источника — русскаго. Кто не имѣетъ стремленія къ усвоенію русскихъ началъ, тотъ не славянинъ, и достоинъ только выговоровъ и укоровъ. „Костеръ Гуса не угасъ, — пишетъ онъ въ письмѣ Ригеру, — онъ продолжаетъ пылать, но уже не въ Констанцѣ, а въ самой Прагѣ. Кто же поддерживаетъ пламя? Кто подкладываетъ дрова въ костеръ? Всѣ связавшіеся духовными узами съ Римомъ, всѣ пребывающіе и нынѣ въ духовномъ единствѣ съ убійцами Гуса“ *). Эти духовныя узы заключаются отнюдь не въ одномъ католицизмѣ. Аксаковъ считаетъ всю Западную Европу солидарной безъ различія вѣроисповѣданій. По его мнѣнію, вся европейская культура только и можетъ, что „окатоличить“, и „онѣметчить“ славянъ. „Оттого“, — говоритъ онъ, — „чехи не понимаютъ даже сущности славянскаго вопроса, что они не черпаютъ просвѣщенія у Россіи, а создали свою чешскую культуру“. Славяне, по его мнѣнію, должны имѣть общеславянскій языкъ и именно языкъ русскій. „Славянскія народности *исчезнутъ*, если останутся разрозненными, если не будутъ имѣть общаго языка, если не возьмутъ за языкъ русскій“ **). Мы не будемъ говорить о справедливости такого требованія съ точки зрѣнія теоріи націонализма. Такое желаніе или требованіе прежде всего только *prim desiderium* съ точки зрѣнія практической. Славяне отнюдь никогда не были тѣмъ однороднымъ по языку и исторической судьбѣ народомъ, какъ нѣмцы. Между нарѣчіемъ баварца и пруссака менѣе разницы даже нежели между языкомъ великоросса и малороссіянина. Заставить чеха или поляка говорить, писать и думать по-русски, чтобы заставить испанца и француза говорить по-итальянски и читать Сервантеса, Кальдерона, Мольера, Виктора Гюго въ переводахъ на итальянскій языкъ. Кантъ, Гегель, Шиллеръ, Гете, Уландъ писали на нѣмецкомъ языкѣ, который понятенъ и мюнхенцу, и вѣнцу, и берлинцу, — другой литературы, кромѣ созданной ими у нѣмцевъ не было. Но у славянъ нѣтъ общей литературы, какъ нѣтъ ее и у романскихъ народовъ и у всего англо-германскаго племени, какъ цѣлокупнаго. И чехи и поляки имѣютъ свою богатую литературу, какъ изящную, такъ и научную. Даже болгаринъ врядъ ли откажется забыть чудныя народныя пѣсни Родопскихъ горъ. Самъ же Аксаковъ утверждаетъ, что къ тому же русская литература и научная и художественная слишкомъ бѣдна. Съ этимъ, положимъ, можно и не согласиться, но

*) Пол. Соб. Соч., стр. 314 и 315.

***) *Ib.*, стр. 163.

указаніе на бѣдность нашей литературы, у такого патріота, какъ Аксаковъ, показываетъ, что онъ самъ чувствовалъ фальшь своего требованія отъ славянъ имѣть общій языкъ — русскій. Онъ лишь увлекался такими минутными порывами, какъ тотъ, по которому славянскіе гости на этнографическомъ съѣздѣ въ Москвѣ отказались наотрѣзъ объясняться по-нѣмецки, а Головацкій сказалъ, „что онъ не знаетъ какъ и выразить счастье, которое доставляетъ ему возможность сказать въ средоточіи русской земли слово роднымъ братьямъ на родномъ русскомъ языкѣ“.

Требуя въ 1867 году общеславянскаго языка, Аксаковъ забывалъ и то, что еще въ 1863 году во время польскаго возстанія онъ проводилъ идеи болѣе подходящія къ ученію основателей славянофильства, говоря, что „каждый народъ имѣетъ нравственное безусловное право на бытіе и самостоятельную жизнь“, хотя „только въ предѣлахъ своей народности“, и признавая, въ ту пору обострившихся отношеній, что „поляки имѣютъ безусловное, несомнѣнное право стремиться къ свободѣ и независимости, не только духовной, но и политической, всей польской народности“, не имѣя однако никакого права „притязанія на Литву, Бѣлоруссію, Украйны, принадлежащія Россіи и населенныя племенами, имѣющими свою самость, свою судьбу, свою духовную личность и волю“. Онъ считалъ въ то время „право польской народности быть польскою и развиваться политически свободно и независимо“, правомъ совершенно законнымъ, всѣмъ русскимъ сочувственнымъ, и въ принципѣ не отвергаемымъ даже правительствомъ. Въ то же время совершенно послѣдовательно онъ смотрѣлъ на притязанія поляковъ на Литву и Украйну какъ на „дерзкую мечтательность“, какъ на посягательство на самостоятельную жизнь и развитіе жмудской и русской народностей. *)

Но и въ 1867-мъ году, проповѣдуя въ нѣкоторыхъ статьяхъ общеславянскій языкъ, если не прямо, то косвенно настаивая на служебной роли славянства по отношенію къ Россіи, Аксаковъ не совсѣмъ позабывалъ то, что онъ говорилъ ранѣе. Разсуждая, напримѣръ, о необходимости разобщенія католицизма съ польскою національностью, онъ рѣзко полемизировалъ съ тѣми публицистами, которые отстаивали католицизмъ и требовали преслѣдованія польской національности, предлагая „кромѣ воспрещенія въ учебныхъ публичныхъ заведеніяхъ преподавать католикамъ законъ Божій и латинское вѣроученіе на польскомъ языкѣ и на какомъ бы то ни было языкѣ, кромѣ русскаго, — ввести русскій языкъ въ католическое богослуженіе въ храмахъ Западнаго края“. „По нашему убѣжденію, — заявлялъ категорически Аксаковъ, — такая мѣра ложна въ принципѣ и недо-

*) Пол. Соб. Соч. т. III, стр. 37.

бопримѣнима на практикѣ“. Правда онѣ мотивироваль это осужденіе взглядами вытекавшими изъ его приверженности, какъ славянофила, къ православію, говоря, что „Русскій—католикъ, на какомъ бы языкѣ онѣ не молился, примкнетъ чрезъ латинство ко всему западному, не русскому міру“. Но врядъ ли будетъ смѣлымъ сказать, что помимо указанной приверженности въ этой полемикѣ сказывался націонализмъ. Если бы Аксаковѣ не былъ проникнутъ уваженіемъ къ національнымъ началамъ, онѣ, рекомендуя борьбу съ католицизмомъ не задумался бы признавать и необходимость, рекомендуемой его противниками борьбы съ польскимъ языкомъ. Между тѣмъ онѣ рекомендуетъ вмѣсто этой борьбы, „вмѣсто введенія русскаго языка въ католическихъ храмахъ“, „мѣру совершенно обратную: ввести польскій, жмудскій или литовскій языкъ въ православное Бсгослуженіе“. *)

Мы не будемъ входить въ критику этихъ взглядовъ, которая завела бы насъ слишкомъ далеко. Но въ то же время мы не можемъ не замѣтить, что въ самомъ Аксаковѣ нѣтъ—нѣтъ, да проскальзывали идеи, отъ которыхъ онѣ усердно отрецивался, когда онѣ исходили изъ противоположнаго лагеря. Самую борьбу съ католицизмомъ онѣ желаетъ вести чисто нравственнымъ путемъ не на почвѣ юридическихъ стѣсненій, и „не прибѣгая ни въ какомъ насильственномъ внѣшнимъ мѣрамъ для обращенія въ православіе“. Борьба эта, по мнѣнію его, должна вестись русскимъ духовенствомъ „внѣ всякаго иного участія и содѣйствія государственной власти“. „Всего было бы правильнѣе,—говоритъ онѣ,—если бы правительство оставалось въ сторонѣ и ограничилось только наблюденіемъ за политическими интригами польскихъ ксендзовъ и прелатовъ“ **).

Такіе взгляды вполне подтверждаютъ его profession de foi въ качествѣ сторонника свободы вѣрующей совѣсти и религиозной вѣротерпимости ***). Противъ такой борьбы съ католицизмомъ могутъ возразить только развѣ иезуиты и сторонники инквизиціи или тѣ, кто не вѣритъ, что истина должна восторжествовать сама по себѣ, благодаря тому, что она истина, что „все минется, одна правда останется“.

Сопоставляя все вышесказанное, мы видимъ, что Аксаковѣ постоянно самъ себѣ противорѣчилъ, что признавая за каждымъ народомъ право свободного самостоятельнаго не только духовнаго, но и политическаго развитія, возставая противъ всякаго вмѣшательства въ извѣстныя области народной нравственной жизни, онѣ въ то же время требоваль отъ Славянъ, во имя принципа славянства, отказаться отъ своихъ національныхъ особенностей, сложившихся долгимъ историческимъ путемъ. То онѣ

*) Т. III., стр. 463—475.

**) Ib., стр. 473—475.

***) Т. II., стр. 556.

говорилъ, что не раздѣляетъ „мнѣнія тѣхъ, которые желали бы „абсорбировать“ Польшу, т. е. поглотить Польшу Россіей, обрусить ее, слить ее съ Россіей въ безразличномъ единствѣ“ *), и заступаетъ за украинофиловъ **). То вдругъ негодуешь на сербовъ за погоню за европейскими обычаями и учрежденіями, за желаніе создать правомѣрное государство, а не оставаться эпическими юнаками, говоря, что „начинать созиданіе государства въ XIX-мъ вѣкѣ, въ виду у народовъ старой цивилизаціи, утратившихъ память о своихъ до историческихъ временахъ, давно пережившихъ свой эмбриологическій процессъ и періоды постепенной, естественной, такъ сказать, бессознательной государственной формаціи, — задача мѹдреная“ ***).

Нѣтъ человѣка, который бы не противорѣчилъ самъ себѣ; но Аксаковъ впадалъ, какъ мы видѣли, въ слишкомъ рѣзкія противорѣчія, которыя были бы слишкомъ странны въ публициствѣ и главѣ самостоятельной школы, какимъ его считаютъ многіе и какимъ онъ никогда не могъ сдѣлаться. Живи Аксаковъ на западѣ, гдѣ существуютъ не одни только литературныя, но и политическія партіи, ведущія борьбу изъ-за власти, неустанно старающіяся провести свои взгляды въ жизнь чисто практическимъ путемъ, онъ бы могъ стать главою извѣстной партіи и его самопротиворѣчія ничѣмъ бы ему не мѣшали. Ораторскія трибуны созданы для даннаго момента, для торжества и борьбы противниковъ на сегодняшній день. Бисмаркъ можетъ сегодня объявлять „культуркампфъ“, а завтра украдкой ѣхать въ Каноссу, сегодня быть союзникомъ національ-либераловъ, а завтра заигрывать съ клерикалами. Но писатель не можетъ не быть послѣдовательнымъ. Глава школы, глава литературной партіи обязанъ быть прямолинейнъ и постояненъ въ своей проповѣди. Говоря это, мы не хотимъ унижить памяти покойнаго русскаго патриота. Но — *suum cuique*. Аксаковъ былъ поэтъ, а не публицистъ и напрасно изъ него стараются сдѣлать что либо иное. Онъ говорилъ съ читателями страстно и горячо, увлекалъ весьма многихъ, но не создалъ ничего новаго, какъ мы уже видѣли ранѣе и увидимъ дальше.

II.

Мы сказали, что Аксаковъ требовалъ отъ Славянъ полнѣйшаго и братскаго единенія, общаго развитія на одномъ и томъ же славянскомъ началѣ, которое есть, по его словамъ, только одно начало русское. Что же это за начало, о которомъ очень много говорятъ и не славянофилы, и такъ много спорять въ послѣднее время.

Въ основу русскаго, а слѣдовательно и общеславянскаго, начала еще основатели школы полагали православіе. По теоріи

*) Т. III, стр. 400.

**) Ib., стр. 297—308.

***) Т. I, стр. 325.

славянофильства истинная религія славянъ есть только православно-славная; католицизмъ съ самаго своего начала разрушалъ славянскую народность и возрожденіе западныхъ славянъ не мыслимо безъ возвращенія къ православію, какъ главнѣйшему устою народности. Этотъ же взглядъ на каждомъ шагу проповѣдывалъ и Аксаковъ и на сей разъ весьма послѣдовательно, никогда и ни для чего отъ него не отступая. Православіе для него было не только истинной религіей, какъ для каждого искренно вѣрующаго, но и тѣмъ бытовымъ началомъ, которое подобно воздуху проникаетъ собою всю жизнь русскаго народа, которое „даетъ, частію вѣдомо, частію невѣдомо для него самого, характеръ и направленіе его историческимъ судьбамъ и всѣмъ отправленіямъ его жизни, какъ духовной, такъ отчасти и матеріальной, какъ общественной, такъ и государственной“ *).

Безъ православія славянство, по мнѣнію Аксакова, должно погибнуть. До той поры нельзя ожидать „благопріятнаго поворота для австрійскаго Славянства, — говоритъ онъ, — пока оно не найдетъ для себя общей родной почвы, пока не придетъ къ полному признанію духовной сущности славянскихъ началъ и не выйдетъ изъ того духовнаго съ ними противорѣчія“, въ которомъ находятся, напримѣръ, Чехи. „Главнѣе и важнѣе всего для идеи всеславянскаго братства—идеи высшаго духовнаго объединенія въ вѣрѣ“ **). Только тѣхъ славянъ Аксаковъ и признаетъ славянами, которые исповѣдуютъ православную вѣру. Всѣ остальные вѣроотступники и измѣнники. „Если славяне хотятъ остаться славянами, и не только остаться славянами, но исхитить свою славянскую душу изъ цѣпей духовнаго плѣна, сковывавшихъ ихъ съ судьбами латинскаго міра, — то на вопросъ, предлагаемый имъ современной исторіей, они должны дать отвѣтъ рѣшительный и неуклончивый, должны отречься отъ Рима и всѣхъ дѣлъ его, всенародно и гласно, безъ сдѣлокъ и изворотовъ. Исходя изъ этого положенія, Аксаковъ обращается къ западнымъ славянамъ съ грознымъ словомъ:

„Выбирайте же, чехи, моравы, хорваты, словаки, словинцы! Хотите ли, вмѣстѣ съ западною Европой, пробавляться религіозными сдѣлками и компромиссами безвѣрія съ суевѣріемъ, вязнуть вмѣстѣ съ нею въ непроходимой чащѣ духовныхъ противорѣчій, — къ тому же не вашихъ, не изъ васъ порожденныхъ, а навязанныхъ вамъ врагами вашей славянской свободы, — или же выйти на тотъ широкій духовный путь истины православной, которымъ идутъ 60 милліоновъ вашихъ славянскихъ братьевъ, которымъ шли первоначально и ваши предки? Хотите ли вы, ревнуя о своей народной славянской самостоятельности, имѣть свою народную церковь, въ качествѣ члена церкви всеславянской, или же признавать своимъ духовнымъ центромъ по прежнему латинскій Римъ? Хотите ли имѣть главою церкви Христа, или папу?“ ***).

Мы уже приводили его грозную филиппику противъ чеховъ

*) Т. I, стр. 97.

**) Ib., стр. 49.

***) Ib., стр. 177 и 178.

въ письмѣ къ доктору Ригеру, гдѣ онъ отождествляетъ идеи Гуса съ чисто православными преданіями, начало которымъ было положено проповѣдью Кирила и Меѳодія, хотя если съ чѣмъ и можно связывать гуситское движеніе, помимо его національной подкладки, такъ это съ анабаптизмомъ, альбигойцами и вальденцами. Но еще жесточе относится Аксаковъ къ полякамъ, которыхъ онъ считаетъ прямо погибшимъ народомъ, съ которыми мы, русскіе. „дуэта“ пѣть не можемъ и которые считаютъ себя „передовою дружиною Запада“, измѣнивъ „славянскому братству“ *).

Г. Пыпинъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи къ западному славянству, въ лицѣ Аксакова, *въ славянофильской школѣ произошла нѣкоторая перемѣна* **). Но еще вѣрнѣе то, что перемѣнился и *самый взглядъ на православіе*. Аксаковъ смотритъ на послѣднее, какъ на какое-то исключительное достояніе славянскаго міра, тогда какъ первые славянофилы выставляли ее какъ „вселенскую истину“, какъ общечеловѣческое начало, противопоставляя католицизму и протестантизму, которыя являются односторонними, а потому фальшивыми выраженіями абсолютной христіанской идеи. У Аксакова православной религіи отводится какъ бы служебная роль; предлагая западнымъ славянамъ воссоединиться въ этой религіи, онъ какъ аргументъ приводитъ то, что ее исповѣдуютъ 60 милліоновъ славянъ и этимъ, повидимому, желаетъ придать ей авторитетность. Напротивъ Хомяковъ возстаетъ противъ самаго слова *авторитетъ*, прилагаемаго къ церкви. „Церковь не авторитетъ, — говоритъ онъ, — какъ не авторитетъ Богъ, не авторитетъ Христосъ, ибо авторитетъ есть нѣчто для насъ внѣшнее. Авторитетъ предписываетъ вѣрованіе, требуетъ себѣ подчиненія, вѣра же есть свободное движеніе человѣческаго духа, такое же свободное, какъ самая мысль“ ***).

Школа, смотрящая такимъ образомъ на какую бы то ни было религію, не можетъ уже ставить ее въ зависимость отъ идеи чисто политической, не можетъ навязывать вѣрованіе даже во имя братскаго единенія, такъ какъ такое навязываніе уже связываетъ свободу совѣсти, которая должна быть чужда всякихъ соображеній, кромѣ стремленія къ истинѣ. Аксаковъ по временамъ воспоминаетъ традиціи славянофильства и говоритъ, что онъ отнюдь не предъявляетъ славянамъ-католикамъ требованія обратиться въ православную вѣру. „Именно, какъ православные, — защищаетъ онъ свою партію отъ возможныхъ обвиненій въ религіозной нетерпимости, — мы чужды всякаго духа прозелитизма и не перестаемъ видѣть въ славянахъ-католикахъ — славянскихъ братьевъ, въ то же время сожалѣя о нихъ“.

*) Пол., Соб. Соч., стр. 109, 148, т. III, стр. 71.

***) Гб., стр. 798.

***) Богословскія сочиненія Хомякова, стр. 49.

Но вспомнивъ свои филиппики противъ чеховъ и поляковъ, онъ немедленно спохватывается и прибавляетъ: „но мы признаемъ наизлѣйшими врагами славянства (хотя подчасъ и безсознательными) всѣхъ тѣхъ латинянь-славянъ, которые, какъ поляки и многіе хорваты, силою и соблазномъ стараются олатинить славянъ православныхъ“ *).

Аксаковъ чувствуетъ, что онъ увлекся и впалъ въ противорѣчіе, такъ какъ его проповѣдь все-таки раздавалась не съ трибуны, а излагалась на бумагѣ въ тиши кабинета, гдѣ самый страстный характеръ становится хладнокровнѣе, и относится къ своимъ мнѣніямъ болѣе критически. Но, желая исправить это противорѣчіе, онъ невольно впадаетъ въ новое. Человѣкъ, исповѣдующій религію, чуждую прозелитизма, не можетъ видѣть враговъ даже и въ проповѣдникахъ ереси. Кто можетъ что нибудь сказать противъ „апостольской ревности къ распространенію истины, къ проповѣди слова Божія?“ Но самъ Аксаковъ обращается не къ апостольской проповѣди. Вы хотите національной самостоятельности — братья чехи, хорваты и поляки? Вы ее не найдете нигдѣ кромѣ единенія съ болѣе сильнымъ политически славянскимъ народомъ, и внѣ его погибните. Но для этого единенія вы должны отказаться отъ религіи, которую исповѣдуете — вотъ проповѣдь Аксакова. Но тогда зачѣмъ же упрекать Западъ, что онъ обѣщаетъ турецкимъ славянамъ свое покровительство цѣною вѣроотступничества отъ православія и перехода въ латинство и протестантизмъ **). Мы согласны абсолютно, что такая политика враждебна Россіи, что всякій истинно русскій долженъ желать борьбы съ нею. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тотъ, кто ее осуждаетъ, долженъ былъ рекомендовать ее. Г. Пыпинъ говоритъ, что „Аксаковъ, увлекаясь своими теоретическими построеніями славянскаго вопроса, слишкомъ забываетъ о дѣйствительной жизни славянства съ его исторически-создавшимися формами, въ которыхъ оно существуетъ въ данную минуту“ ***). Съ этимъ однако нельзя вполнѣ согласиться. Аксаковъ увлекался не славянофильствомъ, хотя и былъ славянофиломъ, а каждымъ событіемъ, имѣвшимъ связи съ русскими интересами. Возставали ли греки на Кандіи, чествовали ли чехи память Гуса, ѣдетъ ли графъ Волькенштейнъ въ Парижъ, въ Аксаковѣ просыпается трибунъ, который заботится не о проведеніи въ литературѣ извѣстной теоріи, а — повернуть событія по своему. Ему нѣкогда свѣрять подходитъ ли та или другая горячая фраза, которой онъ думаетъ увлечь общество и правительство, къ той доктринѣ, которую онъ исповѣдуетъ, онъ задается одною цѣлью — доказать необходимость того или другого дѣйствія, того или другого шага. Конечно

*) Томъ I, стр. 564.

**) Ib., стр. 100.

***) Ib., стр. 804.

во всѣхъ его взглядахъ главную роль играетъ славянофильство, но уже не то чисто теоретическое, которое проповѣдывалъ Хомяковъ. Аксаковъ видѣлъ въ славянофильствѣ средство торжества Россіи и православія.

III.

„Внѣ народной почвы нѣтъ основы, внѣ народнаго нѣтъ ничего реальнаго, жизненнаго, и всякая мысль благая, всякое учрежденіе, не связавшееся корнями съ исторической почвой народной, или не выросшее изъ нея органически, не дастъ плода и обращается въ ветошь“, — вотъ второе основное положеніе символа вѣры покойнаго Аксакова. „Все, что не зачерпываетъ жизни, скользитъ по ея поверхности и тѣмъ самымъ уже осуждено на безсиліе и становится ложью“ — говоритъ онъ *). Взглядъ этотъ не новъ: онъ цѣликомъ взятъ у славянофиловъ-первоучителей, онъ же и былъ главнымъ предметомъ спора славянофиловъ и западниковъ. Въ силу этого взгляда основатели славянофильства нападали на реформы Петра Великаго, а Хомяковъ обращался къ образованному классу съ слѣдующимъ укоромъ:

„За страннымъ призракомъ погнались у насъ многіе. Обще-европейское, общечеловѣческое!.. но оно нигдѣ не является въ отвлеченномъ видѣ. Вездѣ все живое народно. А думаютъ же иные обезнародить себя и уйти въ какую-то чистую, высокую сферу. Разумѣется имъ удастся только уморить свою жизненность и, въ этомъ мертвомъ видѣ, не взлетѣть на высоту, а, такъ сказать, повиснуть въ пустотѣ, т. е. изобразить изъ себя магометовъ гробъ“.

Но если первые славянофилы упрекали интеллигенцію въ оторванности отъ народной почвы, то Иванъ Сергѣевичъ довелъ эти упреки до апогея, до котораго былъ способенъ только такой страстный полемистъ какъ онъ. Внѣ народа, какъ чего-то противоположнаго образованнымъ классамъ, онъ только и видѣлъ, что одну ложь: и въ просвѣщеніи, и въ искусствѣ, и въ литературѣ, и въ стремленіяхъ интеллигенціи къ прогрессу и цивилизаціи. Это отрицаніе всякаго значенія за образованными классами онъ проповѣдуетъ не въ эпоху бюрократизма, а и въ 1861-мъ году, когда серьезнѣйшая часть интеллигенціи отнюдь не отрицала народныхъ началъ и не стояла за слѣпое подражаніе Западу. Въ эпоху „Современника“, когда въ литературѣ выступили такіе дѣятели, какъ покойный Кавелинъ, Костомаровъ, С. Соловьевъ и создавалась цѣлая школа народниковъ въ беллетристикѣ, Аксаковъ не находитъ другого названія для литераторовъ, кромѣ „незванныхъ гостей“, „самодовольно“ причисляющихъ себя „къ сословію жреческому“ и принимающихъ въ болѣзненномъ разстройствѣ своего организма, утративъ правду ощущеній и чувствъ“, „за свѣжія воздушныя струи смрадные газы разла-

*) Т. II, стр. 3 и 4.

гающагося тѣла“ *). Аксаковъ со свойственной ему горячностью сваливаетъ въ одну кучу и „либерала и кавалера Семена Семеновича“, который говаривалъ: „дали бы мнѣ власть, я создалъ бы тотчасъ общественное мнѣніе“, и Бакунина, и г. Трубникова, и сотрудниковъ „Голоса“, и Бѣлинскаго, и Чернышевскаго, и Глѣба Успенскаго, и Островскаго **). Въ славянофильства онъ находилъ „двухъ-трехъ истинно-великихъ художниковъ; двухъ-трехъ писателей съ порывами къ истинно-самостоятельному мышленію „ и “ нѣсколько дѣльныхъ изслѣдованій“. Остальное, по его словамъ, „ложь“, „недоваренные объѣдки чужихъ мыслей“ ***).

Все это становится понятнымъ въ связи съ тѣми упреками, которые онъ дѣлаетъ чехамъ, хорватамъ и полякамъ, которые мы уже приводили, и съ тѣмъ, что онъ писалъ о такъ называемой либеральной партіи. Многое изъ того, чего желала послѣдняя, раздѣляетъ и Аксаковъ. Онъ признаетъ, какъ и „либералы“, нужнымъ и полезнымъ „обличеніе прискорбныхъ фактовъ нашей административной практики и общественной жизни“ и считаетъ себя борцомъ за „свободу печати“ и „религіозную вѣротерпимость“ ****). Правда онъ замѣчаетъ въ „либеральной печати“ (дѣло идетъ о „Голосѣ“, „Порядкѣ“ и, по видимому, „Странѣ“) „нѣкоторое злорадство“ по поводу хищеній и желаніе объяснить послѣднія отсутствіемъ „европейскаго правового порядка“ или „европейскихъ либеральныхъ учрежденій“, беспочвенность и „болтаніе ногами въ воздухѣ“. Но не этимъ они его раздражаютъ. Причина его полемики съ либералами лежитъ въ ихъ пристрастіи къ европеизму и въ томъ, что всѣ ихъ „отрицанія и требованія взлелѣяны и повиты духомъ отвлеченнаго европеизма и отрицательнаго отношенія къ русской народности, къ русской самобытности, къ русскимъ историческимъ принципамъ *****).

Въ современной исторической наукѣ безповоротно принято положеніе, впервые рѣзко-формулированное Огюстомъ Контомъ, что настоящее и будущее каждаго народа и всего человѣчества есть результатъ его прошлой жизни. На этомъ основаніи довольно странно говорить о какихъ-то учрежденіяхъ, не имѣющихъ якобы корня съ исторической народной формой. Есть институты отжившіе, ветхіе, но не потому, что они не выросли на народной почвѣ, а потому, что они не удовлетворяютъ уже данной эпохѣ. Есть учрежденія и эфемерныя, искусственныя, какъ есть мертвыя буквы закона, но они обыкновенно недолговѣчны и самое большее переживаютъ только своего творца. Европеизмъ, въ которомъ упрекаетъ Аксаковъ „либераловъ“ и

*) Т. II, стр. 9 и 16.

**) Т. I, стр. 162, т. II; стр. 26, 113, 216 и 563.

***) Т. I, стр. 162.

****) Т. II, стр. 551 и 556.

*****) Ib. стр. 554 и 558.

интеллигенцію не былъ явленіемъ искусственнымъ, какъ это уже давно доказано и права его на существованіе не отрицаютъ даже нѣкоторые изъ народниковъ, стоящіе ближе къ славянофиламъ, нежели къ либеральнымъ западникамъ, какъ напримѣръ г. Каблицъ (Юзовъ), ведшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ не менѣе горячую полемику съ либеральной прессой, чѣмъ и самъ Аксаковъ. Г. Каблицъ только стоитъ за невторженіе интеллигенціи въ народную жизнь, которая въ настоящемъ развивается на иныхъ началахъ, чѣмъ жизнь образованныхъ классовъ*).

Но въ сущности и самъ Аксаковъ не вѣрилъ въ то, что европейскій костюмъ интеллигента, чисто европейская русская литература, созданная Пушкинымъ, Гоголемъ и ихъ продолжателями, наука и искусство являются ложью. Онъ былъ слишкомъ для этого образованнымъ въ европейскомъ смыслѣ человекомъ. Онъ нападалъ въ сущности не на европеизмъ въ смыслѣ культуры, а на то, что „правовой порядокъ“, какъ онъ выражался въ послѣднее время— „русскихъ газетныхъ либераловъ“, а въ шестидесятыхъ годахъ „русскаго общества“ „зиждется на безбожной школѣ, на насиліи надъ народомъ, на отрицаніи русской народной самобытности, на холопствѣ духовномъ и политическомъ предъ Западомъ, на русскомъ національномъ безчестіи и безславіи, на презрѣніи ко всякой народной святынь“ **).

Посмотримъ теперь, что разумѣлъ Аксаковъ подъ основами, связанными корнями съ „исторической почвой народной“. Для этого мы должны сдѣлать опять-таки маленькую экскурсію въ прошлое ко времени Хомякова и Кирѣевскаго. Первые славянофилы, признавая самымъ дорогимъ, въ человѣческомъ обществѣ, въ народѣ, *нравственные идеалы, выработанные его творчествомъ*, требовали, чтобы исторія народа была дѣломъ самого народа. Идея эта не оригинальна, она зародилась и развилась въ такъ называемой исторической школѣ. Не является она и исключительнаго достоянія славянофиловъ. Никто уже теперь не вѣритъ въ то, что исторія дѣлается законодателями или агитаторами. Но не это было важно. Ставъ на историческую почву славянофилы признавали за государствомъ право дѣйствовать принудительно только тогда, когда имъ руководитъ *народная мысль*. „Народу сила мнѣнія, правительству сила власти“—говорилъ Константинъ Аксаковъ.

Вотъ почему они такъ горячо протестовали противъ реформъ Петра, но въ сущности не эти реформы вызывали ихъ негодованіе. Всѣ славянофильскіе протесты сводятся къ слѣдующимъ тремъ началамъ:

- 1) „Они протестовали противъ принесенія въ жертву національныхъ идеаловъ — идеаламъ чуждыхъ намъ народовъ.“
- 2) Они протестовали противъ осуществленія чуждыхъ намъ

*) Основы народничества. Спб. 1882 г. и Интеллигенція и народъ. Спб. 1885 г.

**) Т. II, стр. 628.

идеаловъ принудительнымъ, государственнымъ порядкомъ, мимо народа и часто противъ него. 3) Они протестовали, наконецъ, противъ того, что было естественнымъ результатомъ двухъ предъидущихъ явленій — противъ раздвоенія земли и государства, т. е. противъ превращенія государства въ какое-то безличное абстрактное начало, и земли, народа въ нравственно-пассивную массу“ *).

Такимъ образомъ основной протестъ славянофиловъ былъ направленъ противъ обезличенія русскаго народа. Для возстановленія своей личности народъ, по ихъ мнѣнью, долженъ былъ сознать прежде всего свои особенности, отличающія его отъ другихъ народовъ. Однимъ изъ признаковъ нашего обезличенія является отсутствіе обычая, этой внутренней силы, „проникающей во всю жизнь народа, въ совѣсть и мысль всѣхъ его членовъ“. „Кто изъ насъ не признается,—говоритъ Хомяковъ,—что обычай не существуетъ для насъ, и что нашъ вѣчно измѣняющійся бытъ даже не способенъ обратиться въ обычай?“ **) Этимъ славянофилы совершенно правильно объясняли тотъ расколъ между жизнью официальной и жизнью народною, на который указываютъ также и многія литературныя партіи ничего общаго съ славянофильствомъ не имѣющія. Затѣмъ славянофилы взяли подъ свою защиту общинный бытъ, который выражаетъ собою цивилизующее начало, заключающееся въ культурѣ, свободно выработанной самимъ народомъ. Константинъ Аксаковъ видѣлъ въ общинѣ „то высшее, то истинное начало, которому уже не предстоитъ найти нѣчто себѣ высшее, а предстоитъ только преуспѣвать, очищаться и возвышаться... Община есть союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей и являющихся общее согласіе“.

Таковы основныя воззрѣнія первыхъ славянофиловъ на основныя особенности русскаго народа, которыя можно выразить двумя словами—обычай и община. Обычай и общинный бытъ, какъ противоположный родовому, до сихъ поръ составляютъ предметы спора въ наукѣ. Но несомнѣнно то, что обычай и община не суть исключительно славянскія начала. Нѣтъ напр. страны, гдѣ бы игралъ такую важную роль обычай, какъ въ Англіи.

Посмотримъ теперь на сколько сходилъ и отличался въ своихъ воззрѣніяхъ отъ своихъ предшественниковъ покойный Иванъ Сергѣевичъ. Какъ и они онъ исключалъ изъ состава русскихъ—интеллигенцію. Но онъ уже не только скорбитъ объ обезличеніи народа, а говоритъ, что „намъ не достаетъ внутренней, общественной жизни, не достаетъ глубокихъ убѣжденій, не достаетъ самодѣятельности, не достаетъ силы, силы общественной, той силы, которая есть единственная могучая, нравственная,

*) Національный вопросъ, А. Д. Градовскаго, с р. 236.

**) Собрание соч. Хомякова, т. I, стр. 164 и слѣд.

человѣческая сила, достойная человѣческаго общества, животворящая, всепобѣждающая, ведущая народы къ совершенію предназначеннаго имъ подвига въ исторіи человѣчества“ *).

Интеллигенцію онъ признаетъ совершенно отчужденною отъ народной стихіи. Въ этомъ есть доля правды; но Аксаковъ идетъ слишкомъ далеко. Дѣйствительно народъ въ смыслѣ крестьянской массы во многомъ не принимаетъ участія, многого не понимаетъ изъ того, что волнуетъ интеллигенцію. Чужды ему споры сторонниковъ реализма съ поклонниками классическаго образованія, нѣтъ ему дѣла до газетной полемики или вопроса о существованіи высшихъ женскихъ курсовъ, не пойметъ онъ изъ-за чего ломаетъ перья г. Стасовъ и поклонники „могучей кучки“. Все это такъ. Не пойметъ крестьянинъ или костромской мѣщанинъ значенія кличекъ „либераль“, „прогрессистъ“, „консерваторъ“, „народникъ“, „славянофилъ“. Но многое изъ того, что волнуетъ носителей этихъ кличекъ не чуждо и ему, волнуетъ и его, хотя понимается имъ нѣсколько иначе, своеобразно. Г. Юзовъ довольно справедливо замѣчаетъ, что „никакого антагонизма между юридическимъ сознаниемъ народа и лучшей части нашей интеллигенціи не существуетъ“ **).

Совершенно напрасно упрекаетъ Аксаковъ интеллигенцію и въ томъ, что она игнорируетъ народъ и его жизнь. Не падать предъ народомъ ницъ, не дѣлать изъ него какого-то кумира не значить его игнорировать. Съ конца пятидесятыхъ годовъ, какъ только мысли и слову у насъ была дана нѣкоторая свобода, въ нашей интеллигенціи сразу явилось желаніе изучать народный бытъ. Желаніе это выразилось и въ литературѣ и въ наукѣ цѣлымъ рядомъ произведеній и трудовъ. Стоитъ назвать Якушкина, Успенскихъ, Пахмана, г-жи Ефименко, работы нашихъ этнографовъ, статистиковъ и изслѣдователей общины. Мы согласны, что еще въ шестьдесятъ первомъ году можно было упрекать русскихъ юристовъ, что ни одинъ изъ нихъ, „ни одинъ профессоръ права въ юридическихъ факультетахъ всѣхъ нашихъ университетовъ безъ исключенія, — не въ состояніи объяснить, да и положительно не знаетъ — законовъ о порядкѣ наследства, объ опекахъ и имуществѣ малолѣтнихъ, и другихъ многочисленныхъ законовъ, которыми тысячу лѣтъ руководится, въ его отечествѣ, его же народъ“ ***). Но въ шестьдесятъ первомъ году русскихъ юристовъ можно было упрекать и не въ одномъ этомъ: русская наука права только что зарождалась и не могла сразу создать всего. Но повидимому Аксаковъ готовъ былъ повторять тотъ же упрекъ и въ восьмидесятыхъ годахъ, когда положеніе дѣлъ значительно измѣнилось.

Объясняется это очень просто. Упрекая интеллигенцію въ

*) Т. II, стр. 8, 9, 30 и 31.

***) Основы народничества, стр. 250.

***) Т. II, стр. 557.

полномъ незнаніи и непониманіи крестьянства, его нравовъ, желаній и быта, Аксаковъ самъ первый страдалъ этимъ незнаніемъ и непониманіемъ. Народъ Аксакова не былъ настоящимъ народомъ, а идеаломъ, созданнымъ пылкой фантазіей поэта и славянофила. Аксаковъ долженъ былъ игнорировать такихъ изслѣдователей, какъ въ беллетристикѣ Рѣшетниковъ и Глѣбъ Успенскій, а въ наукѣ г-жа Ефименко или профессоръ Пахманъ. Мы уже сказали, что основу всѣхъ взглядовъ и идей Аксакова составляло православіе. Все, что дѣйствительно или лишь какъ ему казалось, было враждебно этому вѣроученію, не могло быть истинно русскимъ, а было такою же ложью, какою ему представлялась петровская реформа и дальнѣйшій ходъ русской исторіи. Надо къ этому прибавить, что Аксаковъ, какъ и многіе другіе примѣшивалъ или связывалъ съ православной вѣрой многое такое, что по духу и происхожденію никакой связи съ нею не имѣетъ. Вообще Аксаковъ, будучи поэтомъ, все представлялъ въ своихъ статьяхъ не такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности, а такимъ, какимъ онъ желалъ его видѣть. Оттого онъ дѣлалъ упреки, что кто-то не желаетъ признавать, что цивилизація должна быть основана на христіанскомъ нравственномъ идеалѣ. Оттого онъ не признавалъ и заслугъ, напримѣръ, за трудами по русскому расколу гг. Пругавина и Юзова *).

Будучи враждебно настроенъ ко всему западному, онъ называлъ эту вражду и крестьянству. Дѣлалъ онъ это довольно удачно, стараясь бить на чувство. Для примѣра мы позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ статьи „Народный отпоръ иностраннымъ учрежденіямъ“, напечатанной въ „Днѣ“. Статья эта сплошь состоитъ изъ тѣхъ блестящихъ фразъ, до которыхъ Аксаковъ былъ иногда большой охотникъ и, которыя ничего не доказывали, кромѣ его субъективнаго настроенія. Статья начинается вопросомъ, отчего такъ безобразна Русь и отчего, что въ ней не посѣешь добраго, „всходитъ негодной травой, вырастаетъ бурьяномъ, да репейникомъ?“ Картинно, но не вполне справедливо, потому что есть же у насъ и свѣтлыя явленія. Поставивъ этотъ вопросъ, Аксаковъ отвѣчаетъ на него устами Россіи:

„Оттого я такъ безобразна, что набѣдили вы, нарушили мою красоту самородную, что связали вы по рукамъ и по ногамъ мою волю волюшку, что стянули вы могучія плечи во нѣмецкій тѣсный... кафтанъ! И связали и стянули, да и нудите ходить по полю да не по паханому, работать чужой сохой не прилаженной, похмѣляться во чужомъ пиру, жить чужимъ умомъ, чужимъ обычаемъ, чужой вѣрою, чужой совѣстью! О, не хольте меня, вы отцы, вы благодѣтели! Не делайте меня, вы незваные и непрошенные, вы дозорщики, вы надсмотрщики, попечители, строители, да учителя! Мнѣ не въ мочь терпѣть вашу выправку! Меня давить, томить вашъ тѣсный кафтанъ, меня душать ваши пути чуже-

*) Т. IV, стр. 535.

земныя!— Какъ не отворить коня сухопараго, не утѣшить дитя безъ матери, такъ не быть мнѣ пригожей на заморскій ладъ, не щеголять мнѣ красю нѣмецкою, не заслужить у Бога милости не своей душой!“ *).

IV.

Мы только что видѣли, что Аксаковъ признавалъ все, что не выросло на исторической почвѣ народной живымъ, давящимъ народъ и имъ отрицаемымъ. Но что же истинно-народное? Тутъ Аксаковъ повторяетъ то, что уже было сказано первыми славянофилами. На первый планъ какъ мы видѣли онъ ставитъ обычай и обычное право. Мы не будемъ подробно приводить его взглядовъ на этотъ вопросъ, такъ какъ они ничѣмъ существенно не отличаются отъ взглядовъ его предшественниковъ и оттого, что обыкновенно высказывается сторонниками обычного права, да не отрицается и большинствомъ современныхъ юристовъ. Основная его мысль по этому вопросу, однако, такова, что на ней нельзя не остановиться. Аксаковъ видитъ въ крестьянскомъ обычаѣ не одно только средство для уразумѣнія современнаго права, не одно, такъ сказать, научное орудіе, но и единственный источникъ, изъ котораго долженъ, по его мнѣнію, черпать матеріалъ законодатель, хотя и старается оговориться, что онъ отнюдь не желаетъ возвести живой обычай „на степень неизмѣннаго законнаго правила“ **).

Нельзя, конечно, не раздѣлять симпатіи Аксакова къ обычному праву, такъ какъ законъ не можетъ идти въ разрѣзъ съ тѣмъ правосознаніемъ, который лежитъ въ народной массѣ. Но тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ разсужденіяхъ Аксакова полнѣйшаго непониманія вопроса, о которомъ онъ трактуетъ. Прежде всего наше законодательство отнюдь не чуждо ужъ окончательно національныхъ началъ, начала же римскаго права внесены въ него отнюдь не „фанатическими поклонниками теоріи и науки“, а явились къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ православіемъ въ видѣ „кормчей книги“. Что касается до самаго обычая, то, даже признавая, что народъ былъ, есть и будетъ однимъ изъ главныхъ факторовъ исторической жизни, и то положеніе, которое высказываетъ Побѣдоносцевъ, что „законъ не долженъ оставлять безъ вниманія матеріальныя условія среды и понятія въ ней господствующія“ ***), нельзя не признать также и того, что нѣкоторые обычаи являются лишь переживаніями, чисто слѣпымъ консерватизмомъ формъ, далеко не служащимъ выраженіемъ ни народнаго правосознанія, ни потребностей жизни.

Минуя взгляды Аксакова на общину, являющіеся повтореніемъ того что говорили его предшественники и высказываемые имъ лишь вскользь и мимоходомъ, обратимся къ его возрѣніямъ на абсолютизмъ и монархическую власть. *Эту власть*

*) Т. II, стр. 10 и 11.

**) Т. IV, стр. 536 и 537.

***) Курсъ Гражданскаго Права. Сиб. 1876 г. Т. II, стр. 72.

ока считаетъ природною, исключительно славянскою, которою, по его словамъ, Россія должна гордиться передъ остальными народами *).

Русская монархическая власть, по словамъ Аксакова, не есть „механическій бездушный снарядъ“, а напротивъ „живая, личная, съ человѣческимъ сердцемъ“. Въ Россіи поэтому, въ силу ея историческаго склада, „всякій починъ тогда только вполне мощенъ“, „когда онъ нисходитъ съ верховныхъ высотъ власти“. Царь это „вождь всего русскаго народа“, „живой символъ русскаго народнаго единства, государственнаго величія и силы“. Эта царская власть органически развилась изъ русскихъ началъ и есть выраженіе славянской идеи **).

При такихъ взглядахъ на верховную власть въ Россіи Аксаковъ не боялся никакихъ на нее посягательствъ: „при той реальной, дѣйствительной мощи, которою обладаетъ русская верховная власть, ей не только нечего бояться на каждомъ шагу призрака революціи, но можно многое смѣть и дерзать, на что не всякой иной власти удобно отважиться“. Эта мощь основана на томъ, что нигдѣ въ мірѣ, нигдѣ нѣтъ такой „сознательной, закаленной въ горнилѣ исторіи, могучей“ вѣрности народа и „самоотверженной до безпредѣльности любви къ своимъ самодержавнымъ царямъ“ ***).

Въ этихъ взглядахъ нельзя согласиться съ однимъ:—будто та форма монархической власти, которую мы имѣемъ, есть единственно наше русское достояніе. По странной случайности Аксаковъ въ этомъ нѣсколько сошелся съ злѣйшимъ врагомъ Россіи, полякомъ Духинскимъ, который признаетъ русскую монархическую власть особой формой государственной жизни — „царатомъ“ и видитъ въ ней признакъ „туранства“ ****). Очевидно, что любовь и ненависть могутъ одинаково приводить къ заблужденіямъ. Что русская царская власть не есть исключительно наше достояніе весьма легко доказать, припомнивъ исторію и то, что самое имя „царя“ есть ни что иное, какъ видоизмѣненіе латинскаго Caesar. Исторія верховной власти въ Россіи весьма сходна съ исторіею развитія королевской власти въ дореволюціонной Франціи. У насъ вѣче, тамъ народныя собранія, у насъ удѣльные князья и свободные бояре, тамъ феодалы—вотъ и все различіе. Ходъ же историческаго развитія весьма сходенъ. Еще при Карлѣ Великомъ допускаются народныя собранія, но скоро тамъ теряютъ свою власть, развивается централизація и аристократія смѣняется придворными и королевскими чиновниками. Королевская власть добивается этого не сразу конечно: она вступаетъ то въ союзъ

*) Т. II, стр. 686.

***) Т. II, стр. 688 и 763.

****) Ib. стр. 616 и 615.

*****) А. Пыпинъ. Тенденціозная этнографія. „Вѣстникъ Европы“, 1887 года № 1, стр. 309.

съ городами противъ феодаловъ, то съ аристократіей противъ городовъ и сельскихъ общинъ и достигаетъ только въ позднѣйшее время того могущества, которое называется абсолютизмомъ.

И русское неограниченное самодержавіе вырабатывается долгимъ историческимъ путемъ. Первые его задатки кроются уже въ борьбѣ князей изъ-за столовъ, и въ борьбѣ съ вѣчемъ. Борьба эта, въ которой князья прибѣгали иногда даже къ помощи иноземцевъ, а затѣмъ и монгольское иго, привели къ возвышенію московскаго великаго князя и выработали то понятіе о власти, которое въ наукѣ носитъ названіе „неограниченной монархіи“, а у Духинскаго называется „царатомъ“,—форму правленія, которая съ извѣстными видоизмѣненіями присуща каждому народу, когда онъ достигаетъ извѣстной степени развитія.

Аксаковъ съ этимъ не соглашается; повидимому, онъ не признаетъ, что русскій монархизмъ слѣдовалъ тому же историческому развитію, какъ и единодержавіе на Западѣ. Онъ отрицаетъ всякій антагонизмъ великихъ князей московскихъ съ народомъ, всякую борьбу изъ-за власти. „Наша исторія,—говоритъ онъ,—начинается съ добровольнаго и сознательнаго призванія власти“. Аксаковъ боится самой мысли объ антагонизмѣ, указывая на то, что этотъ антагонизмъ привелъ къ революціи и конституціонному строю *). Но это противорѣчитъ и западной и русской исторіи. Борьба власти у насъ несомнѣнно была, начиная со смерти Ярослава Мудраго, или хотъ бы при Иванѣ Грозномъ. Французская революція и англійскій конституціонализмъ отнюдь не являются результатомъ антагонизма власти съ народомъ. Во Франціи монархическій принципъ былъ твердъ, народъ забылъ о своихъ народныхъ собраніяхъ и муниципальных правахъ и возсталъ не за старыя права, а за совершенно новыя. Въ Англійи же королевская власть и не достигала никогда до абсолютизма. Единодержавіе, на чемъ бы оно вначалѣ не было основано, крѣпнетъ вслѣдствіе уже послѣдующихъ условій. Монархизмъ палъ во Франціи не потому, что Филиппъ Красивый велъ борьбу съ альбигойцами, а Людовикъ XIII съ аристократіей; а вслѣдствіе цѣлаго ряда другихъ причинъ, ничего общаго съ этой борьбой не имѣвшихъ, которыхъ въ нашей исторіи мы не находимъ, и вотъ почему видимъ единодержавіе живущимъ безъ всякихъ серьезныхъ на него посягательствъ уже третье столѣтіе, вотъ почему русскій царь окруженъ „твердымъ, несокрушимымъ какъ Онъ самъ оплотомъ“ въ лицѣ народа, преданнаго ему до „самоотверженности“ **).

Напрасно думалъ Аксаковъ, что признаніе извѣстныхъ историческихъ фактовъ, въ родѣ борьбы московскихъ князей съ удѣльными, или борьбы двухъ Ивановъ съ Новгородомъ и Псковомъ, можетъ унижить идею русскаго единодержавія. Какимъ бы мы

*) Т. V, стр. 29 и 30.

**) Ib., стр. 17 и 18.

„Дѣло“ № 2. Февраль, 1887 г. Отд. I.

не признали историческое прошлое этой власти, она сильна не однимъ этимъ прошлымъ, а тѣмъ, что она срослась съ русскимъ народомъ, сдѣлалась дѣйствительно народнымъ началомъ настолько, что даже въ смутную эпоху самозванщины и междуцарствія народъ вернулся къ ней, а не къ какой либо другой формѣ правленія.

Но Аксаковъ отрицаетъ антагонизмъ власти и народа, длившійся до XVII-го вѣка, не ради идеи самодержавія, а ради принципа „земства“, котораго онъ является яркимъ поклонникомъ и которому онъ придаетъ какой-то мистическій характеръ. Онъ довольно поэтически рисуетъ, какъ по какому-то таинственному наитію, вслѣдствіе мистическаго „единства въ мысли и духѣ“ земство, т. е. народъ „учредило“ въ 1612-мъ году „свободную, т. е. самодержавную власть“ *). Не смотря на склонность Аксакова къ громкимъ фразамъ, строки о единеніи царя съ народомъ всегда полны у него глубокой поэзіи.

Аксаковъ продолжаетъ грезить тѣмъ земствомъ, которое выржалось въ боярской думѣ и въ земскихъ соборахъ. Это земство замѣнено петровскимъ бюрократизмомъ, но оно живетъ гдѣ-то въ народѣ. Выразителемъ его является Москва, которая не живетъ одною жизнью съ Петербургомъ, который „совершенно извнѣ относится къ Россіи“ и „проникнуть деспотизмомъ“. Въ Петербургѣ, какъ и на Западѣ все немило Аксакову; въ немъ все „ложь и насиліе“. Петербургъ вноситъ въ жизнь одно только чужое и забвеніе своего. Аксаковъ бичуетъ „казенщину“, „министерства“, „саранчу-чиновниковъ новаго закала, въ нѣмецкой одеждѣ и съ нѣмецкими началами“, „губернаторовъ“, „Святѣйшій Правительствующій Синодъ“ съ рѣзкостью заграничныхъ русскихъ изданій; но не менѣе рѣзко нападаетъ и на петербургскій „либерализмъ“, въ которомъ видитъ „насиліе и тиранию“, который есть „орудіе петровскаго переворота“, и который „поклоняется петровской палкѣ“, у котораго нѣтъ ровно ничего общаго съ русскимъ народомъ, и для котораго послѣдній „помѣха“; также рѣзко порицаетъ онъ и петербургскій „консерватизмъ“, который онъ именуетъ „лжеконсерватизмомъ паразитнаго міра“ **).

Чиновники, правительственныя учрежденія, учебная система, русская печать, консерватизмъ, либерализмъ и нигилизмъ—все это чады реформъ Петра, Запада и по этому все это ненавистно совершенно одинаково Аксакову. Они одинаково совершаютъ насильственную операцію надъ „смысломъ русскаго простаго челоука“. Надо отдать справедливость, что Аксаковъ весьма сильно умѣлъ обрисовывать слабыя стороны ненавистныхъ ему учрежденій и явленій общественной жизни. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не хотѣлъ видѣть ничего, кромѣ этихъ слабыхъ сторонъ.

*) Т. V. стр. 31.

**) Т. II, стр. 70, 71, 185, 408, 409, 410, 428, 429, 431, 621 у другія.

Онъ никогда не относился объективно къ разслѣдованію причинъ этихъ слабыхъ сторонъ, не анализировалъ съ хладнокровіемъ химика, не зналъ спокойствія анатома, который одинаково роется своимъ скальпелемъ и ланцетомъ и въ трупѣ красавицы, и въ трупѣ безобразнаго старика. Петровскія реформы внесли рознь въ русскую жизнь, оторвали высшіе классы отъ крестьянскихъ массъ, сдѣлали органы правительства чуждыми для послѣднихъ. Но кто въ этомъ виноватъ—этого вопроса рѣшать серьезно Аксаковъ не желаетъ: довольно того, что эти реформы были подражаніемъ Западу, чтобы они были зломъ и никакихъ благихъ результатовъ принести не могли. Онъ справедливо, напримѣръ, нападаетъ на господствующій формализмъ даже въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, выводя чиновниковъ, толкующихъ мужику о „кассационномъ порядкѣ“, но совершенно неправильно объясняетъ причины этого формализма. Да! коллежскій секретарь и статскій совѣтникъ по титуламъ чужды русской жизни, но русскій бюрократизмъ не похожъ на своихъ западныхъ собратьевъ, онъ только замаскировался нѣмцемъ, а въ сущности остался прямымъ наслѣдникомъ Шемяки, приказныхъ ярыгъ, и его формализмъ скорѣе пахнетъ Титомъ Титычемъ, чѣмъ римскимъ правомъ.

Аксаковъ указываетъ на отовсюду идущія жалобы на наши городскія и земскія учрежденія, что „они всё идутъ плохо, всё безжизненны, всё казенны“ и восклицаетъ: „казенны!.. Вотъ самое точное опредѣленіе тому мертвящему злему началу, для котораго всякое названіе оказывалось слишкомъ общимъ“. Онъ, повидимому, не рѣшается упрекнуть въ этомъ недостатокъ западно-европейскіе органы самоуправленія и говорить, что „зло наше, доморощенное“; но не хочетъ сознаться, что оно завѣщено намъ московской Русью, которая тоже вѣдь не была чужда заимствованій, только не съ Запада, а изъ Византіи и Золотой орды, онъ приписываетъ его возникновеніе хотя и русской, но „цивилизованной Петромъ почвѣ“, выставляетъ „продуктомъ XVIII вѣка“, „плодомъ нашей“ современной „культуры“ *). И многіе этому вѣрили, благодаря малому знакомству нашего общества съ прошлымъ и государственными науками, — вѣрили и увлекались. Зла нельзя было не видѣть, потому что оно слишкомъ часто затрогивало интересы каждаго, но для его анализа не хватало ни знанія, ни терпѣнія, а тутъ являлось готовое рѣшеніе вопроса, и при томъ льстящее самолюбію многихъ.

Аксаковъ бичуетъ, требуетъ уничтоженія, но не даетъ самъ ничего положительнаго. Онъ говоритъ, что даже и одинъ русскія формы сами по себѣ ничего не дадутъ, что нуженъ „русскій духъ“. Но, что такое этотъ „русскій духъ“—онъ не объясняетъ. Православіе и преданность Царю? Но эти начала, по его собственнымъ словамъ, достаточно сильны и въ настоящее

*) Т. II, стр. 425—434.

время. Значить, помимо этого русскій духъ заключаетъ въ себѣ еще что-то. Это что-то Аксаковъ называетъ „духомъ и сердцемъ“, „здравымъ смысломъ родной земли“; но этого мало, — всѣ эти эпитеты ничего не объясняютъ, и такъ туманны, что подъ ними можно подразумѣвать очень многое. Однимъ словомъ „русскій духъ“ и „народная самобытность“, къ которымъ призываетъ обратиться Аксаковъ интеллигенцію вмѣсто того, чтобы искать „для русской земли идеаловъ на Западѣ“, являются у Аксакова чѣмъ-то мистическимъ, а не реальнымъ. Можетъ быть этотъ мистицизмъ происходитъ отъ того, что Аксаковъ не договариваетъ, и самъ почему нибудь не хочетъ развить яснѣе свою мысль; но тогда это уже дѣло его ближайшихъ учениковъ разъяснить и комментировать то, что для обыкновеннаго читателя и критика является неяснымъ.

V.

Являясь самымъ строгимъ проповѣдникомъ идеи единой державы, Аксаковъ тѣмъ не менѣе вездѣ высказывается за самоуправленіе. Самоуправленіе Аксакова однако не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, которое создалось и развилось на Западѣ. „Самоуправленіе самоуправленію рознь“ — говоритъ онъ *). Аксаковъ коренной противникъ парламентаризма. Даже въ Англіи онъ полагаетъ всю силу отнюдь не въ государственномъ механизмѣ, а въ „историческихъ и индивидуально-народныхъ основахъ“ **). Парламентаризмъ не есть, по Аксакову, признакъ и гарантія свободы, напротивъ послѣдняя можетъ быть иногда результатомъ именно единой державы. Какъ примѣръ доказательства перваго изъ этихъ положеній онъ беретъ Францію.

„Какія бы формы она не мѣняла, ея идеаль, ея кумиръ, источникъ жизни и силы, по ея вѣрованію, — государственная власть съ ея принудительнымъ элементомъ, съ внѣшней правдой, съ наложеніемъ внѣшней государственной формулы на все живое. Она можетъ быть сегодня республикой, завтра имперіей, послѣ завтра конституціонной монархіей, или хоть даже социалистической общиной, но во всѣхъ этихъ видахъ она является такимъ же воплощеніемъ принципа государственности, принципа неволи и принужденія, — рабства внѣшней силѣ и формѣ. Франція до сихъ поръ не понимаетъ, что власть, какаѣ бы она не была, — все власть; ея принципъ не измѣняется отъ того, будетъ ли она исходить отъ лица или собранія, при помощи ли того механическаго государственнаго снаряда, который называется конституціей. Дѣло не столько въ томъ, въ чьихъ рукахъ власть и въ какой степени стѣснены ея политическіе предѣлы внѣшними формами, сколько въ самомъ количествѣ власти, въ ея отношеніи къ бытовой, неполитической свободѣ жизни. Эти же самыя внѣшнія формы, повидимому ограничивающія власть, въ сущности не болѣе, какъ видоизмѣненіе того же принципа власти и могутъ обратиться въ орудіе страшной тираніи для народа, какъ мы это и видѣли не разъ въ новѣйшей исторіи Франціи, въ ея

*) Т. II, стр. 430.

**) Ib. стр. 276.

политическихъ переворотахъ за послѣдніи три четверти вѣка. Французы не могутъ догадаться до сихъ поръ, что свобода, становясь властью, перестаетъ быть свободой. Самый ужасный деспотизмъ есть тотъ, когда „свобода“ и „народъ“, по выраженію одного писателя, облачаются въ багряницу, усваиваютъ себѣ государственную власть и совершаютъ свои отправления государственнымъ порядкомъ, то-есть тѣмъ путемъ принужденія и насилія, который есть необходимая существенная принадлежность всякаго государственнаго отправления, всякаго внѣшняго положительнаго закона“ *).

Для всякаго, кто изучалъ право и политическія науки такіе взгляды должны показаться парадоксальными. Худа ли, хороша ли политическая система Англіи, но какъ можно отдѣлять ея исторію отъ государственнаго устройства! Выраженіе, что „Англія сильна не законами, а вопреки законовъ“, можетъ быть, и остроумно, но приводитъ его, какъ доказательство, строить на немъ критическіе выводы можно лишь фельетонисту, а не серьезному публицисту. Право не мыслимо безъ защиты, безъ принужденія—это проповѣдывалъ еще Кантъ, этого держатся и современные юристы. Правомѣрность государства не мыслима безъ закона. Только то государство и правомѣрно, въ которомъ господствуетъ только законъ. Но конечно, каковъ бы ни былъ образъ правленія, необходимо, чтобы законъ представлялъ совокупную волю всѣхъ. Можетъ быть эти кантовскія положенія легли въ основу и положеній Аксакова, но если это такъ, то онъ слишкомъ затуманилъ ихъ славянскимъ мистицизмомъ.

Что касается въ частности до Франціи, которую онъ избираетъ примѣромъ для нагляднаго проведенія своихъ взглядовъ, то онъ не понималъ совершенно ея исторіи. Бѣда не въ томъ, что французскіе „свобода“ и „народъ“ облеклись въ багряницу и усвоили себѣ государственную власть, а въ томъ, что, какъ говорятъ профессоръ Герье, „при большой воспримчивости народнаго характера и способности французовъ легко поддаваться великодушнымъ влеченіямъ, отсутствіе политической опытности давало себя чувствовать у нихъ особенно живо и непосредственно. При этихъ условіяхъ французское общество увлеклось великой идеей *народа* или *націи* прежде, чѣмъ было въ состояніи усвоить себѣ ея истинное значеніе, и примѣнить ее къ своимъ потребностямъ. Недовольное своимъ положеніемъ, французское общество стало искать политическаго прогресса въ одностороннемъ развитіи этой идеи. Оно стало представлять себѣ *націю*, какъ нѣчто отдѣльное отъ власти, какъ нѣчто особое и самостоятельное, какъ нѣчто идеальное, и потому болѣе высокое и почтенное чѣмъ правительство“ **). И профессоръ Герье видитъ несчастье Франціи въ томъ, что она не поняла того, что монархія лучше всякаго другого образа правленія гарантируетъ

*) Т. II., стр. 277 и 278.

**) Понятіе о власти и народѣ. Москва, 1884 г., стр. 139.

національную волю; но онъ конечно не станетъ отрицать государственности и не назоветъ государство „кумиромъ“, которому принесится въ жертву не только „политическая“, но и „внутренняя свобода“ *).

Аксаковъ, очевидно, смѣшивалъ государственность съ бюрократизмомъ, къ которому онъ, какъ уже сказано было, чувствовалъ глубокую ненависть. „Что такое бюрократизмъ?“ — спрашиваетъ онъ въ одной изъ статей въ „Днѣ“ — и даетъ такой отвѣтъ: „это преобладаніе государственнаго начала надъ жизнью“. „Естественное стремленіе бюрократизма“ Аксаковъ опредѣляетъ желаніемъ „подавить всякую органическую силу въ жизни, стереть всякую индивидуальность, особенность быта“ и даже „самую народность“. Но онъ самъ же признаетъ, что достигъ этого почти невозможно. Господство бюрократизма, „казенщины“, о которой мы говорили выше, Аксаковъ всецѣло приписываетъ, какъ и все современное зло, Петру Великому. Наврядъ ли это однако справедливо, — ни учрежденіе Сената вмѣсто боярской Думы, ни табель о рангахъ не могли еще сами по себѣ создать бюрократизмъ. Учрежденія чуждыя, не имѣющія никакихъ данныхъ въ прошлой исторіи народа, не могутъ привиться. Если институтъ укореняется, значитъ онъ далеко не такъ чуждъ народу, какъ это полагаетъ Аксаковъ относительно петровскихъ учреждений. Если бы Аксаковъ смотрѣлъ на историческія событія не глазами поэта, и не чрезъ призму славянофильства, онъ навѣрное не сталъ бы взваливать на Петра и его реформы отвѣтъ за ту „казенщину“, которую онъ считаетъ главнымъ зломъ, развѣдающимъ Россію. Въ его поэтическомъ воображеніи рисуется весьма свѣтлый образъ „самоуправляющагося“ народа въ московскій періодъ; но врядъ ли этотъ образъ такъ реаленъ, какъ это ему кажется.

Подавленіе народа, уничтоженіе его всяческаго вліянія на общественную и государственную жизнь Аксаковъ опять-таки относитъ ко времени Петра, „характеристическую черту“ преобразованій котораго якобы составляетъ „неуваженіе къ народу“. Петръ „наложилъ“ на народъ „новый гнетъ ревизіоннаго крѣпостнаго права“, Петръ создалъ около государства изъ дворянства и духовенства „военную и гражданскую армію“, при помощи которой сломилъ „всякое осуществленіе органической жизни“ **). Петръ, какъ уже мы приводили выше, внесъ „казенщину“, которая отражается и на современномъ самоуправленіи.

Современное самоуправленіе, по Аксакову, не имѣетъ никакого авторитета въ народѣ, потому что оно создано „бюрократами“. Нужно другое самоуправленіе — „самородное“. Нужны „новыя основы нашего политическаго организма“:

*) Т. II, стр. 278.

**) Ib., стр. 302 и 303.

„Государство стерегущее, охраняющее заботливо земскій строй; земскій строй берегущій, охраняющій государство; государство постоянно вызывающее голосъ земли, ищущее добраго совѣта для совершенія своего великаго служебнаго подвига; земля не безгласная, совѣтная, но притомъ безпрекословно покорная велѣніямъ государственной власти; центральная власть самая свободная, самая мощная—при самомъ широкомъ земскомъ мѣстномъ самоуправленіи; власть—не механическій бездушный снарядъ, а живая личная, съ человѣческимъ сердцемъ; земство—не формальное представительство, а живое, органическое выраженіе интересовъ и духа самой земли“... *).

Таковъ идеаль русскаго политическаго организма выставляетъ Аксаковъ. Припомнивъ то, что онъ говорилъ о мистическомъ „единеніи любви и довѣрія“, о „духѣ жизни и жизни духа“, попробуемъ построить планъ системы, которая бы удовлетворяла этимъ „основамъ“, но построить не тѣмъ поэтическимъ и страстнымъ языкомъ, которымъ говорилъ покойный Иванъ Сергѣевичъ, а строгимъ и точнымъ философскимъ языкомъ государственной науки. Напрасный трудъ,—ничего не получится: такъ какъ, что такое „живая, личная власть“, чѣмъ она лучше той власти, которая управляетъ Россіей вотъ уже почти третье столѣтіе, что за „земля совѣтная“ и въ то же время „безпрекословно покорная велѣніямъ“, отчего теперь „центральная власть“ якобы „не свободная и не мощная“—этого идеаль Аксакова не объясняетъ. Какимъ должно быть не „казенное“, а истинно-народное самоуправленіе, на это также точнаго отвѣта Аксаковъ не даетъ. Вскользь онъ говоритъ о древнихъ московскихъ земскихъ соборахъ, о боярской Думѣ, объ общинѣ, но обо всемъ этомъ было уже яснѣе говорено его предшественниками въ славянофильствѣ.

Мы заканчиваемъ обзоръ политическихъ и общественныхъ идей покойнаго Аксакова. Къ какому же выводу можетъ привести этотъ обзоръ? Суммируя все уже сказанное, мы приходимъ въ тому, что Аксаковъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться основателемъ какой-либо школы, хотя онъ внесъ въ ученіе славянофиловъ много своего, много такого, что сильно разнится отъ ученія его предшественниковъ. Но славянофильство Хомякова, Кирѣевскаго и Константина Аксакова было строгой научной системой—это была цѣлая философская теорія, съ которой пришлось считаться ея противникамъ, и которая оставила реальные слѣды, оказала вліяніе и на тѣхъ, кто былъ и есть послѣдователь такъ называемаго „западничества“. Иванъ Сергѣевичъ достичь этого не могъ уже потому, что, какъ мы уже не разъ замѣчали, онъ не былъ мыслителемъ, а былъ лишь трибуномъ. Онъ словно чувствовалъ, что научный, философскій періодъ славянофильства прошелъ, что онъ поетъ уже лебединую пѣснь отвлеченнаго славянофильства.

Но отчего же послѣ этого Аксаковъ занялъ мѣсто не среди

*) Т. II, стр. 687 и 688.

обыденныхъ заурядностей, отчего его смерть не прошла незамѣченной, отчего съ нимъ столько считались при жизни и продолжаютъ считаться и послѣ смерти? Отвѣтъ на это дается тѣмъ, что составляетъ сущность его идей и что мы постарались сгруппировать. Минуя его крупный литературный талантъ и тотъ жаръ рѣчи, который обаятельно дѣйствуетъ даже тогда, когда его статьи являются просто поэтическимъ экстазомъ, слѣдуетъ сказать, что Аксаковъ сдѣлалъ одно огромное дѣло. Онъ доказалъ, что старья клички и девизы отжили свое время, онъ доказалъ, что нужны новыя начала, онъ весьма основательно выставилъ недостатки своихъ противниковъ, но обнаружилъ при этомъ и всю слабость доктрины, проповѣдникомъ которой былъ. Жизнь не укладывается ни въ какія рамки предвзятыхъ теорій, повернуть ее не можетъ никакая человѣческая сила. Аксаковъ старался указать жизни путь, хотѣлъ заставить быть ее такой, какой она должна была быть въ его воображеніи. Но жизнь его же заставляла часто себя противорѣчить, заставляла не договаривать и убѣждаться, что его предсказанія ошибочны. Въ нашей литературѣ много было доктринеровъ и мечтателей; но никто изъ нихъ не отличался той искренностью, тѣмъ жаромъ, которымъ отличался Аксаковъ. Эта искренность, эта проповѣдь туманная, сбивчивая, но чуждая всякаго ренегатства, всякой уступки, усиливала его вліяніе и въ публикѣ, и въ литературѣ. Его противники сознавали, что онъ не даетъ ничего опредѣленнаго, что онъ бичуетъ, но не созидаетъ, что въ сущности онъ повторяетъ уже сказанное, не давая ничего такого, что положило бы начало новому ученію, но невольно поддавались его силѣ, какъ трибуна. Въ массѣ читающей публики Аксаковъ былъ даже болѣе извѣстенъ, именно благодаря своимъ противникамъ. Его популярность окончательно возросла съ его кончиной, когда въ немъ оцѣнили горячаго патріота, искренняго человѣка, глубоко-честнаго писателя *).

М. Г. Гребенщикова.

*) Вполнѣ соглашаясь съ этимъ отзывомъ нашего сотрудника объ умершемъ великомъ патріотѣ, редакция считаетъ все же долгомъ, въ виду будущихъ работъ, оговорить свою нѣкоторую несолидарность съ иными подробностями взглядовъ М. Г. Гребенщикова. Затрагиваемые этою статьею вопросы объ отношеніяхъ бюрократизма къ государственности, и о границахъ, отдѣляющихъ славянскій принципъ отъ русской національной политики, — въ особенности послѣдній, ставшій настолько жгучимъ въ настоящее время, — до такой степени важны, что редакция всегда охотно откроетъ свои страницы изслѣдованіямъ тепершняго состоянія и объема этихъ основныхъ вопросовъ славянофильства, лишь бы изслѣдованія эти въ общемъ не противорѣчили направленію нашего журнала.

Прим. ред.

Матросскій линчъ.

(Изъ дневника бывшаго моряка).

Картины морской жизни.

I.

Клиперъ медленно подвигался, держась въ крутой бейдевиндъ, подъ зарифленными парусами. Покачивало таки порядочно. Шелъ дождь. Горизонтъ вокругъ затянулся мглой, и по нависшему мутному небу носились черныя, клочковатыя облачка. Вѣтеръ дулъ порывами: то затихнетъ, то вновь зареветъ, проносясь заунывнымъ воемъ въ намокшихъ снастяхъ.

Ужъ цѣлую недѣлю не выглядывало солнышко, и старшій штурманъ волновался, что нельзя сдѣлать обсервации и точно опредѣлиться. По счисленію мы считали себя въ ста миляхъ отъ Гонконга, и рассчитывали подойти къ нему къ полудню слѣдующаго дня.

Бутаясь въ просмоленные парусинныя пальтишки, матросы не отходятъ отъ своихъ снастей, перекидываясь изрѣдка отрывистыми замѣчаніями о погодѣ, и встряхиваясь, какъ утки, отъ воды. Вахта выдалась безпокойная. Приходилось быть постоянно на чеку для встрѣчи часто налетающихъ шкваловъ.

На мостикѣ, одѣтые въ дождевики, съ короткополыми зюйдвестками *) на головахъ, стоятъ капитанъ и вахтенный офицеръ. Капитанъ совершенно спокоенъ; молодой офицеръ нѣсколько

*) Зюйдвестками моряки называютъ дождевыя шляпы.
„Дѣло“ № 2. Февраль, 1887 г.

возбужденъ. Первый разъ въ жизни ему доводится править такую бурную вахту, распоряжаясь самостоятельно. Ему и пріятно и жутко, и въ то же время досадно, что капитанъ часто выходитъ на верхъ, словно не довѣряя осмотрительности молодого мичмана, считающаго себя уже опытнымъ морякомъ послѣ перехода Атлантическаго и Индѣйскаго океановъ.

Капитанъ, переживавшій въ молодости точно такія же чувства, отлично понималъ состояніе юноши-офицера, и не вмѣшивается въ его распоряженія, хотя и зорко наблюдаетъ за всѣмъ. Особенно часто и пристально всматривается онъ въ горизонтъ.

Вотъ тамъ, на склонѣ неба, что-то чернѣетъ, растеть въ грозовую тучу и, отдѣлившись отъ горизонта, сѣрымъ, быстро движущимся, широкимъ столбомъ приближается къ клиперу съ навѣтренной стороны.

Это несется шкваль съ дождемъ.

Громкимъ, черезчуръ громкимъ, слегка вибрирующимъ, голосомъ офицеръ нѣсколько рано командуетъ убрать паруса и, стараясь подавить волненіе, невольное охватившее его при видѣ грознаго шквала, принимаетъ небрежную посадку лихого, ничего не боящагося моряка.

Паруса взяты „на гитовы“ (убраны), и маленькое судно съ оголенными мачтами готово къ встрѣчѣ врага, представляя его ярости меньшую площадь сопротивленія.

Срывая и крутя передъ собой сѣдые гребешки волнъ, шкваль бѣшено нападаетъ на клиперъ, охватывая его со всѣхъ сторонъ проливнымъ дождемъ и мглой. Яростно шумятъ онъ въ рангоутѣ, гудитъ во вздувшихся снастяхъ, кладетъ судно на бокъ, и нѣсколько секундъ мчитъ его съ захватывающей духъ быстротой, такъ что кругомъ видна только одна кипящая пѣна.

Шкваль пронесся и игла разсѣялась. Клиперъ ириподнялся и пошелъ тише. Нѣкоторые изъ молодыхъ матросовъ, преувеличившіе въ страхѣ опасность, набожно перекрестились съ облегченнымъ вздохомъ.

Снова раздается звучный голосъ вахтеннаго офицера. Снова натягиваютъ паруса, и клиперъ по прежнему покачивается съ боку на бокъ на неправильномъ волненіи, легонько поскрипывая своими членами.

— Я поторопился немного убрать паруса, Павелъ Николаевичъ? обращается къ капитану мичманъ, нѣсколько смущен-

— Ему кажется, что капитанъ долженъ былъ замѣтить его трусость передъ шкваломъ.

— Отлично распорядились... молодцомъ!.. Всегда лучше обратиться раньше, чѣмъ позднѣе! проговорилъ съ обычной привѣтливостью капитанъ и, спускаясь внизъ, прибавилъ:

— Если засвѣжѣть—дайте знать... Впрочемъ, наврядъ ли засвѣжѣть. Барометръ подымается.

II.

— Въ то самое время, какъ наверху посвистывалъ вѣтеръ и усталые, измокшіе подъ дождемъ вахтенные матросы мечтали о смѣнѣ,—подвахтенные отдыхали внизу. Время было послѣобѣденное, и матросы безмятежно спали. Все пространство кубрика и нижней палубы, всѣ укромныя мѣстечки около мачтъ и трубы были заняты лежащими въ растяжку людьми. Не смотря на парусинные „виндзейля“, *) пропущенные сверху въ открытые люки для притока свѣжаго воздуха, въ палубѣ стоялъ тяжелый запахъ. Пахло жильемъ, сыростью и смолой. Громкій храпъ шести десятковъ матросовъ, только что плотно пообедавшихъ, раздавался на всѣ лады изъ конца въ конецъ.

Не всѣ, впрочемъ, спали. Нѣкоторые изъ матросовъ, „похожайственнѣе“, воспользовавшись досугомъ, справляли свои дѣлишки: кто чинился, кто точалъ сапоги, кто занимался шитьемъ. Нѣсколько человекъ сушили у „камбуза“ (судовая кухня) смокшіе буршлаты, слушая какъ вѣстовые, перемивавшіе тарелки, рассказывали офицерскому „коку“, (повару) о томъ, что господа „ноньче очень одобряли“ обѣдъ.

— Только одинъ Мурашкинъ фыркалъ... Онъ ужъ у насъ завсегда; что не подай, все: „фуй“ да „фуй!“ Одно слово „фуйка!“ насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ вѣстовыхъ.

— „Фуйка“ и есть!, повторила вѣстовые, и всѣ засмѣялись, видимо довольные прозвищемъ, которымъ они окрестили младшаго штурмана за его постоянное привередничанье, вызываемое не столько недовольствомъ, сколько желаніемъ показать, что онъ обладаетъ тонкимъ гастрономическимъ вкусомъ.

— На берегу, поди, трескалъ подошву подъ соусомъ изъ водицы и облизывался, а теперь фордыбачить, сердито проговорилъ поваръ. И хучь бы толкъ въ кушанья понималъ, а то такъ только... Такъ прочіе были довольны?

*) „Виндзейль“—нѣчто въ родѣ парусинной трубы, замѣняющей вентиляторъ.

— Очинно даже довольны... Старшій офицеръ два раза жаркова накладываль... Скусное, говорить... А дохтуръ пирожки хвалиль... Съ десятокъ ихъ слопаль Карла Карлычь!

Уютно примостившись у трубы, и упираясь босыми ногами въ плитусъ машиннаго люка, пожилой рябоватый матросъ съ серьгой въ ухѣ, съ сосредоточеннымъ, строгимъ видомъ, облаживаль новый парусинный башмакъ, напѣвая себѣ подъ носъ пріятнымъ голосомъ какой-то однообразный, заунывный мотивъ безъ словъ. По временамъ онъ оставлялъ работу и, оглядывая со всѣхъ сторонъ здоровенный башмакъ, любовался имъ съ чувствомъ удовлетворенія, выражавшимся тихой улыбкой въ чертахъ его загорѣлаго, энергическаго лица. Затѣмъ лицо его снова принимало обычное выраженіе строгаго спокойствія человѣка, выдаваго вида, и онъ принимался работать и подгѣвать, ухищряясь искусно строчить, не смотря на качку. Это—Федосѣевъ, исправный баковый матросъ, пошедшій третій разъ въ „дальнюю“, вліятельный среди команды. Въ знакъ уваженія его всѣ зовутъ Федосѣичемъ, хоть онъ и не унтеръ.

Рядомъ съ нимъ, лежа навзничъ съ раскинутыми по бокамъ руками, сладко храпѣль молодой черноволосый плотный матросъ Аксеновъ, изъ рекрутъ, первый разъ попавшій въ море. Онъ былъ изъ одной деревни съ Федосѣичемъ и въ качествѣ земляка пользовался покровительствомъ бывшаго односельца, не забывшаго еще деревни, и любившаго поговорить о ней съ молодымъ матросикомъ.

Громко всхрапнувъ, Аксеновъ вдругъ проснулся. Его румяное, здоровое курносое лицо, блестящее маслянымъ налетомъ, улыбалось еще блаженной сонной улыбкой, которая бываетъ у людей послѣ пріятныхъ сновидѣній. Онъ потянулся, сладко позѣвывая и щуря свои большіе тюленьи глаза и, повернувъ голову, сталъ смотрѣть, какъ Федосѣичъ работаетъ.

— А важные башмаки будутъ—промолвилъ наконецъ онъ.

— Чего не спишь? Спи себѣ знай, Ефимка! Еще не свистали—вставать. Ночью на вахтѣ не разоспишься... Лучше загодя отоспись! — ласковымъ тономъ проговорилъ Федосѣичъ, не отрываясь отъ работы.

— Будеть... важно выспался... Однако покачивается? — замѣтилъ онъ, присаживаясь.

— Есть - таки маленько... Это кто тебя такъ, Ефимка? —

вдругъ спросилъ Ѳедосѣичъ, увидавъ подъ глазомъ у своего земляка свѣжій подтекъ.

— Извѣстно кто... Все онъ, чортъ лупоглазый... боцманъ!

— Однако здорово онъ тебя, братецъ ты мой, звѣзданулъ! Ишь ты... Чуть-чуть не потрафъ, въ самый бы глазъ! — продолжалъ Ѳедосѣичъ, внимательно обглядывая синякъ. За что онъ тебя?

— Вовсе зря... право зря! — оживленно заговорилъ Ефимка, припоминая недавнюю обиду. Небойсь, знаешь, какъ онъ съ нашимъ братомъ... вовсе обижаютъ... Даромъ, что приказано народъ не бить и господа не дерутся, а онъ...

— Ты не мели пустова, Ефимка! — строго остановилъ его Ѳедосѣичъ... Инымъ разомъ, если за дѣло, нельзя и не съѣздить... Такая ужъ его должность... Ты толкомъ-то сказывай: за что?

— Какъ есть за дарма, Ѳедосѣичъ... Просто ни за что. Парусъ давѣ, значить, убирали... Ему и покажись, что долго... Онъ и пошелъ чесать морды... А я вовсе и не касался паруса-то... Такъ по путѣ, значить, меня свистнулъ... Съ сердцовъ...

— Не врешь, Ефимка?

— Чего врать-то... Хучь у ребятъ спроси... Всѣ видѣли.

Ѳедосѣичъ помолчалъ, потомъ тихо покачалъ головой и раздумчиво промолвилъ:

— Куражится Нилычъ... Не слушаетъ, что ему люди говорятъ...

— Совсѣмъ озвѣрѣлъ нонче... Вечоръ тоже вотъ меня огрѣлъ по спинѣ, а Левонтѣева въ морду съѣздилъ! — жаловался Ефимка.

Старшій офицеръ, проходившій изъ подшкиперской каюты въ каютъ-компанію, показался въ это время изъ-за трубы. Онъ слышалъ жалобы молодого матроса и, подойдя къ нему, спросилъ, показывая пальцемъ, на глазъ:

— Это что у тебя, Аксеновъ?

Матросъ мигомъ вскочилъ и застѣнчиво отвѣчалъ:

— Зашибся, ваше благородіе!

— Гммъ... Зашибся?.. — промолвилъ съ улыбкой старшій офицеръ и, не спрашивая болѣе, пошелъ прочь.

„Ужъ этотъ Щукинъ!“ — прошепталъ онъ, входя въ каютъ-компанію.

— Это ты правильно, Ефимка! Ай да молодецъ! Изъ тебя настоящій матросъ выйдетъ!—одобряль Ѳедосѣвичъ. Что дразгуето заводитъ да клязничать... Это послѣднее дѣло... Мы лучше Нилыча сами проучимъ, по-матросски! — значительно проговорилъ Ѳедосѣвичъ, понижая голосъ.

— Боцмана!? Да какъ его проучишь... боцмана-то, — изумился молодой матросъ.

— Ужь это не твоя забота, какъ ихъ учать!.. А ну-кась примѣрь, Ефимка! — продолжалъ Ѳедосѣвичъ, передавая Аксену башмакъ.

— Ефимка обулся, прошелъ нѣсколько шаговъ и, возвращая башмакъ, весело проговорилъ:

— Въ самый разъ, Ѳедосѣвичъ!.. И ногѣ въ немъ вольно...

— А главное, какъ спито... Ты это погляди, Ефимка!

Ефимка поглядѣлъ и нашель, что важно спито.

— Износу имъ не будетъ... Строчка двойная, и на подметкѣ хорошій товаръ. Ужо въ Гонконтъ придемъ, пустать на берегъ—одѣнешь... Да смотри, Ефимка, на счетъ того, что мы о боцманѣ говорили, никому не болтай! — внушительно прибавилъ Ѳедосѣвичъ, снова принимаясь за работу.

Въ тотъ же вечеръ Ѳедосѣвичъ о чемъ-то таинственно совѣщался съ нѣсколькими старыми матросами.

III.

Гроза молодыхъ матросовъ, боцманъ Щукинъ, коренастый, приземистый, пучеглазый человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ кривыми ногами, обвѣтрившимся краснымъ лицомъ цвѣта грязной моркови, и съ осипшимъ отъ ругани и пьянства голосомъ, только что прикончилъ свои неистощимыя варіаціи на русскія темы, — которыми онъ услаждалъ слушателей, на слѣдующій день, съ ранняго утра по случаю уборки клипера. За ночь стихло, кругомъ прояснилось, уборка кончена и Щукинъ, заложивъ за спину свои просмоленные руки, съ довольнымъ видомъ осматриваетъ якорные стопора, предвкушая заранѣе близость единственнаго своего развлечения: съѣхавши на берегъ, нализаться до безчувствія.

На эти развлечения стараго боцмана смотрять сквозь пальцы въ виду того, что Щукинъ знающій свое дѣло и лихой боцманъ. И если на берегу онъ обнаруживаетъ слабости, недостой-

ныя его званія, за то на суднѣ держитъ себя вполнѣ на вы-сотѣ положенія: всегда трезвъ;—боясь соблазна, не пьетъ даже казенной чарки, исполнительенъ и усерденъ, солиденъ и строгъ, на службѣ—собака, ругается съ артистичностью заправскаго боцмана старыхъ временъ, и тщательно соблюдаетъ свой боцманскій престижъ.

Увы! Весь этотъ престижъ пропалъ, какъ только Щукинъ ступилъ на берегъ.

Отправлялся онъ всегда нарядный. Для поддержанія чести русскаго имени, онъ обыкновенно одѣвалъ собственную щегольскую рубаху съ голландскимъ вышитымъ передомъ, поверхъ которой красовалась цѣпь съ серебряной боцманской дудкой, полученной имъ въ подарокъ отъ старшаго офицера,—обувалъ новые сапоги со скрипомъ, повязывалъ свою короткую, жилистую, побурѣвшую отъ загара, шею черной шелковой косынкой, пропуская концы ея въ серебряное кольцо, ухорски надѣвалъ на затылокъ матроскую фуражку безъ картуза съ черной лентой, по которой золотыми буквами было вытѣснено названіе клипера, и бралъ въ руки, больше, я думаю, изъ національной гордости, чѣмъ изъ необходимости, носовой платокъ, который обратно съ берега никогда не привозилъ.

Въ такомъ великолѣпнн, тщательно выбритый, съ подстриженными короткими щетинистыми усами, посматривая вокругъ съ видомъ имянинника, и не выпуская изъ рукъ носового платка, Щукинъ садился на баркасъ и, ступивъ на берегъ, шелъ медленно въ ближайшій кабакъ.

Съ берега Щукинъ обыкновенно возвращался въ истерзанномъ видѣ, не вязавши лыка, тихій, молчаливый и покорный. Случалось, что его привозили въ видѣ тѣла, со шлюбки поднимали на верхъ на веревкѣ и уносили въ его каюту.

На утро онъ снова напускалъ на себя важность, былъ еще суровѣе на видѣ и, словно въ отместку за вчерашнее свое униженіе, ругался съ большимъ усердіемъ, чаще ошпаривалъ линькомъ подвернувшася подъ руку какого-нибудь молодого матроса, и въ этотъ день, какъ говорили матросы, былъ особенно „тяжелъ на руку“.

Дальше ближайшаго отъ пристани кабака Щукинъ (по крайней мѣрѣ, въ трезвомъ видѣ) не былъ ни въ одномъ изъ иностранныхъ портовъ, посѣщенныхъ клиперомъ, что однако не мѣшало ему отзываться о нихъ со снисходительнымъ презрѣніемъ.

— Ничего нѣтъ хорошаго... Такъ слава одна — заграница! рассказыываль онъ безразлично обо всѣхъ чужихъ земляхъ... Противъ нашихъ городовъ ничего не стоять... И народъ не тотъ... То ли дѣло наша Россія... Недаромъ сказано: наша матушка Россія всему свѣту голова!

Онъ убѣжденъ былъ въ преимуществѣ Россіи такъ же непоколебимо, какъ и въ томъ, что безъ линька и безъ боя матроса не выучить и не „привести въ чувство“. Эта философія была такъ твердо усвоена Щукинымъ, основательно пропешдшимъ въ теченіи двадцатилѣтней службы прежнюю школу линьковъ и битья, что когда, въ началѣ нашего плаванія, было приказано боцманамъ и унтеръ-офицерамъ бросить линьки и не драться, — Щукинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Это какъ же теперче... Не смѣй и проучить человѣка?.. Какой же послѣ этого я буду боцманъ, если не могу дать по уху! ворчалъ онъ, бесѣдуя съ унтеръ-офицерами на бакѣ... Чудеса пошли... Прежде этого на флотѣ не было!

Въ концѣ концовъ онъ порѣшилъ, что всѣ эти новые порядки — одно баловство; нельзя матросу жить безъ страха и, не смотря на приказаніе, нерѣдко таки училъ людей по своему, такъ что молодые матросы боялись боцмана какъ огня. Уже нѣсколько разъ старшій офицеръ грозилъ Щукину, что его разжалуютъ, если онъ будетъ свирѣпствовать. Щукинъ, молча насупившись, выслушивалъ, крѣпился день, другой и снова дрался, хотя и не съ прежней откровенностью, а такъ, чтобъ не замѣтили офицеры.

— Ой! Нилычъ, не куражься... Не обижай людей зря! нерѣдко говорили ему въ началѣ плаванія старые матросы, пьянствуя вмѣстѣ съ боцманомъ на берегу. Боцманъ ты — надо правду говорить — хорошій, но только безъ толку мордобойничаешь... Ты это оставь, Нилычъ...

— А я что же по вашему... кляузы заводить долженъ, что ли?.. За всякую малость жаловаться?.. Ни въ жисть на это не пойду... я, братцы, коренной матросъ!.. Въ старину, небойсь, боцмана кляузами не занимались... На своего брата не жаловались... Сами учивали... Если драться съ разсудкомъ — никакой вреду нѣтъ... Это вѣрно я вамъ говорю...

— То-то ты иной разъ безъ разсудка дерешься, Нилычъ...

Щукинъ обѣщаль драться съ разсудкомъ и скоро нализывался вмѣстѣ, раскисая отъ вина, со своими совѣтниками.

Возмущенный новыми порядками, заведенными на клиперѣ, старый боцманъ слегка фрондировалъ, посмѣиваясь надъ ними, и любилъ вспоминать, какъ прежде „учили нашего брата“ и какой оттого былъ во флотѣ порядокъ. Увлекаясь этими воспоминаніями, онъ не безъ краснорѣчія рассказывалъ иногда въ интимномъ кружкѣ исторію своихъ двухъ вышибленныхъ переднихъ зубовъ, какъ бы доказывая собственной особой справедливость взгляда, что если „бить съ разсудкомъ, то вреда не будетъ“.

Достойно удивленія было то, что о виновникѣ крушенія своихъ зубовъ Щукинъ вспоминалъ съ самой любовной и почтительной восторженностью, съ какой обыкновенно вспоминаютъ о людяхъ, не вышибающихъ, по меньшей мѣрѣ, зубовъ. Но въ глазахъ Щукина этотъ самый командиръ Василій Кузмичь Остолоповъ („царство ему небесное!“) былъ именно какимъ-то недосягаемымъ идеаломъ и олицетвореніемъ всѣхъ совершенствъ и качествъ, необходимыхъ по мнѣнію боцмана настоящему начальнику. Рассказывая о немъ, Щукинъ даже приходилъ въ пафосъ, создавая изъ покойника какое-то мифологическое божество матросскаго Олимпа.

— Одно слово... левъ былъ! восторгался Щукинъ, теряясь въ эпитетахъ. Вылдетъ это онъ, бывало, на верхъ, такъ всякій чувствуетъ... Взглянетъ—орелъ! Или, напримѣръ, паруса крѣпить... У него, братецъ ты мой, положеніе было, чтобы въ три минуты, а ежели на одинъ секундъ позже на какомъ-нибудь марсѣ, сичасъ всѣхъ марсовыхъ внизъ и на бакъ... Какъ высыпать всѣмъ по сту линьковъ, небойсь, въ другой разъ не опоздаешь!.. И работали же у насъ на „Фершантъ“ *)! Первымъ въ эскадрѣ корабль былъ... Работа горѣла... Не матросы а черти были... лѣтомъ летали... У него, чтобы матросъ ходилъ съ прохладной—нѣтъ, братъ!.. Онъ все наскрозъ видѣлъ... Стоить это на ютѣ, заложивъ за спину руки да какъ вдругъ замѣтитъ неисправку—самъ несется на бакъ грозой и давай чесать... Разъ, два, три!.. Одному въ ухо, другому, третьему, да какъ отчешетъ десятка два, будешь, голубчикъ, помнить. Шалишь!.. И рука-жъ была у него!.. Ка-а-а-къ саданетъ,—въ глазахъ пылъ съ огнемъ—и морду вздуетъ... Знали его руку-то!.. Съ восторгомъ говорилъ Щукинъ, показывая наглядно, какаѧ у Остоло-

*) Такъ называли матросы корабль „Ла-фершампенуазъ“.

пова была рука. За то на счетъ службы, на счетъ чистоты и былъ порядокъ... Матросъ на кораблѣ въ струнѣ ходилъ, остерегался... Офицеровъ боялись, боцмановъ боялись, не то, что нонче... Ты ему слово, а онъ тебѣ два... Книжекъ этихъ для грамоты, небойсь не раздавали, матросъ жилъ въ страхѣ, не уничалъ... почиталъ, какъ слѣдуетъ, начальство... А спустили тебя на берегъ, гуляй, значить, во всю, — взыску не было. „Никакъ, говорить, безъ эстаго невозможно російскому матросу, чтобы онъ да за свои за труды на берегу не нахлестался въ дребезги!“ И стоитъ, бывало, нашъ Василій Кузмичъ да привѣтно усмѣхается, гляючи, какъ пьяную матрозню, ровно барановъ, съ баркаса поднимають на гордешкѣ“ *)... Небойсь, онъ въ томъ сраму не видѣлъ!.. Не то, что какъ нонче прочіе другіе командиры, — угрюмо прибавлялъ старый боцманъ, пуская шпильку по адресу нашего капитана.

— Онъ съ большимъ умомъ былъ Остолоповъ-то нашъ!.. восторженно продолжалъ Щукинъ... Понималъ, что матросу лестно покуражиться на сухомъ пути... ну, и самъ не брезговалъ напитками... Любилъ!..

— Многіе въ старину любили!.. вставилъ, смѣясь, фельдшеръ.

— То-то любили!.. Но только съ Василюмъ Кузмичемъ никому не сравняться... Онъ, я вамъ скажу, и на счетъ вина чортъ былъ! Графина три, а то и четыре, за день выдуетъ этой самой марсалы и хоть бы въ одномъ глазу! Выйдетъ къ вечеру на верхъ — такъ только маленечко съ лица будто побагровѣетъ, да ругается позатѣйнѣй... Онъ на это выдумщикъ былъ!.. По этому мы, бывало, и примѣчали, что орель-то нашъ намарсалился! А стоитъ на ногахъ, какъ вкопанный... глазъ чистый... Что ужъ и говорить! Во всѣхъ статьяхъ — орель!..

— А за что онъ вамъ, Матвѣй Нилычъ, нанесъ поврежденіе дѣйствиємъ? галантно спрашивалъ; бывало, фельдшеръ, желая доставить боцману удовольствіе, — рассказать вновь давно извѣстную всѣмъ слушателямъ исторію о двухъ вышибленныхъ зубахъ.

При этомъ вопросѣ Щукинъ неизмѣнно оживлялся, и на лицѣ его появлялась заранѣе улыбка, словно онъ готовился рассказывать о самомъ пріятномъ воспоминаніи въ своей жизни.

*) Гордень — веревка.

— За что? По настоящему мнѣ бы слѣдовало прямо всю скулу своротить на сторону да спину вздуть, а не то что два зуба!.. Вотъ что мнѣ слѣдовало, если говорить по совѣсти... Свезли, видишь ли, братецъ ты мой, мы утромъ, какъ теперь помню, командира на Петровскую пристань... Онъ, какъ водится, прыгъ съ вельбота, и на ходу проговорилъ въ котормъ, значить, часу за нимъ пріѣзжать... Мнѣ и послышся, что къ шести... я у него вельботнымъ старшиной былъ... Ладно. Безъ четверти въ шесть пристаемъ мы къ пристани, глядимъ, а онъ ходитъ по ей взадъ и впередъ да плечиками подергиваетъ: въ сердцахъ, значить, былъ... Тутъ я и вспомни, что какъ будто онъ велѣлъ не къ шести, а къ пяти часамъ быть... Какъ взшло это въ умъ, такъ, братецъ ты мой, сердце во мнѣ и захолонуло... по спинѣ мураши забѣгали... Цѣлый ежели часъ я командира заставилъ дожидаться... Василия Кузмича... льва-то нашего!.. Можешь ты это, какъ слѣдуетъ, понять, а? Тогда вѣдь не по нонѣшнему: „виновать—запаматоваль!“ Тогда, любезный мой, порядокъ любили форменный... За одинъ секундъ, бывало, шкуру спускали, а не то, что какъ ежели цѣлый часъ!!

На этомъ мѣстѣ разсказа Щукинъ всегда дѣлалъ ораторскую паузу, словно какъ бы для того, чтобы слушатели имѣли возможность надлежащимъ образомъ проникнуться сознаниемъ тяжести его преступленія, и могли бы затѣмъ еще лучше оцѣнить великодушіе покойнаго капитана.

— Хорошо... Подошелъ это онъ къ вельботу, поманулъ меня перстомъ и отошелъ въ сторону... Вижу—грозень... Я, значить, ни живъ, ни мертвъ, къ ему. Подошелъ и смотрю ему прямо въ глаза. Онъ любилъ, чтобъ матросъ ему завсегда съ чистымъ сердцемъ въ глаза глядѣлъ. И онъ воззрился на меня, ничего не говорить, да вдругъ: баць! баць! Два раза всего то кулакомъ въ зубы да такъ, что быдто цокнуло что-то. А, надо тебѣ сказать, на указательномъ перстѣ Василій Кузмичъ завсегда носилъ брульянтовый супирь. Отъ Государя Императора пожалованъ. Такъ самымъ этимъ, значить, супирчикомъ онъ и цокнулъ. Въ глазахъ—пыль,—но только я, какъ слѣдуетъ, стою, этакъ грудью впередъ, и весело ему смотрю въ зрачки. Жду еще бою! Однако онъ болѣе не захотѣлъ. „Попшелъ, говорить, собачій сынъ, на шлюпку!“ и самъ слѣдомъ сѣлъ. „Отваливай!“ Отвалили. Я изо всей мочи наваливаюсь—

гребцы у насъ на подборъ!—а самъ однако думаю: „Это, моль, только одна закуска была, какова-то настоящая расправка на кораблѣ будетъ. Не меньше какъ два ста линьковъ прикажетъ для памяти всыпать!“ Вельботъ ходомъ идетъ, скоро и корабль нашъ. Онъ насупимшись этакъ поглядываетъ на меня, увидаль, значить, какъ изо рту у меня кровь капелью каплетъ... Хорошо. Пристали къ кораблю. Всталъ и ко мнѣ оборотилъ голову:— „что, спрашиваетъ, цѣлы ли у тебя, у подлца, зубы?“ — Не должно быть цѣлы, ваше вашескобродіе!“ Это я ему, потому чувствую, что во рту словно каша. Усмѣхнулся,—и что бы ты думалъ!? За мѣсто того, чтобы меня, подлца, приказать отодрать какъ сидорову козу, онъ, голубчикъ-то мой, выходя, говорить: „Пей за меня чарку водки да впередъ, говорить, прочищай ухо!“ „Покорно благодарю, ваше вашескобродіе!“ гаркнулъ я въ отвѣтъ, да тутъ же и зубы сплюнулъ въ радости. А на другой день призвалъ меня къ себѣ. „Молодцомъ, говорить, бой выдерживаешь, бабства, говорить, въ тебѣ нѣтъ, какъ есть бравый матросъ. За то, говорить, я тебя унтерцеромъ жалую. Смотри, не осрами меня!..“ И какъ это онъ похвалилъ за мое усердіе, такъ я даже вовсе обалдѣлъ. Кажется, прикажи, онъ мнѣ за бортъ броситься, такъ я со всѣмъ бы удовольствіемъ!.. Вотъ каковъ онъ былъ! Умѣлъ и строгостью и лаской, коли ты стоишь. Стариннаго вѣку командиръ былъ. Господь и смерть ему легкую сподобилъ... ударомъ померъ. Игралъ, сказывали, въ карты, маленько нагрузившись, да вдругъ подъ столъ... Бросились подымать, а батюшка-то Василій Кузмичъ ужъ не дышетъ... Царство ему небесное, голубчику! прибавлялъ умиленный Щукинъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

IV.

Утреннія работы окончены. Одиннадцатый часъ на исходѣ—скоро обѣдать. Въ ожиданіи пріятнаго свиста дудокъ, призывающихъ къ водкѣ, матросы высыпали на палубу и толпятся на бакѣ, разбившись по кучкамъ. Только что убрали паруса, и „клиперъ“ довольно ходко шель подъ парами на встрѣчу прямо дующему въ лобъ вѣтру, мѣшавшему идти подъ парусами. Волненіе стихало, изъ-за тучъ выглядывало по временамъ солнце, и штурманъ былъ доволенъ—обсервація была взята. Оказалось, что мы будемъ на мѣстѣ не ранѣ вечера.

Усѣвшись на лапѣ якоря, боцманъ, окруженный избранными лицами баковой аристократіи: баталеромъ *), подшкиперомъ, фельдшеромъ и двумя писарями, рассказывалъ про китайцевъ.

— Совсѣмъ подлый народъ! говорилъ боцманъ, указывая пальцемъ на встрѣчавшіяся джонки. Всякую нечисть, шельмы, трескаютъ. И крысу, и собаку, и лягушку и стрекозу... что ему не дай, все жреть... Хлѣбушка-то у ихъ нѣту... рисъ одинъ, они и рады всякому дерму. И вороваты каналы... Чуть не догляди—объегорить,—даромъ, что длинноносый. Когда я первый разъ ходилъ въ дальнюю на „конвертъ“ (корветъ), и были мы въ этихъ самыхъ мѣстахъ китайскихъ, такъ разъ ночью, братецъ ты мой,—мы въ Шангаѣ стояли—подъѣхала на шлюпочкѣ китайская морда, и что бы ты думалъ?.. Мѣдную обшивку вздумалъ было, желторожій, отдирать... Ужъ жиганули жъ мы его подлеца! съ веселымъ смѣхомъ рассказывалъ Щукинъ... А пьютъ сулю какую-то, вродѣ будто водки, изъ риса гонять... нальетъ себѣ, собачій сынъ, въ чашечку съ наперстокъ и куражится... Просто тошно на ихъ подлецовъ глядѣть... Одно Слово—идолы!

— Ишь лупоглазый-то напѣ зубы скалить! развязно замѣтилъ рыжій, въ веснушкахъ, франтоватый матросъ изъ кантонистовъ, подходя къ Аксенову, и подмигивая плутоватыми бойкими глазами на боцмана.

— Онъ всегда веселый передъ берегомъ.

— Чуетъ, что скоро нахлещется, какъ свинья... А я, братецъ, о чемъ хотѣлъ было попросить тебя, Ефимка! заискивающимъ голосомъ продолжалъ рыжій.

— Ну?

— Дай ты мнѣ въ долгъ долларъ, какъ ежели насъ на берегъ отпустить... Совсѣмъ, братъ, прогулялся...

Аксеновъ нѣсколько времени молчалъ, и наконецъ нерѣшительно отвѣчалъ:

— Ты бы у кого другого взялъ, Леонтьевъ... право... Хоцца рубаху купить.

— Глухой ты... Зачѣмъ тебѣ рубаху?.. И тутъ вовсе нѣтъ хорошихъ рубахъ... Ты рубаху лучше въ Японіи купишь...

*) Унтеръ-офицеръ, зачѣдующій провизіей.

Тамъ, такъ сказываютъ, рубахи!.. Дай пожалуста... Черезъ мѣсяць отдамъ... право отдамъ!.. упрашиваль Леонтьевъ,

— И прежде отдашь?

— Всѣ сразу отдамъ... будь въ надеждѣ! продолжалъ Леонтьевъ, глядя жаднымъ взоромъ на потупившагося товарища.

Послѣ нѣкотораго колебанія Аксеновъ пообѣщаль, и Леонтьевъ весело замѣтилъ:

— Вотъ спасибо.. Вижу, что настоящій пріятель... Уждо погуляемъ въ Гонконгѣ! Съ Якуткой пойдёмъ... Онъ бываль здѣсь.

— Ишь вѣдь... тоже люди! дивуется Аксеновъ, глядя на близко проходившую джонку, на палубѣ которой толпились китайцы. Сколько, подумаешь, разнаго-то народа у Господа! То малайцы были, а теперь китайцы пошли...

— Все одинъ фасонъ—нехристь дикая! съ равнодушнымъ пренебреженіемъ кинулъ въ отвѣтъ Леонтьевъ, считавшій за признакъ хорошаго матроскаго тона ничему не удивляться... А ты, Ефимка, дуракъ! нѣсколько спустя проговорилъ онъ. Чего вчера, какъ старшій офицеръ спрашиваль, ты не сказалъ про этого дьявола? По крайности, было бъ на орѣхи! Будь у меня на мордѣ такая паца, какъ у тебя, я безпремѣнно бы сказалъ: „такъ и такъ, молъ, ваше благородіе, безвинно черезъ боцмана Щукина пострадалъ“! А то „зашибся“!

— Чего жалиться! Ему и такъ будетъ! промолвилъ Аксеновъ, стараясь придать себѣ важный видъ.

— Ужъ не отъ тебя ли? разсмѣялся Леонтьевъ.

Аксенову очень хотѣлось посвятить пріятеля въ тайну вчерашняго разговора съ Ѳедосѣичемъ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ хорошо не понималь, на что именно намекаль старшій матросъ. Онъ однако вспомнилъ наказъ Ѳедосѣича не болтать, но, воздерживаясь отъ искушенія, все-таки загадочно прошепталъ:

— Небойсь, люди проучать!..

— Люди!! передразнилъ Леонтьевъ. Какіе это люди? Кто можетъ проучить этого подлеца, кромѣ начальства?.. Ахъ, какая ты еще не образованная деревня, Ефимка, какъ я посмотрю! съ сожалѣніемъ замѣтилъ Леонтьевъ. Ударь онъ меня безвинно, да если со знакомъ, я бы нарочно на глаза капитану попался... Я бы не такъ, какъ ты... небойсь!.. А то: „люди“!

Аксеновъ, считавшій обращеніе и ухарскія манеры Леонтьева за образецъ матроскаго совершенства, и старавшійся подра-

жать ему во всемя, былъ задѣтъ за живое, что его считаютъ „деревней“, и съ сердцемъ возразилъ:

— Что жъ ты-то не жалуешься... Вечоръ онъ тебя по уху тоже огрѣлъ!..

— То-то... безъ знаку... я говорю, а ежели бы оказалъ знакъ... онъ бы помнилъ Леонтьева! бахвалился матросъ, видимо рисуясь, и восхищая своими манерами простоватаго товарища...—Эй, послушай Антоновъ! обратился онъ къ проходившему вѣстовому старшаго офицера;—какъ у васъ слышно, когда въ Гонконтѣ будемъ?

— Къ вечеру не раньше! отвѣчалъ на ходу вѣстовой, спѣшно направляясь на бакъ. Старшій офицеръ васъ къ себѣ требуетъ, Матвѣй Нилычъ! проговорилъ Антоновъ, подходя къ боцману. Въ каютѣ они...

Щукинъ оборвалъ разговоръ и рысцой побѣжалъ внизъ. Передъ входомъ въ каютъ-компанію, онъ снялъ фуражку, и вошелъ туда нахмуренный, осторожно ступая по клеенкѣ. Не любилъ онъ, когда Василій Ивановичъ требовалъ его къ себѣ въ каюту. „Вѣрно опять на счетъ вина шпинять будетъ“! подумалъ, морщась, боцманъ, просовывая свою четырехугольную, коротко остриженную, рыжую голову въ каюту старшаго офицера и затворяя за собой двери.

— Ты опять дерешься, Щукинъ, а? строго проговорилъ Василій Ивановичъ, хмурия брови.

Вылупивъ свои бычачьи глаза на старшаго офицера, боцманъ угрюмо молчалъ, нервно пошевеливая усами.

— Смотри, Щукинъ, не выводи меня изъ терпѣнія... Понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе! сурово отвѣчалъ боцманъ и хотѣлъ было уходить.

— Постой!.. Который разъ я тебѣ говорю, чтобъ ты докладывалъ мнѣ, если матросъ провинится, а не расправлялся бы самъ? Слышишь?

— Слушаю ваше благородіе! еще суровѣе промолвилъ боцманъ. Но только какъ вамъ будетъ угодно, а за каждую малость не годится беспокоить ваше благородіе... Тогда матросы вовсе не будутъ почитать боцмана! рѣшительно заявилъ Щукинъ обиженнымъ тономъ.

— Ты и не безпокой по пустякамъ! проговорилъ, смягчаясь, Василій Ивановичъ, чувствовавшій слабость къ старому боцману, —

но только не очень-то давай своимъ рукамъ волю... Ты любишь это... знаю я. Ну за что ты прибилъ Аксенова? Полюбуйся, какой у него фонарь... Срамъ! Ты вѣдь боцманъ, а не разбойникъ! прибавилъ Василій Иванычъ, снова принимая строгій начальническій тонъ.

Щукинъ опять упорно молчалъ.

— Нагрубилъ онъ тебѣ, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

— Неисправенъ былъ?

— Матросъ онъ исправный, ваше благородіе!

— Такъ за что жъ ты его прибилъ, скотина? воскликнулъ, всплывши, Василій Иванычъ.

— Матросъ онъ еще глупый, ваше благородіе!.. Не обученъ, какъ слѣдуетъ...

— Ну?...

— Для острастки, значить, ваше благородіе, чтобы понималъ! проговорилъ Щукинъ самымъ серьезнымъ убѣжденнымъ тономъ.

— Для острастки подшибъ глазъ?

— На счетъ глаза, осмѣлюсь доложить, по нечаянности, ваше благородіе! прибавилъ боцманъ, какъ бы въ оправданіе, снова принимая угрюмое выраженіе.

— Слушай, Щукинъ! Послѣдній разъ тебѣ говорю, чтобы ты людей у меня не портилъ? строгимъ голосомъ началъ Василій Иванычъ, подавляя невольную улыбку. Вѣдь стыдно будетъ, какъ тебя разжалуютъ изъ боцмановъ?..

Щукинъ сердито молчалъ.

— Какъ ты полагаешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— А дождешься ты того, что узнаешь, если не перестанешь разбойничать. Ступай! рѣзко оборвалъ старшій офицеръ.

Боцманъ исчезъ изъ каюты. Когда онъ поднялся на палубу, никто и не подумалъ бы, что его только что „разнесли“—до того важенъ и суровъ былъ видъ у Щукина. Только лицо его побагровѣло сильнѣй, да глаза еще болѣе выкатились.

— Видишь боцманъ идетъ! Посторонитесь, что ли, не можешь... сволочь! крикнулъ Щукинъ, намѣренно задѣвая плечомъ Аксенова, и повода на него презрительнымъ взоромъ.

Молодой матросъ отскочилъ въ сторону.

— Жаловаться, подлець! прошепталъ, проходя далѣе, Шу-

кинъ, сжимая кулакъ, и ощущая сильное желаніе зашутить Аксенова въ отместку за поступокъ, недостойный, по мнѣнію боцмана, порядочнаго матроса.

— Такъ выучать люди, Ефимка? подсмѣялся Леонтьевъ.

Въ эту минуту и самъ Аксеновъ усомнился, чтобы нашлись люди, которые могли бы проучить грознаго боцмана.

— Зачѣмъ это васъ, Матвѣй Нилычъ, старшій офицеръ требоваль? полюбопытствовалъ баталёръ, когда боцманъ пришелъ на бакъ.

— На счетъ работъ, значить, говорили... — усиленно небрежнымъ тономъ отвѣчалъ боцманъ.

— Вѣрно, что въ вечеру въ Гонконтъ придемъ?

— Должно, къ вечеру...

— А долго простоимъ, Матвѣй Нилычъ?

— Еще неизвѣстно... Объ этомъ у насъ разговору не было! — съ важностью молвилъ Щукинъ и прибавилъ: — Однако сейчасъ и обѣдать... водку несите!

Колоколь пробилъ шесть склянокъ (11 часовъ), и съ мостика раздавалась команда: „Пробу подать!“

Черезъ минуту кокъ въ бѣломъ колпакѣ и чистомъ передникѣ вынесъ маленькій подносъ съ двумя деревянными чашками, ложкой и сухаремъ. Принявъ подносъ, Щукинъ, сопровождаемый кокомъ, торжественно понесъ пробу. Кокъ остановился на шканцахъ, а боцманъ, поднявшись на мостикъ, гдѣ въ это время, кромѣ вахтеннаго офицера, находились капитанъ и старшій офицеръ, — подалъ пробу вахтенному офицеру, официально приложивъ растопыренные пять пальцевъ къ виску. Съ тою же официальною вахтенный передалъ пробу старшему офицеру, который, въ свою очередь, подалъ ее, прикладываясь свободной рукой къ козырьку фуражки, — капитану.

Взявъ подносъ, капитанъ отвѣдалъ щей и шпеной каши, съѣлъ кусокъ сухаря и, похваливъ щи, передалъ пробу старшему офицеру. Василий Ивановичъ тоже отвѣдалъ и, передавая пробу вахтенному офицеру, сказалъ, что можно раздавать вино и обѣдать. Возвращая почти пустыя чашки боцману, вахтенный приказалъ свистать къ водкѣ.

Два матроса съ баталёромъ сзади уже несли ендову съ ромомъ, отъ котораго распространялся на палубѣ острый, пахучій ароматъ, щекотавшій обоняніе. По обыкновенію, шествіе сопровождалось веселыми замѣчаніями и остротами. На шанцахъ ше-

ствіе остановилось, и ендову бережно опустили на подостланный брезентъ. Послѣ этого два боцмана и всѣ восемь унтеръ-офицеровъ стали на шканцахъ въ кружокъ, приставивъ дудки къ губамъ, и по знаку старшаго боцмана Щукина, вдругъ раздался долгій и пронзительный свистъ десяти дудокъ.

— Ишь соловьи заливаются! — весело замѣчаютъ матросы, окрестившіе этотъ долгій веселый свистъ дудокъ, призывающій къ водкѣ, „пѣнемъ соловьевъ“.

„Соловьи“ смолкли. Толпа собралась вокругъ ендовы, и начался торжественный актъ раздачи водки.

Баталеръ со спискомъ въ рукѣ, отмѣчая крестиками пьющихъ, и ставя палочки не пьющимъ *), — выкрикивалъ громко фамиліи, начиная по старшинству: сперва выкликались боцмана, затѣмъ унтеръ-офицеры, потомъ матросы первой статьи и т. д. Въ отвѣтъ раздавались на разные голоса короткіе отрывистые: „яу!“ или „яо!“ и, выдѣлившись изъ толпы, матросъ подходилъ къ ендовѣ, принимая вдругъ тотъ сосредоточенно-строгий видъ, который бываетъ у людей, подходящихъ къ причастію. Снявъ шапку, а иногда и крестясь, онъ зачерпалъ мѣрной оловянной чаркой, по объему равняющейся порядочному стакану, ароматнаго „горлодера“ и, стараясь не пролить ни одной капли, благоговѣнно подносилъ чарку къ губамъ, выпивалъ, крикнувъ, передавалъ чарку слѣдующему и послѣпно отходилъ, закусывая припасеннымъ сухаремъ. Если неосторожный проливалъ вино, изъ толпы раздавались насмѣшливыя замѣчанія:

— Винцо, братъ, не пшеничка: прольешь — не подклонешь!

Водка роздана. На палубѣ стелятся брезенты. Артельщики разносятъ баки съ дымящимися щами и большіе куски горячей солонины въ сѣткахъ. Небольшими артелями, человекъ по десяти, матросы разсаживаются вокругъ бака, поджавъ подъ себя ноги. Передъ тѣмъ какъ садиться каждый крестится. Артельщикъ, выбранный каждой артелью, начинаетъ рѣзать солонину на мелкіе куски, и всѣ дожидаются, не дотрогиваясь до щей. Затѣмъ крошево валится въ бакъ, въ щи подливается уксусъ, и матросы принимаютъ за ложки.

У одного изъ баковъ, вблизи гротъ-мачты, между другими,

*) Не пьющимъ, по окончаніи cadaго мѣсяца, выдаются на руки деньги, равныя стоимости вина. Обыкновенно приходилось около 5 коп. за каждую чарку. Эти деньги матросы называютъ „заслугой“.

сидѣли Ѳедосѣичъ, Аксеновъ и Леонтьевъ. Старый матросъ хлебаль щи въ молчаніи, съ той серьезностью, съ какой обыкновенно ѣдятъ простолюдины. Онъ ѣлъ истово, аккуратно, не спѣша, заѣдая щи размоченнымъ въ водѣ ржанымъ сухаремъ, и бережно собиралъ падавшія сухарныя крошки. Аксеновъ весь отдался ѣдѣ. Глаза его плотноядно блестѣли, и румяное здоровое лицо покрывалось крупными каплями пота. Онъ уписывалъ жирныя щи за обѣ щеки, издавая по временамъ одобрительныя восклицанія. Послѣ скуднаго берегового пайка, онъ вволю отѣдался на обильномъ морскомъ довольствіи, и находилъ, что „при такомъ харчѣ умирать не надо“.

Леонтьевъ снисходительно подсмѣивался надъ восторгами „деревни“. Щеголяя своимъ „хорошимъ тономъ“, перенятымъ у кронштадскихъ писарей, онъ старался „кушать по-господски“: съ нѣкоторой небрежностью и будто нехотя, словно желая подчеркнуть, что онъ привыкъ не къ такой пищѣ, и восторгаться какими-нибудь щами считаетъ неприличнымъ. Во время ѣды онъ болталъ, видимо раздражая своей болтовней стараго матроса. Ѳедосѣичъ, не долюблявшій хлыщеватаго Леонтьева, хмурился, бросая по временамъ на него сердитые взгляды, и когда тотъ завелъ было скоромную рѣчь на счетъ китайнокъ, Ѳедосѣичъ не выдержалъ.

— Нашель время языкъ чесать!—строго замѣтилъ онъ.

— За обѣдомъ завсегда можно разговаривать. Это даже вполне благородно...

— За хлѣбомъ за солью пустяковъ не ври!.. Или васъ, кантонищину, этому не учили?...

— Ишь строгій какой!—тихо огрызнулся Леонтьевъ и, нѣсколько сконфуженный, замолчалъ.

Примолкли и остальные. Нѣсколько минутъ только слышно было дружное сюсюканье людей, хлебавшихъ щи.

— Нести, что ли, еще, ребята? — спросилъ артельщикъ, когда бакъ былъ выпростанъ, и на днѣ осталась одна солонина.

Никто больше не хотѣлъ. Даже Аксеновъ не выразилъ желанія. Тогда стали ѣсть крошево, стараясь не обгонять другъ друга, чтобы всѣмъ досталось мяса поровну.

Когда мясо было выпростано, артельщикъ пошелъ за кашей и за масломъ.

— И скусная же была солонина! — проговорилъ, облизываясь, Аксеновъ.

— Эка нашель скуснаго!... Надоѣла ужъ эта солонина! — замѣтилъ Леонтьевъ, щура глаза. Завтра, по крайности, хоть свѣжинка будетъ!

— Разборчивый ты какой господинъ у насъ. Видно сладко въ кантонистахъ ѣдалъ? — насмѣшливо промолвилъ Ѳедосѣичъ.

— Небойсь, ѣдалъ! — хвастливо проговорилъ Леонтьевъ.

— Скажи пожалуйста! — иронически вставилъ Ѳедосѣичъ.

— Я, можетъ быть, самыя отличныя кушанья ѣдалъ.

— Въ казармѣ, что ли?

— Затѣмъ въ казармѣ? Мы, слава Богу, не въ одной казармѣ свѣту видѣли? Была у меня, братцы, въ Кронштагѣ одна знакомая, замѣсто повара у адмирала Лоботрясова жила... Можетъ, слыхали про адмирала Лоботрясова? Такъ придешь, бывало, въ воскресенье къ кухарченкѣ — она всего тебѣ представитъ: и солусу изъ телячьихъ мозговъ, и жаркова тегерьки съ брусникой, и кремь-брулея! Очень нѣжное это кушанье, братцы, кремь-брулей! продолжалъ Леонтьевъ, обводя всѣхъ торжествующимъ взоромъ и видимо довольный, что слово произвело нѣкоторый эффектъ.

— Тарелки, значить, вылизываль? презрительно вставилъ Ѳедосѣичъ.

Среди матросовъ раздался смѣхъ.

— Это пусть вылизываетъ, кто настоящаго обращенія не знаетъ, а мы, братецъ, и съ тарелокъ умѣемъ! задорно возразилъ Леонтьевъ.

— Врать-то ты поперекъ себя толще! проворчалъ, отворачиваясь, старый матросъ.

— То-то... врать!... Посмотрѣлъ бы, какъ люди врутъ, а мнѣ врать нечего!

Принесли кашу, и всѣ занялись ѣдой. Прикончивъ кашу, поднялись, помолились и стали прибираться. Когда всѣ ото-бѣдали, и палуба была подметена, раздался свистокъ и команда: „отдыхать!“ По случаю прохладной погоды, матросы пошли отдыхать внизъ.

Выбравъ укромное мѣстечко для себя и для своего любимца, Ѳедосѣичъ принялся доканчивать башмакъ, а молодой матросъ растянулся подлѣ.

— Тоже: „кремь-брулей“, лодырь этакій! произнесъ вдругъ

сердито Ѳедосѣичъ. Не бойсь, просиль онъ у тебя денегъ, Ефимка?

— Просиль. Доларь просиль.

— А ты не давай. Ему, брехуну, пыли пустить, а тебѣ деньги нужны. Въ деревнѣ отецъ съ матерью въ нуждѣ живутъ, имъ бы прикопиль по малости, спасибо скажутъ... И не вяжись ты лучше съ нимъ, Ефимка! Форсу-то его дурацкаго не переимай! Форсу-то на ёмъ много, а совѣсти нѣтъ... Онъ молоденькихъ васъ облещиваетъ, чтобы денегъ выманить... Совсѣмъ пустой человекъ! Слышишь, денегъ ему не давай! прибавиль внушительно Ѳедосѣичъ.

— Я было обнадежилъ его, Ѳедосѣичъ!

— Пусть прежде отдасть старыхъ два доларя. А-то видишь твою простоту и пристаешь! Такъ и скажи ему: Ѳедосѣичъ, молю, не велѣлъ! заключиль старый матросъ и принялся за работу.

Аксеновъ сталъ подхрапывать. Въ это время мимо проходилъ боцманъ. Замѣтивъ сладко спящаго матроса, изъ-за котораго его „срамиль“ старшій офицеръ, Щукинъ вскипѣлъ гнѣвомъ, и съ сердцемъ пхнулъ ногой молодого матроса.

Аксеновъ проснулся и ошалѣлыми глазами смотрѣлъ на боцмана.

— Ты што, какъ свинья, на версту протянулъ лапы? Убери ноги-то! грозно крикнулъ Щукинъ, прибавляя, по обыкновенію, цѣлый букетъ ругательствъ.

Матросъ покорно подобралъ ноги.

Ѳедосѣичъ пристально глядѣлъ на боцмана, держа въ рукѣ башмакъ, и съ укоромъ покачивая головой, замѣтилъ:

— Не хорошо, Нилычъ! За что зря пристаешь къ человекъ..

— А тебя спрашивали? окрысился Щукинъ;—ты кто такой выискался совѣтчикъ, а? Молчи лучше, а то какъ бы и тебѣ не пошало! проговорилъ Щукинъ, и пошелъ далѣе.

— Гляди, не поперхнись, Нилычъ! кинулъ ему вслѣдъ спокойно Ѳедосѣичъ.

Щукинъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ замѣчанія стараго матроса и, хмурый и недовольный, побрелъ въ свою каютку.

Ѳедосѣичъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и, минуту спустя, прошепталъ, какъ бы въ раздумьѣ:

— Зазнался человекъ, что вошь въ коростѣ. Впрямь, проучить пора!

— Не прочить его! Напрасно только вчера я не пожалелся на него. Вишь, какъ онъ пристасть! жалобно произнесъ Аксеновъ.

— Глухой! Небойсь, и не такихъ учивали! Богъ гордыхъ не любить! успокоительно промолвилъ Федосѣичъ и, принимаясь снова за башмакъ, зашѣлъ свою тихую деревенскую пѣсенку, пріятные, твердые звуки которой производили впечатлѣніе чего-то необыкновенно хорошаго, простаго и спокойнаго.

V.

Черезъ три дня первая вахта собиралась на берегъ.

Матросы выходили на палубу вымытые, подстриженные, подбритые, въ чистыхъ рубахахъ и новыхъ, спущенныхъ на затылки, шапкахъ. На многихъ были собственные рубахи изъ тонкаго полотна, шелковыя косынки и лакированные пояса съ тонкимъ ремешкомъ, на которомъ висѣли матросскій ножъ, спрятанный въ карманъ штановъ. Всѣ имѣли праздничный оживленный видъ.

Леонтьевъ только что вышелъ снизу расфранченный, въ щегольской рубахѣ, въ обтянутыхъ штанахъ, съ атласнымъ платкомъ на шеѣ, украшеннымъ бронзовымъ якорькомъ. Шапка на немъ была какъ-то особенно загнута на бекрень, свѣтлорыжіе волосы густо намаслены, усы подфабрены, и весь онъ сіялъ, небрежно щуря глаза, и видимо щеголяя писарской развязностью своихъ манеръ. Онъ искалъ глазами Аксенова и, увидавъ молодого матроса, который въ эту минуту, улыбаясь довольной улыбкой, любовался своими новыми только что надѣтыми башмаками, — подошелъ къ нему и хлопнулъ его по плечу.

— Такъ какъ же, Ефимка? Выходить: ты обнадежилъ товарища, а теперь, братъ, на попятный, а? проговорилъ онъ, отставляя ногу и покручивая усы, чтобы показать свой перстенецъ съ фальшивымъ аметистомъ, купленный за шиллингъ въ Сингапурѣ.

Аксеновъ поднялъ глаза и оглядывалъ франта-матроса, нѣсколько подавленный его великолѣпіемъ.

— Я, вѣдь сказывалъ тебѣ: Федосѣичъ не велить! уклончиво отвѣчалъ молодой матросъ, не безъ зависти любуясь блестящимъ на мизинцѣ у Леонтьева кольцомъ.

— Не срамись, Ефимка, право не срамись! Начальникъ

онъ тебѣ, что ли, Ѳедосѣичъ? Развѣ ты малый ребенокъ, что не смѣешь безъ Ѳедосѣича?.. У тебя кажется, свой разсудокъ есть... Дай, голубчикъ, вѣдь ты общалъ? заискивающимъ тоненькимъ голоскомъ упрашивалъ Леонтьевъ въ то время, какъ плутоватыя глаза его бѣгали по сторонамъ.

— Ѳедосѣичъ не велить! съ упорствомъ повторилъ Аксеновъ.

— Вотъ зарядилъ: Ѳедосѣичъ, да Ѳедосѣичъ! Ты и не скзывай ему, что даль, ежели ужъ ты такъ боишься своего Ѳедосѣича... Будь пріятелемъ—дай!

— Не проси лучше...

— Такъ ты взаправду не дашь мнѣ доллера, Ефимка? спросилъ Леонтьевъ, неожиданно мѣняя тонъ.

— Сказано тебѣ: Ѳедосѣичъ не велить. У него и деньги.

— Такъ послѣ этого ты хуже свиньи, Ефимка! Ужо погоди—вспомнишь!

— Ты чего грозись-то? Ты прежде мои два долара отдай.

— Два „доларя“? передразнилъ Леонтьевъ. Ахъ, ты деревня неотесаная! продолжалъ онъ, презрительно оглядывая молодого матроса. Подождешь ты свои два „доларя“, ежели ты такую подлость сдѣлалъ съ человѣкомъ! Гдѣ у тебя росписка, а? съ наглою усмѣшкой прибавилъ Леонтьевъ и отошелъ прочь, окончателно смутивши молодого матроса.

— Первая вахта становись во фронтъ! прокричалъ вахтенный унтеръ-офицеръ.

Матросы пошли строиться. Послѣ провѣрки скомандовали садиться на шлюбки, и черезъ нѣсколько минутъ баркасъ и катеръ, полные людьми, отвалили отъ борта клипера. По обыкновенію разодѣтый въ пухъ и прахъ, боцманъ Щукинъ сидѣлъ на баркасѣ на почетномъ мѣстѣ, весело пуча глаза, и деликатно придерживая двумя пальцами клѣтчатый носовой платокъ. На баркасѣ онъ сбросилъ свою суровость и не игралъ въ начальника. Обращаясь къ сидѣвшимъ рядомъ матросамъ, онъ дружескимъ товарищескимъ тономъ разсказывалъ о достоинствахъ англійскаго джина и, между прочимъ, приглашалъ Ѳедосѣича попробовать этого напитка вмѣстѣ. Однако Ѳедосѣичъ отказался, и во всю дорогу сосредоточенно молчалъ.

.....

Къ вечеру баркасъ и катеръ шли къ клиперу, возвращаясь съ берега. Приближаясь къ судну, шумные разговоры и смѣхъ стихли. Шлюбки пристали, и началась высадка. Слегка поша-

тываясь, выходили подгулявшіе матросы на палубу и поскорѣй пробирались на бакъ, гдѣ шумно дѣлились впечатлѣніями съ остававшимися на клиперѣ. Нѣсколькихъ пришлось подымать на веревкѣ и въ безчувственномъ состояніи уносить въ палубу и окачивать водой. Наконецъ поднялся по трапу и Щукинъ, поддерживаемый сзади двумя болѣе трезвыми ассистентами, и при свѣтѣ фонарей предсталъ въ самомъ жалкомъ и истерзанномъ видѣ. Лицо стараго боцмана было въ кровавыхъ подтекахъ, одинъ глазъ вздутъ, рубаха изорвана, и отъ шелковой косынки висѣли одни клочки.

Хотя боцманъ былъ порядочно пьянъ, однако при входѣ на шканцы онъ приложилъ руку къ виску, отдавая честь, и пролепеталъ: „Честь имѣю явиться!“ Затѣмъ его отвели въ каюту и уложили.

Гардемаринъ, ѣздившій на берегъ съ командой, доложилъ старшему офицеру, что боцмана, сильно избитаго, привели на пристань Ѳедосѣевъ и еще два матроса, и объяснили, что нашли его въ такомъ видѣ, случайно зайдя въ кабакъ. Василий Ивановичъ попросилъ доктора осмотрѣть Щукина. Скоро Карлъ Карлычъ вернулся и объяснилъ, что хотя боцманъ и „поврежденъ“, но переломовъ нигдѣ нѣтъ, и черезъ день—другой онъ отлежится.

Тогда Василий Ивановичъ велѣлъ позвать Ѳедосѣева.

Старый матросъ явился въ каютъ-компанію нѣсколько раскраснѣвшійся отъ выпитаго вина, но держался онъ на ногахъ твердо. Онъ подтвердилъ старшему офицеру то же, что сказалъ и гардемарину.

— Кто же могъ избить боцмана? спросилъ Василий Ивановичъ.

— Должно, боцмана помяли англичане, ваше благородіе! тихимъ и спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ Ѳедосѣичъ.

— Какіе англичане?

— Съ купеческихъ судовъ англичане, ваше благородіе. Ихъ тутъ есть...

— Почему ты думаешь, что англичане!

— Мы видѣли, ваше благородіе, что Нилычъ съ ними раньше связался пить пинапсы... Вѣрно опосля и разодрались...

Василій Ивановичъ покачалъ головой и отпустилъ Ѳедосѣича.

На слѣдующее утро Василій Ивановичъ самъ заглянулъ въ каюту боцмана. Щукинъ лежалъ пластомъ. Все лицо его было

обложено компрессами. При видѣ старшаго офицера, старый боцманъ вскочилъ.

— Лежи, лежи, Щукинъ. Гдѣ это, братецъ, тебя такъ изукрасили?

— Не припомню, ваше благородіе! хмуро отвѣчалъ боцманъ.

— Ѳедосѣевъ сказывалъ, что ты съ англичанами дрался?

Боцманъ на секунду вытаращилъ удивленно глаза, но вслѣдъ за тѣмъ съ живостью проговорилъ:

— Дрался, ваше благородіе!.. Винавать...

Василій Иванычъ догадывался, что на англичанъ взвели напраслину, но дальнѣйшихъ разспросовъ не продолжалъ и ушелъ, пожелавъ боцману скорѣй поправиться и впредь съ англичанами не драться.

Щукинъ отлеживался цѣлый день. Былъ уже вечеръ, когда въ каюту къ нему вдругъ пшмыгнулъ Леонтьевъ.

— Кто здѣсь?

— Леонтьевъ, Матвѣй Нилычъ!

— Тебѣ что? сердито спросилъ боцманъ.

— Я, Матвѣй Нилычъ, пришель доложить вамъ, по секрету, потому, какъ я завсегда уважалъ васъ и кромѣ хорошаго ничего отъ васъ не видалъ... Я знаю, кто это съ вами такъ подло, можно сказать, поступилъ. Я, если угодно, свидѣтелемъ подъ присягу пойду... Это Ѳедосѣевъ всему зачинщикъ... Я самъ слышалъ, Матвѣй Нилычъ, какъ онъ...

— Подойди-ка сюда поближе! перебилъ его Щукинъ.

И когда матросъ приблизился, боцманъ вдругъ поднялся съ койки, и со всего размаха закатилъ здоровую затрепину Леонтьеву, никакъ не ожидавшему такого сюрприза.

— Вотъ тебѣ подлецу по секрету! Ахъ, ты мерзавецъ этакій!.. Съ чѣмъ подѣхалъ!

И грозный боцманъ, охваченный негодованіемъ, снова поднялъ свой здоровенный кулакъ, но Леонтьевъ благоразумно успѣшилъ исчезнуть.

„Ишь вѣдь, подлый!“ прошепталъ боцманъ, опускаясь на койку.

Послѣ происшествія въ Гонконгѣ, Щукинъ, по словамъ матросовъ, сталъ гораздо „легче на руку“. Онъ дрался рѣдко и если дрался, то съ „разсудкомъ“. Ругался же онъ по прежнему арти-

стически и нерѣдко восхищались самих обруганных матросовъ неожиданностью и разнообразіемъ своихъ импровизацій.

Съ Ѳедосѣичемъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и они нерѣдко вмѣстѣ пьянствовали потомъ на берегу. За то Леонтьеву доставалось таки отъ боцмана. Слухъ о поступкѣ франтаматроса сдѣлался извѣстнымъ, и вся команда относилась къ нему недружелюбно.

VI.

Года три тому назадъ я жилъ лѣтомъ въ Кронштадтской колоніи, близъ Ораніенбаума.

Гуляя какъ-то вечеромъ, я зашелъ на Ключинскую пристань полюбоваться недурнымъ видомъ на море. Тамъ дождался щегольскій катеръ съ военнаго судна, а на пристани стояла группа матросовъ въ бѣлыхъ рубахахъ, среди которой выдѣлялась чья-то низенькая коренастая фигура въ измызганномъ оборванномъ куцомъ пальтишкѣ.

— ...А ты думалъ какъ?.. Меньше какъ по двѣсти линьковъ у него, братецъ ты мой, не полагалось порціи... Въ иной день, бывало, половины команды отполируютъ... Одно слово—орель!..

Этотъ сиплый, надтреснутый, старческій басокъ показался мнѣ знакомымъ, сразу напомнивъ давнопрошедшія времена. Я подошелъ поближе, и въ оборванномъ старикѣ узналъ бывшаго нашего лихого боцмана Щукина. Онъ сильно постарѣлъ. Испитое, бурое его лицо было изрѣзано морщинами и заросло сѣдой колочей бородой. Потускнѣвшіе глаза еще болѣе выкатились. Платье на немъ было самое жалкое, сапоги дырявые, и старая матросская шапка, надѣтая по старой привычкѣ на затылокъ, была какого-то вылинявшаго цвѣта.

— Или взять теперь боцмановъ... Рази теперь боцмана!? Шушера какая-то, а не боцмана! продолжалъ, оживляясь Щукинъ. Одинъ срамъ... Чуть что—сичасъ фискалить на матроса, если матросъ не дастъ ему рупь—цѣлковый... Тьфу! Или теперь матросъ... Какой онъ такой матросъ?.. Ему только и мысли, какъ бы подъ судъ не попасть... Напился — подъ судъ! Портянки паршивыя пропилъ—подъ судъ! Сгрубилъ ежели—подъ судъ! Это, не бойсь, порядки?..

Щеголеватый молодой унтеръ-офицеръ, слушавшій lamentаціи Щукина съ снисходительной улыбкой, съ важностью замѣтилъ.

— Нонче другія права... При васъ закону не было, а теперь на все законъ...

— Законъ!? презрительно выпячивая губу, повторилъ Щукинъ. А что фитъфебеля у васъ нонче съ матросъ деньги берутъ, да при часахъ ходять—это законъ!? Выйдетъ это онъ: „фу ты на! Павлинъ да и только“... „Вы да вы“, а отъ матроса рыло воротить—въ господа лѣзеть... Форцу-то много, а если прямо сказать такъ одно слово: шильники!.. Нѣтъ, братецъ ты мой, ежели ты боцманъ, ты учи матроса, бей его съ разсудкомъ, но только и совѣсть знай... А то изъ-за портянокъ ежели человѣка несчастнымъ сдѣлать—это законъ!? Или ежели за всякую малость на матроса жаловаться,—это, по твоему, законъ?!. Нѣтъ, братъ, это не законъ... Это—тѣфу!.. энергично окончилъ старикъ, сплюнувъ и выходя изъ кружка.

— Здравствуйте, Щукинъ! проговорилъ я, подойдя къ старику.

Щукинъ оглядывалъ меня, видимо не узнавая. Я назвалъ себя.

— Вотъ гдѣ довелось встрѣтиться, ваше благородіе! радушно привѣтствовалъ меня Щукинъ. Вы, значить, вышли изъ флота?

— Вышелъ.

— Да и какой теперь флотъ, ваше благородіе! Вы вотъ спросите: умѣетъ ли онъ брамсель крѣпить... такъ онъ и брамселя-то не видалъ, а тоже матросомъ называется... Ишь вѣдь твердые они нонче какіе! насмѣшливо прибавилъ старикъ, кивая на матросовъ. А унтеръ-то у нихъ?.. При цѣпочкѣ... деликатнаго обращенія... все больше чай съ алимономъ... Другой народъ пошелъ, ваше благородіе!..

— А вы чѣмъ занимаетесь?

— А сторожемъ здѣсь при кладбищѣ, — да вотъ пристань караулю, чтобъ не сбѣжала... Спасибо ископоталъ это мнѣ Василій Иванычъ... Онъ не забываетъ стараго боцмана... замѣсто отца родного... Вотъ вышелъ окуньковъ половить... Съ десятокъ ужъ наловилъ, ваше благородіе...

— Выпить-то ему не на что, вотъ онъ и ловить окуней на сорокоушку!—насмѣшливо проговорилъ унтеръ-офицеръ, приблизившись къ намъ.

— Не бойсь, у тебя не прошу, — у сволочи! сердито отвѣчалъ Щукинъ и пошелъ къ своей удочкѣ.

Я купилъ у Щукина окуньковъ и онъ мгновенно удалился. Черезъ полчаса онъ снова явился на пристань совѣмъ охмѣ-

лѣвшій, и скоро въ вечерней темнотѣ снова раздавался его пьяный, осипшій голосъ:

— Одно слово—левъ былъ... Рука—во!.. У насъ на „Фершантъ“ въ три минуты марсея мѣняли... А ты?.. Какой ты унтерцеръ? Тебѣ бы только кампотъ въ штанахъ варить, а не то что какъ прежде бывало... Или когда мы на клиперѣ взаграницу ходили... Не бойсь, служба была... Василій Иванычъ понималъ какой я былъ боцманъ... У меня—шалишь, братъ...

М. Костинъ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ ОСЕНЬЮ.

Мой другъ забывчивый! Средь городского шума
Вы плохо помните уѣхавшихъ друзей,
А осень поздняя, какъ мачиха угрюма,
Въ затерянномъ селѣ украинскихъ степей.

* * *

Живу я такъ:—кругомъ нѣтъ ни земли, ни неба,—
Трясина на землѣ, и ливень въ небесахъ;
Передъ окномъ стоятъ рядами скірдъ хлѣба,
И крылья треплятся на старыхъ вѣтрякахъ.

* * *

Какъ будто вымерло селенье подь горою;
Днемъ тихо тамъ всегда, а вечеромъ темно—
Двѣ тяжкія бѣды висятъ надъ нимъ грозою:
Рекрутчину и тифъ заразъ несетъ оно.

* * *

Отцы везутъ дѣтей по городамъ въ солдаты,
Телѣги крѣпкія трещатъ въ грязи густой;
Болѣзнь гостить въ селѣ: нѣтъ ни единой хаты,
Гдѣ бь на печи не нылъ и не стоналъ больной.

* * *

Среди толпы больныхъ, какъ будто передъ казнью,
Не можемъ ни дышать, ни жить спокойно мы,—
И рѣдкій смѣхъ звучитъ сокрытою боязнью,
Какъ на пиру звучалъ во времена чумы...

* * *

Всѣ книги прочтены, избиты разговоры,
Чай надоѣлъ до слезъ, томить вездѣ тоска;
И смотришь по часамъ на мѣловыя горы,
Да думаешь о томъ, что ужъ зима близка!

* * *

Я жду ее теперь, какъ узникъ ждетъ свободы,
Какъ море ждетъ луну, какъ музу ждетъ поэтъ,
Какъ солнечныхъ лучей иззябнувшіе всходы,—
Ахъ—даже въ языкъ такихъ сравненій нѣтъ!

* * *

Когда пушистый снѣгъ ковромъ покроетъ поле,
И солнце выплыветъ въ морозной сивевѣ,—
Въ тотъ долгожданный день вновь буду я на волѣ,
И полечу стрѣлой къ возлюбленной Невѣ...

ПѢСНИ ВЛАГИ.

~~~~~

Глубоко подъ землей, гдѣ покрытыя мглой,
Груды свѣтлыхъ сокровищъ лежатъ,
Я рождаюсь во тьмѣ, и въ угрюмой тюрьмѣ
Мои капли незримо скользятъ.

* * *

Я песокъ золотой изъ темницы земной
Къ солнцу свѣтлому, къ людямъ, несу...
Въ чистыхъ капляхъ моихъ, кромѣ искръ золотыхъ,
Выношу я земную слезу.

* * *

Плачетъ вѣчно она, тяжкой муки полна,
О безсилѣ и смерти людей:
Жизнь и смерть сочетать,—все губить и рождать—
Суждено Вѣчной Волею ей.

Въ неприступныхъ горахъ, на сѣдыхъ высотахъ,
Тамъ гдѣ бури и вихри живутъ,
Я рождаюсь слезой, и лукавой змѣей
По снѣгамъ мои волны ползуть.—

* * *

Это сумрачныхъ горъ—ледяной плачетъ взоръ
О безсилъѣ и горѣ людскомъ:
Горы видятъ отъ вѣкъ, какъ страдалъ человѣкъ
На лицѣ вѣчно-юномъ земномъ.

Въ облакахъ голубыхъ отъ лучей золотыхъ
Я рождаюсь свѣтлой слезой,
Я туманомъ ношусь,—я росой ложусь
На груди необъятной земной.

* * *

А слезинку-росу я въ моря унесу:—
Тамъ на днѣ неприступномъ морскомъ
Средь коралловъ густыхъ, средь чудовищъ морскихъ
Размечу дорогимъ жемчугомъ.

* * *

Люди женщины грудь жемчугомъ обовьютъ,—
Косы спутаютъ перлами ей,—
И тяжелой тоской на груди молодой
Лягутъ свѣтлыя слезы морей...

С. Караскевичъ.

* * *

Послѣ бури отдыхаетъ
Море съ ропотомъ глухимъ,—
Улеглось,—и засыпаетъ
По пескамъ береговымъ,
Гдѣ валяются обломки
Имъ разбитыхъ кораблей,
И истерзанные трупы
Имъ погубленныхъ людей...

* * *

Засыпаетъ... И такъ ясно
Сводъ небесъ въ него глядитъ,
Обнимаетъ и ласкаетъ,—
И лаская говорить:
Что за прелесть была буря—
Сколько жертвъ пошло на дно!
Поработали на славу
Мы съ тобою за одно!..

П. Грей.

МѢСТА НѢТЪ.

Разсказъ.

Стояла пасмурная! декабрьская погода. Не то дождикъ шель, не то туманъ спускался, не то моросило. Сырой, затхлый холодъ принималъ чуть не до костей. Былъ поздній субботній вечеръ. Жители Монту, закоулка швейцарскаго города Г., сплошь заселеннаго рабочимъ людомъ, давно разбрелись по домамъ. Кофейни наполнились мѣстными политиканами и весельчаками. По субботамъ, предвнушая воскресный отдыхъ, возможность поспать лишній часъ, рабочіе подолгу засиживаются за стаканомъ вина или абсента.

Въ одномъ изъ деревянныхъ строеній, въ которомъ помѣщалось два заведенія, — кабакъ и столярная мастерская, ярко свѣтились обѣ стеклянныя двери. Въ кабацкѣ раздавалось гѣніе, смѣхъ, звонъ стакановъ, переливы смѣшанныхъ голосовъ. Мастерская была пуста, пуста не только по отсутствію людей, но и потому еще, что кромѣ верстака, да стружекъ на полу, въ ней не находилось никакихъ принадлежностей ремесла, и все носило характеръ беспорядка, того особеннаго опустѣнія, которое воцаряется въ жилищахъ, покидаемыхъ людьми. На полу и на верстацкѣ стояли раскрытые чемоданы, набитые всякой всячиной, у стѣнъ громоздились деревянные, сколоченные гвоздями ящики. Керосиновая лампочка, спускавшаяся съ потолка и пущенная въ полусвѣтъ, горѣла, очевидно, не для освѣщенія работъ. Изъ мастерской другая стеклянная дверь вела въ жилиое помѣщеніе, — двѣ маленькія комнатки; изъ которыхъ, поднявшись на три ступеньки, можно было выйти во дворикъ, носившій у обитателей дома и домовладѣльца громкое названіе „сада“. Этотъ „садъ“ представлялъ собою не что иное, какъ крошечную

„Дѣло“ № 2. Февраль, 1887 г. 1

площадку, стиснутую со всѣхъ сторонъ стѣнами домовъ-великановъ, успѣвшихъ народиться за послѣдніе года. На этой площадкѣ росли два куста сирени, да стояло нѣсколько горшковъ настурцій; зато, по всѣмъ направленіямъ, ежедневно протягивались веревки, неизмѣнно украшенныя сушившимся бѣльемъ. Комнатки не отличались привлекательностью:—тѣсныя, съ закопченными, и мѣстами покрытыми плѣсенью, стѣнами, съ грязнымъ поломъ, котораго и держать чисто было невозможно. Двери въ садъ плохо закрывались, и въ сильный дождь вода безцеремонно лилась во всѣ щели, стекая по ступенькамъ, образуя цѣлая лужи. Первая комнатка, въ которую входили изъ мастерской, играла роль кухни, столовой и пріемной. Въ одномъ углу помѣщалась небольшая чугунная переносная плита: у стѣны, противъ двери, стоялъ столъ; нѣсколько стульевъ съ сплошными, совершенно истрепанными сидѣньями дополняли незатѣливую мебельровку. Подъ плитой ярко горѣли дрова, весело потрескивая, и слышно было, какъ воздухъ отъ сильной тяги гудить, врываясь въ маленькое отверстіе дверецъ.

Въ комнатѣ находилось нѣсколько человекъ. За столомъ сидѣлъ старикъ, совершенно сѣдой, высокаго роста, нѣсколько сторбленный отъ лѣтъ и тяжелой работы. Лице и вся фигура его носили отпечатокъ силы и далеко еще не угасшей энергіи. Потухшіе, сѣрые глаза глядѣли сурово изъ глубокихъ орбитъ, а временами вновь загорались... Узкія, сжатые, рѣдко улыбающіяся губы выражали твердость и силу воли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то неувимое сразу выраженіе не то нѣжности, не то грусти, сквозило изъ-подъ общаго рѣзкаго, черстваго облика. Старикъ сидѣлъ, опершись обоими локтями на колѣна, и медленно потягивалъ маленькую, бѣлую трубочку. Не вдалекѣ отъ старика, прислонивши голову къ стѣнѣ, и скрестивши руки на груди, стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ которомъ всякій немедленно призналъ бы сына старика. Онъ былъ такой же большой, сильный, съ такимъ же рѣзкими штрихами обрисованнымъ профилемъ, съ такой же бородой, но съ болѣе мягкими очертаніями всего лица, на которомъ отцовскія тонкія губы, съ ихъ энергической складкой, замѣнились небольшимъ, безформеннымъ ртомъ, съ толстыми губами. То едва уловимое у отца выраженіе мягкости или нѣжности, у сына такъ и свѣтилось въ ясныхъ, мало подвижныхъ глазахъ. Выраженіе этихъ голубовато-сѣрыхъ глазъ было совсѣмъ особен-

ное, какъ разъ такое, что наблюдается у нервныхъ людей въ періоды, смѣняющіе возбужденіе, да у больныхъ послѣ операцій. Они выражали усталость, грусть, тупую боль, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое спокойствіе. У плиты возилась небольшого роста, полная, подвижная и живая женщина, про которую никакъ нельзя было сказать, сколько ей лѣтъ, красива она или дурна. Неправильныя черты лица дышали миловидностью; небольшіе, черные глазки, круглые, безъ рѣсницъ, какіе-то птичьи, безпрестанно и быстро мигали и отличались сметкой и своеобразнымъ, нѣсколько вызывающимъ лукавствомъ, небольшой ротъ часто дергался: то соберется складочками—какъ на ниточку, то разоидется въ улыбку. Можно было подумать, что это лицо принадлежит веселой, беззаботной дѣвчкѣ, у которой на умѣ новал воскресная шляпка или пара ботинокъ на пуговкахъ, а между тѣмъ тонкія морщинки въ большомъ числѣ расходились во всѣ стороны отъ глазъ, да глубокія борозды уже спустились отъ угловъ рта къ подбородку. Керосиновая лампа, подъ зеленымъ абажуромъ, освѣщала столъ и часть пола сосѣдней комнаты, гдѣ виднѣлась огромная кровать, на которой спали трое ребятъ. Въ первой комнаткѣ, на маленькомъ стулѣ, сидѣлъ четвертый ребенокъ, блѣдурыи мальчикъ лѣтъ двѣнадцать. Онъ сидѣлъ тихонько, очевидно въ борьбѣ съ одолѣвавшимъ его сномъ, уставившись на горѣвшій подъ плитою огонь.

Это было семейство столяра Ролля, не особенно давно поселившееся въ кварталѣ.

Царила совершенная тишина, только m-me Ролль постукивала кастрюлями, да огонь трещалъ, да масло шипѣло на раскаленной сковородѣ.

— Такъ завтра? спросилъ старикъ, вынимая трубку изъ рта, и сплевывая въ сторону.

— Да, отвѣтилъ сынъ, завтра...

— И ужъ это рѣшено?

— Что это?

— Да отъѣздъ?

Ролль посмотрѣлъ на отца съ недоумѣніемъ.

— Ахъ, Боже мой! быстро заговорила m-me Ролль, ловкимъ движеніемъ подбрасывая на воздухъ жарившійся омлетъ и снова ловя его на сковороду.— Вотъ такъ спросилъ! Рѣшено ли, когда 700 франковъ внесли и все продали! Даже кровать намъ только изъ любезности позволили удержать до утра!

— Да, да, — сказала старикъ, — грустно все-таки!

— Я вѣдь тебя звалъ, отецъ, и зову, сказала сынъ, не перемѣняя позы.

Старикъ нетерпѣливо махнулъ рукой въ его сторону, какъ будто отгоняя что-то назойливое.

М-ме Ролль быстро разставила тарелки, быстро поставила среди стола свою на славу подурмянившуюся яичницу, быстро подѣлила по тарелкамъ. Всѣ усѣлись вокругъ стола, и принялись ѣсть не торопясь; только старый Ролль выложилъ свою долю обратно.

— Намъ здѣсь нѣтъ мѣста, отецъ! началъ молодой Ролль такимъ тономъ, что можно было подумать, что онъ или оправдывается или утѣшаетъ кого-нибудь. — Что бы мы дѣлали дальше? Я безъ ужаса вспомнить не могу прошлой зимы... Вѣдь нигдѣ, никто не даетъ работы... Просто удивляешься отчего всѣ рабочіе не эмигрируютъ. Всѣ рабочіе бѣжать отсюда должны. Вонъ и Шарль забастовалъ... а ужъ какой мастеръ... Часовщики! Ювелиры!... за два франка въ день щепень бьютъ! А кромѣ того меня знаютъ, они знаютъ кто я... и довольно.

— А тамъ будетъ работа?! спросилъ отецъ.

— Будетъ! не можетъ не быть. Тамъ рукъ нѣтъ, тамъ до этого не дошли... и если бы ты хотѣлъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, перебилъ его старикъ. Это кончено. Объ этомъ не стоитъ и говорить. Я старъ, я и не доѣду, да и мало ли что... А ты бы могъ попытаться здѣсь... кто знаетъ?

— Что попытаться? внезапно одушевляясь, заговорилъ сынъ. Умереть съ голоду? Пыталъ, и больше не могу. Самъ бы могъ, ихъ не могу морить, прибавилъ онъ, указывая на спящихъ дѣтей. Довольно одного...

— Слишкомъ довольно! подтвердила его жена, быстро принимаясь за уборку ужина. *Меня* это-то и заставило рѣшиться... Когда мы снесли бѣдную Лили на кладбище, когда вернулись домой, да вспомнила я, что докторъ говорилъ... а какъ стала я плакать, Огюсть мнѣ говорить: не плачь, она хорошо сдѣлала... Тогда я рѣшилась... М-ме Ролль быстро перетирала тарелки. — Лучше ихъ не родить, чѣмъ радоваться, когда они уходятъ... прибавила она со слезами въ голосъ.

— А для тѣхъ, которые остаются, какая жизнь, какіе примѣры? Что они здѣсь видятъ? снова заговорилъ Огюсть. — Вчера, вонъ, какой-то забулдыга ходилъ по улицѣ цѣлый день

и напайвалъ абсентомъ всѣхъ встрѣчныхъ мальчишекъ! Добрые буржуа находили что такъ и надо! Счастливъ онъ, да и я тоже, что онъ не вздумалъ угостить моихъ... и онъ сударожно сжалъ кулакъ, а въ добрыхъ глазахъ сверкнуло что-то жестокое...

— Угощаль, папа, вмѣшался мальчикъ, но я не пилъ...

— А ты молчи, рѣзко остановила его мать.

— Да, да, проговорилъ старикъ, какъ бы про себя. — Да, ну, чтоже, годомъ раньше, годомъ позже...

Въ мастерской послышались шаги, и въ комнату вошелъ небольшого роста коренастый, смуглый человекъ, въ истрепанной мѣховой шапкѣ, въ коричневой, вязаной курткѣ, сверхъ которой надѣта была синяя, довольно грязная блуза.

— Ёдешь, старина? спросилъ онъ, кивнувъ головой хозяйкѣ, и отыскивая гдѣ бы присѣсть. Ему подвинули одинъ изъ стульевъ.

— Ёду, наконецъ! отвѣтилъ Огюсть.

— А вы батюшка Ролль?

— А я? Я не собирался! какъ бы съ удивленіемъ отвѣтилъ старикъ.

— Въ Нью-Йоркъ вѣдь ты? обратился гость къ хозяину.

— Въ Буэносъ-Айресь.

— А! протянулъ гость, ничуть, видимо, не удивляясь своей ошибкѣ. Различіе между Нью-Йоркомъ и Буэносъ-Айресомъ рисовалось ему туманно, а сходство было очевидно: и то и другое далеко, за океаномъ, въ Америкѣ. Снова наступило молчаніе, снова стало слышно, какъ сухой хворостъ трещить подъ плитой. Со двора доносился женскій крикъ, кто-то опростелью сбѣгалъ съ деревянной лѣстницы, что-то тяжелое, брошенное сверху, быть можетъ, въ догонку бѣжавшему, съ грохотомъ катилось по ступенькамъ. Огюсть покосился на окно.

— Что это, у большой Адели сегодня съ субботы начинается? обратился онъ къ женѣ. — Обыкновенно по понедѣльникамъ бывало... Ты бы намъ, хозяйка, литръ вина*) принесла.

М-ше Ролль накинула на голову шаль и вышла.

— Далекъ, чортъ возьми, послѣ нѣкотораго раздумья сказалъ гость. Недѣли двѣ будете ѣхать?

— Мѣсяцъ.

*) Около 1½ бутылки русской мѣры.

Въ мастерской опять послышались шаги и нѣсколько новыхъ посѣтителей вошли въ комнату. Это тоже были рабочіе разныхъ ремесль и національностей, старые товарищи Ролля. Между ними былъ типографщикъ Жанъ, сравнительно зажиточный малый, одѣтый не безъ франтовства, искренній человекъ и хорошій товарищъ: — нѣмецъ носильщикъ въ синей блузѣ, въ картузѣ съ надписью „portefaix“ тяжелый, массивный съ топорнымъ лицомъ, который не вошелъ, а какъ бы ввалился, немедленно за что-то задѣлъ огромной, плоской ступней, и тяжело опустился на ближайшее къ двери сидѣньѣ; — и стройный, высокій человекъ съ прекраснымъ лицомъ, съ котораго хоть сейчасъ рисуи молодого римскаго патриція. Цѣлая шапка вьющихся большими волнами, черныхъ какъ воронье крыло, волосъ украшала маленькую голову. На эту природную шапку небрежно, на затылокъ накинута была черная, поярковая шляпа съ большими полями. Длинный плащъ какимъ-то чудомъ чуть держался на могучихъ плечахъ. Широкий, доходившій до половины груди, красный поясъ охватывалъ станъ. Яркій, пестрый галстухъ, замысловато завязанный, отгѣнялъ матовый оливково-блѣдный овалъ лица. Черные глаза гостя, нѣсколько сонные, ласково глядѣли изъ-подъ густыхъ, широкихъ, черныхъ бровей. Это былъ итальянецъ сапожникъ Гаэтано, покинувшій родину не по своей волѣ.... За этими посѣтителями вошли еще два или три человека, ничемъ не выдающіеся — тѣ сѣренькіе, блѣдные типы, которые составляютъ фонъ всякаго рабочаго собранія.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, вошедшіе гости размѣстились, какъ могли.

— А мы пришли звать тебя, Ролль, выпить съ нами на прощанье, сказалъ Жанъ.

— Нѣтъ, спасибо, отвѣчалъ Огюсть, — сегодня изъ дому не пойду, жена намъ сейчасъ принесетъ.

Въ это время вернулась m-me Ролль съ виномъ и корзиною, наполненною стаканами.

— У насъ вѣдь уже ничего нѣтъ, уже извините, сказала она, разставляя стаканы, и усаживаясь затѣмъ на низенькій дѣтскій стулъ, не далеко отъ огня. Она вся свернулась въ комочекъ, и ея молодежавое личико казалось еще моложе при красноватомъ освѣщеніи догоравшихъ дровъ.

— Недурное оно, сказалъ Огюсть, разливая вино по стаканамъ, и подвигая ихъ гостямъ.

Всѣ взяли стаканы и чокнулись.

— За твое здоровье, товарищ Ролль!

— За ваше, отвѣчалъ Огюсть, — Ну, а ты, Жанъ, спросилъ онъ типографщика, — не ѣдешь? не рѣшился?

— Видишь что, отвѣчалъ тотъ, — мнѣ разчета нѣтъ: я аккуратно получаю 75 франковъ каждые пятнадцать дней, жена кое-что зарабатываетъ на жилетахъ... Живемъ... Потомъ, знаешь самъ, дѣти.

— Дѣти! — сказалъ кто-то. — Вѣрьте ему! Жена не пускаетъ.

Всѣ засмѣялись.

— Ну, почему жена? сказалъ Жанъ сконфуженно. Какой же мнѣ расчетъ? Языка не знаю, значить по моей работѣ...

— Какая тамъ работа! снова прервали его! — Ты скажи-ка лучше, что жена-то скажетъ, если ты вздумаешь ѣхать?

Страхъ передъ бойкой женой составлялъ слабость Жана. Это всѣ знали и теперь публикѣ, очевидно, доставляло удовольствіе его смущеніе.

— Да нѣтъ же, — право нѣтъ мнѣ разчета. Я самъ разсудилъ, что нѣтъ, оправдывался Жанъ.

— Да что вы, Ролль, всѣхъ хотите съ собою сманить! Этакъ никого въ секціи не останется, сказалъ полу-шутя итальянецъ.

— Да и безъ того не останется. Видѣлъ я все это.

— Ну, однако! горячо и какъ будто обиженно сказалъ Гозтано. — Развѣ мы мало сдѣлали? И хотя теперь и у насъ въ Италіи и во Франціи движеніе принимаетъ, по-моему, печальное, не наше, направленіе, но дѣло наше идетъ...

— Назадъ! не безъ горечи сказалъ Огюсть.

— Неправда, неправда, послышалось нѣсколько голосовъ.

— А? не ваше направленіе? Такъ чтожь? сказалъ кто-то изъ присутствовавшихъ, возражая Газтано, но не обращаясь ни къ кому въ особенности. — Теперь рабочіе поняли, что надо рассчитывать на самихъ себя... Подождите немножко, вы увидите, что изъ этого выйдетъ.

— Говоруновъ въ парламентъ пошлете? задорно спросилъ итальянецъ.

— Зачѣмъ говоруновъ! Пошлемъ своего брата, понимающаго наши интересы... Тѣхъ — кто знаетъ наши нужды, знаетъ что рабочему нужно...

— Ну, знаете, сказалъ первый изъ пришедшихъ гостей, я

не вѣрю въ парламенты. Кто, попавши въ парламентъ, объ насъ думалъ? Никто. Кто къ нимъ попадетъ, сейчасъ же дѣлается умѣреннымъ, заговариваетъ о томъ, что экономическія реформы пока невозможны... все, что они говорятъ.

— Надо, чтобы рабочіе дѣлали правильные взносы, вотъ что надо, сказалъ носильщикъ...

Всѣ посмотрѣли въ его сторону и замолчали.

— Такъ ты, Ролль, ѣдешь богатѣть и сдѣлаешься буржуа, сказалъ Жанъ.— Не забудь насъ.

Огюсть молчалъ. Жена его искоса глянула на мужа, и по лицу ея пробѣжало дѣтски-веселое выраженіе. Точно при ней сказали что-нибудь очень смѣшное. „Разбогатѣть!“ подумала она, „какъ разъ... непременно!“

— Что же, желаю тебѣ добраго пути и вамъ, сударыня, сказалъ первый гость, малый съ виду не изъ бойкихъ, но зато безконечно добродушный.—Желаю тебѣ, Ролль, удачи.

Всѣ снова чекнулись.

— О, я не сомнѣваюсь въ удачѣ, сказалъ Огюсть. Конечно—не въ томъ что разбогатѣю—это ужъ куда... Я вѣдь бросаю ремесло... Поѣду колонистомъ въ дикія мѣста, въ дѣвственный лѣсъ и сдѣлаюсь землевладѣльцемъ. Тамъ землю даромъ дають, не все забрали, не поспѣли...

— Такъ вотъ ты и начнешь забирать? Да и не дадутъ тебѣ земли, сказалъ Жанъ.— Не вѣрю я, братъ, въ эти золотыя страны.

— Чего же тутъ не вѣрить! вставилъ свое слово старый Ролль,—когда всюду объявленія разосланы, всюду разѣзжаются агенты, у которыхъ можно всѣ условія прочесть. Старикъ съ приходомъ гостей отодвинулся въ уголь, посадилъ себѣ на колѣни внука, и изрѣдка гладилъ его по головѣ.

— И я не вѣрю, заговорилъ Газтано съ паесомъ и точно обрадовавшись чему-то. И ничему не вѣрю и не надо вѣрить.

— Можетъ быть и дадутъ, сказалъ носильщикъ,— а вотъ какъ онъ землю обрабатывать будетъ, парижанинъ?! Да вѣдь ты травы сроду не видалъ!

Присутствующіе засмѣялись.

— Ну, какъ-нибудь. Присмотрюсь, поучусь, отвѣчалъ Огюсть. Мнѣ важна земля, потому что на землѣ мои дѣти ужъ навѣрно съ голода не умрутъ. Я знаю, что руководжусь эгоистическими чувствами, но говорю откровенно: у дѣтей будетъ уголь, никто

не выгнать ихъ на улицу за неуплату въ срокъ квартиры, всегда хоть мѣрка своего картофеля найдется, что бы ни случилось. А люди—люди. Не къ людямъ я и ѣду... Потому я не могу здѣсь остаться. Я плохимъ кончу... Я не могу видѣть того, что здѣсь каждый день дѣлается. Жить и молчать...

— Ну, ты не очень-то молчалъ, сказала m-me Ролль безъ горечи.

— Не молчалъ! Конечно, не молчалъ. Такъ что же вышло? То и вышло, что есть. Вслѣдъ за послѣднимъ нашимъ обращеніемъ къ патронамъ, самые старые кліенты потребовали счета, и съ тѣхъ поръ доски выстругать не заказали. Купцы съ тѣхъ поръ на франкъ дерева не дали въ кредитъ. Вѣдь мы столько долговъ съ тѣхъ поръ надѣлали, что въ пять лѣтъ не заплатишь! Пришлось изъ квартала въ кварталъ отъ кредиторовъ бѣгать. Развѣ я такъ жилъ? Куда все ушло?

— Это я всегда тебѣ говорила, сказала жена Ролля, — куда все ушло?!

— Это всегда и бываетъ, сказалъ носильщикъ, бережно вынимая изъ жилетнаго кармана и закуривая крошечный окурокъ сигары. — Надо, чтобы рабочіе твердо рѣшились дѣлать правильные взносы.

— Однако живутъ же люди и здѣсь, заговорилъ Жанъ, какъ человѣкъ, которому надо не только другихъ, но и самого себя убѣдить своими доводами, — и надо жить. Что-нибудь надо же дѣлать, надо же работать для нашего дѣла...

— Работайте, а я... я не вѣрю въ себя, отвѣчалъ Огюсть. Онъ перевелъ духъ, видимо ему было очень тяжело. — Я изжилъ... Да и въ васъ я не вѣрю, сказалъ онъ съ оживленіемъ, но съ той же грустью въ голосъ.

— Всѣ мы одной чеканки... Вѣдь мы, если разобрать, не лучше ихъ... Я видывалъ примѣры, да и вы ихъ знаете.

— Нѣтъ, постой, сказалъ Жанъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Знаемъ мы истину? Убѣждены въ ней? Ну, такъ вотъ, когда всѣ будутъ также убѣждены въ истинѣ, — тогда-то наше дѣло будетъ сдѣлано.

— Убѣждены! Кто это? Я въ это не вѣрю! Вотъ отецъ вѣрилъ. Что же—дождался?

Слушатели нерѣшительно, съ сомнѣніемъ покачали головой, не то пораженные этимъ доводомъ Огюста, не то не довѣряя его основательности. Газтано зацелкалъ языкомъ и помахалъ

взадъ и впередъ указательнымъ пальцемъ въ знакъ отрицанія. Старикъ молча глоталъ свое вино. М-ше Ролль нервно передернула плечи, какъ бы желая сказать: „нашелъ кого приговорить въ примѣръ“.

— Да гдѣ она теперь, эта истина наша, идея? Говоруны, адвокаты, насъ до сихъ поръ обдували, а теперь изъ нашего брата таже порода завелась, продолжалъ Огюсть. — Теперь мы рѣчи хотимъ произносить, — хотимъ, чтобы всѣ кругомъ аплодировали... Что мы объ вопросѣ заботимся? Объ насъ самихъ! Когда можно выставиться — всѣ тутъ. Когда нужны жертвы — никого нѣтъ; тогда всякій, за то, вспоминаетъ сосѣда и забываетъ про себя. Сплетни, зависть, мелочное честолюбіе, злость другъ на друга, вотъ что составляетъ, кажется, *нашу* истину... Кругомъ, я ничего кромѣ этого не вижу... Да что и говорить... Все мнѣ тутъ противно: люди, нравы, враги, друзья... Уѣду и никогда, никогда не вернусь. Умру тамъ и, умирая, не пожалѣю здѣсь ни о чемъ... Умру покойно, зная, что дѣтей за собой въ могилу не тащу!

Огюсть говорилъ горячо, нѣсколько раздраженно, съ глубокимъ чувствомъ и убѣжденіемъ. Видно было, что все это не сейчасъ пришло ему въ голову, что эти мысли рождались постепенно, постепенно и назрѣвали въ его душѣ, но, можетъ быть, въ первый разъ выливались наружу въ опредѣленной формѣ. Видно было, что въ этой душѣ цѣлые годы царилъ мучительный разладъ. Годами любовь къ семьѣ, страхъ за дѣтей, вѣчно боролись съ чувствомъ бунта, съ кипучей страстью, рвавшейся наружу. А чувство бунта, борясь съ семейными инстинктами, ими же питалось: тѣмъ хуже приходилось близкимъ и дорогимъ, тѣмъ сильнѣе былъ протестъ. Зато, тѣмъ неудержимѣе и рѣзче выражался протестъ, тѣмъ хуже становилось близкимъ... а тогда изъ тайниковъ души внезапно, но не на долго поднималось иное чувство и тайный голосъ шепталъ: „ты самъ губишь дѣтей. Живи какъ всѣ!“

Теперь внутренняя борьба кончена...

А что другіе здѣсь живутъ, продолжалъ Огюсть, — такъ не по моему, вѣрно, живутъ! У меня неоплатные долги кругомъ, дома голодъ, сырость, холодъ... Дѣти умираютъ отъ „недостатка питанія“, — онъ особенно подчеркнулъ эти слова, сказанныя когда-то докторомъ, а ты радуйся, потому что счастливы только тѣ, которые рано умерли... а главное, все-таки однимъ ртомъ

меньше. Ниже некуда падать честному человѣку... Да и не вижу я что-то, чтобъ другіе не по моему жили!

Нѣтъ, мои друзья, нѣтъ здѣсь мѣста, тѣсно въ Европѣ, не всякій протолкается... Вотъ я и ѣду туда, гдѣ просторно... гдѣ дадутъ мнѣ кусокъ земли, скота, инструментовъ... Выстрою себѣ домикъ, и ужъ никакая Адель, никакой кабатчикъ на глазахъ у моихъ дѣтей не будутъ торчать. И выростутъ дѣти не нищими, а людьми, у которыхъ есть свой уголь, домъ, земля...

— Да нѣтъ отечества, сказалъ старый Ролль.

— А у насъ съ тобой есть? спросилъ сынъ.

— Есть, отвѣтилъ старикъ.—Нельзя всѣмъ разбѣжаться, надо чтобы и тутъ кто-нибудь былъ, чтобы были готовые люди, когда время придетъ.

— Вотъ что называется говорить какъ патріархъ! захлебываясь отъ удовольствія сказалъ итальянецъ.

— И оно придетъ! Это я вамъ говорю!

— Конечно, конечно, подтвердили и другіе, — да и не все правда, что Огюсть говорить. Есть правда, но не все...

— Я никого не зову, я говорю за себя.

— Ели всѣ туда поѣдутъ, то и тамъ работы не будетъ, это очевидно, какъ-то торопливо сказала m-me Ролль. Она точно боялась, что всѣ присутствующіе, и за ними еще другіе и другіе, подъ вліяніемъ словъ ея мужа, завтра же сядутъ съ ними въ вагонъ и двинутся въ тотъ край, гдѣ можно сдѣлаться землевладельцемъ, не заплативши ни сантима за имѣніе.

— Это и будетъ, да не скоро, — отвѣчалъ, обращаясь къ ней Огюсть.. А я думаю съ удовольствіемъ именно о томъ, что отъ тѣсноты вотъ этой уйду; что нѣтъ рабочихъ рукъ тамъ. Рвать не придется кусковъ изъ чужого рта, не буду хватать за горло родного брата изъ-за того, что свои дѣти голодны. Изъ дочерей проститутокъ не выращу, и сыновья ворами не сдѣлаются. Ёду я туда, гдѣ врагъ человѣка, пока, дикій звѣрь, а не человѣкъ, и только съ этимъ звѣремъ мнѣ и придется бороться...

Слова Огюста, несмотря на возраженія, все-таки произвели на всѣхъ видимое впечатлѣніе. Въ лучшіе дни, въ дни молодости, горячій вѣры въ себя, въ правоту своего дѣла, не было оратора на рабочихъ собраніяхъ, который бы дѣйствовалъ на слушателей такъ обаятельно, какъ Огюсть. Онъ никогда не умѣлъ говорить разсудительно, хладнокровно. Чтобы говорить, чтобы найти выраженія, ему нужно было какое-нибудь потря-

сеніе или сильное возбужденіе. Онъ говорилъ, если можно такъ выразиться, не головой, а нервами. Когда ему приходилось написать рѣчь заранѣе, или сочинить хоть небольшую статейку въ рабочую газету,—выходило вяло, нелогично, чуть не глупо. Рѣчи его были полны чувствами, вылившимися въ сильное слово и прямо вызывали у слушателей отвѣтное чувство. И теперь, подъ вліяніемъ словъ Огюста, его звучнаго, груднаго голоса, всякому невольнo припоминалась своя безвыходная доля, всякаго заражала его собственная тоска, его собственное безсиліе въ борьбѣ съ жизнью.

— Конечно, у Огюста есть хоть что-нибудь впереди, хоть кусокъ земли, а у насъ, ребята, — ничего... Сказаль первый изъ пришедшихъ гостей, особенно энергично выговаривая слово „ничего“ и какъ-то обрывая свою рѣчь.

— Да, тяжелое, тяжелое время, отвѣчали ему.

Поздно за полночь продолжалась бесѣда друзей, все на тѣ же темы; припоминалось старое свое и чужое, говорилось о текущихъ дѣлахъ, о томъ сколько людей безъ работы, о томъ, сколько ремесль упало, какъ дорога становится жизнь. Всякій предлагаль немедленно свое средство для отстраненія бѣдствія и всякій, можетъ быть, и чувствовалъ, что средство это не средство, но тутъ же, съ понятнымъ озлобленіемъ, нападаль на тѣхъ, кто, имѣя власть, не видить какъ легко и просто разрѣшается вопросъ... Много было споровъ, особенно съ Огюстомъ. Въ одномъ всѣ были согласны, одно всѣмъ было ясно какъ день: жить такъ, какъ они всѣ живутъ—безпредѣльно тяжело.

— Поздно однако, сказаль наконецъ кто-то изъ гостей. Всѣ поднялись.

— Прощайте, сударыня. Прощай, Огюсть. Мы завтра придемъ на поѣздъ.

— А я приду помочь вещи стащить, привезу тележку, вѣдь ты свою продалъ? сказаль носильщикъ.

— Спасибо, другъ, ты ужъ всегда всѣхъ выручаешь. Прощайте.

Гости вышли. Ушелъ съ ними и старикъ Ролль въ свою комнату на чердакъ того же дома.

Густой туманъ, какъ саванъ, окуталъ спящій городъ. Уже давно погасили фонари, и безъ того не дававшіе свѣта. Прикурнувши на кровати, рядомъ съ дѣтми, спалъ Огюсть. Все затихло, замерло, нигдѣ ни звука, ни луча свѣта. Только въ

Воркъ старика Ролля цѣлую ночь горѣла крошечная лампочка въ видѣ ночника, освѣщая убогое убранство бѣднаго уголка: большую кровать высокую какъ катафалкъ, старое, заржавѣвшее ружье, повѣшенное на стѣнѣ у кровати, столикъ заваленный старыми газетами и обломками трубокъ, воскресное платье, тщательно окутанное въ пестрый ситцевый лоскутъ. Старикъ всю ночь сидѣлъ, не смыкая глазъ, на единственномъ стулѣ передъ столомъ, спустивши сѣдую голову на жилистую руку, и молча выкуривалъ трубку за трубкой.

* * *

Не долги были сборы на другой день.

Рано, еще чуть свѣтало, спустился съ своего чердачка старикъ Ролль, и постучался въ дверь со двора.

— О—э! Огюсть! Пора!

Быстро и торопливо одѣвала дѣтей м-ше Ролль, принаряживая ихъ, какъ могла.

— Скорѣй, скорѣй, торопиль Огюсть, — надо еще зайти въ контору.

Хозяинъ дома и обладатель кабачка прислалъ жену пригласить путешественниковъ съѣсть съ нимъ на прощанье тарелку супа.

— Къ чему все это? спросилъ жену полупшепотомъ Огюсть. — Вчера содралъ за разбитое стекло, которое никогда вставлено не было и не будетъ, а сегодня любезности.

— Ну, что ужъ тутъ заводить на послѣдокъ... а потомъ — вѣдь гдѣ-нибудь ѣсть надо?.. Мы принимаемъ ваше приглашеніе и благодаримъ, прибавила она, обращаясь къ хозяйкѣ.

Дѣти готовились къ отъѣзду, какъ къ величайшему изъ праздниковъ, стараясь какъ можно скорѣе одѣться.

— Мы поѣдемъ въ вагонѣ, а потомъ на кораблѣ по большому морю, тамъ будутъ волны, говорила маленькая дѣвочка, лѣтъ шести, брату — пузатому мальчишкѣ лѣтъ четырехъ, который даже подпрыгнулъ и во всю мочь затрубилъ въ рожокъ изъ воловьего рога. Мальчишка, еще не одѣвшись, успѣлъ уже навѣсить этотъ рожокъ себѣ на шею.

— И машина будетъ свистѣть, вотъ такъ, говорилъ другой мальчуганъ нѣсколько помоложе, и такъ завизжалъ, что въ ухахъ зазвенѣло.

— Ну, безъ глупостей, крикнула на него мать, подвязывавшая у окна ленты своей шляпки.

Между тѣмъ Огюсть, съ помощью отца, закрылъ всѣ чемоданы и перенесъ всѣ ящики на ручную тележку, стоявшую уже у входной двери, когда Ролли еще не поднялись.

— Все ли у тебя готово? спросилъ онъ жену.

— Все, все... Есть нѣсколько мелочей, но я захвачу ихъ потомъ. Пойдемъ же въ кафе.

Въ кафе уже сидѣло нѣсколько человѣкъ за стаканами бѣлаго вина, а въ углу накрытъ былъ столъ. Еще подошли два, три человѣка изъ вчерашнихъ гостей Роллей, и сѣли поодаль отъ стола.

Всѣ молчали и усердно ѣли. Хозяинъ наполнилъ стаканы.

— Прощайте, всего хорошаго, счастливаго путешествія, сказала хозяйка кафе, чокаясь съ m-me Ролль, и поцѣловавшись съ ней, прослезилась. — Прощайте, мои крошки, плаксиво продолжала она, цѣлуя дѣтей.

Передъ глазами m-me Ролль почему-то воскресла почти забытая картина: маленькій холмикъ желтой, сырой земли, только что насыпанной среди деревянныхъ крестовъ и каменныхъ, почернѣвшихъ отъ времени, могильныхъ плитъ. Какая-то жгучая тоска охватила ее, горло точно что сдавило, слезы такъ и хлынули изъ глазъ. Хозяйка поцѣловала ее еще разъ, тронутая... Дѣти моргали, моргали—да тоже начали плакать.

— О чемъ это? спросилъ Огюсть жену нетерпѣливо, очевидно разсерженный; но не получилъ отвѣта.

— Счастливаго пути, всего лучшаго!

Огюсть чокнулся съ хозяиномъ и товарищами, чокнулся и съ посторонними людьми, сидѣвшими за другими столами.

— Они эмигрируютъ, пояснилъ хозяинъ кафе.

— А-а! отвѣтили посѣтителю и чокнулись вторично.

— Кушайте, кушайте больше, говорила уже успѣвшая утѣшиться хозяйка,—это, говорятъ, хорошо отъ качки.

— Да вѣдь они до завтра еще поспѣютъ поѣсть, сказала одинъ изъ товарищей Огюста.—Вѣдь они только завтра будутъ въ Марсели.

— Ахъ, они въ Марсель! Я и не знала, что въ Америку надо ѣхать черезъ Марсель.

Завтракъ былъ конченъ. Ролли пошли въ свою еще болѣе опустѣвшую квартиру захватить послѣднія вещи.

— Пора, давно пора, суетился Огюсть.—Гдѣ же отецъ? Ему почему-то не хотѣлось переступить порога своего жи-

лица безъ отца. Въ эту минуту старикъ вошелъ со двора съ ружьемъ въ рукахъ.

— Ты его знаешь, сказалъ онъ сыну, указывая на ружье. — Я дрался съ нимъ въ 48-мъ году, дрался, рядомъ съ тобою, въ 70-мъ... Я всегда думалъ, что отдамъ его только послѣ смерти... Не вышло, — голосъ его какъ-то упалъ. — Это ничего! Это тебѣ, Пьеръ, обратился онъ ко внуку. — Тебѣ отецъ скажетъ... Стрѣляя изъ него птицъ, да учись мѣтко цѣлить... Можетъ быть и сюда вернешься... Да будь добрымъ сыномъ, какъ твой отецъ.

Онъ положилъ свою морщинистую руку, обросшую рѣдкими, черными волосами, на курчавую голову мальчика. Пьеръ держалъ ружье въ рукахъ, боязливо поглядывая на суровое лицо дѣда. Онъ инстинктивно понималъ, что происходитъ что-то очень торжественное, необычное, такъ что даже не осмѣливался выразить радости по поводу полученія такого великолѣпнаго подарка.

— Благодарю же дѣда, — сказала m-me Ролль.

— Нервы Огюста, возбужденнаго за всѣ послѣдніе дни и недѣли, не выдержали, онъ молча бросился отцу на шею и, положивъ свою голову ему на плечо, заплакалъ тѣми тихими мужскими слезами, которыя текутъ сами собою, безъ нервныхъ всхлипываній, текутъ ровной струей какъ будто изъ переполненнаго черезъ край сосуда.

— Будь счастливъ, — сказалъ старикъ твердымъ голосомъ, — и честенъ, какъ былъ до сихъ поръ! Я старъ... все равно, годомъ раньше, годомъ позже...

Старикъ вышелъ на улицу, не обернувшись назадъ. За нимъ вышли и другіе и, наконецъ, всѣ тронулись отъ дома. Огюсть везъ тележку съ багажемъ, около него шелъ отецъ и нѣсколько товарищей. M-me Ролль осторожно ступала, выбирая мѣста посуше, ведя за руку младшаго сына. Пьеръ, съ ружьемъ дѣда, одѣтый въ теплое пальто и синій фартукъ съ рукавами, вель другого брата, не перестававшаго дудѣть въ свою трубу.

Перемѣна обстановки очень часто быстро мѣняетъ настроеніе, особенно если это настроеніе носить острый характеръ. Къ счастью для людей, острое чувство нравственной боли долго не длится, и обыкновенно довольно бываетъ даже пустяка, чтобы умѣрить душевную муку, дать мѣсто въ сознаніи другимъ представленіямъ. Такъ и Ролли: — вышли изъ дому и всѣ почему-то повеселѣли; только маленькая дочка ихъ, расплакав-

шавшая еще въ кафе, продолжала всхлипывать, хотя сама не знала, о чемъ она плачетъ.

Погода была сквернѣйшая. Дождь лилъ не переставая, порывистый вѣтеръ носилъ его брызги то въ ту, то въ другую сторону. Все было сѣро, мрачно, неприглядно. Сѣрое небо шатромъ повисло надъ сѣрыми аспидными крышами обмокшихъ домовъ. Липкая, сѣрая грязь сплошь покрывала улицы. Рѣдкіе прохожіе, защищаясь зонтиками, поспѣшно пробирались по улицѣ, стараясь завернуться поплотнѣе въ верхнее платье, безпрестанно распахиваемое вѣтромъ.

Вотъ и вокзалъ. Огромная зала почти пуста. По широкой, крытой галлерей шныряютъ служащіе въ блузахъ, въ картузахъ съ надписями. Всѣ потираютъ себѣ руки отъ холода. Въ другую, меньшую, залу, въ которой ожидаютъ прибытія поѣзда, входятъ всякіе люди, быстро вбѣгая по ступенькамъ, и съ наслажденіемъ закрывая промокшіе зонтики. Омнибусы различныхъ гостинницъ плотнымъ полукругомъ облегаютъ всю площадь передъ вокзаломъ. Въ ожиданіи поѣзда люди ходятъ взадъ и впередъ въ томительномъ нетерпѣніи. Вдали раздается свистъ локомотива, всѣ оживляются, всѣ подвигаются ближе къ двери. Сколько надеждъ, радостей приноситъ съ собою приходящій поѣздъ!.. Двери на платформу наконецъ отперты... Пассажиры сперва по одному, потомъ плотной толпой, входятъ въ двери. Мѣстные жители, пріѣхавшіе съ ближайшихъ станцій, быстро проходятъ не глядя по сторонамъ: ихъ никто не встрѣчаетъ. „Вотъ онъ!“ раздается въ толпѣ пришедшей на встрѣчу, и кто-нибудь изъ пріѣхавшихъ попадаетъ въ объятія друзей, знакомыхъ, родныхъ... Оторопѣлые, усталые, недовѣрчиво озираясь, входятъ иностранцы. „Hôtel de Russie!“ „Hôtel du Lac!“ „Metropole!“ отчеканиваютъ на разные голоса кондуктора омнибусовъ, стараясь всучить пріѣзжему карточку отеля, и захватить его ручной багажъ. Всѣ прошли. Два, три лица, кого-то ожидавшія и не дождавшіяся, печально заглядываютъ на пустѣющую платформу, но двери вновь затворяются... Омнибусы, нагруженные чемоданами, уловившіе болѣе или менѣе богатую добычу, съ грохотомъ развѣзжаются. Опять все, сравнительно, затихаетъ. Носильщики переходятъ къ дверямъ другого, все еще пустого зала, откуда уѣзжаютъ, гдѣ берутъ билеты.

Роли были почти одни въ этомъ залѣ. До отхода поѣзда оставалось полтора часа. Но вотъ, робко, растерянно, огляды-

ваясь по сторонамъ вошла цѣлая толпа какихъ-то странныхъ людей. Въ этой толпѣ находились люди всѣхъ возрастовъ, необычно одѣтые, носившіе совершенно своеобразный отпечатокъ: юноши въ пиджакахъ, въ блузахъ, въ модныхъ шляпахъ;— старики въ длинныхъ пальто, въ курткахъ изъ полосатаго плиса, въ такихъ же штанахъ особаго покроя, неимоვნно широкихъ наверху и не соразмѣрно суженныхъ книзу, въ черныхъ шляпахъ съ широкими полями, въ теплыхъ мѣховыхъ картузахъ съ ушами;— женщины въ непривычныхъ глазу національныхъ костюмахъ глухихъ кантоновъ Швейцаріи, съ грудными дѣтьми на рукахъ, съ мѣшками, корзинами, узелками;— старухи въ соломенныхъ шляпкахъ, украшенныхъ бусами, разноцвѣтными бантами;— дѣти-подростки въ одеждѣ, спитой изъ стараго, много лѣтъ ношеннаго, платья, мальчики— съ огромными торчащими воротничками, съ платками, шарфами на шеѣ, въ деревянныхъ башмакахъ, въ сапогахъ съ чужихъ ногъ, въ теплыхъ туфляхъ;— дѣвочки въ длинныхъ юбкахъ, тщательно причесанныя, черезчуръ напомаженныя, въ шляпкахъ разныхъ фасоновъ, съ бантами разныхъ цвѣтовъ... Люди очевидно одѣлись по праздничному: на всѣхъ замѣтно стремленіе пріодѣться, показаться въ своемъ наилучшемъ видѣ. Мужчины нагружены котомками, сумками, бѣлыми холщевыми мѣшками, перекинутыми черезъ плечо. Большая часть лицъ выражала потерянность и вмѣстѣ съ тѣмъ апатичную рѣшимость, являющуюся обыкновенно у людей, которые предпринявъ что-нибудь очень важное, подъ чьимъ-нибудь руководствомъ, безсильны уже что-либо измѣнить и должны, сдѣлавши первый шагъ, фатально идти до конца. Толпа эта заключала въ себѣ нѣсколько родовъ цѣликомъ, цѣлыя поколѣнія: тутъ были отцы, дѣти и дѣды. Было ясно, что люди не ѣхали просто куда-нибудь, еще менѣе путешествовали, а именно переселялись.

Одновременно съ появленіемъ своеобразныхъ путешественниковъ къ вокзалу подвозили ихъ багажъ. Багажъ тоже былъ особенный— по путешественникамъ. Тутъ не было дорогихъ, окованныхъ сундуковъ, пледовъ связанныхъ ремнями съ коллекціей палокъ и зонтиковъ, изящныхъ саковъ съ блестящими бляхами,— то были простые, сколоченные изъ дерева ящики, по случаю купленные черные, солдатскіе сундуки, да тюки, зашитые въ грубый холстъ, обвязанные веревками. Среди носильщиковъ и сторожей, столпившихся на крытой галлерей зданія въ

ожиданіи пассажировъ, не обнаружилось никакой суетливости и никакого стремленія перенести эти пожитки къ багажной кассѣ. Обладатели багажа сами взваливали его привычнымъ движеніемъ на плечи и переносили къ вѣсамъ, а если ноша оказывалась не подъ силу, то помогали женщины. Толстый смотритель багажнаго склада внимательно смотрѣлъ то на пассажировъ, разгружавшихъ повозки, то на сторожей и носильщиковъ, и наконецъ на его добродушномъ сытомъ лицѣ появилась какая-то почти злая улыбка. „Вы бы помогли имъ“ — сказалъ онъ, не глядя ни на кого, но обращаясь къ сторожамъ. Никто не двинулся. Какая-то худенькая, болѣзненная съ виду женщина, державшая на рукахъ полутора-годовалого ребенка, поставила его на полъ, и съ величайшими усиліями тащила небольшой сундучекъ. Дитя заплакало, видя, что мать удаляется. „Поди сюда, соплякъ, молчи... поди ко мнѣ“, — говорилъ толстый смотритель, стараясь нагнуться къ маленькому существу. Но такое вниманіе чужого человѣка не только не утѣшило ребенка, а перепугало его окончательно, онъ кинулся въ сторону и немедленно шлепнувшись въ грязь, заревѣвъ еще громче прежняго. Женщина оставила свою ношу, подняла ребенка и, счищая грязь съ новаго ярко-синяго капотика, кричала: „Молчи! Ахъ ты замарашка, негодяй! Смотри—на что ты похожъ?“ — Чего вы его ругаете? — ворчливо обратился къ ней смотритель, это я его напугалъ. И вамъ не стыдно? — внезапно обрушился онъ на стоявшихъ по прежнему равнодушно носильщиковъ. — Какъ изъ какого-нибудь отеля привезутъ багажъ иностранцевъ, такъ вы кидаетесь на него, какъ саранча — отвязаться отъ васъ нельзя, на каждый фунтъ по четыре руки приходится?.. а теперь вы знаете, что это бѣдные эмигранты, такъ и пальцемъ не двинете. — „Донесутъ и сами“, — проворчалъ кто-то, но нѣсколько человѣкъ, хотя лѣнливо, но двинулись на помощь усиѣвшей уже снова взяться за свой сундукъ женщинѣ.

Между тѣмъ подвозили все новыя и новыя тележки съ багажемъ, толпа эмигрантовъ росла. Ко всякой вновь прибывшей партіи подходила или respectableнаго вида дама въ траурѣ, или весьма приличный господинъ въ цилиндрѣ. Это были агенты двухъ различныхъ эмиграціонныхъ конторъ. „Всѣ ли напи тутъ?“ спросила дама у своей помощницы — маленькой, тщедушной старушонки, кутавшейся въ жиденскую сѣрую шаль. „Кажется всѣ“, отвѣчала она, „не видно только Роллей“. —

А вотъ и они! сказала старшая агентша, окинувъ залъ глазами, и пошла къ Роллямъ.—Здравствуйте. Это ваши маленькіе американцы? спросила она у Огюста, не безъ ласки положивъ руку на голову маленькаго Ролля, который время отъ времени, все еще трубилъ въ свой рогъ.—Всѣ!—сказала агентша, слегка поворачивая голову къ ковылявшей за ней помощницѣ.—Держитесь вмѣстѣ,—вотъ наши, пояснила она Роллямъ и отплыла отъ нихъ по направленію къ кассѣ, пробѣгая глазами на ходу какіе-то списки.

Время отхода поѣзда приближалось. Зала мало по малу стала пополняться обычной публикой. Показались дамы въ дорожныхъ туалетахъ, мужчины съ дорожными одѣялами, черезчуръ чисто и черезчуръ по модѣ одѣтые комми-вояжеры и т. д. Подъѣзжали кареты, коляски, омнибусы гостинницъ вновь съѣзжались, разставаясь съ частью раньше пойманной добычи. Люди двигались взадъ и впередъ, раздавались восклицанія, смѣхъ, говоръ; въ огромномъ зданіи стоялъ какой-то гулъ, какъ будто гигантскій пчелиный улей находился гдѣ-то не вдалекѣ. Толпа эмигрантовъ, раздѣлившаяся на двѣ части—эмигрантовъ агента и эмигрантовъ агентши—стояла почти неподвижно. Семья Огюста держалась среди „своихъ“, окруженная друзьями.

Огюстъ смотрѣлъ на окружающую его суетню, движеніе, и толкотню совершенно равнодушно. Ему казалось по временамъ, что ничего особеннаго съ нимъ не происходитъ, что судьба просто побаловала его, доставивъ ему возможность сдѣлать путешествіе съ семьей, ничего не работать и многое посмотреть. Можетъ быть именно пестрота толпы и шумъ вокругъ, не давали ему сосредоточиться, отвлекали его и отъ мысли, что онъ навсегда уѣзжаетъ изъ страны, гостепріимно пріютившей его въ дни невзгодъ, и отъ мысли, что онъ никогда не увидитъ родного города (страны у горожанина вѣдь нѣтъ), и что онъ наконецъ навсегда прощается съ обществомъ, привычки котораго всосалъ съ молокомъ матери, а ѣдетъ дѣйствительно какъ самъ говорилъ, бороться со звѣремъ. Иногда онъ вдругъ вспоминалъ, что ѣдетъ, ѣдетъ навсегда... Но въ памяти мгновенно воскресали и быстро проносились картины горя, нужды, болѣзней... На душѣ становилось сразу легко, покойно. Ему показалось, что вотъ сейчасъ, сѣвши въ вагонъ, онъ развяжется со всѣми ужасами прошлаго, возродится для новой жизни. Старикъ отецъ стоялъ молча рядомъ съ нимъ, съ осунувшимся и болѣе чѣмъ когда-нибудь суро-

вымъ лицемъ. Только при взглядѣ на него,—сердце Огюста болѣзненно сжималось... Припоминались ему почему-то другой городъ, дѣтскіе годы, нѣжное женское лицо, по которому капились крупныя слезы, и слышался давно забытый голосъ: „они увели твоего отца, мой бѣдный Огюсть, что я буду дѣлать съ тобой!“ Нервная дрожь пробѣжала у него по спинѣ и снова думалось: „съ моими хоть этого не будетъ“.

— Гдѣ ваше семейство? спросила его агентша.

— Вотъ оно.

— А этотъ господинъ вѣдь не ѣдетъ? продолжала она, указывая на старика.

— Нѣтъ, сударыня! Это кажется для васъ очевидно и безъ вопросовъ, отвѣчалъ уже совсѣмъ невѣжливо старикъ.

— Такъ идите на платформу, всѣ идите! скомандовала агентша толпѣ „своихъ“.

Толпа двинулась къ двери ведущей въ *salle d'attente* и на платформу. Эмиграционные агенты по одному человѣку пропускали путешественниковъ, предъявляя стоящему у двери сторожу билеты.

— Что же прощаться уже? спросилъ Огюсть отца почти испуганно.

— Нѣтъ, я пойду съ вами. Онъ сказалъ что-то сторожу, тотъ пропустилъ его и всѣхъ другихъ, провожавшихъ Огюста.

Поездъ стоялъ готовый къ отходу. Для эмигрантовъ отведены были особые вагоны, въ которыхъ они немедленно размѣстили свои ручныя вещи и затѣмъ по приглашенію агентши вышли на платформу. Представительная дама подошла къ кучкѣ „своихъ“ и сказала, окидывая толпу глазами:

— Всѣ ли тутъ? Всѣ! успокоила она себя. Билеты до Буэносъ-Айресъ я передаю господину Роллю. Вотъ онъ, прибавила она и на минуту остановилась, какъ бы желая дать людямъ возможность запомнить наружность Огюста. Билеты отъ багажа я передаю господину Ферстеру. Вотъ онъ.—Опять маленькая пауза.—Держитесь въ дорогѣ вмѣстѣ. Господинъ Ролль говоритъ по-французски, господинъ Ферстеръ—нѣмецъ. Они будутъ очень полезны вамъ въ пути. Счастливаго путешествія! закончила она, стараясь придать своему деревянному голосу ласковость, и улыбнулась совершенно такъ же, какъ улыбаются танцовщицы кордебалета, становясь въ финальную группу.

Огюсть развернулъ одинъ билетъ и, пробѣжавши его, съ улыбкой сказалъ своимъ друзьямъ:

— Мы ѣдемъ на корабль „Véarn“. Такъ знайте, если вы прочтете въ газетахъ, что судно „Véarn“ пошло ко дну, значить и мы съ нимъ.

— Пустяки, старина, сказалъ кто-то изъ товарищей, но всѣмъ стало жутко... Всѣ почувствовали, что для семьи Ролля начинается что-то нешуточное. Локомотивъ шипѣлъ, пыхтѣлъ, дымился... М-ше Ролль робко взглянула въ ту сторону, перепуганно посмотрѣла на давно присмирѣвшихъ дѣтей, которыя всѣ, за исключеніемъ Пьера, прижались къ ея юбкамъ. Старикъ Ролль еще мрачнѣе сдвинулъ брови.

— Пиши же намъ, сказалъ кто-то, чтобы что-нибудь сказать и заглушить свое собственное впечатлѣніе.

— Буду, конечно, только немного.

Въ это время изъ вагона эмигрантовъ вылѣзъ весьма пожилой мужчина и съ нимъ трое юношей. Это были рослые, сильные горцы, въ большихъ черныхъ шляпахъ, украшенныхъ эдельвейсами, — этими стройными, бѣлоснѣжными бархатными цвѣтами, что растутъ на большихъ альпійскихъ высотахъ, доступныхъ лишь немногимъ испытаннымъ ходокамъ. При взглядѣ на эти цвѣты, на этихъ юношей, Огюсту за все время на вокзалѣ стало въ первый разъ нестерпимо тяжело. Меланхолическіе цвѣты, уносимые съ родныхъ, снѣжныхъ вершинъ въ далекую невѣдомую страну, напомнили ему вновь родину, отбѣздъ, разлуку... Ему вдругъ, глядя на нихъ, стало ясно, что старая Европа, которая его вырастила и выходила, гдѣ онъ такъ много любилъ, такъ многому вѣрилъ, а еще болѣе страдалъ, выбрасываетъ навсегда и его, и вотъ всѣхъ этихъ людей. За что? Въ ней нѣтъ мѣста всѣмъ ея дѣтямъ! Эти эдельвейсы на шляпахъ — послѣдніе цвѣты, которые сорвали вотъ эти сильные юноши на своихъ неприступныхъ вершинахъ! Развѣ они не работники? Развѣ они не годны? Зачѣмъ ихъ гонить судьба туда, далеко, гдѣ все имъ чуждо? подумалъ онъ.

Раздался второй звонокъ. Началось прощанье. Оказалось, что одни Ролли уѣзжаютъ изъ Г., остальные эмигранты уже давно разстались со своимъ краемъ и находятся въ путешествіи. Когда отецъ началъ прощаться съ сыномъ, многія женщины заплакали...

— *En voiture, messieurs, en voiture*, кричали кондуктора.

„Дѣло“, № 2. Февраль 1887 г. Отд. I.

— Прощай, отецъ, говорилъ Огюсть, обнимая отца; въ душѣ его все ныло и рвалось, хотѣлось остаться тутъ, въ этой Европѣ, страдать и работать...

Старикъ поочередно молча цѣловаль внучатъ. Ни одинъ мускуль не шевелился на его лицѣ—оно было точно каменное и мертвенно-блѣдное. Только глаза блуждали, ни на секунду не останавливаясь ни на какомъ предметѣ. М-ше Ролль почему-то прижала дѣтей къ себѣ, точно боялась, что ихъ кто нибудь отниметъ у нея.

Еще звонокъ.

Вотъ уже платформа опустѣла. Кто-то изъ запоздавшихъ путешественниковъ бѣжитъ сломя голову, и тычется во всѣ вагоны, не находя мѣста. Вотъ захлопываются двери вагоновъ—одна, другая, третья... Свистокъ кондуктора пронзительною трелью звучитъ и отдается подъ сводами. Оглушительный свистъ локомотива.

— Прощай, отецъ, кричитъ изъ вагона надорваннымъ голосомъ Огюсть.—Спасибо за все, за все!..

Старикъ пошатнулся... Поѣздъ вышелъ изъ вокзала, тянется длинною лентой, извивается на поворотахъ. Все еще машутъ платкомъ... Не видно платка... Исчезъ поѣздъ... Затихъ въ дали и шумъ колесъ... Только струйка дыма виднѣется еще изъ-за пригорка... А старый Ролль стоитъ неподвижно и глядитъ въ ту сторону, куда исчезло все, что онъ любилъ на землѣ...

В. Левинъ.

НОВЫЯ ВЪЯНІЯ ВЪ ВОПРОСЪ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

Въ послѣднее время у насъ въ Россіи появилось нѣсколько работъ, тракующихъ вопросъ о свободѣ воли нѣсколько иначе, нежели это дѣлаетъ такъ называемый детерминизмъ. Авторы этихъ работъ недовольны этимъ послѣднимъ, утверждающимъ, что воля человѣка подчинена закону необходимости, подобно всему міровому порядку,—хотя вмѣстѣ съ тѣмъ никто изъ нихъ не заявляетъ прямо и открыто, что детерминизмъ не правъ въ своемъ отрицаніи свободы воли. Такъ какъ попытки доказать существованіе свободы воли дѣлались уже издревле, то считаемъ не бесполезнымъ, прежде чѣмъ обратиться къ разбору работъ нашихъ мнимыхъ реформаторовъ, указать на тщетность гениальной попытки, сдѣланной Кантомъ въ его двухъ трудахъ: „Критика чистаго разума“ и „Критика практическаго разума“. Это намъ поможетъ выяснитъ и ошибки нашихъ авторовъ.

Если мы обратимъ вниманіе, говорить Кантъ, на какое-нибудь произвольное дѣйствіе, напримѣръ злонамѣренную ложь, посредствомъ которой человѣкъ произвелъ нѣкоторое замѣшательство въ обществѣ, и побужденія къ которой изслѣдуются съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность судить о вмѣняемости самаго дѣйствія и его послѣдствій,—то замѣтимъ, что хотя ложь мы и достаточно выяснимъ со стороны ея причинъ, тѣмъ не менѣе мы сверхъ того осуждаемъ виновника и при томъ не за несчастную природу его, не за обстоятельство, имѣвшія на него вліяніе, и даже не за образъ его жизни. Мы предполагаемъ, что можно совершенно оставить въ сторонѣ вопросъ о свойствахъ его; протекшій рядъ условій считать какъ бы не существующимъ и на самый проступокъ смотрѣть не какъ на обусловленный предшествующимъ состояніемъ, а какъ будто бы человѣкъ произвольно, отъ себя, началъ рядъ преступныхъ дѣяній. Это происходитъ по мнѣнію Канта отъ того, что нравственность предполагаетъ свободу, какъ свойство нашей воли, такъ какъ законы нравственности совершенно невозможны безъ свободы. Если бы теоретическій разумъ призналъ невозможною мысль о свободѣ воли, тогда пришлось бы пожертвовать, говорить Кантъ, самою нравственностью въ пользу механизма природы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что „никакой теоретическій разумъ не поможетъ познать свободу, какъ свойство дѣйствующаго въ чувственномъ мірѣ существа. Между идеями теоретическаго разума

свобода есть единственно то, возможность чего мы познаемъ à priori, не постигая однако тѣмъ самымъ ея, потому что *она составляетъ условіе нравственнаго закона, который мы дѣйствительно постигаемъ*“. „Всѣ люди, говоритъ Кантъ, мыслятъ себя со стороны воли свободными. Отсюда возникаютъ всѣ сужденія о дѣйствіяхъ, какъ такихъ, которыя должны совершиться, хотя и не совершились. При всемъ томъ эта свобода не есть понятіе опытное, и не можетъ быть имъ, потому что оно всегда остается, не смотря даже на то, что опытъ показываетъ противоположное этому требованію, которое подъ предположеніемъ его представляется необходимымъ. Съ другой стороны, это также необходимо, потому что все, что совершается, неизбѣжно опредѣляется законами природы, и эта необходимость природы также не есть опытное понятіе потому, что оно содержитъ въ себѣ понятіе необходимости, значитъ понятіе à priori. Это понятіе о природѣ доказывается опытомъ, и неизбѣжно должно предполагаться, если возможенъ опытъ, т. е. познание предметовъ чувственныхъ, связанное по всеобщимъ законамъ. Отсюда — *свобода есть только идея разума, объективная реальность которой въ себѣ самой сомнительна*, а природа есть понятіе разсудочное, которое доказываетъ и необходимо должно доказать свою реальность на примѣрахъ опыта“. Изъ этихъ словъ Канта оказывается, что свобода воли, которая существуетъ не какъ объективная реальность, а *только какъ идея человѣческаго разума*, составляетъ необходимое условіе нравственнаго закона, т. е. чего-то, что, по мнѣнію Канта, имѣетъ объективную реальность, совершенно независимую отъ существованія человѣка. Впрочемъ, самъ Кантъ видѣлъ тѣ противорѣчія, въ которыя онъ попалъ, но по его словамъ, философія *должна предполагать*, что нѣтъ никакого истиннаго противорѣчія между свободою и природною необходимостью чловѣческихъ дѣйствій, ибо она также мало можетъ дать понятіе о природѣ, какъ и понятіе о свободѣ. Между тѣмъ это кажущееся противорѣчіе слѣдуетъ все-таки искоренять самымъ убѣдительнымъ образомъ, *хотя никогда нельзя понять того, какимъ образомъ возможна свобода*. Ибо, если мысль о свободѣ противорѣчитъ себѣ или природѣ, которая также необходима, то она непремѣнно должна возстать противъ необходимости природы“. „Нужно свободно согласиться, говоритъ Кантъ, съ тѣмъ, что *здесь оказывается видъ круга, изъ котораго, какъ кажется, выйти нельзя*“. „Нужно замѣтить, говоритъ онъ, что мы не имѣли въ виду доказывать и *дѣйствительность* свободы, какъ причины явленій нашего *чувственнаго* міра, ибо изъ опыта мы никакъ не можемъ заключать къ тому, что исключаетъ собою всякіе опытные законы. Мы также не имѣли въ виду доказывать и *возможности* свободы, ибо и это не могло бы удался: à priori изъ однихъ понятій нельзя заключать къ реальному основанію и причинности чего либо“. Свобода разсматривается имъ, какъ трансцендентальная идея, которую „разумъ думаетъ начинать рядъ условій въ явленіи посредствомъ чувственно-безусловнаго, при чемъ онъ впутывается въ антиномію съ собственными законами, которые онъ указываетъ для опытнаго употребленія разсудка. Что эта антиномія основывается на призрачности и что природа,

по крайней мѣрѣ, не *противорѣчитъ* причинности по свободѣ— вотъ единственная задача, которую мы могли разрѣшить и которую единственно имѣли въ виду“.

Съ цѣлью примирить непримиримое и выйти изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя онъ попалъ, Кантъ прибѣгаетъ къ слѣдующему философскому ухищренію. Для того, чтобы уничтожить кажущееся противорѣчіе между механизмомъ природы и свободою въ одномъ и томъ же дѣйствіи, говоритъ онъ, должно помнить, что необходимость природы, которая не можетъ существовать рядомъ со свободою субъекта, относится къ опредѣленіямъ такой вещи, которая подчиняется условіямъ времени, значить, къ дѣйствующему субъекту, какъ къ *явленію*. Но тотъ же самый субъектъ, съ другой стороны, сознаетъ себя, какъ *вещь саму въ себѣ*— и въ этомъ бытіи у него нѣтъ ничего предшествующаго его волеопредѣленію, но каждое дѣйствіе, измѣняющееся сообразно съ внутреннимъ чувствомъ, даже весь рядъ слѣдствій его существованія какъ чувственного существа, разсматривается въ сознаніи его умопостигаемаго существованія не иначе, какъ слѣдствіе, и никогда какъ опредѣляющее основаніе причинности его, какъ ноумена. Съ этой точки зрѣнія разумное существо о всякомъ противозаконномъ дѣйствіи, которое оно совершаетъ, хотя послѣднее, какъ явленіе, достаточно опредѣляется въ прошедшемъ и при томъ съ самою строгою необходимостью, *по справедливости можетъ сказать, что оно могло его не совершить*, такъ какъ оно со всѣмъ прошедшимъ, его опредѣляющимъ, принадлежитъ только къ одному *феномену* его характера, который онъ присваиваетъ себѣ, и по которому онъ, какъ причина, независимая отъ всякой чувственности, приписываетъ себѣ причинность таковыхъ явленій. И такъ, по мнѣнію Канта, человѣкъ существуетъ, во-первыхъ, какъ явленіе, феноменъ и во-вторыхъ, какъ вещь въ себѣ, ноумень. Какъ феноменъ онъ подчиненъ закону необходимости, но какъ ноумень или, иначе, умопостигаемый субъектъ, вполне свободенъ *). Нельзя не видѣть, что изъ всего этого логически слѣдуетъ заключеніе о подчиненіи закону необходимости реального человѣка, такъ какъ свободенъ *только* его умопостигаемый субъектъ. Но если это такъ, если человѣкъ *въ жизни*, какъ явленіе, подчиненъ закону необходимости и свободенъ отъ него только тамъ, гдѣ-то въ трансцендентальной области умопостигаемаго, то спрашивается: съ какой же стати мы имѣемъ право вмѣнять ему въ вину извѣстные поступки, совершенные имъ въ жизни, т. е. тамъ, гдѣ онъ подчиненъ закону необходимости? Вѣдь, совершая преступленіе въ жизни, подчиненной закону необходимости, онъ въ то же время можетъ вести себя прекрасно въ области умопостигаемой, гдѣ онъ только и свободенъ. *Если бы нравственное вѣнчаніе было основано*, какъ думаетъ Кантъ, на свободѣ воли человека, то нельзя было бы не придти къ заключенію, что наказывать пре-

*) Ланге замѣчаетъ, что „Кантъ не хотѣлъ видѣть, что „умопостигаемый міръ“ есть *міръ творчества*, и что на этомъ основывается его значеніе и важность“ (Исторія материализма... Фр. Альб. Ланге. Т. II, стр. 69). Слѣдовательно, „умопостигаемый міръ“ есть міръ идеала, созданный человѣкомъ, къ осуществленію котораго онъ и стремится.

ступниковъ здѣсь, у насъ, на землѣ, въ жизни, нѣтъ основаній, такъ какъ здѣсь-то они и подчинены закону необходимости. Разъ человѣкъ свободенъ только въ умопостигаемой области, то онъ вправѣ сказать Канту: „я не совершаю никакого проступка тамъ, гдѣ я свободенъ, и являюсь тамъ образцомъ добродѣтели; если же здѣсь, какъ реальное существо, я поступаю не такъ, какъ требуетъ мой умопостигаемый субъектъ, то это потому, что реальная жизнь подчинена закону необходимости, а не мнѣ, какъ вещи въ себѣ *). Въ этой жизни господствую не я, какъ умопостигаемый субъектъ, а законы природы, т. е. именно здѣсь я не обладаю той свободой воли, которую ты считаешь основой нравственности, а также и нравственнаго вмѣненія“. На это Кантъ могъ бы отвѣтить только такъ: „Ты долженъ быть наказанъ потому, что, хочъ ты и подчиненъ закону необходимости, какъ реальное существо, но свободенъ за то, какъ умопостигаемый субъектъ“. Но необходимо признать, что съ своей точки зрѣнія Кантъ совершилъ бы несправедливость, такъ какъ, сколько онъ ни умствуй, а все-таки каждому ясно, что человѣкъ, совершившій преступленіе въ жизни, былъ въ это время подчиненъ закону необходимости и не имѣлъ, по словамъ Канта, той свободы воли, которая будто бы необходима для нравственнаго вмѣненія.

Поэтому мы вправѣ сказать, что разъ будетъ признано, что свободная воля есть необходимое условіе нравственнаго вмѣненія, то всѣ ухищренія кантовской философіи все-таки не даютъ намъ права вмѣнять кому либо въ вину его проступки, такъ какъ эти преступленія совершаются не въ той области, гдѣ человѣкъ, по мнѣнію Канта, свободенъ, а именно, тамъ, гдѣ онъ подчиненъ законамъ природы, дѣйствующимъ по закону необходимости. Нѣмецкій философъ нигдѣ не указываетъ на то, чтобы умопостигаемый характеръ человѣка могъ побуждать его къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, идущимъ въ разрѣзъ закону необходимости, такъ какъ этимъ самымъ онъ ниспровергалъ бы то, во что самъ вѣрилъ: именно, что дѣйствительная жизнь наша подчинена закону необходимости. Такимъ образомъ ясно, что умопостигаемый характеръ человѣка, является чѣмъ-то бессильнымъ и не имѣющимъ никакого вліянія на дѣйствительную жизнь субъекта, на его дѣйствительный жизненный характеръ. Онъ, какъ и всякая „вещь въ себѣ“, стоитъ внѣ нашего „явленія“, т. е. внѣ нашей дѣйствительной жизни; мы не видимъ никакого моста между „вещью въ себѣ“ и „явленіемъ“, слѣдовательно, не можетъ быть этого моста и между умопостигаемымъ и дѣйствительнымъ характеромъ человѣка **). Кантъ, впрочемъ, увѣряетъ, что совѣсть стоитъ въ тѣсной зависимости отъ вліянія умопостигаемаго субъекта на дѣятельность его реальнаго собрата, но въ такомъ случаѣ совѣсть должна была бы быть тождественна у всѣхъ людей, такъ какъ, будучи

*) Ученіе Канта, Шопенгауэръ, прямо утверждаетъ: „Хотя воля и свободна, но только сама въ себѣ и внѣ явленія“. (Свобода воли и основы морали. Ар. Шопенгауэра. Стр. 86).

**) „Свобода принадлежитъ не эмпирическому, а единственно умопостигаемому характеру“, говоритъ Шопенгауэръ, слѣдовательно о свободѣ воли человѣка не можетъ быть рѣчи. (Свобода воли... Арт. Шопенгауэра, стр. 180).

проявленіемъ „вещи въ себѣ, не подчинной никакимъ реальнымъ условіямъ нашей жизни, она должна сохранить свойства вообще „вещи въ себѣ“, какъ понимаетъ ее Кантъ. Антропология, наоборотъ, доказываетъ намъ, что не только различныя племена, но и индивидуумы значительно различаются складомъ своей совѣсти. *Совѣсть или чувство ответственности за свои дѣйствія, появляется у всякаго изъ насъ, какъ естественно-необходимый результатъ несоответствія частнаго проявленія нашего характера съ общимъ тономъ этого характера.*

Такимъ образомъ, Кантъ, не смотря на весь свой философскій гений, не успѣлъ въ своемъ философскомъ предпріятіи: примиреніи нашей увѣренности въ свободѣ нашихъ дѣйствій съ непреложной необходимостью законовъ природы. Также печально кончились и попытки другихъ философовъ, — на примѣръ, Іог. Фихте, который попытался въ своемъ трудѣ „О назначеніи человѣка“ доказать возможность свободы воли, но достигъ этого только тѣмъ, что всю природу, весь міръ объявилъ не существующимъ объективно, а только въ видѣ субъективнаго представленія человѣческаго „я“.

Нельзя не признать, что всѣ попытки доказать существованіе свободы воли вытекаютъ изъ исполнѣ нравственнаго побужденія обосновать наше право на нравственную критику, какъ своихъ собственныхъ такъ и чужихъ дѣйствій, на прочномъ базисѣ. Дунають, что наше право на критику чужихъ поступковъ, подобно тому какъ и право на реагированіе на эти поступки извѣстнаго рода дѣйствіями, только тогда и будетъ имѣть мѣсто, когда мы объявимъ себя и другихъ людей дѣйствующими по свободной волѣ. Такъ, одинъ изъ нашихъ мнимыхъ реформаторовъ, г. Гротъ, увѣряетъ, что признаніе полной несвободы воли человѣка равняется бы признанію совершеннаго его безсилія, случайности и непредотвратимости всего, что съ нимъ происходитъ, — безнадѣжности всего, что онъ предпринимаетъ. „По какому праву я могъ бы тогда приписывать себѣ какія-нибудь заслуги?“ спрашиваетъ авторъ. „По какому праву могъ бы я также уважать и презирать, любить и ненавидѣть, восхвалять и порицать другихъ людей за тѣ или другіе ихъ подвиги и поступки“ *). Подобнымъ же образомъ выражается и другой изъ мнимыхъ реформаторовъ, г. Оболенскій. По его мнѣнію, вопросъ о свободѣ воли есть вопросъ не философскій, а „чисто социологическій, ибо намъ вовсе не то важно знать, абсолютно ли свободна человѣческая воля, а то, какъ и насколько обусловлена и насколько свободна человѣческая воля въ смыслѣ *воздѣйствія на общественныя явленія, въ отношеніяхъ къ людямъ, вообще въ поведеніи*“ **).

Мы вправѣ поэтому сказать, что вопросъ о нравственномъ мнѣніи есть центръ тяжести вопроса о свободѣ воли, и что только потому мнимые реформаторы и дѣлають попытки подкопаться подъ научный детерминизмъ, что, по ихъ мнѣнію, нравственность наша нуждается въ обоснованіи на понятіи о свободѣ воли. Г. Оболенскій говоритъ, на примѣръ, что „только интуиція

*) Къ вопросу о свободѣ воли. Профес. Н. Я. Грота.

***) Свобода воли. Л. О. („Русское Богатство“, 1883 г., № 2).

свободной воли даетъ силу людямъ, какъ на самоусовершенствованіе или улучшеніе своего „я“ сообразно идеалу, такъ и на улучшеніе окружающихъ условій внѣшнихъ, въ томъ числѣ „общественныхъ“. „Намъ особенно ясно становится ея ослабленіе, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, фаталистической вѣрой въ свое собственное безсиліе“ *).

Наши реформаторы забываютъ при этомъ, что по объясненію детерминистическаго ученія міровыя событія суть результатъ сталкивающихся силъ и что *человѣкъ—одна изъ этихъ міровыхъ силъ*, а потому и можетъ видоизмѣнять ихъ сообразно своимъ желаніямъ. Даже надъ собственными желаніями человѣкъ можетъ господствовать, благодаря тому, что у него есть другія, болѣе сильныя желанія, заглушающія дѣйствіе первыхъ. На этомъ основаніи, какъ говоритъ Милль, человѣкъ до извѣстной степени имѣетъ силу измѣнить свой характеръ. „Хотя въ послѣдней инстанціи характеръ образованъ для него, однако это не противорѣчитъ тому, что онъ образованъ и *имъ*, какъ одною изъ посредствующихъ силъ. Его характеръ образованъ его обстоятельствами (включая сюда и его особенную организацію), но собственное желаніе человѣка сформировать его извѣстнымъ образомъ есть одно изъ этихъ обстоятельствъ и никакъ не изъ слабѣйшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, *мы не можемъ прямо желать быть не такими, каковы мы есть*“ **). Только тогда у человѣка и можетъ быть стремленіе къ самоусовершенствованію, когда въ его душѣ уже находятся элементы для этого усовершенствованія, — они то и побуждаютъ къ дѣйствіямъ на пользу этого совершенствованія.

Идея о детерминистическомъ ходѣ міровыхъ событій никакъ не можетъ ослаблять энергіи человѣка въ борьбѣ съ враждебными его жизни событіями, такъ какъ эта идея прежде всего указываетъ на то, что самъ человѣкъ есть организмъ, заключающій въ себѣ часть міровой энергіи, въ дѣйствіи которой и заключается жизнь. „Организмъ нашъ, говоритъ Льюисъ,—часть природы, и плыветъ по общему теченію съ естественными силами. Но въ то же время онъ представляетъ и извѣстную *систему* силъ, и система эта заключаетъ внутри себя условія специально принадлежащихъ ей дѣйствій, — совершенно такъ, какъ земля, хотя и есть часть природы, но она сама по себѣ система, и движенія ея до извѣстной степени независимы отъ солнечной системы“ ***). Человѣкъ осуждаетъ или хвалитъ другихъ людей по законамъ своего организма, вполне аналогичнымъ тѣмъ, по которымъ онъ одни явленія называетъ свѣтомъ, другія темнотою, одни—горечью, другія—сладостью.

Г. Гротъ иронизируетъ надъ тѣмъ, что детерминисты защищаютъ вмѣненіе; по его мнѣнію, детерминизмъ и вмѣненіе—несовмѣстимыя идеи. „Къ счастью, говоритъ онъ, большинство людей не послѣдовательно и нелогично: имъ ничего не стоитъ отрицать свободу воли и одновременно говорить о добровольныхъ поступкахъ; они не видятъ никакого противорѣчія въ утвержденіяхъ, что все въ мірѣ подчинено закону причинности, и что данное лицо

*) Свобода воли. Л. О. „Р. Б.“, 1888 г., № 2., стр. 361 и 362.

***) „Система логики“ Д. С. Милль. Т. II, стр. 411.

***) Д. Г. Льюисъ. Изученіе психологіи, стр. 104.

заслуживаетъ всеобщаго презрѣнія, потому что оно добровольно дѣйствуетъ во вредъ своимъ ближнимъ и творитъ зло“. Но г. Оболенскій нѣсколько лучше г. Грота знакомъ съ детерминизмомъ, а потому и говоритъ: „Считаемъ долгомъ замѣтить, что у насъ вопросъ о свободѣ воли должно смѣшивали съ вопросомъ о вѣроятности преступленій. Полагали, что если нѣтъ свободы воли, то и преступленія невѣроятны. Но нашлись мыслители, которые *прекрасно доказали*, что наказаніе и безъ свободы воли дѣйствуетъ на человѣка, а именно, вводя въ элементы, опредѣляющіе поведеніе, чувство или мотивъ страха наказанія“. Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе глубокомъ анализѣ кажущихся противорѣчій, на которыя указалъ г. Гротъ, никакой нелогичности въ этихъ взглядахъ не окажется. Если мы признаемъ, что дѣйствія преступника вполне зависѣли отъ его воспитанія, наслѣдственности и т. п. причинъ, то этимъ мы никакъ не можемъ уменьшить то отвращеніе, которое внушаютъ намъ его дѣйствія. Какъ научный анализъ какого-нибудь дурного запаха не можетъ помѣшать намъ стараться избѣгнуть его, такъ и научный анализъ причины дурныхъ поступковъ человѣка не можетъ примирить насъ съ гнусностью этихъ поступковъ. Для уничтоженія сквернаго запаха мы изобрѣтаемъ дезодорирующія средства, для уменьшенія числа преступниковъ человѣчество изобрѣло наказанія, лѣстница которыхъ начинается съ выраженія общественнаго презрѣнія. Г. Гротъ думаетъ, что детерминистъ не вправѣ осуждать преступниковъ, такъ какъ они оказываются ничтожными винтами міровой машины, не знающими сами, что творять и неспособными дѣйствовать какъ нибудь иначе. Детерминистъ можетъ отвѣтить, что, на примѣръ, касторовое масло не виновато въ томъ, что извѣстнымъ образомъ дѣйствуетъ на человѣка, и неспособно видоизмѣнить свое дѣйствіе; но слѣдуетъ ли изъ этого, что человѣкъ не долженъ отличать его отъ сахара и долженъ относиться къ нему также, какъ и къ этому послѣднему? Преступникъ возбуждаетъ своими дѣйствіями неудовольствіе и отвращеніе у человѣчества, а добродѣтельный человѣкъ — любовь и уваженіе; сообразно этимъ дѣйствіямъ человѣчество и реагируетъ на нихъ. Поэтому напрасно нашъ авторъ думаетъ, что „если нѣтъ свободы, то нѣтъ и вѣненія“. Наоборотъ, только при детерминистическомъ воззрѣніи и получаетъ смыслъ самое вѣненіе. Только вѣра въ то, что человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ мотивовъ, можетъ привести насъ къ мысли, что угрозой наказанія мы можемъ заставить человѣка видоизмѣнить свои дѣйствія, подобно тому, какъ можемъ измѣнить теченіе рѣки, сдѣлавъ запруду въ извѣстномъ мѣстѣ. Если же воля человѣка свободна, т. е. если онъ можетъ дѣйствовать помимо вліяющихъ на него мотивовъ, то наказаніе было бы бесполезно, такъ какъ оно не было бы способно воздѣйствовать на волю человѣка. Разумѣется, что и наказаніе очень часто не способно отвратить отъ преступленія, какъ запруда нерѣдко оказывается безсильной остановить теченіе рѣки. Это бываетъ тогда, когда мотивы, побуждающіе къ преступленію, сильнѣе тѣхъ, которые удерживаютъ отъ него, не смотря на то, что эти послѣдніе поддерживаются страхомъ наказанія.

Свобода воли—ничего больше какъ иллюзія человѣческаго

ума; подобныхъ иллюзій мы находимъ въ себѣ не мало; для примѣра уважемъ, хоть на иллюзію восхожденія и захожденія солнца. Недаромъ, еще Спиноза говорилъ, что если бы летящій въ воздухѣ отъ толчка камень былъ сознательнъ, то думалъ бы, что летитъ по собственной волѣ. Цитируя эти слова, Шопенгауэръ говоритъ: „Я только добавлю, что камень былъ бы правъ. Толчекъ для него тоже, что для меня мотивъ, и что въ немъ является сдѣленіемъ, тяжестью и косностью въ данномъ состояніи, въ сущности тоже, что я въ себѣ сознаю какъ волю, и что и онъ, если бы къ нему привзошло сознаніе, призналъ бы волей“ *). Нѣчто въ родѣ этого говоритъ и Юг. Фихте: „Дайте дереву сознаніе, и оно будетъ считать себя всегда свободнымъ, потому что все, что оно дѣлаетъ, оно дѣлаетъ побуждаемое своею натурою, т. е. существенностью своей природы; и оно не можетъ хотѣть чего-либо другого, потому что оно можетъ хотѣть только того, чего требуетъ его натура“ **). Безъ достаточнаго основанія движеніе воли, говоритъ извѣстный юристъ Рудольфъ фонъ Іерингъ, столь же немислимо, какъ и движеніе матеріи; свобода воли въ томъ смыслѣ, что воля можетъ придти въ движеніе самопроизвольно, безъ какого либо побудительнаго основанія, есть ничто иное, какъ сказочный Мюнхгаузенъ, извлекающій самого себя изъ болота за волосы“ ***).

Нельзя сказать, чтобы всего этого не признавалъ одинъ изъ нашихъ реформаторовъ, а именно г. Оболенскій. Но, къ сожалѣнію, онъ признавалъ это только въ началѣ своей „кампаніи“ за свободу воли. Въ первомъ своемъ этюдѣ онъ категорически выступаетъ противъ всякой свободы воли, понимаемой въ абсолютномъ смыслѣ. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, была ли какая либо нужда тратить столько зарядовъ противъ метафизической свободы воли, если въ самомъ словѣ „абсолютное“ и „безпричинное“ лежитъ немислимость, т. е. невозможность для человѣчества мыслить такого рода вещь?“. При этомъ нашъ авторъ забываетъ, что десятки гениальныхъ умовъ именно тратились на разрѣшеніе задачи о примиреніи закона необходимости, съ потребностью человѣка вѣрить въ абсолютность своей свободы воли. Въ началѣ этой статьи мы указали на тщетную попытку Канта въ этомъ отношеніи, и думаемъ, что картина логической борьбы между двумя теченіями мысли гениальнаго философа настолько поучительна, что никто не вправѣ однимъ почеркомъ пера объявлять эту борьбу напрасной тратой зарядовъ. Эта трата философскихъ зарядовъ, эти гениальныя философскія ухищренія были именно и необходимы для убѣжденія насъ въ немислимости примирить необходимость съ свободой. Г. Оболенскій вначалѣ тоже призналъ невозможность абсолютной свободы, и говорилъ только о томъ, что человѣкъ обладаетъ „относительной свободой воли“. „Люди, говоритъ онъ, считаютъ себя свободными въ своихъ дѣйствіяхъ тогда, когда эти дѣйствія *не вынуждены внѣшней силой*, а совершены по выбору и желанію того лица,

*) Артуръ Шопенгауэръ. Миръ какъ воля и представленіе, стр. 150.

***) „О назначеніи человѣка“ Юг. Фихте.

***) Цѣль въ правѣ. Руд. фонъ-Іеринга. Т. I, стр. 1.

которое дѣйствуетъ“. Вотъ такого-то рода „свободу воли“ и защищалъ вначалѣ нашъ авторъ. При этомъ онъ увѣряетъ, что „наше опредѣленіе свободы воли, какъ свободы отъ внѣшней среды, какъ дѣятельности только въ зависимости отъ своего „я“ не есть лишь новое опредѣленіе или *перемѣна терминовъ*, а фактъ, *поразительный своей грандіозностью* (?) и убѣдительностью“ *). Не смотря на эти увѣренія нашего автора, всякому философски образованному человѣку ясно, что его „относительная свобода воли“ есть ничего больше какъ всѣмъ извѣстная, всѣми признанная „воля“ человѣка и другихъ органическихъ существъ. вмѣсто того, чтобы говорить: „человѣкъ имѣетъ волю“, онъ говоритъ: „человѣкъ имѣетъ относительную свободу воли“; вмѣсто того, чтобы изслѣдовать эволюцію воли, онъ говоритъ, что анализируетъ эволюцію свободы воли. Но такъ какъ подъ терминомъ „свободная воля“ онъ вездѣ подразумѣваетъ просто всѣми признанную мировую силу, — „волю“ органическихъ существъ, то, понятно, что ничего новаго, кромѣ терминологіи, онъ и не могъ внести въ вопросъ о свободѣ воли. Г. Гротъ вполне вѣрно поэтому замѣтилъ, что г. Оболенскій „отождествляетъ всякую волю съ свободой воли“ **). Вся новизна теоріи г. Оболенскаго заключалась въ томъ, что онъ общепризнанный терминъ „свобода воли“ сталъ употреблять вмѣсто тоже общепризнаннаго „воля“. А между тѣмъ вѣковой споръ детерминистовъ, утверждающихъ что воля человѣка обусловлена внутренними и внѣшними условіями его бытія, съ индетерминистами, отрицающими эту зависимость, заключался именно въ томъ: обладаетъ ли человѣкъ абсолютной свободой воли или нѣтъ? Нѣкто изъ детерминистовъ не утверждалъ, что человѣкъ не обладаетъ относительной свободой воли, но эта „относительная свобода воли“, по установившейся научной терминологіи, называлась просто „воля“, въ противоположность „свободной волѣ“, подъ которой обѣ спорящія стороны понимали „абсолютно свободную волю“. Такъ, напри- мѣръ, упомянутый уже нами Герингъ, сравнивая свободу воли со сказочнымъ Мюнхгаузеномъ, извлекающимъ самого себя изъ болота за волосы, вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что „воля должна быть признана по истинѣ творческою, т. е. изъ самой себя живущею силою въ мірѣ“ ***). Подобнымъ же образомъ говорятъ и многіе другіе авторы. Индетерминисты же, именно, и стараются доказать, что нравственное вмѣненіе только и можетъ быть основано на абсолютной свободѣ воли, и что для этого недостаточно одной психологической свободы воли, т. е. воли, не обусловленной внѣшнимъ принужденіемъ. Кантъ, напри- мѣръ, говоритъ, что

*) Эволюція свободы воли. (Русское Богатство 1883 г. № 3, стр. 679)-

***) Къ вопросу о свободѣ воли. Изд. „Рус. Бог.“, стр. 6. Напомнимъ, что уже Шопенгауэръ говорилъ объ „относительной свободѣ воли“; но при этомъ онъ прибавилъ: „эта относительная свобода и есть въ сущности то, что образованные, но неглубокомысленные люди понимаютъ подъ именемъ свободы воли“... „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, *свободное значить ни въ какомъ отношеніи не подлежащее необходимости, т. е. независимое ни отъ каковаго основанія*“ (Своб. воли и осн. морали. Ар. Шопенгауэра, стр. 42, 43 и 8).

****) Цѣль въ правѣ. Руд. фонъ Геринга. Т. I, стр. 17.

психологическая свобода воли, которую онъ строго отличаетъ отъ „трансцендентальной, т. е. абсолютной“, „въ сущности не была бы лучше свободы веретена, которое, будучи разъ пущено, производитъ само собою движенія“ *). Слѣдовательно, съ точки зрѣнія Канта для обосновки нравственнаго поведенія недостаточно того, что считаетъ достаточнымъ г. Оболенскій, примкнувшій въ въ этомъ случаѣ къ детерминистамъ. Впрочемъ, все вышесказанное объ этомъ авторъ относитъ только къ его статьямъ: „Свобода воли“ и „Эволюція свободы воли“. Въ дальнѣйшихъ его трудахъ замѣчается стремленіе доказать существованіе не только „относительной свободы воли“, а уже нѣчто болѣе, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія детерминистической теоріи. Нашъ авторъ начинаетъ упоминать о „субъектѣ“, который-де стоитъ въ полной независимости отъ объекта, и своимъ вмѣшательствомъ въ механизмъ природы способенъ видоизмѣнять его работу. Такимъ образомъ г. Оболенскій мало-по-малу начинаетъ стремиться не только къ реформѣ терминологіи, оставаясь по сущности детерминистомъ, какъ это было вначалѣ, а начинаетъ защищать нѣчто въ родѣ абсолютной свободы прежнихъ авторовъ. Свои мысли объ этомъ „субъектѣ“ онъ изложилъ въ отдѣльной брошюрѣ: „Развитіе чувствованій“.

Авторъ старается доказать, что „субъектъ“ не есть только коррелятъ объективной энергіи, какъ думаютъ детерминисты, но что онъ есть самостоятельная сущность и самъ, отдѣльно, участвуетъ въ процессѣ міровой эволюціи, воздѣйствуя на объективную энергію и, въ свою очередь, подвергаясь ея вліянію. Самостоятельную дѣятельность субъективной стороны мірового процесса г. Оболенскій доказываетъ тѣмъ, что если бы субъективность не была полезна эволюціи, то она была бы вредна, такъ какъ „ощущеніе, какъ субъективное состояніе, требуетъ особой доли энергіи на свое произведеніе; стало быть тѣ существа, которыя были бы одарены ощущеніемъ или субъективностью должны были бы (сравнительно съ неодаренными) терять часть энергіи на процессъ, совершенно для нихъ бесполезный“. Если буквально понимать то, что говоритъ здѣсь авторъ, то необходимо будетъ ему приписать нелѣпую, съ его же точки зрѣнія, мысль о возможности перехода объективной энергіи въ субъективность и наоборотъ. Онъ прямо утверждаетъ, что субъективность-де поглощаетъ часть энергіи у организма, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы бросить свое пониманіе субъективности, какъ основнаго качества матеріи, несводимаго на движеніе и не рождающагося изъ него, а примѣннуть къ тому грубому матеріализму, противъ котораго самъ онъ вполне справедливо ратуетъ. Въ томъ то и дѣло, что субъективность отнюдь не можетъ отымать ничего у объективной энергіи, такъ какъ она, вопреки мнѣнію матеріалистовъ Бюхнеровскаго пошиба, не рождается изъ нея, а есть вѣчно существовавшее, основное качество матеріи, какъ утверждаютъ многіе монисты, и вслѣдъ за ними г. Оболенскій! Онъ задается вопросомъ: для какой цѣли могла бы существовать субъективность, если бы она не помогала эволюціи объективной энергіи? Разумѣется, отвѣчать на этотъ вопросъ, пока, еще не-

*) Критика правтического разума, стр. 105 и 106.

возможно; но нельзя не указать автору, что онъ не имѣетъ даже права задавать такіе вопросы до тѣхъ поръ, пока не докажетъ, что все существующее имѣетъ какую-нибудь цѣль. Только тогда, когда мы рѣшимъ, что весь нашъ міровой процессъ имѣетъ извѣстную цѣль,—только тогда можно будетъ идти путемъ изслѣдованія о цѣли даннаго частнаго явленія.

Теперь же, мы можемъ говорить только объ извѣстномъ намъ изъ опыта и наблюденія параллелизмѣ объективнаго процесса съ субъективнымъ, и у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы мы могли признать между ними взаимопомощь, тѣмъ болѣе, что этому мѣшаютъ основныя понятія о нихъ, какъ о качествахъ, несводимыхъ другъ на друга, а существующихъ отдѣльно даже въ атомѣ.

Для того, чтобы доказать полезность субъективности въ эволюціи объективной части міра, г. Оболенскому пришлось на каждомъ шагѣ впадать въ противорѣчіе. Если мы допустимъ вліяніе субъективности на объективный процессъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны допустить и обратное: вліяніе объекта на субъективность; при этомъ сама субъективность должна претерпѣть видоизмѣненія, такъ что объективность челоука и бактеріи будутъ различны. А между тѣмъ авторъ опредѣлилъ ее, какъ „знаніе перемѣнъ въ тканяхъ“, т. е. и у челоука, и у бактеріи субъективность есть только „знаніе перемѣнъ въ тканяхъ“. Слѣдовательно, онъ этимъ самымъ отрицаетъ всякую эволюцію субъективности, такъ какъ она всегда и всюду остается неизмѣннымъ „знаніемъ перемѣнъ въ тканяхъ“. Правда, содержаніе этого знанія видоизмѣняется, но это, очевидно, зависитъ отъ эволюціи самыхъ тканей; эти послѣднія могутъ дифференцироваться и интегрироваться, усложняться и видоизмѣняться, а вслѣдъ за этимъ перемѣны въ тканяхъ сдѣлаются обильнѣе и многообразнѣе; но субъективность при этомъ не развивается, ибо она была и остается только „знаніемъ перемѣнъ въ тканяхъ“. Для разъясненія нашей мысли прибѣгнемъ къ аналогіи: глазъ можетъ видѣть въ одномъ случаѣ только бѣлый листъ бумаги, въ другомъ—передъ нимъ можетъ проходить многообразнѣйшая панорама, но этотъ глазъ остался тѣмъ же глазомъ. Нельзя смѣшивать самой способности видѣть съ тѣмъ или другимъ обиліемъ матеріала для видѣнія. (Употребляя эту аналогію, мы не забываемъ, однако, что между сознаніемъ и сознаваемыми перемѣнами въ организмѣ существуетъ только параллелизмъ, а между глазомъ и видимыми имъ предметами—механическое воздѣйствіе, такъ что тутъ полной аналогіи явленій и не можетъ быть: глазъ подъ вліяніемъ видѣннаго измѣняется, сознаніе же сдѣлать это не можетъ, если оно состоитъ только въ „знаніи перемѣнъ въ тканяхъ“).

Такимъ образомъ философская обосновка свободы воли не удалась г. Оболенскому, такъ какъ онъ высказываетъ взаимно уничтожающія другъ друга положенія. Если субъективность есть сознаніе перемѣнъ въ тканяхъ, то она не можетъ подлежать эволюціи и видоизмѣненіямъ, *потому что самое сознаніе перемѣнъ предполагаетъ нѣчто остающееся неизмѣннымъ*, благодаря чему для насъ и доступно сознаніе перемѣнъ. А разъ оно является неизмѣннымъ сознаніемъ перемѣнъ, то откуда же у

него появится способность не только сознать перемѣны, но и видоизмѣнять ихъ сообразно чему-то... вѣроятно своимъ дѣлямъ. Для того, чтобы признать вліяніе субъективности на объектъ, мы не можемъ ограничиться надѣленіемъ ея только свойствомъ „сознавать перемѣны“, а должны надѣлать ее и другими свойствами, и прежде всего способностью *дѣйствія*, а не одного сознанія. Кромѣ того, дѣйствіе нуждается въ дѣлѣ и направленіи, слѣдовательно, субъективность должна имѣть свои задачи, отличныя отъ остальныхъ міровыхъ стремленій, которыя она поэтому и должна видоизмѣнять. Все это логическіе выводы изъ того, что высказалъ г. Оболенскій, но они не ладятъ другъ съ другомъ, такъ какъ авторъ, ради поддержанія ученія свободы воли, надѣлилъ свою „субъективность“ способностью воздѣйствія на объектъ и тутъ же отнялъ ее, опредѣливъ эту субъективность, какъ „сознаніе перемѣнъ“. Поэтому мы считаемъ себя вправе сказать, что попытка г. Оболенскаго *защитить существованіе абсолютной свободы воли ни къ чему не привела*. А что онъ, дѣйствительно, въ концѣ концовъ, попытался доказать существованіе не только „относительной свободы воли“, которую защищалъ въ первыхъ своихъ работахъ, но и абсолютную свободу воли, по нашему мнѣнію, видно изъ его постановки вопроса о „субъектѣ“, стоящемъ у него внѣ механизма природы, и только воздѣйствующемъ на этотъ механизмъ сообразно своимъ дѣлямъ. Субъективность у него является силой вполне отдѣльной отъ объективной энергіи, а потому и способной проявлять въ мірѣ силу независимую отъ механизма природы, т. е. силу абсолютную. Впрочемъ, нашъ авторъ не говоритъ объ этомъ въ такой явной формулировкѣ, какъ мы,—но онъ долженъ былъ бы это говорить, если бы довелъ свою мысль до полного ея развитія. И такъ, нашъ авторъ началъ съ защиты только относительной свободы воли, устраняя возможность абсолютной, какъ нецѣлостности, а кончилъ безсильной попыткой установить существованіе абсолютной свободы воли.

Г. Гротъ поступилъ подобнымъ же образомъ. Онъ тоже въ началѣ своего труда признаетъ невозможнымъ существованіе абсолютной свободы воли, въ концѣ же, ради права на нравственное вмѣненіе, начинаетъ защищать ту же абсолютную свободу воли, не называя ее ея собственнымъ именемъ, а скрывая подъ именемъ просто „свободы воли“.

Поэтому мы и возвратимся къ доказательствамъ того, что нравственное вмѣненіе совершенно не требуетъ для себя существованія абсолютной свободы воли, и вполне можетъ довольствоваться тѣмъ, что наука признала за человекомъ—просто „волю“.

При поверхностномъ ознакомленіи съ ученіемъ детерминистовъ можетъ показаться, что они должны быть противниками всякихъ наказаній, такъ какъ, если воля человека дѣйствуетъ сообразно обусловившимъ ее обстоятельствамъ, то изъ этого какъ будто бы слѣдуетъ, что вмѣнять ему въ вину его поступки мы не имѣемъ права. Молодые, не окрѣпшіе умы, знакомясь впервые съ ученіемъ детерминистовъ очень часто впадаютъ въ это заблужденіе. Разумѣется, это послѣднее почти всегда остается въ области теоретическихъ размышленій и мало касается дѣйствительной жизни,

подчиненной гораздо меньше всякимъ теоретическимъ измышленіямъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Наше отвращеніе къ преступленію и преступнику основано не на какихъ либо теоретическихъ соображеніяхъ, а коренится въ нашей нравственной организаціи, настолько же органически, какъ и отвращеніе питаемое нами къ дисгармоніи звуковъ, къ отвратительнымъ запахамъ и т. п. Поэтому детерминисты, даже заблудившіеся въ лабиринтѣ споровъ о нравственномъ вмѣненіи, никогда не могутъ въ дѣйствительной жизни стать на точку зрѣнія отрицанія этого вмѣненія. Гнусные и подлые поступки также дѣйствуютъ на нашу нравственную организацію, какъ запахъ сѣрнистаго водорода на обонятельные органы,—они возбуждаютъ инстинктивное отвращеніе къ этимъ поступкамъ и къ людямъ, ихъ производящимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ человечество ощущаетъ потребность противо-дѣйствовать этимъ поступкамъ и мстить за поправленную ими справедливость. „Случается видѣть человѣка, говоритъ Шопенгауэръ, который бываетъ такъ глубоко возмущенъ несправедливостью, имъ испытанною или даже пережитою въ качествѣ свидѣтеля, что обдуманно и безвыходно жертвуетъ своею жизнью, чтобы отомстить виновнику этого злодѣянія, такъ какъ его жизнь сохранила для него цѣну лишь какъ средство къ мести. Увлекаемый негодованіемъ, такой человѣкъ не подчиняется себялюбію, и только стремится устрашить всякаго будущаго злодѣя примѣрами мести, противъ которой нѣтъ огражденія, такъ какъ страхъ смерти мстителя не пугаетъ“ *). Вся эта реакція нашей нравственной организаціи на преступныя дѣянія совершается у насъ *помимо воли*, а потому и не можетъ быть видоизмѣнена какими бы то ни было теоретическими построеніями о невмѣняемости. „Сознательная воля, говоритъ Ланге, сама, повидимому, является физиологически только какъ *высшая инстанція рефлексовъ*, что, мимоходомъ замѣтимъ, не дѣлаетъ ущерба ни ея сознательности, ни этическому достоинству, какъ воли“ **). Г. Гротъ, какъ мы уже говорили, доказываетъ необходимость признанія свободы воли тѣмъ, что иначе мы не будемъ имѣть права уважать и презирать, любить и ненавидѣть, восхвалять и порицать другихъ людей за тѣ или другіе ихъ подвиги и преступленія. Но вѣдь мы любимъ запахъ ландыша и ненавидимъ запахъ тухлаго яйца; видѣ жабы—намъ непріятенъ, ланью же мы любимся. Имѣетъ ли ктонибудь право требовать отъ человечества, чтобы оно равно относилось къ ландышу и тухлому яйцу, къ жабѣ и лани, на томъ основаніи, что они вѣдь не виноваты въ тѣхъ свойствахъ, какими обладаютъ? Задать подобный вопросъ значитъ рѣшить его отрицательно, такъ какъ всякому понятно, что въ этихъ случаяхъ человѣкъ дѣйствуетъ по законамъ своей организаціи и иначе дѣйствовать не можетъ. Подобнымъ же образомъ онъ относится и къ поступкамъ окружающихъ его людей; онъ оцѣниваетъ ихъ по законамъ своей нравственной организаціи, и эта оцѣнка вполне опредѣляетъ нравственный строй этой организаціи. Изнасилованіе, убійство и т. п. преступленія дѣйствуютъ на нравственную организацію че-

*) Артуръ Шопенгауэръ. Миръ какъ воля и представленіе, стр. 426.

***) Исторія материализма... Фр. Альб. Ланге. Т. II, стр. 312.

ловѣка такъ, что возбуждаютъ въ немъ отвращеніе къ нимъ и нравственную жажду отмстить за нарушеніе, нынѣ установленной, общественной гармоніи. Детерминистъ, который задумывается надъ вопросомъ: имѣетъ ли право человѣчество питать отвращеніе къ человѣку совершившему фактъ изнасилованія,—зная что этотъ поступокъ есть *только* результатъ его нравственной организаци и тѣхъ условій, въ которыхъ онъ жилъ, является непоследовательнымъ самому себѣ. Въ это время онъ забываетъ, что, подобно тому, какъ преступленіе обусловлено нравственной организацией преступника и внѣшними условіями его существованія, такъ и отвращеніе человѣчества къ преступнику, и желаніе наказать его, тоже коренится въ нравственной организаци человѣчества и въ условіяхъ его окружающихъ. И преступленіе, и месть за преступленіе, наказаніе, оба вытекаютъ какъ естественный результатъ извѣстной организаци и среды, въ которой они живутъ. Поэтому детерминистъ, будучи последователемъ самому себѣ, никакъ не можетъ задавать вопроса: по какому праву мы наказываемъ преступниковъ, зная что ихъ дѣйствія являются необходимымъ результатомъ наслѣдственной организаци и среды? такъ какъ онъ долженъ помнить, что отвѣтомъ на это можетъ быть вопросъ: а на какомъ основаніи вы хотите лишить общество права наказывать за тѣ поступки, которые оно считаетъ достойными наказанія, зная, что стремленіе мстить за преступленіе тоже не упало съ неба, а коренится въ нравственной организаци человѣчества? Такимъ образомъ детерминизмъ отнюдь не можетъ оспаривать у общества права извѣстнымъ образомъ реагировать на преступленіе.

Г. Гротъ, какъ мы уже говоримъ, указываетъ на нелогичность детерминистовъ, предполагая ее въ томъ, что они отрицаютъ свободу воли, и въ тоже время говорятъ о „добровольности“ поступковъ. Но на самомъ дѣлѣ, тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Дѣло въ томъ, что понятіе о „свободѣ воли“ и „добровольности“ — совершенно различны. Не признавая свободы воли, детерминисты всегда признавали существованіе просто „воли“. Эта воля—психологическій фактъ, существованіе котораго всѣмъ извѣстно. При разсмотрѣннн вопроса: вѣннать ли преступленіе въ вину подсудимому или нѣтъ?—разсматриваютъ, была ли у него *воля* на совершеніе его или нѣтъ. Эта воля, разумѣется, не могла быть свободна, такъ какъ воля человѣка всегда опредѣляется нравственной организацией человѣка и окружающими условіями; но разъ эта воля была—человѣкъ дѣйствовалъ *добровольно*. Недобровольно онъ можетъ совершить преступленіе, если у него не было желанія, не было воли совершить его, а сдѣлалъ онъ его нечаянно, по неосторожности, по принужденію, въ безсознательномъ состояннн и т. п. Люди часто не вѣннаютъ въ вину и вредныя для другихъ дѣйствія, которыя совершались добровольно, но мотивами которыхъ были не преступныя желанія, а, напримѣръ, самозащита.

Теперь посмотримъ о какой свободѣ воли говоритъ самъ г. Гротъ. Онъ отвергаетъ существованіе абсолютной свободы воли, и признаетъ только относительную свободу воли, которою впрочемъ обладаютъ только люди *развитые*, дѣйствующіе подъ влияніемъ *идей*. Человѣкъ развитой, идейный, говоритъ г. Гротъ,

свободенъ, но свободенъ не въ томъ абсолютномъ смыслѣ, въ какомъ понимали эту свободу метафизики, а свободенъ только отъ окружающей его среды и собственнаго своего тѣла, будучи самъ комплексомъ высшихъ идей и чувствъ, черезъ которыя преобладаютъ всѣ ихъ вліянія. Но спрашивается: почему же, по мнѣнію г. Грота, свободны только „развитые“ люди и почему буддистъ, отрѣшившійся отъ вліянія и среды, и своего тѣла, — не свободенъ? Разъ мы захотимъ подъ терминомъ „свободная воля“ подразумѣвать такую волю, въ которой замѣтно преобладаніе идей надъ всѣми остальными мотивами, руководящими дѣйствіями человѣка, то тутъ нѣтъ мѣста для такихъ подраздѣленій, какъ развитой и неразвитой человѣкъ. У насъ нѣтъ никакихъ основаній называть свободною ту волю, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ однихъ идей и чувствъ, а не свободной—ту, которая дѣйствуетъ *тоже* подъ вліяніемъ идей—и чувствъ, но только другого рода. Идеи буддиста—все-таки идеи—и преобладаніе ихъ въ его волѣ характеризуетъ ея идеальность, которая бываетъ не меньшей нежели у развитаго человѣка. Другое дѣло, если бы г. Гротъ отличалъ „идейную волю“ отъ „животной воли“. Этими терминами мы можемъ отличать волю тѣхъ, у которыхъ она подчиняется мотивамъ, подсказываемымъ высшими чувствами, отъ воли тѣхъ, которые подчиняются только потребностямъ своего желудка и вообще, такъ называемымъ, животнымъ потребностямъ. Такая терминологія не вносила бы никакой путаницы неправильнымъ употребленіемъ слова „свободная“, такъ какъ каждому ясно, что разница между обѣими волями лежитъ только въ разницѣ мотивовъ, двигающихъ ими, и ни въ чемъ больше. Называть же свободной ту только волю, которая подчинена высшимъ идеямъ и чувствамъ, мы не имѣемъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что и читатели, подобно автору этой терминологіи, могутъ запутаться въ ней и въ концѣ концовъ думать, что для нравственнаго вмѣненія необходимо признать свободу воли, какъ это и случилось съ г. Гротомъ. А между тѣмъ вся реформа г. Грота (если не считать того, что онъ самъ начинаетъ трактовать свою „свободу воли“, какъ нѣчто абсолютное) сводится къ тому, что онъ пожелалъ нашу „идейную“ волю называть свободной. При этомъ онъ устраивалъ самъ себѣ логическій капканъ слѣдующаго рода. Мы уже указывали на то, что г. Гротъ считаетъ необходимымъ для нравственнаго вмѣненія признаніе воли человѣка — свободною. Но такъ какъ свободной онъ считаетъ только „идейную“ волю, т. е. волю развитыхъ людей, то отсюда необходимо заключить, что воля не развитыхъ людей — не свободна. Слѣдовательно, нравственное вмѣненіе не должно имѣть мѣста по отношенію къ громадному большинству человѣчества. На какомъ основаніи, теперь, нашъ авторъ будетъ имѣть право презирать, напримѣръ, не развитаго казнокрада, у котораго онъ не признаетъ свободы воли? Онъ много трактовалъ о необходимости признанія свободы воли для того, чтобы имѣть право вмѣнять человѣку въ вину его поступки; а между тѣмъ въ концѣ его изслѣдованія оказалось, что людей съ свободной волей только ничтожная доля, т. е. нравственное вмѣненіе приложимо только къ ничтожной кучкѣ лучшихъ людей,—остальные

же имѣють, слѣдовательно, право насиловать, убивать, эксплуатировать людей и т. п. Вотъ съ такимъ-то оружіемъ выступилъ нашъ реформаторъ противъ детерминистовъ! *)

Г. Оболенскій и г. Гротъ упрекають детерминистовъ въ томъ, что они своимъ ученіемъ способствуютъ ослабленію воли въ человѣкѣ. Думаютъ, что тотъ, кто вѣритъ, что его воля свободна, будетъ поступать энергичнѣе, нежели тотъ, кто знаетъ о подчиненіи ея закону необходимости. Этотъ аргументъ, прежде всего, весьма страненъ, — въ родѣ того, какъ если бы кто-нибудь требовалъ не раскрывать недостатковъ людей, такъ какъ этимъ ослабляется-де въ окружающихъ насъ людяхъ любовь къ человечеству. Тотъ, кто стремится къ истинѣ, не можетъ хвататься за подобный аргументъ, ибо ложь всегда стоитъ только до правды. Впрочемъ, онъ не вѣренъ и по самой своей сущности. На нашу волю не могутъ имѣть вліянія отвлеченныя разсужденія о свободѣ воли, такъ какъ источникъ ея гораздо глубже и шире этихъ теоретическихъ мыслей, а именно функціи всего нашего организма. Воля людей зависитъ отъ ихъ организаціи, въ которой теоретическія соображенія о свободѣ и не свободѣ воли не играютъ никакой роли, подобно тому какъ теоретическія соображенія о томъ, что въ глазу получаются обратныя изображенія предметовъ, не могутъ заставить человѣка видѣть предметы верхъ ногами. Извѣстно, что наши антиподы южнаго полушарія, по отношенію къ намъ, могутъ считаться ходящими внизъ головою, однако, подобный теоретическій выводъ не причиняетъ имъ приливовъ крови къ головѣ, такъ какъ кровообращеніе не зависитъ отъ теоретическихъ умозаключеній, а совершается по извѣстнымъ механико-физиологическимъ законамъ. Всѣ измышленія наши о свободѣ воли нисколько не могутъ поддѣрживать энергіи нашей воли, такъ какъ источникъ этой энергіи обусловленъ всей нашей организаціей. Думаютъ, что фатализмъ восточныхъ народовъ расслабляетъ ихъ волю; на самомъ же дѣлѣ, плохое свойство и малое количество волевой ихъ энергіи сами были причиной появленія фаталистическаго воззрѣнія, а не наоборотъ.

Кромѣ того, нельзя забывать, что детерминисты не проповѣдуютъ фатализма, по мнѣнію котораго усилія человѣческой воли не могутъ вліять на ходъ міровыхъ событій, predeterminedный отъ вѣка. Они, наоборотъ, говорятъ, что человѣкъ, будучи частью міровыхъ силъ, можетъ играть въ мірѣ большую роль, измѣняя и направляя ходъ событій соотвѣтственно своимъ желаніямъ. Правда, самыя эти желанія имѣють корень въ организаціи человѣка, но это не даетъ намъ права думать, что дѣйствія человѣка, руководимаго своими желаніями, остаются безсильными и не могутъ вліять на ходъ событій: это шло бы въ разрѣзъ съ основными воззрѣніями детерминистовъ, утверждающихъ, что

*) Считаемо не лишнимъ напомнить нашимъ реформаторамъ слова Ар. Шопенгауэра: „Теизмъ несомнѣнъ съ нравственною отвѣтственностью (виновностью) человѣка, и тщетно старались связать ихъ посредствомъ понятія о нравственной свободѣ человѣка. Ибо, чтобы существо, будучи твореніемъ другого, было бы притомъ, по своимъ хотѣніямъ и дѣяніямъ, свободнымъ, — это легко выразить словами, но не постигнуть мыслями“. (Аргуръ Шопенгауэръ. Афоризмы и Максимы. Стр. 240 и 239).

ходъ міровыхъ событій опредѣляется равнодѣйствующей всѣхъ сталкивающихся міровыхъ силъ. И такъ какъ въ человѣчествѣ заключена не малая доля всѣхъ міровыхъ силъ, то, понятно, что его реакція на ходъ міровыхъ событій не ничтожна, а весьма и весьма замѣтна. Детерминизмъ отнюдь не говоритъ о ничтожествѣ человѣческихъ усилій, а, наоборотъ—внушаетъ человѣку полную увѣренность въ томъ, что онъ, какъ часть міра, участвуетъ въ ходѣ событій вселенной. Мы уже говорили, что человѣкъ способенъ видоизмѣнять не только ходъ міровыхъ событій, но и самого себя. Человѣкъ, почувствовавшій въ себѣ стремленіе къ измѣненію собственной организаціи, способенъ ее реформировать, такъ какъ если бы въ его организаціи не было элементовъ для реформы, то и самаго желанія обновленія не могло бы появиться. „Нашъ характеръ, говоритъ Бэнъ, усовершеншаемъ, когда въ нашей душѣ существуютъ мотивы къ усовершенствованію его; онъ не усовершеншаемъ безъ такихъ мотивовъ; всякій, кто желаетъ сдѣлать себя добродѣтельнымъ, имѣетъ въ самомъ актѣ желанія настоящій мотивъ, который извѣстнымъ путемъ произведетъ дѣйствіе“ *).

Детерминизмъ даже болѣе способствуетъ самоусовершенствованію человѣческой воли, нежели ученіе о свободѣ воли. Это послѣднее увѣряетъ человѣка, что ему стоитъ только захотѣть, и онъ будетъ способенъ дѣйствовать въ какомъ угодно направленіи; а эта иллюзія и можетъ усыплять въ человѣкѣ желаніе дисциплинировать на каждомъ шагѣ свою волю. Детерминизмъ же, указывая намъ, что воля человѣка вполне зависитъ отъ условій его организаціи, и что ея совершенствованіе достигается только путемъ измѣненія этой организаціи цѣлымъ рядомъ усилій,—побуждаетъ насъ не надѣяться на то, что мы однимъ взмахомъ можемъ достигать извѣстной интенсивности воли, а требуетъ постоянной работы надъ своею волей, ибо „воля не способна къ самоустановленію“, какъ говоритъ Рибо **). Ученіе о свободѣ воли приучаетъ людей надѣяться на такую способность воли, которой у нея нѣтъ,—отсюда безпечное погруженіе въ жизнь, разнуздывающую всѣ наши страсти, при которомъ человѣкъ утѣшаетъ себя мыслью, что ему достаточно сдѣлать усиліе „свободной“ воли, и онъ опять можетъ стать по прежнему на дорогу чести и любви, легко вынырнувъ изъ той грязи, въ которую онъ погружается. Детерминизмъ же указываетъ человѣку, что воля его есть результатъ предшествовавшихъ событій, и что поэтому онъ не можетъ безнаказанно погружаться въ тину порока, такъ какъ этимъ портитъ свою волю, причемъ каждый шагъ на порочномъ пути все больше и больше деморализируетъ ее. И въ тотъ моментъ, когда онъ почувствуетъ въ себѣ желаніе возвратиться на путь истины, онъ найдетъ свою волю совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ ее представляетъ ученіе о свободѣ воли: человѣкъ почувствуетъ, что онъ не способенъ сдѣлать необходимое „свободное“ усиліе воли,—такъ какъ порочныя желанія, возвращенныя имъ въ своей душѣ, оказываются необходимымъ элементомъ

*) А. Бэнъ. Психологія. Стр. 416.

***) Т. Рибо. Болѣзни воли. Стр. 124.

его воли. Тутъ уже не помогутъ никакія иллюзіи о свободѣ воли. Моралисты, заботящіеся о непрерывности нравственнаго самоусовершенствованія человѣчества, должны побольше говорить о зависимости воли отъ условій ея порождающихъ и воспитывающихъ, а не о ея мнимой свободѣ, такъ какъ, приписывая волѣ такія качества, которыхъ она не имѣетъ, они могутъ только способствовать излишней самонадѣянности людей, вредной дѣламъ моральнаго воспитанія воли.

Мы изложили въ основныхъ чертахъ ученіе детерминизма въ томъ видѣ, въ какомъ понимаемъ его сами. Спрашивается: что новаго внесли въ ученіе о волѣ наши реформаторы? По нашему мнѣнію,—ничего. Правильнѣе сказать, они запутались въ своей новой терминологіи и, назвавъ „волю“ детерминистовъ „относительно свободною волей“, тутъ же забыли объ этомъ и стали смотрѣть на нее съ точки зрѣнія прежнихъ моралистовъ, т. е. какъ на абсолютно свободную волю. Если бы они твердо помнили, что ихъ „относительно свободная воля“ есть только „воля“ детерминистовъ, тогда бы они не могли упрекать этихъ послѣднихъ въ томъ, что ихъ ученіе не даетъ будто бы намъ опоры для чувства любви къ добрымъ дѣламъ и чувства ненависти къ порокамъ. Очевидно, что самое измѣненіе терминовъ было сдѣлано безъ яснаго пониманія ученія детерминистовъ, иначе гг. реформаторы поняли бы, что все, что есть у нихъ здраваго, давно уже находится въ ученіи детерминистовъ.

Измѣненіе же терминологіи врядъ ли нужно, такъ какъ споръ о свободѣ воли ведется издавна, и въ наукѣ уже успѣла установиться извѣстная терминологія, нарушеніе которой безъ нужды ведетъ только къ хаосу, и можетъ придать только внѣшнюю, словесную оригинальность ихъ ученіямъ о свободѣ воли.

Нашимъ реформаторамъ слѣдовало бы помнить слѣдующія слова Шопенгауэра: „Вопросъ о свободѣ воли есть дѣйствительно пробный камень, при помощи котораго можно отличать глубокомысленные умы отъ поверхностныхъ, или пограничный камень, отъ котораго они расходятся въ разныя стороны. Первые утверждаютъ необходимое наступленіе дѣянія, при данномъ характерѣ и мотивѣ; послѣдніе же, напротивъ, вмѣстѣ съ громадной массой, признаютъ свободу воли. Затѣмъ, есть еще средній сортъ людей, которые, чувствуя смущеніе и замѣшательство, видяють туда и сюда, сбиваютъ себя и другихъ съ толку и направленія, ищутъ убѣжища за словами и фразами, или такъ долго вертять и перевертываютъ вопросъ, что наконецъ не знаешь, куда онъ клонится.“

И. Юзовъ.

ТРИ РАЗСКАЗА ЭЛИЗЫ ОРЖЕШКО.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

I. САПОЖНИКЪ ФЛОРЕНТІЙ.

Это было въ снѣжный, зимній вечеръ. Изъ маленькаго домика, стоящаго на пригоркѣ, говоръ грубыхъ, веселыхъ голосовъ и топотъ танцующихъ до упаду ногъ выходили на узкую, усланную снѣгомъ улочку, на висящій надъ рѣчкою деревянный мостикъ, на убѣленные снѣгомъ деревья загородныхъ садовъ. Эти веселые отголоски неслись надъ низкими крышами заснувшихъ уже домовъ на тихія, печальныя и темныя въ это время поля. Тамъ навѣрное прилетѣвшіе издалека вѣтры распрашивали ихъ: откуда они могли взаться? А услыхавъ, — мчались дальше—дальше, повторяя удивленнымъ шепотомъ, или съ насмѣшливымъ свистомъ: „Смотрите, смотрите, и они иногда веселятся!“ Полетѣли вѣтры, полетѣли быстро, надъ темными, печальными полями, въ сторону, гдѣ всходитъ лучезарное солнце; а на узкую улочку и висящій надъ рѣчкой деревянный мостикъ по прежнему выходилъ громкій говоръ грубыхъ, веселыхъ голосовъ и топотъ танцующихъ до упаду ногъ...

Веселились. Сестра извозчика выходила замужъ за сапожника, но у брата, извозчика, квартирка была слишкомъ тѣсна, чтобы принять въ ней многочисленное общество; онъ занялъ на свадебный вечеръ домикъ у сапожнаго мастера, родственника новобрачнаго, посаженнаго отца молодой. И такъ это была свадьба... И я тамъ была, медъ и вино пила...

На дворѣ было морозно и снѣжно, но въ этомъ домикѣ царилъ тропическій зной. Въ сѣнцахъ, на бочкѣ, обращенной дномъ кверху, горѣла криво вставленная въ мѣдный подсвѣчникъ свѣча. Мутный и поминутно колеблящійся свѣтъ ея освѣщаль мозаику изъ грубыхъ, усатыхъ, закопѣлыхъ лицъ, черныхъ, рыжеватыхъ и сѣдѣющихъ бородъ, широкихъ и сильныхъ плечъ, боль-

шихъ, темныхъ, живо двигающихся рукъ. Изъ этой мозаики раздавались смѣшанные голоса, столь же грубые, какъ и эти лица и руки, раскатывался громоподобный смѣхъ; сильны были груди, изъ которыхъ онъ выходилъ, и не трудно было различить въ немъ тѣ громкіе, басовые тоны, которыми звучать на городскихъ улицахъ крики: „Держи! берегись!“ Въ горницѣ, куда дверь изъ сѣней была растворена настежь, было уже не то. Это была настоящая комната, хорошо освѣщенная двумя большими лампами, въ ней былъ диванъ съ огромною деревянною спинкою и жесткимъ сидѣньемъ, желтый комодъ съ горшкомъ гарусныхъ цвѣтовъ, рядъ желтыхъ, плетеныхъ стульевъ по стѣнамъ. На стѣнахъ висѣли яркіе образа; на маленькихъ окнахъ стояли мирты, пеларгоніи и кактусы. Въ углу сидѣло трое музыкантовъ, игравшихъ на скрипкахъ и контрбасѣ, а посреди комнаты плясало съ десятокъ молодыхъ паръ. Съ полу не подымалось пыли, такъ какъ грубая, простыя доски часто смачивали водою. Криковъ особенныхъ также не было, — только потрясающей топотъ двадцати паръ ногъ, среди котораго звучалъ по временамъ визгливый отъ натуги голосъ руководящаго танцами, да звѣнѣлъ молодой хохотъ, или прорывалось дѣвичье хихиканье. Мужчины были одѣты въ черные сюртуки и яркіе галстуки съ большими бантами; глаза могли заболѣть отъ пестроты зеленыхъ, голубыхъ, розовыхъ платьевъ дѣвушекъ, и множества бумажныхъ цвѣтовъ, украшавшихъ ихъ гладкія, толстыя, черныя или русыя косы. У всѣхъ были приколоты сбоку вѣточки мирта, — руки покрыты бѣлыми, по большей части бумажными перчатками, — красныя лица и лоснящіеся отъ поту лбы. Польшку танцевали такъ, какъ ее танцуетъ весь свѣтъ, — нѣкоторые даже ловко. Случалось иногда, что двѣ пары налетали другъ на друга съ наскокомъ двухъ билліардныхъ шаровъ и съ необыкновенною силой отскакивали къ противоположнымъ стѣнамъ; какой-нибудь не въ мѣру отставленный локоть, вертясь со своимъ обладателемъ, съ быстротою ударялъ въ спины, голову, лицо и носъ товарищей-танцоровъ; какая-нибудь пара, застрянувъ въ углу между печью и дверями, никакъ не могла оттуда выбраться, а другая наоборотъ, состоящая должно быть изъ людей съ черзчуръ горячимъ темпераментомъ, неслась галопомъ черезъ всю комнату, перескакивала высокій порогъ сѣней и ударялась, какъ о стѣну, о сбившуюся тамъ кучу бородатыхъ мужчинъ, которые встрѣчали ее веселыми, и навѣрное грубоватыми шутками, но

ихъ нельзя было разобрать въ этомъ смѣшеніи разговоровъ, хохота и топота, въ визгѣ скрипки и гудѣніи контрбаса. Сынъ хозяина дома, юноша, который учился въ Варшавѣ сапожному искусству, и только временно пребывалъ подъ родительскимъ кровомъ, поднялъ руку въ бѣлой, лайковой перчаткѣ и крикнулъ: „кадриль!“ Тамъ и сямъ послышался протестъ; хотѣлось бы еще потанцевать польку, но варшавякъ въ лиловомъ галстукѣ, первый дружка — распорядился танцами — и совершилось по его волѣ. Цѣлою толпою, проворно, весело стали танцевать кадрили; распорядитель поминутно кричалъ: „анаванъ! анарьеръ! шень! ронъ!“ Но мало кто понималъ и слушалъ его, каждый за то дѣлалъ по своему, какъ умѣлъ и могъ; подъ конецъ началась непонятная и невозможная путаница: танцоры ловили своихъ дамъ, дамы хватили кавалеровъ за полы сюртуковъ; одними овладѣвали неудержимый смѣхъ, на лицахъ другихъ выражалось серьезное безпокойство; глаза горѣли, изъ косъ дѣвушекъ цвѣты спустились за уши и на шею, цвѣтные банты кавалеровъ стѣхали чуть не на затылокъ; пары соединялись и расходились, образовывали круги и прерывали ихъ, то тотъ, то другой кричалъ, притопывая: „гу, гу!“ то та, то другая стонала: о, Іезусъ Марія! а варшавякъ надрывалъ себѣ горло, не крича ужъ, а горлая: „шень! шень! подавайте руки, господа! Куда уходитъ панна Анна? Саша, кому, дуракъ, протягиваешь лапу? Поди сюда, Юзекъ! Пусть панна Анеля не скачетъ, а подастъ руку Стасю! Ронъ, ронъ! О, Господи Іисусе, Пресвятая Богородица! какіе не люди!“ и чуть не падая въ обморокъ отъ утомленія, онъ бросился на стулъ, вытирая носовымъ платкомъ, словно губкой, лицо, облитое потомъ. При общей суматохѣ, погонѣ другъ за другомъ, прыжкахъ и хохотѣ, „шень“ и „ронъ“ продолжались очень долго, а между тѣмъ, то одна, то другая широкая спина, протискивалась изъ сѣней и осторожно, пробираясь около самой стѣнки, чтобы не попасть въ круговоротъ пляски, пробиралась у печки, сложенной изъ зеленаго кирпича, въ узенькія двери, ведущія въ другую комнату. Это была въ квартирѣ уже послѣдняя комната, имѣвшая форму длиннаго, узкаго ящика, еще болѣе съуженная двумя кроватями съ высокими перинами и длиннымъ столомъ, заставленнымъ различными закусками. Тутъ въ глиняныхъ мискахъ и на фаянсовыхъ тарелкахъ лежала нарѣзанная колбаса, жаркія и соеиски; около короваевъ хлѣба, булокъ и сыра стояли бутылки съ водкой, пивомъ и дешевымъ виномъ; посрединѣ

возвышалась пирамида пирожнаго, купленнаго въ кондитерской. Все это стояло съ самаго начала свадебнаго пира и, постоянно подновляясь, должно было простоять до самаго конца; кто хотѣлъ—приходилъ, закусывалъ и выпивалъ. Пили немного; до водки почти не дотрогивались; развѣ кто нибудь выпьетъ стаканъ пива; женщины въ чепцахъ съ лентами протягивали по временамъ темныя, морщинистыя руки къ бутылкамъ съ виномъ и, наливъ немного въ рюмку, двумя пальцами деликатно доставали пирожокъ изъ возвышавшейся на блюдѣ пирамиды. Сидя на сундукахъ, стульяхъ и кроватяхъ, разговаривали о разныхъ разностяхъ, иногда съ широкими размахами рукъ, со взрывами смѣха, но не особенно громко, вѣжливо, безъ спора и грубостей, какъ подобаешь серьезнымъ и трезвымъ людямъ. Молодежь, пляшущая въ сосѣдней комнатѣ, шумѣла, рѣзвилась, дурачилась, но люди постарше очевидно придавали огромное значеніе приличнымъ манерамъ. Никто не хотѣлъ въ присутствіи другихъ выказать себя неотесаннымъ или пьяницей, — и эта забота о сохраненіи достоинства въ словахъ и поступкахъ составляла главную, бросающуюся въ глаза черту этого общества. Можно бы сказать, что у этихъ мужчинъ съ широкими спинами, темными лицами и грубыми голосами, у этихъ женщинъ, одѣтыхъ въ просторныя кофты, старосвѣтскія мантильи и невообразимыя чепцы, широкоплечихъ, красныхъ, или высохшихъ и сморщившихся отъ бѣдности и труда, — было что-то въ крови, въ старинномъ обычаѣ, въ понятіи о чести и добромъ имени, — что не позволяло имъ лить себѣ въ горло жгучіе напитки, заводить споры и драки, выбрасывать градъ площадныхъ словъ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось рѣшить, можно ли назвать этихъ людей цивилизованными, не смотря на то, что они говорятъ грубыми голосами и, — ой, какъ плохо умѣютъ читать и писать? Пожалуй, всего скорѣе можно счесть ихъ представителями какой-то древней, глубокопроникшей цивилизаціи, которая безъ помощи чернилъ и пера впиталась въ ихъ плоть и кровь? А можетъ быть, они представляютъ отличный матеріалъ для высшихъ, лучшихъ формъ цивилизованнаго быта? Навѣрное матеріалъ превосходный, и жаль только, что ему недостаетъ Фидіевъ!

Мягкостью натуры, не смотря на грубость кожи, и какую-то внутреннюю порядочность, вопреки грубой внѣшности, отличался въ особенности хозяинъ дома, сапожникъ Флорентій, ко-

торого я увидѣла тутъ въ первый разъ. У него была такая наружность и такое обращеніе, что всякій про него съ перваго же взгляда сказалъ бы: „вотъ—маленькій человѣкъ, а поди жъ ты, какой гордый!“ Маленькаго роста, но крѣпко сложенный, онъ имѣлъ круглое и румяное лицо, точно хорошо сохранившееся зимнее яблоко; у него были маленькіе, сѣрые, блестящіе глазки, маленький, дерзко вздернутый носъ, и румяныя губы, отънесенныя густыми усами; увеличенный лысиной лобъ, испещренный мелкими морщинами, обрамляли короткіе, сѣдьющіе волосы. Одѣтъ онъ былъ въ черный, тонкій пиджакъ, на которомъ весело зеленѣлъ миртовый букетикъ; широкія и короткія руки были покрыты бѣлыми перчатками, съ непомятно длинными и вслѣдствіе этого пустыми въ концахъ пальцами. Онъ сидѣлъ не на сундукъ и не на простомъ стулѣ, а на креслѣ, и свѣсивъ одну руку черезъ спинку, другою двигалъ словно подъ тактъ медленной, разсудительной и гладкой рѣчи. Это была поза, въ какой иногда господа принимаютъ низшихъ себя гостей; это были жесты, съ какими ораторы, не желающіе выходить изъ границъ умѣренности, представляютъ свои доводы собравшимся слушателямъ. Откуда взялъ онъ эту позу, эти жесты, это движеніе головы, нѣсколько закинутой назадъ, вслѣдствіе чего являлось выраженіе превосходства, находившееся въ удивительномъ противорѣчьи съ круглымъ, розовымъ, какъ яблоко, лицомъ? Быть можетъ, онъ подмѣтилъ все это у кого нибудь, къ кому приходилъ снимать мѣрку для обуви! Вѣрнѣе, что это происходило изъ доведенной до высшей степени, но той же, что и у прочихъ собравшихся здѣсь людей, заботливости о приличіи манеръ и сохраненіи за собою во мнѣніи другихъ названія „человѣка порядочнаго“. Но при этомъ тутъ было замѣтно и стремленіе къ изяществу, а еще болѣе къ приобрѣтенію въ обществѣ выдающагося значенія.

Въ шумѣ разговоровъ, и доходившаго изъ сосѣдней комнаты топота танцующихъ, я не могла разслышать хорошенько бесѣды, которую онъ велъ, но изъ долетавшихъ до меня обрывковъ ея, я поняла, что онъ велъ рѣчь о городскомъ правленіи, членомъ котораго состоялъ. Онъ дѣлалъ упреки нѣкоторымъ чиновникамъ, сѣтовалъ на несоразмѣрность доходовъ и расходовъ города, объяснялъ своимъ слушателямъ способъ установленія баланса, и представленія его затѣмъ къ отчету въ назначенныя для того комиссія. Нѣсколько мужчинъ слушало его съ напряженнымъ вниманіемъ; выцвѣтшій старичекъ, должно быть быв-

пій когда-то плотникомъ, бѣлый, какъ голубь и порядкомъ глухой, сидя на стулѣ у зеленой печки, и держа двумя пальцами бороду, наклонялъ ухо въ сторону говорившаго и съ добродушною, нѣсколько глуповатою улыбкою на ввалившихся губахъ, вѣрно кивалъ головою въ знакъ одобренія.

Братъ новобрачной, извозчикъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ и геркулесовскаго сложенія (нѣсколько стѣсненный сегодня чернымъ пиджакомъ) съ огромною, темною бородою, и здоровымъ, честнымъ лицомъ, опустилъ свою громадную руку на плечо оратора.

— А меня примете въ свою „думу“, когда выстрою собственный домъ, а?

— Почему нѣтъ? съ важностью возразилъ ораторъ, — почему нѣтъ? Если выберутъ, — понимаешь? Въ одну вазу бросаютъ черные шары, въ другую — бѣлые. Если получишь больше бѣлыхъ шаровъ, — значитъ, — выбранъ, понимаешь? если больше черныхъ — пропалъ!

Съ громогласнымъ смѣхомъ и выражающимъ презрѣніе движеніемъ могучаго плеча, извозчикъ крикнулъ:

— Не пропалъ я безъ вашей думы до сихъ поръ, не пропаду и впередъ! Я знаю, какъ о себѣ думать и безъ вашей думы!

— А какъ будто у дяди были одни бѣлые шары? Вѣрно, было тамъ довольно и черныхъ! тоненькимъ голоскомъ и нѣсколько поддразнивающимъ тономъ закричалъ молодой горшечникъ, приземистый и толстый, съ краснымъ, румянымъ лицомъ и густыми, черными усами. Онъ только что убѣжалъ отъ кадрилишнаго „рона“, и съ кускомъ колбасы въ одной рукѣ и увѣсистымъ пирогомъ въ другой, остановился передъ разговаривавшими. Съ откинутою назадъ головою, сапожникъ Флорентій взглянулъ на пробующаго подшутить надъ нимъ родственника.

— Ты — молокососъ, и когда не понимаешь еще такихъ дѣлъ, то молчи! Ни одного чернаго не было, Богомъ клянусь!... Я даже самъ не знаю, за что меня люди такъ уважаютъ... и гдѣ только нужно что поважниѣе, понимаете? — что нибудь такое сдѣлать безотговорочно для общества, — меня суютъ... Божье соизволеніе, да и только!

Нѣсколько голосовъ отозвалось единодушно:

— А почему? почему? Совершенно справедливо! Панъ Флорентій всегда на все готовъ и все умѣетъ.

Слыша это, мастеръ росъ, но не въ вышину, а въ ширину. Онъ имѣлъ ту особенность, что когда что нибудь тѣшило его и

льстило его гордости, онъ какъ-то раздувался, на подобіе пропитанной водою губки, казался ниже, но за то толще. Румяныя губы его оттопыривались подъ густыми, жесткими усами, а сѣрые глаза замасливались. Медленно, поднимая торжественно указательный палець вверху, онъ отвѣчалъ на лестный для него говоръ:

— И такъ, и не такъ. Готовъ-то я—на все готовъ. Почему бы и нѣтъ? На то Господь Богъ далъ человѣку разумъ, чтобы онъ имъ пользовался, и былъ чѣмъ нибудь на свѣтѣ. Ну, а умѣть,—не все умѣю! Если бы я получилъ хорошее воспитаніе, былъ бы можетъ быть и не глупѣе другихъ, ну а теперь... вѣдь всѣмъ обязанъ только самому себѣ!...

Онъ покачалъ головою и прибавилъ рѣшительно:

— Всего не умѣю. Есть—умнѣ меня и такихъ людей я уважаю. Очень уважаю разумныхъ людей...

Легкій, красивый мотылекъ влетѣлъ тутъ въ среду грубыхъ, тяжелыхъ, одѣтыхъ въ черное людей. Семилѣтняя дѣвочка, блѣлая, розовая, златоволосая, въ прозрачномъ, съ развѣвающимися лентами, платьицѣ, вбѣжала въ толпу мужчинъ, которые, какъ подчиненные передъ начальникомъ, разступались передъ ней и, щебеча, вскочила на колѣни къ сапожнику Флорентію, обвивъ своими тоненькими голыми ручками его шею.

— Дѣда, говорила она голосомъ и съ выраженіемъ лица избалованнаго ребенка, — Игнась не хочетъ танцовать со мною и Ясь не хочетъ, и дядя Костя не хочетъ, и никто не хочетъ. Никто не хочетъ со мной танцовать, а я—хочу! Дѣдушка, право, я хочу танцовать. Эта скверная Зоська сказала, что я дѣвочка, и только лѣзу подъ ноги старшимъ...

Она уже собиралась заплакать. Вытягивала хорошенькія, маленькія губки и все сильнѣе размахивала ручкой по воздуху, повторяя:

— Я хочу танцовать! Дѣда, право, я хочу танцовать!

По истинѣ была достойна вниманія перемѣна, происшедшая въ наружности сапожника; короткія толстыя руки обнимали легко и осторожно прильнувшую къ нему дѣвочку; на лицѣ, склоненномъ къ ея головѣ, разлилось выраженіе удовольствія и дрожало въ каждой складкѣ и морщинѣ, покрывающихъ густой сѣтью его лобъ, и похожія на яблоки щеки. Жалобы дѣвочки онъ успокоивалъ полупутливыми, полусерьезными доводами.

— Ну, полно, полно! будешь танцовать, будешь! Ужо я самъ

скажу Игнатію, чтобы потанцевалъ съ тобою, а Зосыкѣ хорошенько задамъ. Не бойсь, услышать она отъ меня!..

Дѣвочка не переставала жаловаться:

— Скверная такая, говорить, что я дѣвчонка и только лѣзу подь ноги старшимъ...

Широкая, короткая рука въ бѣлой перчаткѣ съ пустыми пальцами протянулась черезъ столъ и сняла деликатно съ блюда миндальное пирожное, которое перешло тотчасъ же въ крошечныя руки дѣвочки. Въ то же время сапожникъ Флорентій поцѣловалъ ее въ лобъ такъ громко, точно выстрѣлилъ изъ пистолета.

Ай! вскрикнула дѣвочка, — усы! Такіе у дѣды колочіе усы! Не хочу, не хочу...

Съ этими восклицаніями и капризными гримасками, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ поцѣлуевъ, которыми собирался надѣлать ее Флорентій, она соскочила съ его колѣнъ, и грызя миндальное пирожное, въ одинъ мигъ, словно бѣлка на дерево, влѣзла на руки къ широкоплечему бородавтому извозчику, который съ привѣтливомъ и веселымъ смѣхомъ заключилъ ее въ объятія. Онъ забавлялся ею точно великанъ куклой: то поднималъ ее вверхъ, то качалъ вправо и влево, а красное, смѣющееся лицо то исчезало, то показывалось изъ-за легкой кисей платя, и золотыхъ, развѣвающихся волосъ. Сапожникъ Флорентій обратился къ своему родственнику, приземистому горшечнику, который въ эту минуту, со ртомъ набитымъ жаркимъ, наливалъ себѣ въ стаканъ пѣнящееся пиво.

— Игнатій! крикнулъ сапожникъ, почему это ты не захотѣлъ потанцевать немного съ ребенкомъ, а? Что за важный кавалеръ! Фанаберія! Что тебѣ стоитъ побаловать ребенка, если просить, а?

Онъ въ самомъ дѣлѣ разсердился до того, что засопѣлъ, а юношѣ, на котораго онъ напалъ, почтеніе къ нему не позволяло возражать громко и смѣло. Онъ пробормоталъ что-то невнятно себѣ подь носъ, и искоса поглядѣлъ на маленькую докучницу, которую въ эту минуту съ рукъ извозчика брала жена старого плотника, порядкомъ уже состарившаяся, но еще крѣпкая женщина, въ просторной, безъ всякихъ претензій, кофтѣ, и черномъ шелковомъ платкѣ на головѣ.

— Пойдемъ танцевать, говорила она ребенку, — пойдемъ; если этотъ дурной Игнатій не хочетъ, такъ ужъ я потанцую съ тобой! Бѣдная дѣвочка, никто не хочетъ танцевать съ ней! Ай, какіе недобрые хлопцы! Пойдемъ танцевать!

И подпрыгивая въ тактъ мазурки, со скачущею передъ нею дѣвочкой, добрая старуха исчезла въ сосѣдней комнатѣ. Я замѣтила, что ребенокъ былъ точно въ многочисленной семьѣ, соединенный различными степенями родства со всеѣмъ обществомъ. Никого, правда, не называла дѣвочка ни „отцомъ“ ни „матерью“, но все были тутъ дѣдушками, дядями и тетками. Она переходила съ рукъ на руки, изъ объятій въ объятія; всюду звучалъ ея дѣтскій, капризный голосокъ, и грубыя руки гладили ея золотыя волосы или бѣлое, какъ лилія, личико.

Я воспользовалась первою возможностью подойти къ хозяину дома и завязать съ нимъ близкое знакомство. Эта попытка вызвала со стороны, какъ его, такъ и окружающихъ, великія церемоніи. Сапожникъ Флорентій соскочилъ съ кресла, и съ поклонами и расшаркиваніями, которые умѣрялись только узостью пространства, просилъ меня занять его мѣсто. Старый плотникъ, стараясь занимать свою особю какъ можно меньше мѣста, такъ прижался спиною къ печкѣ, что при слабомъ освѣщеніи комнаты сталъ похожъ на нарисованную на зеленомъ фонѣ фигуру хилаго, сѣдаго старика съ длиннымъ носомъ и вздернутою кверху бородой; извозчикъ съ большимъ, честнымъ лицомъ и огромною бородою бросился въ сосѣднюю комнату за возможно удобнѣйшимъ сидѣніемъ; другой вытиралъ носовымъ платкомъ край стола, на который я могла облокотиться... Наконецъ все вдругъ, оказавъ всевозможныя услуги, какъ-то смѣшались, опустили руки и потихоньку отошли въ другой уголь, или въ сосѣднюю комнату. Одинъ, закрывая ротъ рукою, осторожно крякнулъ, другой согнулъ толстую шею, третій остановился, покачиваясь. Эта робость людей, похожихъ на могучіе дубы, имѣла въ себѣ что-то дѣтское...

Но сапожникъ Флорентій не чувствовалъ ни малѣйшей робости. Онъ былъ не только учтивъ, но и изященъ; онъ умѣлъ цѣнить высшее общество, но былъ вполне убѣжденъ, что въ состояніи удовлетворить всеѣмъ его требованіямъ. Сидя возлѣ меня на стулѣ, онъ оперся руками въ колѣна и съ привѣтливой улыбкой и выраженіемъ вдумчивости въ сѣрыхъ глазахъ, началъ рассказывать, какъ купилъ этотъ домикъ, и какъ выстроилъ самъ другой, сдаваемый теперь въ аренду. Недавно, совсѣмъ недавно, добился онъ своего угла; хотя онъ, благодаря Бога, нужды не испыталъ никогда, зная ремесло, но все же приходилось бороться съ разными хлопотами и невзгодами, воспитывать четве-

рыхъ дѣтей и достигать всего одними собственными руками. Говоря это, онъ энергическимъ жестомъ высоко поднялъ руки, и въ эту минуту бѣлая лайковая перчатка, непомѣрно длинная, но за то чрезвычайно узкая, лопнула и обнаружила широкую полосу темнокрасной кожи, грубой, какъ подошва. Онъ не замѣтилъ этого, старательно поддерживая разговоръ, и спрашивалъ меня, на какой улицѣ живу, при чемъ замѣтилъ, что въ этой части города самая дурная мостовая и освѣщеніе ночью плохое. Онъ страшно любилъ говорить о городѣ и его нуждахъ, о городской думѣ, и своемъ значеніи въ ней. Когда онъ успѣлъ уже рассказать мнѣ многое о занимавшемъ его предметѣ, я спросила, кто эта маленькая, хорошенькая, общая любимица—дѣвочка; къ великому удивленію моему я замѣтила, что густой румянецъ залилъ морщинистый лобъ сапожника. Первый разъ съ тѣхъ поръ какъ я его видѣла, онъ смѣшался и умолкъ, склонивъ голову. Наконецъ, онъ тряхнулъ ею и тихо сказалъ:

— Это сиротка. Бѣдное, покинутое созданье...

— Родители ея умерли? спросила я снова.

Онъ еще болѣе смутился, опустилъ глаза и въ замѣшательствѣ перебиралъ пальцами...

— Нѣтъ, что тутъ сказать!—прошепталъ онъ. Не умерли... живы себѣ... мать бросила...

— Вѣрно очень бѣдная и несчастная женщина?.. начала я.

Онъ поднялъ голову и усмѣхнулся, не то съ состраданіемъ, не то горько.

— Какое бѣдная!—Совсѣмъ не бѣдная и изъ хорошей фамиліи... отецъ тоже... Люди все знаютъ, и объ отцѣ ея знаютъ—кто онъ такой... богатый, есть свое помѣстье... Грѣхъ имъ большой!.. Приѣхала... оставила только что родившуюся малютку на попеченіе тутъ однимъ людямъ... обѣщала выслать деньги... поѣхала, и нѣтъ о ней ни слуху, ни духу... Вотъ, видите, что было съ этой дѣвочкой и какой это великій грѣхъ!

Все это онъ проговорилъ, опустивъ голову, потушивъ глаза, пристыженный. Потомъ, какъ будто желая оправдать неприличіе свѣго расказа, прибавилъ:

— Ну, чтожъ дѣлать? Вы замужня и съ вами можно говорить о такихъ вещахъ. Что дѣлать, разные случаи бываютъ на свѣтѣ!

Было однако замѣтно, что онъ считалъ случай, о которомъ

шла рѣчь, совершенно исключительнымъ и приносящимъ стыдъ всему человѣчеству. Я захотѣла узнать, у кого живетъ постоянно этотъ ребенокъ и кто о немъ заботится.

— Ну—сказаль онъ—этому будетъ лѣтъ пять, увидала моя баба эту крошку въ страшной нищетѣ и принесла домой. Мы сначала думали, что она останется у насъ только на время, пока немного откормится,—она просто умирала съ голоду, а потомъ... и осталась себѣ у насъ... Что будешь дѣлать? Гдѣ есть хлѣбъ для шестерыхъ ртовъ, тамъ хватить и для седьмого... а видите ли, сиротъ и Богъ не велитъ оставлять, и сердце человѣческое не позволяеть... Пусть ужъ такъ будетъ!

Я замѣтила, что они не только не оставляютъ этого ребенка, но балуютъ и наряжаютъ его. Сапожникъ добродушно засмѣялся.

— Добрый ребенокъ... хорошенькій, веселенькій, какъ же его не баловать? Ну, а наряды...

И онъ гордо поднялъ голову.

— Ну, благодаря Бога, хватить и на наряды... хватить...

И онъ прибавилъ тише, и снова опутивъ глаза:

— Кромѣ того, она, видите ли, изъ хорошей фамиліи, и по отцу и по матери... не приходится воспитывать ее, какъ мужичку...

Я видѣла въ отворенную дверь, какъ извозчикъ, котораго дѣвочка называла дядей Костей, молодой, стройный человѣкъ съ большими рыжими бакенбардами, взявъ дѣвочку у старушки, посадилъ ее, точно птичку, себѣ на плечо, и началъ ей что-то серьезно рассказывать. Было что-то необычайное въ баловствѣ и ласкахъ, которыми эти грубые, сильные люди, окружали маленькое, нѣжное созданіе, казалось, дѣйствительно принадлежащее совсѣмъ другому, чѣмъ они, свѣту. Дѣвочка была тоненькая и стройная, съ прозрачной кожей и маленькими, красивыми ручками. Сидя на плечѣ у высокаго мужчины, она прислонилась розовой щекой къ его рыжимъ бакенбардамъ, и оперлась изящно обутыми ножками на его широкія ладони. Онъ несъ ее къ открытымъ дверямъ въ сѣни, и когда ему было трудно миновать танцующихъ, кричалъ громкимъ, сильнымъ басомъ:

— Съ дороги! эй, съ дороги!

Какой-то непокорный паренъ, подбоченясь, остановился передъ нимъ, говоря тономъ веселаго упрямства:

— А какъ не пуцу, что мнѣ сдѣлаете, коли кнута при васъ нѣтъ?

— Эй, отбѣзжай! Кулакъ есть! крикнулъ Константинъ, и

по лицу его видно было, что въ случаѣ надобности онъ не прочь воспользоваться этимъ естественнымъ, всегда имѣющимся на лицо, оружіемъ; но въ эту самую минуту дѣвочка начала что-то шептать ему на ухо, а онъ слушалъ внимательно, и кивая утвердительно головой, повторялъ серьезно:—хорошо, котикъ, хорошо,—приѣду и повезу! Кататься повезу! ей-ей, повезу!

Я задумалась и не замѣтила замѣшательства, въ какое впалъ хозяинъ дома, вслѣдствіе перерыва въ нашемъ разговорѣ. Онъ твердо зналъ, что гостей необходимо занимать. Вскочивъ со стула, онъ подбѣжалъ къ дверямъ и началъ звать:

— Зося! Карольца! Карольца! Зося!

На этотъ зовъ подбѣжали къ нему двѣ молоденькія дѣвочки, запыхавшіяся отъ усталости и смѣющіяся, должно быть прерванному, веселому разговору:

— Что, тятя?

Онъ взялъ ихъ за руки и, подведя ко мнѣ, представилъ:

— Мои дочери: Софья и Каролина!

На обѣихъ были голубыя платья, красныя цвѣты въ волосахъ и кораллы на шеѣ. Красивыя и свѣжія, хотя нѣсколько тяжеловатыя и широколицыя, онѣ были одѣты къ лицу. Онѣ постояли нѣсколько времени въ великомъ смущеніи, съ опущенными глазами, съ легкой улыбкой на румяныхъ губахъ, и перебирая въ рукахъ толстыя носовыя платки. Но имъ скоро явилась помощь въ лицѣ коренастаго горшечника, который порывисто перескочилъ черезъ порогъ, и запыхавшись, обливаясь потомъ, крикнулъ:

— Каролька! Гдѣ ты застряла, Каролька! Танцуютъ краковскую фигуру, а тебя найти нельзя.

Онъ схватилъ за руку двоюродную сестру, и въ тактъ мажурки побѣжалъ съ нею въ сосѣднюю комнату; тоже самое сдѣлалъ другой танцоръ съ ея сестрою.

Краковская фигура была въ разгарѣ. Танцующіе по-трое перебѣгали во всѣ стороны, а среди топота, взвизгиванія скрипокъ и гудѣнья контрбаса раздавались различныя названія, предлагаемыя на выборъ, которыми величали себя юноши и дѣвушки. Эти послѣднія поэтизировали свои особы, называясь розами, фіалками, ландышами, бархатцами. Кто-то однако крикнулъ:—Коза и теленокъ! что вызвало общій смѣхъ и, устранивъ царство растений, ввело въ моду животныхъ: волкъ и лиса, воробей и соловей, или уменьшительныя—котикъ и со-

бачка; изъ-за этого возникъ даже споръ: два кавалера хотѣли непремѣнно назваться воломъ и осломъ, но барышня ни за что не согласилась на послѣднее, неприличное названіе, замѣнивъ его бараномъ. Другая вытащила изъ сѣней упиравшихся, но въ сущности очень польщенныхъ выборомъ, двухъ дюжихъ, плечистыхъ бородачей, и остановясь съ ними передъ подругой, крикнула:

— Фара и Бернардины! *)

Дѣйствительно, когда они, стукнувъ каблуками о полъ, пустились по комнатѣ, можно было подумать, что это ударились въ плясъ костелы. И находившееся въ сосѣдней комнаткѣ общество оживлялось также все болѣе и болѣе. Пиво и дешевое вино, хотя и попиваемыя съ большою умѣренностью, придали мужчинамъ веселья и увѣренности въ себѣ, а женщинамъ румянили щеки и все болѣе и болѣе развязывали языкъ.

Одна, блѣдная и морщинистая, пискливо рассказывала о своихъ болѣзняхъ, и употребляемыхъ противъ нихъ лекарствахъ; другая, — молодая, живая, съ горящими, бойкими глазами повѣряла сосѣдкѣ свое намѣреніе открыть мелочную лавочку; третья, толстая, тяжеловѣсная, съ злымъ лицомъ, качая головою, жаловалась на мужа, дѣтей, сосѣдей, плохія времена и злыхъ людей; четвертая, еще молодая и довольно красивая, но съ грустнымъ лицомъ и мечтательнымъ взоромъ, слѣдила неотступно взглядомъ за танцующимъ до самозабвенія мужемъ и по временамъ громко вздыхала. Мужчины приходили и выходили, закусывали, острили, смѣялись, а иногда и спорили, но безъ гвѣва, а только все съ болѣе оживленными жестами и сверкающимъ взоромъ. Даже старый плотникъ, оторвавшись отъ зеленой печки, сталъ у стола на своихъ тоненькихъ, слегка дрожащихъ ногахъ, и шепелявымъ, беззубымъ ртомъ рассказывалъ одной изъ старшихъ женщинъ о домѣ, какой онъ выстроилъ себѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, и котораго она еще не видала. Слушательница перенесла свой взглядъ съ его лица на молодого, въ голубомъ галстухѣ, стройнаго блондина, который вбѣжавъ въ комнату, торопливо закусывалъ колбасою, и, всплеснувъ руками, крикнула:

— Какъ долго я не видала вашего сына, панъ Іосафатъ! Какимъ онъ сталъ красавцемъ!

— А? Что? спрашивалъ, наклоня къ ней ухо, порядкомъ глухой Іосафатъ.

*) Костелы въ Гродно.

„Дѣло“ № 2. Февраль, 1887 г. Отд. I.

Женщина крикнула громче:

— Говорю, что сынъ вашъ очень красивый парень!

Съ выраженіемъ счастья на лицѣ старикъ отвѣчалъ:

— Да, красивый, красивый! захотѣлось оставить по себѣ память женѣ, вотъ я взялъ да его и соорилъ! Хе, хе, хе! Красивый домикъ, красивый! Хе, хе, хе!

— Я о сынѣ, а онъ о домѣ! развела руками женщина.

Другія прыснули со смѣху, но стыдливо опустивъ глаза, или даже совсѣмъ повернувъ лицо къ стѣнѣ, при неожиданномъ *qui pro quo*. Но въ это время хозяйка дома, полная, румяная, съ веселымъ лицомъ, женщина остановилась въ узкихъ дверяхъ, занявъ ихъ всѣ своимъ убраннымъ оборками платьемъ. Поворачивая во всѣ стороны голову въ бѣломъ чепцѣ съ большими розами, она нѣсколько разъ повторила:

— Пожалуйста ужинать! Флорентій, проси гостей ужинать!

Сосѣдъ мой прервалъ рассказъ о томъ, какъ онъ уважаетъ умъ и умныхъ людей, какое важное дѣло воспитаніе, какое стремленіе чувствуетъ онъ къ болѣе широкому свѣту, почему и отправилъ сына обучаться ремеслу въ Варшаву, откуда тотъ вернется съ знаніемъ дѣла и свѣта, и съ склонностью ко всему хорошему—прервалъ рассказъ, и вскочивъ со стула, началъ приглашать гостей къ ужину. Онъ упрашивалъ съ такими поклонами, съ такимъ расшаркиваньемъ и реверансами, что для нихъ нигдѣ бы не хватило мѣста. Начавъ съ маленькой комнаты, шаркая ногами, онъ вымѣрилъ всю ее и большую—отъ стѣны до стѣны: балансируя, толкалъ мебель, а иногда и людей, и весь выгибался впередъ, причемъ пиджакъ его принималъ форму самаго лучшаго турниора; въ сѣрыхъ глазкахъ его свѣтился огонекъ искренней привѣтливости, и выраженіе собственного достоинства не исчезало ни на минуту съ его увеличеннаго лысиною и покрытаго густою сѣтью морщинъ, чела.

Не знаю, встрѣчала ли я когда нибудь человѣка, который чувствовалъ бы болѣе влеченія къ тому, что можно, хоть въ слабой степени, назвать дѣломъ общественнымъ. Откуда въ этомъ темномъ мѣщанинѣ, проводившемъ всю жизнь въ тяжеломъ физическомъ трудѣ, взялась эта душевная струна, звучавшая прежде только въ старинно-дворянской гряди?

Всего вѣрнѣе двигало имъ то честолюбіе и желаніе возвы-

шенія, которыя поражали въ его лицѣ, фигурѣ и движеніяхъ. Но мнѣ кажется несомнѣннымъ также, что эта струна была чѣмъ-то особымъ, — запоздалымъ плодомъ какого-то древняго дерева, — остаткомъ прежнихъ, иныхъ временъ. Иногда и въ темномъ мозгу пробѣгаетъ какой-то чудный, мимолетный лучъ, какое-то неясное предчувствіе великихъ дѣлъ рождается въ сердцахъ малыхъ. Это — дѣло природы и исторіи, дѣйствующихъ путемъ наслѣдственности стремленій и впечатлѣній прадѣдовъ, — воспоминаній, смутно, но глубоко засѣвшихъ въ мозгу, путемъ какого-нибудь чувства, не выраженного словомъ, но запавашаго въ душу... Быть можетъ, прадѣдъ сапожника Флорентія, когда нибудь, въ важную или страшную народную минуту, съ любопытствомъ и тревогой въ сердцѣ, бродилъ около обширнаго зданія, возвышавшагося надъ Нѣманомъ, и не имѣя возможности принять личное участіе въ происходившихъ тамъ переговорахъ, прикладывавъ ухо къ гудѣвшимъ отъ нихъ стѣнамъ, ловя отголоски, и съ волненіемъ ожидая послѣдняго слова. Быть можетъ, дѣдъ его, такой же, какъ и онъ, ремесленникъ, — униженный, но необходимый, — покорный, но все понимающій, — не разъ входилъ въ покои тѣхъ, кто держалъ въ рукахъ судьбу общества, видя и слыша то, надъ чѣмъ послѣ долго раздумывалъ, и что будило въ немъ уваженіе или презрѣніе, любовь или гнѣвъ. Быть можетъ еще, что отецъ Флорентія, вспоминая о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ, вызывалъ громкія имена и событія, и передавалъ о нихъ дѣтямъ своимъ длинныя, какъ зимніе воскресные вечера, рассказы. Кто же сумѣетъ точно указать, съ какихъ именно широкихъ полей взялись зерна, неожиданно взшедшія въ тѣсномъ углу? Тонкими, слабыми былинками вырастаютъ онѣ, но дайте имъ просторъ, тепло и солнце, дайте имъ свободно купаться въ свѣжемъ воздухѣ, и на мѣстѣ жалкаго можжевельника взростетъ могучій букъ, и не блѣдный овесъ, а золотистая пшеница покроетъ ниву... О, бѣдныя, благородныя зернышки, вы всходите во тѣмѣ, стелетесь низко — и мало находится Колумбовъ, которые направили бы къ вамъ свой компасъ!

Много ужъ лѣтъ сапожникъ Флорентій просиживалъ дни, недѣли и мѣсяцы въ своей никогда не стоявшей порожнемъ мастерской, надъ колодкой и потягомъ, махая рукой, вооруженной шиломъ, разглаживая кожу гладилкой, обрѣзывая кулисой, прибывая наколюшкой, скребя ножомъ и стекломъ, выглаживая рашпилемъ, полируя воскомъ и все болѣе черня и загрубляя

кожу своихъ собственныхъ, короткихъ и широкихъ рукъ. Впродолженіе множества дней, недѣль и мѣсяцевъ, круглое, румяное какъ яблоко, лицо его принимало отъ неустаннаго труда такое напряженное выраженіе, что постепенно на немъ образовался тотъ густой узоръ мелкихъ морщинъ, который покрылъ его теперъ цѣликомъ. Это была точно искусная сѣтка изъ тоненькихъ, порванныхъ нитокъ, которую выткалъ и набросилъ на это здоровое, крѣпкое тѣло, продолжительный и тяжелый трудъ. Въмѣстѣ съ нимъ, такъ же какъ и онъ, работали его сыновья и помощники; въ сосѣдней комнатѣ жена стряпала, стирала, шила; дѣвушки-подростки шили, стирали, вышивали въ ожиданіи замужества, зарабатывая на себя лично. По некрашеному полу проходили и пробѣгали босыя ноги; женщины ходили дома босикомъ, въ короткихъ широкихъ платьяхъ, ради экономіи и свободы движеній. Во время отдыха всѣ садились за столъ, уставленный простою, но обильною пищею. Бѣли жирныя и вкусныя похлебки съ крупю, борщъ со свиной, кашу непроницаемой густоты; по воскресеньямъ и праздникамъ появлялись жаркія, пилось пиво и кофе. По воскресеньямъ и праздникамъ мастерская бывала пуста и тиха; сапожникъ Флорентій съ семьей и гостями сидѣлъ въ такъ называемой „залѣ“. На немъ появлялся тогда халатъ съ крупными цвѣтами, туфли, вышитыя дочерью по канвѣ, и въ рукахъ трубка съ длиннымъ чубукомъ. Онъ отдыхалъ на жесткомъ диванѣ съ огромною, желтою спинкой; сидя или лежа, попивалъ кофе, угощая имъ гостей, а голова его подымалась все горделивѣе, и лицо разглаживалось и прояснялось, если было кому рассказывать о серьезныхъ вещахъ и дѣлахъ: объ общественныхъ выборахъ и должностяхъ, о городскихъ порядкахъ и не порядкахъ, объ интересахъ сапожнаго цеха, въ которомъ онъ былъ мастеромъ, наконецъ, — съ наибольшимъ увлеченіемъ, — о значеніи и необыкновенной важности человѣческаго разума.

Но въ глазахъ его умнымъ человѣкомъ не были — ни счастливый въ спекуляціяхъ купецъ, ни чиновникъ, добившійся высокой должности неизвѣстными путями, ни владѣлецъ многочисленныхъ десятинъ земли, ни тотъ, чья грудь блестѣла серебряными и золотыми знаками отличій. Умнымъ былъ въ глазахъ его тотъ, кто много учился и дѣйствовалъ или говорилъ публично. Флорентій такъ говорилъ своимъ дѣтямъ и гостямъ:

— Докторъ... понимаете?... докторъ, который спасаетъ людей въ бѣдѣ... адвокатъ, понимаете, такой, что какъ замелеть языкомъ, такъ человѣку кажется, что это ангелы заплѣли... это вотъ люди... чтобъ ихъ! я полжизни бы отдалъ за крупинку ихъ ума!

И съ глубокомысленнымъ выраженіемъ продолжалъ:

— Гмъ... кто тамъ еще? ага? понимаете? а гѣ, что книжки пишутъ! ну, это ужъ превосходить всякое понятіе, чтобы человѣкъ былъ такъ уменъ! Такому человѣку въ ножки поклониться не стыдно.

Иногда, среди серьезной бесѣды, онъ до-упада смѣялся проказамъ и щебетанью маленькой, нѣжненькой, по праздничному одѣтой дѣвочки, которая, какъ избалованный котенокъ, прыгала по его колѣнямъ, дергала его жесткіе усы, или гладила лысину. Потомъ, послѣ праздничныхъ визитовъ, угощенія и разговоровъ, въ залѣ съ двумя окошечками, убранными каленкоровыми занавѣсками и горшками съ миртой и пеларгоніей, воцарялась праздничная же тишина. На широкомъ, жесткомъ диванѣ съ высокой, деревянной спинкой, покоилась толстая, окутанная цвѣтистымъ халатомъ фигура спящаго сапожника. Съ одной стороны дивана, въ бѣловатомъ зимнемъ сумракѣ виднѣлась голова съ широкою лысиною и румянами, отдувающимися щеками, съ другой недвижно торчали двѣ большія ноги въ яркихъ туфляхъ. Онъ сопѣлъ, храпѣлъ, свистѣлъ носомъ во снѣ, а возлѣ него, охваченная его мощною короткою рукою, также глубоко, какъ онъ, но только тихо, засыпала хорошенькая, нѣжная сиротка „изъ хорошей фамиліи“, рассыпая свои мягкіе, золотые волосы по его жесткимъ усамъ, грубымъ рукамъ и цвѣтному халату.

Однако, ни два дома, пріобрѣтенные на сбереженія всей жизни, ни сравнительно достаточный бытъ, ни воскресныя развлеченія, пирушки и отдохновеніе, не доставляли ему счастья столько, сколько выпадавшая ему на долю какая-нибудь общественная дѣятельность. Разъ, не такъ давно, менѣе года тому назадъ, въ судебномъ залѣ, передъ самымъ началомъ засѣданія, сидѣвшая рядомъ со мною пріятельница схватила меня вдругъ за руку:

— Смотри! смотри! Кто это? что онъ дѣлаетъ? что ему нужно? спрашивала она удивленнымъ и будто нѣсколько испуганнымъ шепотомъ.

Я при словахъ пріятельницы взглянула въ указанномъ ею на-
правленіи и увидѣла сапожника Флорентія, старавшагося обратитъ
на себя мое вниманіе поклонами, въ высшей степени привѣтли-
выми и почтительными; передъ цѣлымъ рядомъ незнаемыхъ еще
публикою скамеекъ, среди множества идущихъ и сіѣшащихъ
людей, оставивъ въ меня взоръ, торопливо и съ громкимъ шар-
каньемъ ногъ, Флорентій двигался почти черезъ всю залу, начиная
отъ высокой и длинной скамьи присяжныхъ почти до пюпитра,
стоявшаго передъ скамьею защитниковъ; ловко обходя всевоз-
можныя препятствія, онъ раскачивалъ во всѣ стороны свою коре-
настую, сильную фигуру, съ выраженіемъ удивительнаго бла-
годушія на лицѣ. Я не сразу догадалась, зачѣмъ онъ пришелъ
сюда въ будничныи день, и чего такъ гордо и радостно высту-
паетъ передъ всѣми... Тогда только, когда вслѣдъ за звонкомъ,
въ залѣ воцарился порядокъ, по мѣсту, которое торопливо за-
нялъ мой знакомецъ, я сообразила, что онъ принадлежалъ къ
числу присяжныхъ засѣдателей. О честь и радость, но еще не пол-
ныя и невѣрныя! Ибо кто можетъ предугадать тайную и горькую
насмѣшку судьбы? Изъ тридцати шести человѣкъ, сидящихъ те-
перь на нѣсколькихъ длинныхъ скамьяхъ, случай долженъ вы-
дѣлать двѣнадцать. Въ этомъ числѣ окажется ли имя Флорентія?
Сѣрые глазки его, очень блестяшіе въ эту минуту, съ неимо-
вѣрнымъ напряженіемъ слѣдили за движеніями предсѣдателя
суда, который бралъ урну, трясъ ее и опускалъ въ нее руку...
Въ то же самое время правая рука горячаго поклонника
гражданской дѣятельности подымалась тихонько ко лбу, со-
лба спускалась на грудь, незамѣтно скользила по обоимъ пле-
чамъ, а румяныя губы его тихо, почти незамѣтно шевелились...
Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ:—онъ перекрестился и прошепталъ
молитву о томъ, чтобы не минули его ожидаемые почести и
трудъ! Рѣшеніе судьбы готово. Имя Флорентія вмѣстѣ съ име-
немъ скромнѣйшаго въ свѣтѣ мѣщанина раздается по залѣ. Онъ
встаетъ, всходитъ на ступеньку высокой скамьи и, усѣвшись на
ней, съ высоты смотритъ на публику сіяющими отъ счастья
глазами. Онъ замѣчаетъ вскорѣ нѣсколькихъ знакомыхъ и на-
чинаетъ привѣтствовать ихъ кивками, улыбками, подмигиваніемъ.
Очевидно, что онъ радъ возвѣститъ всему свѣту о постигшей
его почести. Его предупреждаютъ, однако, что съ занимаемаго
имъ мѣста нельзя ни кивать головою, ни подмигивать. Но про-
дѣлки его прекратились только тогда, когда присяжные,

послѣ произнесенія присяги, начали слушать разбиравшееся дѣло. Всѣ слушали внимательно, но наибольшая сосредоточенность и напряженіе мысли виднѣлись на лицѣ этого сапожника. На немъ отражалось также, что содержаніе и смыслъ дѣла ему понятны, и что изъ двухъ главнѣйшихъ стремленій его: желанія возвышенія и дѣятельности, первое окончательно исчезло передъ вторымъ.

Послѣ грознаго опустошенія, которому подвергся городъ, никто въ продолженіе нѣсколькихъ дней не допускалъ мысли, что домики сапожника Флорентія также сгорѣли. Куда тамъ! Какъ же можетъ быть, чтобы его поразило личное великое горе, когда всѣ видятъ его необыкновенно занятымъ, подвижнымъ, исполняющимъ множество разнообразныхъ дѣлъ, съ любовью несущимъ двѣ обязанности: совѣтника въ городскомъ управленіи и официального представителя мѣщанъ у начальства? Что случилось съ сапожникомъ Флорентіемъ?—навѣрное ничего, потому что видѣли, какъ онъ на вокзалѣ желѣзной дороги получаетъ транспорты хлѣба, присланные сосѣдними городами. Навѣрное онъ избѣжалъ несчастья, такъ какъ по порученію городской думы указываетъ временный пріютъ тѣмъ, для кого единымъ кровомъ остался сводъ небесный. Безъ сомнѣнія онъ спасъ свое имущество, такъ какъ съ помощью еще нѣсколькихъ человѣкъ раздастъ тысячамъ голодныхъ талоны на полученіе пищи, которою снабдило ихъ людское милосердіе, и въ дѣлежъ которой необходимо соблюдать строгій и точный порядокъ. Могъ ли бы онъ такъ бѣгать, распорядиться, работать, оказывать столько услугъ другимъ, если бы пострадалъ и самъ? Извѣстно, что въ такомъ несчастіи, когда человѣкъ не знаетъ, гдѣ при наступающемъ мракѣ преклонить голову съ своими домашними, или чѣмъ на слѣдующій день наполнить желудокъ свой и семьи, никто не можетъ думать и заботиться о чужихъ усталыхъ головахъ и пустыхъ желудкахъ, а въ особенности такой простой, темный, маленькій человѣкъ! Гдѣ ему до такой степени забыть личное несчастье! Сѣлъ бы тогда на своемъ пепелищѣ и плакалъ или проклиналъ, а потомъ всталъ и пошелъ бы протягивать руку, просить помощи, милостыни... Если онъ такъ хлопочетъ, работаетъ, помогаетъ другимъ и ни о чемъ никого не проситъ, то навѣрное потому, что съ нимъ ничего не случилось дурного...

День былъ іюньскій, тихій и душный. Въ потокѣ солнечнаго свѣта, подѣ страшнымъ зноемъ, покрытыя горячей пылью извѣстки и золы, на центральной площади сгорѣвшаго Гродна тѣснилась огромная толпа, до того огромная и густая, что головы, лица, фигуры, покрой и цвѣтъ одежды сливались въ одну исполинскую массу, въ которой невозможно было не только разобрать, но и замѣтить отдѣльных частей. Масса эта не кричала, не производила рѣзкихъ движеній. Отъ нея несся въ воздухъ, полный пыли, духоты и ослѣпительнаго солнечнаго блеска, гулъ, похожій на шумъ проснувшейся волны, монотонный, постоянный, глухой, по временамъ только переходящій въ стонъ. Медленно, съ тяжестью и неправильностью, отличающими движенье массъ, составныя части которыхъ заграждаютъ другъ другу путь и напираютъ другъ на друга, толпа эта двигалась черезъ обширную площадь все впередъ, становясь тѣснѣе и шумнѣе тамъ, гдѣ въ какомъ-то старомъ и тѣсномъ домѣ, городская дума, лишившаяся своего обширнаго и красиваго зданія, временно отправляла свои обязанности. Одною изъ этихъ обязанностей, неотложныхъ въ данную минуту, была раздача пищи тѣмъ тысячамъ людей, которымъ потеря всего имущества и временное прекращеніе всякихъ работъ въ городѣ, грозили голодною смертью. Со времени катастрофы прошло едва двое сутокъ, а уже голодъ, слезы, болѣзнь наложили свою печать на тысячи человѣческихъ лицъ. На площади, въ тѣсной и невыразимо пестрой толпѣ нельзя было подмѣтить эту печать; за то чѣмъ-то мученическимъ, мертвеннымъ поражала она взоръ каждаго, кто успѣвалъ проникнуть въ небольшую, низкую, грязную комнату, бывшую теперь настоящей спасательной станціей для погибающихъ. Недалеко отъ стѣны, противъ входныхъ, открытыхъ настежь дверей, между двумя маленькими окнами, поставили низкій, деревянный барьеръ, за которымъ, за длиннымъ, простымъ столомъ нѣсколько человѣкъ поспѣшно писали, а нѣсколько другихъ, съ такою же торопливостью, раздавали узкіе и длинные билетки. Билетки эти были нѣчто въ родѣ паспорта въ рай, роль котораго играли склады провизіи, а поспѣшность въ раздаваніи ихъ была такъ же велика, какъ велика была и собравшаяся толпа, и столь же необходима, сколь страшенъ людямъ день, проведенный безъ хлѣба. Въ отворенныя настежь двери входили мужчины и женщины, старики и дѣти, всѣ съ протянутою рукою, съ открытымъ, отъ

ускореннаго дыханія ртомъ, съ ввалившимися, широко раскрытыми глазами, устремленными на сидящихъ за столомъ.

Однимъ изъ стоявшихъ у стола, и раздававшихъ эти спасительные билетки, былъ сапожникъ Флорентій. Съ перваго взгляда можно было догадаться, что третьяго дня онъ находился въ сильномъ огнѣ. Сюртукъ его на груди и полахъ былъ въ дырахъ, большей или меньшей величины, которыя всё безъ исключенія окружены были рыжимъ ободкомъ. Лѣвая рука была обвязана грязной полотняной тряпкой, на правой краснѣлъ широкой рубецъ; съ шеи отъ уха до самаго осмоленнаго края сюртука, была содрана кожа. Обыкновенно одѣвавшійся чисто и съ нѣкоторою заботливостью, Флорентій похожъ былъ теперь на оборванца, покалѣченнаго въ какой-нибудь дракѣ, такъ какъ на одной щекѣ его рѣзко выдѣлялся синій волдырь, происшедшій отъ сильнаго удара, а черезъ лобъ и часть лысины тянулась кровавая полоса. Кромѣ того, густой узоръ мелкихъ морщинъ, покрывавшій его лицо и наброшенный долгимъ трудомъ надъ потягомъ, ножами, гладилкой и рапшилемъ, еще болѣе сгустился. Флорентій состарѣлся на нѣсколько лѣтъ; маленькіе, сѣрые глазки глубоко запали, и изъ глубины впадинъ, отѣненныхъ густыми бровями, свѣтились какъ двѣ маленькія искры. А сіяли они такъ потому, что психическое состояніе ихъ обладателя было искреннимъ порывомъ усердія и увлеченія. Въ низкой, небольшой, поминутно переполнявшейся народомъ комнатѣ царствовала неописанная духота и жара; на лысинѣ и на лбу сапожника выступали капли пота; раны, шрамы, волдыри въ этой жарѣ и пыли должно быть сильно болѣли. Но онъ, казалось, ничего этого не чувствовалъ, а можетъ быть не чувствовалъ и въ самомъ дѣлѣ,—такъ велика, хотя многимъ незнакомая, власть мощнаго духа надъ страдающимъ тѣломъ. Издали, онъ напоминалъ старинные телеграфическіе приборы, съ вѣчно и быстро движущимися рычагами. Онъ бралъ билетки отъ людей, которые быстро выставляли на нихъ имена и цифры, раздавалъ ихъ множеству протянутыхъ надъ барьеромъ рукъ, снова спѣшилъ за новыми и къ новымъ;—торопилъ однихъ короткими отрывистыми словами, тѣхъ громилъ за назойливость, другихъ ласково успокаивалъ; какъ покорный служитель этой толпы старался угодить ей, утѣшить ее.

За множествомъ другихъ людей, во все еще растворенныя двери протискалась въ комнату дѣвушка въ короткой юбкѣ, и большомъ наброшенномъ на голову платкѣ, до половины только

обнаруживавшемъ блѣдное, молоденькое лицо, съ голубыми какъ незабудки, встревоженными и заплаканными глазами. Я узнала въ ней одну изъ дочерей сапожника Флорентія, хотя со своимъ похудѣвшимъ и поблѣднѣвшимъ лицомъ, и въ блѣдной одеждѣ, она едва напоминала красивую, смѣющуюся дѣвушку въ праздничномъ голубомъ платьѣ, красныхъ кораллахъ и розахъ, которую я видѣла на свадьбѣ. Я дотронулась до ея плеча; замѣтивъ меня, она дружески кивнула головой, но снова начала пробираться сквозь толпу къ барьеру и столу. Очевидно, она слѣшила туда, но я все же остановила ее.

— Что съ вами?—спросила я тихо.

— А что же—отвѣчала она—тоже самое, что и съ другими...

— Сгорѣли?

— До чиста.

— Гдѣ живете?

— На своей землѣ. Отстояли три стѣны.

— Какъ это, три стѣны?

— Да такъ... три стѣны одной комнаты.

Говоря это, она поясняла слова жестами, рисуя въ воздухѣ небольшой треугольникъ, при чемъ высунула изъ-подъ платка красныя руки съ кровавыми шрамами и синими рубцами. Видно было по этимъ рукамъ, что и она принимала участіе въ спасеніи этихъ трехъ стѣнъ.

— Съ крышей?—спросила я.

— Гдѣ тамъ!..

— А четвертой стѣны нѣтъ?

— Откуда жъ ей быть? Три только стѣны и спасли мы, той комнаты, что помните, была налѣво отъ отцовской мастерской.

— Ага! а мастерская?

— О, нѣтъ, не успѣли...

— А инструменты, запасы...

— Нѣтъ.

— Какъ же? Подъ этими тремя стѣнами, безъ крыши и четвертой стѣны?...

— Это ничего бы, да мать больна... Отъ страха разбилъ параличъ или какъ тамъ... не знаю. Лежить на голой землѣ словно мертвая.

— На голой землѣ? Развѣ у васъ совсѣмъ не осталось денегъ?

— Немножко было...

Она послѣшиѣ просунулась впередъ сквозь порѣдѣвшую

толпу къ баррьеру, остановилась тамъ, и устремила на отца свои голубые, влажные глаза.

— Тятя—сказала она тихо—дайте талонъ на хлѣбъ.

Не слышалъ онъ ея словъ или не хотѣлъ слышать? Но онъ по прежнему махалъ руками направо и налево, перебѣгалъ отъ тѣхъ, что писали билеты, къ тѣмъ, что протягивали руки, раздавалъ талоны, дѣлалъ короткіе вопросы и давалъ отвѣты, не замѣчая дочери, или дѣлая видъ, что не замѣчаетъ. Она черезъ минуту повторила громче:

— Тятя, дайте талонъ на хлѣбъ.

И вытянувъ руку надъ баррьеромъ, схватила его за рукавъ.

— Что тебѣ? Чего хочешь? Зачѣмъ пришла? буркнулъ онъ почти сердито, глядя на нее, и въ то же время избѣгая ея взгляда.

— Дайте талонъ на хлѣбъ... дома ни крохи.

Казалось, что на его лысинѣ и на лбу выступилъ потъ еще крупнѣе; сѣрые глазки сверкнули неприязненно.

— Ну, началъ онъ, ступай себѣ, скорѣе, маршъ!.. Это что? Талонъ! Талонъ!.. Развѣ ты нищая? Или можетъ быть я нищій?

Онъ говорилъ это сдавленнымъ голосомъ, задыхаясь отъ капля, и вытирая рукавомъ потъ съ лысины и лба. Глаза дѣвушки стали еще влажнѣе и тревожнѣе. Она заговорила громче:

— Такъ что же я сдѣлаю? Всѣ ѣсть хотять... На три рубля, что вы дали вчера, купила матери рубашку на смѣну, три аршина сукна—подостлать на землю, толстаго холста на одѣяло, немного чаю...

Она бы перечисляла еще свои издержки, но отецъ, насупивъ брови и такъ сморщивъ лицо, что оно какъ будто уменьшилось и съжилось, сунулъ руку за сюртукъ, и досталъ рублевую бумажку.

— На тебѣ, ступай... хлѣба купи, а матери булку, она больна...

— Выдавайте деньги, тятя, выдавайте... А на что поставите четвертую стѣну и крышу, и купите кровать матери? докторъ сказалъ, что она умретъ, коли будетъ лежать на голой землѣ,—и братьямъ нужна одежда,—ходятъ безъ сюртуковъ,—и у Зоси всего одна рубашка, и...

— Молчи! крикнулъ сапожникъ и тревожно оглядѣлся вокругъ. Онъ боялся, чтобъ люди не узнали объ его теперешней нищетѣ, боялся, чтобы не услышали, что дѣти его безъ рубашекъ, а жена больная лежитъ на землѣ, какъ жена нищаго.

— Дайте талонъ — стонала дѣвушка... по крайней мѣрѣ хоть хлѣба не покупать... онъ такой дорогой теперь, да и гдѣ его сыщешь?

Флорентій нѣсколько минутъ боролся съ собою, думалъ, топорщилъ усы и брови, громко сохѣлъ и смотрѣлъ въ землю. Наконецъ, медленно, съ трудомъ, нагнулся надъ однимъ изъ пишущихъ.

— Для семи человѣкъ... прошепталъ онъ.

Когда онъ отдавалъ дочери талонъ на хлѣбъ, раздаваемый общественною благотворительностью, въ сѣрыхъ глазахъ его совершенно угасли свѣтившіяся въ нихъ передъ тѣмъ искры, а когда дѣвушка отошла съ талономъ въ рукѣ, онъ простоялъ еще долго, свѣсивъ голову и опустивъ руки, съ видомъ человѣка, котораго ударили обухомъ по головѣ. Наконецъ, быстрымъ движениемъ, онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и, закрывъ глаза своей обожженной рукою, заплакалъ такъ, что затряслись его широкія, внезапно сторбившіяся плечи.....

II.

СЪ ВИЛЕНСКОЙ МОСТОВОЙ.

Каждый разъ на исповѣди ксендзъ укорялъ Валентія за то, что тотъ напивается, старался представить ему, что онъ губить свою душу, и на томъ свѣтѣ будетъ лизать горячую сковороду. Валентій объяснялъ, что „за свои деньги пить“ только по воскресеньямъ и праздникамъ, а въ будни развѣ когда позоветъ товарищъ на чарку, но это случается такъ рѣдко, что и вспоминать объ этомъ не стоитъ. Когда же ксендзъ сталъ увѣрять его, что пить въ праздникъ еще грѣшнѣе, Валентій подумалъ:

— Сказки! Какъ же бы человѣкъ и узнавалъ праздникъ? И такъ иной разъ воскресенье, либо двухъ, не досчитываюся въ мѣсяцъ!

Онъ пересталъ поэтому исповѣдываться въ бернардинскомъ костелѣ; а когда и въ другихъ духовники оказались столь же требовательны, то онъ и совсѣмъ забросилъ исповѣдь. Но онъ не былъ пьяницей; шесть дней работалъ усердно, а на седьмой, въ воскресенье, спалъ до полудня и не зналъ потомъ,

что съ собою дѣлать. Семьи у него не было, онъ жилъ въ углу у дворника. Поговорять, бывало, о томъ, о семь дома, потомъ за воротами, да и пойдуть выпьютъ пару пива; въ одно воскресеніе платилъ дворникъ, въ другое Валентій. Воскресенья Валентія приходились чаще, но онъ дѣлалъ видъ, что не помнить. У дворника была жена и трое дѣтей, а у него ни души. Иногда они ходили вмѣстѣ въ Закреть, или на Россу *), тогда о пивѣ не было рѣчи. Валентій ложился на траву, доставалъ трубку изъ-за пазухи, выбиралъ всегда такое мѣстечко, откуда можно видѣть Вильно и лѣсъ на противоположномъ берегу. Къ городу онъ поворачивался спиною, городъ услѣдвалъ надобѣсть ему за недѣлю. Онъ сидѣлъ спокойно, запахъ лѣса, воды, травъ, какой-то ласкающій шумъ опьяняли его постепенно; онъ закрывалъ глаза и прислушивался, прислонясь спиною къ дереву. Онъ глядѣлъ, какъ вдали сходятся поросшіе лѣсомъ и кустарникомъ берега, какъ рѣка становится все уже, а надъ нею разстилается голубая полоса неба. Онъ видѣлъ все это сотни разъ, но не могъ наглядѣться, не могъ насытиться свѣжестью, которая широкой волною вливалась ему въ грудь.

— Какъ хорошо здѣсь, какъ хорошо, — шепталъ онъ, лишь бы сказать что-нибудь, а въ груди щемило отъ какого-то невыразимаго чувства. Онъ закрывалъ глаза, — вода журчала еще громче, шумъ лѣса еще нѣжнѣе ублаживалъ его.

Случалось, что нарядныя дѣти съ сосѣдней дачи забѣгутъ въ его сторону за нечаянно закинутымъ мячикомъ или обручемъ. При видѣ челоуѣка въ потертой одеждѣ, безъ папки, въ запыленныхъ сапогахъ, съ соннымъ, угрюмымъ лицомъ, дѣти пятались въ тревогѣ или, спрятавшись за дерево, разглядывали его съ любопытствомъ, собираясь бѣжать при малѣйшемъ его движеніи.

— Это вѣрно воръ, а можетъ быть разбойникъ? — шептали они тихонько.

— Можетъ быть пьяный? Убѣжимъ!

И убѣгали, оглядываясь, не гонятся ли за ними. Но Валентій сидѣлъ по прежнему неподвижно: онъ не погнался бы теперь даже за счастьемъ своимъ и долей.

Иногда въ лѣсу, на другомъ берегу раздавалось пѣніе, дружное, умѣлое, хоровое; это нѣмцы рабочіе-кожевники давали свой

*) Окрестности Вильны.

обычный концертъ. Валентій не зналъ толку въ пѣніи; но ему нравилась гармонія, повторенная протяжнымъ эхомъ, которое рѣка уносила куда-то далеко, нравилось соединеніе нѣсколькихъ десятковъ голосовъ. Они кончали, словно обрубая ножемъ; начинали всѣ сразу, какъ будто у нихъ было одно горло. Валентій слушалъ, задерживая дыханіе, и протиралъ кулакомъ глаза, когда въ нихъ начинали двоиться кусты и деревья.

Ночь загоняла пріятелей обратно въ городъ. Спать еще не хочется, — взглянуть другъ на друга — и безъ словъ, отправятся къ источнику утѣхи и наслажденія. Они выбирали обыкновенно шинокъ, при которомъ былъ садикъ, т. е. нѣсколько аршинъ огороженнаго песку съ кустами крапивы. Они садились на лавкѣ между хлѣвомъ съ жидовской козой, и избушкой съ традиціонной вонью лукомъ, селедкой и водкой; надъ ними сѣрѣлъ кусокъ неба, съ котораго падала вечерняя роса; здѣсь было свѣжѣе, чѣмъ въ душномъ, переполненномъ шинкѣ.

Валентій угощалъ; послѣ двухъ бутылокъ, онъ становился очень разговорчивъ, и на днѣ каждой выпитой рюмки находилъ или анекдотъ, или старое воспоминаніе. Давно, когда онъ былъ еще подросткомъ, и была жива мать, они ѣздили „въ свою сторону“, къ Лидѣ *); тамъ у троюроднаго брата было у нихъ нѣсколько колодъ пчель. Мать давно уже умерла; умерли должно быть и пчелы. Валентій вспоминалъ о нихъ иногда; пчелы были единственною собственностью, на которую онъ имѣлъ бы право. Каждый разъ, когда сердце его размякнетъ отъ пива или водки, улы и всѣ троюродные стоятъ передъ нимъ, какъ живые.

— Все брошу, пойду, ей богу, пойду въ свою сторону! Что я — бродяга, что ли, какой? Избави Боже! И у меня свои есть... и улы есть, три, нѣтъ пять, цѣлыхъ пять колодъ. Эхъ вы, пчелки мои!

Онъ облизывалъ усы и сладко улыбался.

— Ну, выпьемъ еще, кумъ, а? за моихъ пчелокъ, ладно? И они пили до поздней ночи.

Отрезвившись, онъ не вспоминалъ ни о „своихъ“, ни о пчелахъ; некогда было думать о пустякахъ. Отъ весны до осени у него было по горло работы; дома, мостовья, освѣщеніе, водопроводы — все это было отчасти дѣломъ и его рукъ. Онъ и

*) Уѣздный городъ Виленской губерніи.

отзывался объ общественных работахъ съ чувствомъ собственного достоинства: „мы“ теперь проводимъ газъ или воду; „мы“ дѣлаемъ то и другое.

Онъ чувствовалъ себя обязаннымъ оберегать общественное достояніе, къ созданію котораго прикладывалъ руки. Заставая дѣтей у водокачалки, онъ разгонялъ ихъ безцеремонно.

— Я васъ, пострелята! Развѣ для васъ это сдѣлано! Ужъ вы тутъ, какъ тутъ! Потихоньку, по очереди, — не топчитесь, какъ лошади!

Ребятишки смѣялись, иногда брызгали въ него водою; Валентій не прекращалъ своихъ наставленій; онъ считалъ каждый насосъ, каждый фонарь отчасти своею собственностью.

Всего страшнѣе была для него зима, долгая, холодная, сущее наказаніе Божіе. Сначала, пока люди не запаслись еще дровами, заработокъ былъ, хоть и небольшой; но чѣмъ далѣе, тѣмъ тяжелѣе; выпадали дни, въ которые онъ и копѣйки не видалъ въ глаза. Онъ нарочно вставалъ до зари, чтобы первому придти къ ратушѣ. Еще на улицахъ не разсѣялся туманъ, кое-гдѣ дворники метутъ мостовую, лавки еще заперты, въ окнахъ ни души, а ужъ Валентій плетется съ пилой за плечами, съ вязкою веревокъ на спинѣ. Онъ старательно застегнулъ сермягу, завернулъ въ сапогахъ ноги остатками байковой фуфайки, шапку надвинулъ на глаза и тащится около домовъ, заглядывая иногда во дворъ, не лежатъ ли гдѣ дрова для пиленія. Онъ думалъ, что сегодня никто не опередитъ его: гдѣ тамъ! Ужъ на углу Нѣмецкой онъ замѣтилъ двухъ пильщиковъ, дальше еще одного — всѣ подъ ружьемъ — съ пилами и веревками на плечахъ!

— Охъ, чтобъ имъ пусто было, проворчалъ онъ и взглянулъ мрачно на соперниковъ.

— Тотъ рыжій, еле ноги волочить, ужъ три дня стоитъ тутъ и никто его не зоветъ... На что кому такая дохлятина? Силы ни на грошъ — и сегодня опять притащился! А это — то старикъ, точно удавленникъ, кости да кожа! Стоитъ, какъ мертвый, глазами еле ворочаетъ! Только людямъ мѣшаетъ, цѣну портитъ! Человѣкъ иной разъ идетъ работать за плѣвые деньги, чтобъ только не перебили.

Подобныя мысли приходили каждому; ожидавшіе работы мрачно оглядывали другъ друга. Вскорѣ уже цѣлый рядъ рабочихъ выстроился у ратуши; они ждали, прислонясь спиною къ стѣнѣ, вытянувъ ноги на тротуаръ.

Городъ понемногу просыпался, тамъ и сямъ потянулся дымъ изъ трубъ; лавки стали отворяться.

— Ну, что-то сегодня Богъ пошлетъ! думаль Валентій, и невольно взглядывалъ на тѣхъ, которые уже нѣсколько дней ждали, что надъ ними смилуется Богъ.

Если случалось, что стоявшій съ краю первый получаль работу, Валентій не могъ простить себѣ, что не сталь на его мѣсто. Онъ придавалъ огромное значеніе мѣсту, и старался всегда становиться тамъ, гдѣ ему случалось найти хорошій заработокъ, убѣжденный, что мѣсто принесло ему счастье. Долгій, долгій день предстояль ему! И если бы день-то божескій—а то, либо снѣгомъ бьетъ, какъ бичемъ, либо дождь сѣчетъ, то морозъ леденить, такъ что слезы проступаютъ, ноги деревенѣютъ, и въ пальцы колетъ точно булавками. Усы побѣлѣли, воротникъ и шапка заиндевѣли. Валентій постукиваетъ ногами, машеть руками и прохаживается по тротуару.

— Сгинь ты, пропадомъ пропади, ворчить онъ, а паръ валить у него изо рта, словно изъ теплой хаты.

Соскучившись, Валентій забѣгаетъ въ шинокъ; по знакомству поднесутъ въ долгъ стаканчикъ; за процентъ онъ долженъ принести нѣсколько ведеръ воды, наколотъ дровъ, вылить помой; онъ сдѣлаетъ, что велятъ—и снова бѣжитъ на свое мѣсто. Около него снуютъ люди, проѣзжаютъ возы, движеніе, жизнь, даже собаки бѣгутъ, не оглядываясь, какъ будто по важному дѣлу. А Валентій все еще стоитъ безъ дѣла: подопреть стѣну то правымъ, то лѣвымъ плечомъ... зѣваетъ... вздремнулъ бы, еслибы чуть половчѣе примоститься... Оглядывается, прислушивается... выпрямляется, завидѣвъ чей нибудь взглядъ; часто пробѣжитъ даже нѣсколько шаговъ, а за нимъ бросится другой, третій рабочій; но оказывається, что ихъ, никто и не думаль звать, и они возвращаются назадъ, опустивъ голову...

Наконецъ и Валентію навернулась работа! Передъ знакомой лавкой остановились фуры; его позвали помогать сносить и устанавливать товары; работы хватить на часъ или больше, дадутъ, пожалуй, копѣекъ тридцать; сегодня не придется вернуться домой съ пустыми руками!

Вообще—зимою плохо: табакъ и пиво отходятъ въ область воспоминаній; даже ѣду Валентій не всегда видитъ. Дворничиха кормить его въ долгъ, но, чѣмъ дальше, тѣмъ неохотнѣе даетъ ему кушанье. Всѣ, бывало, усядутся за ѣду, а о немъ и не

вспомнить; самъ онъ не смѣетъ подойти къ горшку и вертится у дверей, какъ будто чего-то ищеть, выжидая, не позовутъ ли. Выйдетъ, наконецъ, и во все время обѣда стоитъ на дворѣ, или идетъ взять хлѣба въ долгъ. Въ ближайшихъ лавочкахъ онъ успѣлъ уже задолжать, дальше его не знаютъ, и онъ пробуетъ счастья тамъ и сямъ. Порой дворнику станетъ его жаль—оставить въ чашкѣ немного ѣды. Онъ радъ бы дать волю гордости, не принять, но голодъ побѣждаетъ гордость—бѣднякъ съѣдаетъ все до чиста, только горло что-то давитъ ему, какъ будто вмѣстѣ съ ѣдою онъ наглотался и слезъ. Скоро начнутъ свозить ледъ въ погреба, очищать улицы, дѣла его поправятся. До весны кое-какъ можно будетъ протянуться; а какъ пригрѣетъ солнышко, работа, вмѣстѣ съ травкой, выйдетъ изъ-подъ земли. Онъ насчитывалъ уже десятка два мѣствъ, гдѣ заготовленъ матеріалъ для построекъ.

Жаль только, что старость все болѣе и болѣе даетъ знать о себѣ, руки дрожать, спина болить, съ каждымъ годомъ становится тяжелѣе. Его уже неохотно нанимаютъ, работникъ онъ слабый, неловкій. Этимъ лѣтомъ, онъ нѣсколько разъ чуть-чуть не свалился съ лѣсовъ; его наконецъ отослали, чтобы искалъ себѣ работы полегче. Да гдѣ ее найдешь! Онъ пробовалъ протягивать руку за милостыней... Протянутая рука опускалась сама собой... Онъ былъ еще слишкомъ крѣпокъ... онъ еще не дозрѣлъ до нищенства.

Онъ съ завистью смотрѣлъ на слѣпого старика у Кальвинистскаго костела; тотъ крѣпокъ, какъ огурецъ; одежда на немъ теплая.

— Какое инымъ Богъ счастье даетъ!

Въ этомъ году онъ надѣялся хорошо заработать въ Михайловъ день *). Всѣ переѣзжали съ квартиры на квартиру, носильщиковъ рвали на части. Валентія, вмѣстѣ съ пятью другими рабочими, нанялъ лакей и повелъ его за собою по лѣстницѣ богатаго дома. Валентій приодѣлся получше, остригъ бороду, чтобы имѣть видъ по приличію, выпрямился, словно ему двадцать лѣтъ съ плечъ долой. Когда лакей объявилъ, что вещей много, что и вшестеромъ, пожалуй, не справятся, Валентій сталъ увѣрять, что онъ одинъ справится за троихъ, коли захочетъ. Вошли. Въ гостинной мебель въ безпорядкѣ, зеркала

*) Въ Вильнѣ всѣ контракты на квартиры пишутся на Михайловъ день (8 ноября), и всѣ переѣзды производятъ около этого срока.

„Дѣло“ № 2, Февраль, 1887 г. Отд. I.

сняты, на полу, по угламъ лампы и картины, фортепяно отсунуто на средину, лакей бѣгаетъ, кричитъ, погоняетъ!.. Принялись отвинчивать ножки у фортепяно. За это взялись кто половче. Валентій стоялъ въ сторонкѣ, ожидая, когда велятъ подставить плеча; онъ вертѣлъ головой во всѣ стороны, оглядывалъ въ зеркалѣ свою фигуру, проводилъ рукою по бархатному дивану; присѣлъ на стулъ, улыбаясь тому, что подъ нимъ опустились пружины; со стула пересѣлъ въ кресло... но тутъ его позвали, фортепяно было готово, ножки отвинчены, недаль снята.

— Валяй! крикнули въ голосъ рабочіе и тяжелый инструментъ очутился на четырехъ сильныхъ плечахъ. Валентій всталъ подъ клавиатуру, а такъ какъ онъ былъ ниже всѣхъ ростомъ, то вся тяжесть и перевѣсилась на его сторону; фортепяно сразу врѣзалось ему острымъ краемъ въ шею и онъ хотѣлъ уже звать на помощь, когда трое остальныхъ крикнули:—Ну, старикъ, собирався работать за троихъ,—пошелъ, покажи, что умѣешь! Деньги будешь получать вмѣстѣ съ молодыми!

Слова эти подѣйствовали на него, какъ ударъ бича; онъ побагровѣлъ, глаза его налились кровью, но насилуя себя, онъ двинулся смѣло впередъ. Миновали однѣ двери, потомъ другія, и начали тихонько спускаться съ лѣстницы. Валентій шель около перилъ; онъ чувствовалъ, что колѣни его начинаютъ подгибаться, въ глазахъ потемнѣло... вотъ, вотъ... онъ ужъ не видитъ ступеней... вытягиваетъ руку, чтобы ухватиться за перила! Плечо выскользнуло: фортепяно потеряло равновѣсіе и вслѣдъ за Валентіемъ скатилось съ лѣстницы. Градь проклятій посыпался сверху и снизу; въ домѣ поднялся шумъ и гамъ. На площадкѣ лежалъ дорогой инструментъ съ отвалившейся крышкою и обнаженными струнами; изъ-подъ сломанной доски виднѣлись клавиши. У Валентія въ головѣ была пробита дыра. Алая струя крови окрасила роскошныя ступени лѣстницы, прежде чѣмъ Валентія успѣли высвободить изъ-подъ фортепяно; глаза его закрылись, на лицѣ ни признака жизни, но онъ еще дышалъ: его положили пока въ сторону. Товарищи ругались, хотя знали, что онъ ихъ не слышитъ.

— Хвастался, чего было лѣзть! Чуть всѣмъ шеи не поломалъ, старый хрычъ! Помнить онъ Михайловъ день! Пусть теперь спитъ, пожалуй и вовсе не проснется!

Рабочіе смотрѣли на него и съ гнѣвомъ, и съ сожалѣніемъ. Валентій очнулся въ тотъ же вечеръ, и долго смотрѣлъ передъ

собой, не понимая, гдѣ онъ. На головѣ у него былъ словно второй черепъ, тяжелый, огромный; руки и ноги были безсильны— онъ слушалъ, расширялъ вѣки, но не владелъ ни зрѣніемъ, ни слухомъ: въ ушахъ шумѣло, а передъ глазами вертѣлись красные и желтые круги; грудь горѣла. Онъ закрылъ глаза и только водилъ рукою по одѣялу, по подушкѣ, перебиралъ пальцами простыню, какъ бы удивляясь до сихъ поръ невѣдомой роскоши... Онъ собирался съ силами, и еще разъ открылъ глаза. Теперь онъ видѣлъ немного яснѣе. Онъ лежалъ въ большой залѣ; лампа, висѣвшая на противоположной стѣнѣ, освѣщала цѣлый рядъ кроватей, на каждой темнѣла человѣческая фигура, прикрытая одѣяломъ. Валентій взглянулъ на своихъ сосѣдей: одинъ крапѣлъ, какъ будто его душили за горло; онъ не могъ разглядѣть его, ему мѣшало разбитое плечо и чужой черепъ, давившій ему голову; по другую сторону онъ прежде всего замѣтилъ двѣ босыя ноги, торчавшія изъ-подъ одѣяла; костлявыя руки, обнаженныя по локоть, лежали недвижно по бокамъ; на подушкѣ виднѣлась голова, обрамленная сѣдыми волосами, борода клиномъ, тонкій носъ, закрытые глаза глубоко впали. Сосѣдь не двигался, не дышалъ, лежалъ спокойно, словно былъ изъ воску.

Валентій приглядывался къ нему съ напряженіемъ...

Онъ его узналъ... гдѣ-то видѣлъ...

— Ахъ! это старикъ изъ-подъ ратуши! Валентій уже хотѣлъ заговорить съ нимъ, зашевелилъ губами, но чужой черепъ сдавилъ ему голову, жаръ разлился по жиламъ.

Онъ закрылъ глаза. И живые, и мертвые остались гдѣ-то далеко, а онъ... отправился въ „свою“ сторону! Три улья, — нѣтъ, пять, — стоятъ рядкомъ въ Закретѣ надъ Виліей, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ суживается рѣка и прибрежные лѣса сливаются на горизонтѣ. День лѣтній, солнечный. Какой-то гулъ, аромат, свобода! Наболѣвшую грудь давило, точно камнемъ... Онъ силится еще разъ вдохнуть чудный воздухъ... онъ глухо прошепталъ:

— Ахъ, вы пчелки мои!..

III.

ПАВЛЮКЪ.

Павлюкъ прожилъ на свѣтѣ всего лѣтъ восемь, но у него была уже своя исторія, свои веселыя и грустныя воспоминанія. Правда, первые проблески жизни представлялись ему давно минувшимъ прошлымъ, и носили характеръ нѣсколько обидный для его самолюбія: удалецъ, скачущій на лошади, первый шалунъ въ деревнѣ, не трусившій даже передъ бараномъ, не вѣрилъ, что лежалъ когда-то брюхомъ вверхъ на грядѣ, жмурился глаза отъ солнечнаго свѣта и сосалъ кулакъ, рубашенку, или материнскій фартукъ, служившій ему подстилкой. Красный макъ, укропъ, даже морковь казались ему тогда огромнымъ лѣсомъ, въ которомъ жужжалъ цѣлый невѣдомый мѣръ. Мальчуганъ глядѣлъ, слушалъ и засыпалъ наконецъ, убаюканный гѣсней природы. Онъ проспалъ бы долго, если бы не голодъ, главная побудительная причина всякой дѣятельности; не успѣвъ еще открыть глаза, Павлюкъ уже кривился, морщилъ лобъ, водилъ носомъ — и совершивъ всѣ нужныя приготовленія, ревѣлъ благимъ матомъ. Тутъ только и могъ онъ прислушаться къ собственному голосу и гармонія эта такъ ему нравилась, что покраснѣвъ какъ буракъ, и весь дрожа, онъ оралъ, напрягая весь запасъ силъ. Ему казалось, что все умолкаетъ, когда онъ отзывается на единственномъ доступномъ ему языкѣ — иллюзія, довольно распространенная между крикунами! Выводя все болѣе и болѣе высокія ноты, онъ не видѣлъ, какъ между макомъ и укропомъ показывалось потное лицо матери, но, слышавъ ея голосъ, крикунъ умолкалъ, открывалъ глаза, и съ улыбкой выпячивалъ ручки.

— Какъ разъ! Такъ я и стала играть съ тобою! Непремѣнно! кричала мать, такъ что въ ухахъ звенѣло. Словно шкуру съ него деруть! Дамъ я тебѣ ужю орать, пострѣленокъ!

Нагнувшись къ нему, дрожащими отъ торопливости руками она оправляла подстилку, перекладывала его на сухое мѣсто, укрывала головку отъ солнца; а мальчуганъ глядѣлъ ей въ глаза, какъ будто хотѣлъ узнать, чѣмъ все это кончится? Неужто ему придется еще лежать на спинѣ? Онъ двигалъ плечами и ежился, выражая этимъ свое желаніе подняться, расправить ноги и руки. Мать между тѣмъ доставала изъ-за пазухи корку хлѣба или морковь, съ которой чуть была счищена земля, и совала ему въ зажатый кулачекъ.

— На, жри, да молчи, разбойникъ! Примеешься выть, такъ приду съ палкой и такъ задамъ, что своихъ не узнаешь! „Разбойникъ“ не слишкомъ-то принималъ къ сердцу угрозы матери! онъ не глядѣлъ даже, какъ она уходила; все вниманіе его сосредоточивалось теперь на моркови: онъ оглядывалъ ее со всѣхъ сторонъ, подносилъ ко рту—и какъ разъ умѣлъ попасть на торчавшіе спереди четыре зуба! Черезъ мунуту, все лице его уже было вымазано желтымъ сокомъ, онъ чавкалъ, глоталъ слюни, и морковка была точно исклевана четырьмя зубками. Трудно опредѣлить, на сколько онъ подкрѣплялся этимъ угощеніемъ, но за то замѣтно уставалъ, выпускалъ изъ руки морковь, и снова прислушивался къ гудѣнью въ травѣ! Онъ умѣлъ уже ползать, недурно ходилъ на четверенькахъ, но среди прекрасной природы какъ-то излѣнивался, терялъ охоту пробовать силы; по временамъ только, когда заболитъ спина, онъ переворачивался на животъ, опускалъ голову на плечо и дремалъ съ открытыми глазами. Въ эту эпоху жизни единственными врагами его были мухи и муравьи. Случалось, что Жучка съ разбѣгу налетитъ на него, но никогда не обидитъ; замѣтивъ на губахъ остатки каши или хлѣба, лизнетъ его разъ-другой, и пустится снова въ коноплю за курами или воробьями.

Но чѣмъ болѣе крѣпли его силы, тѣмъ многочисленнѣе становились враги. Къ его чашкѣ съ ѣдою самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ присусѣживалась Жучка; пока мальчуганъ успѣвалъ съѣсть ложку, песь вылизывалъ все до чиста; положивъ морду на лавку, виляя хвостомъ, онъ такъ умильно поглядывалъ на ребенка, что Павлюкъ складывалъ оружіе—то есть ложку—въ пустую чашку, и уступалъ праву сильнаго; часто толкали его свиньи, когда онъ барахтался вмѣстѣ съ поросятами; но болѣе всего приходилось терпѣть отъ гусей! Лишь только выглянетъ, бывало, изъ хаты на лугъ, какъ все стадо кинется на него, а гусакъ разъ до-крови исклевалъ ему голову! Бѣдняга заливался еще голосистѣе, чѣмъ въ эпоху своего перваго, растительнаго періода, но помощь не приходила, такъ какъ въ огородѣ плакалъ уже младшій братишка, а матери не разорваться же было.

Приходилось самому думать объ оборонѣ. Павлюкъ добылъ себѣ сухой сукъ, но когда появился съ нимъ передъ стадомъ, гуси подняли крикъ еще сильнѣе и напали на вооруженнаго съ во сто разъ большимъ ожесточеніемъ. Павлюкъ бросилъ оружіе и, переваливаясь съ ноги на ногу, какъ откормленный утенокъ,

обратился въ бѣгство. Удраль благополучно и надолго утратилъ охоту къ вооруженному сопротивленію!

Но за то, когда онъ началъ кататься на палочкѣ верхомъ, весь свѣтъ сталъ ему нипочемъ. Жучку отгонялъ безъ церемоніи, колотя ее ложкой по-лбу и, лишь наѣвшись почти до-отваду, и соскребывая остатки со дна, позволялъ собакѣ облизывать края чашки; со свиньями совсѣмъ пересталъ брататься, гусей гонялъ сколько душѣ угодно, и былъ бы совершенно счастливъ, если бы не новая бѣда! Вслѣдъ за братишкой явилась на свѣтъ сестренка, и присмотръ за ними былъ порученъ нашему герою, который умѣлъ уже справляться со всѣми своими врагами! Дѣвчонку приходилось укачивать, братишку водить за руку — онъ уже пересталъ ползать на четверенькахъ, но держаться какъ слѣдуетъ на двухъ ногахъ еще не научился, и падалъ на носъ, не разбирая мѣста, и чаще всего натываясь на что нибудь твердое. Въ рабочій день, оставленный въ пустой хатѣ, Павлюкъ глядѣлъ на ревуцаго, съ разбитымъ носомъ, брата, на сестру, посинѣвшую въ люлькѣ отъ крика, и совершенно терялся, то подбѣгая къ брату, то бросаясь къ колыбелькѣ и, не дойдя до нея, останавливался въ раздумьи.

— Боже ты мой миленькій! что мнѣ дѣлать съ ребятами, вопилъ онъ, принимая посильное участіе въ тріо.

Онъ начиналъ со всей силы качать люльку, пока испуганная малютка не умолкала на минуту; выводилъ на дворъ мальчугана, сажалъ на землю, и, посыпая ему пескомъ головенку, увѣрялъ, что „идеть теплый дождикъ“. Мальчуганъ, молча, жмурился глазенки, зная по опыту, что дождь этотъ страшно кусаетъ глаза. Иногда, когда няньчить ребятъ приходилось же въ моготу, Павлюкъ выбѣгалъ изъ хаты на широкую улицу и несся, куда глаза глядятъ. Съ дѣлою дюжиною ровесниковъ онъ гонялъ жидовскихъ козь, куръ, перелѣзалъ черезъ плетень въ огородъ за макомъ, яблоками или вишнями, рвалъ все, что только можно было сорвать. Мародеры опщипывали всякое растеніе, бѣгали босикомъ по лугу, забирались въ конопляники, умѣли выискать любое гнѣздо, и изъ своихъ странствій возвращались поздно вечеромъ, когда голодъ и мракъ напоминали имъ, что и они принадлежатъ къ осѣдлымъ народамъ.

Всего труднѣе было пережить зиму. Въ хатѣ жарко, какъ лѣтомъ, даже жарче пожалуй, въ особенности на печкѣ: не вѣрится, что на дворѣ морозъ, любопытство тянетъ за дверь,

а какъ солнце выгянетъ въ окно, тутъ ужъ никакими силами не удержишь мальчугана дома. Прямо съ печи бѣжить себѣ за ворота, на улицу; морозъ щиплетъ босыя ступни, вѣтеръ раздуваетъ рубашенку, а Павлюкъ стоитъ себѣ, поджимая то одну, то другую ногу, щелкаетъ зубами, ежится, съ холоду слезы текутъ, а вернуться не охота! Разъ, подь весну, когда прѣхалъ коробейникъ и сталъ среди деревни показывать товаръ, Павлюкъ простоялъ возлѣ него цѣлый часъ, почти не чувствуя холода, но подь конецъ такъ оконенѣлъ, что ноги стали словно чужія; а когда вернулся ввечеру домой, въ горлѣ зацарапало, заговорилъ не своимъ голосомъ, а ночью такъ жаромъ всего и обдало! Горѣла голова и грудь, въ глазахъ мелькали яркіе круги, онъ не могъ повернуться и радъ бы лежать такъ до самой смерти, лишь бы кто голову снялъ ему, а то она черезчуръ тяжела и горяча, да и мѣста ей никакъ не сыщешь. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, а когда открывалъ ихъ, то видѣлъ, точно въ туманѣ, качающихся надъ нимъ головами бабъ и слышалъ отрывочныя слова:

— Исхудаль-то какъ, ей Богу, ничего изъ него не будетъ, — кожа да кости... хоть сейчасъ въ гробъ клади.

Павлюку и въ голову не приходило, что приговоръ этотъ относился къ нему. Онъ шевелилъ губами, стараясь выговорить хоть одно слово „пить“, — но не могъ; что-то такъ и давило его горло.

Когда онъ слѣзъ снова съ печи, на дворѣ не было снѣга и слѣда; теплое весеннее солнце глядѣло въ окно, и двери были растворены настежь. Закутанный въ отцовскій кожухъ, Павлюкъ шагнулъ за порогъ, выбрался на дворъ — слабыя ноги отказывались служить — усѣлся на приступочкѣ, согнулся весь и прижалъ голову къ колѣнямъ.

Зелено, тепло, птицы поютъ по старому, только бѣгать по старому что-то не хочется; Павлюку не вѣрится, что онъ бывалъ когда-то за воротами, за деревней, въ томъ лѣсу, что казался ему теперь далеко, далеко, на самомъ концѣ свѣта! Онъ оглянулся вокругъ: все какъ будто знакомое, но такое печальное, неподвижное... солнышко свѣтитъ, такъ, что глазамъ больно, а не грѣеть, ни чуточки не грѣеть! Павлюкъ стучалъ зубами, и все плотнѣе кутался въ кожухъ.

На дворѣ тишина — не слышать голоса брата. При воспоминаніи о немъ что-то дрогнуло въ груди. Павлюкъ поднялъ го-

лову, кожухъ сползъ съ исхудалыхъ плечь. У забора, куча песку, на которой они когда-то играли, поросла травкою, дождь провель по ней борозды, но нѣтъ и слѣда дѣтскихъ ножекъ и рученокъ! Павлюкъ долго смотрѣлъ на песокъ, на огородъ, ждалъ, прислушивался, а горло снова сжало что-то... онъ опустил голову... по щекамъ катилась слеза за слезой!

Павлюкъ не спрашивалъ о братѣ, не вспоминалъ даже о немъ; вернувшись въ хату, онъ увидалъ пустую люльку, засунутую подъ кровать, и его охватилъ такой же ознобъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ вернулся отъ коробейника; онъ забрался на печь и цѣлую недѣлю пролежалъ чуть живой. Бабы горевали, что кто-то сглазилъ его, нашептывали надъ нимъ, окуривали его зельемъ, и если онъ не задохся отъ лекарственныхъ снадобій, то этимъ обязанъ только таинственной силѣ, удерживающей жизнь въ мужицкомъ тѣлѣ среди самыхъ неблагопріятныхъ, враждебныхъ условій. Этой же чудодѣйственной силѣ онъ былъ обязанъ тѣмъ, что черезъ мѣсяцъ гарцовалъ по деревнѣ верхомъ на палочкѣ, объѣдался всякимъ сырьемъ, по цѣлымъ днямъ пекся на солнцѣ, вольный, какъ птица, такъ какъ въ хатѣ некого ужъ было нянчить! Теперь, когда онъ снова остался единственнымъ сыномъ, родители стали обращать на него болѣе вниманія, привозили ему съ ярмарки баранки, на Троицу отецъ купилъ ему шапку, а мать сшила штанишки изъ полосатой, синей съ бѣлымъ, холстинки. Облекшись въ сей продуктъ цивилизаціи, Павлюкъ долго осматривалъ свои колѣни; до сихъ поръ, лѣтомъ и зимою, онъ носилъ рубашенку, разодранную спереди сверху до низу, по праздникамъ его подпоясывали кромкой или краснымъ пояскомъ, но съ шапкой и сапогами, онъ былъ знакомъ только улично.

Въ Троицынъ день случилось съ нимъ еще событіе, о которомъ онъ долго помнилъ: онъ въ первый разъ отправился учиться молитвамъ и чтенію! Давно ужъ мать пробовала повторять съ нимъ „Отче Нашъ“, но сама была не тверда въ молитвахъ: еле добиралась до половины, ошибалась и снова начинала сначала; отецъ также умѣлъ „Отче“ только „про себя“, а громко не могъ сказать и нѣсколькихъ словъ. Въ первый день праздника, ксендзь много говорилъ объ адѣ, вѣчномъ огнѣ, страшныхъ мукахъ; онъ отсылалъ туда всѣхъ, кто не слушаетъ церкви, не думаетъ о спасеніи души, главнымъ же образомъ матерей, которыя не учатъ дѣтей молитвамъ, а какъ на наказаніе уже въ

сей жизни, указывалъ на смертность среди дѣтей въ прошлую зиму. Кара эта, большѣе всѣхъ обѣщанныхъ каръ, поразила въ сердце матерей; въ костелѣ послышалось усиленное сморканье мушницъ, женщины тихонько плакали. Мать Павлюка залилась слезами при воспоминаніи о двухъ свѣжихъ могилахъ, подняла глаза, а тутъ передъ нею страшное лице дьявола, нарисованное во всемъ ужасѣ деревенскимъ художникомъ, подъ копьемъ св. Георгія Побѣдоносца! Женщина вглядывалась съ испугомъ въ голову чудовища, въ его глаза, когти, красный языкъ, высунившийся подъ напоромъ копья святаго. Она нѣсколько разъ сплюнула.

— „Тьфу, сгинь, пропади!“ Тихонько шептала она молитвы, но видъ дьявола и слова ксендза не позволяли ей забыться. Она рѣшила сегодня же послать Павлюка къ органисту, который иногда училъ дѣтей молитвамъ, показывалъ имъ въ книжкѣ, и распѣвалъ набожныя или ненабожныя пѣсни, смотря по настроенію духа: онъ напивался семь разъ въ недѣлю, но по воскресеньямъ и праздникамъ до полудня ничего не бралъ въ ротъ, послѣ же обѣдни училъ дѣтей слову Божію, — за ученіе онъ не бралъ даже яицъ, — за то жена его брала и яйца, и цыплятъ, и куръ.

Павлюкъ, узнавъ, что пойдетъ учиться — и обрадовался, и немного испугался; надѣлъ новые штанишки, намочилъ голову такъ, что волосы надо лбомъ склеились пѣлыми прядями, а носъ блестялъ; его глаза бѣгали кругомъ съ тревогой и любопытствомъ. Поджидая товарищей, онъ стоялъ у хаты, прислонясь къ стѣнѣ, и перебиралъ пальцами, а сердце такъ и стучало въ груди.

Неужто я и вправду выучусь! думалъ онъ. Пожалуй! Петрунька ужъ умѣетъ читать! Эхъ, кабы и мнѣ выучиться!

Онъ заложилъ босыя ноги одна на другую и, отчаянно грызя ногти, такъ задумался, что и не замѣчалъ, какъ Жучка теребила его за новые штаны, отбѣгала отъ него, и снова со всего маху бросалась къ нему, надѣясь, что онъ приметъ участіе въ ея игрѣ. Павлюкъ поглядывалъ въ ворота, прислушивался, и увидѣвъ товарищей, такъ заволновался, что забылъ даже о новой шапкѣ. До усадьбы и церковнаго домика было нѣсколько верстъ проѣзжей дорогой, но ребятишки знали всѣ проселки. Въ нѣсколько прыжковъ они очутились уже за деревней, пробрались межою въ рожь и сразу увидали сѣрыя стѣны костела съ покривившимся крестомъ. Двое старшихъ не разъ уже бы-

вали тутъ и смѣло выступали другъ за дружкой; ребятишки подымали то камень, то горсть песку, и поплевавъ на нее, размахнувшись, что было силы, швыряли въ дикую грушу, стоящую одиноко, въ испуганно взлетавшую птицу, которая, цѣпляясь сначала крыльями за колосья, вздымалась наконецъ высоко и исчезала въ голубомъ воздухѣ. Дѣти останавливались и, высоко задравъ голову, слѣдили за птицей.

— Видишь?

— А ты видишь?

— А вотъ и вижу!

— Э, глупый, чего врешь, она уже давно въ небѣ?

— Ей Богу, вижу! вонъ тамъ, вотъ!

Мальчуганъ зазѣвался, товарищъ далъ ему тычка въ бокъ, перескочилъ черезъ упавшаго и побѣжалъ безъ оглядки. Обиженный поднялся.

— Ну, погоди, задамъ такъ, что и домой не вернешься! крикнулъ онъ, грозя кулакомъ, и побѣжалъ въ догонку за обидчикомъ.

Но не успѣвалъ онъ догнать его, какъ надъ головами ихъ пролеталъ аистъ, что-то шелестѣло во ржи, колосья заволновались; этого было достаточно, чтобы привлечь вниманіе мальчугановъ; они оглянулись на аистовъ, стали слѣдить глазами за колеблющимися колосьями и забыли о мести и бѣгствѣ. Рожь становилась все рѣже, кое-гдѣ торчали въ болотѣ колосокъ, тропинка потянулась вдоль луга, но мальчики пустились прямокомъ по болоту; по кочкамъ, поросшимъ осокой, пробрались на берегъ болотистой рѣчки, оттуда въ нѣсколько прыжковъ очутились на плотинѣ, ведущей въ усадьбу; вербы и ольхи тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги, а посрединѣ стояла глубокая, жидкая грязь; ребята пошли по самой срединѣ, поглядывая на ноги, замаранные выше циклодки. Они остановились на мосту и стали глядѣть на воду.

— Прыгнулъ бы отсюда въ рѣку?

— Ой-ой—лишь бы только захотѣлъ!

— Ну, такъ валяй!

— А чего я тамъ забылъ?

Бросили въ воду кусокъ коры, и слѣдили, какъ она, крутясь во всѣ стороны, исчезла подъ мостомъ.

Павлюкъ съ любопытствомъ озирался вокругъ. Деревни ужъ не видно, только высокая сосна, съ гнѣздомъ на макушкѣ, указываетъ, въ какой сторонѣ его хата; костель также исчезъ за

деревьями, господскій садъ въ нѣсколькихъ шагахъ; въ концѣ дороги видны раскрытыя настезъ ворота; бѣлые и красные цвѣты пестрѣютъ издалека, а изъ-за деревьевъ видны колонны крыльца, верхнія стекла оконъ, крыша и бѣлыя трубы. Павлюкъ засунулъ пальцы въ ротъ, и долго вглядывался въ открытыя ворота.

— Ну, ступай! позвалъ его одинъ изъ мальчугановъ, дергая за рукавъ, но Павлюкъ еще разъ окинулъ взглядомъ лужайку.

Огромный дубъ росъ у самаго господскаго сада; корни вылезли на поверхность, какъ будто имъ тѣсно было въ землѣ; въ тѣни безчисленныхъ вѣтвей и листьевъ порхало такое множество птицъ, что дерево шевелилось и дышало тысячью жизней; стая спугнутыхъ воробьевъ пронеслась надъ лощиной, и исчезла въ вѣтвяхъ огромнаго дерева, выдавая свое присутствіе щебетаньемъ молодыхъ и старыхъ голосовъ. Изъ-за огромнаго пня торчали двѣ босыя ноги; замѣтивъ ихъ, мальчуганы пошли осторожно, гуськомъ къ дубу. Подойдя къ нему, они узнали органиста; онъ лежалъ навзничъ, закинувъ руки за голову, безъ сюртука, въ разстегнутой на груди рубахѣ; онъ храпѣлъ, вдыхая запахъ свѣжаго сѣна, а выдыхая ароматъ рябиновки; румяныя щеки и багровый носъ свидѣтельствовали, что онъ заснулъ послѣ угощенія, а можетъ и на собственные деньги залилъ и заморилъ червячка. Изъ рукъ его скатилась на траву недокуренная трубка, съ другой стороны валялась шапка, съ лежащими въ ней очками и старой книжкой, по которой дѣти учились читать.

Органистъ шелъ по обыкновенію сѣять слово Божіе среди малыхъ сихъ, но ноги отказались служить ему, а примѣру ихъ послѣдовала и голова. Мальчуганы стояли передъ нимъ, свѣсивъ головы на бокъ.

— Спать, шепнулъ одинъ.

— Ну, такъ вернемся домой?

Яша взглянулъ на барскій садъ. Сквозь частоколь виднѣлась красная смородина; вѣтви ея гнулись подъ тяжестью спѣлыхъ ягодъ; заборъ былъ высокъ, но снизу подгнилъ и можно было подлѣзть, лишь бы удалось просунуть голову. Ваня давно ужъ посматривалъ на садъ и пожиралъ глазами спѣлыя ягоды, глотая слюнки. Мальчики переглянулись, поняли другъ друга, босыя пятки замелькали въ травѣ и исчезли за заборомъ; кусты смородины грустно качали головами:—грабежъ былъ неминуемъ!

Павлюкъ слѣдилъ за товарищами съ глубокой усмѣшкой,

со времени болѣзни, мальчуганы прозвали его „дохлымъ“, неохотно играя съ нимъ, такъ какъ онъ скоро уставалъ и распускалъ нюни изъ-за всякаго толчка, можетъ быть поэтому они и теперь забыли о немъ. Когда слѣдъ ихъ простылъ, Павлюкъ усѣлся возлѣ старика.

— Подожду, прошепталъ онъ, подожду! Товарищѣй или пробужденія учителя? онъ и самъ не зналъ; ему не хотѣлось возвращаться съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ. Онъ взглянулъ на спящаго, на вывалившуюся у него изъ рта трубку, тихонько дотронулся до нея, чуть было не уронивъ ее со страха на обнаженную грудь органиста, такъ какъ ему показалось, что тотъ открылъ одинъ глазъ. Но это только показалось, органистъ спалъ первымъ сномъ, составлявшимъ только предисловіе къ дальнѣйшему. Павлюкъ оглядѣлъ трубку и, не спуская глазъ со спящаго, протянулъ руку къ шапкѣ; надѣвъ ее осторожно на голову, влѣзъ въ нее по самымъ уши и приставилъ къ глазамъ очки, связанные по серединѣ ниткой. О, какъ смѣшонъ сталъ свѣтъ! Деревья, кусты кривились и скакали; лошадь, пасшаяся по другую сторону дуга, казалась горбатой; ноги у нея были толстѣющія, а хвостъ кривой! Павлюкъ навелъ взоръ на спящаго и чуть не вскрикнулъ отъ удивленія! Бородавка на лбу смотрѣла настоящей картофелиной, синій носъ весь истыканъ дырками, на лицѣ толстыя, красныя нити, голова словно котель, а на лбу жилы, точно веревки! Павлюкъ снялъ очки и органистъ показался ему почти красавцемъ, въ сравненіи съ только что видѣннымъ чудовищемъ! Дошла очередь до книги; тутъ Павлюка ждало новое удивленіе: на каждой почти страницѣ новая картинка, иногда раззолоченная и всегда такая красивая, что мальчикъ, забывая о спящемъ, вскрикивалъ отъ радости. Ровныя ряды буквъ привлекли его любопытство; онъ водилъ пальцемъ по строчкамъ, пожималъ плечами, сомнѣваясь должно быть, чтобы эти черныя точки перестали когда нибудь быть для него загадкою!

А старикъ и не думалъ просыпаться. Солнце уже спустилось; съ рѣки потянуло холодкомъ. Павлюкъ слышалъ, какъ стадо возвращалось съ поля, какъ раздавалось его мычанье; онъ вытянулся во всю длину на травѣ. Такъ тутъ было хорошо! Глядя снизу вверхъ все представлялось иначе. Павлюкъ присматривался сначала внимательно, съ любопытствомъ, потомъ потихоньку закрывалъ глаза и смотрѣлъ, какъ деревья становятся меньше, какъ все исчезаетъ наконецъ. Изъ воротъ усадьбы

выбѣжали двѣ дѣвочки рѣзвухи, хохотушки; словно бабочки, порхнули онѣ около забора, черезъ мостъ, на дорогу; за ними показались двѣ взрослыя дѣвухи, съ серьезными лицами, оттѣняя еще болѣе веселость малютокъ; онѣ шли молча, зѣвая и остановились на мосту; сырая плотина не манила ихъ на прогулку. Одна оглянулась, чтобы позвать рѣзвухекъ, другая потянула ее слегка за руку.

— Посмотри на мальчика, который тутъ спитъ подѣ деревомъ. Право, недурной сюжетъ для картинки.

Дѣвушка взглянула на Павлюка. Солнце садилось, освѣщая дубъ сверху до низу, заглянуло подѣ вѣтви, золотой лентой протянулось по лугу, озарило розовую головку мальчика, его боссыя ноги и книжку, которую онѣ, забывшись, прижалъ къ груди.

— Да, отвѣтила она, только безъ книжки... Книжка была бы аномаліей!

— Вмѣсто книги можно дать ему... дудку!

---

* *
*

Еще не осень,—нѣтъ! Но сжатыя поляны,
Мѣстами желтый листь, да утра холодокъ—
Все предвѣщаетъ ужь, что близятся туманы
Печальной осени... Неотвратимый срокъ!

Передъ разлукою исчезли всѣ сомнѣнья.
Съ двойною жадностью я льну къ тебѣ душой,
Ловлю послѣднія минуты упоенья,
Послѣдней вспышкой сгораю предъ тобой...

Ө. Ромерз.

ПУШКИНЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Продолженіе).

Въ числѣ людей, имѣвшихъ несомнѣнное вліяніе на Пушкина въ первомъ періодѣ его петербургской жизни, мы назвали два имени—Чаадаева и Карамзина. Отношенія поэта къ этимъ людямъ, столь непохожимъ одинъ на другого, заслуживаютъ вниманія. При тѣхъ особенныхъ, своеобразныхъ условіяхъ, въ какія было поставлено развитіе нашей литературы въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ русскомъ обществѣ никогда не переводились люди, которые своею высокою личностью имѣли на современниковъ чрезвычайно сильное и благотворное вліяніе, а между тѣмъ въ литературѣ оставили по себѣ лишь весьма скромный и невыразительный слѣдъ. Это, говоря словами Некрасова, тѣ два-три челоуѣка, которые „выносятъ на своихъ плечахъ“ все поколѣніе. Таковъ былъ Н. В. Станкевичъ; таковъ былъ Т. Н. Грановскій; первымъ по времени въ ряду этихъ людей стоитъ П. Я. Чаадаевъ. Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце, открытое для всего высокаго,—вотъ тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали; по словамъ писателя совершенно иной школы,—по словамъ Хомякова,—Чаадаевъ былъ особенно дорогъ тѣмъ, что въ „такое время, когда мысль, повидимому, погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ и самъ бодрствовалъ, и другихъ побуждалъ,—тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ, и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ: „живъ курилка“. Есть эпохи, въ которыя такая игра есть уже большая заслуга“... *) Съ Чаадаевымъ Пушкинъ близко сошелся еще въ бытность свою въ Лицеѣ, и съ тѣхъ поръ на всю жизнь сохранилъ къ нему чувство самаго искренняго дружескаго расположенія. Продолжительныя и горячія бесѣды, несомнѣнно оставившія слѣдъ въ душѣ Пушкина, романтическія мечты о свободѣ и о служеніи благу родины, одинаковые литературные вкусы—вотъ что со-

*) Хомяковъ. Сочиненія, I, 720,

единяло обоихъ друзей, и вотъ какъ самъ Пушкинъ говоритъ о значеніи этой дружбы въ знаменитомъ посланіи къ Чаадаеву изъ Кишинева, 1821 г. (I, 242):

Въ глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣные смѣло во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть...

Во-время узнавъ объ угрожавшей Пушкину опасности, Чаадаевъ бросился къ Карамзину и успѣлъ уговорить его вступить за поэта. Воспоминаніе объ этой дружеской услугѣ также, конечно, было дорого Пушкину:

Въ минуту гибели надъ бездною потаенной,
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой...

На листкѣ, случайно сохранившемся отъ дневника, который Пушкинъ велъ въ Кишиневѣ, набросаны слѣдующія строки: „Получилъ письмо отъ Чаадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы: никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя“. По всей вѣроятности, дѣло идетъ объ отвѣтѣ Чаадаева на одно изъ писемъ Пушкина, который именно въ это время жаловался, что петербургскіе друзья относятся къ нему слишкомъ невнимательно. Изъ дальнѣйшаго видно, что Чаадаевъ не получилъ нѣсколькихъ писемъ Пушкина; подобные случаи нерѣдко бывали въ это время въ почтовой перепискѣ поэта, и однажды даже вызвали у него энергическое восклицаніе по адресу любопытныхъ читателей чужой переписки (VII, 28). Весьма вѣроятно, что именно къ Чаадаеву относится и отрывокъ письма, сохранившійся на томъ же листкѣ кишиневскаго дневника: „Мой достойный наставникъ, смѣлый, ѣдкій, злой,—но этого еще не достаточно, нужно быть жестокимъ, тираномъ, мстительнымъ; къ этому-то я и прошу васъ привести меня“, и т. д. (VII, 25). О перепискѣ по поводу извѣстной статьи Чаадаева мы будемъ говорить впоследствии.

Съ своей стороны, и Чаадаевъ, уже долгое время спустя послѣ смерти поэта, съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ о дружбѣ Пушкина. „Эта дружба, говорилъ онъ, принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ живое сочувствіе ко всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная и безкорыстная мысль чтилась выше самаго безкорыстнаго поклоненія прошедшему и будущему...“ *).

Инымъ характеромъ отличались отношенія Пушкина къ Карамзину и Жуковскому. Молодой поэтъ съ дѣтства привыкъ уважать этихъ людей, какъ друзей своего отца и какъ дарови-

*) Письмо къ С. П. Шевыреву, „Вѣстн. Европы“ 1871, XI, 343.

тыхъ писателей, внесшихъ новое слово въ русскую литературу. Въ Карамзинѣ онъ видѣлъ прежде всего—преобразователя русскаго языка и слога и, вмѣстѣ съ другими членами „Арзамаса“, ратовалъ противъ его литературныхъ антагонистовъ; затѣмъ, когда въ 1818 г. появились первые восемь томовъ „Исторіи государства російскаго“, Пушкинъ высоко оцѣнилъ въ этомъ трудѣ „не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка“, уединившагося въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ, и посвятившаго цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ (V, 41). Впослѣдствіи Пушкинъ горячо отстаивалъ исторію Карамзина противъ нападокъ Полеваго, и посвятилъ памяти исторіографа свою „Комедію о царѣ „Борисѣ“, — „трудъ, гениемъ его вдохновенный“. Озлобленіе противъ редактора „Вѣстника Европы“ Каченовскаго, вызвавшее у Пушкина столько рѣзкихъ эпиграммъ, въ значительной степени объясняется нападками придиричиваго критика на Исторію Карамзина.

Впрочемъ, уже при появленіи „Исторіи“ Пушкинъ видѣлъ ея слабыя стороны, и далеко не безусловно передъ нею преклонялся. Въ отрывкахъ изъ своей автобіографіи, говоря о толкахъ, вызванныхъ появленіемъ „Исторіи“, Пушкинъ вспоминаетъ, что основная мысль карамзинскаго труда вызвала негодованіе среди „молодыхъ якобинцевъ“—будущихъ декабристовъ, которые пародировали Тита Ливія слогомъ Карамзина. Конечно, подъ вліяніемъ этихъ якобинцевъ Пушкинъ написалъ извѣстную свою эпиграмму: „Въ его Исторіи изящность, простота“, о которой онъ замѣчаетъ: „Мнѣ приписали *одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ*“. Впрочемъ, онъ тутъ же и сознается, что эта эпиграмма—не лучшая черта его жизни: конечно, потому, что она была написана въ минуту личнаго неудовольствія противъ исторіографа. „Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе (самолюбіе?), и мою сердечную къ нему приверженность“, писалъ Пушкинъ по этому поводу, много лѣтъ спустя: „до сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить“ (VII, 182). Размолвка, можетъ быть, была вызвана однимъ изъ тѣхъ споровъ, о которыхъ Пушкинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ: Карамзинъ защищалъ „свои любимыя парадоксы“ о русской государственности, противъ которыхъ Пушкинъ горячо возражалъ.

Вообще, Карамзинъ относился къ молодому Пушкину очень благосклонно и снисходительно, смотрѣлъ на него, какъ на увлекающагося юношу, въ шутку называлъ либераломъ, но при случаѣ не прочь былъ „отечески“ пожуричь его за ту или другую выходку, показавшуюся уже слишкомъ неумѣстной. Большая разница въ годахъ и въ общественномъ положеніи не могла не сказываться, не смотря на сдержанность и добродушіе Карамзина. Заступаясь за Пушкина по просьбѣ Чаадаева, Карам-

зидъ объявилъ, что дѣлаетъ это „въ послѣдній разъ“, и взялъ съ поэта слово—по крайней мѣрѣ два года ничего не писать противъ правительства. Этимъ и закончились личныя сношенія Пушкина съ Карамзинымъ, который, по словамъ поэта, въ послѣдніе годы своей жизни былъ ему уже совершенно чуждъ (VII, 258). Высоко уважая его, какъ писателя, Пушкинъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ него, какъ отъ человѣка.

Обстоятельства, непосредственно предшествовавшія ссылкѣ Пушкина, довольно извѣстны; мы напомнимъ здѣсь только то, что говорилъ объ этомъ времени, пять лѣтъ спустя, онъ самъ, въ черновомъ наброскѣ прошенія къ Государю (VII, 131—132). Въ обществѣ распространился слухъ, будто Пушкинъ былъ высѣченъ въ тайной канцеляріи,—слухъ, приведшій поэта въ крайнее отчаяніе. „Я считалъ себя погибшимъ въ глазахъ общества, говоритъ онъ,—я готовъ былъ на все, и думалъ,—не долженъ ли я убить себя“... Чаадаевъ совѣтовалъ своему молодому другу оправдаться передъ правительствомъ; но Пушкинъ, сознавая бесполезность оправданій, рѣшилъ, напротивъ, поступать такъ, чтобы вызвать со стороны правительства суровыя мѣры: „я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести“, говоритъ онъ, объясняя свое тогдашнее поведеніе. Благодаря Карамзину и Жуковскому, дѣло кончилось иначе; Пушкина отправили на югъ, къ генералу Инзову, причемъ даже въ официальной, высочайше утвержденной бумагѣ похвалили „величайшія красоты концепціи и слога“ въ той самой „Одѣ на вольность“, которая была одною изъ причинъ ссылки поэта!..

Первое время ссылки было для Пушкина вовсе не тягостно. Случайная встрѣча съ семействомъ Раевскихъ, путешествіе съ ними на Кавказъ, жизнь въ Крыму, и у Давыдовыхъ въ Каменкѣ,—все это дало поэту много новыхъ впечатлѣній, а новые люди, встрѣченные имъ здѣсь, скоро заставили его позабыть своихъ петербургскихъ пріятелей изъ круга „золотой молодежи“, — добрыхъ малыхъ, но совершенно беззаботныхъ насчетъ литературы и умственныхъ интересовъ; къ тому же, и сами эти пріятели не особенно старались напоминать ему о себѣ: „преданный мгновенно, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ“, писалъ Пушкинъ объ этомъ времени. „Общество наше—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ...“ Но послѣ этого оживленнаго *intermezzo* еще болѣе мрачною и душною должна была показаться юношѣ-поэту жизнь въ пустынной для него Бессарабіи, гдѣ онъ скоро почувствовалъ всю тяжесть одиночества. Единственнымъ развлеченіемъ становятся для него шутки надъ полу-азіатами, молдаванскими „куконами“ и разныя шалости, за которыя Инзовъ такъ часто сажалъ его подъ арестъ;

единственною отрадою—переписка съ петербургскими друзьями изъ круга литературнаго—съ братомъ, съ кн. Вяземскимъ, Гнѣдичемъ, Дельвигомъ, Плетневымъ. Литературные интересы пробуждаются въ немъ съ новою силою; онъ начинаетъ внимательно слѣдить за журналами и вообще много читаетъ, стараясь

вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Онъ перечитываетъ критическія статьи, вызванныя появленіемъ „Руслана и Людмилы“, пишетъ на нихъ замѣчанія, задаетъ вопросы, освѣдомляется о судьбѣ своихъ стихотвореній, посланныхъ въ Петербургъ, беспокоится насчетъ цензуры, проситъ высылать ему журналы, книги, стихи. Грустное чувство одиночества, горькое разочарованіе въ людяхъ, для которыхъ поэтъ пѣлъ свои вольнолюбивыя пѣсни, и которые съ такимъ робкимъ эгоизмомъ отвернулись отъ него, когда средь „оргій жизни шумной“ его постигнулъ остракизмъ, презрѣніе къ этому пустому обществу, связанному предрасудками, состоящему изъ людей корыстныхъ или самодовольныхъ глупцовъ—вотъ преобладающій мотивъ душевнаго настроенія Пушкина въ годы его кшиневской жизни:

Пиръ, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами;
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами...

Я говорилъ предъ хладною толпою;
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный,—
Я замолчалъ...

Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ,
Вездѣ злобный иль малодушный,
Предразсужденья—
Тиранъ,—льстецъ,
Предразсуждений рабъ послушный... (I, 257).

Этому настроенію вполне соответствовалъ мрачный, разочарованный тонъ поэзіи Байрона, съ которою Пушкинъ познакомился въ это время, и которая слишкомъ сильно задѣвала струны его собственнаго сердца, чтобы не отразиться въ его произведеніяхъ. Въ эту пору былъ написанъ „Кавказскій Плѣнникъ“, первая поэма Пушкина, въ которой сильно сказалось байроновское вліяніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразились личныя чувства самого автора. Пушкинъ самъ указываетъ на эту личную сторону поэмы. „Характеръ Плѣнника неудаченъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ В. П. Горчакову (VII, 25): это доказываетъ, что я

не ожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души“... Сознавая всѣ недостатки своего произведенія, поэтъ все-таки прибавляетъ: „люблю его, самъ не зная за что; въ немъ есть стихи моего сердца“ (VII, 30). И дѣйствительно, нельзя не признать именно такими стихами, напримѣръ, слѣдующіе:

Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступивъ свѣта, другъ природы,
Покинуль онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ;
Страстями сердца погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и къ лирѣ.
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою,
И съ вѣрой, съ пламенной мольбой
Твой гордый идолъ обнималъ. (II, 280).

Байронизмъ и романтическія мечты о свободѣ отразились также и въ отношеніяхъ Пушкина къ греческому возстанію, въ то время только что начинавшемуся, и къ карбонарскому движенію итальянцевъ. Восторженно привѣтствуя эти политическія движенія (особенно греческое), Пушкинъ готовъ былъ видѣть въ нихъ, по примѣру Байрона, зарю новой жизни для Европы, воскресеніе свободы, повсюду подавленной реакціею Священнаго Союза:

Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ,—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся—
И я скажу: Христось воскресъ! (VII, 21).

Скоро, однако же, присмотрѣвшись поближе къ греческому возстанію и его вождямъ, Пушкинъ сталъ разочаровываться. „Дѣло Греціи меня живо трогаетъ, писалъ онъ въ 1823 году: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (misérables) выпала священная обязанность быть защитниками свободы“. (VII, 67). А еще годъ спустя, онъ отзывался о грекахъ еще рѣзче: „Греція мнѣ огадила... Іезуиты натоковали намъ о Фемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной

славы...“ (VII, 80). Съ отъѣздомъ изъ Одессы, Пушкинъ, какъ будто бы, совсѣмъ пересталъ интересоваться греческимъ возстаніемъ; по-крайней-мѣрѣ, ни въ его сочиненіяхъ, ни въ перепискѣ мы не встрѣчаемъ уже ни слова о Греціи, даже и тогда, когда она уже завоевала себѣ свободу и политическую самостоятельность. Такимъ образомъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что увлеченіе Греціей было только подсказано Пушкину Байрономъ, отъ котораго онъ, по собственному его выраженію, въ то время „съ ума сходилъ“ (V, 121), и прошло безслѣдно, когда Пушкинъ пережилъ свой байронизмъ.

Годы кишиневской и затѣмъ одесской жизни поэта были для него вообще эпохою „бурныхъ стремленій“, своего рода Sturm-und Drang-Periode, полнымъ противорѣчій и разочарованій. Сближеніе съ Александромъ Раевскимъ, который своимъ холоднымъ, скептическимъ умомъ, и безпощадною критикою дѣйствительности во многомъ напоминалъ Чаадаева, конечно, не мало содѣйствовало развитію въ Пушкинѣ отрицательнаго взгляда на жизнь; не даромъ же поэтъ посвятилъ своему другу стихотвореніе „Демонъ“:

Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ...

Въ объясненіи къ этому стихотворенію онъ говоритъ, что „въ лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго, легковѣрно и нѣжно; мало-по-малу вѣчныя противорѣчія сущности (т. е. противорѣчія дѣйствительности съ идеаломъ) рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предрасудки души...“ (II, 292). Неудовлетворенность окружающею жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ исканіе какихъ-нибудь положительныхъ нравственныхъ основъ для дальнѣйшаго существованія—вотъ сущность того душевнаго процесса, какой переживалъ въ то время Пушкинъ на переходѣ отъ юношества къ болѣе зрѣлому возрасту,—этого „логическаго романа“, который неизбѣжно переживается каждымъ мыслящимъ человѣкомъ. Эти блужданія оставили яркій слѣдъ въ литературной дѣятельности поэта. Онъ то увлекается байроновскими героями и рисуетъ Гирея, надъ которымъ такъ смѣялся А. Раевскій *), то возвращается къ темѣ „Руслана“ и создаетъ планъ фантастической поэмы изъ древне-русскаго міра, но по манерѣ Аріосто (дѣйствующія лица—Илья Муромецъ, Мстиславъ и косожская царевна-амазонка Армида, см.

*) „Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и пр. Все это смѣшно, какъ мелодрама“,—писалъ Пушкинъ въ 1830 году (V, 121).

II, 320), то мечтаетъ о поэмѣ или драмѣ „Вадимъ“, — на этотъ разъ, конечно, подѣ влияніемъ своихъ друзей-декабристовъ (и въ особенности — Рылѣва), которые идеализировали легендарнаго представителя древне-славянской вольности; задумываетъ другую поэму (а можетъ быть драму) изъ эпохи стрѣльческаго бунта, но вовсе не политическаго содержанія, (см. II, 320—321); издѣваясь надъ вошедшимъ въ моду ханжествомъ, пишетъ поэму въ стилѣ Вольтера и Парни, полную крайняго религіознаго вольнодумства, и въ то же время обаятельную по прелести стиха (II, 342); наконецъ, опять возвращается къ Байрону и сначала въ лицѣ Онѣгина изображаетъ „москвича въ гарольдовомъ плащѣ“, а затѣмъ даетъ, въ лицѣ Алеко, типъ, въ которомъ съ особенною рельефностью отразились наиболѣе характерныя черты байроновскихъ героевъ — презрѣніе къ людямъ съ ихъ рабскою и безнравственною цивилизаціею и стремленіе къ простой, безыскусственной природѣ. Припомнимъ монологъ Алеко, — его обращеніе къ сыну:

Рости на волѣ, безъ уроковъ,
 Не знай стѣснительныхъ палатъ
 И не мѣняй простыхъ пороковъ
 На образованный развратъ...

Поэтъ не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ для этой ничтожной и пустой толпы, называющейся „обществомъ“, для этихъ людей, которые „любови стыдятся, мысли гонять — и просятъ денегъ да цѣпей“: это — не болѣе, какъ стадо, которому не нужны дары свободы, котораго не пробудитъ призывъ чести, и среди котораго „сѣятель свободы“ только напрасно сталъ бы терять время, благія мысли и труды. Если и уцѣлѣла гдѣ нибудь, случайно, „капля блага“, то она все-таки, недоступна: „тамъ на стражѣ — иль просвѣщенъе (т. е. образованный развратъ), иль тиранъ“...

Тотъ же безотрадный взглядъ высказывается и въ наставленіяхъ Пушкина своему младшему брату: „будь о людяхъ всегда самаго худшаго мнѣнія; не суди о нихъ по внушеніямъ своего добраго и благороднаго сердца, которое еще очень молодо; презирай ихъ какъ можно вѣжливѣе... Со всѣми будь холоденъ“, и пр. *).

Впрочемъ, поэтъ уже сознавалъ, что въ этомъ отчужденіи отъ людей главная роль принадлежитъ эгоизму, и высказалъ это въ поучительномъ обращеніи стараго цыгана къ Алеко:

Ты для себя лишь хочешь волп...

Отрицательное мировоззрѣніе не удовлетворяло Пушкина; онъ чувствовалъ, что оно оставляетъ пустоту въ сердцѣ, и что жизнь безъ положительныхъ цѣлей и стремленій не имѣетъ цѣны; что если человѣкъ дѣйствительно хочетъ воли, то долженъ хотѣть

*) VII, 43, письмо № 32. Въ изданіи Ф. я отнесъ это письмо къ 1882 году; но, кажется, его слѣдуетъ отнести на годъ или на два позднѣе. II. М.

ея не для себя только, но и для другихъ. Но что значить хотѣть воли, и что можетъ дать ее? Вотъ основной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ вся дальнѣйшая дѣятельность на поприщѣ общественномъ,—а поэтъ уже сознавалъ себя общественнымъ дѣтелемъ, и во время своихъ вольныхъ и невольныхъ скитаній по Россіи могъ воочию убѣдиться, какъ высоко его цѣнятъ и какъ много ждуть отъ него всѣ грамотные люди. Идеаль „просвѣщенной свободы“, о которомъ онъ мечталъ въ юности, подсказывалъ ему средство для достиженія этой высокой цѣли—въ просвѣщеніи, въ „пробужденіи добрыхъ чувствъ“; работать въ этомъ направленіи—на поприщѣ, на которое онъ былъ призванъ, на поприщѣ литературы,—Пушкинъ и считалъ нравственною обязанностью писателя, который, по его словамъ, долженъ быть всегда впереди, и не впадать въ малодушіе при неудачахъ. Этому идеалу онъ и остался вѣренъ впродолженіе всей своей жизни. Но по свойствамъ своего характера онъ далеко не былъ тѣмъ, что называется „цѣльной натурой“: русская жизнь вообще, а въ его время въ особенности, вовсе не благопріятствовала выработкѣ такихъ цѣльныхъ натуръ, людей *aus einem Guss* (много ли подобныхъ типовъ представляетъ и теперь наша литература?). Оттого-то, въ минуты вдохновеннаго творчества, въ немъ часто пробуждались прежнія сомнѣнія, вносили въ его душу разладъ, приводили къ разочарованію, заставляли замыкаться въ самомъ себѣ, и съ презрѣніемъ подобно Алеко отвертываться отъ толпы, равнодушной къ усиліямъ литературы:

Къ чему стадамъ дары свободы?

Ихъ должно рѣзать или стричь... (1823).

• • • • •

Въ развратѣ каменѣйте смѣло,

Не оживитъ васъ лиры гласъ! (1823).

Затѣмъ въ поэтѣ снова воскресала вѣра и снова звала его „въ набѣги просвѣщенія, на приступы образованности“, къ борьбѣ на литературной аренѣ, которую онъ такъ сильно желалъ и такъ тщетно пытался расширить. Такихъ противорѣчій, приливовъ и отливовъ, у Пушкина было немало. Чтобы правильно понять и оцѣнить ихъ, необходимо имѣть въ виду характеръ поэта, событія его личной жизни и общій духъ того времени, въ особенности же — тѣ условія, въ какія было поставлено тогда развитіе нашей литературы. Постараемся же взглянуть на тогдашнюю литературу съ точки зрѣнія Пушкина.

Тяжелымъ временемъ для русскихъ писателей была первая половина двадцатыхъ годовъ. „Литераторы, говорить Пушкинъ, воспоминавъ объ этой эпохѣ,—были оставлены на произволъ цензуръъ своенравной и притѣснительной; *рѣдкое сочиненіе доходило до печати*. Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ онъ изъ грамотныхъ людей) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство его

не хотѣло замѣчать, отчасти изъ великодушія, отчасти — изъ непростительнаго небреженія...“ (VII, 278) Между тѣмъ, въ обществѣ „либеральныя идеи сдѣлались необходимой вывѣской хорошаго воспитанія; подавленная литература превратилась въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни“ (V, 43). Подобно тому, какъ университетская наука связана была изумительными требованіями обскурантовъ, — и печати старались указать самыя тѣсныя предѣлы и подчинить ее самой тягостной опека. По мѣткому выраженію поэта, литературу обратили въ гаремъ, а цензора — въ докучнаго евнуха. Извѣстный Магницкій ревностно сочинялъ и проводилъ въ практику свои проекты „борьбы съ лжеумствованіями“, — проекты, благодаря которымъ, изъ скуднаго умственнаго обихода русскаго общества, беспощадно вычеркивались цѣлыя области знанія. Сатиру, какъ говоритъ поэтъ, называли пасквилемъ, поэзію — развратомъ, гласъ правды — мятежомъ, Куницына — Маратомъ... Понятно, что при такихъ условіяхъ печатная литература не могла имѣть значенія просвѣтительной общественной силы; тѣмъ большее значеніе получала литература рукописная, въ которой самое видное мѣсто занимали произведенія Пушкина:

...Пушкина стихи въ печати не бывали, —
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали?

Любопытно, что рядомъ съ этими словами Пушкинъ поставилъ имя писателя, который впервые въ нашей литературѣ выступилъ съ горячимъ протестомъ противъ крѣпостнаго права:

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ.

То же имя вспомнилось ему двѣнадцать лѣтъ спустя, когда онъ говорилъ о своихъ заслугахъ передъ русскимъ обществомъ:

Вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу.

Дѣйствительно, идеалы обоихъ писателей были одинаковы. Какъ въ свое время книга Радищева жадно читалась въ рукописи, такъ и теперь стихи Пушкина въ сотняхъ и тысячахъ списковъ расходились по всемъ уголкамъ грамотной Россіи и, по свидѣтельству современниковъ, не было въ арміи прапорщика, который бы не зналъ ихъ наизусть. Увлекательные по формѣ, эти гармоническіе звуки, неслыханные до тѣхъ поръ на русскомъ языкѣ, содержаніемъ своимъ отвѣчали завѣтнымъ мечтамъ русскаго общества, и поэтъ едва ли много преувеличивалъ, говоря, что въ послѣднее пятилѣтіе александровскаго царствованія онъ имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ (VII, 278).

Цензура — это больное мѣсто литературы того времени — составляетъ предметъ постояннаго, хоть иногда и невольнаго, вниманія Пушкина. Еще въ самомъ раннемъ изъ напечатанныхъ его стихотвореній, въ посланіи „Къ другу-стихотворцу“ (1814),

поэтъ, предостерегая своего друга отъ литературныхъ увлеченій, совѣтуетъ ему брать примѣръ съ человѣка, не чувствующаго охоты къ стихамъ, и не гуляющаго „по высотамъ Парнасса“: такой человѣкъ счастливъ, между прочимъ, уже и потому, что „его съ перомъ въ рукахъ *Рамакова* не страшитъ“. Въ имени Рамакова слѣдуетъ, кажется, видѣть анаграмму: „Мараковъ“ и намекъ на „марающую“ цензуру. Въ пѣсенкѣ „Noël“, въ числѣ сказокъ, которыя рассказываетъ „отецъ“, есть общанія и насчетъ цензоровъ:

Лаврову дамъ отставку,
А Соца—въ желтый домъ...

Имена Бирукова „Грознаго“, Тимковскаго, впоследствии — Красовскаго, имѣвшіе для нашихъ писателей 20-хъ годовъ такое роковое значеніе,—можно сказать, не сходятъ у Пушкина съ языка:

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,—
Все для ихъ „не Русью пахнетъ“;
О чемъ цензуру ни прошу,—
Ото всего Тимковскій ахнетъ...

„Пишу теперь новую поэму... Бируковъ ея не увидитъ, за то что фи—дитя, блажной дитя“ (VII, 59). „Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать“ (VII, 56), „Богатая мысль — напечатать „Наполеона“; да цензура... лучшія строфы потонуть“ (VII, 122). „Vole, sed delenda est censura“ (VII, 31).

Мелочныя придирки причиняли много непріятностей всѣмъ писателямъ, но Пушкину—въ особенности, потому что за нимъ, какъ за человѣкомъ явно неблагонамѣреннымъ, цензура считала нужнымъ смотрѣть внимательнѣе, чѣмъ за другими. Подозрительность ея простиралась даже на отдѣльныя слова: такъ, на примѣръ, ей не нравилось слово „вольнолюбивый“, не смотря на то, что по замѣчанію Пушкина, „оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее *libéral*, и притомъ — слово прямо русское“ (VII, 24); не допускалось, въ стихотвореніи о земной любви, выраженіе: „небесный пламень“ (VII, 33). Въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“ Бируковъ ни за что не соглашался пропустить два стиха о черкешкѣ:

Не много радостныхъ *ночей*
Судьба на долю ей послала,—

находя ихъ крайне неприличными и требуя, чтобы было напечатано: „Немного радостныхъ *ей одной* судьба на долю ниспослала“. Такъ и напечатали въ первомъ изданіи поэмы, не смотря на возраженія Пушкина, что нельзя сказать *ей одной* въ концѣ стиха, и что днемъ черкешенка не видалась съ плѣнни-

комъ. „И чѣмъ же ночь неблагопрістойнѣе дня?—спрашивалъ поэтъ.—Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры?“ (VІІ, 53). Эти и другія подобныя придирки нерѣдко вызывали у Пушкина очень энергическія выраженія (см. напр. VІІ, 82, о „Братьяхъ-разбойникахъ“) и заставляли его даже скрывать отъ цензуры свое имя: стихи его часто представлялись въ цензуру его друзьями, выдававшими ихъ за свои, и печатались безъ подписи: „старушку можно и должно обмануть,—писалъ поэтъ Бестужеву (VІІ, 32);—не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно; главное дѣло въ томъ, чтобы имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено“. Такимъ образомъ, поэтъ въ самомъ дѣлѣ былъ „послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишень“, если для того, чтобы сберець нѣсколько лишнихъ строчекъ въ томъ или другомъ стихотвореніи, ему приходилось отказываться отъ своего имени. Припомнимъ, наконецъ, его знаменитое „Первое посланіе къ цензору“ (I, 315), въ которомъ онъ такъ ярко изобразилъ печальное положеніе литературы и такъ энергично заявилъ требованіе просвѣщеннаго писателя:

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать!

Но вотъ, въ 1824 году, во главѣ министерства народнаго просвѣщенія является человекъ, который хотя и слыветъ старовѣромъ, но выказываетъ рѣшимость разорвать съ пропешшимъ, и энергически приняться за новое дѣло. При всей исключительности въ взглядахъ и понятіяхъ Шишкова, онъ отличался неподкупною честностью своихъ убѣжденій и, не смотря на крайнее, зловѣщее раздраженіе обскурантовъ противъ пишущей братіи, требовалъ огражденія литературы отъ невѣжественнаго произвола ея суровыхъ опекуновъ. „Необходимо нужно,—говорилъ онъ,—чтобы цензура составлена была изъ немалаго круга людей ученыхъ, честныхъ, благоразумныхъ, отъ которыхъ бы никакіе цвѣты не закрыли змѣю и, напротивъ, простая травка не казалась бы имъ змѣиными жалами... Слабая цензура будетъ пропускать вредныя внушенія, а строгая—не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ. Не довольно имѣть строгую цензуру, но надобно, чтобы она была умная и осторожная“ *).

Подобныя мысли, естественно, располагали представителей тогдашней литературы въ пользу ветерана-писателя, которому было ввѣрено главное управленіе цензурою. Пушкинъ, во второмъ посланіи къ цензору, указывая на „Наказъ“ Екатерины, какъ на лучшій законъ для цензуры, горячо привѣтствовалъ Шишкова, именно какъ уцѣлѣвшаго свидѣтеля екатерининскаго времени, и вслѣдъ за нимъ повторялъ своему официальному цѣнителю: „Будь строгъ, но будь уменъ“. Но, соглашаясь, что

*) *Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. Вып. II, 204—205.

Шишковъ оживилъ нашу литературу, Пушкинъ, въ то же время, не могъ скрыть своего недовѣрія къ ея силамъ. „Жаль, — говорить онъ, — la coupe était pleine. Бируковъ и Красовскій невтерпежь были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продолжаться... Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*. Оппозиція русская, составившаяся изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣнiе, которое я изподтишка поддразнивалъ, ожидая чего нибудь. А теперь, какъ позволять NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя и что любовь есть священное чувство, — вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ вратъ своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ...“ (VII, 79, 81).

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было надѣяться на силы этой литературы, въ которой еще все нужно было творить, начиная съ языка и слога, и которой еще не доставало самосознанiя въ видѣ критики.

„Мы не имѣемъ ни единого комментарiя, ни единой критической книги“, писалъ Пушкинъ въ 1825 году. Литература кой-какая у насъ есть, а критики — нѣтъ. Эти слова, въ примѣненiи къ тѣмъ жидкимъ и безсодержательнымъ обзорамъ „россiйской словесности“, какiе появлялись въ журналахъ 20-хъ годовъ, были совершенно справедливы, такъ какъ авторы этихъ обзоровъ стояли далеко позади литературнаго движенiя. Представители стариннаго классицизма, эти строгiе литературные формалисты, ополчались на Пушкина за то, что онъ сразу и такъ рѣшительно отказался отъ преданiй школьной пiитики; они видѣли въ немъ главу новаго литературнаго направленiя, — того нечестиваго „романтизма“, отрицающаго пригодность тѣсныхъ рамокъ творчества, который казался имъ порожденiемъ сатанинскаго, революцiоннаго духа. Нежеланiе подчинять поэтическое вдохновенiе мелочнымъ правиламъ допотопной „науки стихотворства“ было въ глазахъ этихъ людей едва ли не равносильно отрицанiю всякихъ правилъ общественнаго порядка, то есть — полной нравственной распущенности, при которой, говоря словами одного изъ литературныхъ старовѣровъ, поэзiя обращается въ вертепъ разбойниковъ. Упорно замыкаясь въ тѣсномъ кругу отжившихъ теорiй, критика 20-хъ годовъ, закоснѣлая въ сухомъ школьномъ педантизмѣ, продолжала твердить литературные зады и послѣдовательно договаривалась до положенiй самыхъ комическихъ. Дальше чисто-формальной, внѣшней точки зрѣнiя она и не хотѣла ничего видѣть, да и не могла ничего разглядѣть, и молодая литературная сила, сплотившаяся вокругъ Пушкина (кн. Вяземскiй, А. Бестужевъ и др.) только напрасно тратили свое остроумiе въ полемикѣ въ защиту новаго литературнаго направленiя, въ защиту свободы поэти-

ческаго творчества. Литературные „отцы и дѣти“ говорили на разныхъ языкахъ; они слишкомъ далеко расходились между собою въ воззрѣніяхъ на литературу—и какое бы то ни было соглашеніе представлялось, очевидно, невозможнымъ. Высокое художественное значеніе поэзіи Пушкина, точно такъ же, какъ и его идеи, оставалось непонятымъ и неопѣненнымъ; поэтъ былъ совершенно правъ, говоря, что „у насъ критика не имѣетъ никакой самостоятельности, и почти никакого вліянія на судьбу литературныхъ произведеній“; она „можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія“; но эти статьи „являлись отдѣльно, на разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постоянного вліянія. Время ихъ еще не пришло“. Какъ на характерную особенность литературныхъ сужденій своего времени, Пушкинъ указываетъ на отсутствіе общихъ руководящихъ началъ и на бездоказательность: „Критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь“ (V, 108—112). Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе читатели того времени въ отношеніи къ литературѣ стояли далеко впереди критики, и своимъ непосредственнымъ чутьемъ умѣли цѣнить выдающіяся произведенія гораздо вѣрнѣе своихъ журнальныхъ руководителей. То же явленіе повторилось, какъ мы увидимъ впоследствии, и въ 30-хъ годахъ, когда Пушкинъ выступилъ уже во всей силѣ и зрѣлости своего генія, когда онъ явился, во главѣ блестящей плеяды молодыхъ писателей, творцомъ нашей новой литературы, и когда остатки отжившихъ теорій были практически уже совершенно упразднены изъ литературнаго обихода.

При такомъ положеніи нашей критики, Пушкинъ, конечно, имѣлъ право не считаться съ ея мнѣніями, не обращать на нихъ серьезнаго вниманія, и если отвѣчалъ своимъ „журнальнымъ пріятелямъ“, то только эпиграммами. Гораздо внимательнѣе относился онъ къ русской литературѣ, никогда не теряя вѣры въ ея будущность. Однимъ изъ важныхъ залоговъ будущаго развитія считалъ онъ отсутствіе въ нашей литературѣ той приниженности и лести, какою характеризуется, напримѣръ, литература французская, про которую Пушкинъ говорилъ, что она „родилась въ передней“. — „Мы можемъ праведно гордиться, писалъ онъ Бестужеву: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія... Наши таланты благородны, независимы... О нашей лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ: son silence est une calamité publique“ (VII, 127).

Независимость—вотъ что больше всего цѣнилъ Пушкинъ въ писателѣ, и чего онъ требовалъ для литературы вмѣстѣ съ признаніемъ свободы поэтическаго творчества. Но для того, чтобы

писатель могъ быть свободенъ и независимъ въ своей дѣятельности, необходимо, чтобы литература приобрѣла самостоятельное положеніе, чтобы она перестала быть пріятнымъ препровожденіемъ времени „въ досужные отъ занятій часы“, и сдѣлалась бы жизненнымъ дѣломъ и источникомъ существованія для цѣлаго класса людей, всецѣло отдающихъ ей свои силы. Наша литература 20-хъ годовъ далека еще была отъ такой самостоятельности. „Не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ, говорить Пушкинъ: тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромя меня)—изъ тщеславія. Тамъ ѣсть нечего, такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего, такъ служи, да не сочиняй“ (VII, 171). Расширить кругъ читателей, вызвать въ обществѣ интересъ къ литературѣ, поставить ее, какъ службу общественную, наряду съ службой государственной, которая одна только и признавалась въ то время серьезнымъ дѣломъ, — вотъ въ чемъ видѣлъ Пушкинъ ближайшую цѣль литератора и, высоко цѣняя это званіе, самъ прежде другихъ и больше другихъ старался содѣйствовать возвышенію литературы. Изъ всѣхъ нашихъ писателей до Пушкина одинъ только Карамзинъ можетъ быть названъ литераторомъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, потому что онъ посвятилъ себя исключительно литературному и научному труду, отъ котораго получалъ и средства къ жизни; онъ первый высказалъ мысль, что литература есть такое же серьезное и полезное занятіе, какъ и служба государственная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію Пушкина, „показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ“. Пушкинъ въ этомъ отношеніи явился прямымъ продолжателемъ Карамзина: подобно Карамзину, онъ считалъ авторство единственнымъ своимъ занятіемъ, своими произведениями значительно увеличилъ число читателей и, смотря на литературу, какъ на великую силу образовательную, въ то же время видѣлъ въ ней и „видъ частной промышленности, покровительствуемой законами“ (VII, 278). Это покровительство законовъ должно прежде всего выразиться въ огражденіи права литературной собственности, которое, по отношенію къ Пушкину, очень часто и самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушалось. Не говоря уже о мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя безнаказанно перепечатывались альманашиками со списковъ, часто искаженныхъ, — одинъ чиновникъ III отдѣленія преспокойно перепечаталъ всего „Кавказскаго плѣнника“, прибавивъ къ поэмѣ нѣмецкій переводъ; Пушкинъ лишился такимъ образомъ трехъ тысячъ рублей, и нигдѣ не могъ найти управы на своевольнаго контрафактора. „Это былъ, говоритъ поэтъ, первый примѣръ плутовства“. За исключеніемъ „Исторіи“ Карамзина, которой 3000 экземпляровъ было раскуплено въ одинъ мѣсяць, ни одно сочиненіе не вызывало на нашемъ книжномъ рынкѣ такого спроса, какъ произведенія Пушкина; такимъ образомъ, онъ практически содѣйствовалъ и оживленію книжной торговли, и уста-

новленію понятія о литературной собственности. „Ради Бога, не думайте, говорилъ онъ, чтобъ я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риемача, или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно—просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость... Кромѣ независимости, я ничего не желаю, и увѣренъ, что при помощи мужества и терпѣнія, въ концѣ концовъ добьюсь ея. Я уже поборолъ въ себѣ неохоту писать стихи для продажи; самый важный шагъ, такимъ образомъ, уже сдѣланъ. Правда, я пишу подъ капризнымъ вліяніемъ вдохновенія; но разъ стихи написаны, я смотрю на нихъ уже только какъ на товаръ, по стольку-то за штуку,—и не понимаю, отчего друзья мои этимъ смущаются... Мнѣ надоѣло зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другого начальника,—я хочу принадлежать самому себѣ...“ (VII, 77, 77). „Смущеніе“ друзей Пушкина объясняется необычностью высказаннаго имъ взгляда на литературный трудъ, какъ на серьезную работу, которая должна быть оплачиваема. Они не могли понять, отчего Пушкинъ сердится за распространеніе его поэмъ въ рукописи раньше ихъ появленія въ печати; имъ казался страннымъ тонъ, какимъ дѣлалъ поэтъ свои предложенія журналистамъ: „Хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы („Кавказскій плѣнникъ“)? Длинною въ 800 стиховъ; стихъ шириною—4 стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобы товаръ не залежался“ (VII, 25). Въ то время писатели почти не знали гонорара, да и заводить о немъ рѣчь считали неприличнымъ, говоря, что цѣнить вдохновеніе на деньги, значило—унижать драгоценный даръ божества. Пушкинъ первый посмотрѣлъ на дѣло съ практической точки зрѣнія и прямо указалъ, что вдохновенное творчество—само по себѣ, а печать и книжная торговля—сами по себѣ:

Не продается вдохновенье,

Но можно рукопись продать,—

и не только можно, но и должно, потому что писатель такимъ образомъ удовлетворяетъ спросу публики, даетъ доходъ книгопродавцу и пріобрѣтаетъ средства, доставляющія ему независимость. Всѣ эти положенія, теперь уже для всякаго азбучнаго, въ то время нужно было еще серьезно доказывать и отстаивать,—и заслуга Пушкина въ этомъ отношеніи не подлежитъ спору. Онъ практически показалъ, что русскій писатель имѣетъ возможность добиться независимаго и почетнаго положенія въ обществѣ внѣ той узкой служебной сферы, которая въ тѣ времена считалась единственно возможнымъ поприщемъ дѣятельности. Онъ сознавалъ, что для того, чтобы представители литературы могли упрочить за собою такое положеніе, необходимо прежде всего поднять уровень самой литературы, и усилить интересъ къ ней въ обществѣ, слѣдовательно—сдѣлать это обще-

ство болѣе просвѣщеннымъ, развить въ немъ умственныя потребности. Въ этомъ и видѣлъ Пушкинъ ближайшую задачу русскаго писателя.

Такимъ образомъ, прежній романически-мечтательный идеаль „просвѣщенной свободы“ мало по малу принимаетъ для поэта опредѣленные очертанія, осязательную форму, соответствующую насущнымъ, жизненнымъ потребностямъ русской дѣйствительности; и высокая цѣль, и средства для ея достиженія все болѣе и болѣе выясняются.

При такомъ взглядѣ на положеніе и значеніе писателя, Пушкинъ, конечно, не могъ ужиться съ гр. Воронцовымъ, который не хотѣлъ видѣть въ немъ ничего другого, кромѣ коллежскаго секретаря, своего подчиненнаго, присланнаго на югъ для исправленія, и нерадиваго къ служебнымъ обязанностямъ. Положеніе Пушкина въ Одессѣ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Онъ, по собственнымъ его словамъ, „карабкался“, просился хоть на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ,—но получилъ рѣшительные отказы. „О, други, августу мольбы мои несите!“ говорить онъ въ письмѣ къ брату, повторяя свой стихъ изъ посланія къ Овидію,—и тутъ же прибавляетъ: „но августъ смотритъ сентябрь“ (VII, 43). „Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ августъ мѣсяцъ,—такъ и быть; а вѣдь непріятно сидѣть взаперти, когда гулять хочется“ (VII, 48). Въ началѣ 1824 года у поэта явилась даже мысль о побѣгѣ за границу: „Осталось одно, говорить онъ: писать прямо на его имя—такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К.; не то—взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится невтерпѣжъ“... То же мы видимъ и въ строфахъ первой главы „Онѣгина“:

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! взываю къ ней...
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вздыхать о сумрачной Россіи...

Но исполненію этого плана помѣшала—любовь:

Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я...

Эта же могучая страсть, надолго оставившая слѣды въ душѣ поэта, повидимому, ускорила и переимѣну въ его судьбѣ. Личныя отношенія Пушкина къ гр. Воронцову сдѣлались совсѣмъ невозможными, и поэтъ долженъ былъ отправиться „въ далекій сѣверный уѣздъ“.

Въ Михайловскомъ начинается для Пушкина новый періодъ дѣятельности. Заброшенный въ лѣсную глушь, лишенный общества, поэтъ отдаетъ все свое время занятіямъ литературнымъ,

погружается въ книги, въ изученіе русской старины, русскаго народнаго быта, ведетъ съ своими петербургскими друзьями непрерывную переписку обо всѣхъ вопросахъ текущей литературы, часто спорить съ ними, высказывая новыя мысли, чрезвычайно интересуется всѣмъ, что дѣлается въ литературѣ и, ничѣмъ не развлекаемый, посвящаетъ себя серьезному труду. Первое время жизни въ деревнѣ было для него крайне тяжело: „Я еще былъ молодъ, говорить онъ, вспоминая объ этомъ времени десять лѣтъ спустя, —

но уже судьба

Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ...
Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ,
Измѣнника—въ товарищѣ минутномъ,
И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,—
И ненависть, и грезы мести блѣдной...

Только упорный трудъ и поэтическое вдохновеніе помогли ему пережить эти тяжелые годы:

Поэзія, какъ ангель-утѣшитель,
Спасла меня...

Талантъ поэта растетъ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ, приобрѣтаетъ самобытность, и къ концу изгнанической жизни является уже во всей своей силѣ и блескѣ. Биографы и критики Пушкина говорятъ обыкновенно, что уѣзжая изъ Одессы на сѣверъ, поэтъ простился съ властителемъ своихъ думъ, Байрономъ. Дѣйствительно, въ его вдохновенномъ обращеніи „Къ морю“ въ могучемъ аккордѣ слились характерные звуки байроновской лиры: любовь къ природѣ, разочарованіе въ людяхъ, ненависть къ тирании и ложному просвѣщенію. Англійскій поэтъ, несомнѣнно, имѣлъ на Пушкина сильное вліяніе; но подражателемъ Байрона нашъ поэтъ въ это время уже не былъ. Выше мы отмѣтили приговоръ Пушкина надъ своимъ Алеко, — это рѣшительное осужденіе безнадежнаго эгоизма байроновскихъ типовъ; съ каждымъ шагомъ впередъ, нашъ поэтъ все болѣе и болѣе отдѣлялся отъ Байрона, и при всемъ своемъ поклоненіи его гению, никогда не былъ ни его послушнымъ кліентомъ, ни его паразитомъ.

Черта, глубоко раздѣляющая обоихъ поэтовъ, объясняется національными особенностями того и другого. Баронъ былъ чистокровный англичанинъ, а Пушкинъ—не менѣе чистокровный русскій человекъ „петербургскаго періода“. Нашему поэту были близки и понятны всѣ страданія цивилизованнаго человека, поставленнаго жизнью въ дикія условія; — страданія, краснорѣчивымъ выразителемъ которыхъ явился Байронъ; но среди всѣхъ этихъ страданій его никогда не покидала *вера въ будущее*, вѣра въ народныя силы, которой у Байрона, человека западнаго, совсѣмъ уже не было. Байронъ, поэтъ великой и

свободной человѣческой личности, съ каждымъ шагомъ все больше и больше удаляется отъ общества, замыкается въ самомъ себѣ, въ своемъ гордомъ презрѣннн къ людямъ, становится все болѣе и болѣе мрачнымъ и безпощаднымъ въ своей иронн надъ человѣческой толпой. Онъ не видѣлъ въ будущемъ ничего свѣтлаго, никакой надежды, и, подавленный горькими думами, чувствуя отвращенн къ европейскому обществу, для казни котораго онъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ, жертвовалъ своею жизнью народу „разбойниковъ и лавочниковъ“, которыхъ онъ считалъ достойными преемниками древнихъ эллиновъ. Пушкинъ, напротивъ, все болѣе и болѣе сближается съ обществомъ, близко принимаетъ къ сердцу его интересы, становится выразителемъ его стремленнй, привязывается къ своему родному, національному и въ немъ ищетъ вдохновенн. Въ противоположность „поэту гордости“, Байрону, Пушкинъ уже съ явною ироннею относится къ разочарованному эгоизму:

Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами—себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ—орудн одно...

Это не было-то „смирненн“ передъ дѣйствительностью, которое наши славянофильскн писатели старались возвести въ русскую національную добродѣтель,—потому что не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, мыслящнй человѣкъ и гениальный поэтъ примириться съ окружавшею его дѣйствительностью и добровольно подчиниться ея дикому складу; нѣтъ, это была только послѣдовательная смѣна прежняго отвлеченнаго, все отрицавшаго протеста другими, болѣе реальными стремленнми; это было желанн подойти поближе къ русской жизни, отыскать въ ней положительныя стороны, обѣщающн въ будущемъ перемѣну къ лучшему, уяснить самому себѣ тотъ путь, который могъ бы хоть нѣсколько приблизить общество къ осуществленню все того же завѣтнаго идеала; это была надежда на возможность воспользоваться существующими условнми жизни для того, чтобы дружною работою на поприщѣ просвѣщенн возвысить и облагородить эту жизнь. Наконецъ, съ точки зрѣнн чисто литературной, это было все болѣе и болѣе прояснявшееся сознанн той великой истины, что русская литература тогда только можетъ сдѣлаться могущею образовательною силою, когда она утратитъ свой отвлеченный характеръ и посвятитъ себя правдивому и живому изображенн жизни національной и народной. Въ этомъ направленн Пушкинъ началъ работать еще съ 1822 года, когда онъ набрасывалъ первые очерки „Онѣгина“,—произведенн, глубокое жизненное и национальное значенн, котораго было оценено только долгое время спустя послѣ смерти поэта.

П. О. Морозовъ.

ЗНАЧЕНІЕ ОТХОЖИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ ВЪ ЖИЗНИ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Экономическія невыгоды отхожихъ промысловъ. — Недостаточность заработка въ земледѣльской полосѣ. — Переполненіе юга рабочими и вліяніе этого обстоятельства. — Безработица во время неурожаевъ. — Борьба между рабочими изъ-за заработковъ. — Промыслы въ неземледѣльской полосѣ. — Ихъ особенность въ экономическомъ отношеніи. — Незначительность заработка наиболѣе многочисленнаго контингента рабочихъ, занимающагося грубыми промыслами. — Ихъ отношенія къ нанимателямъ. — Фабричныя рабочіе. — Ихъ экономическое положеніе; система вычетовъ, штрафовъ, ничтожность заработка. — Вліяніе отхожихъ промысловъ на земледѣльческое хозяйство уходящихъ крестьянъ. — Нѣкоторыя другія невыгоды отхожихъ промысловъ.

Очертивъ въ предыдущей статьѣ, на сколько намъ позволили имѣющіеся матеріалы, географическое распредѣленіе отхожихъ промысловъ, опредѣливъ степень участія въ нихъ разныхъ мѣстностей Россіи и указавъ главные ихъ виды и организацію, мы перейдемъ теперь къ выясненію того значенія, какое обнаруживаютъ отхожіе промыслы въ быту нашего сельскаго населенія, въ сферѣ его экономической, физической и нравственной жизни.

Обыкновенно говорятъ, что отхожіе промыслы служатъ важнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ быту въ тѣхъ случаяхъ, когда земледѣліе не вознаграждаетъ трудовъ крестьянина. Такъ Чаславскій замѣчаетъ: „Вездѣ, гдѣ хозяйство русскаго крестьянина не даетъ ему необходимыхъ средствъ для существованія и уплаты налоговъ, способомъ пополненія этого недостатка служатъ ему промыслы: мѣстные и отхожіе“. „Матеріалы для изученія современнаго положенія землевладѣнія и сельской промышленности въ Россіи“ (Спб., 1880 г.) также придаютъ отхожимъ промысламъ великое значеніе для крестьянскаго бюджета. Замѣтивъ, что заработки отъ отхожихъ промысловъ значительно превышаютъ сумму всѣхъ податей, „Матеріалы“ приводятъ въ примѣръ Тверскую губернію. „Общее число паспортовъ, выданныхъ въ 1875 г. въ этой губерніи, составляло 212,578, въ томъ числѣ: годовыхъ 62,603, полугодовыхъ — 78,775 и на срокъ

*) См. „Дѣло“ 1886 г. Ноябрь.

отъ 1 до 2 мѣсяцевъ—71,200. Если изъ общаго числа занимавшихся отхожими промыслами взять въ расчетъ только 78,775, уходившихъ на полгода, изъ коихъ каждый заработалъ не менѣе 40—70 рубл., отбросивъ годовыхъ, заработокъ коихъ и размѣръ высылаемой изъ него части на родину не извѣстенъ, а также уходившихъ на короткіе сроки, то и тогда общій размѣръ заработка составитъ отъ 3.150,000 р. до 5.510,000 р.; сумма же всѣхъ податей (за 1877 г.) составляла 4.332,353 р. Такимъ образомъ одни только заработки отъ отхожихъ промысловъ, и то не всѣ, покрыли съ избыткомъ лежащія на крестьянахъ повинности. Такіе примѣры, — прибавляютъ „Матеріалы“, — далеко не единичны“.

Судя по этимъ указаніямъ, можно подуматъ, что отхожіе промыслы являются чѣмъ-то весьма благотѣльнымъ для крестьянскаго населенія. Но, спрашивается, какою цѣною приобрѣтаются эти сторонніе заработки? не отражаются ли они въ концѣ концовъ неблагопріятнымъ образомъ какъ на матеріальномъ положеніи, такъ и на здравіи и нравственности крестьянскаго населенія, принужденнаго прибѣгать къ отхожимъ промысламъ, какъ къ средству пополненія своего скуднаго бюджета? Все это вопросы существенной важности, хотя на нихъ никто не давалъ еще обстоятельнаго отвѣта.

Обращаясь къ разсмотрѣнію вліянія отхожихъ занятій на экономическій бытъ населенія, намъ приходится прежде всего остановиться на заработкахъ отхожихъ рабочихъ. Въ этомъ отношеніи замѣчается большая разница между нечерноземною и черноземною полосами. Такъ какъ въ послѣдней преобладающей характеръ отхожихъ промысловъ земледѣльческій, слѣдовательно, господствующая форма труда отличается однообразіемъ, то между рабочими существуетъ сильная конкуренція. Интересы рабочихъ приходятъ во взаимное столкновеніе, особенно въ періодъ неурожая, когда предложеніе труда далеко превышаетъ спросъ. Невыгодное воздѣйствіе на заработки въ черноземной полосѣ почти исключительнаго занятія отхожихъ рабочихъ земледѣліемъ обнаруживается уже изъ простаго сопоставленія оплаты сельскаго труда *здѣсь* съ оплатою его въ *нечерноземномъ* районѣ въ весенній періодъ работы. Свѣдѣнія, публикуемыя департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности министерства государственныхъ имуществъ, показываютъ, что въ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ въ періодъ *весеннихъ* полевыхъ работъ трудъ вознаграждается плоше, чѣмъ на сѣверѣ. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что въ сѣверныхъ и среднихъ нечерноземныхъ губерніяхъ рабочему населенію достаются, между прочимъ, заработки отъ разныхъ промысловъ, вслѣдствіе чего это населеніе, во-первыхъ, не становится въ исключительную зависимость отъ найма на сельско-хозяйственныя работы, во-вторыхъ, къ веснѣ въ матеріальномъ отношеніи является болѣе обеспеченнымъ. На

югѣ же сельское населеніе, не имѣя зимнихъ заработковъ, ощущаетъ къ веснѣ болѣе нужды въ деньгахъ, и предложеніе рабочихъ рукъ здѣсь бываетъ сильнѣе. Лѣтомъ положеніе вещей измѣняется къ выгодѣ рабочихъ. Тутъ, впрочемъ, на вознагражденіе послѣднихъ оказываетъ вліяніе самый характеръ хозяйства — пространство луговъ и заготовка сѣна. Въ степной полосѣ, гдѣ производится покосъ степей, гдѣ сѣнокосы занимаютъ большія пространства, подневная плата повышается весьма значительно, доходя до 70—80 коп., а въ Таврической губерніи и Донской области даже до 1 рубля. Всего же сильнѣе заработная плата поднимается къ концу лѣтняго періода. Сильные жары ведутъ здѣсь къ быстрому созрѣванію хлѣбовъ, которое происходитъ иногда одновременно и требуетъ усиленнаго труда. Если при этомъ начинаются знойные вѣтры, иссушающіе зерно, то запозданіе въ уборкѣ ведетъ къ немалымъ убыткамъ. Отсюда становится понятнымъ сильное возвышеніе цѣнъ на рабочій трудъ въ концѣ лѣта въ южной полосѣ Россіи. Среднія цѣны за трехлѣтіе 1882—84 гг. стояли, напр., слѣдующія:

Бессарабская губ. 83 к., Херсонская 1 р. 5 к., Екатеринославская 1 р. 5 к., Таврическая 1 р. 10 к., Донская область 1 р. 40 к.

За Волгой, въ Самарской губ., средняя плата была гораздо ниже, равняясь всего 67 коп.

Въ виду того, что продолжительность уборки хлѣбовъ въ южныхъ степныхъ губерніяхъ весьма не велика, составляя для яровой пшеницы (главнаго хлѣбнаго растенія края) въ Херсонской губ. всего 21, а въ Таврической даже 16 дней, средней заработокъ сельскимъ пришлыхъ рабочихъ въ этихъ губерніяхъ долженъ получиться ограниченный. Правда, что рабочіе, получая такой заработокъ, пользуются еще хозяйскими харчами, но вѣдь немалая доля полученныхъ денегъ оставляется ими на обратномъ пути домой, для путевого продовольствія. Между тѣмъ заработокъ въ послѣдній лѣтній періодъ времени является на югѣ Россіи, какъ мы уже знаемъ, главнымъ доходомъ отхожихъ земледѣльческихъ рабочихъ.

Положеніе вещей представится въ еще менѣе благопріятномъ свѣтѣ, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что спросъ на рабочихъ и, въ зависимости отъ этого, размѣры ихъ заработка подвергаются сильнымъ колебаніямъ. Здѣсь играетъ большу роль степень урожая, который находится въ сильной зависимости отъ стихійныхъ вліяній, а также отъ разныхъ кузекъ, жучковъ и сусликовъ. По замѣчанію г. Семенова, чѣмъ дальше на востокъ и юго-востокъ, чѣмъ ближе къ степи, тѣмъ значительнѣе колебанія въ урожаяхъ. Въ западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ урожай на 20—25 проц. ниже или выше средняго довольно рѣдки; далѣе къ востоку и югу, въ нѣкото-

рыхъ нечерноземныхъ губерніяхъ и въ большинствѣ черноземныхъ, недоборъ или переборъ какого-нибудь хлѣба, превышающій 60 проц. противъ средняго, случается уже довольно часто, а еще далѣе на востокъ—за Волгою и на югъ—въ степныхъ губерніяхъ въ неурожайный годъ, большинство посѣвовъ не возвращаетъ и сѣмянъ, т. е. недоборъ противъ средняго приближается къ 100 проц., а въ урожайный годъ сборъ нѣкоторыхъ хлѣбовъ увеличивается сравнительно со среднимъ тоже на 100, такъ что предѣлы колебаній доходятъ до 200 проц. Прямымъ слѣдствіемъ такихъ сильныхъ колебаній урожаевъ на югъ и востокъ являются чрезвычайно сильныя пониженія и повышенія заработной платы. При обильномъ урожаѣ спросъ на рабочія руки сильно возрастаетъ, плата поднимается; при неурожаѣ же она страшно падаетъ, а для многихъ сводится даже къ нулю. Между тѣмъ наплывъ рабочихъ бываетъ большею частью одинаково сильный. „Немногіе годы выгодныхъ заработковъ обманули странствующихъ на югъ великоруссовъ, и теперь, когда у нихъ развилась уже привычка къ лѣтному передвиженію въ широкую степь, они бродятъ, руководствуясь одною слабою надеждою заработать себѣ нѣсколько рублей, необходимыхъ для уплаты повинностей“,—говорилъ одинъ сельскій хозяинъ, описывая „Экономическое положеніе Новороссійскаго края и войска Донскаго“ въ „Трудахъ В. Э. Общ“. Прежде, по его словамъ, не было и подобія такого, какъ теперь, наплыва рабочихъ, которые каждое лѣто затопляютъ всѣ улицы и площади Ростова на Дону, Мариуполя, Таганрога и Новочеркасска. „Положеніе, въ которомъ находятся рабочіе, отправляющіеся въ Новороссію, должно окончательно убѣдить всѣхъ въ раззорительномъ послѣдствіи для крестьянства отхожихъ промысловъ на рабочихъ, указываетъ босой батальонъ, размѣщающійся по окраинамъ города Ростова въ оврагахъ“...

Что всего печальнѣе, такъ это усиленіе наплыва рабочихъ на югъ при параллельномъ пониженіи урожаевъ и сокращенія спроса на рабочія руки въ зависимости отъ распространенія въ хозяйствахъ земледѣльческихъ машинъ. Въ прежнюю пору на косовицу въ Новороссійской губерніи ходили крестьяне губерній Черниговской, Полтавской, Курской и Воронежской, а въ настоящее время туда потянулись орловцы и тамбовцы; даже Смоленская, Минская и Могилевская губерніи начали высылать излишекъ своихъ рабочихъ силъ. Между тѣмъ спросъ на наемный рабочій трудъ долженъ сокращаться не только вслѣдствіе введенія въ хозяйствахъ земледѣльческихъ машинъ, къ которымъ стали прибѣгать даже крестьяне *), но и по причинѣ постепеннаго оскуденія южнорусской „житницы“. Въ настоящее время

*) Жатвенныя машины, „жатки“, имѣются не только въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, но и у многихъ крестьянъ. Въ одномъ с. Буурчужѣ, Мелитопольскаго уѣзда, на 200 дворовъ государственныхъ крестьянъ имѣется 63 „жатки“.

все чаще и чаще приходится наталкиваться на случаи безуспѣшныхъ поисковъ за работою. Въ 1884 году въ Херсонскую и Екатеринославскую губерніи явилась огромная масса рабочихъ, но такъ какъ, вслѣдствіе продолжительной засухи, надежды на урожай были плохи, то хозяева воздержались отъ найма, и большая часть пришедшихъ рабочихъ возвратилась безо всего домой. Въ томъ же году въ с. Каховкѣ, гдѣ обыкновенно производится наемъ рабочихъ для большей части Таврической губерніи, изъ 20,000 человекъ нанята была всего четвертая часть—остальные должны были возвратиться обратно. Но особенно неудачны были поиски за работами нахлынуваго на югъ крестьянскаго люда въ 1885 году. Характернымъ явленіемъ 1885 года,—говоритъ отчетъ департамента земледѣлія и сельской промышленности,—былъ почти повсемѣстный избытокъ рабочихъ рукъ. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ постоянный недостатокъ рабочихъ, въ отчетномъ году онъ ощущался слабо, или его вовсе не было. „Рабочіе, уходившіе на заработки въ южныя степныя губерніи и на сѣверный Кавказъ, въ виду плохого урожая въ этихъ мѣстностяхъ, вынуждены было вернуться, не найдя себѣ работы. Въ Заволжѣ хотя урожай былъ и лучше, но чрезмѣрный наплывъ рабочихъ и здѣсь въ избыткѣ насытилъ спросъ на трудъ. Такимъ образомъ, многія тысячи рабочихъ, ходившихъ на заработки, вернулись, не только ничего не заработавъ, но прохарчивъ и тѣ деньги, которыя взяли съ собою на дорогу (1885 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, вып. III, стр. 346). Подобными печальными свѣдѣніями о положеніи отхожихъ рабочихъ были наполнены и газеты. Въ „Харьковскія губернскія вѣдомости“ изъ Таганрога, напр., сообщали, что станціи желѣзной дороги въ Таганрогѣ, въ особенности же въ Ростовѣ на Дону, переполнены рабочими, возвращающимися съ юга, гдѣ они, по причинѣ неурожая, не получили работы. Своимъ видомъ они возбуждали общее состраданіе: исхудалые, оборванные, они должны были по дню и больше ожидать свободныхъ вагоновъ. Тѣ же исторіи повторились съ рабочими, отправившимися въ Крымъ и на Донъ. „По обыкновенію,—писали отсюда въ „Русскія Вѣдомости“,—съ наступленіемъ теплыхъ дней, къ намъ повалили изъ сѣверныхъ и среднихъ губерній толпы рабочихъ на лѣтніе заработки. Къ прискорбію, ожиданія громаднаго большинства не сбываются: вслѣдствіе полнѣйшей засухи, почти всюду на полуостровѣ всходы выгорѣли, и работы не хватаетъ даже для мѣстныхъ рабочихъ, о пришлыхъ же и говорить нечего: они ходятъ изъ одного пункта въ другой, но работы себѣ не находятъ. Положеніе ихъ самое ужасное: они наги и голодны“. „Нашъ базаръ,—сообщали „Недѣль“ осенью прошлаго года уже изъ третьей мѣстности южной Россіи, именно изъ области Донскаго войска (ст. Урюпинской),—переполненъ рабочими, сбѣжавшимися сюда

изъ разныхъ сосѣднихъ губерній въ чаяніи найти себѣ какую-нибудь работу, но работы нѣтъ. Народъ страшно обтрепанный, истомленный, худой, голодный. Нанимаются на самыя трудныя работы за безцѣнокъ; поденно работаютъ изъ-за харчей“.

Въ то время, какъ такія невзгоды испытывали крестьяне, отправившіеся на югъ, не меньшія лишенія претерпѣвали и тѣ, которые пустились на востокъ. Въ самарскомъ поволжьѣ, по причинѣ громаднаго наплыва рабочихъ изъ сѣверныхъ волжскихъ и камскихъ губерній, цѣны и рабочія руки упали очень низко. Рожь жали по 6 р., а пшеницу не дороже 8 руб. за десятину; на хозяйскомъ хлѣбѣ и своемъ приваркѣ. Вслѣдствіе этого, большая часть сельскихъ рабочихъ не заработала ничего, кромѣ денегъ на обратный проѣздъ; были и такіе, которые возвратились съ работы безъ копѣйки. „Толпы рабочихъ, не имѣя денегъ на проѣздъ, проѣвши въ Самарѣ свою послѣднюю одежду, не смотря на холодныя ночи при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, ночуютъ, — писали въ „В. Вѣстникъ“, — подъ открытымъ небомъ на берегахъ Волги и Самарки, зарабатывая себѣ насущное пропитаніе поденной работой и выпрашивая подаваніе Христовымъ именемъ. Улицы положительно запружены этими нищими-крестьянами, не нашедшими себѣ заработка ни въ полѣ, ни въ городѣ на пристани, гдѣ нагрузка хлѣба въ баржи почти совершенно прекратилась, вслѣдствіе мелководья на перекатахъ“.

(В. В. 1885 г., № 180) *).

Такимъ образомъ чрезмѣрное развитіе отхода для заработковъ на югъ и востокъ Россіи обнаруживаетъ весьма печальныя послѣдствія для рабочихъ, ведя ихъ къ обнищанію, доводя даже до могилы.

Зло, однако, этимъ не ограничивается. Постепенно увеличивающееся предложеніе рабочихъ рукъ, вызывая сильную конкуренцію среди самихъ рабочихъ, приводитъ къ открытой борьбѣ между ними. Недавно въ Бердянскѣ эта конкуренція разразилась, какъ извѣстно жестокимъ побоищемъ. Сюда, какъ сообщалось въ газетахъ, прибыло 3,000 рабочихъ изъ Курской губерніи. Появленіе этого люда сразу понизило цѣны за уборку хлѣба. Тогда бердянскіе мѣщане, также нанимающіеся въ сельскія работы, увидивъ, что ихъ расчеты на высокіе заработки, по винѣ пришлыхъ рабочихъ рушились, рѣшили раздѣлаться съ ними. Собравшись огромною толпою и вооружаясь камнями и дубьемъ, они напали на курянь. Цѣлыхъ 3—4 часа шла отчаянная схватка; все имущество и припасы пришлыхъ рабочихъ были уничтожены, до 60 повозокъ разбиты; многіе подверглись

*) За истекшій годъ официальныхъ свѣдѣній о результатахъ поиска отхожихъ земледѣльцевъ заработковъ пока не собрано, но, судя по нѣкоторымъ частнымъ сообщеніямъ, положеніе вещей въ 1886 г. было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не лучше чѣмъ въ предыдущемъ году. Немалая часть казанскихъ крестьянь, ушедшихъ на заработки въ Самарскую и Саратовскую губерніи, принуждена была, какъ говоритъ „Каз. Биржев. Листокъ“, возвратиться домой Христовымъ именемъ (1886 г., № 191).

серьезнымъ увѣщаньямъ. Усилія полиціи не могли положить конца побоищу, которое прекратилось только, когда прибыли солдаты. Подобное же побоище произошло нѣсколько позже въ с. Александровскомъ Гаѣ, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи. Урожай хлѣбовъ въ этой мѣстности въ 1886 г. оказался не обильнымъ, а между тѣмъ туда привалило польное число пришлыхъ рабочихъ. Мѣстные рабочіе, народъ чрезвычайно бѣдный, готовы были жать пшеницу по 4—5 руб. за десятину, пришлые же условитись дешевле 15 р. за такую работу не брать, а всякаго нарушителя этаго условія бить. Естественно, что между тѣми и другими произошла схватка. Дѣло началось сперва съ кулачекъ, а потомъ въ ходъ пошли и колья. Много народу было изуродовано, много избито. На бунтъ явился становой и урядникъ, пытаясь оостановить побоище, но толна набросилась на нихъ такъ, что они едва спаслись. Беспорядки были прекращены только военною силою. („Недѣля“ 1886, стр. 1143).

Эта экономическая неурядица, вызываемая поисками рабочаго люда за заработками вдали отъ родины, имѣетъ еще одну сторону, которую нельзя игнорировать. Отливъ рабочихъ на земледѣльческіе заработки отражается нерѣдко недостаткомъ рабочихъ рукъ на ихъ родинѣ. Такъ 1883 г. подобный недостатокъ, вслѣдствіе передвиженія рабочихъ въ черноморскія степи, на Кавказъ („на линію“) и къ низовьямъ Волги, сказался въ южныхъ уѣздахъ Воронежской губерніи. Мѣстами онъ давалъ себя чувствовать въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Курской, Орловской, Черниговской, Подольской, Пензенской, Симбирской и Саратовской. Наконецъ, отвлечение рабочихъ и, главнымъ образомъ, работницъ на табачныя плантаціи имѣло слѣдствіемъ ихъ недостатокъ въ Черниговской и Таврической губерніяхъ, а большое требованіе рабочихъ рукъ на свекловичныя плантаціи отразилось такимъ же недостаткомъ рабочей силы въ хозяйствахъ, расположенныхъ въ районѣ воздѣлыванія сахарной свекловицы въ губерніяхъ Кіевской и Подольской, частію также въ Курской и Харьковской. Этимъ отливомъ рабочихъ съ родины объясняется тотъ фактъ, что въ послѣдней нерѣдко цѣны на полевая работы поднимались до размѣровъ, превышавшихъ плату въ мѣстахъ отхожихъ заработковъ. Напр., въ 1883 году въ Саратовской губерніи, откуда крестьяне стремятся въ Самарскую, плата пѣшему рабочему была значительно выше, чѣмъ за Волгою. Такъ въ среднемъ, она составляла:

	За 1-й (весенній періодъ).	За 2-й,	За 3-й.
Въ Саратовской губ.	50 к.	75 к.	1 р. 10 к.
„ Самарской „	45 „	60 „	— „ 90 „

Отсюда можно вывести заключеніе, что оставшіеся на мѣстѣ рабочіе оказались въ выигрышѣ на счетъ ушедшихъ.

Изъ странствующихъ въ южныя губерніи рабочихъ въ зна-

чительно лучшемъ положеніи оказываются тѣ, которые промышленяютъ какою-нибудь „мастерщиною“, напр., плотники, каменщики и т. п. Они въ своихъ поискахъ за заработкомъ подвергаются значительно меньшему риску.

Переходя къ нечерноземной полосѣ, должно замѣтить, что чрезвычайное разнообразіе формъ отхожаго труда, доходящее мѣстами (напр., въ Ярославской губерніи) до того, что число различныхъ профессій превышаетъ 150, дѣдаетъ болѣе рѣдкими тѣ печальныя явленія, которыя мы видѣли, говоря о югѣ Россіи. Здѣсь не можетъ быть такой страшной конкуренціи, какъ тамъ, гдѣ господствуютъ земледѣльческія занятія и на одну и ту же работу являются десятки претендентовъ. Кромѣ того, неземледѣльческій рабочій не попадаетъ въ такую зависимость отъ стихійныхъ вліяній, какъ занимающійся хлѣбопашествомъ, другими словами, на своемъ промыслѣ онъ менѣе рискуетъ остаться безъ всякаго заработка. Безработица хотя и его иногда постигаетъ, но это случается съ нимъ рѣже, чѣмъ съ рабочимъ земледѣльческимъ *). Отсюда, однако же, никакъ не слѣдуетъ выводить заключенія, что положеніе отхожихъ рабочихъ нечерноземной полосы вполне удовлетворительно. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно изъ промышленяющихъ „мастерщиною“, успѣваютъ иногда достигать замѣчательнаго для крестьянина благополучія, но за то масса едва-едва сводитъ концы съ концами; много и такихъ, которые на своемъ промыслѣ претерпѣваютъ окончательное экономическое крушеніе и приходятъ въ конечное раззореніе.

Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи имѣется недостаточное количество матеріала относительно условій и оплаты труда рабочихъ въ разсматриваемой полосѣ. Систематическаго собиранія и свода данныхъ по этому предмету у насъ предпринято не было **). Приходится, поэтому, довольствоваться отрывочными свѣдѣніями, разбѣянными въ разныхъ выпускахъ „Трудовъ кустарной комиссіи“, дополняя ихъ нѣкоторыми цифрами изъ другихъ источниковъ.

*) Такая безработица была весной 1885 года въ Петербургѣ. „Съ утра и до вечера въ конторы разныхъ промышленныхъ заведеній и заводовъ, а также и въ частнымъ предпринимателямъ и хозяевамъ является толпа рабочихъ съ тревожнымъ вопросомъ: нѣтъ ли какого-нибудь мѣстечка? Въ отвѣтъ имъ говорить, что работъ нѣтъ, что всѣ мѣста заняты, что за неимѣніемъ дѣла даже нанятыхъ зимой рабочихъ теперь приходится разсчитывать. И вотъ рабочій человекъ, безуспѣшно поголовившись нѣсколько недѣль, отправляется на родину буквально безъ копейки денегъ, пѣшкомъ верстъ за 500, побираясь Христовымъ именемъ. На смѣну ушедшимъ являются изъ деревень новыя рабочіе, проѣдаютъ послѣднее и уходятъ назадъ. Вращающемуся среди промышленнаго люда приходится наблюдать такія сцены. По берегамъ Невы и ея притоковъ блуждаютъ партіи рабочихъ: судовщиковъ, кирпичниковъ, угольщиковъ, дровяниковъ, песочниковъ, магросовъ на судахъ и т. д.“ („Недѣля“ 1885, стр. 773).

***) За исключеніемъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, о которыхъ рѣчь впереди.

Въ „Трудахъ комиссіи“ мы находимъ довольно обстоятельныя данныя относительно чистыхъ заработковъ по Вятской и Костромской губерніямъ. Располагая эти заработки по ихъ величинѣ, получимъ слѣдующую таблицу:

Костромская губ.	Средн. зараб. Руб.	Костромская губ.	Средн. зараб. Руб.
Слесаря . . .	108	Шерстобиты . .	43
Торговцы . . .	104	Рабочіе на Волгѣ	33
Столяры . . .	91	Чернорабочіе . .	31
Мясники . . .	83	Сплавщики . . .	19
Маляры . . .	79		
Офени . . .	70	Вятская губ.	
Коновалы . . .	70	Плотники . . .	49
Копатники . . .	64	Бондари . . .	45
Бондари . . .	60	Лѣсопильщики . .	37 ¹ / ₂
Плотники . . .	60	Рудокопы . . .	31
Штукатуры . . .	56	Извозчики . . .	30
Овчинники . . .	52	Бурлаки . . .	23 ¹ / ₂
Печники . . .	50	Углежоги . . .	23
Портные . . .	47	Рогожники . . .	22
Стекольщики . .	44	Лѣсо-и-дроворубы	15 ¹ / ₂

Первое, что бросается въ глаза при разсмотрѣніи этой таблицы, это—лучшая оплата труда такихъ рабочихъ, которыхъ сравнительно немного (исключеніе только—плотники и занятія которыхъ не отличаются особою трудностью. Достаточно сравнить по Костромской губерніи только первыя цифры съ послѣдними, чтобы признать справедливость этого вывода. То же подтверждаютъ и данныя по Вятской губерніи: здѣсь преобладаетъ тяжелый, мускулистый трудъ, и размѣръ вознагражденія нигдѣ не достигаетъ такой высоты, до какой онъ доходитъ въ Костромской губерніи. Но цифры сами по себѣ еще мало знакомятъ съ дѣломъ. Если мы обратимъ вниманія на тѣ условія, которыми обставленъ трудъ рабочихъ, то удивимъ, что заработокъ наиболѣе многочисленныхъ изъ нихъ дается цѣною тяжкихъ усилій. Такъ, напримѣръ, лѣсо-и-дроворубы Вятской губерніи (ихъ считается до 27,000) получаютъ плату со 110 бревенъ или 1 кубической сажени дровъ, съ свозкою ихъ на „плотбища“. Если сопоставить эту плату съ количествомъ затрачиваемаго на промыселъ времени, то выйдетъ, что лѣсо-и-дроворубы получаютъ всего лишь около 17 коп. за день или около 35 коп. съ лошадыю. Скудость этой оплаты станетъ еще осязательнѣе, если принять въ соображеніе, что вырубка лѣса и дровъ требуютъ силъ не одного рабочаго: лѣсорубу помогаютъ и члены его семьи, причѣмъ работа производится въ самой антигигіеничной обстановкѣ. Надо еще прибавить, что лѣсопромышленники облагаютъ рабочихъ суровыми штрафами.

„Если во время пріема лѣса бревна окажутся ниже опредѣленныхъ по условію размѣровъ, а также кривостволие, гнилые и т. п., то лѣсопромышленники ихъ не принимаютъ; лѣсорубъ долженъ оставить каждое такое бревно въ пользу нанимателя бесплатно и, кромѣ того, заплатить за всѣ забракованныя бревна половину“. („Труды кустарной комиссіи“, вып. XI, ст. 146—7).

Посмотримъ теперь при какихъ условіяхъ приходится работать вятскимъ бурлакамъ. „Денегъ и припасовъ, получаемыхъ бурлаками при отправленіи въ путь съ мѣста жительства или пристани, едва достааетъ на необходимыя издержки. Если имъ достаается при окончательномъ расчетѣ отъ 1 до 6 руб., то нерѣдко случается, что на эти деньги невозможно доѣхать домой на пароходѣ. Поэтому, чтобы оставить нѣсколько денегъ въ карманѣ, бурлакъ долженъ добираться домой пѣшкомъ, питаясь подчасъ черствой коркой хлѣба“. Работы же бурлаковъ крайне трудны и отвѣтственны. Если, напримѣръ, плотъ разобьетъ бурей, то они должны поймать разбросанный лѣсъ и заняться устройствомъ плота вновь; если плотъ сядетъ на мель, его должны снимать съ мели не только бурлаки этого плота, но и другихъ того же хозяина. Работы они должны начинать съ разсвѣтомъ и оканчивать при наступленіи ночи, въ крайнихъ же случаяхъ работать и въ ночную пору. Въ довершеніе всего сроки службы бурлаковъ крайне не опредѣленны, потому что наниматели-лѣсопромышленники въ своихъ условіяхъ съ бурлаками или вовсе не означаютъ срока прибытія каравановъ, или назначаютъ срокъ очень отдаленный (напримѣръ, въ Саратовъ 1-го или 10-го октября). Бурлаки должны дѣлать остановки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ случится продажа лѣса—въ Симбирскѣ, Самарѣ, Вольскѣ и другихъ торговыхъ пунктахъ, дней по 5 въ каждомъ. Плата же имъ идетъ одна и та же, прибылъ ли плотъ или судно къ мѣсту назначенія въ іюнѣ или, вслѣдствіе остановокъ и задержекъ, только осенью. Бурлаки связываются большими неустойками. Напримѣръ, если они не являются, то подвергаются не только взысканію выданнаго задатка, но еще и штрафу въ размѣрѣ полной договорной платы. Если же бурлакъ несостоятеленъ, то, по условію, онъ долженъ заработать долгъ и неустойку бесплатною службою нанимателю на его плотахъ въ слѣдующемъ году. („Труды кустарной комиссіи“, вып. XI, стр. 72, вып. XII, стр. 553—4).

Огромная масса извозчиковъ, промышленяющихъ перевозкою товаровъ, занимается этимъ дѣломъ, повидимому, больше для того, чтобы лошади не стояли даромъ въ зимнее время: скармливаемое лошадямъ домашнее сѣно и овесъ окупаются провозною платою *). Но дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ, по крайней

*) Извозчики ѣздятъ обыкновенно по одному и тому же тракту, что даетъ имъ возможность оставлять въ опредѣленныхъ мѣстахъ запасы своего сѣна.

мѣрѣ, мѣстностяхъ гораздо выгоднѣе кормить лошадей яровою соломой, не изнуря ихъ трудомъ, избытки же овса продавать для податей, а сѣно поберечь къ началу весеннихъ работъ. Между тѣмъ большею частію выходитъ наоборотъ,—именно сѣно и овесъ скармливаютъ почти напрасно, лошади изнуряются, а съ началомъ полевыхъ работъ ихъ приходится кормить соломой или покупать сѣно. („Труды кустарной комиссіи“, вып. XI, стр. 149—150). „Извозчики часто не только что не получаютъ барыша, но остаются еще должными подрядчикамъ *), зато эти послѣдніе часто имѣютъ большіе барыши; если, напримеръ, въ его партіи только 40 лошадей, то онъ получить въ свою пользу около 111 р. 20 к.“

Точно такую же эксплуатацію труда встрѣчаемъ мы среди вятскихъ рудокоповъ и рогожниковъ. Рудокопы обыкновенно обязываются добыть руды отъ 800 до 1,000 пуд. за 3½ коп. съ пуда. При этомъ, сверхъ добыванія руды, рабочіе обязаны исполнять всѣ другія работы — крѣпить штольни, откачивать воду, рубить лѣсъ на скрѣпы и дрова для обжиганія руды и т. д. Если за зиму рудокопъ не успѣетъ вывезти изъ рудника руду, то она остается на храненіе до слѣдующей зимы, а рабочій получаетъ за нее половину контрактной платы. Зарботки же рудокоповъ въ вятскомъ краю таковы: если рудокопъ со своимъ семействомъ успѣетъ въ продолженіи зимы добыть 1,200 пудовъ руды, то получить 8 руб. 40 коп. въ мѣсяцъ на трехъ человѣкъ, или по 2 руб. 80 к. на *каждаго въ отдѣльности, при своихъ харчахъ*; въ противномъ же случаѣ на его долю достанется не болѣе половины и этой скудной платы. Нечего распространяться о томъ, что рудокопная работа самая тяжелая. „Стоитъ спуститься въ шахту и подышать тамошнимъ воздухомъ, наполненнымъ испареніями, дымомъ отъ лучинъ и вонью человѣческихъ изверженій, чтобы тотчасъ почувствовать головокруженіе и стѣсненіе въ груди. Кромѣ всего этого рудокопъ рискуетъ на промыслѣ и собственно жизнью.“ („Труды кустарной комиссіи“, вып. XI, стр. 73).

Рогожники, нанимающіеся для работы въ кулеткальныхъ заведеніяхъ, выработываютъ въ среднемъ чистаго дохода около 23 рублей за всю зиму, при 15-часовомъ трудѣ. При этомъ наниматели обязываютъ ихъ неустойками. Рогожникамъ даютъ мочало по вѣсу, какое попало, безъ всякаго выбора, а между тѣмъ отъ нихъ требуютъ, чтобы работа была исправная: забракованное издѣліе или оплачивается половинною цѣною, или же не цѣнится ни во что, и въ послѣднемъ случаѣ съ рогожника взыскивается еще за испорченное мочало.

Большія особенности представляетъ экономическій бытъ отхожихъ крестьянъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ.

*) Извозчики нанимаются не прямо у товароотправителей: посредникомъ является подрядчикъ,

Этотъ контингентъ рабочихъ образуетъ совершенно отдѣльный міръ съ своеобразными экономическими бытовыми условіями. Распространенность фабрикъ и заводовъ не въ одной только неземледѣльческой полосѣ, но повсемѣстно въ Европейской Россіи, не исключая самыхъ южныхъ губерній, придаетъ вопросу о положеніи фабричныхъ особое значеніе. На сколько можно судить объ этомъ положеніи по спеціальнымъ изслѣдованіямъ, оно весьма неудовлетворительно. Изъ отчета одного изъ фабричныхъ инспекторовъ, профессора Янжула, видно, что на фабрикахъ Московской губерніи рабочіе, будучи обременены многоразличными обязанностями, получая скудное вознагражденіе, были лишены до послѣдняго времени почти всякихъ правъ. По справедливому замѣчанію г. Янжула, фабричный рабочій располагалъ лишь однимъ правомъ — поступить на фабрику, тогда какъ хозяину принадлежало цѣлыхъ три, а именно: онъ могъ а) принять рабочаго на фабрику по письменному условію или по расчетному листу; б) отказать ему ранѣ истеченія срока найма, когда это казалось ему нужнымъ и в) подвергать рабочаго взысканіямъ — штрафамъ, вычетамъ изъ жалованья. На весьма многихъ фабрикахъ Московской губерніи, если рабочій оставлялъ фабрику раньше опредѣленнаго срока, онъ подвергался произвольнымъ вычетамъ, которые практиковались, впрочемъ, въ широкихъ размѣрахъ и въ другихъ случаяхъ. Вслѣдствіе того, что на большинствѣ нашихъ фабрикъ опредѣленныхъ сроковъ для расплаты съ рабочими не существовало, а сплошь и рядомъ конторы бывали должны рабочимъ за нѣсколько мѣсяцевъ, система вычетовъ могла быть примѣняема безъ всякаго стѣсненія. Такимъ образомъ, при оставленіи рабочимъ фабрики, конторою могла быть удержана болѣе или менѣе значительная часть заработка. Напротивъ того, самъ фабрикантъ располагалъ правомъ отказать рабочему отъ мѣста когда угодно. Хотя, по закону, онъ обязанъ былъ предупредить рабочаго объ ожидающемъ его отказѣ, но на практикѣ это требованіе закона соблюдалось весьма рѣдко. Затѣмъ во время пребыванія на фабрикахъ рабочіе подвергались самымъ разнообразнымъ штрафамъ. „На многихъ промышленныхъ заведеніяхъ, — говоритъ г. Янжуль, — мотивы и величина штрафовъ заранѣе не опредѣляются совсѣмъ, и стоитъ въ правилахъ только одна фраза: „замѣченные въ нарушеніи фабричныхъ правилъ штрафуются по усмотрѣнію хозяина“. Какъ значительны и разнообразны были штрафы, видно даже изъ того, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ за прогулъ *одного* рабочаго дня вычиталось *два*, а на другихъ цѣлыхъ *три*; тамъ, гдѣ система взысканій производилась деньгами, въ первый разъ рабочій за прогульный день штрафовался однимъ рублемъ, во второй — двумя, въ третій — тремя и т. д. Мало того: были фабрики, на когорыхъ за опозданіе на работу 5 — 15 минутами рабочій

подвергался вычету 1 часа, а за опозданіе свыше четверть часа четверть дня.

Но штрафы взымались не за одинъ прогуль. „Крайняя регламентація, опутывающая рабочихъ на каждомъ шагу и влекущая за собой крупныя болѣе или менѣе штрафы, уменьшающіе ихъ заработокъ, часто и безъ того небольшой, представляетъ собою весьма обычное явленіе на нашихъ фабрикахъ, а на нѣкоторыхъ достигаетъ, по истинѣ, своего рода виртуозности въ дѣлѣ разнообразія поводовъ къ штрафамъ“.

Подобная система штрафовъ, какъ явствуетъ изъ отчета г. Пескова, практиковалась и на фабрикахъ Владимірской губерніи. Здѣсь за прогульные дни и за уходъ съ фабрики ранѣе условленнаго срока, полагались слѣдующія взысканія: за прибытіе на фабрику послѣ звонка или свистка спустя 5, 10, 15 минутъ, штрафъ, равнявшійся одному рабочему дню; за прогуль цѣлаго дня — штрафъ въ размѣрѣ стоимости двухъ, а подчасъ и трехъ рабочихъ дней. За уходъ ранѣе условленнаго срока удерживался обыкновенно мѣсячный и двумѣсячный или даже полуторамѣсячный заработокъ. Взысканія и штрафы особенно сильно развиты были на ткацкихъ мануфактурахъ, гдѣ ими были обложены всякія мелочныя опущенія и недостатки въ работѣ.

Въ извѣстной связи со штрафами находилась праздничная работа на фабрикахъ, или вѣрнѣе отказъ отъ такой работы, гдѣ она не являлась постоянной. По условіямъ, упоминаемымъ во многихъ разсчетныхъ книжкахъ, рабочіе, какъ свидѣтельствуемъ г. Янжуль, обязаны были отнюдь не отказываться отъ такихъ работъ по первому же требованію хозяина; если рабочій не являлся, его ожидалъ штрафъ.

Всѣ деньги, собиравшіяся путемъ штрафовъ, поступали до сихъ поръ обыкновенно въ полное распоряженіе самого хозяина и, по значительности ихъ суммы, могли дѣлаться для него немаловажнымъ источникомъ добавочнаго дохода. Общее количество штрафовъ на многихъ фабрикахъ Владимірской губерніи достигало тысячъ рублей. На одной изъ нихъ, напр., въ теченіи года штрафныхъ денегъ накопилось 6,287 р., или около 5 руб. на cadaго рабочаго, на другой — до 8,000 р. и т. д.

Система штрафовъ, какъ показываетъ въ своемъ отчетѣ по кievскому фабричному округу г. Новицкій, процвѣтала въ широкихъ размѣрахъ и въ югозападномъ краѣ на тамошнихъ свеклосахарныхъ заводахъ. За несвоевременное прибытіе рабочаго на работу, за прогульные дни, отказъ отъ работы, переходъ отъ одной работы на другую, замѣну себя другимъ рабочимъ, безъ согласія администраціи, рабочіе подвергались штрафу: въ первыхъ двухъ случаяхъ по 50 к. за каждый день, а въ послѣднихъ такому же штрафу за каждый разъ. Такъ какъ дневной заработокъ рабочаго едва достигаетъ половины этой

суммы, то можно себѣ представить, какъ тяжело ложился штрафъ на рабочаго. На нѣкоторыхъ заводахъ штрафъ за прогульные дни замѣнялся отработкою, именно двумя днями за одинъ. Штрафы налагались по усмотрѣнію заводской администраціи за слѣдующіе поступки: „противорѣчіе“, „ослушаніе“, „грубость“, нечестное поведеніе, „худое качество“.

Чрезвычайная отяготительность штрафовъ для рабочихъ будетъ еще виднѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что плата получалась рабочими еще вдобавокъ крайне неопредѣленно. Расплата съ рабочими на большинствѣ фабричныхъ заведеній, обследованныхъ г. Янжуломъ, производилась нерегулярно, совершалась въ неопредѣленные сроки, что усугубляло зависимость рабочихъ отъ предпринимателей. Изъ всѣхъ осматрѣнныхъ г. Янжуломъ 180 промышленныхъ заведеній правильный расчетъ какъ оказалось, практиковался лишь на 71.

Новымъ закономъ о рабочихъ, злоупотребленіе штрафами со стороны фабрикантовъ и заводчиковъ парализовано, точно также рабочіе гарантированы относительно своевременнаго полученія платы. Закономъ этимъ опредѣлено, что штрафы должны поступать на составленіе особаго по каждой фабрикѣ капитала, предназначеннаго для удовлетворенія нуждъ рабочихъ. Такимъ образомъ, теперь фабрикантамъ уже не представляется искушенія штрафовать рабочихъ съ цѣлью увеличенія собственныхъ доходовъ. Но не слѣдуетъ думать, чтобы, благодаря новому закону, судьба рабочихъ въ настоящее время была совершенно обезпечена. Заработная плата, разумѣется, останется такою же мизерною, какою была до сихъ поръ. Сопоставляя размѣры вознагражденія, которымъ оплачивается трудъ рабочихъ у насъ, въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ штатахъ, г. Янжуль нашель, что американская плата превышаетъ русскую на 100—400 проц. въ отношеніи мужскаго труда, на 300 проц. въ отношеніи женскаго; превышеніе же надъ нашею англійской составляетъ отъ 50 до 300 проц. въ первомъ случаѣ и отъ 150 до 250 проц. во второмъ. Г. Янжуль для сравненія беретъ фабрики московскаго района. Но въ другихъ мѣстахъ плата нисколько не выше, если только не ниже *).

*) На 15-ти обследованныхъ г. Новицкимъ свеклосахарныхъ заводахъ кіевскаго фабричнаго округа плата рабочимъ колеблется отъ 5 до 7½ руб. въ мѣсяцъ. Только на двухъ заводахъ она достигаетъ 7 р. 50 в. Такъ какъ рабочій день продолжается 12 часовъ, то рабочему придется за 12-ти часовой трудъ отъ 16 до 25 в. За все время производства, продолжающагося 3—3½ мѣсяца, весь заработокъ составляетъ 15—26 руб. Но и этихъ денегъ рабочему не приходится получать на руки. Дѣло въ томъ, что „наемъ рабочихъ совершается въ то время, когда сельское населеніе наиболѣе нуждается въ деньгахъ, ради которыхъ рабочій принимаетъ на себя всевозможныя обязательства“. При этомъ рабочіе „во многихъ случаяхъ забираютъ при заключеніи условій весь свой будущій заработокъ“, который нерѣдко тутъ же уходитъ на погашеніе повинностей. Такимъ образомъ, пришлый рабочій трудится на заводахъ только за пропитаніе. Случается, что, при сокращеніи срока производства, онъ не успѣваетъ отработать даже своего задатка за одну кампанію.

Одно изъ наиболѣе печальныхъ явленій жизни фабричныхъ — постоянная задолженность ихъ харчевымъ лавкамъ. Широкий кредитъ, открываемый имъ въ фабричной лавочкѣ, ведетъ къ тому, что въ ихъ пользу въ концѣ года нерѣдко не только ровно ничего не очищается, но еще они сами оказываются кругомъ въ долгу. Профессоръ Янжуль приводитъ поразительный примѣръ, какъ рабочій, заработавъ въ продолженіи года 155 р. 75 к., оказался въ долгу лавкѣ на 11 р. 8 к.

„Харчевыя лавочки“, впрочемъ, находятся не при всѣхъ фабрикахъ. Въ Московской губерніи, если эти лавки существуютъ внѣ столицы, въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ, то въ самой Москвѣ онѣ составляютъ рѣдко исключеніе, такъ что рабочіе забираютъ припасы изъ вольныхъ лавокъ. Но при этомъ хозяинъ или фабричная контора указываютъ рабочимъ тѣ мясные, мясные и колониальные лавки, гдѣ они могутъ дѣлать заборъ нужнаго имъ товара въ долгъ, подъ гарантію конторы; за это они пользуются извѣстною „благодарностью“ со стороны лавочниковъ (въ размѣрѣ 5—10 коп. съ рубля). Самые припасы, забираемые фабричными въ харчевыхъ лавочкахъ, обходятся имъ гораздо дороже, чѣмъ въ вольныхъ: цѣны на нихъ превышаютъ обыкновенныя рыночныя, нерѣдко на 20 проц., дохода иногда до 80. Въ довершеніе обирательства рабочихъ значительная доля заработанныхъ ими денегъ попадаетъ въ карманы артельныхъ старостъ. Заборы въ лавкѣ производятся при посредничествѣ послѣднихъ, за что они и пользуются извѣстнымъ процентомъ.

По новому закону о фабричныхъ рабочихъ, хотя и вычеты изъ заработка на уплату долговъ воспрепятствуются, но къ числу этихъ долговъ не относятся расчеты за продовольствіе рабочихъ и снабженіе ихъ предметами изъ фабричныхъ лавокъ. Такимъ образомъ злоупотребленія фабричныхъ властей относительно рабочихъ, принужденныхъ обращаться въ харчевыя лавки, имъ не устраниются.

Если всѣ условія фабричнаго труда направлены къ тому, чтобы рабочіе получали какъ можно меньше, а издерживали больше, то неудивительно, что хозяева не помышляютъ о развитіи въ средѣ рабочихъ наклонностей къ сбереженію, какъ это практикуется на нѣмецкихъ фабрикахъ и заводахъ. Напротивъ того, у насъ, хотя и рѣдко, замѣчается совершенно обратное явленіе: нѣкоторые изъ отечественныхъ фабрикантовъ не стѣсняются снабжать рабочихъ деньгами въ ростъ* подъ весьма солидные проценты. До какихъ гигантскихъ размѣровъ доходятъ

---

*Такой рабочій надолго остается должникомъ нанIMATEЛЯ; долгъ обыкновенно приписывается къ новому задатку, чѣмъ и объясняется слишкомъ крупныя цифры ихъ“. Но пришлые рабочіе хотя живутъ на готовыхъ харчахъ, а вотъ мѣстные, при платѣ по 7 р. 75 к., должны еще продовольствоваться сами. (Отчетъ г. Новицкаго, стр. 20, 21, 24, 25).

иной разъ эти проценты, можно видѣть изъ того, что на одной фабрикѣ въ с. Тушинѣ, прославившейся гибелью во время случившагося на ней пожара нѣсколькихъ рабочихъ, ссуды выдавались за 10 проц. въ мѣсяць.

Таковы-то экономическія условія, которыми обставлены отхожіе рабочіе, попадающіе на фабрики и заводы. Только крайняя, безвыходная нужда, полная невозможность существованія однимъ земледѣліемъ и незнаніе никакого ремесла можетъ гнать крестьянъ изъ ихъ деревень въ двери фабрикъ. Но неустойчивость нашей фабрично-заводской промышленности, то и дѣло подвергающейся общимъ и частнымъ (въ отдѣльныхъ отрасляхъ) кризисамъ, дѣлаетъ эфемерною и обезпеченность и того существованія, которое даетъ отхожимъ рабочимъ фабричный трудъ. Выше, говоря о промыслахъ черноземной полосы, мы указали на огромную зависимость зарботковъ крестьянъ отъ урожая. Въ извѣстной степени зависимость эта замѣчается и въ фабрично-заводской промышленности. Такая мысль можетъ показаться, на первый взглядъ, парадоксальною, но если вникнуть въ нее глубже, ее нельзя будетъ не признать правильною. Дѣло въ томъ, что наши фабриканты находятъ сбытъ почти исключительно внутри страны: за границу ихъ, какъ извѣстно, отпускается весьма мало. Спросъ же на фабрикаты у насъ зависитъ отъ урожая и вывоза хлѣба въ иностранныя государства: когда урожай хорошъ, спросъ на хлѣбъ за границу великъ, цѣны на него значительны—требованія на отечественныя фабричныя издѣлія въ сельской средѣ возрастаютъ, фабрики усиливаютъ производство, привлекая массу рабочихъ. Объединіе земледѣльческаго класса, подъ вліяніемъ усилившихся и участившихся неурожаевъ, упадокъ вывоза хлѣба за границу и пониженіе на него цѣнъ слѣдуетъ, кажется, признать первостепенными причинами плохого положенія нашей фабрично-заводской промышленности. За послѣднее десятилѣтіе случаи сокращенія производства и закрытія фабрикъ цѣлыми десятками, сдѣлались явленіями заурядными. Можно было бы привести въ доказательство этого множество фактовъ. Но мы сошлемся на факты закрытія въ прошломъ и текущемъ годахъ. Въ одномъ г. Серпуховѣ, послѣ ликвидаціи дѣлъ нѣсколькими крупными фабричными фирмами (Игнатова, Карпова и Сѣрикова), съ 1-го апрѣля прошлаго года прекратила свои операціи еще одна и притомъ самая солидная и самая обширная фирма—бр. Третьяковыхъ. Можно себѣ представить, какъ отражаются подобныя кризисы на участи рабочихъ постоянныхъ и пришлыхъ. Очень сильно, поэтому, ошибаются тѣ, которые высказываютъ мнѣніе, что наши фабрики и заводы „обезпечиваютъ“ существованіе массы рабочаго люда. Такое мнѣніе, если можетъ быть принято, то съ большими оговорками.

Кромѣ неудовлетворительности оплаты, невыгодная въ эко-

номическомъ отношеніи сторона отхожихъ промысловъ заключается въ непроизводительной потерѣ времени на путь и затрагахъ въ теченіи его на содержаніе. Особенно это можно сказать про массовыя передвиженія земледѣльческихъ рабочихъ. Крестьяне черноземной полосы отправляются, какъ мы уже видѣли, на заработки въ степныя губерніи большею частію пѣшкомъ, затрачивая на путешествіе только въ одну сторону недѣли 1—3 и больше. Но и достигнувъ мѣста, они не вдругъ находятъ работу. Такимъ образомъ, теряется попусту масса времени. Въ сѣверной, нечерноземной полосѣ дѣло передвиженія рабочихъ поставлено нѣсколько лучше. Они пѣшкомъ ходятъ рѣже, а пользуются частью водянымъ сообщеніемъ, частью желѣзными дорогами. Выигрывая во времени, они издерживаютъ больше денегъ. Г. Андреевъ, въ своей статьѣ „Характерныя черты кустарной промышленности“ (XIV вып. „Трудовъ кустарной комиссіи“), сравнивая кустарные промыслы съ отхожими, между прочимъ, замѣчаетъ, что въ Буйскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, изъ 30,000 мужск. населенія на промыслы уходятъ 5,600 мужчинъ; они зарабатываютъ отъ 495,000 до 930,000 р., а расходуютъ въ пути отъ 112,000 до 365,836 рублей; изъ Костромскаго уходятъ 6,270, зарабатывающихъ 760,619 р. и тратящихъ въ дорогѣ 414,535 р. Эти цифры, впрочемъ, надо считать увеличенными. Г. Тилло, на котораго ссылается г. Андреевъ, показываетъ путевыя издержки вмѣстѣ съ расходами на содержаніе во все время отлучекъ. Во всякомъ случаѣ, затраты отхожихъ рабочихъ, вызываемыя ихъ промысломъ, слѣдуетъ считать весьма солидными по сравненію съ тѣмъ, во что обходится содержаніе отдѣльно взрослого члена крестьянской семьи дома. Размѣры этихъ затратъ, однако, сильно разнообразятся смотря по роду занятій и степени работка.

Посмотримъ теперь, какъ отражаются отхожіе промыслы на собственномъ сельскомъ хозяйствѣ отхожихъ рабочихъ, если только эти рабочіе не принадлежатъ къ числу ничего не имѣющихъ бобылей. Обыкновенно говорятъ, что побудительною причиною отхода именно и является неудовлетворительность этого хозяйства, невозможность существованія имъ однимъ. Это, безъ сомнѣнія, справедливо, и многимъ крестьянамъ отхожіе промыслы доставляютъ поддержку хозяйства. Но у всякой медали есть оборотная сторона. Нерѣдко бываетъ, что одно явленіе, вытекающее, какъ слѣдствіе изъ другого, само вызываетъ результатъ, аналогичный съ послѣднимъ. Бѣдность, напр., порождаетъ часто пьянство, но это послѣднее, въ свою очередь, также служитъ нерѣдко источникомъ бѣдности. Въ отношеніи отхожихъ промысловъ можно подмѣтить нѣчто подобное. Если крестьянъ побуждаетъ искать отхожихъ заработковъ неудовлетворительность ихъ хозяйства на родинѣ, то и самый отходъ

способствуетъ ихъ упадку. Въ самомъ дѣлѣ, къ отхожимъ промысламъ прибѣгаетъ здоровая, полная силъ часть мужского населенія нашихъ сель и деревень. Все домашнее хозяйство оставляется, вслѣдствіе этого, въ большинствѣ случаевъ на попеченіе стариковъ, женщинъ и подростковъ. Въ селеніяхъ, откуда уходятъ на сторонніе заработки значительное число рабочихъ, нерѣдко можно видѣть за обработкою земли бабъ, которыя сами и пахутъ, и сѣютъ, и боронятъ. Такъ изъ „Трудовъ комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи“ (в. XIV) видно, что въ Костромской губерніи, во всѣхъ почти мѣстностяхъ съ развитыми отхожими промыслами, обработка земли оставляется на руки женщинамъ и старикамъ. Въ Орловскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи отхожими промыслами занято 19,856 душъ, въ томъ числѣ несовершеннолѣтнихъ и дѣтей 3,312 и женщинъ 262. „Такой отливъ взрослога населенія, конечно, не можетъ не вліять на сельское хозяйство, такъ какъ уходомъ за почвой и полевыми работами занимается меньшее число рукъ, и очень часто всѣ эти работы исполняютъ почти исключительно женщины, оставляя безъ присмотра свой домъ и дѣтей, вслѣдствіе чего не только разстраивается и безъ того неудовлетворительное хозяйство, но и дѣти отъ плохого ухода слабѣютъ физически и изъ нихъ впослѣдствіи выходятъ слабые работники. Такимъ образомъ, отхожіе промыслы, производимые въ лѣтнюю, рабочую пору, за немногими исключеніями, не улучшаютъ экономическое состояніе, а, напротивъ, могутъ приносить крестьянамъ вредъ въ физическомъ, матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ“. („Труды кустарной комиссіи“, в. XII, стр. 549).

Подобныя же явленія наблюдаются и въ Ярославской губерніи. Что они присущи не одной средней и сѣверной Россіи, а существуютъ и на югѣ, въ черноземной полосѣ, въ этомъ удостовѣряютъ насъ изслѣдованія г. Добротворскаго по Курской губерніи. Насколько неудовлетворительна бываетъ обработка земли въ слабыхъ женскихъ и стариковскихъ рукахъ, объ этомъ нѣтъ надобности много распространяться. Если бы въ положеніе женщины, на которую возлагается веденіе всего хозяйства, поставилъ самаго здороваго мужика, то и онъ едва ли бы оказался въ состояніи сладить толкомъ съ трудною задачею, выпадающею на долю первой. При нормальномъ ходѣ сельскихъ работъ существуетъ извѣстное раздѣленіе труда: мужики пахутъ, сѣютъ, боронятъ, женщины жнутъ, занимаясь уходомъ за скотомъ и домашнимъ хозяйствомъ. Но если бы здороваго работника заставить продѣлывать всѣ эти работы, онъ выбился бы изъ силъ. Естественно, что при веденіи всего хозяйства женщинами да стариками, обработка земли должна сильно страдать. Вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо должны происходить упущенія въ домашнемъ хозяйствѣ, въ уходѣ за дѣтьми, которыя, оставаясь

безъ всякаго призора, становятся легче жертвами болѣзней, увѣчій и т. д.

Нѣкоторыми изслѣдователями народной жизни была высказана мысль, что слѣдствіемъ отхожихъ промысловъ являются крестьянскіе раздѣлы. Крестьянская молодежь уходитъ на фабрики и заводы, въ услуженіе, пристраивается къ торговымъ и промышленнымъ заведеніямъ, и вотъ здѣсь-то, вкусивъ плодовъ городской жизни, теряетъ мало-по-малу всякую связь съ семьею, усваиваетъ новыя привычки и понятія, пріобрѣтаетъ наклонность къ независимой жизни. Подобныя личности, возвращаясь въ деревню, вносятъ въ окружающую среду сѣмена раздора, антагонизма, которыя съ теченіемъ времени разрастаются до такихъ размѣровъ, что дальнѣйшее сожителство членовъ семьи становится невозможнымъ. Отсюда, какъ полагають, и являются раздѣлы, ослабляющіе, по мнѣнію многихъ, рабочую производительную силу семей. Эти соображенія имѣють свои основанія. Можно допустить, что продолжительныя отлучки изъ дома, пріучая рабочаго къ самостоятельной жизни, дѣйствительно развивають въ немъ духъ индивидуализма и независимости, который дѣлаетъ его уже неспособнымъ, переносить суровыя условія жизни большой крестьянской семьи, гдѣ деспотизмъ проявляется часто въ весьма рѣзкой формѣ. Съ другой стороны, именно эти стѣснительныя условія семейной жизни побуждають подчасъ молодыхъ крестьянъ искать счастья на далекой сторонѣ. „Молодые ребята, сообщила графиня О'Руркъ изъ Щигровскаго уѣзда Курской губ., гурьбою отправляются въ Таврію (въ Таврическую и Екатеринославскую губерніи), лишь бы избавиться отъ контроля старшихъ; часто они совѣмъ не приносятъ денегъ въ свою семью, именно, въ тѣ годы, когда бываетъ большой наплывъ рабочихъ, или когда, по случаю неурожая, нѣтъ возможности заработать деньги. Не смотря на неудачи, путешествіе ежегодно возобновляется“... (Тр. И. В. Э. О. 1879, дек.). Лучшимъ разъясненіемъ вопроса о вліяніи отхожихъ промысловъ на крестьянскіе раздѣлы, однако, должны служить статистическія данныя, которыя не говорятъ безусловно въ пользу того мнѣнія, что развитіе отхожихъ промысловъ влечетъ за собою усиленіе раздѣловъ. Если бы это вліяніе существовало, то наибольшее число раздѣловъ должно было бы приходиться на тѣ именно мѣстности, гдѣ отхожіе промыслы распространены всего сильнѣе, именно, на губерніи Рязанскую, Тверскую, Владимірскую, Калужскую, Костромскую, Курскую, Московскую, Нижегородскую, Орловскую и т. п. Между тѣмъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ о крестьянскихъ раздѣлахъ за періодъ 1861—1862 гг., оказывается, что въ этихъ губерніяхъ число раздѣлившихся было вовсе не такъ значительно, какъ въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ отхожіе промыслы представляютъ слабое развитіе. Такъ на 1,000 жителей раздѣловъ приходилось:

въ Рязанской губерніи—55,4, Тверской—48,8, Владимірской—44,5, Калужской—50,0, Костромской—47,1, Курской—40,4, Московской—36,3, Нижегородской—44,3, Орловской—47,0 между тѣмъ въ Витебской губ. раздѣловъ было 64,2, въ Минской—45,4, въ Могилевской—56,2.

Неблагопріятное дѣйствіе отхожихъ промысловъ, какъ видно изъ всего предыдущаго, сказывается въ весьма разнообразныхъ проявленіяхъ. Оно особенно сильно даетъ себя знать, когда къ крестьянамъ примѣняется обязательная отдача на заработки для уплаты недоимокъ. Этотъ новый видъ барщины, къ сожалѣнію, распространенъ, повидимому, довольно сильно, не ограничиваясь какою либо одною мѣстностью. Практикуется онъ и на сѣверѣ, и въ срединѣ, и на востокѣ Россіи. По словамъ г. В. Лохтина, автора статьи „Сплавъ горнозаводскихъ матеріаловъ“ („Русская Рѣчь“ 1880, сентябрь), для сплава этихъ матеріаловъ по р. Чусовой требуется большое число рабочихъ. Такъ какъ этого числа прибрежное чусовское населеніе дать не можетъ, что большая часть рабочихъ нанимается изъ другихъ мѣстностей, преимущественно въ Кунгурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, въ Вятской, Лаишевскомъ у. Казанской. Всѣ эти мѣстности землевладѣльческія; какихъ либо промысловъ, которые давали бы крестьянину возможность заработать денегъ для уплаты податей, въ нихъ не существуетъ, — а такъ какъ земледѣліе здѣсь въ весьма плохомъ состояніи, то и подати уплачиваются неисправно. Вотъ этихъ-то недоимщиковъ волостныя правленія и записываютъ на чусовской сплавъ. Плата рабочимъ назначается при этомъ отъ 8 до 12 руб., смотря по тому, куда идетъ грузъ. При „наймѣ“ половина или даже большая часть денегъ передается въ распоряженіе волостного правленія въ зачетъ податей, такъ что на руки рабочему приходится получить все рубля 3—4, въ томъ числѣ 1 рубль по приходѣ на пристань, а 2, иногда и того меньше—въ Перми, по окончаніи сплава. Разумѣется, „харчи хозяйскіе“. Вредъ такой барщины тѣмъ болѣе великъ, что подневольные рабочіе, получая ничтожное вознагражденіе, не только отрываются отъ своего сельскаго дѣла, когда рабочія руки въ деревнѣ особенно нужны, но даже нерѣдко рискуютъ поплатиться жизнью, проводя караваны судовъ черезъ пороги р. Чусовой. Необходимость не упустить время сельскихъ работъ побуждаетъ рабочихъ, какъ только сплавъ затянется долѣе 1 мая, забирать котомки и массами возвращаться домой: пропустивъ срокъ обработки земли, они рискуютъ остаться на цѣлый годъ безъ хлѣба. Въ такихъ случаяхъ оказываются бесполезными всякія увѣщанія и угрозы.

Такимъ же подневольнымъ образомъ заподрягаются рабочіе въ Калужской губерніи на московскія фабрики и заводы. Профессоръ Янжуль сообщаетъ, что лазинская волость, Мосальскаго уѣзда Калужской губерніи, съ давнихъ поръ служила мѣстомъ

поставки рабочихъ на московскія рогожныя фабрики, для чего фабриканты, чрезъ особыхъ рядчиковъ, входятъ въ соглашеніе съ лазинскимъ волостнымъ правленіемъ, которое обязуется поставить условленное число рабочихъ преимущественно изъ недоимщиковъ, вычитая изъ выдаваемыхъ рядчиками задатковъ, что приходится на долю каждаго подряженного лица.

Отдача въ работы практикуется въ обширныхъ размѣрахъ и въ отношеніи рабочихъ, поступающихъ на свеклосахарные заводы въ югозападномъ краѣ. Рабочіе эти, какъ сообщаетъ въ своемъ отчетѣ инспекторъ кievскаго фабричнаго округа, г. Новицкій, набираются преимущественно въ губерніяхъ Смоленской, Орловской, Могилевской, Черниговской и Полтавской. Наемъ пришлыхъ рабочихъ производится или заводскимъ управленіемъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ, или подрядчиками и нерѣдко также чрезъ своего повѣреннаго. Всѣ письменные договоры заключаются обыкновенно въ мѣстныхъ волостныхъ правленіяхъ, которыя заинтересованы не только въ томъ, чтобы изъ задатковъ нанимающихся пополнить денежныя ихъ повинности, но и извлечь выгоды для себя. Такимъ образомъ нерѣдко весь полученный рабочимъ задатокъ тутъ же при наймѣ уходитъ на погашеніе повинностей. Свое усердіе волостныя правленія простираютъ иной разъ такъ далеко, что, въ случаѣ смерти или осужденія подряженныхъ рабочихъ, заставляютъ отработать полученные ими задатки „ихъ родственниками, односельцами или же обществомъ, въ средѣ котораго можетъ произойти подобный случай“. (Отчетъ, стр. 19, 25, 37).

Иногда отдача на заработки принимаетъ настоящую форму насилія. Не далѣе какъ въ прошломъ году, по сообщенію „Современныхъ Извѣстій“, въ Богородскомъ уѣздѣ стали отпраивлять недоимщиковъ подѣ конвоемъ (?) на работы на желѣзную дорогу и на фабрики. Естественно, что это возмутило рабочихъ, и они заявили протестъ. Дѣло дошло до мирового суда, но не по жалобѣ самихъ рабочихъ, а по инициативѣ, кажется, сельскихъ властей, которыя привлекли къ отвѣтственности 38 челоѣкъ изъ числа бѣжавшихъ или неявившихся на работы. Оно разсматривалось мировымъ судомъ сперва еще въ декабрѣ прошлаго года. Обвинителемъ явился волостной старшина. На судѣ крестьяне заявили, что „барщины они не признаютъ“ и указывали на практикуемую въ волости торговлю паспортами. Мировой судья всѣхъ подсудимыхъ оправдалъ. Но дѣло перешло въ сѣздъ. Обвиняемые не были поставлены въ извѣстность о томъ, что въ сѣздѣ разсматривается ихъ дѣло. Находясь за 50 верстъ отъ мѣста засѣданій сѣзда, почему они могли знать, что тамъ разсматривается ихъ дѣло о неявкѣ на барщину? Ни апелляціи, ни повѣстокъ имъ не нашли нужнымъ сообщить; они бы могли явиться на судъ и доказать свою невиновность и даже заявить претензіи объ отвлеченіи ихъ отъ домашнихъ занятій“.

Такой крутой образъ дѣйствій волостныхъ властей по части отсылки рабочихъ на заработки и взысканія съ нихъ въ случаѣ уклоненія отъ „барщины“, надо полагать, распространенъ на Руси довольно сильно. Если мы ограничились здѣсь приведеніемъ только двухъ-трехъ фактовъ, то это объясняется тѣмъ, что далеко не всѣ случаи рвенія не по разуму, проявляемого волостнымъ начальствомъ, становятся извѣстными печати. О злоупотребленіяхъ, господствующихъ въ нашихъ волостныхъ учрежденіяхъ, было говорено и писано такъ много, что факты, подобныя вышеприведеннымъ, вполне гармонируютъ съ общимъ ходомъ дѣлъ въ этихъ учрежденіяхъ *).

Но неужели,—въ правѣ спросить насъ читатели,—отхожіе промыслы такъ-таки, кромѣ вредныхъ результатовъ, ничего въ экономическомъ отношеніи для крестьянъ не приносятъ? Къ сожалѣнію, въ нашихъ матеріалахъ мы нашли весьма мало данныхъ, которыя говорили бы въ пользу отхожихъ промысловъ. Намъ пришлось только встрѣтить наказанія, что нѣкоторые крестьяне, промышленяющіе „мастерщиною“, устраиваются зажиточно въ сравненіи со своими сосѣдями. Въ селеніяхъ плотниковъ Покровскаго уѣзда замѣчается и больше благосостоянія, и больше культурности. Во внѣшнемъ отношеніи это обнаруживается въ постройкахъ, костюмѣ и обстановкѣ жизни. Въ плотницкомъ округѣ Покровскаго уѣзда виднѣются всюду высокія, помѣстительныя постройки, крытыя тесомъ или дранью, съ чистыми стеклами въ окнахъ, украшенныхъ рѣзными ставнями. Чистота и опрятность составляютъ принадлежность этихъ домовъ. Каждая крестьянка моетъ свою избу разъ, а нерѣдко и два раза въ недѣлю обязательно. Стѣны крестьянскихъ избъ, обитыя шпалерами, разукрашены картинами и портретами. Одежда обитателей плотницкаго округа совершенно отличается отъ той, какую носятъ крестьяне Александровскаго и смежныхъ съ нимъ волостей Покровскаго уѣздовъ. Александровскій мужикъ ходитъ въ лаптяхъ, въ поддевкѣ изъ дешеваго карусета, на головѣ носитъ деревенскую войлочную шляпу. Въ плотницкомъ же округѣ крестьяне носятъ полунѣмецкіе костюмы, шерстяныя брюки и поддевки. За самую бѣдную невѣстою имѣется здѣсь приданого на 150—200 рублей, но есть и такія, у которыхъ приданого рублей на 400—500. Три раза въ день плотники производятъ чаепитіе, и чай въ послѣдніе годы сталъ вытѣснять собою водку, быстро утрачивающую свою популярность среди мѣстнаго населенія. Если отъ внѣшней стороны жизни обратиться къ духовной сторонѣ населенія, то и здѣсь обнаружится благопріятное вліяніе выгоднаго промысла. Нельзя

*) Не можемъ кстати не отмѣтить здѣсь любопытную публикацію, помѣщенную въ „Тобольскихъ губ. вѣдомостяхъ“, относительно отдачи крестьянъ въ заработки. Въ публикаціи этой одинъ мѣстный земскій засѣдатель вызывалъ желающихъ взять въ заработки крестьянъ деревни Черняевой...

отрицать, что умственный кругозор отхожих рабочих вообще шире крестьянъ, живущихъ исключительно въ деревняхъ: странствованія по разнымъ мѣстамъ Россіи, столкновенія съ разнообразнымъ людомъ сообщаютъ имъ извѣстное развитіе. Но въ то же время рабочіе легко усваиваютъ дурныя наклонности. Это послѣднее обстоятельство очень много зависитъ отъ недостаточности заработка, которая препятствуетъ рабочему „встать на ноги“, оправиться какъ слѣдуетъ. Плотники, трудъ которыхъ оплачивается вообще очень хорошо, рѣзко выдѣляются изъ общей массы. Они пріобрѣтаютъ черты людей, стоящихъ цѣлою головою выше обыкновенной крестьянской среды. Многие изъ нихъ, возвратясь домой, выписываютъ газеты. Замѣчательно, что совершенно аналогичныя послѣдствія плотничій промыселъ обнаруживаетъ, какъ видно изъ изслѣдованія г. Добротворскаго, въ Курской губерніи.

Но подобныя благопріятные результаты отхожихъ промысловъ вообще, кажется, довольно рѣдки.

Л. Весинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Губернскія дворянскія и земскія собранія.—Земская помощь кустарямъ.—Ходатайства земствъ объ учрежденіи особаго министерства земледѣлія и сельской промышленности.—Задачи и результаты дѣятельности „Общества улучшения народнаго труда“.—Земскія повинности въ Эстляндіи.

Въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго года, въ большинствѣ губернскихъ городовъ Европейской Россіи, происходили губернскія дворянскія и земскія собранія. Отмѣтимъ пока наиболѣе любопытные вопросы, поднятые на нихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на помѣстное дворянство было указано, какъ на единственный классъ, способный внести порядокъ въ переживаемую нашимъ отечествомъ неурядицу, создать въ провинціи отсутствующую тамъ „твердую власть“. Рядомъ съ этимъ возникъ вопросъ и о необходимости государственныхъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы дворянство не было выбито изъ своей позиціи единственнаго, или въ настоящее время преобладающаго, класса крупныхъ землевладѣльцевъ, вокругъ которыхъ обыкновенно группируются деревни, нуждающіяся въ устроеніи.

Такимъ образомъ вопросъ о реставраціи дворянскаго сословія имѣеть двѣ стороны. Во-первыхъ, рѣчь идетъ о возвращеніи дворянству прежняго значенія преобладающаго землевладѣльческаго класса, и во-вторыхъ, о той роли, которую оно должно играть въ жизни государства, въ государственномъ механизмѣ. Въ послѣднемъ отношеніи дѣло идетъ также о возстановленіи прежняго значенія дворянства, въ качествѣ класса, уже занимавшаго видное мѣсто въ управленіи отдѣльными провинціями и его направлявшаго. Въ зависимости отъ этого и постановленія дворянскихъ собраній, касающіяся вопроса о реставраціи дворянскаго сословія, имѣють въ виду либо ту, либо другую сторону его. Собственно большинство провинціальныхъ дворянскихъ собраній обращаетъ преимущественное вниманіе на матеріальную поддержку, которую государство должно оказать дворянству, весьма мало придавая значенія возстановленію его политическаго значенія.

Въ настоящемъ году вопросы принципіальнаго характера наиболѣе „Дѣло“ № 2. Февраль, 1887 г. Отд. II.

болѣе выдвинуло дворянское собраніе Петербургской губерніи. Прежде всего здѣсь заслуживаетъ вниманія проектъ дворянъ Кошкарowychъ. Сущность проекта состоитъ въ томъ, что нужно предоставить дворянскимъ собраніямъ возможность направлять земское и крестьянское самоуправленіе, и избирать изъ своей среды нѣкоторыя уѣздныя и губернскія административныя власти; *на всѣ, вообще, выборныя должности* по мировому институту, въ земскія управы, въ волостныя старшины, избирать преимущественно дворянъ, и только за неимѣніемъ ихъ допускать лицъ другихъ сословій, но обязательно съ образовательнымъ цензомъ. При обсужденіи этого проекта были затронуты всѣ стороны жизни нашей деревни. Все, по словамъ Кошкарowychъ, восполнится и придетъ въ должный видъ, если во главѣ мѣстнаго управленія будетъ поставлено помѣстное же дворянство. Кошкарowychъ возражалъ г. Волковъ, замѣтившій, что дворянство ничего не сдѣлало въ послѣднія 20 лѣтъ, и не можетъ привести никакихъ аргументовъ въ свою пользу.

Въ заключеніе преній сенаторъ Шмидтъ выразился очень категорически насчетъ бесплодности подобныхъ ходатайствъ—„я долженъ повторить тоже, что сказалъ три часа тому назадъ: предложеніе гг. Кошкарowychъ никакого дальнѣйшаго движенія имѣть не можетъ“. Практическіе результаты преній формулировалъ сенаторъ баронъ Медемъ; онъ указалъ на три предложенія, которыя истекаютъ изъ преній и могутъ быть предметомъ ходатайства: предоставленіе дворянству права избирать земскихъ исправниковъ, устройство вотчинной полиціи, и учрежденіе въ земствѣ помѣстнаго дворянскаго представительства. Первое не имѣетъ теперь значенія, потому что исправникъ пересталъ играть роль прежняго хозяина уѣзда; остаются второе и третье предложенія. Большинство собранія примкнуло къ этимъ предложеніямъ; зашляпѣвъ о формѣ ходатайства, и о скорѣйшемъ его исполненіи, такъ какъ одинъ изъ членовъ собранія замѣтилъ, что проектъ реформы мѣстнаго управленія, составленный при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, будетъ представленъ въ государственный совѣтъ не позже 15-го февраля, и дворянство должно поторопиться съ выраженіемъ своихъ пожеланій. Въ виду этого, собраніе поручило депутатамъ и предводителямъ дворянства разработать подробности ходатайства въ теченіе этого же собранія. Но среди депутатовъ и предводителей явилось такъ много сомнѣній и недоразумѣній, редакция петиціи предлагалась въ такихъ разнообразныхъ формахъ, что придти къ соглашенію гг. депутаты не могли. Поэтому графъ А. А. Бобринскій предложилъ губернскому собранію одно изъ двухъ: или созвать экстренное собраніе для выслушанія доклада депутатовъ и предводителей, или же уполномочить послѣднихъ представить ходатайство непосредственно правительству. Большинство собранія высказалось за созывъ экстреннаго собранія.

Въ связи съ ходатайствами о возстановленіи политическаго значенія помѣстнаго дворянства находится и проектъ г. Караулова о восполненіи его новыми элементами. Жизнь поставила дворянство въ такія условія, съ которыми, говоритъ г. Карауловъ, нужно считаться. Подъ этими условіями, какъ г. Карауловъ, такъ и комиссія изъ предводителей дворянства и депутатовъ, внесшая

предложеніе его на разсмотрѣніе собранія, разумѣеть то обстоятельство, что дворянство теряетъ землю, она переходитъ въ чужія руки; нѣкоторые изъ новыхъ землевладѣльцевъ далеко не симпатичны, но есть между ними и такіе, привлеченіе которыхъ въ дворянскую среду было бы весьма желательнымъ; *иначе на ряду съ дворянствомъ образуется другая поземельная сила, которая можетъ быть враждебною по отношенію къ дворянству.* По этому собраніе предводителей и депутатовъ предлагаетъ, чтобы лица, владѣющія землею, были допускаемы на извѣстныхъ условіяхъ въ дворянскую среду. Въ общемъ — условія эти слѣдующія: земельный цензъ долженъ быть крупнымъ; размѣръ его опредѣляется губернскимъ дворянскимъ собраніемъ, владѣніе землею должно продолжаться не менѣе 50 лѣтъ; образовательный цензъ не нуженъ, но каждый вступающій въ дворянскую среду подвергается строгой нравственной оцѣнкѣ. Именно, ходатайство его должно быть сначала разсмотрѣно уѣзднымъ собраніемъ, а потомъ и губернскимъ, изъ которыхъ въ каждомъ онъ долженъ получить не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ.

Но какъ ни выгодно предложеніе г. Караулова съ точки зрѣнія сохраненія силы за помѣстнымъ дворянствомъ, посредствомъ привлеченія въ его среду всѣхъ наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ изъ другихъ сословій, оно все-таки встрѣтило значительную оппозицію между дворянами Петербургской губерніи. Нѣкоторые изъ нихъ прямо возстали противъ „допущенія чужихъ элементовъ въ дворянскую среду, достоинство которой состоитъ, именно, въ томъ, что члены ея являются прямыми потомками „устроителей земли русской“. Имъ возражалъ графъ Бобринскій (не предводитель). Ставъ на историческую почву, онъ замѣтилъ, что пріобрѣтеніе правъ дворянства землевладѣніемъ — путь не новый, какъ думаютъ нѣкоторые; изъ исторіи дворянскихъ туземныхъ родовъ видно, что они были основаны исключительно на владѣніи землей: пріобрѣтеніе же дворянства службою установлено уже впоследствии, и можетъ быть названо новымъ средствомъ по отношенію къ первому; поэтому нѣтъ препятствій къ доступу въ дворянскую среду новыхъ землевладѣльцевъ. Въ концѣ концовъ дворянское собраніе постановило: поручить предварительную разработку проекта г. Караулова депутатскому собранію, заключеніе котораго и должно быть представлено будущему дворянскому собранію — очередному или экстренному. Мы не преминемъ поставить нашихъ читателей въ извѣстность о дальнѣйшей судьбѣ этихъ проектовъ.

Изъ другихъ вопросовъ, поднятыхъ на дворянскомъ собраніи С.-Петербургской губ., заслуживаетъ вниманія вопросъ о правѣ дворянскихъ собраній возбуждать ходатайства о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій, или объ устраненіи недостатковъ мѣстнаго управленія, хотя бы они обусловливались дѣйствіемъ общихъ законовъ. Право это было выражено въ сводѣ законовъ изданія 1857 г., но съ изданіемъ свода въ 1876 г. соотвѣтствующая статья была исключена въ кодификаціонномъ порядкѣ. Затѣмъ нѣкоторые вопросы, возбужденные на собраніи, имѣютъ скорѣе дворянско-земскій характеръ. Таковы доклады о двухъ прежнихъ ходатайствахъ, касающихся расширенія полно-

мочій училищныхъ совѣтовъ, предсѣдателями которыхъ являются предводители дворянства. Одно изъ нихъ, возбужденное еще въ 1878 г., касалось необходимости расширить сферу вліянія училищныхъ совѣтовъ подчиненіемъ имъ двухклассныхъ народныхъ училищъ, всѣхъ одноклассныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія, школъ воспитательнаго дома, церковныхъ — прежняго образца, и тѣхъ частныхъ, программы которыхъ схожи съ программами народныхъ школъ. Ходатайство это возобновлялось собраніемъ нѣсколько разъ, но со стороны министерства народнаго просвѣщенія оставалось безъ отвѣта. Въ виду того, однако, что теперь еще не извѣстно, какого рода школа у насъ утвердится — земская или церковно-приходская — собраніе постановило не возобновлять ходатайства по этому предмету въ настоящемъ году. Другое ходатайство, возбужденное на собраніи 1881 года, имѣло цѣлю восстановление закона 25 мая 1874 года, которымъ установлено, что губернской училищный совѣтъ рѣшаетъ свои дѣла по большинству голосовъ, при равенствѣ же ихъ голосъ предсѣдателя, т. е. губернскаго предводителя дворянства, даетъ перевѣсъ. Между тѣмъ инспекторъ народныхъ училищъ (нынѣ директоръ), руководствуясь предшествовавшей инструкціей 29-го октября 1871 года, приостанавливаетъ исполненіе тѣхъ рѣшеній совѣта, съ которыми онъ единолично не согласенъ, и представляетъ ихъ на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Считаая такое положеніе губернскаго предводителя дворянства не соответствующимъ высокому довѣрію, возложенному на него Высочайшею волею въ дѣлѣ народнаго образованія, дворянство и ходатайствовало объ устраненіи этого противорѣчія. Между тѣмъ, въ 1885 году слб. губернскае земство возбудило такой же вопросъ, но оно пошло другимъ путемъ, путемъ жалобы въ Правительствующій Сенатъ. Дворянство, надѣясь, что усилія земства не будутъ безплодны, рѣшило не возобновлять больше ходатайства и подождать рѣшенія сената.

Такимъ образомъ центръ тяжести въ предполагаемой для себя дворянствомъ политической роли повидимому лежитъ въ его ходатайствахъ объ усиленіи дворянскаго элемента въ мѣстномъ управленіи, и въ дарованіи имъ въ этомъ отношеніи очень важныхъ преимуществъ передъ прочими сословіями. Но такихъ пожеланій петербургскаго дворянства, повидимому, не раздѣляетъ предводитель его — графъ А. А. Бобринскій. Въ рѣчи своей, сказанной на обѣдѣ петербургскихъ дворянъ, онъ, между прочимъ, повторилъ слова московскаго генераль-губернатора кн. Долгорукова, что „теперь дворянство имѣетъ подъ собою твердую почву и путь его ясенъ; дворянское сословіе хорошо знаетъ свои гражданскія права и обязанности“. Но, продолжалъ гр. Бобринскій, „мы всегда сознавали, милостивые государи, что путь нашъ одинъ и только одинъ, — это путь, по которому слѣдуетъ вся русская земля. У дворянства не можетъ быть иного пути. С.-Петербургское дворянство всегда было врагомъ всякой замкнутости, всякаго сословнаго отчужденія. Подобно сказочному богатырю, который набиралъ свѣжія силы, наклоняясь до матери сырой земли, такъ с.-петербургское дворянство всегда сознавало, что *вся сила его заключается въ близости къ землѣ и въ общиизъ интересахъ съ землею,*

съ крестьянннмомъ и земствомъ. Съ земствомъ мы шли постоянно рука объ руку. Смѣю надѣяться, что мы будемъ продолжать идти также и впредь!" Слѣдовательно, графъ Бобринскій, какъ бы вопреки мнѣнію дворянства своей губерніи, полагаетъ, что ни въ какихъ особыхъ и новыхъ правахъ для служенія государству и народу дворянское сословіе не нуждается, что оно должно только при служеніи государству „продолжать идти также и впредь“, какъ шло до сихъ поръ—рука объ руку съ земствомъ. Очевидно графъ Бобринскій не имѣетъ въ виду поглощенія земствъ дворянствомъ, о которомъ хлопочуть нѣкоторые другіе представители послѣдняго.

Что касается ходатайствъ дворянскихъ собраній о матеріальной поддержкѣ со стороны государства, то они не представляютъ собою ничего новаго. Такъ, большинство собраній по прежнему ходатайствуетъ о возвышеніи ссудъ, выдаваемыхъ изъ дворянскихъ банковъ, объ упрощеніи самой процедуры выдачи и, наконецъ, о приѣмѣ подъ залогъ и другихъ недвижимостей, а не только земли. Нашлись, однако, и противники банка. Царско-сельскій, напр., предводитель дворянства г. Платоновъ заявилъ на собраніи, что „дворянскій банкъ—это послѣдняя мѣра къ уничтоженію дворянства“, и „если бы понадобились деньги, чтобы закрыть банкъ—онъ первый готовъ дать ихъ“. Затѣмъ огромное большинство собраній ходатайствовало о снятіи налога съ имущества, переходящихъ по наслѣдству. Собранія при этомъ выставляли довольно странный мотивъ, заключающійся въ томъ, что налогъ на наслѣдство есть „посягательство государства на индивидуальную собственность“,—какъ будто всѣ другіе налоги не носятъ того же характера. Если же дворянства имѣли въ виду ту теорію, что облагаться должны исключительно трудъ и вообще дѣятельность, а не имущества, то ходатайство ихъ тѣмъ болѣе представляется неосновательнымъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что нѣкоторыя собранія ходатайствовали не за одно свое сословіе, а за всѣ имущественные классы. При этомъ г. Платоновъ сказалъ весьма горячую рѣчь въ защиту того положенія, что дворяне не должны ограничиваться въ своихъ ходатайствахъ заботами исключительно о своемъ сословіи, а должны имѣть въ виду и весь народъ, который, по словамъ г. Платонова, „пробудился, но онъ еще не развитъ“ и въ такомъ состояніи, съ просонья, „онъ тѣмъ опаснѣе“ (?).

Изъ вопросовъ, поднятыхъ на губернскихъ земскихъ собраніяхъ, прежде всего остановимся на тѣхъ, въ которыхъ выражаются заботы земствъ объ удовлетвореніи нуждъ населенія. Сюда нужно отнести по преимуществу мѣры, направленные къ поднятію экономическаго благосостоянія крестьянъ. По обыкновенію и на собраніяхъ настоящаго года заводилась рѣчь о необходимости устройства земледѣльческихъ школъ, выписки сѣмянъ, улучшенія породы скота и т. д. Изъ докладовъ, прочитанныхъ на собраніяхъ, видно, что нѣкоторыми земствами и предпринималось кое-что въ этомъ направленіи, но результаты получались всегда довольно мизерные. Такой исходъ зависитъ прежде всего отъ отсутствія у земствъ достаточныхъ свободныхъ средствъ и, во-вторыхъ, вслѣдствіе таковаго же отсутствія людей, которые могли бы

сколько нибудь сносно выполнять предназначенія собраній. Единственный исполнительный органъ земствъ—управы, нельзя считать ни достаточно компетентными для исполненія подобныхъ порученій, ни располагающими для этого нужнымъ временемъ. Теперь сами собранія отклоняютъ проекты, выполненіе которыхъ требуетъ большихъ силъ, чѣмъ располагаютъ земства. Такаа, напр., судьба постигла проектъ Волкова на Курскомъ губернскомъ собраніи. Сущность этого проекта заключается въ предоставленіи крестьянскимъ обществамъ права на полученіе изъ казначейства ссудъ подъ залогъ хлѣба, который долженъ или выкупаться отдѣльными крестьянами, получившими ссуды или продаваться оптомъ по истеченіи срока. Это нѣчто въ родѣ мелкихъ элеваторовъ, устройство которыхъ могло бы принести очень большую пользу крестьянамъ, продающимъ теперь часто изъ нужды свой хлѣбъ осенью, чтобы вновь его купить весной по болѣе дорогой цѣнѣ. Но проектъ этотъ былъ отвергнутъ собраніемъ, именно въ виду „неудобовыполнимости“. Другой докладъ, прочитанный на томъ же собраніи, и также заслуживающій вниманія, принадлежитъ г. Гладкову. Касается онъ, впрочемъ, болѣе улучшения хозяйствъ помѣщичьихъ. Для этого Гладковъ считаетъ необходимымъ ходатайствовать о пересмотрѣ акцизныхъ правилъ, регламентирующихъ винокуреніе и сахаровареніе. Надо сказать, что правила эти дѣйствительно покровительствуютъ крупнымъ заводамъ, и почти дѣлаютъ невозможнымъ возникновеніе мелкихъ. Далѣе теперь, напр., заводчики, благодаря существующимъ правиламъ, почти вовсе не могутъ употреблять для винокуренія картофельнаго крахмала. Между тѣмъ крахмалъ гораздо больше выдерживаетъ перевозку, чѣмъ картофель въ непосредственномъ видѣ; слѣдовательно и допущеніемъ для винокуренія крахмала, посѣвъ картофеля въ большихъ размѣрахъ можетъ вводиться и въ имѣніяхъ, по близости которыхъ нѣтъ заводовъ. Вообще г. Гладковъ предлагаетъ ходатайствовать объ измѣненіи акцизныхъ правилъ въ томъ смыслѣ, чтобы они покровительствовали возникновенію мелкихъ сельскохозяйственныхъ заводовъ, вырабатывающихъ полуфабрикаты (патоку, желтый песокъ, неочищенную водку и т. д.), которые могли бы отправляться для окончательной работы на большіе, специально устроенные для этого заводы. Докладъ г. Гладкова былъ благосклонно принятъ собраніемъ и оно постановило ходатайствовать: 1) объ учрежденіи высшаго самостоятельнаго правительственнаго органа, который долженъ вѣдать нужды и интересы сельскаго хозяйства; 2) о содѣйствіи развитію мелкихъ сельскохозяйственныхъ заводовъ для разработки продуктовъ полеводства; и вмѣстѣ съ тѣмъ, поручило управѣ составить съ г. Гладковымъ докладъ, на основаніи данныхъ, высказанныхъ въ его докладѣ, и замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу доклада г. Гладкова, и представить на усмотрѣніе министерства.

Какъ для выясненія нуждъ населенія, такъ и вообще для правильнаго отправленія своихъ обязанностей, земства давно уже сознали необходимость имѣть точныя данныя о всѣхъ сторонахъ жизни того или другого района, для чего и предприняли цѣлый рядъ статистическихъ работъ. Но въ послѣднее время статистика

перестала пользоваться благосклонностью нашихъ земцевъ. Особенно же острый характеръ приняло гоненіе, воздвигнутое на статистику, въ настоящемъ году. Но замѣчательнѣе всего, что статистики не взлюбили по преимуществу тѣ земства, которыя прежде очень горячо за то ратовали, и которыя уже такъ много сдѣлали, что имъ оставалось только „увѣнчать зданіе“. Такъ, „статистику закрыли“ въ Саратовской губерніи, гдѣ уже описаны были почти всѣ уѣзды, въ Екатеринославской, земства которой успѣли уже истратить на это дѣло до 50 т. р., въ Курской, — гдѣ оставалось сдѣлать сводъ по всѣмъ уѣздамъ, которые уже были описаны, наконецъ, ее отстаивали незначительнымъ большинствомъ голосовъ въ губерніяхъ Орловской и Таврической.

Главной причиной такого гоненія на статистику является недовольство крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ этомъ отношеніи особенно отличились гласные Курскаго и Елецкаго земствъ. На Курскомъ губернскомъ собраніи довлѣдчикъ г. Роштокъ высказалъ, что послѣдній статистическій сборникъ, разрѣшенный къ выпуску въ свѣтъ г. губернаторомъ, „наполненъ политическими и социальными разглазольствованіями“. При этомъ весьма трогательную картину являло изъ себя покаяніе курскихъ земцевъ на міру въ своихъ прежнихъ „либеральныхъ заблужденіяхъ“, плодомъ которыхъ и была „статистическая затѣя“. Кто виноватъ въ „статистическомъ скандалѣ“?—спрашиваетъ одинъ гласный;—это я, гаеся онъ, (рукоплесканія) и я—подхватываетъ другой (опять рукоплесканія) и т. д. Такъ совершилось обращеніе на путь истинный курскихъ земцевъ. Въ заключеніе собраніе постановило: сборникъ изъять изъ обращенія и принять мѣры противъ распространенія его; статистическое бюро закрыть. Между тѣмъ данныя, сообщаемыя сборникомъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губерніи рисуютъ положеніе населенія не въ очень благоприятномъ свѣтѣ; именно—оказывается, что свыше 20 проц. крестьянъ принадлежатъ по числу „безлошадныхъ“, т. е. пятая часть всего населенія превратилась въ пролетаріевъ; затѣмъ около 30 проц.—имѣютъ по одной лошади, т. е. принадлежатъ къ несостоятельнымъ хозяевамъ, и только около половины крестьянъ представляетъ изъ себя еще вполне „хозяйственныхъ мужичковъ“. Если цифры эти вѣрны, говоритъ по сему поводу „Южный Край“ и „земство не желаетъ только разоблаченія непригляднаго положенія населенія, то соотвѣтствуетъ ли такое поведеніе назначенію и обязанностямъ земства, призваннаго пещись о благосостояніи народа. Всѣ эти вопросы требуютъ прямаго и категоричнаго отвѣта, въ виду хотя бы того, что бросить на вѣтеръ 50 тысячъ рублей, собранныхъ съ народа, земство не имѣло права“. Въ такую сумму обошлись населенію Курской губ. „либеральныя заблужденія“ ихъ земцевъ. И такъ, земцы будутъ то заблуждаться, то приносить покаяніе, а населенію за всѣ эти упражненія приходится платить. Намъ кажется, что къ чистосердечному раскаянію курскимъ земцамъ слѣдовало еще присоединить и 50 т. р., истраченныхъ ими якобы по причинѣ „заблужденій“.

Въ такомъ же родѣ повторилась исторія и на орловскомъ губернскомъ земскомъ собраніи.

Другой характерной чертой губернскихъ земскихъ собраній

настоящаго является крайнее охлажденіе гласныхъ въ исполненію своихъ обязанностей, при которомъ дѣлается не понятнымъ, зачѣмъ они позволяютъ возлагать на себя это званіе. То и дѣло приходится читать, что на одно собраніе явилось меньше половины гласныхъ, другое не могло состояться вслѣдствіе непрібытія узаконеннаго числа гласныхъ и т. д. Не менѣе апатично относятся къ своимъ обязанностямъ, какъ мы уже сказали, и исполнительные органы земствъ. Слѣдя за постановленіями собраній, говорить одинъ казанецъ, можно считать, что у насъ теперъ все организовано, все устроено: и улучшеніе хозяйства, и книжные склады, и эмеритальные кассы для учительскаго и медицинскаго персоналовъ... а на самомъ дѣлѣ что же изъ этого есть? Есть только постановленія, ходатайства и соотвѣтствующія разрѣшенія высшей власти. Затѣмъ вопросъ считается совершившимъ свое нормальное круговращеніе и—сдается въ архивъ. Далѣе, на земскомъ собраніи Ярославской губ. нѣкто г. Макаровъ, будучи избранъ членомъ губернскаго училищнаго совѣта, заявилъ, что онъ уже числился членомъ этого учрежденія и въ теченіе предшествовавшаго трехлѣтія, но въ цѣлое трехлѣтіе губернской училищной совѣтъ не собирався ни одного раза. Земское собраніе, въ числѣ 45 гласныхъ, и многочисленная публика разразились самымъ дружнымъ, очень громкимъ хохотомъ. На другомъ собраніи членъ управы заявилъ, что онъ почти никогда не видитъ своихъ товарищей по службѣ и часто случается, что докладовъ некому ни выслушивать, ни подписывать.

Наконецъ, въ настоящемъ году губернскими земскими собраніями сдѣлано постановленіе объ отдачѣ подъ судъ двухъ уѣздныхъ управъ. О злоупотребленіяхъ одной изъ нихъ, Бронницкой, Московской губ.—читатели знаютъ уже изъ письма нашего московскаго корреспондента. Но гораздо болѣе грандіозными оказались подвиги другой управы—Уфимской. Въ концѣ концовъ губернская уфимская управа произвела дознаніе о подвигахъ своей младшей сестрицы, и внесла на собраніе докладъ объ отдачѣ ея подъ судъ. Когда, послѣ горячихъ дебатовъ, вопросъ объ этомъ былъ поставленъ на баллотировку, то голоса за отдачу подъ судъ и противъ нея раздѣлились поровну. Но тутъ обнаружилось, что въ баллотированіи участвовали и двое заинтересованныхъ гласныхъ, которые сами, при неблагопріятномъ для уфимской уѣздной управы исходѣ баллотировки, должны были уйдти подъ судъ. Вслѣдствіе этого правильность баллотировки была опротестована. Тѣмъ не менѣе случай этотъ свидѣтельствуетъ, на сколько не дѣйствителенъ въ дѣятельности земства контроль товарищей.

На земскихъ собраніяхъ по примѣру прежнихъ лѣтъ заходила также рѣчь и о помощи кустарямъ. Чтобы характеризовать важное значеніе развитія кустарныхъ промысловъ въ экономической жизни крестьянъ и необходимость организаторской руки для ихъ поддержанія, мы воспользуемся, между прочимъ, и данными, собранными „Обществомъ улучшенія народнаго труда“ *), въ видѣ отзывовъ разныхъ мѣстныхъ учреждений и отдѣльныхъ лицъ.

*) Данные, касающіяся необходимой помощи и организаціи въ сферѣ исключительно земледѣльческой, были подробно разсмотрѣны въ статьѣ „Голоса изъ провинціи о нуждахъ земледѣльческой Россіи“. „Дѣло“. 1886. Декабрь.

Въ отношеніи неземледѣльческихъ занятій крестьянства большинство этихъ отзывовъ останавливается на необходимости поддержания существующихъ уже промысловъ, упадокъ которыхъ въ значительной степени обуславливается отсутствіемъ у крестьянъ нужныхъ техническихъ познаній. Послѣднее обстоятельство служитъ также препятствіемъ къ возникновенію новыхъ промысловъ, хотя бы въ данной мѣстности и были на лицо всѣ нужныя для этого условія. „Большая часть населенія, говорится въ запискѣ Богородицкой земской управы, нуждается въ подспорьяхъ къ доходамъ, получаемымъ отъ хлѣбопашества, и нуждается настолько сильно, что вопросъ объ удовлетвореніи этой нужды, изъ года въ годъ, все настоятельнѣе требуетъ скорого разрѣшенія; въ случаѣ же невнимательнаго къ нему отношенія—грозитъ причинить самыя серьезныя затрудненія. Что касается рода этихъ подспорій, то зная, что значительная часть заработковъ крестьянъ, получаемыхъ ими отъ отхожихъ промысловъ, растрачивается ими на мѣстахъ заработковъ, и по пути слѣдованія на родину, желательно наибѣзвозможно большее развитіе кустарныхъ промысловъ и вообще всякихъ ремеселъ и занятій, не требующихъ отхода съ родины“.

Въ отзывахъ же указывается на отдѣльные опыты удачнаго привитія къ крестьянской средѣ тѣхъ или другихъ промысловъ. Такимъ образомъ, напр., въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской г. возникло токарное производство, благодаря стараніямъ землевладѣльца Лугинина. Воспользовавшись примѣромъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губ., онъ открылъ у себя, въ селѣ Рождественскомъ, мастерскую, съ цѣлью развить токарный промыселъ въ уѣздѣ, обучая въ этой мастерской бесплатно всѣхъ желающихъ. Мастерская была открыта въ 1874 г.; устройство ея, съ ручными и конными приводами, обошлось г. Лугинину чрезвычайно дешево, до 300 р., и въ первый годъ работа пошла на 4-хъ станкахъ, на которыхъ работало, подъ руководствомъ двухъ мастеровъ—одного токаря и одного красильщика,—12 крестьянъ, которые выучились мастерству въ продолженіе 6½ мѣсяцевъ такъ, что могли хорошо точить и красить чашки. Къ концу ученія каждый ученикъ вытачивалъ уже 60—100 чашекъ въ рабочей день, конечно, изъ приготовленныхъ, т. е. оболваненныхъ и выдолбленныхъ чурокъ. Черезъ пять лѣтъ въ Рождественской волости появилось уже 40 токарныхъ мастерскихъ. Производство это для крестьянъ тѣмъ удобнѣе, что полная мастерская въ немъ требуетъ только трехъ человѣкъ и одной обыкновенной лошади. При такихъ условіяхъ мастерская вырабатываетъ за шесть зимнихъ мѣсяцевъ отъ 200 до 400 р.

Не менѣе возможна и необходима помощь кустарямъ въ отношеніи организаціи сбыта ихъ издѣлій и доставки имъ сырыхъ матеріаловъ. Известно, что Московское губернское земство оказало огромную услугу населенію, устроивши такъ называемый музей кустарныхъ издѣлій, т. е. скорѣе складъ ихъ. Задача земства заключалась въ томъ, чтобы сблизить покупателя съ продавцемъ и устранить посредника-кулака, предоставивши право каждому кустарю сдавать свои издѣлія на комиссію въ музей. Кромѣ того музей старается имѣть образцы лучшихъ орудій и матеріа-

ловъ, которые примѣнимы въ кустарномъ производствѣ и съ которыми онъ старается знакомить кустарей. Но за отсутствіемъ отчасти средствъ, отчасти людей, которые могли бы энергично повести это дѣло, музей-складъ не приноситъ кустарямъ той пользы, которую могло бы приносить подобное учрежденіе.

Далѣе въ прошломъ году Курское земство сдѣлало очень удачную попытку защитить мѣстныхъ кустарей отъ эксплуатаціи спекулятивовъ ихъ издѣлій. Дѣло въ томъ, что въ Новооскольскомъ уѣздѣ этой губерніи находится до 2½ тысячъ кустарей-сапожниковъ, которые работали по преимуществу на крупныхъ подрядчиковъ по снабженію обувью мѣстныхъ войскъ. Въ виду этого губернская управа вошла въ переговоры съ военнымъ интендантствомъ объ устраненіи ненужныхъ подрядчиковъ и сдачѣ подрядовъ непосредственно кустарямъ. Новооскольская уѣздная управа съ своей стороны изъявила полное согласіе на роль посредника между кустарями и интендантствомъ, такъ что скоро были выработаны и самыя основанія для сдачи подряда. Наконецъ, губернское земское собраніе ассигновало безпроцентную ссуду въ 20,000 рублей, съ цѣлью дать возможность стать кустарямъ на ноги, кромѣ того интендантство соглашается выдавать имъ авансы за поручительство, конечно, уѣзднаго земства, которое вообще считается официальнымъ его подрядчикомъ. Къ экстренному губернскому земскому собранію, происходившему въ началѣ марта, было уже кустарями доставлено *нѣсколько паръ сапогъ* (?), которые признаны сработанными весьма удовлетворительно.

Безъ сомнѣнія поставить на ноги кустарное производство, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ его отрасляхъ не представляло бы даже особыхъ затрудненій, если бы у насъ были центральныя и мѣстныя учрежденія, которыя могли бы принять на себя выполненіе этой задачи.

Между тѣмъ у насъ отсутствуютъ такія учрежденія, которымъ было бы это дѣло по силамъ. Земскія учрежденія сами сознаются въ своей несостоятельности передъ подобной задачей. Затрудненія для земствъ при организаціи промысловъ заключаются, по словамъ записки Богородицкой управы, прежде всего „въ неимѣніи надлежащихъ свѣдѣній о способахъ развитія на мѣстѣ желаемого промысла, или устройства требующейся для того школы, о положеніи, въ какомъ стоитъ этотъ промыселъ въ другихъ, однородныхъ по условіямъ, мѣстностяхъ Россіи, и представляемыхъ имъ для населенія выходахъ, о способности его къ успѣшной борьбѣ съ однороднымъ, ему производствомъ фабричнымъ, если таковое имѣется, и пр. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію Богородицкихъ земцевъ: „если бы даже земское собраніе и рѣшилось принять на свой страхъ разрѣшеніе подобныхъ затрудненій, то памятуя свою отвѣтственность передъ избирателями, будетъ ли оно въ правѣ сказать, что заводы въ своемъ уѣздѣ такой-то промыселъ, или устраивая такую-то школу, оно имѣло въ виду всѣ необходимые по предмету свѣдѣнія, давшія ему основаніе полагать, что затрачиваемыя имъ земскія деньги, а также трудъ и средства участниковъ развиваемаго промысла, окажутся производительными“. Другая сторона затрудненій лежитъ въ недостаточной подготовкѣ къ такому дѣлу земскихъ исполнительныхъ органовъ. То же Бо-

городицкое земство, напр., „признаетъ въ принципѣ пользу отъ устройства въ уѣздѣ двухъ ремесленныхъ школъ и, ассигнуя на этотъ предметъ уже два года подѣ рядъ по 800 руб., до сихъ поръ однако этихъ школъ не имѣетъ. Управа сознается, что не зависимо отъ многихъ болѣе или менѣе уважительныхъ причинъ, препятствовавшихъ ей исполнить это постановленіе собранія, одною изъ серьезныхъ было неумѣнье взяться за дѣло, такъ какъ управа еще вовсе незнакома съ наилучшимъ, безъ лишнихъ непроизводительныхъ затратъ, способомъ устройства и открытія этихъ школъ;—напримѣръ, слѣдуетъ ли открыть ихъ самостоятельно, или же пріурочить къ какимъ-нибудь изъ существующихъ школъ грамотности,—откуда взять нужныхъ мастеровъ, какъ распределить занятія и проч“.

Далѣе Казанское губернское собраніе желало устроить для кустарей своего края складъ-музей по образцу Московскаго. Но оказалось, что устройство его здѣсь сопряжено съ гораздо большими затрудненіями. Дѣло въ томъ, что очень многія произведенія здѣшняго края сбываются или, вѣрнѣе, потребляются не на мѣстѣ производства, а отправляются далеко за предѣлы губерніи. Такъ, напр., издѣлія изъ дерева (мебель, посуда и проч.), въ большомъ числѣ изготовляемыя въ Вятскомъ уѣздѣ, сбываются, главнымъ образомъ, въ низовыя приволжскія губерніи. Экипажи, изготовляемые въ большомъ количествѣ въ подгородныхъ селеніяхъ Казанскаго уѣзда, точно также сбываются въ низовыхъ губерніяхъ. Издѣлія валяльнаго промысла, сильно развитаго въ Казанскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ, сбываются въ значительной мѣрѣ въ предѣлахъ Пермской, Вятской и Уфимской губерній. Каменные издѣлія Пермской губерніи въ свою очередь сбываются въ большомъ числѣ въ Казани. Нижегородскія берда, сита и рѣшета и деревянная посуда сбываются въ Казанской и другихъ приволжскихъ губерніяхъ и т. д. Такимъ образомъ, говорить „Волжскій Вѣстникъ“, „для полнаго обезпеченія сбыта кустарныхъ произведеній, земствамъ—каждому въ своей губерніи—пришлось бы открыть въ разныхъ концахъ нашего отечества очень большое количество складовъ для продажи кустарныхъ издѣлій. Такъ, напр., казанскому земству, для обезпеченія сбыта колесныхъ издѣлій, слѣдовало бы открыть складъ въ Нижнемъ, для сбыта кроватей—складъ въ Вяткѣ и т. д. Съ другой стороны, вятскому или нижегородскому земству, для обезпеченія сбыта издѣлій кустарей своей губерніи, нужно бы открыть склады и въ Казани, и въ Симбирскѣ, и въ большинствѣ другихъ приволжскихъ городовъ. Само собою понятно, что для cadaго земства, взятаго въ отдѣльности, невозможна организація такого большого количества складовъ для кустарныхъ издѣлій... Земство той губерніи, гдѣ развитъ извѣстный промыселъ, не можетъ открыть въ другой губерніи склады кустарныхъ произведеній уже въ силу одного того, что, вслѣдствіе отдаленности складовъ, надзоръ за послѣдними будетъ крайне затруднителенъ, почти невозможенъ. Затѣмъ, земство можетъ не знать всѣхъ мѣстныхъ условий, соблюденіе которыхъ, между тѣмъ, необходимо для правильной организаціи сбыта кустарныхъ издѣлій въ чужой губерніи. Между тѣмъ, для под-

нтя кустарныхъ промысловъ. Устройство подобныхъ складовъ является дѣломъ положительно необходимымъ“.

Изъ этихъ примѣровъ видно, насколько необходимо, чтобы нужды сельской промышленности и вообще земледѣлія вѣдались какимъ-нибудь особымъ центральнымъ учрежденіемъ съ организаціей и на мѣстѣ достаточно компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ органовъ. На нѣкоторыхъ земствахъ дѣйствительно постановлено было возбудить ходатайство объ учрежденіи особаго министерства земледѣлія и сельской промышленности. Въ настоящее же время роль такого органа въ чисто земледѣльческой странѣ исполняетъ одинъ департаментъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Естественно, что у этого министерства заботы о нуждахъ земледѣлія стоятъ на второмъ планѣ.

„Многія производившіяся у насъ изслѣдованія разныхъ отраслей народнаго труда, какъ-то: земледѣльческаго, ремесленнаго, кустарной промышленности, мелкой торговли и другихъ промысловъ, говорится въ отчетѣ „Общества улучшения народнаго труда“, вполне убѣдили въ томъ, что необеспеченное, безпомощное и часто даже безвыходное положеніе большей части занимающихся этими отраслями труженниковъ, происходитъ, главнымъ образомъ, отъ незнакомства ихъ даже съ самыми обыкновенными усовершенствованіями въ работѣ и незнанія, какъ сдѣлать свой трудъ болѣе успѣшнымъ и прибыльнымъ“. Благая же цѣль общества—„способствовать, по мѣрѣ возможности, развитію и усовершенствованію находящейся нынѣ въ крайнемъ упадкѣ народной производительности и этимъ путемъ достигнуть хотя нѣкотораго улучшения благосостоянія трудящагося населенія“. Собственно Общество имѣетъ въ виду объединить дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ силъ, работающихъ на томъ же поприщѣ и взять на себя дѣло руководства ими. Предполагается, что всѣ такія мѣстныя силы войдутъ въ число членовъ Общества, образовавши изъ себя „Мѣстныя Управленія“, непосредственно работающія надъ поднятіемъ народнаго благосостоянія и сходящіяся, какъ къ центру, къ Главному Управленію Общества, которое „являясь такимъ образомъ, связывающимъ звеномъ между всѣми учрежденными въ разныхъ губерніяхъ мѣстными управленіями Общества, имѣетъ, согласно прямому своему назначенію, оказывать поддержку мѣстнымъ начинаніямъ не только совѣтами, указаніями и, въ особыхъ случаяхъ, матеріальными средствами, но также принятіемъ на себя ходатайства предъ высшимъ Правительствомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется разрѣшеніе, поддержка или пособіе со стороны послѣдняго“. Такихъ мѣстныхъ отдѣленій по уставу Общества должно быть два вида, именно — мѣстные комитеты, составляющіеся изъ членовъ или членовъ-сореферентовъ въ количествѣ не меньшемъ пяти, и окружныя управленія, для открытія которыхъ необходимо 10 дѣйствительныхъ членовъ *). Въ настоящее время общество организовало одно окружное управленіе и 20 мѣстныхъ комитетовъ, всѣхъ же членовъ въ немъ числится 1,400; причѣмъ въ распоряженіи всѣхъ

*) Для дѣйствительныхъ членовъ установленъ единовременный взносъ въ 1,000 р., а для членовъ соревнователей въ 100 р.

этихъ отдѣленій Общества имѣется капиталъ—деньгами и недвижими́ми имуществами—приблизительно въ *полмилліона рублей*.

Самое возникновеніе „Общества улучшенія народнаго труда“, насколько мы помнимъ, встрѣчено было сочувственно какъ обществомъ, такъ и печатью безъ различія направленія. „Московскія Вѣдомости“ по этому поводу высказались за полезность привлеченія простыхъ обывателей къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ. Такъ, въ одной изъ своихъ передовыхъ статей *) эта газета, говоря о задачахъ, поставленныхъ себѣ обществомъ, между прочимъ указываетъ, на тотъ фактъ, что „между правительственными учрежденіями нѣтъ ни одного, которое могло бы преслѣдовать ее, не отвлекаясь другими дѣлами“. „Но, продолжаетъ газета, если бъ и нашлось такое учрежденіе, то официальное служеніе постановленной задачѣ скоро *облеклось бы въ неизбѣжный формализмъ*, и самое дѣло легко могло бы получить одностороннее направленіе“. Далѣе газета придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что проектированная организація „Общества улучшенія народнаго труда“ „устанавливаетъ непосредственныя сношенія и совѣщанія Правительства, въ лицѣ министровъ и другихъ государственныхъ дѣятелей, съ частными лицами, непосредственно знакомыми съ положеніемъ и ходомъ дѣла“. Эти сношенія, по мнѣнію газеты, предоставляя членамъ Общества полную возможность доводить до свѣдѣнія Правительства все касающееся общей имъ задачи, дѣлать въ ея интересахъ разныя указанія и давать такимъ образомъ ходъ каждой полезной мысли, не ставятъ *Правительство и людей изъ общества въ положеніе двухъ лагерей*, не вносятъ въ обсужденіе вопросовъ чуждыхъ дѣлу побужденій и взаимнаго недорѣвнія“. Въ результатѣ же какъ представители общества, такъ и администрація „будутъ дѣйствовать совокупно въ интересахъ одного и того же дѣла внѣ условія *бюрократической подчиненности*“.

Послѣдствія, однако, показали, что подобное полуобщественное, полуадминистративное учрежденіе трудно создается по частной инициативѣ, по почину отдѣльныхъ лицъ. По крайней мѣрѣ за пять лѣтъ своего существованія „Общество улучшенія народнаго труда“ почти ничего не сдѣлало въ интересахъ осуществленія поставленной имъ себѣ задачи. Оно успѣло только принять основанную г. Гнѣдинымъ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринбургской губерніи ремесленную школу, и выработать пять проектовъ устройства разныхъ другихъ профессиональныхъ училищъ. Всего лучше о дѣятельности общества можно судить по его денежнымъ отчетамъ. Такъ изъ отчета о доходахъ и расходахъ съ 1 сентября 1881 г. по 1 мая 1884 г. мы видимъ, что въ кассу общества за эти два года поступило *почти 32 т. р.* Изъ нихъ оно истратило *17 т. р. на покупку процентныхъ бумагъ* и почти всѣ остальные *15 т. р. на наемъ помѣщенія, канцелярію* и т. п.; на самое же дѣло, для котораго все общество предполагается существующимъ, *ассигновано 125 р.* Затѣмъ въ послѣдующіе два года, за которые имѣются отчеты, т. е. съ 1 мая 1884 г. по 1 мая 1886 г., канцелярскіе расходы опять

*) „Москов. Вѣдом.“ 1884 г. № 154.

поглотили 15 т. р., а на долю „выполненія задачи“ досталась по прежнему весьма незначительная сумма въ 1,400 р., которая ассигнована на упомянутую нами Гнѣдинскую ремесленную школу.

Наша пресса въ послѣднее время очень много занималась остзейскими провинціями съ ихъ совершенно обособленнымъ государственнымъ строемъ и въ частности отношеніями, существующими здѣсь между господствующимъ классомъ — баронами и крестьянами.

Но намъ до сихъ поръ нигдѣ не приходилось встрѣтить подробныхъ данныхъ о взимаемыхъ съ крестьянъ повинностей. Впрочемъ, до сихъ поръ, кто бы и пожелалъ навести о томъ справки, навѣрное ничего не добился бы, такъ какъ онѣ, какъ коммерческія книги купца, составляли тайну небольшого кружка лицъ, заправляющихъ дѣлами. Только въ послѣднее время этотъ вопросъ начинаетъ нѣсколько выясняться, благодаря болѣе энергичному примѣненію закона *), возлагающаго на губернскія власти обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы населеніе не было облагаемо какими либо противузаконными поборами и не подвергалось неуравнительному или излишнему отягощенію повинностями. Теперь благодаря разосланнымъ повсемѣстно администраціею края вопросамъ листамъ о размѣрахъ и родахъ повинностей и полученнымъ, хотя далеко не отовсюду, на нихъ отвѣтамъ, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе, во что обходится латышамъ и эстамъ право существованія на ихъ родной землѣ.

Въ нашемъ распоряженіи находится матеріалъ только по Ревельской губерніи, преимущественно собранный на мѣстѣ. Причемъ считаемъ нужнымъ оговориться, что вопросъ о повинностяхъ, которыя несетъ сельское населеніе, настолько обширенъ, что мы ограничимся пока разсмотрѣніемъ его въ общихъ чертахъ; болѣе подробно остановимся на тѣхъ изъ повинностей, взиманіе и отправленіе которыхъ обращаютъ на себя особое вниманіе. Затѣмъ, такъ какъ обложеніе повинностями въ этой губерніи тѣсно связано съ дѣломъ объ арендныхъ контрактахъ, то необходимо предпослать нѣсколько словъ объ этихъ послѣднихъ. На основаніи закона 1856 г. о положеніи крестьянъ въ Эстляндской губерніи, при всякой отдачѣ въ аренду поземельныхъ участковъ долженъ быть заключенъ формальный письменный договоръ между помѣщикомъ и арендаторомъ на срокъ не менѣе 6 лѣтъ; контрактъ этотъ долженъ быть утвержденъ приходскимъ судомъ и внесенъ въ поземельныя книги. Между тѣмъ этотъ законъ остается нѣмой буквою, на исполненіе его до сихъ поръ не обращено должнаго вниманія. На самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ помѣщикъ словесно объясняетъ арендатору свои условія и для личнаго обезпеченія заставляетъ арендатора подписаться, или за безграмотностью, поставить нѣсколько крестовъ на составленномъ имъ контрактѣ, обезпечивающемъ исключительно только его право, послѣ чего позволяетъ поселиться на своей землѣ и жить тамъ, пока то будетъ соотвѣтствовать его выгодамъ. Такъ какъ подобный поря-

*) Ст. 586 т. II, ч. 1-ой св. зак., изданія 1876 г.

докъ порождать весьма частыя недоразумѣнія, и они не всегда разрѣшались въ пользу помѣщиковъ, то послѣдніе сами сознали неудобства указаннаго обычая. Дворянство сочло себя вынужденнымъ обратиться въ комиссію по крестьянскимъ дѣламъ съ просьбой, чтобы всѣ арендные договоры облечены были въ письменную форму. Обсудивъ это ходатайство, крестьянская комиссія признала, что осуществленіе его оказало бы дѣйствительную пользу обѣимъ договаривающимся сторонамъ, а начальникъ губерніи въ январѣ 1886 года предложилъ приходскимъ судамъ принять надлежащія мѣры къ тому, чтобы между помѣщиками и крестьянами не было допускаемо впредь заключенія другихъ арендныхъ контрагтовъ, кромѣ письменныхъ, составленныхъ по законной формѣ; крайнимъ же срокомъ для приведенія этой мѣры въ исполненіе было назначено, по предложенію депутатскаго собранія, 23-го апрѣля 1886 года. Не смотря однако на сознаніе самими помѣщиками выгодъ, которыя имъ представляетъ соблюденіе закона, до сихъ поръ встрѣчаются такіе приходы, гдѣ до осени прошлаго года не было заключено ни одного формальнаго контракта, напр. въ Кузальскомъ приходѣ на 406 дворовъ нѣтъ ни одного формальнаго контракта, Симонискомъ, на 435 дворовъ 119 приходится безконтрактныхъ, въ Наунѣ Вирмскомъ на 424 двора 109 безконтрактныхъ. Вообще изъ 37 приходовъ Эстляндской губерніи только въ 4-хъ заключены контракты на всѣ земельные участки, въ остальныхъ же 33 всюду въ большемъ или меньшемъ числѣ живутъ арендаторы, безъ всякихъ письменныхъ условій или по контрактамъ просроченнымъ, потерявшимъ согласно 67 ст. положенія 1856 г. всякую законную силу. При такихъ условіяхъ крестьяне несутъ большую часть дворянскихъ повинностей, которая взыскивается съ нихъ крестьянскими судами и полиціей, на основаніи словесныхъ договоровъ, а, если и письменныхъ, то не утвержденныхъ приходскими судами. Мотивомъ при взысканіи обыкновенно служитъ ссылка на обычай, на который ссылаются не только заинтересованныя стороны, но часто и судебныя инстанціи, возведя его такимъ образомъ въ законъ, неутвержденный только правительствомъ. Крестьянину при этомъ жаловаться некуда.

Всѣ повинности, лежащія на крестьянахъ, можно раздѣлить на двѣ группы: а) идущія на сельскую администрацію и общественныя нужды, б) идущія на благоустройство губерніи.

Отправление земскихъ повинностей въ Эстляндской губерніи производится по особымъ правиламъ и положенію. Именно по пункту 4 и 5 ст. 32, второй части свода мѣстныхъ узаконеній, каждому изъ четырехъ сословій кореннаго дворянства предоставлены слѣдующія льготы: 1) Право безъ согласія губ. и правительственныхъ органовъ дѣлать скидки не только съ налоговъ, по кассѣ дворянства, но и по исполненію общественныхъ повинностей; 2) право дѣлать раскладку надающихъ на имѣнія дворянства земскихъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностей по правиламъ отъ самаго дворянства постановленнымъ.

Всѣ повинности и подати распределяются по имѣніямъ соразмѣрно условленному числу гаковъ, въ зависимости отъ доходности каждаго изъ нихъ. При этомъ повинности, идущія на общественныя нужды, распределяются и взыскиваются волостнымъ ско-

домъ, о постановленіяхъ котораго никакъ не позже трехъ дней волостные старшины извѣщаютъ вотчинную полицію. Если же эта послѣдняя усмотритъ въ нихъ распоряженія, противныя, существующимъ узаконеніямъ, или вредныя благосостоянію общины, или нарушающія право помѣщика, — она представляетъ дѣло на разсмотрѣніе приходскихъ судовъ. На практикѣ помѣщики очень мало интересуются нарушеніемъ законовъ, вредныхъ крестьянскому обществу, если это не касается ихъ самихъ и ихъ помѣщичьихъ правъ.

Остановимся теперь на сущности вышеприведенныхъ мѣстныхъ дворянскихъ привиллегій. Дворяне установили обычай, по которому всѣ подати распредѣляются соответственно числу гаковъ и ихъ доходности. Но вычислить ихъ настоящую доходность лицу постороннему не представляется никакой возможности и потому это дѣло контролю правительства не поддается. Правда, что на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 5-го мая 1882 года положено взysкивать государственный поземельный сборъ подесятинно, но правило это касается одного этого сбора и не распространяется на всѣ другіе, которые по-прежнему распредѣляются по гакамъ, должествующимъ причислить доходъ соразмѣрно личному благоусмотрѣнію помѣщиковъ. Дворянство особенно дорожить сохраненіемъ дѣленія своихъ земель на гаки. Это видно изъ того, что правительству стоило не малаго труда принудить его въ точности опредѣлить число десятинъ въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ и усадьбахъ для расчисленія по нимъ государственнаго налога, хотя это и было въ ихъ чисто личныхъ интересахъ, такъ какъ правительственные агенты, допустивъ мѣру земли гаками, могли бы произвести оцѣнку ихъ собственныхъ земель по такому же личному благоусмотрѣнію, какъ то продолжаетъ практиковаться дворянствомъ въ отношеніи крестьянскихъ участковъ. Нужно, впрочемъ, надѣяться, что гаки отживаютъ свой вѣкъ и губернская администрація, на прямой обязанности которой лежитъ наблюденіе за правильностью обложенія, обратитъ должное вниманіе на размѣръ подушныхъ податей, вычисливши ихъ подесятинно. На это могутъ возразить, что вѣдь арендатора никто не неволитъ брать невыгодный для него гаки, что онъ заключаетъ добровольную сдѣлку съ помѣщикомъ и потому ни на кого пенять не можетъ. Но не нужно забывать, что у крестьянина сильно развита привязанность къ своей землѣ; эстонцу и латышу переселиться не только въ Америку, но даже куда-нибудь въ глубь Россіи, гораздо труднѣе, чѣмъ отдать послѣднюю копейку по требованію помѣщика, не говоря уже о томъ, что для переселенія нужно имѣть въ запасъ хотя нѣсколько десятковъ рублей. Обращаясь далѣе къ мѣстному положенію о крестьянахъ, мы видимъ, что сельскому сходу предоставлена забота о благосостояніи общины, но съ оговоркой „на сколько это не нарушаетъ права помѣщиковъ“. Но эта оговорка предоставляетъ имъ возможность не утверждать общественной раскладки, на примѣръ, на православную церковь и на школу съ преподаваніемъ предметовъ на русскомъ языкѣ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію въ частности нѣкоторыхъ особенно выдающихся повинностей.

Поземельный сборъ или складочныя деньги (Ladengelder), до-

стигаютъ до 15 руб. съ гаена. На что онѣ идутъ, никому неизвѣстно, такъ какъ ими безконтрольно распоряжается дворянство. При этомъ какъ бы предполагается, что онѣ идутъ на земскія нужды, но на какія именно, объ этомъ умалчивается. Мы не могли найти такой статьи свода закона или мѣстнаго положенія, которой этотъ сборъ былъ бы разрѣшенъ. Между тѣмъ взысканіе его порождаетъ постоянныя недоразумѣнія среди крестьянъ. Такъ крестьяне казеннаго имѣнія Таибель заявили въ январѣ 1886 г., что съ нихъ,—неизвѣстно на что,—взыскали поземельнаго сбора болѣе 300 р. Аррекюльское волостное правленіе въ ноябрѣ 1885 года взыскало со всѣхъ арендаторовъ по 15 р. съ гаена, не зная относить ли ихъ къ государственнымъ или общественнымъ повинностямъ. Крестьянинъ Спакъ, ревельскаго уѣзда, жалуется, что съ него взыскали, кромѣ 26 р. 89 к. поземельнаго сбора еще 224 р. 48 к. въ кассу дворянства.

Подъ именемъ *строительной* и *страховой* повинности подразумѣвается обязательство крестьянъ страховать отъ пожара и содержать въ извѣстномъ порядкѣ всѣ арендуемые строенія, которыя часто сдаются имъ въ совершенно плохомъ состояніи, при чемъ помѣщикъ имѣетъ право заставить крестьянъ ихъ возобновить, не гарантируя со своей стороны продленіе контракта. Для этого крестьяне составляютъ повсемѣстно строительную артель, которая обязана по требованію помѣщика и раскладѣ волостнаго старшины не только строить, но и дѣлать взносы въ пользу строительнаго капитала и уплачивать долги мызы по постройкѣ крестьянскихъ домовъ. Повинность эта ничѣмъ не урегулирована и произвольна, и также недоступна правительственному контролю. Замѣчательно при этомъ смѣшеніе юридическихъ понятій о правахъ и обязанностяхъ договаривающихся сторонъ. Контракты заключаются помѣщикомъ не съ крестьянскимъ обществомъ, какъ юридическимъ лицомъ, но съ отдѣльнымъ крестьяниномъ, а потому казалось бы, что общество, не участвуя въ заключеніи этихъ контрактовъ, не приобрѣтаетъ по нимъ никакихъ правъ, не должно бы было нести и никакихъ обязанностей. Но дворянское сословіе въ данномъ случаѣ смотритъ на все крестьянское общество, какъ бы на прикрѣпленное къ помѣстью и его владѣтелю. Жаловаться на этотъ порядокъ вещей некому, такъ какъ всѣ учрежденія и судъ, вѣдающіе крестьянскія дѣла, утверждающіе контракты,—находятся въ рукахъ дворянства.

Церковная повинность въ большинствѣ случаевъ несетса натурою такимъ образомъ, что каждый крестьянинъ къ извѣстному сроку обязанъ доставить на мызу опредѣленное количество продуктовъ, которые опѣниваются по заранѣ установленной помѣщикомъ таксѣ. О размѣрахъ этой повинности можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

Волость Агоферъ (плательщиковъ 25) доставляетъ на мызу для пастора:

2 четв. 2 четверика ржи по 10 р.—22 р. 50 к., ячменя по 8 р.—18 р. 40 к., овса 8 р. 40 к., куръ по 25 к. за штуку и льна по 10 к. за фунтъ на 7 р. 90 к., сѣна 5 пуд. по 40 к.—2 р., привести 25 саж. дровъ по 25 к.—6 р. 25 к., поставить 30 рабочихъ дней съ лошадыю—30 р. Итого 95 р. 45 к.

Кистеру:

20 пудовъ сѣна по 40 к.—8 р., 1 четв. ржи и 2½ ч. овса — 9 р. 50 к., 6½ саж. дровъ по 1 р.—6 р. 50 к. Итого 24 р.

На содержаніе церкви 22 р.

Всего 141 р. 45 к.

Приходъ Куртно (33 дома) доставляетъ по 1 руб. съ души, 1 четв. ржи, 1 четв. ячменя, 6 гарцевъ овса, 1 курицу, 20 ф. сѣна, 2 ф. льна, ½ саж. дровъ, пучекъ лучины. Всего на сумму 218 р. 40 к.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что оцѣнка припасовъ совершенно произвольна и крайне низка, такъ, напр., стоимость сажени дровъ въ одинъ рубль далеко не соотвѣтствуетъ рыночнымъ цѣнамъ. Кромѣ того съ крестьянъ требуютъ доставленія такихъ продуктовъ натурою, которые не всегда они производятъ сами. Вслѣдствіе чего крестьянамъ часто приходится покупать эти продукты по болѣе высокимъ цѣнамъ, чѣмъ они принимаютъ. Самое распредѣленіе повинности по отдѣльнымъ приходамъ крайне неравномѣрно, напримѣръ, члены волости Покоръ платятъ по 4 р. съ тягла, ихъ же сосѣди (изъ Курсно) платятъ по 8 р. 50 к. Это происходитъ отъ того, что пасторъ не опредѣляется на службу правительствомъ, но назначается пасторатомъ, во главѣ котораго стоитъ, обыкновенно, помѣщикъ, при чемъ происходитъ и частное соглашеніе о вознагражденіи. Если помѣщикъ щедръ на крестьянскія деньги, или пасторъ является для него болѣе надежнымъ защитникомъ его дворянскихъ привилегій, то онъ, какъ патронъ церкви, назначаетъ ему болѣе широкій окладъ, въ противномъ случаѣ торгуется и по возможности урѣзываетъ окладъ, зная хорошо, что всѣ лишнія крохи крестьянскаго хозяйства пойдутъ въ его же амбары.

Можно было бы ожидать, по крайней мѣрѣ, что пасторы, будучи вполне удовлетворены годовымъ содержаніемъ, будутъ безвозмездно исполнять всѣ требы. Но ни чуть не бывало. Для требъ у нихъ существуетъ отдѣльная такса; такъ пасторъ волости Курито беретъ за крещеніе 10 к., за причастіе 3 р., въичаніе 2 р. 10 к., погребеніе 30 к., но это въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится выполнять требы въ самой церкви; приглашеніе же пастора на домъ увеличиваетъ стоимость и размѣръ платы,

Но вообще нужно сказать, что размѣръ, порядокъ и основанія взысканія церковной повинности относительно очень многихъ мѣстностей прибалтійскаго края далеко еще не выяснены правительственными властями. Все дѣло обложенія до сихъ поръ находилось почти всецѣло въ рукахъ лютеранскаго духовенства и дворянскаго сословія и ведется исключительно въ силу обычая, по установившемуся порядку. Далѣе, не смотря на то, что по характеру эта повинность должна являться чисто личною, до послѣдняго времени ее взыскивали и со всѣхъ православныхъ членовъ общины, пока въ маѣ 1886 г. не послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ, запрещающее вносить обложеніе этою повинностью въ контракты, заключаемые съ православными арендаторами. Однако и это распоряженіе встрѣтило сопротивленіе со стороны нѣкоторыхъ дворянъ, мотивированное тѣмъ, что церковная повинность принадлежитъ въ числу земскихъ (Reallast).

Когда такіе кривотолки не достигли цѣли и балтійскіе помѣщики убѣдились въ твердости правительственныхъ намѣреній, тогда они стали изыскивать все-таки средство обойти этотъ законъ. Примѣромъ этого можемъ выставить поступокъ одного изъ крупныхъ помѣщиковъ, который подъ видомъ уступки закону 25-го мая 1886 г. объявилъ крестьянамъ, что скидываетъ со всѣхъ ихъ безъ различія вѣроисповѣданія сборъ на лютеранскую церковь и беретъ на себя всѣ расходы по ея содержанію, но тутъ же прибавилъ, что вслѣдствіе вздорожанія земли, онъ вынужденъ увеличить арендную плату на 8 р. 30 коп. съ cadaго гагена. Въ результатѣ — православные крестьяне оказались въ худшемъ положеніи, чѣмъ лютеране, такъ какъ имъ при замаскированной такимъ образомъ повинности на лютеранскую церковь, приходится расходоваться и на содержаніе своей — православной.

Школьная повинность. О размѣрахъ ея у насъ не имѣется точныхъ свѣдѣній, и даже само министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ точнаго понятія о томъ, сколько, гдѣ и какія существуютъ народныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ, о чемъ можно судить по пробѣламъ въ годовыхъ отчетахъ Дерптскаго учебнаго округа.

Школьная повинность прежде всего не является добровольною, исходящею изъ сознанія крестьянскими обществами пользы, приносимой школою ихъ дѣтямъ. Въ большинствѣ случаевъ она оказывается вынужденною. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Исновской волости, кромѣ того существуютъ поборы за землю, находящуюся подъ школьнымъ домомъ, что противорѣчитъ ст. 5 правилъ 25 апрѣля 1875 г., по которой помѣщикъ обязанъ отводить землю и помѣщеніе для школы безвозмездно.

Полицейская и судебная повинность складывается изъ отдѣльныхъ повинностей: въ пользу мірскихъ и приходскихъ судовъ, въ пользу гагенрихтеровъ и уѣзднаго суда. Если принять въ соображеніе, что нѣкоторые же органы полицейской судебной организациі служатъ de facto исключительно для охраненія правъ и интересовъ помѣщика, а относительно крестьянъ являются неумолимыми карателями, то обложеніе послѣднихъ повинностью на ихъ содержаніе совершенно равносильно уплатѣ наказуемымъ за розги, которыми его сѣкутъ.

Кромѣ того замѣчается и излишнее взысканіе сборовъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ Везенбергскаго уѣзда крестьяне обязаны возить дрова для гагенрихтера и его управленія, а на островѣ Даго производится сборъ на служителей мѣстной полиціи.

Мостовая, дорожная и фуражная повинность несетя обыкновенно личнымъ трудомъ. Она одна изъ самыхъ тяжелыхъ по своимъ размѣрамъ и менѣе всего служитъ интересамъ самихъ крестьянъ, потому что крестьянину рѣдко приходится пользоваться почтовыми тракетами или шоссейными дорогами, идущими на мызу, такъ какъ ихъ поселки въ большинствѣ случаевъ находятся въ сторонѣ отъ проѣзжихъ дорогъ. Кромѣ того эту повинностью маскируется часто другое — очищеніе помѣщичьяго поля отъ булыжника и валуновъ, которыхъ иногда бываетъ такъ много, что вся мѣстность дѣлается негодною для обработки.

Помѣщикъ обыкновенно смотритъ на эти камни, какъ на строительный матеріалъ и, позволяя брать его, считаетъ, что несетъ дорожную повинность наравнѣ съ крестьянами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ пользуется двойною выгодой—даровою для себя дорогою и даровымъ трудомъ. О размѣрѣ этой повинности можно судить по слѣдующимъ даннымъ: волость Агоферъ поставляетъ 528 конныхъ дней, волость Солена 224 дня и исправляетъ 3,344 саж. 4 фута, Куртна вноситъ 512 р., Погоръ 1155 р. Илюкъ 210 р., Имакъ же несетъ ее личнымъ трудомъ, что при переводѣ на деньги составитъ по 10 р. на человѣка.

На островѣ Даго распредѣленіе дорожной повинности между отдѣльными крестьянами вычислено съ математической точностью, и участки каждаго занесены въ особую книгу. Такъ, въ ней значится, что крестьянинъ Я., арендующій 51 лоферъ земли, обязанъ содержать въ исправности 52 саж. 23 дюйма. Какимъ образомъ высчитывать дорогу дюймами, для насъ рѣшительно непонятно. Вся дорожная повинность въ имѣніи помѣщика У. на островѣ Даго составляетъ содержаніе 29 в. 33 саж. почтовыхъ дорогъ (хотя почтоваго тракта нѣтъ), да кромѣ того церковныхъ и проселочныхъ въ полтора раза болѣе. Хотя мы отнесли эту повинность къ числу земскихъ, но на самомъ дѣлѣ она является общественною, такъ какъ лежитъ преимущественно на крестьянахъ, отбывающихъ ее натурою.

Повинность по размежеванію земель, о размѣрѣ которой судить невозможно, такъ какъ она несетъ личнымъ трудомъ совершенно требованію, тоже отнимаетъ у крестьянъ не мало рабочаго времени. Она оказывается тѣмъ болѣе тягостною, что отбывается по произвольному требованію помѣщиковъ и въ его личныхъ интересахъ, совершенно безконтрольно, безъ твердаго основанія и соблюденія въ извѣстныхъ случаяхъ предписаній закона. Часто случается, что помѣщикъ обмѣниваетъ по своему усмотрѣнію крестьянскія земли на мызныя, при чемъ по закону въ его пользу поступаетъ одна шестая (sexta) часть крестьянскихъ земель. Но этотъ хотя и законный обмѣнъ долженъ былъ бы быть обставленъ формально и производиться съ вѣдома и подъ наблюденіемъ властей, чего на самомъ дѣлѣ не соблюдается и потому въ Эстляндской губерніи нерѣдки случаи недоразумѣній относительно вѣрности и законности отмежеванія крестьянскихъ участковъ.

Теперь понятно, почему наши прибалтійскіе бароны кричатъ о томъ, что нигдѣ въ Россіи хозяйство не поставлено на такую рациональную ногу, какъ у нихъ? Развѣ мудрено довести имѣніе до образцоваго состоянія, при пользованіи въ такихъ размѣрахъ даровымъ обязательнымъ трудомъ? Думается, что и у насъ русскихъ явились бы не худшія почтовые дороги, если бы каждое тягло было обложено на нихъ до 20 рублей въ годъ.

ХРОНИКА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

1. По Руси Православной.

Скоро запахнетъ въ воздухѣ весною и закукуетъ кукушка. Казалось бы между этою лѣнливою птицею и нашими внутренними дѣлами ничего ровно нѣтъ общаго, а между тѣмъ съ перваго крика кукушки у насъ на Руси начинается нѣчто, напоминающее намъ времена давно минувшія. Закукуетъ кукушка и снова со всѣхъ концовъ Руси тронутся караваны искать лучшаго тамъ, гдѣ-то въ невѣдомыхъ краяхъ. А такъ какъ это явленіе представляетъ не малый интересъ, то мы на немъ и остановимся на этотъ разъ.

И вотъ начинается Русь-матушка обращаться къ тѣмъ временамъ, когда населеніе осѣсть еще не успѣло, а бродить изъ одного ея угла въ другой, ища работы и предлагая свои руки и горбы на пользу имѣющему въ нихъ нужду. Массы рабочаго люда идутъ за Волгу, за Донъ и за Кубань въ поискахъ за заработкомъ, но куда они идутъ, нужна ли тамъ ихъ помощь и сколько именно рабочихъ рукъ тамъ требуется—все это покрыто мракомъ неизвѣстности, и всѣ эти поиски ведутся зря, на „авось“, „небойсь“ и „какъ-нибудь“. Переходы населенія бываютъ на маломъ пространствѣ, но достигаютъ иногда и разстояній въ 1500 и даже 2000 верстъ,—и что же? явится на мѣсто цѣлая гурьба рабочихъ, а тамъ, какъ на грѣхъ, случился неурожай, саранча хлѣбъ поѣла и т. п.—рабочихъ дѣвать некуда и цѣна за рабочій день устанавливается такая, что пришлому рабочему не только не приходится ровно ничего унести домой, но еще и обратное путешествіе совершить, питаюсь Христовымъ именемъ. Бываетъ еще и иначе: прослышатъ въ деревняхъ и селахъ, что вотъ, дескать, въ такомъ-то мѣстѣ и цѣна хороша, и харчи дешевы и рассчитываются аккуратно, безъ обсчитыванія, да и навалятся туда на слѣдующій годъ видимо-невидимо; другія мѣста остаются или вовсе безъ рабочихъ или же съ такимъ ихъ количествомъ, которое

„Дѣло“ № 2, Февраль, 1887 г. Отд. II.

совершенно недостаточно для обработки ихъ участковъ. Одно изъ нашихъ южныхъ земствъ примѣтило наконецъ всю ненормальность такого положенія дѣлъ, и задумало цѣлый рядъ мѣръ, которыя хотя отчасти регулировали бы наплывъ пришлыхъ рабочихъ; рѣшено было собирать въ излюбленныхъ рабочими мѣстахъ справки объ урожаяхъ, о количествѣ потребныхъ рабочихъ и т. п. и дѣлу данъ былъ ходъ... Пошла неизбежная переписка и проволочка.

Лучшимъ зданіемъ во всякомъ нашемъ уѣздномъ городѣ слѣдуетъ непременно считать острогъ, выстроенный хоть и въ стилѣ фельдфебельскаго возрожденія 30-хъ годовъ, все же однако изъ кирпича, и выкрашенный въ бѣлую и свѣтло-желтую краску; тутъ, хоть и промозгло все и провоняло, но все же сравнительно тепло и ѣсть даютъ хоть не роскошную пищу, да за то подбористую, такъ что живо подберешь ее на деревянной ложкѣ и, коли сытъ не будешь, то животъ набьешь до другого дня, такъ что новой набивки просить не будешь.

Попавшіе на холодное зимнее время въ острогъ, всѣ оттуда выберутся, а если и предпримутъ далеко не добровольное путешествіе за Уралъ, то развѣ лишь для того, чтобы, не дожидаясь открытія Томскаго университета, окончить въ Сибири полный курсъ бродяжничества и мошенничества и явиться „въ Рассею“ собирать плоды полученнаго ими спеціального образованія. За примѣрами ходить недалеко: сибирскихъ крестниковъ у насъ на Руси попадается ежегодно такое почтенное количество, что только приходится диву даваться, какъ это со строгостями паспортной системы могутъ удаваться подобныя примѣры обходовъ всевозможныхъ законовъ, и прожительства не только по „темнымъ“ паспортамъ, но даже и вовсе безъ оныхъ. Сонька Золотая ручка—та хоть обладаетъ по крайней мѣрѣ способностью влюблять въ себя тюремныхъ зрителей, которые и помогаютъ ей затѣмъ бѣгать изъ-за острожныхъ стѣнъ, ну а г. Аленчиковъ чѣмъ обладаетъ? Этотъ почтенный дѣятель ареною своихъ походовъ избралъ губерніи замосковскія, расположенныя по системамъ Оки и Дона и, нельзя сказать, чтобы дѣятельность его была негодотворна. Въ одномъ Воронежѣ онъ совершилъ вмѣстѣ со своею шайкою цѣлую уйму кражъ и мошенничествъ; въ этомъ богоспасаемомъ городѣ, на примѣръ, среди бѣла дня воры ограбили почту, потаскали деньги у цѣлой сотни пассажировъ на желѣзкой дорогѣ, забрались въ домъ какого-то купца, все утащили, всѣхъ перевязали и преспокойно удалились. Разъ удалось наконецъ напасть на ихъ слѣдъ полиціи и въ вагонѣ подлѣ г. Аленчикова очутился агентъ сыскной полиціи; стараго воробья на мякинѣ однако не проведешь, и Аленчиковъ скоро нашелъ прекрасное средство освободиться.

отъ непрощеннаго спутника; на одной изъ станцій онъ намѣтилъ одного изъ пассажировъ, а затѣмъ показалъ своему попутчику свою карточку агента, которая не была у него во время отбрана и направилъ его выслѣживать „опаснаго социалиста“; агентъ сталъ слѣдить, а г. Аленчиковъ посиѣшилъ, конечно, скрыться. Кончилось все дѣло тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день одинъ изъ власть имущихъ въ богоспасаемомъ городѣ Воронежѣ получилъ анонимное письмо слѣдующаго содержанія: „будучи нынѣ подъ навѣтомъ злыхъ людей, преслѣдуемы вашимъ высокоблагородіемъ и не чая себѣ средствъ избѣжать въ концѣ концовъ заперательства въ острогъ, мы осмѣливаемся принести нашу искреннюю благодарность воронежской полиціи за то, что она относилась къ нашей дѣятельности, если не благосклонно, то и безъ излишняго рвенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ долгомъ увѣдомить, что за неудобствомъ производить здѣсь наши операціи, мы переносимъ нашу дѣятельность въ другія мѣстности, гдѣ полиція менѣе дѣятельна, и должна будетъ употребить достаточное время для ознакомленія съ нами и съ нашею дѣятельностью“. Само собою разумѣется, что г. Аленчиковъ и всѣ ему подобныя не могутъ спокойно слышать заунывнаго крика вешней кукушки и, конечно, они немедленно уйдутъ изъ остроговъ, какъ только раздастся поэтический голосъ этой божьей пташки...

Намъ скажутъ, пожалуй чего добраго, что кукушка—птица съ виду прегадкая, привыкшая жить чужимъ трудомъ и что голосъ ея ничего общаго съ поэзіей не имѣетъ, но вѣдь о вкусахъ не спорять, и стоитъ только просмотрѣть провинціальныя газеты за время Пушкинскихъ поминковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ вполне. Боже ты мой! какихъ только стиховъ не выдержали провинціальныя типографскіе станки, какой только чуши не вынесли несчастныя читатели: и „высота сердца и „глубина умиленья“ и вообще такая дребедень, которая встрѣчалась прежде лишь въ надписяхъ на заборахъ, да въ лакейскихъ любовныхъ письмахъ, а теперь вошла во вкусы „новыхъ, юныхъ, нарождающихся поэтическихъ геніевъ“. Вотъ небольшою образчикъ того, какъ понимаютъ поэзію въ провинціальныя органы печати: 6-го февраля, въ гор. Николаевѣ, извѣстномъ своимъ завзятымъ патриотизмомъ, въ силу котораго граждане не дозволили одному иностранцу строить на „русской почвѣ“ завода, какой-то г. Тершахъ давалъ концертъ. Билеты распроданы, наготовлены въ буфетѣ бутерброды съ языкомъ и сардинами, запасено достаточное количество водки — чего бы, кажется, лучше? Такъ нѣтъ! надо было поднять весь Николаевъ на ноги, словно во времена еврейскихъ погромовъ, но на этотъ

разъ лишь для того, чтобы воздвигнуть г. Тершаку достойный памятникъ и прославить нѣкоего психопата — музыкальнаго критика на всю Россію. „Нѣтъ, это былъ не концертъ!“ восклицаетъ пятикопѣечный цѣнитель, это было торжество музыкальнаго искусства! Что-то непонятное охватывало слушателей. (Слушайте! слушайте!) Чудные звуки флейты лились въ одну сторону зала, возвращались обратно (что ни слово, то перлъ; я такъ и вижу, какъ гг. звуки лютя, ударяются лбомъ объ стѣну и возвращаются обратно!), вызывая удивленіе слушателей (представьте себѣ весь Николаевъ, сидящій съ раскрытыми ртами и съ развѣшанными ушами, причеъ о длинѣ послѣднихъ авторъ ничего намъ не сообщаетъ), приводя ихъ въ невѣдомое дотолѣ настроеніе духа. Кто изъ нихъ не испытывалъ въ себѣ тогда поэтическаго чувства, желанія творить (новая, характерная черта Николаевцевъ — „зудъ творенія...“) то (sic) испыталъ то и другое въ этотъ вечеръ“. Такова сила флейты г. Тершака. Говорятъ, что мѣстные власти, а также и мѣстная дума предприняли уже цѣлый рядъ обязательныхъ постановленій по поводу впечатлѣнія, произведеннаго на жителей флейтою г. Тершака. Указано напримѣръ, при собираніи недоимокъ, а также и при наборахъ, приглашать г. Тершака съ его флейтой для подъема духа, затѣмъ приняты мѣры, чтобы г. Тершакъ звуками своей волшебной флейты не увелъ изъ Николаева и не потопилъ въ морѣ всѣхъ дѣтей, какъ это разъ, по словамъ писаря въ портовомъ управленіи, уже случилось въ средвіе вѣка въ какомъ-то нѣмецкомъ городишкѣ, и наконецъ отнынѣ отмѣнить обязательность намордниковъ, и ввести леченіе песьяго бѣшенства звуками флейты г. Тершака. Однако продолжаемъ: „Мы слушали, видѣли въ немъ чародѣя... Нѣтъ, мы ничего не видѣли (вотъ это недурно); мы были подъ влияніемъ однихъ только звуковъ, то замирающихъ, летящихъ прямо къ нашему сердцу, вызывающихъ на глаза слезы, то шумныхъ, подобно быстрому ручью, низвергающемуся со скалы на скалу“. Это ли еще не поэзія? Да, недаромъ пословица говоритъ, что громъ бываетъ не изъ одной лишь тучи, и скоро настанетъ то время, когда всѣ мы отправимся въ богоспасаемый Николаевъ учиться писать.

Бываютъ въ мірѣ разныя повѣтрія, и вотъ теперь нашей родиною овладѣло повѣтріе „поэтическаго зуда“; болѣзнь эта страшная и при томъ не столько для самого больного, сколько для окружающихъ. Къ счастью однако на всякую болѣзнь тотчасъ же является и спасительное средство. Не успѣла еще появиться новая болѣзнь „лата“, какъ докторъ Васильевъ сообщилъ въ „Саратовскомъ Листкѣ“, что берется лечить ее; а болѣзнь эта пренеприятная. По наблюденіямъ Форбса, въ Малайскомъ архипелагѣ

среди женскаго населенія господствуетъ страшная болѣзнь, имѣющая нѣкоторое сходство съ гипнотизмомъ; характеръ болѣзни истерическій и среди туземцевъ она слыветъ подъ именемъ „лата“. Она выражается упадкомъ силъ, воли, и проявленіемъ крайней подражательности. „Лата“ вызывается въ большинствѣ случаевъ испугомъ отъ неожиданности. Форбсъ рассказываетъ, что его служанка была испугана чѣмъ-то въ то время, когда держала въ рукахъ кусокъ мыла, съ нею въ ту же минуту случился пароксизмъ; видя, что Форбсъ ѣстъ бананъ, женщина эта, подражая ему, стала ѣсть мыло. Въ другой разъ тотъ же изслѣдователь наблюдалъ такой случай: одна женщина встрѣтила въ полѣ змѣю и испугалась; затѣмъ видя, что змѣя ползетъ къ ней, и шевелить жаломъ, она сама легла на землю и, шевеля передъ ртомъ пальцемъ, поползла на встрѣчу страшному пресмыкающемуся. Я бы запретилъ г. Васильеву лечить эту болѣзнь. Помилуйте! всегда, когда дѣйствуютъ умные люди, дураки, пораженные этою болѣзью (отчего бы ее и не прививать имъ?) стали бы поступать также... достаточно завести одного честнаго человѣка въ банкѣ и затѣмъ заразить „латою“ всѣхъ директоровъ, чтобы Рыковы стали невозможны... довольно какому нибудь братушкѣ чеху или галицкому русину по фамиліи Сигъ, Носъ, Гавелька и т. п. продѣлать трудныя экстемпоралии передъ классомъ, который зараженъ „латою“, чтобы вся латинская и греческая мудрость засѣла въ юныя головы на вѣки нерушимо. Окончательно слѣдуетъ запретить леченіе этой болѣзни и напротивъ того назначить премію тому врачу, который сумѣетъ открыть средство заражать глупыхъ людей ея спасительными симптомами.

Вѣдь умѣютъ же у насъ заражать воду для питья, такъ что даже и самыми лучшими фильтрами ея не очистишь. Вонъ въ Харьковской губерніи всѣ рѣки заражены шерстяною „сѣркой“, вслѣдствіе того, что повсюду устроены мойки, Петербургъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ продуктовъ „взмыванія дождевою водою“, стекающею въ Неву, мертвыхъ тѣлъ на кладбищахъ, Воронежская губернія страдаетъ отъ зараженія воды коженными и салотопленными заводами, а въ Москвѣ вода заражается такими замысловатыми органическими веществами, что ни одинъ химикъ не могъ еще до сихъ поръ разобрать, съ чѣмъ онъ, собственно говоря, имѣетъ дѣло.

Основываются всевозможныя братства, устраиваются собесѣдованія съ раскольниками, а съ другой стороны то и дѣло появляются все новыя и новыя секты, благодаря разнымъ Пашковымъ, собранію ангеловъ и т. п. измышленіямъ того свѣта, гдѣ

люди умирають съ тоски, и отъ слонянія слоновъ. Вонъ въ Ставропольской губерніи мѣстнымъ Св. Андреевскимъ братствомъ обнаружена недавно новая секта „кадушниковъ“. Къ сожалѣнію, отчетъ названнаго братства, члены котораго, конечно, не имѣютъ ровно никакого понятія о разновидностяхъ нашего двоевѣрія, чрезвычайно кратко знакомитъ насъ съ ученіемъ этой секты. Кадушники, какъ оказывается, гнушаются мяса и спиртныхъ напитковъ, а слѣдовательно все обстоитъ благополучно; сектанты гнушаются также и священниковъ, и предметомъ занятій на ихъ собраніяхъ служить чтеніе и толкованіе вожакомъ Евангелія, цѣніе общецерковныхъ пѣсней и особенно духовныхъ стиховъ, составленныхъ нѣкому неизвѣстными авторами, а въ заключеніе собраній предлагается общая трапеза. Пока главнымъ вожакомъ сектантовъ состоитъ одинъ изъ крестьянъ села Благодарнаго, числящійся членомъ „общества возстановленія православія на Кавказѣ“, отъ котораго и имѣетъ крестъ; объ этомъ крестѣ вожакъ говоритъ, что получалъ его за распространеніе истиннаго ученія. Слѣдуетъ полагать, что кадушники составляютъ одно изъ проявленій рациональнаго сектантства, но мѣстные ревнители прямо называютъ ихъ послѣдователями, такъ называемой, пашковщины. Конечно стануть изыскивать средства для борьбы съ нарождающимся зломъ, учредить собесѣдованія, гдѣ будутъ доказывать истинность православія текстами изъ священнаго писанія, а не чѣмъ либо болѣе убѣдительнымъ для раскольниковъ, которые сами прекрасно знаютъ священное писаніе, и текстами же изъ него стануть доказывать, какъ дважды два четыре, правоту своего ученія. Потратятъ время, деньги, массу труда, а дѣлу не помогутъ и выйдеть, что все это творилось Богъ вѣсть зачѣмъ; тогда начнутся внушенія, а за ними вслѣдъ—заушенія—и маленькая сектантская община разросется, такъ какъ симпатіи народныя будутъ всегда на сторонѣ угнетаемыхъ.

Чего же требовать отъ простаго, непросвѣщеннаго народа, когда люди высшаго свѣта, носящія громкія имена, занимаются такимъ же сектаторствомъ, но еще болѣе нелѣпнымъ, такъ какъ облачаются въ какіе-то бѣлыя ризы, надѣваютъ на себя какіе-то ими же самими сочиненные ордена и ленты, и считаютъ своимъ апостоломъ какого-то сапожника въ Лондонѣ? чего требовать отъ толпы, если люди ученые, за невозможностью двигать горами, довольствуются тѣмъ, что двчгають столами, и творять разную чушь, безстыдно надуваемые тѣми, кто хочетъ воспользоваться ихъ легковѣріемъ. Еще недавно „Times“ сообщилъ всему міру, что къ намъ въ Петербургъ собирается прибыть „апостольша спиритка“ г-жа Слэдъ, вдова извѣстнаго англійскаго спирита.

Апостольша собирается просвѣтить насъ, восточныхъ варваровъ; она искренно вѣритъ и глубоко убѣждена въ возможность поддержанія ближайшихъ сношеній живыхъ людей съ душами мертвыхъ, т. е. съ ихъ духомъ, и намѣревается у насъ въ Петербургѣ, рядомъ опытовъ и испытаній на глазахъ массы публики убѣдить въ томъ и насъ грѣшныхъ. По словамъ почтенной газеты, Г-жа Слэдъ на дняхъ выѣзжаетъ изъ Лондона въ Россію, и прежде всего посѣтитъ Варшаву, а потомъ уже пріѣдетъ въ Петербургъ. Впрочемъ пусть почтенная лэди не считаетъ насъ уже такими варварами! На дняхъ въ кружкѣ любителей спиритизма въ Петергофѣ, крестьянинъ Ярославской губерніи (половой или банщикъ — такъ и осталось неразъясненнымъ) Яковъ Пименовъ, съ необычайной чистотой воспроизводилъ самыя разнообразныя спиритическія фокусы. Пименовъ, какъ оказывается, еще нѣсколько лѣтъ назадъ заинтересовался спиритическими опытами одного бывшаго въ то время въ Петербургѣ медиума, при которыхъ ему случайно довелось присутствовать, и затѣмъ онъ безо всякой посторонней помощи сумѣлъ разгадать ихъ секретъ. Пименовъ однако, не въ обиду будь сказано разнымъ гусямъ просто лишь образованнымъ и научнымъ, въ продѣлываемымъ имъ спиритическимъ штукамъ относится какъ къ простымъ фокусамъ. Однако и онъ хранитъ секретъ свой въ тайнѣ, на томъ основаніи, какъ выражается самъ Пименовъ, что „быть можетъ когда нибудь и это искусство пригодится на что нибудь—вѣдь зашибаютъ же имъ деньги иностранцы!“ Бѣда, если лэди Слэдъ попадетъ на такого ярославца, но все же она можетъ быть до нѣкоторой степени спокойна, такъ какъ въ отечествѣ нашемъ найдутся для нея овечки изъ болѣе образованнаго класса, которыхъ она и пострижетъ при нѣкоторомъ умѣнни съ ея стороны.

Да вотъ напримѣръ формальный документъ, который слѣдовало бы переслать апостольгѣ въ доказательство будущихъ ея успѣховъ. Управляющій Шендеровской экономіею, Каневского уѣзда, Киевской губерніи, нѣкто г. Ляшкевичъ, сильно озабоченный принятіемъ мѣръ противъ гусеницы, наносящей огромный вредъ свекловичнымъ плантаціямъ, напалъ на оригинальную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливую мысль. Конечно безъ согласія владѣльца экономіи, онъ обратился къ проживающей недалеко знахаркѣ, которая за извѣстное вознагражденіе обязалась своими чарами одолѣть зловерное насѣкомое. Экономъ видимо былъ человѣкъ предусмотрительный и на вѣтеръ денегъ бросать не хотѣлъ, а потому, договорившись съ знахаркою, онъ заключилъ сдѣлку съ нею письменнымъ договоромъ, который мы и приводимъ дословно: 1886 года, такого-то мѣсяца и числа. Я крестьянка Александра Дроботова, села Дадекъ, Киевской губерніи, Каневского уѣзда, та-

ращанской волости, ссылаю на очерета и болота хлѣбный жуек и свекловичную гусеницу (также могу вынимать у людей щеняты, шептаты отъ бышихи, пристриту, криглавицы, заваривать соже- ницы и многія другія напасти уничтожить). Договорилась я Алек- сандра Дроботова съ экономомъ шендеровской экономіи согнать гусеницу съ свекловичныхъ полей въ сему году за восемнадцать рублей, такъ что ея не будетъ на поляхъ шендеровской эконо- міи; и въ случаѣ вторичнаго появленія гусеницы на свекло- вицѣ, то платы за это не получаю. Деньги будутъ уплачиваться по сему условію Александрѣ Дроботовой 10 р. 1-го іюля и 8 р. 15 іюля 1886 года. Въ исполненіе сего договора подписались В. Ляшкевичъ. Александра Дроботова по неграмотности своей и мужа своего Ѳедора Дроботова поручили расписаться Мошка Кор- сунскій. 10 рублей по сему условію получила Александра Дроботова черезъ мужа своего Ѳедора Дроботова. Мошка Корсунскій“. Это ли еще не предестъ! но да не подумаетъ читатель, что на такую чужь способны только экономы, такъ какъ самимъ намъ привелось видѣть куріозный документъ въ Воронежскомъ уѣздѣ; подъ документомъ подписался отставной рядовой Андрей П., сняв- шій у помѣщицы Прасковьи Дмитріевны Е. землю въ аренду: „если я сего контракта не исполню, то будь я анаема прокляты“, за- канчивался контрактъ по требованію самой помѣщицы.

Бѣда однако господства суевѣрія еще не такъ велика, но сила въ томъ, что глубоко запала въ народѣ и жестокость чисто языческая. То вобьютъ колъ въ спину умершаго колдуна, то сожгутъ въ избѣ живемъ знахарку, то сведутъ съ ума дѣ- вушку спознавшуюся съ огненнымъ змѣемъ или запросто съ „нимъ“. Недавно еще въ гор. Холму, Псковской губерніи произошелъ слѣдующій характерный случай, довольно рѣзко обрисовывающій царящіе тамъ жестокіе нравы. Сотскій Петровъ возвращался ве- черомъ домой изъ становой квартиры, и близъ дороги замѣтилъ шалашъ и горѣвшій костеръ. Въ шалашѣ находились: крестьянинъ Петръ Григорьевъ со своей сестрой и любовникъ ея, динабург- скій мѣщанинъ Бѣлковскій. Григорьевъ питалъ на сотскаго злобу за то, что тотъ въ прошломъ году арестовалъ его при покуше- ніи на кражу изъ сельской лавки. Желая закурить трубку, Петровъ направился къ костру. Въ это время изъ шалаша выбѣжали Гри- горьевъ и Бѣлковскій, схватили его одинъ за голову, другой за ноги, и положили на огонь. Петровъ умолялъ: „братцы! если я пе- редъ вами въ чемъ провинился, то лучше побейте меня, чѣмъ жечь“, но злодѣи не обратили на его слова вниманія, и переворачивали свою жертву на огнѣ до тѣхъ поръ, пока несчастный не потерялъ со- знанія. Черезъ девять часовъ Петровъ умеръ. Докторъ и судеб-

ный слѣдователь, осмотрѣвъ утромъ трупъ, нашли его почти совершенно обуглившимся; уцѣлѣли только голова, правая рука и нижнія части ногъ, за которыя Григорьевъ и Бѣлинскій держали свою жертву“. Посмотрите, напримѣръ, что дѣлается въ Симбирскѣ. „К. кричитъ въ могилѣ... выходитъ по ночамъ изъ могилы и колотитъ свою жену!“ подобныя восклицанія не сходили съ языка симбирскихъ обывателей и слышались повсюду, такъ какъ все было до нельзя правдоподобно: ему и при жизни на землѣ тѣсно было, и Китъ Китычъ онъ былъ преисправный, а тутъ еще и жену колотитъ—точь въ точь, какъ при жизни имѣлъ пріятную привычку. К.—это недавно умершій мѣстный богачъ, оставившій послѣ себя нѣсколько милліоновъ состоянія. Послѣ его смерти начались носиться слухи, что не малую роль въ составленіи этого богатства играло ростовщичество. Можетъ быть, вслѣдствіе этого начали ходить другіе слухи, перешедшіе въ послѣднее время въ совершенную увѣренность; стали говорить, что покойникъ по ночамъ кричитъ въ могилѣ, требуетъ къ себѣ свои деньги; что жена его лежитъ вся въ синякахъ, такъ какъ каждую ночь онъ приходитъ и бьетъ ее на пропалую,—родственники очень обезпокоены всѣмъ этимъ; что на ночь къ его могилѣ приставляли полицейскихъ, которые слышали его крики и требованіе денегъ, и что поэтому К. вырываютъ изъ могилы; 22 января, въ 12 ч. дня на городское кладбище собралась громадная толпа народа, ожидая, что вотъ сейчасъ пріѣдутъ архіерей и губернаторъ, и приступятъ къ вскрытію могилы. Полиція, принадлежавшая, повидимому, къ реалистической партіи, всѣми мѣрамп старалась увѣрить толпу, что вырывать умершаго никто и не думаетъ, что ходящіе на этотъ счетъ слухи—чистѣйшая нелѣпость. Убѣжденія оставались напрасными: народу набиралось все больше и больше. Собирались не только городскіе обыватели, но и жители подгородныхъ деревень. Рассказывали, что толпу просятъ разойтись единственно изъ-за того, чтобы не вскрывать могилы при народѣ; тогда рѣшено было прибѣгнуть къ послѣднему средству убѣжденія—пожарной трубѣ. Противъ таковаго аргумента толпа не устояла и разбѣжалась, сохранивъ убѣжденіе, что мертвецъ все-таки кричитъ, что его должны вырыть и вырываютъ. Недурнымъ убѣдительнымъ средствомъ является и палка. Съ недѣлю тому назадъ между станціями Голицыно и Одинцово Московско-Бретской желѣзной дороги, дорожный сторожъ, отставной рядовой Родіоновъ замѣтилъ, что въ то время, какъ показался идущій въ Москву товарный поѣздъ, неизвѣстный человѣкъ, повидимому крестьянинъ, легъ на рельсы; Родіоновъ принялся его тащить въ сторону, но тотъ такъ крѣпко уцѣпился за рельсы, что всѣ усилія Родіонова оставались тщетными; тогда Родіоновъ

сталъ бить его палкой, къ которой былъ прикрѣпленъ сигнальный флагъ. Удары палкой оказали дѣйствіе: лежащій сначала кричалъ, ругался, но кончилъ тѣмъ, что вскочилъ и убѣжалъ. Кто онъ былъ, осталось неизвѣстнымъ, хотя и замѣтно, что ему очень ужъ хотѣлось умереть.

А вотъ калмыцкому Ламѣ, хоть и хорошій онъ былъ человѣкъ, а все же врядъ ли хотѣлось умереть. Между тѣмъ, не смотря на это нежеланіе смерть взяла свое и, пока мы готовились къ праздникамъ и закупали мерзлыхъ гусей и надутыхъ телятъ, совершилось великое событіе: калмыцкій архіерей, какъ называетъ его астраханскій народъ, умеръ. Такимъ образомъ, на нѣкоторое время калмыцкій народъ долженъ будетъ остаться безъ духовнаго главы. Ибо на избраніе Ламы требуется согласіе всѣхъ гелюнговъ (священниковъ) и благословеніе самого Далай-Ламы, за полученіемъ котораго поѣдетъ въ Тибетъ особая депутація, къ которой, скажемъ въ скобкахъ, могла бы совершенно безопасно присоединиться научная экспедиція, состоящая изъ лицъ, знающихъ тибетское нарѣчіе и калмыцкій языкъ; можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что калмыки намъ не измѣнятъ, и тогда удалось бы людямъ науки проникнуть въ самую загадочную Хлассу, т. е. въ самое сердце Тибета, и мечта Пржевальскаго осуществится безъ большихъ затратъ и хлопотъ. А пока калмыки ищутъ себѣ новаго главу, мы полагаемъ, что будетъ не безынтересно познакомиться съ торжественными похоронами умершаго. Оказывается, что калмыки опередили Европу и сжигаютъ своего ламу, такъ какъ полагаютъ, что тѣло есть лишь временная оболочка, которую душа покидаетъ въ моментъ смерти человѣка. Мѣстомъ совершенія торжественнаго обряда была выбрана поляна невдалекѣ отъ прославленной у насъ на Руси ст. Ветлянки, а день былъ назначенъ на 14 декабря. Все это было заранѣе опредѣлено гелюнгами, которые долго рылись въ священныхъ буддійскихъ книгахъ, чтобы избрать особенно счастливый день, такъ какъ трупъ и безъ того уже оставался безъ погребенія въ теченіе цѣлыхъ семи дней; покойный находился въ хурулѣ, въ сидячемъ положеніи, на особо приготовленномъ для этого случая желѣзномъ креслѣ, къ ручкамъ и къ спинкѣ котораго тѣло было накрѣпко прикручено проволокою. Ровно въ полдень покойный былъ вынесенъ изъ хурула на томъ же креслѣ гелюнгами въ желтыхъ священныхъ одеждахъ; два раза обнесли тѣло вокругъ храма, а затѣмъ поставили на открытомъ мѣстѣ, чтобы дать собравшемуся народу возможность навсегда проститься съ Ламою. Затѣмъ трупъ, все въ томъ же сидячемъ положеніи на креслѣ, былъ заложенъ въ четвероугольный каменный столбъ, вышиною около сажени, имѣвшій форму доменной печи съ пустою внутри и съ поддува-

лами снизу; печь была сверху открытая, а внутри вмазано было нѣсколько желѣзныхъ полосъ, изъ которыхъ одна поддерживала голову, а остальные—туловище. Въ печь сразу было положено полторы сажени лучшихъ дубовыхъ дровъ и поставлены двѣ кадки свѣжаго коровьяго масла, и когда печь была готова, проигралъ оркестръ калмыцкой хурульной музыки, и все заложенное въ печь подождено особо приготовленными на этотъ именно случай, выкрашенными въ желтую краску, стружками. Дрова и масло горѣли чрезвычайно скоро и въ скоромъ времени трупъ былъ окончательно превращенъ въ золу; въ самый разгаръ горѣнія, когда печь раскалилась до-красна, набожные гелюрги и нѣкоторые особенно благочестивые люди изъ толпы, подходя къ печкѣ, прикладывали къ ней свои лбы. Говорятъ, что стеченіе народа было весьма значительно; всѣ плакали, и даже всплакнули и нѣкоторые русскіе, имѣвшіе случай поближе узнать доброту покойнаго и его готовность помочь всякому, къ какой бы вѣрѣ онъ не принадлежалъ. Слѣдуетъ замѣтить, что личность Ламы почиталась гелюргами и, вообще, калмыками за святую, и уважалась всѣми знавшими его русскими, при чемъ простой народъ такъ и прямо приходилъ къ нему, прося его святыхъ молитвъ.

Только нѣмца никакая лютая болѣзнь и даже самая смерть не исправить. Въ одинъ прекрасный день они вдругъ оказались сердечнѣйшими друзьями тѣхъ самыхъ Латышей, которыхъ еще недавно подстрѣливали за ослушаніе, трепали за волоса, травили собаками и ловили на арканы за охоту въ своихъ лѣсахъ. Пришла такая пора, что все это пришлось на время оставить и ухаживать за Латышами, какъ за семнадцатилѣтнею барышнею; вотъ напримѣръ недавно: Латыши сами забыли про то, что недавно исполнилось ровно триста лѣтъ, какъ появилась на свѣтъ Божій „латышская литература“, а нѣмцы не только вспомнили этотъ многозначительный день, но даже и отпраздновали его съ подобающею торжественностью;—вышелъ прелестный водевилъ съ переодѣваннымъ волковъ въ овцы. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Ригѣ издавна существуетъ „латышское литературное общество“, которое однако ровно ничего общаго съ латышскою литературою не имѣетъ, и котораго Латыши вовсе не признаютъ, зная очень хорошо, что оно состоитъ по большей части изъ нѣмецкихъ пасторовъ. Собственно говоря это общество „литератовъ“ и основано-то было для того, чтобы подъ маскою народолюбія бороться не на жизнь, а на смерть противъ всякихъ попытокъ Латышей хотя нѣсколько высвободиться изъ-подъ высокой баронской руки. Общество дѣйствовало нисколько не стѣсняясь ни въ своихъ дѣйствіяхъ, ни въ словахъ и, забывая, что оно все же „латышское“ общество, такъ-то надруги-

валось надъ латышами, что даже южане Соединенныхъ Штатовъ никогда бы не рѣшились поступать такъ со своими рабами, такъ какъ они все-таки были до извѣстной степени джентельмены, тогда какъ тутъ, вѣроятно изъ Польши до нѣмецкихъ культуртрегеровъ добрались такія милая словечки, какъ „быдло“, „пся-кревь“ и т. п. Игра велась на чистоту и „латышское литературное общество“ въ открытую душило всякій проблескъ самостоятельнаго литературнаго движенія среди латышскаго народа. И вдругъ раздался неожиданно громъ, и баронамъ и пасторамъ пришлось понять, что они отнюдь не вольные граждане Балтишланда. Руки по швамъ! раздалась давно жданная команда и Латышамъ и Эстамъ наконецъ вздохнулось повольготнѣе; истасканные и поободренные пасторскими и баронскими ручками волосы приняли обычное положеніе, подобающее человѣческимъ волосамъ вообще, фізіономіи приняли обычный видъ и синяки начали сходить съ нихъ, да и сами они наконецъ восчувствовали себя людьми, и поспѣшили отвернуться отъ своихъ „милыхъ“ господъ. Само собою разумѣется, что и пасторы и бароны не на шутку перепугались: кто будетъ платить за религіозное наставленіе? откуда у пастора явятся бараны, масло и куры? кто будетъ обрабатывать баронскую землю. Надо что нибудь предпринять! рѣшили нѣмцы и стали придумывать кунштюкъ, такъ какъ извѣстно по лѣтописямъ, что нѣмецъ обезьяну даже выдумалъ и перехитрилъ. Скоро и кунштюкъ былъ придуманъ совсѣмъ подходящій, такъ какъ онъ ровно ничего не стоилъ и сводился въ концѣ концовъ къ исконной способности нѣмца, молотить рожь на обухѣ. Дружнымъ строемъ стали дѣйствовать униженные и оскорбленные и возопили со слезами: „пріидите къ намъ, въ наши братскія объятія и мы успокоимъ васъ!“ Но оказалось, что Латыши не такъ ужъ простодушны и довѣрчивы, какъ воображали ихъ опекуны и благодѣтели, и ни на слово имъ не повѣрили, такъ что всѣ ихъ старанія оказались тщетными; тогда-то нѣмцамъ и пришла въ голову геніальнѣйшая мысль дать на подмосткахъ мѣстнаго „лэтггасъ-феррейна“ спектакль изъ туземнаго новѣйшаго репертуара. Мѣстная газета такъ описываетъ это странное торжество: „разные болѣе или менѣе приличные нѣмцы, считающіеся потомками въ 101, 102 и 103 колѣнѣ тѣхъ самыхъ меченосцевъ, которые давали обѣтъ безбрачія, славословили латышскую литературу, которая по ихъ же винѣ ограничивается до сихъ поръ только азбуками, молитвенниками и плохенькими книжонками нравственнаго содержанія въ родѣ: „любовь къ пастору“ и „повиновеніе господину“. Лигованію въ честь „земляковъ-латышей“ конца не было, такъ какъ на собраніи присутствовали и предводители, и городскіе головы, и

генераль-суперъ-интенденты изъ тѣхъ, что оправдываютъ пасторовъ въ родѣ г. Стренга изъ Кронштадта, и бароны, и „литераты“, и журналисты. Среди этихъ знаменитыхъ „латышей“ не было только ни одного настоящаго латыша; понятно, что вся затрапезнориторская программа праздника была выполнена на нѣмецкомъ языкѣ, который такъ гибокъ и удобенъ для произнесенія чудесныхъ привѣтствій; въ ходъ пущены были всѣ прелести нѣмецкаго языка для того, чтобы высказать латышамъ свои любовныя чувства, которыя такъ долго таились въ нѣдрахъ сердець по приказанію изъ Петербурга, и только теперь вырвались наружу, благодаря перемѣнѣ фронта въ томъ же безсердечномъ Петербургѣ. Пасторы проливали слезы, а бароны кивали своими головами въ знакъ полнаго согласія. Это была картина неподражаемая, очень тонко и остроумно задуманная мистификація, и самъ Игнатій Лойола охотно принялъ бы участіе въ торжествѣ. Другая газетка, тоже издающаяся на латышскомъ языкѣ, заявила прямо; „насъ, видимо, хотѣли посмѣшить и мы отъ души посмѣялись. Мы Латыши народъ добрый, благодарный, помнящій все хорошее, а потому мы, навѣрно, никогда не забудемъ „любительскаго представленія“, даннаго въ Ригѣ, съ участіемъ весьма богатыхъ и достойныхъ персонъ, подъ именемъ „трехсотлѣтняго юбилея латышской литературы“. Понятно, что послѣ всѣхъ этихъ репримандовъ „богатымъ и достойнымъ персонамъ“ осталось только прикрыть хламидами свои маски, и укрыться въ свои средневѣковые замки и пастораты.

Но если нѣмцы повѣсили носъ на квивту въ Балтишъ-ландѣ, то въ остальныхъ частяхъ своего русскаго фатерланда они все еще держатъ высоко свою голову, и полагаютъ, что имъ лишь суждено совершить славный подвигъ онѣмеченія варварской Россіи. Ну что, напримѣръ, скажете вы о нѣмецкѣмъ г. Шольцѣ, который, живя въ Россіи, бьетъ по щекамъ караульныхъ солдатъ, устраиваетъ формальныя сраженія съ караульною стражею, отбиваетъ у нея контрабандистовъ и публично общается: „утопить въ Бѣломъ морѣ каждаго русскаго солдата, нога котораго станетъ на его, Шольцовой, землѣ“. Мѣстный корреспондентъ такимъ образомъ рассказываетъ всю эту исторію. Этотъ безстрашный и необузданный тевтонъ занимаетъ весьма видное мѣсто среди архангело-городскаго купечества, какъ и подобаетъ нѣмцу среди насъ—азиатскихъ варваровъ, и обладаетъ очень большою лѣсною биржею. Онъ съ давнихъ уже поръ славился своею крутостью и дикостью, но мѣстная полиція и думать не смѣла объ укрощеніи орла, такъ какъ капиталъ—всегда капиталъ, и въ Архангельскѣ, какъ и въ прочихъ частяхъ нашего отечества, Шольцъ замѣтилъ,

что пограничный солдат поймалъ съ полчинымъ контрабандиста изъ нѣмцевъ, и ведетъ его куда слѣдуетъ. Шольцъ крикнулъ рабочихъ своихъ и велѣлъ имъ освободить контрабандиста. Рабочіе навинулись на солдата, свалили его съ ногъ, высвободили нѣмецкаго имъ нѣмца, а его самого поволокли на расправу къ хоянину. Благородный германецъ отлупилъ стражника по щекамъ и велѣлъ вытолкать его вонъ, угрожая ему, что онъ будетъ томить въ морѣ каждаго пограничнаго солдата, который вздумаетъ ловить контрабандистовъ на „его землѣ“.

Какъ на грѣхъ каждый солдатъ имѣетъ въ Россіи начальство, а начальство, какъ оказывается, стоитъ „иногда“ за оскорбленіе русскаго имени. Началось предварительное дознаніе, но, какъ нерѣдко бываетъ, оно не дало почти никакихъ твердыхъ и опредѣленныхъ данныхъ, да иначе и быть не могло, такъ какъ Шольцъ платилъ за это не твердымъ металломъ, а бумажками. Слѣдствіе по казало даже, что фактъ, случившійся на глазахъ у сотни совершенно трезвыхъ лицъ, долженъ быть признанъ скорѣе „преувеличеннымъ слухомъ“, чѣмъ достовѣрнымъ происшествіемъ... Но тутъ случилась новая бѣда: вмѣшалась прокуратура, „передознала“ вдоль и поперегъ прежнее дознаніе, собрала на этотъ разъ уже не депозитки, а цѣлую массу уликъ противъ Шольца, и предала его уголовному суду архангело-городской соединенной палаты. Въ концѣ концовъ Шольца приговорили къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, а онъ, прочитавъ такой приговоръ, поднялъ на ноги всѣхъ адвокатовъ, и послалъ въ сенатъ апелляціонную жалобу. Но и сенатъ утвердилъ рѣшеніе палаты.

А что дѣлается въ Ковенландѣ? Всѣ имѣнія случайнымъ образомъ попали въ руки истыхъ и заворенѣлыхъ нѣмцевъ, которые не сочли даже нужнымъ принять русское подданство, хотя въ случаѣ войны измѣнить новому отечеству всякій нѣмецъ счелъ бы за особенное рыцарство; всѣ кондуктора, начальники станцій, телеграфисты — нѣмцы, которые, говорятъ не на шутку, имѣютъ въ карманѣ готовыя назначенія быть въ тылу германской арміи тѣмъ-то и тѣмъ-то. Явится эта армія и все это измѣнить намъ, какъ Амальхенъ считаетъ долгомъ измѣнить промотавшемуся любовнику для того, чтобы взять новаго, такъ какъ въ городѣ Эрлангербирѣ, въ милой Германіи, ее ждетъ прелестный „бѣлобрысый“ Карлуша, для котораго она и набираетъ приданое. Въ Ломжѣ и въ Лодзи идетъ такое переселеніе нѣмцевъ въ Россію, какового не бывало со времени великаго переселенія народовъ, и разница только въ томъ, что въ Гунскихъ и Аварскихъ колымагахъ сидѣли пріятныя супруги переселяющихся варваровъ, тогда какъ нѣмецкіе германцы, просвѣщенные и думающіе просвѣщать дру-

гихъ, оставляютъ своихъ Минхенъ, Амальхенъ и Каролинхенъ у себя дома, и одни отправляются наживать деньгу къ варварамъ. Въ Ломжѣ они стараются „страха ради російска“ скрыть, что они ландверманы и будущіе начальники воинскихъ поѣздовъ, и для этого стараются говорить на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ съ примѣсю поговорокъ, въ родѣ: „на то и карась въ морѣ, чтобы щука не дремала“ и т. п. Иные такъ прямо записываются членами общества распространенія православія на Кавказѣ, ходятъ въ православныя церкви, молятся и крестятся по-русски и т. п. А между тѣмъ земли около фабричныхъ городовъ покупаются, исподволь и подъ сурдинку, чистокровными сынами Арминія, фабрики тоже переходятъ въ ихъ руки.

Нѣмцы ухитряются даже сдѣлаться такими же грязными какъ и мы для того, чтобы успокоить нашу тревогу, и показать, что они успѣли уже совсѣмъ обрусѣть. Вотъ, оказывается, что даже и Казань, всегда отличавшаяся грязью, не смотря на большое количество выдѣлываемаго ею казанскаго мыла, раздобыла себѣ героя изъ сыновъ Арминія, съ тою лишь разницею отъ всѣхъ воинствующихъ соотечественниковъ его, избравшихъ цивилизующимъ орудіемъ скорострѣльное ружье Маузера, что онъ въ качествѣ такового принялъ простую влистирную трубку. Конечно, этотъ культуртрегеръ будетъ сортомъ помельче, но и онъ можетъ со своимъ влистиромъ надѣлать въ случаѣ войны не мало хлопотъ, и по крайней мѣрѣ отправить на тотъ свѣтъ сотни россіянъ, въ особенности въ сообществѣ съ нѣмцами докторами—ими же имѣтъ легионъ. Этотъ пріятный нѣмецъ представляетъ изъ себя хозяина лучшей въ городѣ и наиболѣе популярной кондитерской. На грѣхъ и Казань ковыляетъ по тропѣ культуры, и тамъ имѣется санитарный контроль—будь ему пусто! Почтенные члены санитарной коммисіи, посѣтившіе этого „лучшаго булочника и кондитера“, предложили на усмотрѣніе казанцевъ слѣдующую общую картину заведенія, отъ которой вчужѣ съ души воротить: „при осмотрѣ ящиковъ въ столахъ, на которыхъ производятся кондитерскія выдѣлки, видѣтъ съ формами для выдѣлки сахарныхъ украшеній—были найдены грязныя лоскутки бумаги, засохшіе и завалившіеся куски печеній, разныя краски, табакъ махорка и даже очень подержанная оловянная влистирная трубка“. Столь необыкновенный для кондитерской инструментъ сильно заинтересовалъ санитаровъ, и они всячески стали разузнавать для какихъ именно цѣлей въ кондитерскомъ дѣлѣ онъ употребляется. По тщательно произведеннымъ справкамъ оказалось, что почтенный кондитеръ извлекаетъ изъ не менѣе почтеннаго инструмента двойную пользу, то употребляя его для цѣлей врачебныхъ, то выдавливая изъ него гла-

зурь, необходимую для украшеній на разнаго рода печеньяхъ. Вообще грязь оказалась неимовѣрною, сифились въ ходу между рабочими, но когда изумленные и возмущенные санитары начали усовѣщивать кондитера, и стали говорить ему, что вѣдь онъ нѣмецъ, что Германія славится своею опрятностью, что тамъ было бы совершенно немыслимо существованіе подобнаго заведенія, то хозяинъ и изобрѣтатель „кондитерскаго влистика“, задумчиво сплюнувъ въ кадку съ тѣстомъ, замѣтилъ: „что можно въ Германіи, то никакъ нельзя имѣть въ Россіи“.

Кстати,—тѣмъ кто увѣряетъ, что Пушкинъ—европейскій гений: никто изъ курляндскихъ дворянъ не былъ на панихидѣ по нашемъ великомъ поэтѣ. А ужъ мы ли не добродушно относились къ этимъ сынамъ великаго фатерланда: въ Митавѣ лѣтъ 15 тому назадъ горстью жившихъ здѣсь русскихъ основанъ былъ „Русскій кружокъ“, членами котораго могли быть и нѣмцы, и латыши,—тогда имѣлось въ виду облегчить послѣднимъ возможность объединиться съ русскими на совершенно нейтральной почвѣ,—и что же? Въ теченіе 15 лѣтъ ни одинъ курляндскій дворянинъ, и ни одинъ вообще курляндскій нѣмецъ, не пожелали вступить въ русскій кружокъ; въ тоже время русскіе нисколько не чуждались нѣмецкаго общества и почти всѣ поголовно состояли членами „Митавскаго большого клуба“, обладающаго значительными средствами, всецѣло находящагося въ рукахъ бароновъ и литератовъ, и явно управляемаго въ нѣмецкомъ духѣ. Съ конца 1885 года, т. е. съ оживленіемъ русскаго дѣла въ край, русское общество готово было братски протянуть руку мѣстному дворянству, дѣлая даже первые шаги на встрѣчу, причемъ ожидало, что хотя нѣкоторые вліятельные бароны поступать членами въ русскій кружокъ. Ожиданія оказались напрасными, и до сихъ поръ въ кружкѣ не только нѣтъ ни одного члена изъ среды курляндскаго дворянства, но даже ни одного какого бы то ни было захудалаго нѣмца, хотя бы изъ литератовъ. Подобное пренебреженіе со стороны нѣмецкаго общества нисколько однако не шокировало, какъ увѣряетъ корреспондентъ, русское общество, и недавно трое изъ весьма уважаемыхъ русскихъ людей, занимающихъ видныя должности, выразили желаніе баллотироваться въ члены упомянутаго большого нѣмецкаго клуба, полагая все-таки сойтись съ нѣмцами. Къ неожиданному для всего русскаго общества реприманду всѣхъ троихъ забаллотировали...

Бывалый.

2. Письма из Москвы. Письмо второе.

Начало января занялъ у насъ съѣздъ врачей, которымъ были заполнены цѣлую недѣлю всѣ столбцы газетъ. Нѣсколько шумный и крикливый въ сравненіи съ достигнутыми имъ результатами, съѣздъ этотъ производилъ тѣмъ не менѣе хорошее впечатлѣніе уже потому, что здѣсь, благодаря массѣ съѣхавшихся земскихъ врачей, едва ли не впервые была выдвинута на сцену и получила надлежащую оцѣнку дѣятельность земскаго врача, въ напей задыхающей отъ невѣжества провинціи. Въ этомъ несомнѣнный успѣхъ и заслуга съѣзда. Не обошлось на съѣздѣ и безъ эпизодовъ увеселительнаго характера, безъ чего у насъ не обходится ни одно общественное дѣло. Отмѣтимъ одинъ, довольно характерно обрисовывающій умственное убожество одного изъ московскихъ органовъ печати. Дѣло идетъ о „Русскомъ Курьерѣ“, усвоившемъ себѣ въ послѣднее время всецѣло программу и приемы дѣятелей „откровеннаго направленія“ съ тою лишь разницею, что подвигающіеся основатели этаго направленія отличаются всетаки нѣкоторой долей даровитости если не здраваго смысла, курьеристы же проявляютъ полное отсутствіе того и другого, и ихъ подражаніе своимъ учителямъ сильно смахиваетъ на самоувѣренную развязность недоучившагося подростка, попавшаго въ кампанію большихъ. Тотъ же тонъ, тотъ же безпринципный безалаберный оппортунизмъ, таже погоня за рекламой, и отсутствіе какого бы то ни было собственнаго достоинства. Въ погонѣ за подписчикомъ редація „Курьера“, никого не спросившись, начала обязательно разсылать всѣмъ членамъ съѣзда номера своей газеты. Нѣкоторые члены съѣзда, въ числѣ кажется двадцати пяти человѣкъ, послали въ „Русскій Курьеръ“ очень энергичный протестъ противъ такой безцеремонной навязчивости, угрожая въ случаѣ отказа напечатать его, обратиться въ другія редакціи. Протестъ *былъ напечатанъ*, но затѣмъ въ продолженіе многихъ дней „Курьеръ“ наполнялся отборной бранью противъ гг. протестантовъ. Вотъ остовъ инцидента, болѣе подробно рассказывать который не стоитъ труда. Все это было бы очень смѣшно, если бы не наводило на очень грустныя размышленія. Годъ отъ году рѣдѣютъ ряды честной русской печати. Забыто все, что прежде было такъ дорого и свято, порвана связь со всѣми литературными традиціями, которыми такъ гордилась—и по праву—русская печать. И неудивительно, если взглянуть на наличный составъ представителей нашей печати. Ею завладѣлъ почти всецѣло либо аферистъ,—либо Молчаливъ,—или еще того хуже безцеремонный шантажистъ. Оставалось бы одно утѣшеніе, что это царство бездарности и безпринципности, такъ быстро народившееся, такъ же скоро и безслѣдно исчезаетъ, но къ сожалѣнію въ силу той роли, которую у насъ играетъ печать при полномъ отсутствіи всякихъ другихъ какихъ либо связующихъ общество интересовъ, несомнѣнно, что она сумѣетъ деморализировать и наше московское общество, вообще страшно быстро забывающее свое прошлое. Годъ тому назадъ смерть И. С. Аксакова произвела какъ бы отрезвляющее впечатлѣніе. Всѣ поняли, что ушелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ могикановъ русской

честной и убѣжденной мысли. Сравненіе скончавшагося публициста съ окружающею пошлостью дѣлало утрату еще болѣе горькой и тяжелой. И вотъ, подъ этимъ впечатлѣніемъ, похороны Аксакова, голось котораго при его жизни мало находилъ себѣ поддержки, стали общественнымъ событіемъ. На могилу почтить его память сошлись враги и друзья. Но достаточно было пройти только одному году, чтобы окруженное еще такъ недавно высокимъ ореоломъ имя Аксакова успѣло изгладиться, и на годовщину его смерти собрался лишь крайне ограниченный кружокъ лицъ, въ число которыхъ, по злой ироніи судьбы надъ славнымъ публицистомъ, попали и представители той пошлости, противъ которой покойный боролся всю жизнь.

Непосредственно за сѣздомъ врачей наступилъ Татьянинъ день, наиболѣе интересный и характерный день въ жизни московской интеллигенціи. Онъ на столько популяренъ и его столько разъ описывали, что мы ограничимся только указаніемъ на одну изъ характерныхъ чертъ этого „всероссійскаго праздника“, — какъ его принято называть, — проявившуюся особенно сильно почему-то въ нынѣшній годъ. Это — охватившее всѣхъ участниковъ жгучее стремленіе ко всенародному покаянію. Каяться начали еще на парадныхъ обѣдахъ въ извѣстныхъ ресторанахъ, перенеслись съ этимъ чувствомъ въ Стрѣльну и Ярѣ, гдѣ оно конечно достигло апогея, гдѣ — въ одномъ углу врачъ повѣствовалъ окружающимъ насколько онъ нравственно палъ и опошилъ, въ другомъ занимался самобичеваніемъ адвокатъ, въ третьемъ профессоръ заявлялъ въ десятый разъ окружающимъ его студентамъ, какъ сильно онъ измѣнилъ идеаламъ своей молодости. Конечно характеръ этого самооплеванія мѣнялся смотря по темпераменту оратора, но общій тонъ былъ одинъ и тотъ же, и получилось впечатлѣніе отнюдь не праздника, а какого-то покаяннаго дня.

Актовая рѣчь была произнесена профессоромъ Янжуломъ на тему — „Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“, матеріаломъ которой для г. Янжула послужили данныя, собранныя имъ во время его официальной командировки для изслѣдованія положенія мѣстной фабричной промышленности. Не смотря на интересъ этихъ данныхъ, несомнѣнно, что избраніе темой для рѣчи такого слишкомъ спеціального и практическаго, а не обще теоретическаго вопроса, насколько не соответствовало традиціямъ актовыхъ рѣчей. Выбираемъ изъ университетскаго отчета за послѣдній учебный годъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ данныхъ о жизни нашего университета. Число студентовъ съ посторонними слушателями достигаетъ 3.541, при чемъ оно увеличилось сравнительно съ прошлымъ годомъ на 201. Стипендій было выдано на сумму 118,916 рублей, единовременныхъ пособій 12.094 руб. и освобождено отъ платы 698 человекъ. Цифры крайне характерныя для оцѣнки того положенія, въ которомъ находится большинство студенчества. Оно еще болѣе иллюстрируется отчетомъ комитета „общества вспомошествованія студентамъ“. Дѣятельность его въ послѣднее время свелась главнымъ образомъ къ снабженію недостаточныхъ студентовъ *обѣдами*. Вслѣдствіе ли недостатка средствъ, или отсутствія надлежащей энергіи въ своихъ членахъ, комитетъ

прибѣгъ въ этомъ случаѣ къ наиболѣе худшей мѣрѣ, какую только можно было избрать. Онъ условился съ содержателемъ столовой при довольно извѣстной въ Москвѣ „Ляпинкѣ“ (нѣчто въ родѣ пріюта для всякаго бездомнаго) уплачивать ему по 15 коп. за каждый студенческій обѣдъ и раздаетъ студентамъ, обращающимся къ нему за помощью, на таковыя обѣды марки. Примите во вниманіе, что изъ этихъ несчастныхъ 15 коп. содержатель долженъ получать свои барыши, что онъ нисколько не заинтересованъ въ удобствахъ своихъ кліентовъ, и тогда получите надлежащее представленіе о томъ, какую услугу оказываетъ комитетъ студенчеству. И вотъ на такіе-то обѣды нашлось желающихъ *1.866 человекъ!* Цифра очень краснорѣчивая.

Болѣе благоприятное впечатлѣніе получается при чтеніи отчета перваго студенческаго общежитія, основаннаго въ 1881 году на 42 человекъ. Мы узнаемъ отсюда, что кромѣ всѣхъ внѣшнихъ удобствъ, которыми пользуются студенты, здѣсь сдѣлано многое для облегченія ихъ научныхъ занятій. Такъ при общежитіи имѣется библіотека, около 3.000 томовъ, лабораторія и т. д. Внутреннія распоряженія въ обществѣ устраиваются самими же студентами.

Хотя театральная хроника и не входитъ въ нашу задачу, но мы не можемъ не отмѣтить среди московскихъ событій дня двадцатипятилѣтняго юбилея Г. Н. Ѳедотовой. По толкамъ и приготовленіямъ сопровождавшимъ его, по обстановкѣ и церемоніалу самаго торжества, этотъ юбилей дѣйствительно былъ нѣчто изъ ряда вонъ выходящее. Сумма и сборъ Малаго театра оказались для него слишкомъ малы и торжество было перенесено въ Большой театръ, гдѣ оно было повторено три раза. Не смотря на жалобы на общее безденежье, не смотря на страшно высокія цѣны (при номинальной цѣнѣ въ 100 руб. ложи продавались по 200, 300 руб. и болѣе), билеты на всѣ три представленія—шла шекспировская пьеса „Антоній и Клеопатра“—были разобраны. Цифра поднесенныхъ даровитой артисткѣ подарковъ достигаетъ какой-то баснословной суммы. Болѣе торжественнаго празднованія своего юбилея едва ли удостоивались самые выдающіеся общественныя дѣятели и писатели. Старинная страсть москвичей къ театру, и любовь къ своимъ артистамъ сказалась тутъ во всей своей силѣ.

Гораздо болѣе скромно и совѣмъ незамѣтно прошелъ двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности г. Боборыкина, отпразднованный 10 января небольшимъ кружкомъ друзей и знакомыхъ писателя. Странная судьба этого обладающаго нѣкоторымъ литературнымъ именемъ беллетриста и драматурга, не могущаго не смотря на свою широкую популярность снисывать симпатіи публики! Горечь этого сознанія проглядывала и въ отвѣтной рѣчи юбиляра. „Всякій на этомъ поприщѣ“ (писателя), говорилъ онъ, „ищетъ признанія, извѣстности, славы. Это—такой же инстинктъ какъ и то, что влечетъ человекъ брать перо, кисть или рѣзецъ. Каждому изъ насъ хочется, чтобы его оцѣнили и признали; но не каждому выпадаетъ въ удѣлъ удача и скорый успѣхъ... Даже пусть и до конца дней не приведется писателю“, ободрялъ себя г. Боборыкинъ, „выслушать ни одного теплаго слова—онъ долженъ сойти съ поприща безъ унынія, если только оставался вѣренъ самому себѣ“. Затѣмъ послѣдовало конечно

увѣреніе, что *оцѣнка его театральной дѣятельности (?)* со стороны друзей служить ему лучшей наградой за нее...

Извѣстную долю своей изолированности г. Боборыкинъ относилъ насчетъ якобы партійности и кружковщины, но намъ кажется, что съ гораздо большимъ правомъ могутъ пожаловаться на мелкіе партійные проски члены московскаго общества испытателей природы, мирныя научныя занятія котораго недавно были нарушены слѣдующимъ небывалымъ инцидентомъ. Почетнымъ членомъ и предсѣдателемъ общества проф. Бредихинымъ и проф. Цингеромъ былъ предложенъ къ баллотировкѣ въ члены общества магистръ астрономіи г. Церасскій, и былъ серьезнымъ большинствомъ присутствовавшихъ (12 противъ 6) забаллотированъ. Такой сенсационный фактъ вызвалъ цѣлую бурю среди членовъ общества. Тридцать изъ нихъ подали сочувственный адресъ г. Церасскому, а двадцать три обратились въ общество съ требованіемъ признать забаллотированіе г. Церасскаго случайнымъ, и неимѣющимъ потому значенія, и новыхъ выборовъ. Протестъ былъ подписанъ преимущественно профессорами университета, но онъ встрѣтилъ сильную и упорную оппозицію въ лицѣ секретаря общества, проф. Петровской академіи Линдемана, прославившагося когда-то своими неудачами съ гессенской мухой. Послѣ продолжительныхъ преній было постановлено выразить сожалѣніе г. Церасскому, по поводу того, что онъ не былъ избранъ членомъ, и онъ снова былъ предложенъ къ баллотировкѣ. Но за отказомъ его послѣдняя не состоялась, а тѣмъ временемъ были забаллотированы еще два профессора—гг. Морковниковъ и Соколовъ, послѣ чего немедленно были возвращены членскіе дипломы профессорами Тимирязевымъ, Столѣтовымъ, Жуковскимъ, Некрасовымъ и Цингеромъ. Такимъ образомъ анти-профессорская партія побѣдила, но врядъ ли отъ этого выиграетъ общество и научные интересы его. Казалось бы, что такое мирное и безобидное дѣло, какъ занятіе естественными науками менѣе всего давало бы повода для какихъ либо распрей, но видно отсутствіе въ русскихъ людяхъ способности къ занятію какимъ-либо общимъ дѣломъ, не внося въ него свое мелкое личное самолюбіе, роковымъ образомъ отражается на всемъ, за что бы они не взялись.

Крупныя разногласія обнаружались также въ другомъ нашемъ ученomъ обществѣ—юридическомъ, но здѣсь дѣло ограничилось лишь страстными преніями, чуть-чуть не переходившими на личную почву,—и практическихъ результатовъ никакихъ не воспослѣдовало. Въ засѣданіи 3-го февраля г. Джаншіевымъ, мѣстнымъ quasi-специалистомъ по части адвокатской этики, былъ прочитанъ рефератъ: „вопросы адвокатской дисциплины“, гдѣ между прочимъ былъ затронутъ вопросъ о правѣ присяжнаго повѣреннаго отказываться отъ предложеннаго ему Советомъ присяжныхъ повѣренныхъ дѣла лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, разъ онъ находитъ его юридически неосновательнымъ или безнравственнымъ. Вотъ этотъ-то вопросъ и подалъ поводъ къ бурнымъ преніямъ на болѣе общую тему, возможно ли для адвоката вообще братья за дѣло завѣдомо неправое, и въ то же время могущее быть выиграннымъ по формальнымъ основаніямъ. Полемика по этому вопросу началась между г. Джаншіевымъ и

Невядомскимъ еще прошлымъ лѣтомъ, но велась до сихъ поръ исключительно печатно, а здѣсь ожесточеннымъ противникамъ пришлось въ первый разъ встрѣтиться лицомъ къ лицу. Въ своей брошюрѣ: „Веденіе неправыхъ дѣлъ“, снабженной эпиграфомъ изъ Mollet—„Si le style est tout l'homme, la probité est tout l'avocat“, г. Джаншіевъ боролся главнымъ образомъ со взглядами Сената, выраженными въ извѣстномъ рѣшеніи по дѣлу Лохвицкаго, гдѣ утверждается, что на обязанность адвоката не можетъ быть возложено разысканіе нравственной чистоты, и потому принятіе имъ гражданскаго дѣла къ своему производству можетъ регулироваться только *закономѣрностью* тѣхъ требованій, защитникомъ которыхъ онъ является, и наличностью тѣхъ данныхъ для удостовѣренія въ дѣйствительности защищаемаго права, которыя установлены закономъ. По мнѣнію Сената критерій индивидуальной нравственности слишкомъ неувимъ и понимается всякимъ по своему; допустить *обязанность* присяжнаго повѣреннаго устраниваться отъ защиты правъ, которыя, по его мнѣнію, приобрѣтены тяжущимся способами нечестными, значило бы оставить значительное количество правъ, основанныхъ на законѣ, безъ защиты и затруднить тяжущимся доступъ къ правосудію.

Противъ этого положенія Сената и выступилъ съ горячими нападками г. Джаншіевъ, доказывая, что проведеніе на практикѣ этого взгляда привело бы къ господству въ адвокатурѣ хищничества и притворства. Единственно правильный критерій профессиональной нравственности въ адвокатурѣ, защищаемый г. Джаншіевымъ, былъ къ сожалѣнію имъ слишкомъ поверхностно обоснованъ въ научномъ отношеніи, горячо и не безъ остроумія написанная статья получила характеръ памфлета, наполненнаго къ тому же слишкомъ рѣзкими и неумѣстными выходками противъ личности покойнаго Лохвицкаго, что вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, еще болѣе рѣзкое возраженіе со стороны бывшаго сотрудника Лохвицкаго—г. Невядомскаго, выступившаго съ брошюрой: „Вѣчные вопросы адвокатуры“, гдѣ онъ всецѣло защищаетъ приведенный выше взглядъ сената. Брошюрѣ г. Невядомскаго сильно не посчастливилось въ печати; подъ вліяніемъ сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ нападокъ, г. Невядомскій рѣшился отвѣтить на нихъ громовой рѣчью по поводу реферата г. Джаншіева. Съ пафосомъ, достойнымъ лучшей доли, г. Невядомскій указывалъ на то, что въ присягѣ, принимаемой русскимъ адвокатомъ, говорится лишь о добросовѣстномъ веденіи принятыхъ дѣлъ, и умалчивается *объ обязательствѣ* не вести безнравственныхъ дѣлъ, о чемъ упоминается въ присягѣ французскаго адвоката; уподоблялъ адвоката священнику, не имѣющему права отказаться совершить бракъ, хотя бы онъ былъ убѣжденъ въ его безнравственности, и громилъ посягательство на свободу внутренняго убѣжденія адвоката. Доводы г. Невядомскаго показались небудительными обществу, такъ какъ всѣ безъ исключенія ораторы высказались противъ него.

Инициативу въ устройствѣ пушкинскаго юбилея взяло на себя общество любителей російской словесности, посвятившее памяти поэта публичное торжественное засѣданіе и литературно-музыкальный вечеръ, при чемъ послѣдній прошелъ крайне безцвѣтно

и вяло. Этимъ и ограничилось московское общество въ чествованіи памяти великаго поэта, если не считать постановки на сценѣ всѣхъ московскихъ театровъ 29-го января спектаклей изъ отрывковъ пушкинскихъ пьесъ. Наиболѣе оживленно и интересно было засѣданіе общества любителей словесности, привлекшее такую массу публики, что едва ли не половинѣ изъ получившихъ входные билеты пришлось уѣхать домой, не имѣя возможности проникнуть въ залу. Рядомъ съ актовой залой университета, гдѣ происходило засѣданіе, была устроена выставка коллекцій рукописей А. С. Пушкина и изданій его произведеній, кончая самыми послѣдними, представлявшая несомнѣнный интересъ. Засѣданіе было открыто провозглашеніемъ предсѣдателемъ общества избранія почетнымъ членомъ П. В. Анненкова, сдѣлавшаго 30 лѣтъ назадъ первую попытку возстановить пушкинскій текстъ. Затѣмъ гг. Поливановымъ и Якушкинымъ были прочитаны статьи—первымъ „О многостороннемъ интересѣ научныхъ изслѣдованій о Пушкинѣ“ и вторымъ „Очеркъ исторіи печатнаго пушкинскаго текста съ 1814 г. по 1887 г.“, гдѣ авторъ сообщилъ много интересныхъ подробностей о тяжеломъ гнетѣ цензуры, мучившемъ великаго поэта. Затѣмъ профес. В. О. Ключевскимъ въ блестящей рѣчи, вызвавшей восторженные оваціи публики, была сдѣлана замѣчательно мѣткая и талантливая характеристика „Евгенія Онѣгина и его предковъ“. Рѣдко приходилось слышать болѣе изящную и художественную картину теченій русской общественной мысли прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Каждая фраза талантливаго оратора давала яркій образъ, нарисованный съ глубокимъ знаніемъ дѣла, проникнутый страстной задумчивостью и тонкимъ юморомъ. Эта рѣчь доставившая всѣмъ глубокое эстетическое наслажденіе, и выслушанная съ напряженнымъ вниманіемъ, вознаградила присутствовавшихъ и за страшную тѣсноту и духоту, отъ которой съ дамами дѣлалось дурно, и за четырехъ-часовое утомленіе. Предметомъ послѣдней рѣчи (Пушкинъ и Гоголь), связанной предсѣдателемъ общества Н. С. Тихонравовымъ было выясненіе вліянія, какое имѣлъ на Гоголя Пушкинъ, угадавшій его призваніе, и не мало содѣйствовавшій развитію его таланта. Закончена она была пожеланіемъ скорѣйшей постановки памятника Гоголю, подписка на который, между прочимъ, къ стыду нашего общества, идетъ крайне туго. Во время перерывовъ засѣданія въ залѣ, гдѣ была устроена выставка рукописей и изданій Пушкина, шла крайне оживленно продажа изданныхъ общ. любит. росс. словесн. „Полтавы“, „Бориса Годунова“ и „Евгенія Онѣгина“ по 5 и 25 коп. за экземпляръ.

С—.

IV.

КЪ ТРИДЦАТИЛѢТІЮ КОНЧИНЫ М. И. ГЛИНКИ. (3 февраля 1857 г.).

Читатель не найдетъ въ нашей статьѣ ни панегирическаго, ни фельетоннаго, ни критическаго отношенія къ дѣятельности Глинки. Первые два рѣшительно кажутся намъ не подходящими, когда дѣло касается памяти великаго мастера, и тѣмъ болѣе мастера возвысившаго, какъ въ данномъ случаѣ, народное искусство до степени художественнаго значенія, и сравнивашаго его съ европейскимъ, отъ котораго оно отстало по крайней мѣрѣ на столѣтіе. Что же касается критики, способной дать болѣе или менѣе вѣрную оцѣнку заслугъ художника, то относительно Глинки это былъ бы пріемъ нѣсколько, пожалуй, смѣлый, даже со стороны самаго гениальнаго критика.

Глинка представляетъ главный интересъ, какъ національный композиторъ, какъ руководитель на поприщѣ изученія и развитія народной музыки, какъ гений, творившій въ этомъ направленіи однимъ инстинктомъ *безъ всякихъ предварительныхъ данныхъ*, но въ тоже время—это художникъ, который не остался (до нѣкоторой степени) не чувствительнымъ къ чуждому вліянію и слѣдовательно, хоть что-нибудь иноземное да внесъ въ свое родное искусство. Значитъ, критикъ Глинки долженъ поставить себѣ главной задачей слѣдующее: *отдѣлить въ его произведеніяхъ элементъ народный, національный, отъ чужеземнаго или, другими словами, показать степень народности Глинки.* Но это возможно, по меньшей мѣрѣ при двухъ условіяхъ: 1) когда мы будемъ вправѣ сказать, что знаемъ Глинку, какъ катехизисъ и 2) когда будемъ имѣть, т. е. выработаемъ теорію нашей народной пѣсни, при содѣйствіи которой и можно будетъ отдѣлить въ Глинкѣ народное отъ ненароднаго. Но таковой трудъ приметъ слишкомъ спеціальнѣйшій характеръ, и если принесетъ извѣстную пользу, то лишь спеціалистамъ, и не иначе, какъ при программѣ подобно той, которую избралъ Г. А. Ларошъ въ своемъ почтенномъ этюдѣ „Глинка и его значеніе въ исторіи музыки“, т. е. когда мы разберемъ гармониче-

скій и мелодическій стиль композитора по таетамъ. Но и въ этомъ случаѣ, врядъ ли можно будетъ обойтись безъ значительнаго количества гипотезъ и личныхъ взглядовъ и соображеній, лишь только дѣло коснется самаго существеннаго, т. е. народнаго русскаго стиля гармоніи и мелодіи, такъ какъ ни то ни другое не имѣетъ еще опредѣленно установившихся данныхъ.

По этому нами и избранъ путь историческій, основанный на документальныхъ данныхъ, путь, который бы до нѣкоторой степени освѣтилъ величественный образъ Глинки свѣтомъ общественнаго, а не личнаго мнѣнія.

М. И. Глинка представляетъ на столько замѣчательное явленіе въ исторіи русской музыки своею самобытною, что прежде всего нужно знать, что было сдѣлано въ области этого искусства до него, чтобы хоть сколько нибудь представить себѣ всю громадность его генія. По этому планъ этой статьи заключается въ слѣдующемъ: описаніе времени предшествовавшаго появленію Глинки—и затѣмъ, краткій біографическій очеркъ, снабженный полнымъ хронологическимъ спискомъ его сочиненій. Такъ какъ списокъ этотъ сопровождается постоянными примѣчаніями, выписками изъ записокъ самого же Глинки и другихъ сочиненій, и такимъ образомъ даетъ нѣкоторую картину его художественной жизни и увлеченій тѣмъ, или другимъ направлениемъ въ музыкѣ,—то мы надѣемся, что онъ хотя до нѣкоторой степени можетъ быть полезенъ желающимъ изучить музыку нашего великаго композитора.

Въ заключеніе мы постараемся познакомить читателя съ лучшей русской и иностранной критикой, разбиравшей Глинку. Такимъ образомъ, мы путемъ историческимъ познаемъ заслуги М. И. Глинки и мѣсто, которое ему принадлежитъ среди знаменитыхъ композиторовъ.

I.

Исторія русской оперы, или лучше сказать оперы въ Россіи до Глинки, представляла пока еще довольно скромную, сравнительно съ Западомъ картину и въ главныхъ чертахъ дѣлится на два періода: Первый періодъ (1735—1756) полнаго господства итальянской оперы.

Второй періодъ (1756—1836) стремленія къ русской, а впоследствии даже къ бытовой, оперѣ, но при полнѣйшемъ влияніи и самомъ усердномъ участіи итальянскихъ мастеровъ, руководившихъ музыкой въ Россіи до Верстовскаго и Львова включительно.

Въ дѣлѣ искусствъ и музыки Россія особенно усердно прибѣгала къ помощи европейскихъ мастеровъ, всегда принимая на себя роль не ученика, а нанимателя. Почтенные maestri не заставляли себя долго приглашать, сознавая, что они будутъ полными хозяевами въ тароватой Россіи, такъ какъ относительно ихъ, особенно въ музыкѣ, не могло, конечно, возникнуть никакихъ политико-церемонныхъ отношеній, которыя могли бы стѣснять ихъ дѣятельность. Мысль же о вредныхъ плодахъ чужеземнаго влиянія на родное искусство не приходила и въ голову нашей тогдашней интеллигенціи, далекой отъ пониманія истиннаго значенія искусства и вѣчно занятой кознями, интригами, модами и свѣтскимъ этикетомъ. Вотъ почему иностранные, и въ пре-

имуществѣ итальянскіе, наши руководители въ музыкѣ сразу становились полными хозяевами и разрушителями въ ней типичнаго и національнаго элементовъ, имѣ какъ иностранцамъ и не понятныхъ.

Съ водвореніемъ у насъ итальянской оперы, т. е. во второй половинѣ XVIII ст. эти maestri наложили свою руку даже и на церковную музыку, и скоро переоблачили ее въ совершенно не свойственный ей европейско-вычурный костюмъ, въ которомъ она продолжаетъ пребывать и до сихъ поръ, не смотря на попытки самаго послѣдняго времени—привести ее въ первоначальный видъ и очистить отъ чуждыхъ наслоевъ.

Съ оперными труппами въ Россіи мы встрѣчаемся съ начала 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ царствованіе Анны Иоанновны; первая же большая итальянская опера, состряпанная по увлекавшей въ то время всю Европу, неаполитанской фактурѣ, появилась за 101 годъ до „Жизни за Царя“ Глинки, именно въ 1735 г. Это было „Albizzate“ соч. Франч. Арай. Съ этого именно момента и начинается царство итальянскихъ композиторовъ на петербургской сценѣ *) и полное увлеченіе тогдашняго общества легкой, пустой, переполненной внѣшняго блеска музыкой, которую культивировала главнымъ образомъ такъ называемая *вторая* или *младшая* неаполитанская школа.

Правительство не жалѣло средствъ, чтобы обставить оперу какъ можно пышнѣе, общество своимъ полнымъ участіемъ въ представленіяхъ пристрастилось къ этого рода развлеченію и получило, частію въ силу извѣженности, чтобы не сказать испорченности, вкуса, частію изъ потворства модѣ, полное отвращеніе ко всему своему. Это пристрастіе было такъ сильно, что замѣтно еще отражается и на современномъ намъ обществѣ, не успѣвшемъ еще окончательно подавить въ себѣ боязливныя отношенія къ *своему*, и весьма часто считаетъ еще это *свое, родное*, чѣмъ-то грубымъ, а подчасъ даже неприличнымъ.

Оставляя специальному изслѣдованію болѣе подробное изложеніе фактовъ, доказывающихъ италианоманію нашихъ дѣдовъ, перейдемъ къ характеристикѣ того опернаго стиля, который привелъ ихъ въ восторгъ и отодвинулъ на долго развитіе русской оперной музыки. Это именно стиль виртуознаго пѣнія, выработанный вышеупомянутой неаполитанской школой, основанной Александромъ Скарлатти (1650—1725), которая главнымъ образомъ отдалась развитію того опернаго стиля, въ которомъ на первый планъ выступаетъ виртуозное пѣніе. Оперы Скарлатти и его современниковъ составляютъ „переходъ къ вокальному богатству, мелодической чувственной красотѣ и непосредственности, которыя въ своемъ высшемъ, но вмѣстѣ и одностороннемъ развитіи составляютъ отличительныя черты послѣдователей Скарлатти и особенно неаполи-

*) Провинциальныхъ театровъ, правильно организованныхъ—не было, но богатые помѣщики и паны имѣли домашніе оркестры, составленные изъ крѣпостныхъ людей. Капельмейстерами этихъ оркестровъ больше бывали тѣ же, менѣе только выдающіеся, итальянцы или италианизированные нѣмцы, но во всякомъ случаѣ модный репертуаръ указывала столица. Веселые предки наши иногда потѣшали себя и чѣмъ-то въродѣ оперныхъ представленій, устраиваемыхъ тѣми же домашними средствами.

танской школы. Эти послѣднія свойства особенно развились въ школѣ Скарлатти и проявились тѣмъ рельефнѣе и исключительнѣе, чѣмъ болѣе возбуждали общій восторгъ и увлеченіе, какъ въ Италіи, такъ и другихъ странахъ; замѣтная же у самого Скарлатти связь со старой школой (строгихъ чистыхъ контрапунктистовъ) слабѣетъ уже въ его собственныхъ ученикахъ и окончательно исчезаетъ во второмъ ихъ поколѣніи. Громадныя же музыкальныя заслуги Скарлатти все болѣе забывались и отходили на задній планъ, по мѣрѣ восхожденія новыхъ музыкальныхъ свѣтилъ, блескъ которыхъ казался ярче и свѣжѣе непостоянному и легкомысленному вкусу публики^{*)}).

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, именно тогда, когда въ Россіи начинаются оперныя представленія, неаполитанскіе композиторы все болѣе и болѣе поддаются вкусу мало образованныхъ слушателей и тщеславныхъ пѣвцовъ, и переполняютъ свои произведенія однимъ внѣшнимъ блескомъ, т. е. мелодической слащавостію и фіоритурностію, которая давала бы исполнителямъ возможность выставить свои голосовыя средства и технику. Даже гениальные композиторы пренебрегали серіознымъ отношеніемъ къ искусству и, въ погонѣ за популярностью, матеріальными выгодами и славой, пренебрегали всѣмъ: и музыкальнымъ содержаніемъ, и либретто, и оркестромъ, такъ что музыка ихъ стала манерна, пуста и обладала въ избыткѣ пустозвонствомъ. „По мѣрѣ того, какъ пѣніе получало преобладающее значеніе, личность нисходила до степени простого голоса; внутреннее содержаніе, истинное чувство, здравый смыслъ, правильное развитіе характеровъ, драматическій интересъ, — словомъ все приносилось въ жертву пѣнію; влияніе солистовъ и кастратовъ^{**)} было всемогуще и заранѣе обуславливало расположеніе и общій планъ текста... Ансамбли встрѣчались рѣдко, а хоръ не игралъ никакой роли, или же самую второстепенную“.

Нельзя не вспомнить объ одной весьма употребительной въ то время формѣ, называемой *pasticcio* (пастичіо), которая ясно докажетъ всю невзыскательность публики и тщеславіе пѣвцовъ. Пастичіо составлялось изъ любимыхъ арій всевозможныхъ композиторовъ, которые соединялись въ одно цѣлое или просто безъ всякой связи, или вновь присочиненными речитативами. Подъ эту піесу подблудывали текстъ, и думали, что получалось нѣчто эстетически-цѣлое — родъ новой оперы.

Вотъ имена представителей этого направленія въ оперѣ, въ рукахъ которыхъ была судьба свѣтской, (а позднѣе даже и церковной) музыки въ Россіи, начиная съ царствованія Анны Іоанновны до Глинки, т. е. на протяженіи столѣтія. Это были: Арая, Модонисъ, Локамелли, Сальвери, Цонисъ, Майо, Монфредини, Галуппи, Трозетто, Сарги, Паизіелло, Чимороза, Керцелли, Канабіо, Кавосъ и др. Произведеніями ихъ и ихъ соотечественниковъ былъ наполненъ репертуаръ петербургскихъ театровъ и только съ начала нынѣшняго столѣтія начинаютъ появляться имена французскихъ

*) *Доммеръ*. Рук. къ изуч. исторіи музыки, стр. 311, 314 и 377.

***) Кастраты часто участвовали въ оперныхъ труппахъ и исполняли женскія партіи.

и нѣмецкихъ композиторовъ, напр. Мегюль (съ 1807), Гретри (1815), Буальде (1806), Спонтини (1814), Моцартъ (1818), Веберъ (1824), Маршнеръ (1833) *).

Вредное вліяніе итальянцевъ на нашу національную музыку выражалось тѣмъ, что обрабатывая ее въ своемъ виртуозно-оперномъ, совершенно не свойственномъ ей, стилѣ, они крайне безцеремонно обращались съ народной мелодіей, которая не всегда подходила подъ ихъ гармонизацію **). Изложенная такимъ образомъ наша музыка восхищала слушателей и распѣвалась во всѣхъ слояхъ общества.

Однако стремленіе, хотя скорѣе только внѣшнее, имѣть оперу въ „русскихъ нравахъ“ выражалось довольно сильно и публика не удовлетворялась однимъ переводомъ итальянскихъ оперъ. При Елизаветѣ Петровнѣ, Сумароковъ написалъ (1756 г.) либретто оперы „Цефаль и Прокисъ“ (муз. Араи), которая, въ силу русскаго происхожденія ея либреттиста, считалась русской оперой. Но въ томъ же году появилась дѣйствительно бытовая русская опера „Танюша“, съ музыкой извѣстнаго актера Волкова. Вотъ съ этого-то именно времени наши чужеземные руководители въ области музыки, видя съ какимъ энтузіазмомъ публика принимаетъ эти русскіе ложно-народные водевили, сдѣланные по итальяно-французской фактурѣ, начали съ вѣщимъ усердіемъ выпускать оперу за оперой на „русскіе сюжеты“. Число такихъ оперъ скоро возрасло до 60 — 70. Но въ нихъ не только музыка, но и самый сюжетъ, подъ вліяніемъ псевдо-классическаго, возвышеннаго направленія того времени былъ очень далеко отъ національной дѣйствительности, особенно въ такъ называемыхъ народныхъ „комедіяхъ на музыкѣ“, гдѣ всѣ дѣйствующія лица, даже и русской мужикъ, были чистѣйшими французами.

При Еватеринѣ II, которая сама написала множество сюжетовъ для оперъ въ *водевилно-комическомъ* стилѣ, классическое направленіе уступаетъ мѣсто реальному. Изъ русскихъ композиторовъ этой эпохи выдается Ѳомиръ, авторъ нѣсколькихъ оперъ, и въ томъ числѣ „Анюта“ и „Мельникъ-сватъ“ (слова Аблесимова).

Эта послѣдняя имѣла громаднѣйшій успѣхъ даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, и Булгаринъ ***) сожалея, что въ „Жизни за Царя“ Глинки нашель мало сходства съ вышеупомянутымъ „Мельникомъ“ ****), который былъ не болѣе какъ водевилъ, говорить, что эта опера Ѳомина стяжала себѣ славу *народной* и, упоминая, что и Моцартъ не добивался большей славы, нашъ пресловутый писатель рекомендуетъ ее Глинкѣ, какъ хорошій примѣръ. По фактурѣ сценаріума всѣ эти вещи, какъ сейчасъ увидимъ изъ отрывка приложений г. Дурова къ переводу „Исторіи музыки“ Доммера, были весьма сходны съ современной нашей любимицей — *французской опереткой*. Конечно только содержаніе первыхъ было лишено даже цинизма, которой обладаетъ послѣдняя.

*) Хроника петербургскихъ театровъ. А. Вольфъ. Часть II, стр. VII и слѣд. Въ скобкахъ—года, когда появились эти композиторы на нашей сценѣ.

**) Исключительно мажоръ и миноръ.

***) „Сѣверная пчела“ 1836 г. Декабрь.

****) Она исполнялась еще въ 50-хъ годахъ, при участіи извѣстнаго комика Мартынова (см. Доммеръ, стр. 585).

„Всѣ оперы этихъ композиторовъ носили яркій отпечатокъ духа времени; всѣ онѣ были легкаго игриваго содержанія; формы ихъ были не затѣйливыя, не замысловатыя, *куплетная форма арий, діалогъ вмѣсто речитатива, отсутствіе ансамблей*, придавали имъ характеръ водевиля. Оркестръ, большею частію струнный; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придавалась окраска звуку струнныхъ инструментовъ введеніемъ гобоя, фагота или волторны; въ фортиссимо являлась труба. Однимъ словомъ, читатель видитъ, что оперы этихъ композиторовъ, не выходили изъ ряда вообще оперъ того времени. Что же касается *національнаго характера* *), то есть поводъ думать, что онъ въ достаточной мѣрѣ проявлялся въ нихъ **); эти композиторы добросовѣстно относились въ духу нашей народной мелодіи, такъ напр. въ оперѣ Оюмина „Ямщики на подставѣ“ — теноръ solo съ хоромъ поетъ *русскую народную пѣсню* „Высоко соколъ летаетъ“, причѣмъ мелодія этой мысли сохранена во всей ея неприкосновенности“ (Доммеръ, стр. 585—6).

Изъ этихъ строкъ ясно видно, что русскіе композиторы той эпохи, отъ которой не особенно далеко ушли даже Вѣльгорскій, Геништа, Львовъ, Верстовскій и др. преслѣдовали совершенно инныя цѣли: они строго держались въ общей формѣ итальянскихъ традицій, о которыхъ упомянуто въ вышеприведенной выпискѣ. Между тѣмъ Глинка даетъ намъ блестящіе стильные ансамбли, отводитъ хору (особенно въ „Русланѣ“) весьма важное мѣсто и придаетъ его номерамъ такое изящество, которому могутъ позавидовать даже многія лучшія оперы нашего времени. Разговорную рѣчь въ оперѣ, которая (если вспомнимъ „Волшебнаго стрѣлка“ или „Аскольдову Могилу“) послѣ музыки кажется всегда такой тощей, несчастной и разбиваетъ цѣлость акта, онъ вовсе не употребляетъ, и вводитъ въ высшей степени красивые и разнообразныя виды речитатива, такъ что съ этой стороны нельзя даже сказать какой видъ ***) у него преобладаетъ; каждый его речитативъ заключаетъ въ себѣ элементы всѣхъ видовъ, соединенныхъ въ высшей степени художественно и проникнутыхъ необыкновенной новизной и свѣжестью.

О речитативахъ Глинки мы находимъ слѣдующее въ сочиненіи нашего современнаго композитора Кюи, которое онъ озаглавилъ „*La musique en Russie*“. „Мало заботясь о текстѣ и даже о декламации, которые, скажемъ мимоходомъ, подчасъ бывають у него (Глинки) не обработанными и неправильными, особенно въ кантиленахъ ****), онъ

*) Который съ такимъ гениальнымъ успѣхомъ проявилъ М. И. Глинка.

***) Но не въ смыслѣ сочиненія въ народномъ стилѣ, а въ заимствованіи готовыхъ мелодій, которыя представляли, какъ видно, отдѣльные вставные номера оперы.

****) Въ старинной оперѣ и ораторіи встрѣчалось нѣсколько видовъ речитатива: *recitativo secco* — почти безъ сопровожденія или аккомпанимента цѣлыми (продолжительными) аккордами, такъ что на каждый аккордъ приходится цѣлая мысль приблизительно. *Recitativo* (или *canto parlando*) — которые исполняются по усмотрѣнію пѣвца безъ всякаго размѣра; аккомпаниментъ, если и бываетъ, то очень простой — въ видѣ аккордовъ. *Recitativo accompagnato* и *recitativo a tempo*. Эти два вида болѣе художественны и весьма близко подходятъ въ пѣнію, часто и сливаются съ нимъ. Этими видами главнымъ образомъ и богаты новѣйшіе композиторы.

*****) Кантилена — все равно, что мелодія.

производить впечатлѣніе удареніемъ, которое умѣетъ поставить въ фразѣ речитатива. Онъ не давалъ себѣ отчета о недостаточности освященныхъ временемъ формъ (видовъ) речитатива въ операхъ, явившихся до него и не пытался создать новыя, однако временами онъ создаетъ *мелодическій речитативъ*—форму существенно рациональную для самыхъ драматическихъ сценъ“ (стр. 22, 23).

Глинка далеко отъ шаблонной инструментовки, о которой упоминается въ вышеприведенномъ отрывкѣ; онъ не смотритъ на нее какъ на исключительно гармоническую поддержку, которая помогаетъ пѣвцу держаться въ тонѣ, и указываетъ гармонію мелодіи. Оркестръ у него является элементомъ равносильнымъ съ пѣніемъ и составляетъ богатѣйшую палитру всевозможныхъ музыкальных красокъ, которыми онъ пользуется съ свободой величайшаго художника. Оркестръ Глинки (особенно въ „Русланѣ“) даже безъ вокальной половины оперы представляетъ большой интересъ своимъ разнообразіемъ, звучностью и чистотой.

Наконецъ Глинка въ своихъ операхъ сравнительно рѣдко пользуется готовой народной мелодіей; въ большинствѣ случаевъ онъ создаетъ свое въ народномъ стилѣ. Весьма часто онъ пользуется слѣдующимъ приемомъ: беретъ какой-нибудь характерный народный мотивъ *), иногда просто въ видѣ типичнаго мелодическаго или ритмическаго отрывка, и создаетъ изъ него стройное, изящное цѣлое. Это приемъ, къ которому съ такой охотой прибѣгаютъ великіе мастера, напр. Бахъ, Бетховень (напр. 1 часть 5 симфоніи), Мендельсонъ и пр. и который не любятъ посредственные композиторы, не одаренные творческимъ даромъ.

Къ прямымъ заимствованиямъ у Глинки нужно отнести такіе номера, какъ напр. въ „Русланѣ“ персидскій хоръ, лезгинка, баллада Фина, но они надѣлены самой разнообразной разработкой и гармонизаціей, всегда приличной ихъ характерности и нисколько не измѣняющей ихъ національности и народности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ уничтожена вся тривіальность **) громадною художественнаго интереса ***).

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія фигурировали до Глинки, какъ композиторы въ *народномъ духѣ*, Титовъ, Давыдовъ, Кашинъ, Алябьевъ, гр. Віельгорскій, Геништа и др., но всѣ они, вмѣстѣ со Львовымъ и даже Верстовскимъ далеко не были чужды (осо-

*) Въ общепитіи мотивъ и мелодія считаются синонимами, но это не вѣрно. *Мелодія* (cantilena)—это музыкальная фраза, мысль, *мотивы* же суть элементы (отрывки), изъ которыхъ составляются музыкальныя фразы. Напр. всѣмъ извѣстный вальсъ въ „Фаустѣ“ Гуно (послѣ вступленія, отдѣленнаго двумя черточками) начинается трижды повтореннымъ однимъ и тѣмъ же мотивомъ (первые 6 тактовъ). Мелодіи 2-го, 4-го и 6-го такта различны: именно — d, fis, a; d, a, fis; d, d, a; мотивы же этихъ тактовъ совершенно одинаковы. 7-й и 8-й такты представляютъ новый мотивъ, а слѣдующіе 8 тактовъ—опять первоначальный мотивъ, повторенный четыре раза.

**) Вспомнимъ напр. насколько тривіальной является тоже персидская мелодія (взятая Глинкой въ 3-мъ дѣйствіи „Руслана“ 1-й хоръ дѣвъ въ замкѣ Наины) напр. хоть въ Персидскомъ маршѣ—кажется Штрауса.

***) Камаринская, испанскія увертюры представляютъ собою умышленно взятые для разработки народныя темы. Этотъ приемъ извѣстнаго рода музыкальная задача, получившая полное право гражданства въ новѣйшей композиціи.

бенно въ сравненіи съ Глинкой) значительнаго итальянскаго вліянія; хотя ихъ попытки, очень впрочемъ далекия отъ „Жизни за Царя“ и „Руслана“ и совершенно не предвѣщающія появленія этихъ оперъ, представляютъ извѣстный шагъ впередъ относительно напр. Волкова, Ѳомина и особенно итальянскихъ композиторовъ, писавшихъ русскія оперы.

Здѣсь нельзя не упомянуть объ одной весьма популярной въ то время оперѣ: „Лясто-Днѣпровская русалка“. Въ репертуарахъ и афишахъ композиторами ея называли Кауера и Давыдова, но на самомъ дѣлѣ вотъ какъ произошелъ этотъ *волиебный фарсъ*, извѣстный прежде подъ названіемъ „Das Donau-Weibchen“ соч. Кауера *). Сначала передѣлалъ ее капельмейстеръ Кавосъ, о которомъ мы будемъ еще говорить, и приписалъ къ ней русскіе куплеты. Это произведеніе такъ понравилось петербургской публикѣ, что многіе композиторы, увлекшись примѣромъ Кавоса, спѣшили сдѣлать свои посильные вклады; въ числѣ ихъ былъ и Давыдовъ, который написалъ цѣлую часть. Впослѣдствіи въ эту оперу-фарсъ введены, для вышшаго удовольствія публики, два комическихъ лица—Тарабаръ и Кифоръ, исполнявшіе роль клоуновъ. Врядъ ли этотъ образецъ составленія оперы, появившійся за годъ до рожденія М. И. Глинки (т. е. въ 1803 г.) можетъ считаться его предвозвѣстникомъ?

Для окончанія историческаго очерка состоянія русской оперы до Глинки, намъ нужно немного остановиться на Верстовскомъ и на капельмейстерѣ русскаго опернаго театра Кавосѣ, талантливымъ композиторѣ многихъ русскихъ оперъ и въ томъ числѣ оперы „Иванъ Сусанинъ“; тотъ же сюжетъ взялъ и Глинка для открытія своей гениальной дѣятельности. Это произведеніе самъ Глинка въ своихъ запискахъ называетъ *удачнымъ* **).

Кавосъ отличался не рядовымъ талантомъ и плодовитостью, хотя въ музыкѣ всегда оставался достойнымъ сыномъ своей родины—Венеціи. Либретто въ оперѣ „Иванъ Сусанинъ“ ***) , поставленной въ 1815 г. писалъ кн. Шаховской. Опера имѣла громаднѣйшій успѣхъ, не столько съ музыкальной стороны, сколько въ силу ея вліянія на патріотизмъ слушателей, бывшихъ свидѣтелями нашихъ побѣдъ 1812 г. Г. Михневичъ въ своемъ очеркѣ исторіи музыки въ Россіи весьма логично подтверждаетъ это гѣмъ, что особенный взрывъ рукоплесканій вызывали обыкновенно извѣстныя только фразы, проинкнутыя патріотическимъ паѳосомъ. Оригинально, что по либретто кн. Шаховскаго, величественная самоотверженіемъ личность Сусанина спасается отъ поляковъ бѣгствомъ. На сколько это доказываетъ человѣколюбіе автора и уваженіе къ жизни ближняго, даже тогда, когда de facto ни какого смертоубійства не происходитъ, и актеръ зачастую послѣ своей смерти принужденъ

*) См. соч. *Доммера*—Исторія Музыки и *Мисневича*—Очеркъ исторіи музыки въ Россіи.

**) Не извѣстно видѣлъ ли эту оперу Глинка или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ не она навела его на желаніе писать на тотъ же сюжетъ, а Жуковский, какъ это и пишетъ самъ Глинка.

***) „Сусанинъ“ Кавоса давался изрѣдка рядомъ съ „Жизнью за Царя“ и въ 50-хъ годахъ, пока музыка М. И. Глинки считалась еще за „musique des cocherс“. (Зап. Глинки).

бываетъ раскланываться предъ публикой, на столько же оно подтверждаетъ грубѣйшую эстетическую ошибку, которая сразу низводитъ героя на степень пошлаго труса и жестоко оскорбляетъ чувство симпатіи къ нему.

Музыка „Ивана Сусанина“ нисколько не отличается большой степенью народности не только отъ прочихъ оперъ ея композитора, какъ напр.: „Князь невидимка“, „Жаръ птица“, „Илья богатырь“ и множество другихъ, но даже и отъ произведеній его современниковъ и предшественниковъ. Она изобиловала тѣми же итальянизмами, готовыми русскими мелодіями, куплетами, отсутствіемъ ансамблей, даже весьма скромнымъ количествомъ дуэтовъ, и кромѣ того замѣтными заимствованіями у Керубини, Моцарта и др. Словомъ, по фактурѣ, Кавосьне ушелъ далѣе той же водевильной формы съ преобладаніемъ фіоритурности. На сколько его заслуги въ дѣлѣ разработкѣ національной, чужой впрочемъ для него, музыки были незначительны, на столько въ инструментовѣхъ онъ опередилъ своихъ предшественниковъ.

Ближайшимъ къ Глинѣ композиторомъ, въ которомъ еще въ сильной степени жили старинные водевильные приемы, былъ современникъ Михаила Ивановича, композиторъ-диллетантъ А. Н. Верстовскій. Нѣкоторыя его произведенія и особенно „Аскольдова могила“ *) (сочиненная въ 1835 — за годъ до „Жизни за Царя“) изрѣдка дается и до сихъ поръ. Покойный Сѣровъ (А. Н.) оперы Верстовскаго называлъ пѣсенными. Намъ не извѣстны поводы, которыми руководился Сѣровъ, выбирая это названіе, но можно предположить, что онъ остановился на немъ вѣроятно въ виду того, что въ операхъ Верстовскаго въ значительной степени отсутствуютъ цѣльность и связность между собой отдѣльныхъ номеровъ; такъ что актъ оперы этого композитора, равно какъ и вся она, представляется кажимъ-то собраніемъ романсовъ, дуэтовъ, небольшихъ хоровъ, написанныхъ болѣею частью въ довольно не сложной формѣ простой пѣсни **); большихъ, болѣе развитыхъ, въ художественномъ смыслѣ, оперныхъ формъ, какъ напр. большая арія ***), сцена, состоящая напр. изъ развитаго драматическаго речитатива и арій или ансамбля для нѣсколькихъ голосовъ, или хора и т. п. при чемъ всѣ эти части какъ бы вливаются одни въ другую, чередуются, вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое, каватина и имъ подобныхъ Верстовскій не любитъ. Нельзя впрочемъ не сказать, что Верстовскій своей „Аскольдовой могилой“ нѣсколько опере-

*) *Михневичъ*—Очеркъ Ист. муз. въ Россіи, стр. 292.

***) Пѣсня—извѣстная музыкальная форма, состоящая изъ двухъ или трехъ музыкальныхъ мыслей. Ее можно сравнить съ простымъ предложеніемъ, въ которомъ участвуетъ только подлежащее и сказуемое и нѣтъ объяснительныхъ словъ. Почти всѣ балетныя танцы (и ихъ составныя части напр. номера вальса, фигуры кадрили и пр.) комическіе болѣеіе романсы и пр. пишутся въ этой формѣ. Чѣмъ больше въ подобной простой формѣ присоединяется побочныхъ, дополнительныхъ музыкальныхъ мыслей, тѣмъ она становится развитѣе и переходитъ въ другіе виды, напр. въ форму сложной пѣсни, одну изъ формъ рандо, сонатнаго allegro и пр.

***) Самой разнообразной формы, но болѣею частью сложной. Въ нее входятъ обыкновенно речитативы, а сама она нерѣдко разчленяется на нѣсколько разнообразныхъ между собой составныхъ частей.

дилъ предшественниковъ, хотя и не далъ въ ней ничего особенно національнаго, въ особенности въ гармоніи. Национальности его вредило увлеченіе Веберомъ и Мейерберомъ, которымъ впрочемъ онъ значительно уступалъ силою таланта. Это увлеченіе главнымъ образомъ отразилось на его гармоніи, она нерѣдко избытуетъ шаблонными приемами, которые ему приходилось часто встрѣчать у Вебера, и которые одно время считались средствомъ усиливающимъ драматизмъ, но теперь перешли въ число избыточныхъ и устарѣлыхъ мѣстъ; такихъ характерныхъ, новыхъ, сродныхъ русскому слуху, аккордовыхъ комбинацій, какіе мы встрѣчаемъ у Глинки, у Верстовскаго нѣтъ. Техническая разработка у него также ни чѣмъ не предвѣщаетъ „Жизнь за Царя“, тѣмъ болѣе „Руслана“: ничего подобнаго этому „Слався“ или финалу 1-го акта въ Русланѣ, или ансамблю первой половины 3-го дѣйствія „Жизни за Царя“ мы у Верстовскаго не находимъ.

Къ этой же категоріи композиторовъ, мало предвѣщавшихъ Глинку, нужно отнести гр. Вьельгорскаго, Алабьева, Львова и др.

Изъ статьи моей касающейся исключительно „Жизни за Царя“ и напечатанной въ ноябрьской книжкѣ „Дѣла“ за прошлый годъ, читатель достаточно ясно можетъ усмотрѣть насколько неожиданно было появленіе „Жизни за Царя“, послѣ того, что публика видѣла на русской сценѣ до этой безсмертной оперы. Изъ приведеннаго же очерка исторіи оперы въ Россіи и дальнѣйшаго изложенія, онъ увидитъ на сколько Глинка представляетъ собой явленіе самобытное, не подготовленное предшественниками.

II.

М. И. Глинка, сынъ помѣщиковъ Смоленской губ. родился 30-го мая 1804 г. Первые годы дѣтства онъ провелъ въ деревнѣ, „огражденный женщинами“ *), вслѣдствіе чего, впечатлительная, отзывчивая, нѣжная натура его на всегда сохранила болѣе влеченіе къ „женскому обществу, чѣмъ къ мужскому“: „онъ вѣчно увлекался, вѣчно былъ въ кого-нибудь влюбленъ“, въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ Н. Кукольникъ, близко знавшій Глинку съ 1834 года **). Благодаря мягкости характера М. И. очень легко поддавался какъ стороннему вліянію друзей (которыхъ всегда у него было очень много), такъ и въ особенности вліянію обстоятельствъ: все на него вліяло; все находило болѣе или менѣе сильный откликъ въ душѣ его и оставляло свой слѣдъ.

Понятно, послѣ этого, въ какой опасности находилась самостоятельность его художественнаго дарованія съ одной стороны, и на сколько такая чуткая натура благопріятствовала образованію изъ него великаго художника и особенно музыканта. Читая біографію Глинки приходится не разъ встрѣчать факты и хорошаго и дурного сторонняго вліянія; но нельзя не замѣтить, что въ немъ, ря-

*) Такъ какъ эта часть статьи основана главнымъ образомъ на запискахъ (автобіографіи) Глинки, и намъ часто придется пользоваться его собственными словами, то мы будемъ помѣщать въ кавычкахъ безъ напоминанія, что они принадлежатъ Глинкѣ.

**) Въ 40-хъ годахъ Глинка бывалъ почти каждый день у Н. В. Кукольника, (мужа сестры моей матери), который жилъ въ одномъ домѣ съ Александровыми. М. И. начало вечера проводилъ всегда „на дѣтской половинѣ“, т. е. у Александровыхъ, а конецъ—„съ братьей“—т. е. на половинѣ Кукольника.

домъ съ гениальной музыкальностью, жила какая-то инстинктивная, тоже пожалуй гениальная, прозорливость,—чутье, особенно въ области его искусства. Эта прозорливость предохраняла его отъ вредныхъ стороннихъ вліяній и дала возможность развиться его громадному художественному таланту во всей его полнотѣ и чистотѣ.

Не останавливаясь на подробностяхъ музыкальнаго образованія Глинки, скажемъ только, что не фортепяно, на которомъ онъ началъ учиться очень рано, а оркестръ пробудилъ въ немъ первое влеченіе къ искусству. Это былъ именно одинъ изъ весьма не замѣчательныхъ струнныхъ квартетовъ Крузеля, игранный дворовыми музыкантами его дяди. „Эта музыка“, пишетъ М. И., „произвелъ на меня непостижимое, новое, восхитительное впечатлѣніе, я оставался цѣлый день потомъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизъяснимое томительное настроеніе“. Къ этому же времени относятся и первыя впечатлѣнія отъ *русскихъ народныхъ пѣсень*, которыя Глинка слышалъ въ исполненіи того же оркестра. Музыкальныя дарованія, конечно, выказывались весьма сильно, но особенно замѣчательна была способность ребенка къ импровизаціямъ, которыми онъ и самъ увлекался и увлекалъ своихъ пансіонскихъ товарищей. Покойный профессоръ Гельсингфорскаго Университета *С. В. Соловьевъ*, товарищъ Глинки по Благородному Пансіону часто вспоминалъ, какъ они, еще дѣти, забывали и уроки и игры, слушая импровизаціи маленькаго Глинки. Относительно болѣе зрѣлой эпохи (40-хъ годовъ) о его дивныхъ импровизаціяхъ, которыя онъ игралъ такъ же свободно, какъ какую-нибудь чужую, хорошо заученную пьесу, я много слышалъ отъ моей матери (рожд. Александровой), которую Глинка, какъ самъ пишетъ, училъ одно время пѣнію. Она и до сихъ поръ не можетъ забыть всю прелесть его каждый разъ новыхъ, „контрапунктиковъ“ (названіе самого М. И.), которые онъ дѣлалъ, когда она съ сестрой въ четыре руки на другомъ фортепяно играла модныя въ то время вальсы Лянера. Съ такой же неистощимой изобрѣтательностью онъ любилъ импровизировать второй голосъ въ романсахъ (особенно чужихъ) и почти всегда его партія выходила красивѣе главной. Объ этихъ же импровизаціяхъ можно найти въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ друзей и знакомыхъ М. И.,—укажемъ пока на двоихъ: П. Дубровскій (воспоминанія о Глинкѣ „Р. В.“ 1857. Апр. кн. 2) и П. Николаевъ, познакомившійся съ Глинкой въ Варшавѣ (Разсказы изъ прошлаго, „Истор. Вѣстн.“ 1885 г. Апрѣль).

Эта-то свобода и плавность музыкальной мысли (на сколько въ мелодіи, на столько же и въ гармоніи) составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ музыки Глинки и выдвигаетъ его изъ ряда многихъ, даже замѣчательныхъ композиторовъ.

Изъ записокъ Глинки видно, что онъ съ увлеченіемъ, будучи еще въ пансіонѣ, занимался игрой на фортепяно *), и 18 лѣтъ (1822 г.), при окончаніи курса наукъ, исполнялъ на актѣ концертъ Гуммеля (A-moll). Упомянемъ здѣсь объ одномъ изъ его

*) Съ значительно меньшей охотой и успѣхомъ онъ учился такъ же на скрипкѣ у Бѣма.

немногихъ учителей Карлъ Мейеръ *), не столько впрочемъ какъ учитель фортепьяно, сколько—какъ о „большомъ пріятелѣ“ Глинки и человѣкѣ, который первый, сообщая ему основанія композиціи и формъ, знакомилъ его съ образцами классической музыки и исправлялъ его юношескіе наброски сочиненій.

Въ юношества увлеченіе фортепьянной техникой въ Глинкѣ было довольно сильно, и по выходѣ изъ пансіона онъ развилъ ее въ значительной степени, такъ что (нѣсколько позднѣе) первую извѣстность въ Петербургѣ и даже за границей Глинка стяжалъ себѣ, какъ хорошій пианистъ; извѣстность, конечно, относительную, между своими друзьями и знакомыми, такъ какъ публично, въ качествѣ пианиста онъ никогда не выступалъ.

Впрочемъ, судя по отзывамъ его современниковъ, онъ всегда поражалъ слушателей не столько своею виртуозностью, сколько художественностью игры; это дарованіе было особенно сильнымъ ключемъ въ пѣніи (впослѣдствіи), не смотря на всю скромность его голосовыхъ средствъ. Выразительное, вдохновенное и художественное пѣніе Глинки, напоминавшее мѣстами декламацию, оставляло до такой степени неизгладимый слѣдъ въ душѣ и памяти тѣхъ счастливыхъ, которымъ удавалось его слышать, что послѣ тѣхъ же вещи въ другомъ, хотя бы и хорошемъ исполненіи, не имѣли для нихъ уже ни какой цѣны. Самое мелкое, ничтожное сочиненіе выходило у Глинки грандіозно.

Кто слышалъ Петрова (О. А.), а особенно покойнаго Андрея Петровича Лоди, (хотя только въ нѣкоторыхъ вещахъ), тотъ можетъ еще отчасти представить себѣ каково было исполненіе (по выразительности, а не по голосу) самого Глинки, котораго эти пѣвцы (по исполненію) были только хорошими учениками.

О первыхъ попыткахъ въ композиціи Михаилъ Ивановичъ упоминаетъ въ 1822 г.

Въ видахъ большей краткости перейдемъ въ перечню сочиненій Глинки по годамъ и будемъ останавливаться только на болѣе важныхъ произведеніяхъ и моментахъ его жизни.

1822 г. Двѣ варианціи на темы Вейгеля и Моцарта. Вальсъ (F-dur) Септетъ. Adagio и Rondo для оркестра **).

Познанія въ композиціи въ это время, какъ пишетъ самъ М. И. были такъ „неопредѣленны, что принимаясь „за перо“ онъ не зналъ, ни съ чего начать, ни какъ и куда идти; хотя тутъ же мимоходомъ и упоминаетъ о нѣсколькихъ урокахъ у теоретика Фукса ***).

Осень и зима съ 1822 г. по мартъ 1823 г., проведенныя имъ въ имѣніи отца—Новоспасскомъ, составляетъ періодъ весьма замѣчательный въ жизни М. И.,—въ это время онъ лицомъ къ лицу сталкивается съ практикой инструментальной музыки (которой впослѣдствіи такъ гениально владѣеть), занимаясь съ домашнимъ оркестромъ своего дяди, съ которымъ онъ разучиваетъ инструментальныя сочиненія Керубини, Бетговена, Гайдна и Моцарта и „подмѣ-

*) Между прочими учителями былъ и Фильдъ (сначала), у котораго впрочемъ Глинка взялъ всего три урока.

**) Утрачены, кромѣ варианцій Es-dur на тему Моцарта.

***) Не извѣстный, конечно, Фувсъ (Іоаннъ Іосифъ)—современникъ Себ. Ваха, Скарлатти и др. Упоминаемый Фувсъ (Іоаннъ Леопольдъ), оставилъ

часть“ приемы этихъ мастеровъ. Послѣдніе два классика вѣроятно и кладутъ на него печать своей инструментальной тщательности и чистоты и научаютъ его довольствоваться обыкновенными (скромными) средствами оркестра въ противоположность позднѣйшему французскому направленію. Но и въ этомъ простомъ оркестрѣ Глинка находитъ массу самыхъ разнообразныхъ эффектовъ.

Съ поступленіемъ на службу (1823 г.) кругъ знакомства Глинка расширяется,—онъ дѣлается непремѣннымъ участникомъ всѣхъ домашнихъ музыкальныхъ вечеровъ, которые устраивались какъ-то легче, чаще и охотнѣе, чѣмъ въ наше время—время практическаго, дѣловаго направленія. Это имѣло также громадное вліяніе на развитіе молодого художника. Кромѣ камерной музыки всевозможныхъ видовъ, исполнялись любительскими средствами цѣлыя отрывки изъ оперъ.

Въ 1824—1825 году Глинка беретъ первые уроки пѣнія у Беллоли. Тутъ онъ начинаетъ знакомиться съ техникой. Въ 1824—1825 г. написаны: *Струнный квартетъ* (D-dur), *Сонатное Allegro* (1-я часть) D-moll, которое самъ Глинка считаетъ опротивѣе другихъ своихъ сочиненій *). *Вариацию на романсъ*—„Benedetta sia la madre“ (исправленное К. Мейеромъ и впоследствии печатанный). *Прологъ на смерть Императора Александра I* **) (состоялъ изъ хора C-moll, и аріи B-dur съ торжественнымъ хоромъ. Акомпаниментъ фортепьяно и контрабасъ). Глинка считаетъ это первымъ удачнымъ опытомъ въ вокальной музыкѣ большого размѣра.

Этотъ (и какъ видимъ) одинъ изъ первыхъ періодовъ его музыкальнаго развитія замѣчательнѣе первыми уроками пѣнія у Беллоли, которые навели его на настоящій путь. Ознакомившись нѣсколько съ практической стороною пѣнія, Глинка съ первыхъ дней, такъ сказать, своей музыкальной дѣятельности принимается за музыку *вокальную*, въ которой главнымъ образомъ и заключается все его величіе, какъ опернаго композитора.

Первымъ удачнымъ романсомъ М. И. называетъ: „Не искушай меня безъ нужды“ (для одного голоса). Предварительно было нѣсколько „неудачныхъ попытокъ“, куда принадлежитъ и „Моя арфа“ утраченный и вновь записанный „по памяти“, въ 1855 г.

Вначалѣ мы имѣли случай упомянуть, что Михаилъ Ивановичъ былъ одаренъ въ высшей степени впечатлительной натурой. Такая натура всегда благопріятно отражается въ твореніяхъ художника вообще и музыканта въ особенности,—подъ вліяніемъ ея произведенія его являются вдохновенными и проявленными захватывающей силой обаянія, т. е. тѣмъ что называется обыкновенно *feu sacré*. Глинка представляетъ въ этомъ отношеніи яркій примѣръ. Приведемъ нѣсколько словъ изъ біографіи М. И., написанной г. Стасовымъ („Р. В.“ 1857 г.) ***): „каждое его произведеніе изъ

между прочимъ весьма интересное и въ наше еще время сочиненіе „Neue Lehr methode der musikalischen komposition“, перев. Арнольда.

*) Въ Имп. Публ. Библиотекѣ.

**) Adagio къ этой сонатѣ написано послѣ, въ 1828 г.

***) На это сочиненіе слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, какъ на трудъ лица близко знаваша Глинку, хотя и въ послѣдніе годы его жизни (съ 1849 г.). Кромѣ того трудъ этотъ основанъ, главнымъ образомъ, на автобіографіи Глинка, его письмахъ, и писанъ вслѣдъ за его смертью, когда были еще живы всѣ мельчайшія воспоминанія о немъ.

числа вокальныхъ есть страница или строчка изъ его жизни, частица его восторговъ, радостей или печалей“ и даже „вокальные сочиненія, не только романсы и пѣсни, но даже многія и лучшія части оперъ Глинки, обязаны своимъ происхожденіемъ, не столько требованіямъ искусства, сколько требованіямъ душевной жизни самого Глинки, необходимости, чувствованной имъ самимъ, выразить явленія, совершившіяся въ его душѣ. Такимъ образомъ сочиненіе для голоса не было для Глинки потребностью только художественной (какъ сочиненіе инструментальное), и потребностью жизненною“. Вслѣдствіе этого Глинка никогда не создавалъ по заказу,—на первомъ планѣ у него стояло вдохновеніе и душевная потребность *). Нельзя не замѣтить, что весьма много способствовала этому матеріальная его обезпеченность, благодаря которой онъ избавленъ былъ отъ печальной необходимости снизойти до степеней музыкальнаго ремесленника. Такимъ образомъ все, что намъ оставилъ Глинка, есть дѣлописъ его увлеченій или горя. Этимъ и объясняется безъ сомнѣнія то, что въ сочиненіяхъ его не видно кропотливости, высиженности; у него все легко, логично, естественно; даже самыя техническія тонкости какъ будто для того и выработаны предыдущей практикой музыки, чтобы явиться у Глинки въ данномъ мѣстѣ, — такъ и чувствуешь, что они вовсе не выдуманы на удивленіе ученыхъ критиковъ-контрапунетистовъ, а вылились прямо изъ глубины его души, такъ что Глинка-гармонистъ даже и не замѣтилъ ихъ.

Въ 1826 г. написаны *тоскливые романсы*: *Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ* (иначе *Утѣшеніе*) и *Бѣдный пѣвецъ*, сл. Жуковскаго.

Объ этомъ періодѣ М. И. пишетъ: „вообще говоря въ молодости я былъ парень романтическаго устройства и любилъ плакать сладкими слезами умиленія“. Вотъ почему сентиментально-романтическое направленіе Жуковскаго, съ которымъ Глинка впоследствии былъ довольно близокъ и вызвало въ немъ *эти тоскливые романсы*.

Въ 1827 г. онъ написалъ: „Я люблю, ты говорила“ (*le baiser*) Этотъ романсъ есть результатъ одного кратковременнаго увлеченія. „Горько, горько мнѣ“... (слова Корсака) и слѣдующія сцены для пѣнія съ оркестромъ (писались одна за другой). *Дуэтъ съ речитативомъ* для баса и тенора (A-dur). *Хоръ на смерть героя* (C-moll), *Арія для баритона* (As-dur). (*Adagio* изъ нея взято въ канонъ оп. „Русланъ“). *Молитва* для тенора въ 3 голоса (F-dur). Въ этомъ году, пишетъ Глинка „страсть къ сочиненію рѣшительно отвлекала меня отъ упражненія въ исполненіи“. Тогда-то и пробуждается въ немъ стремленіе къ драматической музыкѣ: за семь лѣтъ до начала сочиненія „Жизнь за Царя“, когда Глинкѣ было 23 года.

Въ 1828 г. а) *Adagio* (къ вышеупомянутой D мольной сонатѣ), въ которомъ былъ „довольно ловкій контрапунктъ“. Въ этотъ же годъ Глинка выходитъ въ отставку изъ Мин. Путей Сообщ., куда поступилъ въ 1824 г. Онъ никогда не былъ расположенъ къ

*) См. письмо къ В. П. Энгельгардту 12 мая 1851 г. Записки Глинки, изд. Суворина, 1887 г., стр. 312.

службѣ (чиновнической) и больше не служилъ, если не считать пѣвческой капеллы и театральнаго училища, гдѣ онъ преподавалъ весьма не долго пѣніе. Въ этомъ же году занимается онъ (хотя весьма мало) композиціей у Зомбони. Къ этому же времени относятся: *Серенада* „O mia dolce. *Квартетъ* (F-dur) „Com di gloria“. *Квартетъ* G-moll (голововой) „Sogno chi crede“. *Память сердца* „Pour un moment“. „Скажи зачѣмъ“... „Лина въ черной мантии“ (куплеты съ хоромъ). „Ахъ, ты ночь ли ноченька“. „Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили“. „Гдѣ ты, оперное желанье?“ „Не пой, волшебница, при мнѣ“... (Эту грузинскую музыку сообщилъ Грибоѣдовъ, слова Пушкина).

Въ 1829 г. „Забудуль я“. „Ночь осенняя, ночь любезная“. „Не осенній частый дождичекъ“ (впослѣдствіи изъ него сдѣланъ „Не о томъ скорбля, подруженьки“ въ „Жизни за Царя“). „Голось съ того свѣта“. Въ этомъ же году изданъ „Лирическій альбомъ“ соч. Глинки.

Въ 1830 г. *Струнный квартетъ* F-dur. Глинка называетъ его „ученическимъ произведеніемъ“, и прибавляетъ: „мнѣ кажется, что въ немъ отразилось болѣзненное тогдашнее мое состояніе“.

Этотъ годъ важенъ въ художественной жизни Глинки поѣздкой въ Италію, куда онъ давно стремился, а затѣмъ въ Германію (1833), гдѣ онъ начинаетъ, хотя и весьма непродолжительныя, занятія съ извѣстнымъ въ то время берлинскимъ контрапунктистомъ Дёномъ. Съ нимъ онъ сохранилъ лучшія отношенія до послѣднихъ дней и почти на рукахъ у него (1857) и умеръ. Мы нѣсколько останемся на первомъ путешествіи Глинки за границу.

III.

Путешествіе въ Италію (1830—1834) для Глинки имѣло довольно важное значеніе, такъ какъ онъ ѣхалъ туда молодымъ, и вполне созрѣвшимъ человекомъ (26 лѣтъ) „учиться“, какъ онъ самъ думалъ, хотя въ дѣйствительности это и не вполне оправдалось. Мы видимъ, что въ послѣдніе года въ немъ особенно росла сила творчества, слѣдовательно талантъ его зрѣлъ быстро и настолько самостоятельно, что нѣкоторыя произведенія этого періода, какъ мы видѣли и увидимъ еще ниже, пригодились для „Жизни за Царя“ и „Руслана“. Слѣдовательно можно было бы полагать, что пребываніе Глинки въ Италиі убиетъ въ немъ тѣ зародыши національности, которые начинали уже проглядывать въ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій этого періода, и сдѣлаетъ изъ него таково же италіано-русскаго композитора, какими были его предшественники; но присущее ему чутье и его русская, чуждая итальянской слащавости и изнѣженности въ искусствѣ натура въ значительной степени предохранила Глинку отъ этого вреднаго вліянія. Если же это вліяніе и отражается на нѣкоторыхъ его произведеніяхъ, то замѣтно какъ оно современемъ ослабѣваетъ. Это ясно видно при сравненіи „Жизни за Царя“ съ „Русланомъ“. За то почти безошибочно можно сказать, что пребываніе въ Италиі не прошло безслѣдно для развитія его *мелодическихъ* дарованій, которые ставятъ Глинку весьма высоко въ ряду европейскихъ композиторовъ. Кромѣ того страна эта не могла не подѣйствовать благотворно на художественную душу Глинки и богатствомъ своей

природы: многія мѣста изъ его записокъ и переписки съ друзьями, доказываютъ, что природу М. И. любилъ и умѣлъ восхищаться ея красотами и богатствомъ. Въ композиціи Италія не принесла ему никакой пользы, но за то онъ нѣсколько усовершенствовалъ себя въ пѣніи, ближе узналъ его техническую сторону, а еще болѣе близкое знакомство съ итальянскими композиторами научило его той *ловкости*, съ какою они пишутъ сочиненія для голосовъ. Слѣдовательно и съ этой стороны онъ воспринялъ хорошую черту итальянской школы. Изъ своихъ учителей Глинка упоминаетъ Надзара и Фодора, которымъ болѣе *всѣхъ другихъ маэстро обязанъ своими познаніями въ пѣніи*. Хотя безъ грѣха можно сказать, что самымъ *лучшимъ* маэстро для Глинки во всѣхъ областяхъ музыки былъ *онъ самъ* или лучше сказать, его *гениальное чутье*, и способность усвоивать все на лету: самый посредственный учитель могъ сообщить ему гораздо больше познаній, чѣмъ всякому обыкновенному человѣку. Такъ съ Глинкой и было: всѣ почти его учителя, за исключеніемъ Дѣна и Фильда, (если только за три урока, данные имъ, можно считать его учителемъ М. И.) были не первостепенные таланты, но о многихъ изъ нихъ Глинка отзывался хорошо; это легко объяснить, зная скромность М. И., которой онъ обладалъ въ высшей степени.

Полное отсутствіе тщеславія въ М. И. подтверждается массой фактовъ и намъ вѣроятно придется натолкнуться на нихъ, но пока приведемъ въ подтвержденіе слова изъ воспоминаній П. Дубровскаго, о которомъ Глинка говоритъ въ своихъ запискахъ.

„Часто слушая исполненія лучшихъ произведеній Гайдна, Глюка и др. онъ (Глинка) приходилъ въ самозабвеніе и однажды сказалъ мнѣ: „И я не отрубилъ эту руку, которая, послѣ такихъ великихъ созданій осмѣлилась писать ноты! Вотъ истинный художникъ!“ прибавляетъ г. Дубровскийъ. (Р. В. 1857. Апрѣль кн. 2) *).

Слова эти если и не буквально передаютъ рѣчь Глинки, то во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ насколько онъ былъ далекъ отъ самообожанія и отъ признаванія себя гениемъ.

Въ 1831 г. Глинка, увлеченный тѣмъ, что въ Миланѣ его считали за хорошаго пѣаниста, снова принялся за фортепианную музыку, тѣмъ болѣе, что „для пѣнія, какъ самъ и пишетъ, еще не осмѣлился писать, потому что по справедливости не могъ считать себя знакомымъ со всѣми тонкостями искусства (*malizie dell' arte*). Въ этомъ году написаны двѣ variaціи на темы: изъ Анны Болейнъ и изъ балета Кіа-Кингъ и Rondo на тему изъ „Montecchi e Capuletti“ Bellini.

Въ 1832 г. *Серенада на темы изъ Sonnambula* (форт. и струн. квинтетъ). *Серенада на темы изъ Анны Болейнъ* (арфа, фортеп. альтъ, виолончель, фаготъ и волторна). *Sestetto originale* (фортепiano съ струн. квинтетомъ). *Романсъ „Ah se tu possi mieđ“*. *Побудитель*, сл. Жуковскаго. *Венеціанская ночь*, сл. Козлова. *Выходная каватина* (*preghiera*) для оп. Фаустъ Доницетти (для пѣвицы Този) „въ духѣ Беллини“. Каватина *Beatrice di Tenda* слова *impromptu en galop* на тему изъ *Elisire d'amore*. *Trio* (форт., кларнетъ и фаготъ). Глинка пишетъ, что въ этомъ сочиненіи

*) Многія письма Глинки доказываютъ тоже самое.

неніи онъ выразилъ „жесточайшее отчаяніе, которое его душило въ то время“ *).

IV.

Описывая начало своего путешествія по Германіи, (1833—1834 гг.), Глинка пишетъ: „послушавшись Ланнера и Штрауса, не разъ пытался сочинять и помню, что тогда изобрѣлъ тему, послужившую мнѣ для краковяка въ Жизни за Царя“ **). Нѣсколько ниже онъ еще говоритъ, что изъ одного изъ эпизодовъ (вокализъ), написанныхъ имъ для очень красивой 17—18 лѣтней дочери нѣкоего учителя пѣнія *Темнера*, онъ *аранжировалъ* впоследствии „Еврейскую мелодію“ для драмы Букольника „князь Холмскій“. За тѣмъ Глинка, будучи уже 29 лѣтъ, переходитъ къ занятіямъ съ Дѣномъ, извѣстнымъ въ то время контрапунктистомъ въ Берлинѣ, о которомъ мы имѣли случай упомянуть раньше. Эти уроки, завершившіе, можно сказать ***) , теоретическое образованіе нашего великаго композитора, продолжались всего 5 мѣсяцевъ. Дѣнь, какъ говоритъ самъ М. И., *привелъ въ порядокъ* его теоретическія познанія, занимаясь съ нимъ гармоніей, контрапунктомъ и инструментальной; лекціи по этимъ предметамъ онъ написалъ для Глинки собственноручно. Занятія заключались въ писаніи строгихъ фугъ, преимущественно на темы другихъ композиторовъ. Къ этому же времени относятся романы: „Дубрава шумитъ“, сл. Жуковского; „Не говори, любовь пройдетъ“; вариация на тему „Соловей“ Алябьева (для фортепiano) *Potpourri* на нѣсколько русскихъ пѣсень (въ 4 руки) съ поползновеніемъ на контрапунктъ; этюдъ *симфоніи-увертюры* на *круговую* (русскую тему), „которая впрочемъ была разработана по-нѣмецки ****). Далѣе Глинка пишетъ:

„Мысль объ національной музыкѣ (не говорю еще оперной), все болѣе и болѣе прояснялась; я сочинилъ тему *****). „Какъ мать убили“ (пѣснь сироты изъ „Жизни за Царя“) и первую тему Allegro увертюры. Должно замѣтить, что я въ молодости, т. е. вскорѣ по выпускѣ изъ пансіона, много работалъ на русскія темы“.

Припоминая списокъ сочиненій Глинки, написанныхъ въ Италіи, въ которомъ замѣчается достаточное количество вариаций на итальянскія темы, кажется, съ перваго взгляда нѣсколько страннымъ такой рѣзкій поворотъ къ музыкѣ *русской народной*. Но это обстоятельство вполне разъясняется словами самого Глинки. Давая краткій итогъ пріобрѣтеннаго въ Италіи, М. И. пишетъ: „все, написанное мною въ угожденіе жителямъ Милана, изданное весьма опрятно Giovanni Ricordi, убѣдило меня только въ томъ, что я шелъ не своимъ путемъ, и что я искренно не могъ быть итальянцемъ. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по-русски“.

*) Всѣ эти сочиненія то же составляютъ результаты увлеченій, и написаны или по просьбѣ или для посвященія.

***) Это является въ 185-мъ тактѣ.

****) Передъ самой кончиной онъ еще разъ занимается подъ руководствомъ Дѣна.

*****) Объ въ И. П. Библиотекѣ.

*****) Одна мелодія, словъ конечно тогда еще не было. Эта тема составляетъ побочную (вторую) партію Allegro увертюры.

V.

Зимой 1834—1835 гг., по возвращеніи въ Россію, Глинка принимается за „Жизнь за Царя“, но предварительно говорить еще о двухъ романсахъ: „Не называй ее небесной“... „Я здѣсь Инозилья“ и „Только узналъ я тебя“ (для невѣсты Глинки). Объ этомъ послѣднемъ романсѣ Н. Кукольникъ, познакомившійся съ Глинкой въ декабрѣ 1834 г., рассказывалъ слѣдующее: „Романсъ этотъ сочиненъ экспромтомъ. Глинка о чемъ-то разговаривалъ довольно весело со своей невѣстой М. П. Ивановой и вдругъ, слышу я, Миша, принявъ театральную позу, и съ премилой улыбкой, поетъ: „Только узналъ я тебя, трепетомъ сладкимъ впервые“. Затѣмъ онъ подошелъ къ фортепьяно и тутъ же сыгралъ все. Черезъ нѣсколько дней романсъ этотъ былъ уже записанъ и, насколько помню, совершенно такъ, какъ Глинка игралъ его въ первый разъ“ *). Вотъ какъ вдохновенны романсы Глинки, и г. Стасовъ вполне вѣрно называетъ ихъ „страницею или строчкой изъ его жизни, частицею его восторговъ, радостей или печалей“.

Въ этомъ же году, т. е. имѣя 30 лѣтъ отъ роду, благодаря В. А. Жуковскому, Глинка останавливается на сюжетѣ „Иванъ Сусанинъ“ и описываетъ это такъ **): „Когда я изъявилъ свое желаніе приняться за русскую оперу, Жуковскій искренно одобрилъ мое желаніе и предложилъ мнѣ сюжетъ Ивана Сусанина. Сцена въ лѣсу ***) глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи; я находилъ въ ней много оригинальнаго, характерно русскаго. Жуковскій хотѣлъ самъ писать слова, и для пробы сочинилъ извѣстные стихи: „Ахъ, не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному“ (изъ тріо съ хоромъ эпилогъ) ****). „Занятія не позволили ему исполнить своего намѣренія и онъ сделалъ меня въ этомъ дѣлѣ на руки барона Розена, усерднаго литератора изъ нѣмцевъ, бывшаго тогда секретаремъ е. и. в. Государя Цесаревича“... „Въ теченіи весны, т. е. апрѣля и марта, по моему плану, онъ (баронъ Розенъ) изготовилъ слова перваго и втораго акта. Ему предстояло не мало труда; большая часть не только темъ, но и разработки пьесъ были сдѣланы, и ему надлежало поддѣлывать слова подъ музыку, требовавшую иногда самыхъ странныхъ размѣровъ“.

Сочиненіе „Жизни за Царя“ шло удивительно быстро. Этому способствовалъ безъ сомнѣнія полный разгаръ любви Глинки къ будущей его женѣ М. П. Ивановой.

Насколько „привязанности сердечныя“, какъ говоритъ г. Стасовъ, помогли Глинкѣ въ данномъ случаѣ, мы видимъ изъ слѣдующихъ словъ самого же М. И.: „мысль извѣстнаго тріо („Не

*) Дѣдъ мой Н. В. Кукольникъ не мало рассказывалъ также драгоценныхъ мелочей изъ жизни М. И. Глинки, но къ сожалѣнію большинство изъ нихъ, какъ и вышеприводимая, нигдѣ не записаны.

***) Тутъ читавшіе помѣщенное нами въ ноябрьской книжкѣ „Дѣла“ подъ заглавіемъ: „какъ была встрѣчена „Жизнь за Царя“ современниками“, найдутъ нѣкоторыя повторенія, которыхъ мы не могли избѣгнуть, желая сохранить по возможности полную независимость настоящей статьи отъ вышеупомянутаго ея отрывка. Происходитъ это вслѣдствіе того, что редакція рѣшительно не имѣла возможности помѣстить въ прошломъ году то, что она печатаетъ теперь.

(Прим. авт.)

***) Т. е. одинъ изъ самыхъ драматическихъ моментовъ.

****) Эта же мелодія взята въ интродукціи увертюры.

томъ, родимый“) ... есть слѣдствіе моея безумной тогда любви; мнута безъ невѣсты моея казалась мнѣ невыносимою, и я дѣйствительно чувствовалъ, высказанное въ *adagio* и *andante*: „Не-томи, родимый“, которое написалъ уже лѣтомъ въ деревнѣ“. На-онецъ въ концѣ апрѣля 1835 г. Глинка женился, и такъ описываетъ матери свое душевное настроеніе: „теперь сердце снова ожило, я чувствую, могу молиться, радоваться, плавать, музыка моя воскресла... не знаю какими словами выразить благодарность Провидѣнію за это счастье“.

Къ этому времени либретто было уже совершенно готово и въ маѣ Глинка уѣхалъ, вмѣстѣ съ женою, въ деревню. По дорогѣ, въ каретѣ, онъ сочинилъ женскій хоръ въ $\frac{3}{4}$ „Разгулялось“... „Подробности деревенской жизни исчезли изъ памяти, пишетъ М. И., знаю только, что я прилежно работалъ, т. е. упивался въ партитуры уже готовое и заготовлялъ впередъ. Ежедневно утромъ садился я за столъ въ большой и веселой залѣ, въ Новоспасскомъ нашемъ домѣ... чѣмъ живѣе болтали и смѣялись, тѣмъ быстрѣ шла моя работа“... Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Работа шла успѣшно; всякое утро сидѣлъ я за столомъ и писалъ по шести страницъ мелкой партитуры, той самой, что у Энгельгарда... Я весь былъ погруженъ въ трудъ, и хотя уже много было написано, оставалось еще многое, подлежало все пригонять такъ, чтобы вышло стройное цѣлое. Сцену Сусанина въ лѣсу съ поляками, я писалъ зимою; всю эту сцену, прежде чѣмъ я началъ писать, я часто читалъ съ чувствомъ вслухъ, и такъ живо переносился въ положеніе моего героя, что волосы у самого меня становились дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ“.

Зимою 1835—1836 гг. при содѣйствіи друзей и артистовъ, начинаются пробы сочиненныхъ номеровъ новой оперы и домашнія репетиціи *).

Первую оркестровую репетицію (1-го акта) устроила П. А. Баргенева, въ домѣ Юсупова. Хоровъ не исполняли, а партіи солистовъ пѣли любители и даже самъ М. И. „Это было великимъ постомъ 1836 г.“.

Затѣмъ Глинка знакомится съ Петровымъ и Шемаевымъ и съ другими артистами и мало по малу начинаетъ разучивать не оконченную еще оперу.

Въ мартѣ 1836 г. графъ М. Ю. Віельгорскій устроилъ у себя репетицію перваго акта, но уже съ участіемъ хора и артистовъ. Тутъ Глинка съ признательностію, чуждой всякой самонадѣянности, вспоминаетъ имена лицъ, которымъ онъ обязанъ совѣтами, замѣчаніями и исправленіями въ его оперѣ. Это были гр. Віельгорскій, кн. Одоевскій и К. Мейеръ (форт. учитель М. И.), съ которымъ онъ „совѣтовался объ инструментовкѣ“. Здѣсь же онъ вспоминаетъ и Кувольника **).

10-го іюня того же года была еще одна репетиція съ участіемъ

*) Въ высшей степени интересныя подробности объ этомъ періодѣ времени находимъ въ запискахъ М. И. Глинки.

**) Глинка пишетъ, что не помнитъ когда познакомили его съ Н. В. Кувольникомъ—знаетъ только, что по поводу оперы. Въ дневникѣ же Н. В., который скоро долженъ появиться въ печати, подробно рассказано объ этомъ знакомствѣ: первый разъ Кувольникъ былъ у Глинки 23-го дек. 1834.

Леоновой, Воробьевой и Петрова. На этой репетиции случайно присутствовали гг. Толстой (президентъ академіи художествъ), бр. Брюловы, Бруни, Басинъ, Григоровичъ, Лангеръ, Семеновъ и мн. другіе художники. Впрочемъ эта репетиція не была ни чѣмъ замѣчательна, такъ какъ Глинка о ней не упоминаетъ.

Въ музыкальной части оперы Н. В. Кукольникъ, тоже принималъ кое-какое участіе. Въ его дневникѣ подѣ 1—8 іюля 1836 г. мы находимъ слѣдующее:

„М. И. Глинка навѣщалъ меня почти каждый день,—игралъ, пѣлъ; въ его оперѣ, съ гордостью могу сказать, я много участвовалъ“. Здѣсь Кукольникъ перечисляетъ всѣ свои замѣчанія, сдѣланныя имъ Глинкѣ, многія изъ нихъ касались скорѣе сценичности, чѣмъ самой музыки. Въ концѣ этой замѣтки Кукольникъ прибавляетъ: „Не согласился Глинка съ моимъ мнѣніемъ насчетъ ослабленія послѣдняго fortissimo въ квартетѣ *), говоря, что здѣсь кончается все веселое въ оперѣ; дальше тяготѣютъ тучи печали, страха и горе“.

Наконецъ весною 1836 г. опера была почти кончена. Дѣлались только нѣкоторые измѣненія и прибавленія и дописывались неоконченные номера. Рассказывая о стѣсненіяхъ дирекціи и о первыхъ разучкахъ подѣ управленіемъ дирижера Кавоса, Глинка прибавляетъ: „Въ концѣ лѣта (1836 г.), я написалъ трио съ хоромъ: „Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному“, соображаясь съ средствами и талантомъ г-жи Воробьевой“... „Вышеозначенное трио съ хоромъ (изъ него сдѣлано адажіо увертюры) написалъ я подѣ веселый часть. Помню, какъ теперь, что насъ собралось человѣкъ пятнадцать, былъ и Петровъ (актеръ), эту трогательную сцену я написалъ, или скорѣе сочинилъ подѣ шумъ и говоръ пирующихъ друзей“.

Наконецъ опера была совершенно окончена и рѣшено было ее дать на открытіе (послѣ возобновленія) Большого театра, т. е. 27-го ноября 1836 г. Всѣ подробности первыхъ представленій, отзывы современниковъ и первоначальный планъ первыхъ трехъ дѣйствій „Жизни за Царя“ помѣщены нами въ ноябрьской книжкѣ „Дѣла“ прошлаго года**), и въ слѣдующей нашей статьѣ прямо перейдемъ мы ко времени, слѣдовавшему за первыми представленіями этой оперы.

А. Пузыревскій.

*) Впрочемъ теперешняго 3-го дѣйствія, передѣ появленіемъ мотива Поляковъ.

**) Другой, полный планъ этой оперы хранится въ библиотекѣ с.-петербургской консерваторіи.

V.

НОВЫЯ КНИГИ.

Ученическіе годы Гоголя. *Біографическія замѣтки В. Шенрока.*

Біографическая литература, посвященная Гоголю, пополнилась въ настоящемъ году еще однимъ трудомъ, принадлежащимъ г. Шенроку. Трудъ этотъ носитъ заглавіе: „Ученическіе годы Гоголя“ и изданъ въ Москвѣ. Авторъ этого интереснаго труда задался цѣлью составить обзоръ жизни Гоголя на основаніи матеріала, заключающагося преимущественно въ письмахъ, ограничиваясь пока временемъ его школьной жизни и первой порой жизни въ Петербургѣ, до вступленія въ литературные кружки. Кромѣ того, его цѣлью было по возможности свести и собрать въ одно—все, что можно было извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ старыхъ лѣтъ, „высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ специалистовъ и вообще людей, интересующихся біографіей Гоголя“. Преслѣдуя названнаго цѣли, г. Шенрокъ старается вездѣ сохранить безпристрастіе и воздержаться какъ отъ панегирическаго тона, такъ и отъ осужденія, въ той формѣ, какъ оно проявлялось въ недавніе годы, когда было воздвигнуто гоненіе на авторитеты. Трудъ г. Шенрока проникнутъ полнымъ сочувствіемъ къ личности великаго писателя, при чемъ авторъ особенно сильно симпатизируетъ его нравственной сторонѣ, насколько она проявляется въ отношеніяхъ Гоголя къ своей матери. Доказывая свои положенія, г. Шенрокъ приводитъ многочисленныя выписки изъ писемъ Гоголя. Такія же обильныя выдержки приводятся имъ и изъ писемъ симпатичной Марьи Ивановны, матери Гоголя, которая пользуется видимымъ его сочувствіемъ. Характеризуя ее, авторъ живо ставитъ ея образъ передъ нами. При этомъ надо замѣтить, что для ея характеристики и уясненія ея отношеній къ сыну, онъ пользуется новымъ матеріаломъ, именно—незданными ея письмами къ двоюродному брату Петру Петровичу Косаровскому. Г. Шенрокъ упоминаетъ, конечно, и объ отцѣ Гоголя, но его отношенія къ послѣднему не рисуются передъ нами такъ живо, какъ отношенія Марьи Ивановны. Лицейская жизнь Гоголя очеркнута авторомъ не со всѣхъ сторонъ. Мы видимъ, въ извѣстной сте-

пени, его отношенія къ начальству, напримѣръ, къ директору Нѣжинскаго лицея Орлаку, но не видимъ отношеній къ товарищеской средѣ.

Названіе разбираемаго нами труда нельзя признать вполне соответствующимъ содержанию, такъ какъ послѣднее обширнѣе перваго. Г. Шенрокъ касается не только періода ученія Гоголя, но и времени его пребыванія въ Петербургѣ, до вступленія въ литературную среду. Этому второму періоду онъ удѣляетъ не мало мѣста въ своей книгѣ, при чемъ старается указать черты соприкосновенія между названными періодами, и опровергнуть мнѣніе Кулиша, доказывавшаго, что съ переселеніемъ Гоголя съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь же рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнія въ родномъ гнѣздѣ. Нельзя не согласиться, что убѣдительность доводовъ въ данномъ случаѣ на сторонѣ г. Шенрока. Мы, дѣйствительно, ясно видимъ, что существуетъ разительное сходство во многихъ взглядахъ Гоголя, принадлежащихъ двумъ названнымъ періодамъ, и что проводить между ними ту рѣзкую черту, которую проводитъ Кулишъ, нѣтъ никакой возможности. Сходство замѣчается не только во взглядахъ Гоголя, но и въ содержаніи нѣкоторыхъ произведеній той и другой поры. Для доказательства г. Шенрокъ приводитъ мѣста изъ „Ганса Кюхельгартена“ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ повѣстей. Сходство нѣкоторыхъ образовъ и даже выраженій, дѣйствительно, оказывается замѣчательное. Въ книгѣ г. Шенрока хорошо рисуется то печальное положеніе, въ которое попалъ Гоголь по пріѣздѣ въ Петербургъ, городъ для него совершенно незнакомый. Благодаря письмамъ своего друга Высоцкаго, Гоголь имѣлъ самое выгодное представленіе о всѣхъ сторонахъ петербургской жизни, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени, когда ему можно будетъ отправиться въ сѣверную Пальмиру. По пріѣздѣ въ Петербургъ Гоголь въ скоромъ времени разочаровался въ своихъ мечтаніяхъ. Прежде всего на него напала нужда. Ему пришлось поселиться въ пятомъ этажѣ, и всю зиму прощеголять въ лѣтней шинели. Для поддержанія въ себѣ бодрости и энергіи, Гоголь иногда пронизировалъ надъ своимъ положеніемъ. „Что за бѣда, писалъ онъ въ одномъ письмѣ, посидѣть какую нибудь недѣлю безъ обѣда? То ли еще будетъ на жизненной дорогѣ!“ Живя въ Нѣжинѣ, Гоголь мечталъ о плодотворной общественной дѣятельности въ Петербургѣ, объ извѣстности; по пріѣздѣ же въ Петербургъ онъ долгое время не могъ найти службы, хотя имѣлъ въ карманѣ рекомендательныя письма къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ. По этому случаю онъ писалъ матери слѣдующее: „Вы мнѣ совѣтуете не беспокоить Логина Ивановича (Голенищева-Кутузова): оно бы и хорошо, когда бы я могъ ничего не ѣсть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапогъ, но такъ какъ я не имѣю сихъ талантовъ, т. е. жить воздухомъ, то и скучаю своимъ бездѣйствіемъ, сидя въ холодной комнатѣ и имѣя величайшее несчастіе просить у васъ денегъ, зная теперешнія ваши обстоятельства“. Получивъ мѣсто, Гоголь въ скоромъ времени охладѣлъ къ службѣ. „Не имѣя ни призванія, ни охоты къ службѣ, говоритъ г. Паш-

ковъ, Гоголь тяготился ею, скучалъ, и потому часто пропускалъ служебные дни, въ которые онъ занимался въ квартирѣ литературою“. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ служебная дѣятельность оказалась Гоголю не по душѣ. Между тѣмъ, живя еще въ Нѣжинѣ, онъ думалъ о возможности принести большую пользу на этомъ поприщѣ и мечталъ о пріятныхъ сторонахъ такой дѣятельности. Особенно часто его вниманіе останавливалось на юстиціи. Онъ думалъ, что „здѣсь только будетъ истинно полезно для человѣчества“. „Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, писалъ онъ, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не терять, не сдѣлавъ блага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ“.

Многимъ былъ недоволенъ Гоголь въ Петербургѣ и, между прочимъ, петербургскимъ климатомъ. Познакомившись съ нимъ ближе, Гоголь не могъ не вспомнить поэтической малороссійской природы. Ея картины чаще и чаще стали проситься къ нему въ душу. И вотъ онъ взялся за перо, чтобы воспроизвести ихъ въ своихъ поэтическихъ, волшебныхъ „Вечерахъ“. Первою данью влеченію Гоголя, съ холоднаго сѣвера къ благодатному югу, къ родинѣ, была его „Сорочинская ярмарка“. „Замѣчательно художественныя описанія природы, говоритъ г. Шенрокъ, описанія родныхъ мѣстъ, связанныхъ съ воспоминаніями юности (Псѣль, самыя Сорочинцы), картина ярмарки—все это было, безъ всякаго сомнѣнія, воспроизведеніемъ наиболѣе яркихъ и глубокихъ впечатлѣній, таившихся въ его душѣ“. Многіе матеріалы для своихъ повѣстей Гоголь получилъ отъ своей матери. Онъ намѣтилъ для нея программу, по которой должны были собираться необходимыя для него свѣдѣнія. Приступая къ обработкѣ повѣсти „Вечеръ накануне Ивана Купала“, Гоголь просилъ мать прислать описаніе костюмовъ, существующихъ со временъ гетманства, и сообщить рассказы о повѣрьяхъ, духахъ и домовыхъ. Комедіи отца, какъ напримѣръ: „Овца-Собака“ и „Романъ и Параска“, также не остались безъ вліянія на малороссійскія повѣсти Гоголя.

Съ 1831 г. обстоятельства непривлекательной жизни Гоголя начинаютъ измѣняться къ лучшему. Въ его письмахъ къ матери начинаютъ проскальзывать оптимистическіе взгляды. „Вѣрьте, что Богъ ничего не готовитъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастья, писалъ онъ матери. Источникъ ихъ находится въ самомъ нашемъ сердцѣ. Чѣмъ оно добрѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ притязаній и правъ на счастье. Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни за какія драгоценности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ“. Въ душѣ Гоголя созрѣло и укрѣпилось намѣреніе вступить на другой путь, именно—оставивъ службу, всецѣло посвятить себя литературѣ. Для него постепенно стала отрываться дорога къ славѣ и къ безсмертію въ потомствѣ.

Въ книгѣ г. Шенрока есть и библиографическая сторона. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ указываетъ наиболѣе замѣчательныя труды, относящіяся къ біографіи Гоголя. Имъ не оставлены также безъ вниманія и споры, которые возникли впоследствии о значеніи литературной дѣятельности великаго писателя. Такъ онъ,

указываетъ на рѣзкую полемику, которая нѣкоторое время велась между проф. Максимовичемъ и Кулишемъ, который въ 1861 г., въ журналѣ „Основа“, упрекалъ Гоголя въ недостаточномъ знакомствѣ съ малороссійскимъ бытомъ и въ фальшивомъ его изображеніи, противорѣча, такимъ образомъ, своимъ прежде высказаннымъ сужденіямъ. Въ названномъ предисловіи г. Шенрокъ касается также вопроса о значеніи писемъ Гоголя для его біографіи, при чемъ высказываетъ тотъ взглядъ, что если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, „которые не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ душевными мыслями и чувствами Гоголя, но будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы, вѣроятно, еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія“. Въ этомъ случаѣ г. Шенрокъ сходитя во мнѣніи съ проф. Лавровскимъ, который, въ рѣчи по поводу открытія памятникя Гоголю въ Нѣжинѣ, высказалъ ту мысль, что самую интересную и самую производительную часть матеріаловъ для біографіи великаго писателя составляютъ его письма, особенно къ лицамъ, наиболѣе близкимъ къ нему, которымъ онъ открываетъ свою душу.

Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. Изданъ по порученію Высочайше учрежденной комиссіи по устройству Всероссийской Промышленно-Художественной выставки въ Москвѣ въ 1882 г. подъ редакцію *Д. А. Тимирязева. Т. II. Произведенія фабричной, заводской, ремесленной и кустарной промышленности.* Спб. 1886 г.

Изданіе этого обширнаго труда предпринято было еще въ началѣ текущаго десятилѣтія по случаю готовившейся къ открытію Всероссийской художественно-промышленной выставки въ Москвѣ. Первый томъ изданія, обнимающій сельское хозяйство и горнозаводское дѣло, а также 1-й выпускъ второго вышли въ свѣтъ еще года три-четыре назадъ. Командировка редактора изданія за границу, гдѣ онъ провелъ продолжительное время, задержала окончаніе второго тома, такъ что въ цѣломъ своемъ объемѣ послѣдній явился лишь въ концѣ прошлаго года. Если принять во вниманіе громадный объемъ труда (около 1000 страницъ), то такая задержка станетъ еще понятнѣе. „Кромѣ оффиціального статистическаго матеріала, — говоритъ г. Тимирязевъ въ предисловіи къ „Обзору“, — при составленіи настоящаго тома служилъ источникомъ цѣлый рядъ сочиненій и отдѣльныхъ статей. Собраніе этихъ источниковъ, разсѣянныхъ въ большинствѣ случаевъ въ повременныхъ изданіяхъ или отдѣльныхъ брошюрахъ, а также разработка и провѣрка статистическаго матеріала составляютъ главнѣйшую заслугу нашихъ сотрудниковъ, тѣмъ болѣе, что все, что до сего времени появлялось въ нашей литературѣ въ видѣ разновременныхъ отдѣльныхъ монографій, не соответствуетъ широкой задачѣ, которую имѣетъ въ виду настоящее изданіе. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ „Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности“, предпринятый департаментомъ торговли и мануфактуръ, подобно настоящему изданію, по поводу всероссійской выставки

1861 года, но изданіе это заключаетъ въ себѣ описаніе лишь немногихъ отраслей производства, и притомъ устарѣлое, неоднородное и почти лишенное статистическаго значенія“. Такимъ образомъ, „Историко-статистическій обзоръ“ является единственнымъ въ своемъ родѣ изданіемъ. Второй его томъ обнимаетъ слѣдующія производства: льнопрядильное, полотняное, канатное, веревочное, хлопчатобумажное (т. е. выдѣлка бумажной пряжи и тканей), шерстопрядильное, шерстоткацкое суконное, ковровое, шелковое; выдѣлку издѣлій изъ металловъ (золотыхъ, серебряныхъ и ювелирныхъ вещей, ножей, оружія, проволоки, разныхъ мѣдныхъ издѣлій и т. п.); производства свежлосахарное, винокуренное, водочное, пиво-медоваренное, табачное, салотопное, свѣчносальное, мыловаренное, стеариновое, воскобойное, воскобѣлильное, свѣчновосковое и маслобойное, издѣлія изъ каучука и гуттаперчи, кожевенное дѣло, производства химическихъ продуктовъ, писчей бумаги, картона, обоевъ, стеклянныхъ, фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій“, наконецъ, машиностроительное и экипажное. Изъ этого перечня содержанія второго тома „Историко-статистическаго обзора промышленности“ читатели могутъ видѣть, что въ него вошли всѣ важнѣйшія отрасли мануфактурной производительности. Статьи обработаны по одному плану. Каждая вѣтвь промышленности очерчивается со времени ея возникновения въ нашемъ отечествѣ, но, съ особою подробностью разсматривается положеніе каждой отрасли за 25—30 лѣтній періодъ, предшествовавшій выставкѣ 1882 года. Благодаря такому плану, читателю весьма ясно „вырисовываются на историческомъ фонѣ“ судьбы нашей промышленности. Ему особенно долженъ бросаться въ глаза быстрый ростъ послѣдней въ прошломъ царствованіи. „Въ продолженіе минувшаго царствованія, — говоритъ г. Тимирязевъ, — всѣ разсматриваемыя нами отрасли промышленности постоянно возрастали. Исключеніемъ являются лишь два кратковременныя періода застоя, и даже нѣкотораго упадка, замѣчаемые въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ (1861—63) вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, совпавшимъ съ хлопковымъ кризисомъ, и затѣмъ во время послѣдней войны съ турками (1876 — 77). Но послѣ каждаго изъ этихъ періодовъ наступаетъ болѣе быстрый подъемъ производительности нашихъ фабрикъ и заводовъ, какъ-то подробно указано въ очеркѣ отдѣльныхъ производствъ. Взавъ въ совокупности итоги производительности, съ одной стороны всѣхъ фабрикъ, занимающихся обработкою волокнистыхъ веществъ, съ другой стороны, всѣхъ разсматриваемыхъ въ настоящемъ изданіи заводовъ (кромѣ горныхъ и обложенныхъ акцизомъ), въ началѣ и концѣ помянутаго 25 лѣтняго періода, находимъ, что производительность какъ тѣхъ такъ и другихъ возросла, за это сравнительно непродолжительное время, въ $3\frac{1}{2}$ раза, или въ $2\frac{1}{4}$ раза, если принять поправку на паденіе курса за тотъ же періодъ времени, примѣрно, на 33%).

Но „у всякой медали есть оборотная сторона“. Не смотря на ростъ нашей фабричнозаводской промышленности, сбить ея издѣлій болѣе и болѣе служивался. Въ былые времена наши полотняныя и кожевенныя издѣлія (юфть) находили обширный спросъ за границую. Такъ, напр., въ самомъ началѣ текущаго

столѣтія многія изъ русскихъ фабрикъ занимались производствомъ полотень специально для вывоза за предѣлы Россіи. Дѣло доходило до того, что подъ клейма нашихъ фирмъ стали поддѣлывать свои полотна иностранные производства—такую славу приобрѣли на заграничныхъ рынкахъ издѣлія нашихъ фабрикъ. Но потомъ обстоятельства совершенно перемѣнились. Спросъ на русскія полотна за границу упалъ,—мало того: явилась потребность на иностранныя полотняныя издѣлія у насъ. Красивая внѣшняя отдѣлка, не смотря на непрочность фабриката, подкупала въ свою пользу богатый классъ русскихъ потребителей. И вотъ ввозъ разныхъ голландскихъ полотень сталъ усиливаться. Повредило отечественному полотняному дѣлу и распространение въ средѣ населенія болѣе дешевыхъ, хотя и менѣе прочныхъ бумажныхъ тканей. Въ колоссальномъ развитіи бумагопрядильныхъ и бумаготкацкихъ фабрикъ нѣкоторые усматриваютъ признакъ великаго успѣха отечественной промышленности. Но это развитіе можно было бы считать серьезнымъ прогрессомъ въ томъ только случаѣ, когда бы производство бумажныхъ тканей опиралось главнымъ образомъ на русское сырье, другими словами—если бы для выдѣлки пряжи и тканей служилъ преимущественно нашъ, русскій хлопокъ, а то намъ приходится пробавляться сырьемъ, привозимымъ изъ Америки, (въ 1887 г. хлопка ввезено было 8½ милл. пудовъ). Покупая хлопокъ, мы за то отпускаемъ за границу въ огромномъ количествѣ несравненно болѣе цѣнный ткацкій матеріалъ—ленъ, притомъ для того, чтобы получить значительную его долю обратно въ видѣ уже готовыхъ издѣлій. Еще болѣе ненормальныя явленія замѣчаются въ кожевенномъ дѣлѣ. Особенно усилился у насъ спросъ на кожи невыдѣланныя,—изъ чего слѣдуетъ вывести заключеніе, что отечественное сырье уже перестало удовлетворять потребности отечественнаго кожевеннаго производства. Это послѣднее обстоятельство надо приписать упадку скотоводства. Любопытны факты усиленнаго „предложенія“ кожъ при скотскихъ падежахъ. Въ 1880 г. на нижегородской ярмаркѣ, по случаю предшествовавшихъ ей скотскихъ падежей, оказывалось въ привозѣ „громадное количество“ сырыхъ кожъ. „Торговали кожевенными товарами очень хорошо и съ хорошею пользою (кому?)“. За то послѣ падежей, когда спросъ на скотъ усиливается, цѣны кожъ должны сильно подниматься. Отсюда и проистекаетъ не нормальность положенія нашего кожевеннаго производства. Тоже можно было бы сказать и о нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ отечественной промышленности. Чтеніе „Историко-статистическаго обзора“ приводитъ къ заключенію, что ростъ нашей промышленности не вполнѣ нормаленъ, что овъ обусловливался разными искусственными мѣрами, односторонняго притомъ направленія. Поощряя нашу промышленность стѣсненіемъ ввоза иностранныхъ фабрикатовъ, мы въ то же время мало заботились о развитіи техническихъ знаній, расширени рынковъ для сбыта издѣлій... Результатомъ всего этого и явился нынѣшній кризисъ...

VI.

ПАДЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ.

(Политическая хроника).

Преобладание Пруссии среди германских государств и гегемония Германии в Европѣ подготовлялись постепенно, и ни одна держава не потрудилась в пользу этого дѣла такъ много, какъ Россія. Правда, вѣ эпоху Фридриха Великаго, мы положили конецъ успѣхамъ прусскаго оружія; но съ Петра III, и до самаго послѣдняго времени, Россія была главной виновницей могущества Германии, и вѣ частности Пруссіи. Вѣ 1866 и вѣ особенности вѣ 1870 году Пруссія могла побить Австрію и Францію лишь благодаря бездѣйствію Россіи. И, обратно, стоило нашему правительству обнаружить извѣстную твердость—и германская гегемонія разлетѣлась вѣ прахъ; Франція, о которой еще недавно было принято говорить почти какъ о второстепенной державѣ, подняла голову и обнаружила значительное вліяніе на восточныя дѣла, а Германия оказалась вынужденной искать союзниковъ по всему свѣту, отъ Стокгольма до Пекина. Для того, чтобы ориентироваться вѣ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, надо начать съ знаменитыхъ рѣчей Бисмарка предъ закрытіемъ рейхстага, вѣ которыхъ мы видимъ вѣрное пониманіе того, на чемъ зиждется могущество Германии.

Давно уже князь Бисмаркъ не говорилъ рѣчей, приковывающихъ къ себѣ вниманіе всей Европы. Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе его послѣдней рѣчи, показавшей, что нѣтъ ничего ошибочнѣе мнѣнія, будто способности Бисмарка притупились отъ старости. Не менѣе заблуждаются политики, утверждающіе, что князь Бисмаркъ не сказалъ ничего новаго, и что онъ только санкціониро-

валь своимъ авторитетомъ то, что и безъ него было всѣмъ извѣстно. Подобныя утверженія напоминаютъ анекдотъ о яйцѣ Колумба. Все, что сказалъ Бисмаркъ, повидимому, просто и общеизвѣстно: на самомъ дѣлѣ онъ сказалъ многое и это многое вполне ново. Въ то время, какъ всѣ думали, что усиленные вооруженія Германіи вызваны опасеніемъ русско-французской коалиціи,—въ формѣ ли союза (который, по увѣренію нѣкоторыхъ французскихъ газетъ, былъ предложенъ русскимъ правительствомъ Фрейсинаэ не задолго до паденія его кабинета) или, просто, въ видѣ фактическаго содѣйствія,—Бисмаркъ прямо и категорически заявилъ, что между отношеніями Германіи къ Россіи, и ея отношеніями къ Франціи нѣтъ ничего аналогичнаго. Въ то время, какъ германскіе стратеги изъ всѣхъ силъ хлопочуть о защитѣ восточной границы, считая западъ достаточно обезпеченнымъ отъ непріятельскаго вторженія, Бисмаркъ высказалъ, что войны съ Россіей опасаться нечего, тогда какъ война съ Франціей весьма возможна, хотя и представляетъ дѣло далеко не легкое.

До тѣхъ поръ, пока Бисмаркъ питалъ надежду на возможность осуществленія во Франціи консервативной республики во вкусѣ Тьера, онъ дѣлалъ всевозможныя попытки съ цѣлью примирить побѣжденныхъ съ побѣдителями. Въ настоящее время, не смотря на всѣ очевидныя признаки французскаго миролюбія, красный призракъ радикальной республики съ диктаторомъ во главѣ отнимаетъ у Бисмарка всякую надежду на полное примиреніе. Весьма вѣроятно, что это только пустой призракъ, но во всякомъ случаѣ, разсуждая о политикѣ Бисмарка, слишкомъ часто забываютъ о той глубококонсервативной роли, какую онъ стремился придать Германіи. Россіи Бисмаркъ всегда сочувствовалъ—и сочувствуетъ теперь, даже вопреки взрывамъ нѣмецкаго шовинизма; сочувствуетъ единственно по той причинѣ, что считаетъ Россію вмѣстѣ съ Германіей главнымъ столпомъ европейскаго консерватизма. Этого различія въ отношеніяхъ Бисмарка къ Франціи и къ Россіи никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду. Зная же могущественное вліяніе этого человѣка на весь германскій народъ и помня, что еще недавно онъ былъ канцлеромъ не одной Германіи, но, по выраженію Горчакова, канцлеромъ Европы, мы поймемъ неосновательность мнѣнія, будто рѣчь Бисмарка произнесена съ единственною цѣлью отвести намъ глаза. Нѣтъ, Бисмаркъ говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и съ искреннимъ желаніемъ предупредить столкновеніе между Германіей и Россіей, на которое онъ рѣшится лишь какъ на послѣднюю крайность. Насколько судьбы народовъ зависятъ лично отъ него, Бисмаркъ всегда будетъ работать въ пользу сохраненія мира съ Россіей; но изъ этого, ко-

нечно, не слѣдуетъ, чтобы столкновение между Германіей и Россіей было абсолютной невозможностью.

30-го декабря (11-го января) состоялось засѣданіе рейхстага, въ которомъ происходило второе чтеніе проекта объ усиленіи арміи. Въ этомъ же засѣданіи должно было обсуждаться предложеніе депутата Штауффенберга (изъ партіи свободомыслящихъ) о замѣнѣ септенната т. е. семилѣтняго срока военной службы трехлѣтнимъ срокомъ, на который и долженъ быть опредѣленъ мирный составъ арміи въ цифрѣ, точно соотвѣтствующей правительственному проекту. Фельдмаршалъ Мольтке произнесъ краткую рѣчь, которую [сначала трудно было слышать по слабости его голоса. Между прочимъ, графъ Мольтке сказалъ: „весь міръ спрашиваетъ: будетъ ли у насъ война или миръ? Я увѣренъ, что ни одно правительство не возьметъ на себя отвѣтственности бросить зажженный факелъ на груды горючаго матеріала, накопившіяся во всѣхъ европейскихъ странахъ. Сильныя правительства являются залогомъ мира, но народныя страсти, честолюбіе вождей партій, общественное мнѣніе, введенное въ заблужденіе печатнымъ и устнымъ словомъ—всѣ эти элементы могутъ быть сильнѣе, нежели воля правительствъ. Мы видѣли на своемъ вѣку, что даже интересы биржи возбуждали войну. Если въ теперешнемъ напряженномъ положеніи какое либо государство можетъ содѣйствовать дѣлу мира, то это, конечно, Германія, которая весьма мало замѣшана въ вопросы, интересующіе теперь державы, и которая со временъ основанія Имперіи показала, что она не нападетъ ни на одну державу, если не будетъ къ тому вынуждена. Но для выполненія этой тяжкой роли, Германія должна быть могущественна и готова къ войнѣ. *Если мы противъ нашей воли будемъ вовлечены въ войну, то мы должны имѣть для этого средства. Если требованіе правительства будетъ отклонено, то я увѣренъ, что мы безъ всякаго сомнѣнія будемъ имѣть войну*“.

Это откровенное признаніе престарѣлаго фельдмаршала весьма важно для нашихъ послѣдующихъ соображеній. И такъ, если вѣрить фельдмаршалу, война уже была почти неизбѣжна, и стала бы вполне неминуемою въ случаѣ, еслибъ новый рейхстагъ отклонилъ требованія правительства.

Мы покажемъ ниже, что если Германія найдетъ необходимымъ начать войну съ Франціей, то прямую выгоду для нея составитъ возможно быстрое объявленіе войны, такъ какъ въ данную минуту Германія можетъ еще рассчитывать на превосходство своихъ силъ надъ французскими. Если же война оттянется на неопредѣленное время, германское правительство будетъ добиваться

того, чтобы опредѣленіе численности арміи было поставлено внѣ компетенціи рейхстага, такъ какъ лишь при полной независимости военнаго бюджета отъ партійныхъ соображеній, Германія будетъ готова во всякую данную минуту къ борьбѣ со своимъ врагомъ. Таковъ истинный смыслъ словъ Мольте; но мы увидимъ, что рѣчь Бисмарка освѣщаетъ вопросъ гораздо глубже и подробнѣе.

Во время рѣчи Штауффенберга, появился въ залѣ князь Бисмаркъ. По обыкновенію, Бисмаркъ раскрылъ свои карты. Прежде всего, онъ постарался отклонить обвиненіе, будто бы правительство, заботясь, повидимому, объ усиленіи арміи, въ дѣйствительности преслѣдовало какія либо инныя цѣли, напр. увеличеніе налоговъ. „Болѣе правдоподобный мотивъ (говорилъ Бисмаркъ) тотъ, что союзныя правительства, а также представители императора, не высказываютъ открыто своихъ плановъ и желаютъ усилить войско, съ цѣлью вести войну въ ближайшемъ будущемъ, и такимъ образомъ осуществить опредѣленные стремленія, или завоевать что-нибудь, или ради престижа, или въ виду необходимости вмѣшаться въ дѣла другихъ державъ, напр. регулировать изъ Берлина восточный вопросъ. Всѣ эти мнѣнія не основательны, что ясно для всѣхъ, кому извѣстна мирная политика императора“. Изъ дальнѣйшаго станетъ очевидно, что эти слова Бисмарка имѣютъ прямое отношеніе къ Россіи, и что въ этомъ смыслѣ они вполне откровенны, искренни и правдивы. Но далѣе Бисмаркъ говоритъ слѣдующее: „безъ сомнѣнія, императоръ былъ вынужденъ вести двѣ войны; но эти войны были для насъ историческимъ наслѣдіемъ прошедшихъ столѣтій. Вы не можете оспаривать, что Гордіевъ узелъ, который опутывалъ нѣмецкую націю, не давая ей жить и дышать, могъ быть разрубленъ только войной, и что французская война была лишь звеномъ въ цѣпи, возстановившей германское единство. У насъ нѣтъ теперь воинственныхъ стремленій; мы принадлежимъ къ числу „насыщенныхъ державъ“, по выраженію Меттерниха. Послѣ франкфуртскаго мира нашей потребностью было сохранить миръ и упрочить его: это было не легко. Въ рейхстагѣ намъ тогда бросали упрекъ, что, не имѣя смѣлости бороться за единство Германіи, мы создали положеніе, которое черезъ четыре-пять лѣтъ приведетъ къ новой войнѣ. Однако шестнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и миръ не нарушенъ. Мы поставили себѣ задачей по возможности примириться съ державами, съ которыми мы вели войну. *Это намъ удалось относительно Австріи. Это намъпреніе сквозило уже въ переговорахъ, которые велись въ Никольсбургѣ съ 1866 года.* Съ тѣхъ поръ насъ не покидало стремленіе вступить въ болѣе тѣсное единеніе съ

Австріей, такъ какъ первоначально это единеніе было призрачно. Теперь мы находимся съ Австріей въ столь прочныхъ и довѣрчивыхъ отношеніяхъ, какихъ не существовало *ни во времена Германскаго союза, ни въ эпоху Священной Германской Имперіи*!“

Мы полагаемъ, что эти послѣднія слова обращены по адресу тѣхъ ревнителей германскаго единства, которые слишкомъ спѣшатъ осуществить мечты, бывшія лѣтъ 30—40 тому назадъ мечтами самого Бисмарка. Мы говоримъ объ идеѣ пангерманизма подъ гегемоніей Пруссіи. Было время, когда Бисмаркъ желалъ присвоить нѣмецкія земли Австріи. Не утверждаемъ, чтобы онъ разстался съ этой мыслью, какъ съ утешей; но онъ считаетъ ее несвоевременной. Въ виду этого Бисмаркъ и напоминаетъ, что единеніе между Германіей и Австріей до нѣкоторой степени восполняетъ пробѣлы, существующія въ германскомъ фатерландѣ. Перехода къ германско-русскимъ отношеніямъ, Бисмаркъ ставитъ вопросъ прямо и безъ всякихъ оговорокъ. Германія *должна дорожить* русской дружбой. „Всѣ аргументы въ пользу правительственнаго проекта, почерпнутые изъ нашихъ отношеній къ Россіи, не имѣютъ никакой силы“. „Если бы я на минуту былъ такъ глупъ, чтобы позволить втянуть себя въ болгарскія дѣла и искать ссоры съ Россіей въ Турціи, меня слѣдовало бы предать обвиненію въ государственной измѣнѣ“. Вся трудность русско-германскихъ отношеній сводится, поэтому, къ необходимости уладить споръ между Австро-Венгріей и Россіей. „Если намъ удастся сохранить миръ между обоими державами, то мы ни мало не огорчимся, если въ Петербургѣ насъ сочтутъ партизанами Австріи, а въ Венгріи—партизанами Россіи“.

Искренность этихъ словъ трудно заподозрить. Дѣйствительно, если между Австріей и Россіей не произойдетъ никакого столкновенія, и если тройственный союзъ возстановится во всей силѣ (какъ того и желалъ бы Бисмаркъ), то Германія нечего бояться войны съ Франціей *). Но Бисмаркъ въ первой рѣчи благоразумно умалчивалъ о томъ, что сдѣлаетъ Германія въ случаѣ, если оккупация Болгаріи, или иной какой либо предлогъ, послужитъ сигналомъ для австро-русской войны? Мы увидимъ, что нѣсколько позже, въ отвѣтъ Виндгорсту, Бисмаркъ выдалъ свои намѣренія на случай подобнаго исхода дѣлъ. Отвѣтъ Виндгорсту тѣмъ болѣе важенъ, что Бисмаркъ произнесъ его, какъ говорятъ, съ видимымъ волненіемъ и безъ всякой подготовки. „Наши отношенія къ Австріи,“ сказалъ Бисмаркъ „повосятся на взаимномъ сознаніи, что полное велико-

---

*) Недавно въ Парижѣ распространился слухъ, что Россія вскорѣ формально заявитъ о своемъ выходѣ изъ тройственнаго союза.

державное существованіе одной изъ этихъ державъ необходимо для другой, и обратно, для поддержанія европейскаго равновѣсія. Но эти отношенія не покоятся на томъ основаніи, что каждая изъ обѣихъ державъ должна быть во всякомъ случаѣ къ услугамъ другой, какъ то думаютъ въ Венгрии. Есть австрійскіе интересы, которые не могутъ быть германскими, и наоборотъ. Мы никогда не требовали отъ Австріи, чтобы она вмѣшивалась въ наши споры съ Франціей или съ Испаніей, но мы выступаемъ одна въ защиту другой, *когда идетъ рѣчь о нашемъ существованіи, какъ великихъ державъ...* Виндтгорсть говоритъ, что существуетъ отдѣльный русско-германскій союзъ, предупреждающій войну съ Франціей. *Такого союза не существуетъ...* Я только выразилъ убѣжденіе, что Россія не ищетъ союза съ Франціей противъ Германіи. Въ борьбѣ съ Франціей Германія вообще не можетъ рассчитывать ни на одного союзника“ (даже на Австро-Венгрію).

Намъ кажется, что эти слова вполне ясно обрисовываютъ намѣренія Бисмарка относительно Россіи. Германія не принимаетъ на себя отвѣтственности за Австрію въ случаѣ австро-русской войны; она не помѣшаетъ русской арміи разбить австрійцевъ и даже перейти Карпаты^(*). Но если Россія, противъ ожиданія, вздумаетъ воспользоваться плодами своихъ побѣдъ и станетъ угрожать *цѣлости* Австро-Венгерской монархіи, Германія немедленно двинетъ войска на русскую границу и предпшетъ намъ условія мира. Въ борьбѣ же съ Франціей Германія не рассчитываетъ на Австрію по той простой причинѣ, что силы Австріи какъ разъ въ это время могутъ быть отвлечены борьбою съ Россіей. Мы теперь знаемъ, впрочемъ, что Италія обязалась помогать Германіи какъ противъ Франціи, такъ и противъ Россіи.

Весь вопросъ для Германіи сводится, поэтому, въ рѣчи Бисмарка, къ одному изъ двухъ: либо къ сохраненію европейскаго мира, либо—въ случаѣ, если это окажется невозможно—къ нанесенію жестокихъ ударовъ Франціи въ самый короткій срокъ, для того, чтобы имѣть возможность развязать себѣ руки въ тотъ моментъ, когда Россія одержитъ слишкомъ значительный перевѣсъ надъ Австріей.

Относительно Франціи Бисмаркъ высказалъ слѣдующее: „Мы должны быть готовы къ тому, что историческая тяжба между Германіей и Франціей возобновится. Въ настоящее время мы владѣемъ спорнымъ объектомъ (Эльзась-Лотарингіей): что Франція успокоится на этомъ на долгое время—этому никто не повѣритъ. До сихъ поръ ни одно французское правительство не имѣло смѣлости

^(*) Едва ли, впрочемъ, Бисмаркъ могъ бы въ этомъ случаѣ долго сдерживать нѣмецкихъ шовинистовъ.

заявить публично, что оно стоит на точкѣ зрѣнія франкфуртскаго мира, такъ какъ все общественное мнѣніе противъ этого. Одна возможность нападенія на насъ со стороны Франціи составляетъ уже великое бѣдствіе; эта возможность будетъ предупреждена, если мы будемъ сильны. Сегодня этой возможности нѣтъ, но она явится, когда во главѣ Франціи станетъ правительство, которое будетъ убѣждено въ томъ, что сможетъ одолѣть насъ. Я не настолько трусь, чтобы думать, что мы будемъ побѣждены въ подобной войнѣ; но возможность пораженія этимъ не исключается. Это оспариваютъ лишь невоенные. Генералы и монархи, имѣвшіе случай ознакомиться съ французскимъ войскомъ, думаютъ иначе... Не цѣните слишкомъ низко могущества французовъ. Это храбрый и воинственный народъ. Это случайность, что мы имѣли надъ ними превосходство въ 1870 г. Было бы легкомысліемъ съ нашей стороны думать, что если Франція нападетъ на насъ, то уже по одному этому она должна считаться побѣжденною“.

Въ рѣчи Бисмарка есть еще мѣсто, гдѣ онъ утверждаетъ, что Германія ни въ какомъ случаѣ *первая* не нападетъ на Францію, такъ какъ ей нечего болѣе взять у французовъ.

Но вопросъ о „первенствѣ“ дѣло спорное въ такихъ случаяхъ. До сихъ поръ неизвѣстно, кто „первый“ объявилъ войну 1870 г. Если вѣрить недавно изданнымъ мемуарамъ Бейста, инициатива войны принадлежитъ Германіи. Предвидя самое сильное возраженіе, которое можетъ быть ему сдѣлано, Бисмаркъ утверждаетъ, что напрасно германскому правительству приписываютъ мысль начать войну съ Франціей въ виду того, что теперь эта война для Германіи удобнѣе, чѣмъ въ будущемъ. Но эти слова справедливы лишь условно: мы уже замѣчали выше (и вернемся къ этому впоследствии), что, въ дѣйствительности, Германіи „удобнѣе всего воевать“ въ самомъ близкомъ будущемъ; да и самъ Бисмаркъ, отвѣчая одному изъ депутатовъ (Гобрехту) высказалъ, что поспѣшность правительства обусловливается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что еще до 20 марта (1 апрѣля) 1870 года германскія войска должны будутъ занять оборонительные пограничные проходы, *въ особенности Бельфортскія тѣсныны*. Бисмаркъ прибавилъ, что, къ сожалѣнію, онъ до послѣдняго времени все еще надѣялся на возможность примиренія съ Франціей, но то были „love's labours lost“ (тщетныя усилія любви).

Мы передали всю сущность рѣчи Бисмарка. Конечно, слова его получили весьма различное истолкованіе. Но едва ли кто нибудь станетъ оспаривать, что рѣчь Бисмарка имѣла по отношенію къ Франціи далеко не миролюбивый, и даже угрожающій характеръ. Во всякомъ случаѣ эта рѣчь, въ связи съ распуше-

ніемъ рейхстага и избирательной кампаніей, не послужила и къ успокоенію умовъ въ Германіи и во Франціи. Но князь Бисмаркъ несомнѣнно предвидѣлъ этотъ результатъ,—поэтому остается допустить, что онъ хотѣлъ зондировать общественное мнѣніе Франціи и въ то же время произвести въ Германіи взрывъ патриотическаго чувства, направленный не на востокъ, а на западъ. Будетъ ли война съ Франціей или нѣтъ, но близость войны съ Россіей была устранена, а это пока для Бисмарка главное *).

Каковы бы ни были намѣренія Бисмарка, но впечатлѣніе, произведенное его рѣчью на общественное мнѣніе Европы, не менѣе важно, нежели самая рѣчь. А это впечатлѣніе, вообще говоря, было неблагоприятно для шансовъ мира. Въ Австро-Венгріи рѣчь Бисмарка, правда, нѣсколько ослабила мадьярскій шовинизмъ, а французы отнеслись къ словамъ канцлера крайне сдержанно. Но въ то же время и Австрія, и Франція стали усиленно готовиться къ оборонѣ, бельгійскій генераль Бріальмонъ высказалъ увѣреніе, что близкая война неминуема, а итальянскія и англійскія газеты прямо признали ее вызовомъ, брошеннымъ по адресу Франціи. Особенно же воинственны были заявленія англійской торійской прессы, и большинства русскихъ и сербскихъ газетъ. Цитируя мнѣнія русской ежедневной печати, органъ желѣз-

---

*) Свѣдѣнія о численности русскихъ войскъ, собранныя германскимъ генеральнымъ штабомъ, сообщенныя изъ Берлина въ Вѣну, и отсюда попавшія въ лондонскія газеты—эти свѣдѣнія показываютъ истинную причину, руководящую дѣйствіями искуснѣйшаго изъ европейскихъ дипломатовъ. Каковы бы ни были сужденія о качествахъ и готовности русской армии, ея численное превосходство на столько подавляющее, что борьба съ Россіей, имѣя у себя въ тылу Францію, была бы чистымъ безуміемъ для Германіи. Со включеніемъ резервистовъ перваго разряда одна русская пѣхота достигаетъ чудовищной цифры, 1.466,347 человекъ; включая второй резервъ—наша армія достигаетъ цифры въ 2.834,859 человекъ, а иноземному нашествію съ Запада мы можемъ противопоставить армію въ 5.700,000 человекъ. Тутъ, дѣйствительно, есть о чемъ подумать.

Но какъ ни внушительны эти цифры при всеобщихъ усиленныхъ вооруженіяхъ великихъ и малыхъ державъ, мы должны помнить пословицу:—*si vis rasem, para bellum* и обратить серьезное вниманіе на усиленіе нашей артиллеріи, которая значительно отстаетъ отъ германской. О другихъ менѣе существенныхъ вопросахъ не говоримъ, предоставляя ихъ обсужденіе специалистамъ военнаго дѣла. Вопросъ о магазинныхъ ружьяхъ, къ сожалѣнію, получилъ у насъ совсѣмъ ложное рѣшеніе, благодаря нашей косности.

Что касается цифръ, представленныхъ Бисмаркомъ рейхстагу и рисунковъ, которые онъ выставилъ для нагляднаго вразумленія депутатовъ, то имъ нельзя придавать значенія. Кому неизвѣстно, что одинъ счетъ батальоновъ ничего не доказываетъ, такъ какъ, напр., германскій батальонъ больше французскаго, и кто повѣритъ, что германская артиллерія далеко слабѣе нашей потому, что не содержитъ ни одного заряднаго ящика съ готовой заправкой.

наго канцлера („Сѣверогерманская Газета“) съ грустью призналъ, что мирныя увѣренія Бисмарка не встрѣтили въ русской печати сочувственнаго отклика. Даже гладстоновскій органъ „Daily News“ утверждалъ, что, при современномъ настроеніи умовъ въ Германіи, рѣчь Бисмарка никого не успокоила и, наоборотъ, была способна пробудить взрывъ юнкерскаго патріотизма.

Но рѣчь Бисмарка была лишь прелюдіей къ распущенію рейхстага. „Нѣтъ болѣе септенната, нѣтъ и рейхстага! Такой результатъ трехдневной парламентской борьбы, результатъ, который можно было предвидѣть. Большинствомъ тридцати двухъ голосовъ было принято предложеніе Штауффенберга, т. е. требуемое правительствомъ усиленіе арміи вотировано на трехлѣтній срокъ вмѣсто семилѣтняго; вслѣдъ за тѣмъ князь Бисмаркъ всталъ съ своего мѣста и прочелъ приказъ императора о распущеніи рейхстага. „То была знаменательная минута; на улицѣ стояла густая толпа народа, которая, притаивъ дыханіе, ожидала, чѣмъ кончится дѣло; по прочтеніи императорскаго посланія сдержанныя страсти депутатовъ вылились наружу въ бурныхъ возгласахъ: и справа, и слѣва раздались привѣтствія императору“. Въ такихъ патетическихъ выраженіяхъ обрисовываетъ вѣнская „Neue Freie Presse“ сцену распущенія рейхстага, и заканчиваетъ статью, посвященную этому событію, слѣдующими словами: „предметъ спора между рейхстагомъ и правительствомъ не ограничивается пунктами разногласія по военному проекту; не въ этомъ причина распущенія рейхстага. Спорнымъ объектомъ является самый рейхстагъ... Если германскій народъ высказается противъ рейхстага, онъ откажется добровольно отъ одного изъ важнѣйшихъ условий, при которыхъ было создано единство Германіи“.

Эти слова резюмируютъ то, что говорилось и писалось въ самой Германіи либеральными членами оппозиціи, которые, въ союзѣ съ партикуляристами и ультрамонтанами, провалили проектъ септенната.

Но самый характеръ оппозиціи заставлялъ предугадывать поражение ея на новыхъ выборахъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ и въ какомъ конституціонномъ государствѣ, кромѣ Германіи, возможны такія уступки со стороны „свободомыслящей“ оппозиціи, и такая безцеремонность со стороны правительственной партіи, находившейся въ довольно замѣтномъ меньшинствѣ? Отказываясь шагъ за шагомъ отъ своихъ первоначальныхъ требованій и возраженій, партія свободомыслящихъ лишь уронила себя въ глазахъ какъ всего германскаго народа, такъ и постороннихъ наблюдателей. Съ самаго начала, т. е. съ учрежденія военной комиссіи рейхстага, оппозиція сдѣлала рядъ ошибокъ. Если бы большинство

рейхстага заявило еще въ военной комиссіи, что оно не имѣетъ ничего противъ усиленія мирнаго состава арміи, и что лишь въ виду неясности вѣшняго положенія Германіи, оно утверждаетъ этотъ составъ всего на три года, то едва ли Бисмаркъ рѣшился бы распустить рейстагъ подѣ такимъ ничтожнымъ предлогомъ. Но депутаты рейхстага обнаружили чисто нѣмецкое упрямство, уступающее только палкѣ желѣзнаго канцлера. На первый разъ они согласились возвысить цифру мирнаго состава до 450,000 чел., потомъ до 468 тыс., но безъ обозначенія срока; наконецъ до 468 тыс., но лишь на трехлѣтній срокъ. Во время дебатовъ въ военной комиссіи, вмѣсто того, чтобы ограничиться (какъ это они дѣлаютъ теперь) отстаиваніемъ права рейхстага опредѣлять численность арміи и контролировать военные расходы,—многіе депутаты пустились въ разборъ техническихъ подробностей, противопоставляя свой авторитетъ общепризнанному авторитету германскихъ генераловъ. Конечно, самозванные стратеги не избѣжали грубыхъ ошибокъ, выставившихъ ихъ не совсѣмъ съ выгодной стороны. Бисмаркъ, какъ ловкій шахматный игрокъ, удачно воспользовался всѣми ошибками противниковъ и можно было заранѣе предвидѣть, что только что кончившаяся избирательная кампанія доставитъ ему большинство, которое онъ и противопоставитъ „непатріотическимъ“ партіямъ рейхстага. Уступить въ самомъ главномъ—относительно цифры арміи и суммъ, требуемыхъ правительствомъ, и поставить все на карту изъ-за срока, не имѣющаго никакого значенія—это такой промахъ, который объясняется лишь отсутствіемъ въ Германскомъ рейхстагѣ дѣйствительно сплоченной и сильной оппозиціи.

Отчасти самъ Бисмаркъ, а въ особенности ораторъ оппозиціи Рихтеръ, прямо поставили вопросъ въ томъ смыслѣ, что армія должна быть либо имперской, либо парламентской. Бисмаркъ былъ бы не прочь совершенно изъять изъ предметовъ обсужденія рейхстага вопросъ о численности арміи. По его словамъ: „мы требуемъ семилѣтняго срока лишь потому, что это старый компромиссъ, а компромиссы составляютъ основаніе конституціонной жизни“. Далѣе Бисмаркъ прямо указываетъ на возможность обойтись безъ согласія рейхстага. „По истеченіи септенната, даже если бы не состоялось никакого соглашенія съ рейхстагомъ, армія не останется между небомъ и землею. Тогда вступить въ силу параграфъ 59 конституціи: „Каждый способный къ военной службѣ нѣмецъ долженъ служить подѣ знаменами“. Далѣе параграфъ 63 конституціи предоставляетъ императору право опредѣлять мирный составъ арміи, а по параграфу 62—бюджетъ военныхъ расходовъ можетъ прямо быть назначенъ сообразно съ существующими въ данное время

расходами. И такъ, если никакое рѣшеніе не состоится, то просто вступаютъ въ силу широчайшія полномочія императорской власти. Не компрометируйте же себя требованіями трехлѣтняго или годичнаго срока! Вы не читали конституціи!“ „Мы желаемъ, продолжалъ Бисмаркъ, *имперской арміи, а не парламентской*. Одна возможность разговоровъ объ этомъ, побудила бы насъ обратиться къ избирателямъ“.

Но если, дѣйствительно, германская конституція даетъ императору возможность обойтись безъ согласія рейхстага, то изъ-за чего же былъ поднятъ весь шумъ? Объясняется это весьма просто. Бисмаркъ сознаетъ, что германское единство еще не подавило польскаго, датскаго и французскаго сепаратизмовъ, и что рейхстагъ, повинующійся всѣмъ его приказаніямъ, былъ бы наилучшимъ орудіемъ для достиженія компромиссовъ, которые избавятъ Германію отъ острыхъ политическихъ и промышленныхъ кризисовъ. Болѣе же всего боится канцлеръ, что германскій рейхстагъ не оцѣнитъ его ловкихъ политическихъ комбинацій, и изъ-за Болгаріи втянетъ Германію въ войну не съ Франціей, а съ Россіей. Уничтожить совсѣмъ рейхстагъ, имъ же созданный — на это Бисмаркъ не рѣшается, чувствуя, что даже нѣмецкому терпѣнію есть предѣлы. Поэтому завѣтнымъ его желаніемъ является теперь созданіе въ рейхстагѣ сильнаго правительственнаго большинства. Пусть національ-либералы провалятъ водочную монополію, но они утвердятъ септеннатъ, а источники для покрытія военнаго бюджета найдутся. Нѣмецкій народъ не любитъ воинской повинности и страшится войны, но онъ прежде всего любитъ спать спокойно и не тревожиться мыслью, что не сегодня-завтра зуавы или казаки вступятъ въ Берлинъ. Германская печать, не исключая органовъ оппозиціи, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подогрѣвала общественное мнѣніе именно въ смыслѣ ожиданія войны: различіе лишь въ томъ, что органы оппозиціи распинались за Болгарію, и метали громы противъ Россіи, въ то время, какъ оффиціозныя газеты, не упуская случая помѣстить корреспонденцію или статью, враждебную Россіи, увѣряли весь міръ, что дружба съ Россіей неизбежна.

Нельзя усомниться въ томъ, что императоръ Вильгельмъ не желаетъ войны. Но вѣдь онъ не желалъ ея и въ 1870 году, и это обстоятельство еще не рѣшаетъ вопроса о войнѣ и мирѣ. Что касается Бисмарка и его единомышленниковъ, они приложатъ всѣ усилія для мирнаго улаженія дѣла; однако, если желѣзный канцлеръ убѣдится въ томъ, что война неминуема, онъ безъ всякаго сомнѣнія постарается устроить такъ, чтобы Германіи пришлось имѣть дѣло съ одной Франціей. Если не удастся обез-

печить за собою нейтралитетъ Россіи, Бисмаркъ всѣми силами постарается втянуть насъ въ войну съ Австріей.

Хуже всего при настоящемъ положеніи дѣлъ то обстоятельство, что если Германія убѣдится въ неизбежности войны, германскіе стратеги начнутъ ее необычайно послѣшно. Въ этомъ смыслѣ справедливы слова Бисмарка, что ему неизвѣстно, будетъ ли война черезъ десять лѣтъ или черезъ десять дней. Если бы все зависѣло отъ самого Бисмарка, онъ ограничился бы выжидательнымъ положеніемъ: но есть основанія думать, что при малѣйшемъ поводѣ со стороны французовъ, германскіе военные авторитеты будутъ настаивать на самомъ рѣшительномъ образѣ дѣйствій. Дѣло въ томъ, то въ настоящее время германская армія вполне перевооружена магазинными ружьями, и нѣмцамъ вовсе невыгодно ждать, пока французы перевооружатся такимъ же образомъ. Знаменитыя же мелеитовыя бомбы, изобрѣтенныя французами, окажутся обоюдоострымъ оружіемъ: нѣмцы приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы война велась на французской территоріи, чего безъ сомнѣнія и достигнуть, такъ какъ обладаютъ ключами Франціи, Страсбургомъ и Мецомъ. Поэтому если французамъ и придется разрушать мелеитовыми бомбами какія либо укрѣпленія, то это будутъ ихъ же собственныя постройки.

Общественное мнѣніе Германіи далеко не въ пользу войны вообще, и войны съ Франціей въ особенности. Ужъ если воевать съ кѣмъ либо, нѣмцамѣе „свободомыслящіе“ бюргеры гораздо охотнѣе пошли бы воевать съ Россіей... Они крайне раздражены тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ-за Россіи Германія утратила не только господство на Балканскомъ полуостровѣ, но и вообще ту гегемонію, которой у нея нѣто не оспаривалъ въ теченіе 15 лѣтъ. Они съ досадою читаютъ о „притѣсненіяхъ“, испытываемыхъ остзейскими баронами и пасторами... Вообще въ Германіи нѣтъ партіи, которая не говорила бы о Россіи съ пѣною у рта, и даже офиціозы не составляютъ исключенія въ этомъ случаѣ. И тѣмъ не менѣе Бисмаркъ настолько понимаетъ положеніе дѣлъ, что не допуститъ Германію воевать съ Россіей, и въ крайнемъ случаѣ начнетъ войну съ Франціей, хотя бы для того, чтобы устроить громоотводъ для постепенно накапливающагося шовинизма. Извѣстно, что еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Бисмаркъ хотѣлъ отправить въ Парижъ ноту столь воинственнаго содержанія, что императоръ счелъ необходимымъ собственноручно разорвать ее.

Главной гарантіей, устранивающей близость франко-германскаго столкновенія, является миролюбіе Франціи, и въ особенности ея правящихъ классовъ. Причина этого миролюбія довольно ясна.

Бывшій членъ англійскаго кабинета, Чарльзъ Дилькъ, въ „Fortnightly Review“ (январь и февраль), и г-жа Адавъ въ „Nouvelle Revue“ одинаково объясняютъ миролюбіе французскаго правительства не столько опасеніемъ германскаго военнаго могущества, сколько боязнью за существованіе республики, которой, въ случаѣ войны, придется считаться съ какимъ-нибудь диктаторомъ—будь то Буланже или иное лицо. Интересно сопоставить оба эти мнѣнія—англійское и французское. Чарльзъ Дилькъ пишетъ:

„Мнѣ кажется, что всякій безпристрастный наблюдатель согласится съ тѣмъ, что война, каковъ бы ни былъ ея исходъ, нанесетъ республикѣ смертельный ударъ. Я не говорю, что имя республики будетъ уничтожено тѣмъ лицомъ, которое уничтожить ея учрежденія. По всей вѣроятности, такое лицо, если оно обладаетъ нѣкоторымъ благоразуміемъ, наоборотъ, сохранитъ Франціи названіе республики“.

Жюльетта Адавъ высказывается опредѣленнѣе на счетъ миролюбія Франціи. „Если бы Францію спросить посредствомъ плебисцита, желаетъ ли она войны, единодушный отвѣтъ былъ бы: нѣтъ! Палата не вотировала бы войны. Ни одинъ политикъ, ни одинъ генералъ, ни одинъ публицистъ, ни одна группа лицъ, къ какому бы классу она не принадлежала, не осмѣлятся сказать, что желаетъ войны“. Далѣе г-жа Адавъ указываетъ, что наиболѣе выдающіеся политики, выдвинувшіе генерала Буланже, какъ напр. Клемансо и Рошфоръ ни мало не желаютъ войны.

Исходъ выборовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи, о которыхъ мы скажемъ ниже, возбудилъ во Франціи всеобщее ликованіе; тѣмъ же менѣе и это событіе истолковывается большинствомъ парижскихъ газетъ въ пользу мира. Газеты эти утверждаютъ, что Германія не отважится напасть на Францію, зная, что ей придется содержать въ Эльзасъ-Лотарингіи по крайней мѣрѣ два армейскихъ корпуса собственно для усмиренія населенія, сочувствующаго Франціи.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на результаты послѣднихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ, такъ какъ исходъ этихъ выборовъ во многомъ связанъ съ вопросомъ о международномъ положеніи Германіи. Три года тому назадъ выборы въ рейхстагъ происходили при условіяхъ, совершенно несходныхъ съ нынѣшними. Европа наслаждалась миромъ, безпрекословно признавая гегемонію Германіи. Единственнымъ выдающимся событіемъ въ области аннексіонной политики было присоединеніе къ Россіи Мерва, состоявшееся, впрочемъ, мирнымъ путемъ. Скерневицкое свиданіе трехъ императоровъ, повидному надолго упрочивало существованіе тройственнаго союза, въ которомъ видѣли важнѣйшій залогъ европейскаго

мира. При этихъ-то обстоятельствахъ германскіе выборы дали въ рейхстагѣ большинство, враждебное правительству, при чемъ господами положенія оказались ультрамонтаны и свободомыслящіе.

Съ 1885 года политическій горизонтъ постепенно омрачается. Взятіе арабами Хартума и гибель генерала Гордона окончательно впутываютъ Англію въ египетскія дѣла, генералъ Комаровъ поражаетъ афганцевъ при Кушиѣ и Россія сталкивается съ Англіей въ Средней Азіи. Министерство Гладстона уступаетъ мѣсто торійскому кабинету. Испанія вступаетъ въ споръ съ самой Германіей изъ-за Каролинскихъ острововъ. Крежирское свиданіе на время успокоиваетъ умы на счетъ возможныхъ осложненій на Востоку; но недѣлю спустя происходитъ филиппопольскій переворотъ, послужившій началомъ дѣлаго ряда европейскихъ замѣшательствъ.

Съ тѣхъ поръ, и до настоящаго времени, европейская политика находится на вулканѣ. Слухи о войнѣ почти не прекращаются. Это напряженное состояніе умовъ достигло своей кулиминаціонной точки къ тому времени, когда Бисмаркъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, послужившую прелюдией къ распущенію рейхстага.

Теперь вполне ясно, что кн. Бисмаркъ заботился не объ одномъ септеннатѣ, и даже не исключительно объ интересахъ мира, во имя котораго правительство требовало усиленія арміи. Безъ сомнѣнія кн. Бисмаркъ преслѣдовалъ двойную игру: желая отвратить столкновеніе Германіи съ Россіей и зондировать готовность къ войнѣ Франціи, Бисмаркъ въ тоже время не забывалъ и о внутреннихъ дѣлахъ, а въ особенности желалъ воспользоваться случаемъ для нанесенія сильныхъ ударовъ партикуляризму различныхъ отдѣлковъ. Насколько достигнуты всѣ эти цѣли послѣдней выборной агитаціей—мы увидимъ ниже.

Въ 1884 году по сравненію съ 1887 партіи распредѣлялись слѣдующимъ образомъ (цифры заимствованы изъ послѣднихъ официальныхъ данныхъ):

1884	1887 Избраны.	Получили абсол. большинство.	Избраны окончательно.
77 Консерваторы. . . .	72	8	80
28 Имперская партія . .	33	3	39
51 Національ-либералы .	88	20	103
156	193	31	222
67 Свободомыслящіе . .	14	6	32
24 Соціаль-демократы . .	6	6	11
99 Ультрамонтаны . . .	92	8	99
11 Вельфы-	2	2	4
16 Поляки	13	1	13

8	Народная партія	0	0	0
1	Датчане	1	0	1
15	Эльзасцы	15	0	15
241		143	23	175

Сверхъ того, въ 1887 г. остается еще 7 сомнительныхъ мѣстъ, которыя, вѣроятно, достанутся оппозиціи. Такимъ образомъ, составъ рейхстага 1884 года, по сравненію съ составомъ рейхстага 1887 года, даетъ слѣдующія общія цифры:

		1884	1887
Партіи, благопріятныя правительству.		156	222 *)
Оппозиція.		241	175
		397	397

Другими словами, въ 1884 году на сторонѣ оппозиціи было большинство 85 голосовъ, тогда какъ теперь правительство располагаетъ большинствомъ 47 голосовъ. Но болѣе подробный анализъ цифръ покажетъ, что дѣло обстоитъ не такъ благополучно для князя Бисмарка, какъ можно подумать при огульных сопоставленіяхъ. Прежде всего изъ сравненія отдѣльныхъ рубрикъ въ двухъ таблицахъ бросается въ глаза, что побѣда правительства есть, въ сущности, побѣда національ-либераловъ надъ свободомыслящими, т. е. *пораженіе, нанесенное крайней либеральной фракціи умѣренными либералами*. Если не считать немногочисленной „народной партіи“ представлявшей, главнымъ образомъ, южно-германскіе интересы и окончательно уничтоженной послѣдними выборами, то окажется, что изъ оппозиціонныхъ партій болѣе всего потерпѣли свободомыслящіе и социаль-демократы. Партія центра и эльзасцы являются въ прежнемъ числѣ; поляки потеряли три мѣста.

Собственно консервативная партія получила лишь ничтожное приращеніе: а между тѣмъ только эта партія является оплотомъ внутренней политики Бисмарка, тогда какъ національ-либералы, главные триумфаторы послѣдней избирательной кампаніи, одобряютъ лишь внѣшнюю политику желѣзнаго канцлера, но расходятся съ нимъ по вопросу о монополіяхъ, и по многимъ другимъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ первостепенной важности.

Единственнымъ крупнымъ успѣхомъ Бисмарка мы считаемъ, поэтому, полнѣйшее пораженіе, которое потерпѣли представители мелкаго *нѣмецкаго* партикуляризма—ганноверскіе вельфы и южно-

*) По телеграммѣ 27 февраля (11 марта) рейхстагъ при поименномъ (трегемъ) голосованіи принялъ септеннать 227 голосами противъ 31, при 84 воздержавшихся отъ голосованія. Но это не мѣняетъ нашего разсчета, такъ какъ въ числѣ оппозиціи есть члены, благопріятные септеннату, а съ другой слѣдуетъ различать воздержавшихся депутатовъ отъ просто неявившихся къ голосованію.

германскіе демократы. Фактъ весьма понятный въ виду виѣшнихъ опасностей, которыя выставлялъ на видъ кн. Бисмаркъ. Но не съ этой стороны находится въ настоящее время главная опасность, угрожающая Германіи. Серьезнѣйшіе враги Бисмарка — эльзасцы, поляки, ультрамонтаны, социалисты — либо вернулись въ презнемъ числѣ, либо потерпѣли весьма условное пораженіе. Что же касается пораженія свободомыслящихъ, оно огорчить лишь часть германской буржуазіи, и послужить еще къ большему обостренію отношеній между представителями крайнихъ партій *). Особенно характерны результаты избирательной борьбы по отношенію къ социалистамъ и къ эльзасцамъ. Правительство употребило необычайныя усилія для сокрушенія именно этихъ двухъ партій. Социалисты, дѣйствительно, едва получили половину голосовъ, которыми они располагали въ 1884 году. Но въ прусской столицѣ они одержали блестящую побѣду, да и, вообще, ихъ пораженіе слѣдуетъ приписать не измѣненію настроенія избирателей, а крайне безцеремонному и подчасъ возмутительному воздѣйствію правительственныхъ агентовъ. Конечно, въ Берлинѣ этимъ агентамъ пришлось сдерживать себя, чтобы не осрамиться окончательно передъ Европой, и при томъ здѣшнее фабричное населеніе во всякомъ случаѣ должно было дать перевѣсъ социаль-демократамъ. Результаты берлинскихъ выборовъ превзошли, однако, всякія ожиданія. Четверть всѣхъ берлинскихъ избирателей — болѣе 94,000 высказались въ пользу социаль-демократовъ. Одинъ Газенклеверъ получилъ въ 6-мъ округѣ 30,500 голосовъ — число почти безпримѣрное въ выборной исторіи Германіи. Въ 4-мъ округѣ избранъ социалистъ Зингеръ 28,900 голосами. Шестой — сѣверный округъ Берлина представляетъ центръ машиннаго производства; 4-ый — восточный, образуетъ мѣстопребываніе старинныхъ мануфактуръ и кустарныхъ промысловъ. Выборы произошли здѣсь при соблюденіи такого полного порядка и спокойствія, что при всемъ своемъ желаніи полиція не имѣла повода для вмѣшательства. Что же касается свободомыслящихъ, то даже талантливѣйшему изъ нихъ — Вирхову — предстояла перебаллотировка, и онъ избранъ лишь благодаря поддержкѣ социалистовъ.

Въ Саксоніи социалисты потерпѣли полное пораженіе, благодаря энергическому давленію правительства на выборы. Они должны были уступить мѣсто національ-либераламъ. Но за то въ Эльзась-Лотарингіи всѣ ухищренія правительственныхъ агентовъ послужили лишь къ вышшему посрамленію политики, игнорирую-

*) Замѣтимъ въ тому же, что въ Берлинѣ свободомыслящіе овладѣли всѣми мѣстами, не попавшими въ руки социалистовъ.

щей кровную связь завоеванного края съ Франціей. Не смотря на многочисленныя аресты и обыски, не смотря на грозный манифестъ намѣстника края Готевлоэ, пугавшаго избирателей ужасами войны, въ случаѣ если будутъ избраны представители партіи „протестующихъ“—не взирая на всѣ явныя и тайныя насилія—*все* правительственные кандидаты потерпѣли неудачу, и въ числѣ избранныхъ оказались такіе защитники французскаго дѣла, какъ Антуанъ и Кабле. Особенно замѣчательна побѣда французской партіи въ Мецѣ, Страссбургѣ и Мюльгаузенѣ, гдѣ правительство употребило неимоверныя усилія для устраненія „протестующихъ“. Выборъ Антуаня въ Мецѣ зависитъ главнымъ образомъ отъ поддержки сельскихъ избирателей. Мецъ наводненъ въ послѣдніе годы нѣмцами, и внутри города Антуанъ получилъ на 240 голосовъ меньше нѣмца Ремлингера, но благодаря поддержкѣ крестьянъ онъ получилъ въ общемъ 7,873 голоса въ то время, какъ его противникъ получилъ лишь 5,859. Въ Страссбургѣ выборы отличались необычайнымъ одушевленіемъ: на лицо оказалось 87% избирателей, и Кабле получилъ 8,279 голосовъ, тогда какъ сторонникъ септенната, хотя и не нѣмецъ, Петри, лишь 6,798: да и это число голосовъ получено имъ лишь по той причинѣ, что Кабле заболѣлъ во время выборовъ и не могъ лично руководить агитаціей, да еще потому что Петри, хотя и протестантъ, нашелъ поддержку со стороны епископа Штумпфа, рѣзко осудившаго священниковъ, которые высказались въ пользу партіи протестующихъ. Но ни епископъ, ни президентъ евангелической консисторіи, приходящійся родственникомъ Петри, не вывели кандидата, поддерживавшаго септеннатъ. Подобныя результаты крайне разгнѣвали германскую оффиціозную прессу, и она угрожаетъ Эльзасъ-Лотарингіи строгими репрессивными мѣрами. Высоко-оффиціозная „Кельнская Газета“, въ которой, по слухамъ, многія статьи въ послѣднее время редактируются самимъ Бисмаркомъ, пишетъ между прочимъ слѣдующее: „что новому рейхстагу будетъ предложенъ на обсужденіе вопросъ о милліонѣ марокъ, слѣдующихъ съ жителей Страссбурга за возводимыя здѣсь укрѣпленія. Ежегодная уплата этой „контрибуціи“ ложилась тяжелымъ бременемъ на жителей, которые ходатайствовали передъ императоромъ о сложеніи съ нихъ половины этой суммы. Въ виду весьма благоприятныхъ общинныхъ выборовъ (пишетъ „Кельнская Газета“), въ виду блестящаго пріема, оказаннаго императору, жителямъ Страссбурга было обѣщано исполнить ихъ просьбу, подъ условіемъ полученія на то согласія со стороны рейхстага. Теперь правительство убѣдилось, что громадное большинство страссбург-

цевъ — враги имперіи. Съ этимъ новымъ (?) фактомъ долженъ считаться рейхстагъ“.

И такъ—пораженіе ганноверскихъ и баварскихъ партикулярностей, сомнительное пораженіе социаль-демократовъ въ провинціи и полная побѣда ихъ въ Берлинѣ; пораженіе умѣренныхъ радикаловъ (свободомыслящихъ); цѣлость партіи ультрамонтановъ и поляковъ; наконецъ полнѣйшее пораженіе правительства въ завоеванныхъ французскихъ провинціяхъ—таковы главные результаты выборовъ. Нельзя сказать, чтобы они свидѣтельствовали въ пользу внутренняго и внѣшняго могущества Германіи. Сеппенатъ, несомнѣнно, будетъ принятъ, благодаря внезапному усилению національ-либераловъ; но едва ли Беннигсенъ и другіе выдающіеся вожди этой партіи окажутся послушными и безгласными орудіями въ рукахъ Бисмарка. Нѣкоторые изъ національ-либераловъ предъявили программу, вполне тождественную съ программой свободомыслящихъ, и одержали побѣду единственно благодаря тому, что поддерживали сеппенатъ. Бисмаркъ, не имѣющій равнаго себѣ въ парламентской и избирательной тактикѣ, отлично понялъ, что необходимо какое-нибудь громкое слово, указующее на непосредственно грозящую опасность. Такимъ магическимъ словомъ былъ въ 1878 году законъ о социалистахъ, въ настоящее время—сеппенатъ. Но плодами побѣды воспользовались не одни любезные Бисмарку консерваторы; напротивъ того, эти послѣдніе теперь уже задумываются, видя усиленіе національ-либераловъ.

И такъ, во внутренней политикѣ Германіи предстоитъ не успокоеніе, а напротивъ послѣдуютъ новые фазисы борьбы, которая, по всей вѣроятности, начнется по поводу финансовыхъ мѣръ, напр. изъ-за водочной монополіи. Есть даже основанія думать, что консерваторы вскорѣ будутъ искать въ клерикальной партіи новой опоры противъ либерализма.

Что касается вліянія послѣднихъ выборовъ на внѣшнія дѣла, то мирныя увѣренія англійской торійской печати и французскихъ оффиціозныхъ органовъ значительно парализуются ликованіями французской прессы по поводу исхода выборовъ въ Эльзась-Лотарингіи. Особенно же сильное впечатлѣніе произвела статья нашего бруссельскаго оффиціоза, газеты „Nord“, которая еще недавно порицала воинственные статьи „Моск. Вѣд.“ Теперь нашъ бруссельскій органъ откровенно высказалъ, что „Россія придаетъ болгарскимъ дѣламъ второстепенное значеніе, и обращаетъ свои взоры, главнымъ образомъ, на событія, совершающіяся по обѣ стороны Рейна“. Отвѣтомъ на эту статью со стороны Германіи были статьи оффиціозныхъ газетъ, за которыми вскорѣ послѣдовали и рѣшительныя дѣйствія: давленіе на Порту, которая окон-

чательно прекратила переговоры съ сторонникомъ Россіи—Цанковымъ; послѣднее возобновленіе союза между Италіей и обѣими нѣмецкими имперіями; наконецъ, усиленная поставка магазинныхъ ружей, которыя раздаются резервистамъ ежедневно по нѣсколько тысячъ штукъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ отвѣтная статья „Кельнской Газеты“, приписываемая (хотя и безосновательно) самому Бисмарку. Здѣсь сказано:

„До сихъ поръ партія мира во Франціи могла противопоставить вліянію генерала Буланже главнымъ образомъ то соображеніе, что въ случаѣ новой побѣды Германіи, Франція на долгое время перестанетъ быть первоклассной военной державой; поэтому во Франціи должны были десять и сто разъ подумать прежде чѣмъ искать ссоры, изъ-за которой можно выиграть одну провинцію, а проиграть положеніе великой державы. Но вотъ является Россія и объявляетъ, что она сама заинтересована въ существованіи французскаго могущества, во что бы то ни стало. Россія идетъ еще дальше, и объявляетъ, что при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на Рейнѣ, она придвинетъ войска къ своей западной границѣ и принудитъ Германію, во всякомъ случаѣ, заключить миръ въ пользу Франціи. Но миру ничто не угрожаетъ, если Франція не захочетъ нарушить его. Поэтому заявленіе газеты „Nord“ является прямымъ вызовомъ, приглашающимъ Францію напасть на Германію, такъ какъ, въ самомъ худшемъ случаѣ, Франція не потерпитъ особаго ущерба... Франко-русскій союзъ, который предсказанъ газетою „Nord“, есть, дѣйствительно, мощная сила; но все же весьма вѣроятно, что найдется сила, равная этому союзу: Европа для этого достаточно велика! Если Германія дѣйствительно не можетъ болѣе рассчитывать на Россію, какъ на союзницу, то въ другихъ государствахъ не такъ низко цѣнятъ германскую дружбу, и если Россія, дѣйствительно, желаетъ сдѣлать попытку во вкусъ газеты „Nord“ и увидѣтъ Германію въ рѣшительную минуту въ числѣ своихъ противниковъ, это пусть сначала обдумаетъ, прежде чѣмъ отдать себя въ услуженіе Франціи (?!). *Въ Россіи есть люди, думающіе, что Россія имперія способная только къ расширенію; мы думаемъ иначе.*“

Конечно, намъ не страшны угрозы кельнскаго оффиціоза, мечтающаго быть можетъ о нашихъ остзейскихъ провинціяхъ; но обдумать эти слова не бесполезно. Мы сами не разъ высказывали сомнѣніе на счетъ прочности русско-французскаго союза, если бы даже таковой паче чаянія состоялся. Необычайно мирное настроеніе французскихъ оффиціозныхъ сферъ и значительной части французскаго населенія не подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе мы привѣтствуемъ статью „Nord“, какъ явное доказательство рѣшимости

Россіи покончить съ германской гегемоніей. Единственное средство прекратить эту гегемонію состоитъ въ томъ, чтобы Россія приняла на себя роль, которую такъ долго и такъ своеобразно эксплуатировалъ „честный маляръ“. „Nord“ заявляетъ, что Россія не ищетъ союза съ Франціей, а желаетъ выступить въ роли блюстительницы европейскаго мира. Эта роль намъ вполне пристала. Воевать намъ не съ кѣмъ, и не изъ-за чего; но при нашей твердой рѣшимости соблюсти миръ никто не посмѣетъ нарушить его. Одного движенія нашихъ войскъ къ западной границѣ достаточно для того, чтобы прекратить въ самомъ началѣ новую франко-германскую войну, въ случаѣ если Германія, заручившись содѣйствіемъ всѣхъ остальныхъ великихъ державъ, нападетъ на Францію.

Впрочемъ, мы увѣрены, что политическая мудрость Бисмарка (отлично понимающаго, *что въ сущности Россія есть главный оплотъ прусскаго и даже вообще—германскаго военнаго могущества*) возьметъ верхъ надъ шовинизмомъ германскихъ военныхъ сферъ, и путемъ новыхъ уступокъ намъ въ восточномъ вопросѣ дѣло будетъ улажено. Если же эти предположенія не сбываются, то тѣмъ хуже для Германіи.

VI.

КУРЬЕЗЫ И РАРИТЕТЫ РОДИМОЙ ПРЕССЫ.

Бываютъ времена, когда въ литературѣ царятъ не „избранные“, а царитъ толпа, „литературная чернь“. А такъ какъ всякая толпа обыкновенно отличается грубостью вкусовъ, то при господствѣ ея надъ „избранными“ понижается уровень и сихъ послѣднихъ. Таковъ именно періодъ, который въ настоящее время переживаетъ русская пресса. Будущій историкъ нашего литературнаго періода смѣло будетъ имѣть возможность назвать его „періодомъ курьезовъ“, ибо курьезъ—въ смыслѣ „раритета и монстра“, заполонилъ окончательно прессу ежедневную и попадаетъ и въ остальной. Иначе и быть не могло, такъ какъ всякій литераторъ, который желаетъ съ одной стороны играть роль „свѣтильника міра“, а съ другой — подлаживается подъ вкусы „литературной черни“, неминуемо попадаетъ въ комическое положеніе.

Будущему историкъ нашего времени можетъ придти въ голову, что Петербургъ не имѣлъ почти совершенно серьезной газетной журналистики, а лишь комическую. Издавъ напр. г. Суворинъ сочиненія Пушкина. Въ этомъ, конечно, еще само по себѣ нѣтъ ничего ни комичнаго, ни дурного и на это даже можно смотрѣть, при известной степени добродушія, съ возвышенной точки зрѣнія: захотѣлъ человѣкъ содѣйствовать наибольшему распространенію твореній великаго писателя, не пожалѣвъ при этомъ ни денежныхъ затратъ, ни труда—поистинѣ безкорыстный благодѣтель! Одновременно съ слухами о новомъ подвигѣ гражданской доблести издателя „Новаго Времени“ пронесли слухи, что и Литературный Фондъ затѣваетъ изданіе Пушкина и для этой цѣли даже посылаетъ П. О. Морозова въ Москву, просмотрѣть рукописи поэта въ Румянцевскомъ музеѣ. Пронесли слухи, что и тутъ г. Суворинъ пожелалъ проявить свой высокой патріотизмъ и взялся печатать изданіе Фонда по самой дешевой цѣнѣ.

Но вотъ наступило двадцать восьмое января 1887 г.,—оба изданія вышли въ свѣтъ. Петербургская публика, оцѣнивъ гражданскій подвигъ г. Суворина, взяла приступомъ его магазинъ, поломала стойки и мебель, изорвала въ клочки множество экземпляровъ книги „О женщинахъ“, „Пѣсней и шаржей“ Буренина, и другихъ не менѣе полезныхъ сочиненій, и въ нѣсколько часовъ расхватала

полуторарублевое изданіе Пушкина. Г. Суворинъ съ гордостью оповѣстилъ на другой же день объ этомъ всю Россію. Но на бѣду существуетъ на свѣтѣ г. Григорій Градовскій, сильно обиженный alter ego г. Суворина—г. Буренинымъ. Онъ, будучи мстителемъ какъ Алеко, не спалъ три дня и три ночи, свѣряя текстъ изданія г. Суворина и изданія Литературнаго Фонда—и наконецъ, имитируя Кречинскаго, воскликнулъ: „Эврика,—плагиатъ“!

— Побѣда, побѣда!—раздался хоръ г. Нотовича и сотрудниковъ „Новостей“.

Въ тотъ же день, въ общемъ собраніи Фонда, г. Градовскій оповѣстилъ всѣхъ присутствующихъ, что „нѣкто“ перепечаталъ изданіе Фонда, прежде нежели оно вышло въ свѣтъ. Конкуренты издателя „Новаго Времени“ по эксплуатаціи сочиненій Пушкина тотчасъ же закивали головами на г. Суворина и, разбѣжавшись по типографіямъ, ужасно зло посыпали печатные вопросы: „г. Суворинъ, поясните намъ, кто этотъ „нѣкто“? Г. Суворинъ принесъ публичное покаяніе,—взялъ перо, листъ почтовой бумаги и написалъ г. Нотовичу письмо, въ которомъ заявилъ, что онъ, Суворинъ, дѣйствительно перепечаталъ, но не все, а только нѣкоторыя вещи и примѣчанія изъ изданія Фонда и, что готовъ за это уплатить полторы тысячи. Вслѣдъ за этимъ уже у себя дома, въ „Новомъ Времени“, онъ сталъ оправдываться, что онъ даже и въ этомъ грѣшкѣ не виноватъ, что онъ издавалъ, печаталъ въ своей типографіи, руководилъ, но, будучи сильно занятъ, не могъ доглядѣть за своими помощниками, чтобы они не соблазнились оригиналомъ Фонда.

Началось препирательство о томъ, чѣмъ руководился г. Суворинъ и чѣмъ г. Градовскій, кто изъ нихъ правдивѣе, кто больше любитъ родину, что и кто изъ нихъ говорилъ кому. Однимъ словомъ завязалась полемика личныхъ счетовъ, которую полагаютъ наши двѣ большія газеты столь интересною для публики. Время отъ времени на полемизаторовъ налетали и маленькія газетки, и хватали то одного, то другого за икры, желая показать его свой патриотизмъ, что свое благородство. Получился раритетъ въ родѣ двуголоваго младенца или ребенка съ однимъ глазомъ,—ввѣреннаго нѣсколькимъ нянькамъ,—которыхъ Петръ Великій повелѣлъ доставлять въ „кунсткammer“.

Пятидесятилѣтіе кончины великаго русскаго поэта и превращеніе авторскаго права его наслѣдниковъ въ общее достояніе Россіи сдѣлалось поводомъ для перебранки изъ-за пятакковъ розничной продажи. Курьезная сторона заключалась, конечно, не въ этомъ надругательствѣ надъ памятью поэта, а въ томъ, что воюющія стороны мнили себя героями, совершающими геройскій подвигъ, толковали о „плагиатѣ“ забывая, что плагиатъ есть присвоеніе чужого авторскаго права, выдача чужого писательскаго труда за свой, а въ данномъ случаѣ авторомъ обоихъ изданій былъ все одинъ и тотъ же А. С. Пушкинъ....

Вышелъ изъ-за Пушкина и другой курьезъ. Г. Скабичевскій принялъ на себя редактированіе павленковскаго изданія сочиненій Пушкина. Но дѣло въ томъ, что г. Скабичевскій во время оно далеко не былъ поклонникомъ поэта, и больше склонялся на сторону покойнаго Писарева, предпочитавшаго Шекспиру

сапоги съ двойной подошвой. Г. Буренинъ это припомнилъ и замѣтилъ, что еще можно съ лѣтами измѣнять политическіе взгляды, но эстетическіе довольно трудно. Г. Скабичевскій сталъ каяться, что увлекался, что поддался „теченію времени“, что *теперь* онъ только прозрѣлъ. На это мы можемъ только привести нѣсколько строкъ изъ тѣхъ же самыхъ „Новостей“, въ которыхъ печатаясь г. Скабичевскій прозрѣлъ на склонѣ дней своихъ. „Мы понимаемъ,—говорила газета годъ тому назадъ,—что человекъ, проживъ и глубже вникнувъ въ окружающія его явленія, можетъ измѣнить свои убѣжденія и долженъ въ такомъ случаѣ заявить объ этомъ публично, приводя мотивы измѣненія своего образа мыслей. Но если писатель, если публицистъ, безъ всякихъ мотивовъ, прямо заявляетъ, что онъ увлекался „вздоромъ“, что онъ и самъ пѣлъ на ноту „взоръ“, то какъ мы можемъ относиться къ тому, что онъ проповѣдуетъ сегодня? Нынче онъ называетъ вздоромъ вчерашнюю свою проповѣдь, завтра съ такимъ же легкимъ сердцемъ и самоотверженіемъ обзоветъ вздоромъ сегодняшнее свое писаніе. Гдѣ же критерій для опредѣленія того, чего дѣйствительно желаетъ писатель? Вѣдь печать не маскарадъ, не водевилъ съ передѣваніемъ!“

Писалось это по тому поводу, что г. Буренинъ, разбирая Н. Н. Страхова, какъ критика Тургенева и Толстого, принесъ также передъ нимъ покаяніе за старыя насмѣшки и глумленіе, оправдываясь въ нихъ тѣмъ, что „время тогда было горячее, потокъ либеральной журналистики катился стремительно, захватывалъ и увлекалъ въ водоворотъ всякаго легкомысленнаго вздора“. Положимъ, г. Скабичевскій не дошелъ до буренинскаго самобичеванія, и не назвалъ своихъ прежнихъ взглядовъ „вздоромъ“ (на то онъ и г. Скабичевскій!), но вѣдь, во всякомъ случаѣ, „печать не маскарадъ, не водевилъ съ передѣваніемъ“.

Перебранка, инсинуація и диффамація стали излюбленнымъ занятіемъ различныхъ „откровенныхъ“ и „развязныхъ“ публицистовъ. Иногда отсюда, какъ мы видѣли, проистекають довольно веселые „курьезы“, но иногда и довольно печальные, горькіе и тяжелые. Такой именно курьезъ вышелъ со смертью молодого поэта Надсона. Не понравились его стихи одному критику, не понравились можетъ быть потому что въ нихъ не было ни „гармоніи округлостей“, ни „солидныхъ дамскихъ конституцій“, ни прочихъ прелестей канканной эстетики, созданной въ угоду низменныхъ вкусовъ толпы. Но критикъ не ограничился разборомъ литературной стороны стиховъ: кто ея теперь интересуется въ наше безъидейное время! И вотъ критикъ началъ докапываться до домашней жизни покойнаго Надсона, но докапываться не просто, а комментируя каждый фактъ по своему, освящая его, мотивируя личными своими соображеніями и вкусами. Получилась самая безобразная клевета, заподозрившая и болѣзнь поэта, и чистоту его отношеній къ друзьямъ.—„Что же вы не умираете, если у васъ дѣйствительно чахотка?“—вопросалъ его ехидно критикъ, думая, что въ этомъ вопросѣ скрывается самая настоящая античская соль, а не что-то, напоминающее дикихъ каннибаловъ...

Но вотъ поэтъ скончался и на тѣхъ же страницахъ, гдѣ за три дня его оскорбляли, появился прочувствованный некрологъ. Газета скорбѣла о преждевременной кончинѣ. Не было ли причиной скорби то, что одной безобидной жертвой для нападокъ стало меньше, что съ здоровыми людьми не такъ безопасно вести полемику обливанія помоями? Газета даже и своей роли не сумѣла выдержать, даже и „развязности“ у нея не хватило...

За послѣдніе годы мы были зрителями множества беззащитныхъ выходовъ; но эта выходка, такъ сказать, затмила всѣ предшествовавшія. Это ли не упадокъ журналистики? Трудно, конечно, создать новыхъ Гоголей, Бѣлинскихъ, Тургеневыхъ, Аксаковыхъ, Островскихъ, но держаться литературной порядочности право же далеко не невозможно: стоитъ только не гоняться за дешевой славой, покупаемой скандаломъ, не подражать щедринскому Подхалимову, облегчившему свою совѣсть отъ всякихъ обязательствъ, какъ судно отъ всякаго груза, когда оно входитъ въ докъ. Если бы даже среди современныхъ читателей завелся въ изобиліи такой, который всему вѣритъ, и которому обманы и клевета по сердцу пришлись, то это отнюдь не означаетъ, что такой порядокъ нормаленъ и что ему и конца не будетъ. Въ одинъ прекрасный день легковѣрный читатель можетъ увидать, что его обманываютъ и отказаться отъ чтенія лжи и клеветы. Тогда клеветникамъ и Подхалимовымъ можетъ и вспомнеться, что было время, когда писатель былъ дѣйствительно свѣтильникомъ, озаряющимъ міръ свѣтомъ истины, а не смраднымъ и дымнымъ сальнымъ огаркомъ, да ужъ поздно будетъ вернуть прошлое, и останется только напѣвать старые монаховскіе куплеты:

„Что прошло, то миновало

„И того ужъ не вернуть!

Пожалуй что не лучше г. Буренина обошлась съ Надсономъ и газета „Новости“. Въ руки ее попала предсмертная полемическая статья покойнаго поэта, въ которой онъ защищается отъ нападокъ „Новаго Времени“ и защищается не особенно зло и остроумно. Будь напечатана она при жизни автора о ней, въ виду тѣхъ нападокъ, которыя сыпались на него въ самой неприличной формѣ, нельзя бы было сказать ровно ничего. Но послѣ смерти печатать ее было довольно таки безтактно. Это вышелъ какой-то „Танецъ смерти“, гальванизация неостывшаго еще трупа. На свѣжаго человѣка эта статья должна была дѣйствовать крайне неприятно. Появись она современемъ, какъ историческій матеріалъ — другое дѣло. А то не успѣли еще засыпать толкомъ открытой могилы, предъ которой смолела неволью даже злоба враговъ, — и изъ той же могилы слышится полемика...

Да, при нашихъ литературныхъ нравахъ, никакія гарантіи, о которыхъ мечтаетъ г. Нето въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ не помогутъ тому, чтобы у современныхъ публицистовъ и Подхалимовыхъ явилась краска стыда. Подхалимовы безстыдны, какъ французская кокотка, выставяющая, въ ложѣ Михайловскаго театра, на показъ свои брилліанты, купленные цѣною позора. Онъ не останавливается ни передъ инсинуаціей, ни передъ лжедоносомъ и клеветой, ни передъ плагиатомъ. Въ немъ дѣйствуетъ одна сила — утробный инстинктъ, который у щедринскихъ „ташвент-

цевъ“ выражается словомъ „жрать“. Другая черта современнаго публициста — это молчалинское „какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть“—та угодливость и податливость о которой было говорено вначалѣ. Вы очень рѣдко встрѣтитесь съ вѣскимъ самостоятельнымъ словомъ въ печати. Оттого и печать наша безцвѣтна и сѣра, какъ петербургскій день. Примѣръ—новая драма графа Л. Толстого. Много ли правды о ней сказано? Нѣтъ. Конечно гр. Л. Н. Толстой писатель огромнаго таланта. Это неоспоримо, но нѣтъ того таланта, который бы не могъ притти въ упадокъ и къ которому нельзя бы было отнести критически. А между тѣмъ большинство его критиковъ даютъ оцѣнку его послѣдняго произведенія не на основаніи самаго произведенія, а на основаніи имени гениальнаго художника, создавшаго „Войну и Миръ“. Это уже не критика, а простое раболѣпство людей, которые себѣ не довѣряютъ, а разсуждаютъ по тому правилу, что если человекъ— „генералъ, то и всѣ его поступки генеральскіе“. Хорошо еще если такіа разсужденія идутъ о какой-нибудь серьезной силѣ, какъ Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ, Аксаковъ. Но въдѣ у насъ вырешеніе ipse dixit примѣняется и къ такимъ литературнымъ генераламъ, за которыми никто ихъ генеральскаго чина, кромѣ ближайшихъ пріятелей, и не признаетъ. Такъ что выходитъ, что молчалинское раболѣпство совершается передъ нѣкимъ фантомомъ авторитета.

На довольно курьезную выходку „Новаго Времени“ наткнулся я въ послѣднее время. Огорчили ужь очень эту газету господа юристы, и вотъ она разразилась филиппикой о судебной диффамации: „таково именно существо диффамационной инквизиціи, что она, не заботясь о данныхъ положительныхъ, роется въ грязи задворковъ, собираетъ неодобрительныя мнѣнія о человекѣ, рисовываетъ эти мнѣнія цвѣтами собственнаго воображенія, и затѣмъ самоувѣрено кладетъ клеймо на человека: вотъ преступникъ! Я ничего не знаю о самомъ преступленіи, но этотъ человекъ не можетъ быть не преступникомъ, ибо онъ такой-сякой-разъ-этакій“...

Вы спросите: да что же тутъ курьезнаго?—это просто негодованіе и негодованіе основательное. Соглашусь, что „рыться на задворкахъ“ не особенно почетно. Но кто же старательнѣе всѣхъ культивировалъ сіе мало почетное занятіе? Да сами же авторы филиппики, введшіе въ литературу сысъ семейной и частной жизни неугодныхъ имъ людей, вторгавшіеся въ спальни, подъ пологъ кроватей, въ ящики съ грязнымъ бѣльемъ, выкапывавшіе изъ прошлаго ошибки отцовъ, бабушекъ, тетюшекъ и свекровъ, и въ случаѣ недостатка уликъ, замѣнявшихъ послѣднія собственной блестящей фантазіей. Вотъ тутъ-то и заключается весь курьезъ, что люди не жалѣютъ ни желчи, ни грязи, ни словъ негодованія для того... чтобы уяснить въ сущности свою собственную нравственную физиономію. Невольно воскликнешь словами покойнаго Аксакова: „поразительно коротка память у нашего русскаго общества, и никогда такъ явно не выступало наружу это неудобное его свойство, какъ въ послѣднюю пору“.

„Онъ, можетъ быть, не убилъ, но онъ былъ сыщикомъ и ростовщикомъ: что его жалѣть?“ — восклицаетъ въ паюсѣ газета. „Онъ можетъ быть не укралъ; но есть свѣдѣнія, что когда-то въ карты игралъ не чисто: значитъ могъ и украсть“... А кто самъ кричалъ: „вы можете быть и прекрасный человекъ, но вашъ отецъ былъ полякъ, ваша сестра за крещенымъ жидомъ, а потому вы подлець!“ Кто одновременно увѣрялъ, что нѣкій общественный дѣятель и „поповичъ“, и „еврей?“ Припомните-ка, господа, ругающіе пристовъ, кто въ самомъ дѣлѣ все это продѣлывалъ? Что же послѣ этого все ваше ежедневное писаніе, всѣ ваши проповѣди, какъ не какая-то дикая свистопляска, направленная къ одуренію общества и внесенію въ умы окончательнаго сумбура? Мы очень склонны къ разнымъ „презумпціямъ“; но вы сами же надрывались отъ натуги, развивая въ обществѣ склонность къ этимъ презумпціямъ. А теперь принялись сами кричать: „караулъ! да отъ этихъ презумпцій намъ житья нѣтъ“. Tu l'as voulu George Dandin! tu l'as voulu.

Еще курьезъ изъ театральной сферы. „Волжскій Вѣстникъ“ общается, что въ Казани предполагается учрежденіе Пушкинскаго общества литературы и театра. Общество будетъ состоять при университетѣ и имѣть цѣлью развитіе русской литературы и театра и правильнаго и серьезнаго воззрѣнія на нихъ. Въ непродолжительномъ времени учредителями Общества будетъ приступлено къ обсужденію составленнаго уже проекта предполагаемаго Общества.

И такъ Казань собирается серьезно и правильно разработать театральное дѣло. А Петербургъ тѣмъ временемъ разгоняетъ своихъ лучшихъ представителей искусства, просвѣщаетъ своихъ обывателей „милліонами, а можетъ быть и менѣе глупостей“ и гонитъ публику волей-неволей въ объятія оперетки, неукоснительно насаждаемой разными жидками. А вѣдь во главѣ нашего театрального дѣла стоятъ не одни „театральные поручики“, а и литераторы, которые неукоснительно возлагали хулу на дореформенный театръ. „Поразительно коротка память у нашего русскаго общества“.

И куда только не обернешь своего зора, эта короткая память такъ наружу и лѣзетъ, бьетъ ключемъ и въ сферѣ прожектовъ, и въ сферѣ печати, и у адвокатовъ, и у ученыхъ. Память наша словно стала фотографической пластинкой, до закрѣпленія выставленной на солнце: моментально все исчезаетъ...

Беззаботный журналистъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Съ 12 января по 10 февраля 1887 г.

Религія, Философія, Психологія.

Абламинскій, Д. Оцтоухъ святыхъ православныхъ церкви. Кіевъ. 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.

Августинъ (епископъ). Руководство къ основному богословію. Изд. 2-е, исправленное и приспособленное къ новой программѣ по введенію въ богословіе для дух. семинарій. Москва.

Гавріилъ (архим.). Руководство по литургіи, или наука о православномъ богослуженіи. Тверь.

Гилларовъ, А. Н. Платонизмъ, какъ основаніе современнаго міровозрѣнія въ связи съ вопросомъ о задачахъ и судьбѣ философіи. М. 1887 г. Ц. 85 к.

Гусевъ, А. Зависимость морали отъ религіозной или философской метафизики. По поводу исповѣди гр. Л. Н. Толстого. Москва.

Игнатій (епископъ). Сочиненія. Т. I. Аскетическіе опыты. Спб.

Инноцентій. Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего І. Х., изображенные по сказанію всѣхъ четырехъ Евангелистовъ, четвертое изд. Ц. 3 р.

Нильскій, А. Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта.

Оболенскій, Л. Е. Л. Н. Толстой его философскія и нравственныя идеи. Ц. 1 р.

Пѣвцовъ, В. Разказы изъ исторіи Новаго Завѣта. Спб.

Розовъ, И. Очерки исторіи церкви римской и другихъ христіанскихъ обществъ на Западѣ отъ начала реформации до настоящаго времени. Изданіе второе, исправленное. (Составлено примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій). Черниговъ.

Свирѣлинъ, А. Церковный уставъ съ краткимъ изъясненіемъ богослуженія православной церкви. Москва.

Успенскій, Н. Примѣры добродѣтелей изъ жизнеописаній святыхъ и мысли христіанина при чтеніи ихъ. Спб. 1887. Ц. 20 к.

Шастинъ, І. свящ. Двѣнадцать бесѣдъ о грамотности (къ простолюдинамъ). Шадринскъ.

Беллетристика.

Авантюристы. Историч. пов. Ц. 80 к.
Аверниевъ, Д. В. Драмы. Т. I. Спб. 1887 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ансановъ, И. С. Полное собраніе сочиненій. Т. V. М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к., на веленев. бум. 2 р. 50 к.

Булгановъ, Ѳ. Графъ Толстой и критика его произведеній русская и иностранная съ 7-ю портрет. Ц. 2 р. 50 к.

Быковъ, А. С. Люди безъ почвы, комедія въ 5 дѣйств. Ц. 1 р.

Быль. Новыя повѣсти, очерки и разказы. Ц. 2 р.

Бѣлинскій, Максимъ. Бунтъ Ивана Ивановича. Выходы. Ц. 2 р. 50 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 4-й. Спб. 1887. Ц. 35 к.
Воскресенскій, Е. „Евгеній Онѣгинъ“ А. С. Пушкина. (Разборъ романа). Ярославль. 1887 г. Ц. 50 к.

Выброшенные моремъ, С. Бакера. Романъ для юношества. Пер. съ англ. Съ иллюстраціями. На веленовой бум. Цѣна 3 р.

Гитѣмчъ. Шесть комедій. Ц. 2 р.

Годъ войны. Дневникъ русскаго корреспондента (1877—78 г.), 2 тома. Ц. 4 р.

Гражданин. Сцены. Ц. 65 к.

Grieser. E. Uebersicht der Deutschen Litteraturgeschichte nebst Abriss der Poetik und Metrik. S.-Petersb. 1886. Ц. 40 к.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія (1847—1887), Изд. 5-е, дополненное, въ 6 томахъ. Спб. 1887. Ц. за 6 том. 8 р.

Динненсъ, Давидъ Копперфильдъ. Изд. для юношества. Съ 14 отд. картинами и 36 рисунк. въ текстѣ. Ц. въ переп. 3 р. 50 к.

Дистерло, Р. А. баронъ. Графъ Л. Н. Толстой какъ художникъ и моралистъ. Критическій очеркъ. Спб. 1887. Ц. 1 р.

Евгений Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ изданіе общества русской словесности. Ц. 25 к.

Европейскіе писатели и мыслители подъ ред. Чуйко, Казанова Мемуары. Ц. 1 р. 75 к.

Зеленскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ч. I. М. 1887 г. Ц. 1 р.

Зеленскій, В. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Ч. II. 1865—1873. М. 1887 г. Ц. 1 р.

Икорниковъ, В. А. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, его жизнь и сочиненія. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.

Историческая портретная галерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. 18-й, состоящій изъ 4 портретовъ. Спб. Ц. 1 р.

Кармень. Романъ. 40 к.

Карновичъ, Е. П. Пагуба. Историческій романъ. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Крестовскій, В. В. Въ гостяхъ у Эмира Бухарскаго. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Нрюковской, А. Въ чужой средѣ. Драма въ 5-ти дѣйств. (Сюжетъ заимствованъ). Спб. 1886 г.

Лесевичъ, В. Этюды и очерки. Спб. 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лѣсковъ, Н. С. Рассказы кстати. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, А. Я. На далекомъ Востоцѣ. Рассказы и очерки. Издан. 2-е. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Марковичъ, Б. М. Переломъ. Правдивая исторія. Ц. 6 р.

Марковъ, В. В. Илья Муромецъ, поэма. Ц. 60 к.

Масальскій, Конс. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

Майнъ-Ридъ, Огненная земля. Романъ съ рисунками Рју. М. 1887 г. Ц. 2 р.

Мей, Л. А. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

Миллюковъ, А. П. Царская свадьба.

Историч. повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго Ц. 1 р.

Михайловъ, А. На разныхъ берегахъ. Романъ. (Библиотека современныхъ писателей. Изд. Губинскаго). Спб. 1886. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. I. Гр. Л. Н. Толстой. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Михайловскій, Н. К. Сочиненія. Т. I. Издан. 2-е. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.

Молодой Раджа, I. Кингстона. Рассказы изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ изящномъ переплетѣ 2 р. 50 к.

Мордочевъ, Д. Л. Царь и гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Морской, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Святая гора (Русскій Аеоны). Очерки и впечатленія. Ц. 80 к.

Николюскій, В. В. Идеалы Пушкина. Спб. 1887 г. Ц. 25 к.

Островскій, А. и Н. Соловьевъ. Драма-тическія сочиненія. Счастливый день.— Женитба Бѣлугина.— На порогѣ къ дѣлу.— Дикарка. Ц. 3 р.

Отликинъ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нуждъ студ. и слуш. высш. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

Пальмъ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

Памятниками древней письменности. Стихиры, положенныя на крововыя ноты. Твореніе Царя Іоанна Деспота Россійскаго. По рукописи бібліотеки Троице-Сергіевской лавры № 428. Сообщ. архимандр. Леонидъ. Спб. 1886 г.

Пассеиъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія, 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

Печерскій Андрей. На горахъ 4 т. Изд. 2-е. Ц. 6 р.

Письма графа П. Василья. Лондонское общество. — Вѣнское общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Плещевъ, А. Н. Стихотворенія (1846—1886). Съ портретомъ. М. 1887 г. Ц. 2 р.

Полевой, Н. Клятва при гробѣ Господнемъ. Русская быль XV-го вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Пономаревъ, С. И. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ и проч. Ц. 1 р. 25 к.

Поз, Эдгаръ. Необыкновенные рассказы. Переводъ съ англійскаго, кн. I и II. Ц. каждой 60 к., кн. III. Ц. 1 р.

Приключенія Тома, Марка Твэна, съ 109 рис. Ц. 2 р., въ пакѣтѣ 2 р. 25 к., въ издан. пер. 2 р. 60 к.

Принцъ и нищій, Марка Твэна. Историческій романъ для дѣтей, всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рис. Изд. 2-е. Ц. 2 р., въ пакѣтѣ 2 р. 25 к., въ изданномъ перепл. 2 р. 60 к.

П—ъ, С. Къ Царскому юбилею (1855—1880). Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру Ц, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

Пыляевъ, М. И. Старый Петербургъ. Разказы изъ былой жизни столицы. Съ гравюрами. Вып. VIII-й. Спб. Ц. отд. вып. 50 к.

Разказы изъ обыденнаго быта. (3-е испр. и доп. изданіе) Ц 1 р.

Русская портретная галерея. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями. Вып. XIII. Спб. 1886 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Сальниковъ, А. Н. Пушкинъ въ его изреченіяхъ и характеристикахъ. Ц. 60 к.

Содошь. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ, Всеволодъ. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Цѣна всѣхъ 7-ми томовъ 12 руб.

Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.

Стихотворенія, изданно изданный томъ. Ц. 2 р. 50 к.

Табановичъ, А. Памяти Пушкина. На 29-е января 1887 г. Спб. Ц. 20 к.

Туръ, Евгенія. Княжна Дубровина. Повѣсть въ 3-хъ частяхъ. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Филипповъ, М. Остапъ, Историческая повѣсть. Ц. 1 р.

Фофановъ, К. Стихотворенія (1880—1887). Спб. 1887 г. Ц 2 р.

Хомяковъ, А. С. Сочиненія. Т. II, изд. 3-е. Москва.

Цари биржи. (Каиново племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

Янушинъ, В. Е. Радищевъ и Пушкинъ. М. Ц. 50 к.

Юридическія науки, политика, статистика.

Афганское разграниченіе. Переговоры между Россією и Великобританією 1872—1885. Спб. 1886 г.

Будзинскій, С. О преступленіяхъ въ особенностяхъ. Сравнительное изслѣдованіе. М. 1887 г. Ц. 3 р.

Будзинскій, С. Законъ 18 мая 1882 г. о кражѣ. Съ комментариемъ. Варшава. 1886 г. Ц. 80 к.

Владиміровъ, Л. Е. Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Особенная часть. Кн. I. Харьковъ. 1886. Ц. 1 р.

Вѣландій, И. Проекты бумагъ по дѣламъ гражданскаго судопроизводства, составленные на основаніи уставовъ Императора Александра II, изданія 1883 г. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Градовскій, И. Д. Торговля и другія права евреевъ въ Россіи, въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ. Изд. 2-е испр. и дополи. Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Даниловъ, И. Положеніе о сельскомъ состояніи, дополненное всѣми позднѣйшими узаконеніями по 1-е января 1887 г. Ч. I. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.

Еленевъ. Первые шаги Освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Ц. 1 р.

Науфманъ, И. Статистика государственныхъ финансовъ Россіи въ 1862—84 г. Ц. 2 р.

Ковалевскій, М. Первобытное право. Вып. I. Родъ. Вып. II. Семья. Москва. 1886 г. Ц. за два вып. 2 р. 65 к.

Нолесовъ, И. Почему семь лѣтъ мирнаго времени не принесли никакого

улучшенія въ нашихъ финансахъ. Изслѣдованіе. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Нариатовскій, Л. Собраніе постановленій о телефонахъ. Изд. главн. управл. почтъ и телеграфовъ. Спб. 1886.

Никифоровъ, А. Правовѣденіе по отношенію къ наукамъ математическимъ и естественнымъ.

Плансонъ, А. Полное собраніе законовъ, правилъ, инструкцій и циркуляровъ о рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и на сельскихъ работахъ. Издан. 2-е, дополн. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.

Положеніе, Высочайше утвержденное 9-го іюня 1886 г. о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ. Спб. 1886. Ц. 30 к.

Размышленія Кифы Мокіевича о нѣкоторыхъ экономичес. и юридическихъ вопросахъ, цѣна 30 к.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 51-й: протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта 1766—1730 гг. Томъ I. (Февраль—іюль 1726 г.). Спб. 1886 г. Ц. 3 р.

Статистическій ежегодникъ московскаго губернскаго земства. 1886 г. М. Ц. 2 р.

Таможенный уставъ по европейской и азіатской торговлѣ. Спб. 1887. Ц. 3 р.

Цитовичъ, П. Курсъ вексельн. права. Кіевъ. 1887. Ц. 2 р. 75 к.

Чичинадзе, Д. В. Уставъ строительный. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія, Географія, Этнографія, Путешествія.

Буличъ, Н. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета.

Веръ, Жюль. Гекторъ Сервадакъ. Путешествіе и приключенія въ солнечномъ мірѣ. М. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Дмитріевъ, А. Столѣтіе Пермской гимназіи. Казань. 1886 г.

Зуевъ. Генеральная карта Азіатской Россіи, Сибирь и Средне-Азіатскія владѣнія. Ц. 50 к.

Зуевъ, Н. И. Карта Царства Польскаго. Ц. 50 к.

Иловайскій, Д. Розысканія о началѣ Руси. Изд. 2-е, съ присоединеніемъ дополнительной полемики по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гунгскому. М. 1882—1886 г. Ц. 3 р. 50 к.

Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ. Т. П. Вып. 6. Рига, 1887. Ц. 1 р.

Марновъ, Евгений. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и исторіи. Спб. 1887 г. Ц. 4 р.

Мериме, П. Вароколомеевская ночь. Истор. хроника. Ц. 1 р.

Михайловъ, И. Географическіе чертежи Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Изд. 3-е, исправленное и дополнен. Спб. 1887 г. Ц. 50 к.

Момисенъ, Ѳ. Римская исторія до битвы при Пиднѣ. Пер. Невѣдомскаго, т. I. М. 1887 г. Ц. 6 р.

Мумаловъ, Н. Руководство въ географіи Россійской имперіи. Кіевъ. 1887. Ц. 40 к.

Его же. Руководство по географіи Россійской имперіи. Ц. 40 к.

Овцынъ, Вл. Развѣтіе женскаго образованія. (Историческій очеркъ). Спб. 1887 г. Ц. 30 к.

Пашкова, Л. Французскія и англійскія колоніи на крайнемъ востоцѣ и на востоцѣ. (Изъ записокъ кругосвѣтной путешественницы). Одесса. 1886. Ц. 1 р.

Путеводитель по Россіи. Сѣверъ (Петербургъ. — С.-Петербургская губ. — Эстляндская губ. — Финляндія. — Олонечкая губ.). — Архангельская губ. Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. Попова. Ц. съ пер. 2 р.

Пуликовскій, А. Учебникъ всеобщей географіи. Часть II. Обзоръ Австраліи, Америки, Африки и Азіи въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніи. Изд. 4-е, исправлен. Изд. картографич. завед. А. Ильина. Спб. 1887 г. Ц. 75 к.

Технологія, Сельское хозяйство, Бухгалтерія.

Альмедингенъ, А. О натуральномъ винѣ и его поддѣлкѣ. Спб. 1887. Ц. 75 к.

Наретниковъ, П. Инж.-Технол. Крашеніе хлопчатобумажныхъ тканей. М. Ц. съ атласомъ 1 р.

Максименко, Ф. Е. Элементарное разсмотрѣніе скалывающихъ силъ при изгибѣ. Спб. 1887 г. Ц. 75 к.

Мерчингъ, Г. Электротехника въ примененіи къ инженерному дѣлу. Вып. I. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Перфильевъ, М. Ѳ. Очерки фабрично-заводскаго быта въ Россіи. Спб. 1887. Ц. 75 к.

Савеловъ, И. Г. Счетоводство по во-

вѣйшей упрощенной системѣ. Спб. 1887. Ц. 1 р.

Успѣхи мукомольнаго и крахмального производствъ. Спб. 1887. Ц. 2 р.

Фауна, А. Руководство къ буренію свѣжанинъ, новѣйшіе успѣхи въ буровой техникѣ, съ 15 литографир. таблицами; переводъ инжен. Булгакова, изд. т-ва М. О. Вольфа. Ц. 3 р. 50 к.

Шотландеръ, Я. Паровозъ, руководство для техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ, машинистовъ и ихъ помощниковъ, съ 369 политипажами въ текстѣ и 2 табл. чертежей. Ц. 2 р. 50 к.

Шпачинскій. Электрическіе аккумуляторы. Ц. 50 к.

Педагогія, дѣтскія книги.

Зелинскій. Алфавитный справочникъ по русскому правописанію, составл. по Гроту, изд. 2. М. Ц. 25 к.

Нремеръ, Я. Латинская грамматика съ примѣрами и упражненіями, латинскую христоматію и словарями латинско-русскимъ и русско-латин. Составл. по Р. Кюнеру. Ч. I. Этимологія. Ц. 85 к.

Миквицъ, К. Л. Основы нѣмецкой

грамматики съ правилами нѣмецкаго правописанія и орфографическимъ указателемъ. Для средн. уч. зав. и самообученія. Ч. I. Этимологія. Спб. 1887.

Николюскій, А. Паденіе Плевны. Чтеніе для народа. Съ портретами: Скобелева 2-го, Тотлебена, Ганецкаго и Османа-пашы. Ц. 15 к.

Ранцовъ. Бѣлая мыза или открытія

Коли на берегу Чернаго моря. Разсказъ для дѣтей.

Роджерсъ, А. К. Учебникъ англійск. языка. Ч. II. Издан. 2-е, дополн. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ статей о воспитаніи и образованіи слѣпыхъ дѣтей. Издаваемыи подъ ред. Г. П. Недхера маріинскимъ попечительствомъ для призрѣнія слѣпыхъ. Учебный планъ и учебныя пособия при изученіи географіи въ училищѣ слѣпыхъ. Спб. 1886 г. Ц. 30 к.

Фетъ, А. Публія Овидія Назона XV книгъ превращеній, въ переводѣ, съ объясненіями. Москва. 1887 г. Ц. 3 р.

Черный, Э. Метафразы для обратнаго перевода съ русскаго языка на греческій четырехъ первыхъ книгъ Анабазиса Ксенофонта. Съ прибавл. главныхъ синтаксическихъ правилъ объ употребленіи греческихъ залоговъ и наклоненій. Для IV и V клас. гимназій. 3-е исправл. и дополн. изд. Мооква. 1887. Ц. 50 к.

Шаталовъ, И. Л. Сборникъ „Изъ области русской словесности“. № 3. „Бригадиръ“ и „Недоросль“ Д. И. Фонвизина. Приспособл. для класнаго чтенія (въ I и sel). Дерптъ. 1887. Ц. 20 к.

Медицина, Естественныя науки.

Вишневскій, С. Какъ намъ надо жить, чтобъ здоровымъ быть. Ц. 1 р.

Гиртъль, I. Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла. Пер. Ямпольскаго. Ц. 3 р. 50 к.

Догель, И. М. Жизнь, вино и смерть. Изд. 2. Казань. 1887 г. Ц. 30 к.

Зубаревъ, А. Ѳ. Медъ, какъ пища и какъ лекарство. Спб. 1886. Ц. 6 к.

Извѣстія Геологическаго комитета 1886 г. Т. V. № 11. Спб. Ц. 35 к.

Менье, Викторъ. Будущность породъ. Животныя, способныя къ усовершенствованію. Пер. съ франц. Спб. Ц. 2 р.

Месснеръ, д-ръ. Какъ предохранить себя отъ заразныхъ (инфекціонныхъ) болѣзней? Перев. съ нѣм. Спб. 1886 г. Ц. 30 к.

Палладинъ, В. Значеніе кислорода для растений. Москва. 1886 г.

Преподаваніе естественной исторіи въ школахъ слѣпыхъ. Спб. 1886 г.

Sahlh, H., профес. Топографическая перкурсія у дѣтей. Спб. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

Трмистинникъ. Ц. 30 к.

Учебникъ анатоміи и физиологіи человѣка. Для фельдшеровъ и фельдшерск. учениковъ. Казань. 1886 г. Ц. 1 р.

Фейгнъ, Ф., д-ръ. Для всѣхъ доступный способъ леченія первоначальныхъ заболѣваній венерическими болѣзнями и предохранительныя мѣры отъ зараженія ими. Изд. 2. Спб. 1887. Ц. 50 к.

Циглеръ, Э., д-ръ. Руководство общей и частной патологической анатоміи и патогенеза. Ч. III. Кіевъ. 1886 г. Цѣна съ атласомъ 3 р.

Щепотьевъ, Н., д-ръ. Учебникъ фармакологіи для фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Казань. 1886. Ц. 50 к.

Математика, Физика, Химія, Астрономія.

Билибина. Элементарная геометрія для гимназій и реальн. учил. Ц. 2 р.

Бобылевъ, Д. Объ успѣхахъ теоріи движенія жидкостей за послѣднія 30 лѣтъ. Спб. 1887 г. Ц. 30 к.

Броуновъ, П. И. Барометрическіе максимумы въ Европѣ и ихъ теорія. Съ чертежами и картами. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бутлеровъ, А. М. Введеніе къ полному изученію органической химіи. По-смертное изд. Спб. Ц. 4 р.

Нассанъ, А. Руководство къ перспективѣ первоначальной и практической, съ 230 геометрическими фигурами и 90 рисунками на деревѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Краевичъ, К. Основанія физики. Съ политипажами въ текстѣ. 8-е пересмотренное изд. Спб. 1886. Ц. 1 р. 60 к.

Лобачевскій, Н. И. Полное собраніе сочиненій по геометріи. Т. II. На французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Казань. 1886 г. Ц. 3 р.

Поматилловъ, Ф. Алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ III. Общій наибольшій дѣлитель. Непрерывныя дроби.—Соединенія. Биномъ Ньютона. Спб. 1887 г. Ц. 20 к.

Рейнботъ, П. И. Задачникъ по коммерческимъ вычисленіямъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Тэтъ, П., д-ръ. Свойства матеріи. Спб. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шиминъ, А. П. Курсъ опытной физики. Ч. III. Издан. 2-е, исправлен. и дополн. Харьковъ. 1886. Ц. 1 р. 70 к.

Военное и Морское дѣло.

Абаза, К. К. Общедоступная военно-историческая хрестоматія. Съ рисунками, картами и планами. Кн. I. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Потто, В. Кавказская война въ отдѣльных очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и биографіяхъ. Томъ III. Персидскія войны 1826—28. Вып. I. Спб. 1886.

Потѣхинъ, С. Разказы бывалыхъ туркестанцевъ. II. Стычка съ текинцами. Спб. 1886. Ц. 15 к.

Смалковскій, К. Русскій торговый флотъ и срочное пароходство на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Спб. 1887. Ц. 2 р.

Лингвистика.

Нашкадамовъ, Н. И. Алфавитный указатель словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ. Спб. 1887 г. Ц. 1 р.

Муницкій, В. Къ вопросу объ иностранныхъ языкахъ въ русской школѣ. Воронежъ. 1886 г. Ц. 80 к.

Патмановъ, К. П. Цыганы. Нѣсколько словъ о нарѣчныхъ закавказскихъ цы-

ганъ: Боша и Карачи. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 35 к.

Сланскій, В. Грамматика—какъ она есть и какъ должна бы быть. Ц. 1 р.

Словарь, краткій, шести славянскихъ языковъ, а также французскій и нѣмецкій. Ц. 12 р.

Старчевскій, А. В. Карманный сто-язычный словарь. Спб. 1887. Ц. 1 р.

Смѣсь.

Альбомъ гелиографуръ съ картинъ русскихъ художниковъ, съ пояснительнымъ текстомъ проф. А. Н. Шварца, № 7. Ц. отд. вып. 2 р. 50 к.

Зауэръ, И. Ф. Сборникъ грузовыхъ поверстныхъ разстояній російскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1886. Ц. 4 р.

Золотницкій, И. О страхованіи жизни нашихъ дѣтей. Популярное изложеніе. Спб. 1886 г.

Лисенко, А. Южно-русскій орнаментъ. Изд. 7-е, значит. измѣненное, съ прибавленіемъ узоровъ, собранныхъ М. Хрущовой. Киевъ. 1886 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Листъ, Фр. Ф. Шопень. Переводъ съ

франц., съ дополненіями П. Зиновьева. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Немрасова, Е. Изъ прошлаго женск. курсовъ. М. 1886 г. Ц. 75 к.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е декабря 1886 г. Спб. 1887. Ц. 60 к.

Судейкинъ, В. Разсчетныя палаты (Clearing House) и ихъ устройство. Спб. 1886 г. Ц. 40 в.

Шопень. Соч. Франца Листа. Цѣна 1 р. 50 к.

Честерфильдъ, Лордъ. Хорошій тонъ или житейская мудрость и знаніе свѣта. Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1887 ГОДУ ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНО-
ЮРИДИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ

„КАВКАЗСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

(Бывшее „Юридическое Обзорѣніе“)

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Издавая въ теченіе шести лѣтъ „Юридическое Обзорѣніе“, посвященное изученію юридическихъ вопросовъ, судебной практикы и правовой жизни, редакция журнала, въ виду нарастающихъ потребностей, призвала необходимымъ расширить программу и съ 1-го Января 1887 года издавать ежедневную политико-литературно-юридическую газету, подъ названіемъ „КАВКАЗСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Оставляя въ газетѣ самостоятельный Юридическій Отдѣлъ и не отступая отъ направленія „Юрид. Обзор.“, которому слѣдовала въ теченіе шести лѣтъ, служа идеѣ законности и права,—редакция приложитъ всѣ старанія къ добросовѣстному разъясненію вопросовъ, вызываемыхъ какъ общегосударственною, такъ и мѣстной жизнью, и будетъ знакомить читателей со всѣми выдающимися событіями изъ области русской и иностранной жизни, политики, литературы, юридическихъ и др. наукъ, искусствъ, торговли и промышленности. Редакция обратитъ особое вниманіе на послѣдніе два отдѣла, а также на увеличеніе числа корреспонденцій, телеграммъ и справочныхъ свѣдѣній. Редакция будетъ получать корреспонденціи изъ большей части городовъ и селеній Кавказскаго края, изъ С.-Петербурга, Москвы, Нижняго Новгорода, Одессы и др. Россійскихъ городовъ, а также Константинополя, Тегерана и Пармжа.

Независимо отъ этого, газета намѣрена также знакомить и русскую публику съ Кавказомъ и, по мѣрѣ возможности, съ рельефными проявленіями жизни его населенія.

Въ газетѣ примутъ участіе многие столичные, иногородніе и мѣстные Кавказские корреспонденты и извѣстные писатели,—специалисты по разнымъ отдѣламъ изданія.

Газета будетъ выходить ежедневно, не исключая и послѣ-воскресенныхъ дней, въ количествѣ 350 №№ въ годъ, въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Редакция и администрація газеты (для пріема подписки, объявленій и розничной продажи) — *ТИФЛИСЪ, Соломаки, Нагорная улица, д. № 21. Подписная цѣна на газету (съ доставкой и пересылкою): Въ Россіи: на 12 мѣсяцевъ 12 руб., на 6 мѣс. 6 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 1 руб. 50 коп. За границею: на годъ 19 руб., на полгода 10 руб. Для гг. студентовъ годовая плата—9 руб., съ разсрочкою: при подпискѣ, въ апрѣлѣ и августѣ по 3 руб.*

Отдѣльные №№ газеты по 5 копеекъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ, за занимаемое мѣсто, строка петита 5 коп.; при неоднократныхъ объявленіяхъ дѣлается скидка.

Подписка на газету и объявленія также принимаются: въ ТИФЛИСѢ: въ типографіи „Кавказское Обзорѣніе“ (Дворцовая улица, каравансарай, бывшій Ардуни) и въ Центральной книжной торговлѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ П. И. Анисимова и „Нового Времени“, въ Харьковѣ—въ книжномъ магазинѣ „Нового Времени“, въ Одессѣ—у Распопова, въ Варшавѣ—у Райхмана и Френдлера и др.

При доставленіи въ редакцію экземпляра сочиненія юридическаго или иного содержанія, о немъ будетъ данъ отчетъ и сдѣлана публикація.

(73) 3—1.

Редакторъ-издатель А. С. ФРЕНКЕЛЬ.

„ЮЖАНИНЪ“.

Выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздниковъ, по программѣ обществено-политическихъ и литературныхъ провинціальныхъ газетъ.

Въ будущемъ году газета намѣрена держаться избраннаго ею направленія, то есть сосредоточивать вниманіе преимущественно на вопросахъ и явленіяхъ, имѣющихъ какое либо значеніе для той части юга Россіи, которую она избрала поприщемъ своей дѣятельности, и служить проводникомъ культурныхъ началъ, насколько это доступно средствамъ и силамъ провинціальной газетѣ вообще.

Подписка принимается въ г. Николаевѣ (Херсонской губ.), въ конторѣ редакціи „ЮЖАНИНА“, уголъ Соборной и Спасской. Подписная цѣна, съ доставкою и пересылкою: на годъ 7 руб., на 6 мѣсяцевъ 4 руб., на 3 мѣсяца 2 руб. 50 коп. на 1 мѣсяць 1 руб.

(65) 1—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ.

Седьмой годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ. 1. Правительственныя распоряженія. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и ви́шней политики и общественной жизни. 3. Обзорѣнне газетъ и журналовъ. 4. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агенства“. 5. Послѣднія извѣстія. 6. Городская и земская хроника. 7. Вѣсти съ Юга: корреспонденци „Южнаго Края“. 8. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденци „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). 9. Ви́шнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. 10. Наука и искусство. 11. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ, Музыка. 12. Судебная хроника. 13. Критика и библиографія. 14. Смѣсь. 15. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. 16. Календарь. 17. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. 18. Стороннія сообщенія. 19. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныя корреспондентовъ почти во всѣхъ городахъ Южной Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	НА ГОДЪ.	НА 6 МѢС.	НА 3 МѢС.	НА 1 МѢС.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороднымъ. 12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „	

„Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей“.

Подписка и объявленія принимаются: въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты *Южный Край*, на Николаевской площ., домъ Пятры.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

3—1.

чай асфикіи, какъ, напримѣръ, здѣсь въ прежніе года... да, три такихъ случая въ какихъ-нибудь два мѣсяца. Тутъ опять прибѣгли ко мнѣ, и я придумалъ очень разумный и въ сущности очень простой аппаратъ, состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ трубъ, идущихъ одна отъ ванны для стока воды, а другая къ ваннѣ, чтобы газъ, скопляющійся подъ колоколомъ, снова проходилъ по ней въ воду. Но на этотъ аппаратъ необходимо было затратить по крайней мѣрѣ тысячи полторы франковъ,—ну, а это распорядителямъ показалось слишкомъ дорого... Тутъ, чтобы помочь бѣдѣ, въ дѣло вступился бывший тюремный сторожь, и что же изобрѣлъ, какъ бы вы думали?—Впрочемъ, и думать нечего:—никогда вамъ не угадать такой цѣлесообразной выдумки!.. Онъ сообразилъ, что проще всего пробить въ колоколѣ дыру, черезъ которую газъ станетъ мгновенно улетучиваться и перестанетъ вызывать прискорбные случаи. Такъ распорядители и сдѣлали, и теперь вы платите деньги за углекислыя ванны, въ которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ углекислоты, тогда какъ въ самой водѣ ея пропасть. Примѣръ послѣдняго вы видите на этомъ источникѣ.

Теперь смѣху уже не было слышно, а напротивъ со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе возгласы. Всѣ съ завистью смотрѣли на купающагося калѣку, и каждый съ радостью готовъ былъ взяться за скребокъ, чтобы собственными руками вырыть себѣ такую же безхитростную яму, въ какой сидѣлъ теперь Кловисъ. Андэрматъ же взялъ инженера подъ руку и, разговаривая, отошелъ съ нимъ въ сторону отъ остального народа. Иногда они останавливались и Обри-Пастёръ концомъ трости то какъ будто проводилъ въ воздухѣ разныя линіи, то указывалъ на ту или другую точку на поверхности земли. Банкиръ заботливо вносилъ его замѣчанія въ записную книжку.

Христіана и Поль Брѣтины разговорились между собою. Онъ принялся сообщать ей впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ недавняго путешествія по Оверни, описывалъ все, что видѣлъ и что перечувствовалъ за это время. Природу, особенно живописную, онъ любилъ страстно, но во всѣхъ вообще ощущеніяхъ его постоянно проглядывало разомъ и художественное и чисто животное чувство. Такъ и къ природѣ онъ относился какъ-то чувственно и особенно цѣнилъ въ ней то, что волновало его кровь, раздражало его нервы.

— Знаете, говорилъ онъ:—мнѣ иной разъ кажется, будто

я весь сквозной, такъ что всё внѣшнія впечатлѣнія безпрепятственно врываются въ меня; иное во мнѣ сохраняется надолго, другое улетучивается быстрѣе; иное заставляетъ плакать отъ восторга, другое—скрежетать зубами. Вотъ, напримѣръ, хоть бы тутъ,—я не могу равнодушно видѣть этотъ крутой склонъ, поросшій вѣковыми деревьями, мнѣ порою чудится, что я сію минуту сольюсь съ этимъ моремъ зелени, самъ превращусь въ дерево, въ былинку, и сдѣлаюсь органическою частью этой чудной горы.

Все это онъ говорилъ съ одушевленіемъ, весело, даже со смѣхомъ, попеременно переводя свои большіе, круглые глаза съ разстилавшагося передъ нимъ роскошнаго ландшафта на Христіану, а съ молодой женщины обратно на ландшафтъ. Она тоже была женщина впечатлительная, въ которой не трудно было вызвать какія угодно ощущенія. Слушала она своего собесѣдника, слушала внимательно, съ интересомъ, а самой въ то же время становилось какъ-то неловко, даже жутко отъ его частыхъ и долгихъ взглядовъ, въ которыхъ такъ и горѣлъ огонь желанія.

— Если бы вы могли только вообразить, продолжалъ онъ:—какою массою наслажденій обязанъ я хоть бы чувству обонянія, какъ и вообще пяти своимъ чувствамъ! Пью я этотъ чудный воздухъ, онъ пьянитъ меня, наполняетъ все мое существо какою-то новой жизнью, и я чувствую, именно носомъ чувствую все, что есть въ этомъ воздухѣ... Скажите, когда вы пріѣхали сюда, не поразилъ ли васъ какой-то особенный тонкій ароматъ до того сладкій и легкій, что онъ кажется,—какъ бы это выразить?—да, что онъ кажется чѣмъ-то не матеріальнымъ. Долго не могъ я опредѣлить, откуда берется этотъ едва замѣтный, но проникающій всюду ароматъ... Впивалъ я его, наслаждался и только недавно понялъ, что онъ льется отъ цвѣтущихъ виноградныхъ лозъ... Да, я только на четвертый день догадался, что источникомъ дивнаго аромата служатъ невзрачныя на видъ цвѣтки лозъ. Не странно ли, что у винограда, дающаго намъ вино, строгая оцѣнка котораго доступна только самому изощренному вкусу, и цвѣтокъ одаренъ такимъ сладко-дурманящимъ ароматомъ, который ощутителенъ только самому тонкому обонянію?.. Не знаю, способны ли вы во всей массѣ ароматовъ чувствовать отдѣльно могучій запахъ каштановъ, сладкій запахъ акацій и даже самой травы,—почему-то немногіе знаютъ, что и у травы есть свой собственный ароматъ, ни съ чѣмъ не сравнимый по своей прелести...

Христиана съ удивленіемъ слушала эти рѣчи, не потому чтобы ея собесѣдникъ говорилъ что нибудь необыкновенное, особенно выдающееся, а исключительно потому, что разговоръ его такъ мало походилъ на то, что говорилось вокругъ нея каждый день. И какъ самыя слова Поля, такъ и лирическій тонъ, которымъ они были сказаны, трогали ее, волновали, глубоко западали ей въ душу.

Брѣтиньи между тѣмъ все продолжалъ разглагольствовать на прежнюю тему.

— А днемъ, во время сильной жары, говорилъ онъ:— не чувствуете ли вы, что въ полѣ и на дорогахъ какъ будто слегка пахнетъ ванилью?... и знаете ли, что это такое?... но право я нерѣшаюсь вамъ сказать...

Онъ разсмѣялся и, протянувъ впередъ руку, сказалъ:— „Смотрите, вотъ откуда происходитъ этотъ запахъ“.

По дорогѣ тянулась цѣлая вереница возовъ съ сѣномъ; въ каждый возъ впряжено было по два вола. Усталые животные двигались медленно, низко наклонивъ головы подъ тяжестью ярма. Рядомъ съ возами шли крестьяне безъ верхняго платья, въ однихъ только жилетахъ и въ черныхъ войлочныхъ шляпахъ. У каждаго въ рукахъ была тонкая, длинная палка, предназначенная для того, чтобы погонять не слишкомъ-то рѣзвыхъ животныхъ, но погонщики не били воловъ, а только слегка дотрогивались до плеча ихъ концомъ самодѣльнаго бича, если который нибудь изъ нихъ не въ мѣру задръжится или заупрямится.

Христиана и Брѣтиньи посторонились, чтобы дать дорогу возамъ.

— Чувствуете вы теперь этотъ запахъ?

— Конечно чувствую; слегка покраснѣвъ, не безъ удивленія отвѣчала молодая женщина:— пахнетъ конюшной или вѣрнѣе скотнымъ дворомъ...

— Да, именно, скотнымъ дворомъ, потому что во всѣхъ дворахъ почти совсѣмъ не осталось лошадей, и всѣ полевныя работы производятся при помощи воловъ; вотъ отъ испарины бѣдныхъ животныхъ, смѣшанной съ запахомъ пыли, и происходитъ ароматъ, напоминающій ваниль, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

— Фи! тихо произнесла Христиана съ отвращеніемъ.

— Что жъ такое? продолжалъ онъ:— въ составъ самыхъ дорогихъ духовъ, говорятъ, входятъ вещества еще хуже... Впрочемъ оставимъ этотъ разговоръ, если онъ вамъ не нравится...

Но какъ бы тамъ ни было, а судьба забросила насъ съ вами въ одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ, какіе только есть на земномъ шарѣ... въ страну, гдѣ еще до сихъ поръ чувствуется золотой вѣкъ... Ахъ, что за прелесть эта Лимань, я не стану вамъ рассказывать... словами всего не передашь!.. Я лучше покажу ее, и вы сами увидите...

Въ это время къ нимъ подошли маркизъ и Гонтранъ. Отецъ, взявъ дочь подъ руку и повернувъ ее по направленію Сплендидъ-Отэля, потому что было уже время идти завтракать, сказалъ:— „Слушайте, дѣти мои, потому что это касается васъ всѣхъ троихъ... Уильямъ совсѣмъ помѣшался на мысли основать здѣсь новый городъ... Онъ только объ этомъ теперь и думаетъ... Для успѣха предпріятія ему прежде всего необходимо насколько возможно очаровать семью Оріолей, поэтому тебѣ, Христіана, надо познакомиться съ дочерьми здѣшняго Креза. Онѣ кажется дѣвушки приличныя... впрочемъ это вопросъ второстепенный. Необходимо такъ повести это дѣло, чтобы старикъ не заподозрилъ плановъ твоего мужа; вотъ я и придумалъ устроить здѣсь праздникъ съ благотворительной цѣлью. Ты сегодня же отправишься къ мѣстному священнику, попросишь его указать двухъ прихожанокъ тебѣ въ помощницы при церковномъ сборѣ, и искусно подготовишь его, кого именно выбрать, чтобы вышло такъ, что дочерей Оріоля приглашаетъ какъ будто онъ, а не ты... Вамъ же, молодымъ людямъ, придется похлопотать объ устройствѣ въ казино томболы при содѣйствіи Петруса Мартэля, его актеровъ и его оркестра. Говорятъ, что обѣ дѣвушки прекрасно образованы; если это вѣрно, то Христіана продолжить съ ними знакомство“.

Всю слѣдующую недѣлю Христіана посвятила приготовленіямъ къ благотворительному празднику. Священникъ дѣйствительно указалъ на дочерей Оріоля, какъ на единственныхъ своихъ прихожанокъ, которыя съ достоинствомъ могли бы фигурировать во главѣ празднества рядомъ съ дочерью маркиза Равнэля. Самому ему очень хотѣлось быть на виду при этомъ дѣлѣ, потому онъ не только охотно вызвался въ тотъ же день переговорить съ дѣвушками и ихъ отцомъ, но и предложилъ дальнѣйшія свои услуги во всемъ, въ чемъ только могъ быть полезенъ.

Во всемъ околоткѣ извѣстіе о предстоящемъ праздникѣ вызвало безконечные толки. Даже скучающіе посѣтители водъ и тѣ оживились; въ паркѣ, въ табль-д'отикѣ за завтракомъ и за

обѣдомъ шли неумолкаемые разговоры даже споры о томъ, какъ великъ будетъ церковный сборъ и сколько принесетъ томбола?..

Наступилъ желанный день, начавшійся прекрасно. Погода стояла превосходная, теплая, ясная, совершенно лѣтняя. Въ девять часовъ назначена была не особенно продолжительная, но тѣмъ не менѣ торжественная обѣдня съ музыкой. Христіана, какъ одна изъ распорядительницъ, явилась въ церковь ранѣ назначеннаго часа, чтобы своими глазами взглянуть на праздничное убранство храма, въ изобиліи украшеннаго гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ, выписанныхъ изъ Руаяя, изъ Клермонъ-Феррана и изъ другихъ сосѣднихъ мѣстечекъ. Вдругъ она за собою услышала чьи-то шаги; оказалось, что это былъ аббатъ Литре, и съ нимъ обѣ дѣвицы Оріоль. Священникъ представилъ послѣднихъ Христіанѣ, и она тутъ же пригласила ихъ къ себѣ завтракать. Тѣ конечно приняли приглашеніе съ глубокими реверансами и краснѣя отъ удовольствія.

Прихожане и прихожанки начинали собираться. Для Христіаны и для двухъ сестеръ, какъ для лицъ официальныхъ, были приготовлены три почетныхъ стула впереди другихъ по лѣвую сторону церкви; по правую, тоже впереди, усѣлись трое молодыхъ людей, одѣтыхъ парадно, которые должны были сопровождать дамъ во время церковнаго сбора. То были сыновья мѣстныхъ почетныхъ лицъ, — мэра, его помощника и совѣтника муниципальнаго правленія. Выборъ священника остановился на этихъ юношахъ, чтобы задобрить преобладающую власть и хотя косвенно привлечь послѣднихъ къ участию въ празднествѣ.

Все прошло какъ нельзя лучше. Обѣдня шла недолго, церковный сборъ достигъ ста-десяти франковъ, что вмѣстѣ съ шестьюстами пятидесятью, пожертвованными Андэрматтомъ, маркизомъ и Полемъ Брѣтиньи, изъ которыхъ первый далъ пятьсотъ, второй — пятьдесятъ, а третій — сто франковъ, всего составило семьсотъ шестьдесятъ: — результатъ неслыханный въ такомъ глухомъ мѣстечкѣ, какъ Анваль.

Послѣ обѣдни дѣвушки вмѣстѣ съ Христіаной, ея отцомъ, мужемъ и обоими молодыми людьми отправились завтракать въ Спендидъ-Отэль. Сестры хотя немного и робѣли, но эта робость не вызывала ни малѣйшей тѣни неуклюжести или неловкости ни въ обращеніи ихъ, ни въ манерахъ; говорили онѣ, правда, мало, но скорѣе отъ врожденной скромности, чѣмъ отъ чувства стѣсненія въ непривычномъ обществѣ. Завтракъ происходилъ

за общимъ столомъ, и дѣвушки, поразительно похожія одна на другую, понравились всѣмъ безъ исключенія, особенно мужчинамъ. Старшая казалась болѣе серьезной и благовоспитанной въ вульгарномъ смыслѣ этого слова, младшая же была живѣе и граціознѣе, но обѣ вообще очень милы.

По окончаніи завтрака всѣ отправились въ казино, гдѣ въ два часа долженъ былъ начаться розыгрышъ томболы. Въ паркѣ уже собралось множество крестьянъ изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстностей, а также не мало представителей болѣе высокихъ слоевъ общества,—и общій видъ праздника отчасти напоминалъ сельскую ярмарку. Въ кіоскѣ музыканты исполняли „Пастушескую Симфонію“, сочиненія самого дирижера Сэнъ-Ландри.

Поль, шедшій подъ руку съ Христіаной, вдругъ остановился.

— Не правда ли, что играютъ теперь музыканты очень недурно, сказалъ онъ:—у этого Сэнъ-Ландри, право, есть проблески дарованія. При другомъ исполненіи и при полномъ оркестрѣ его симфонія могла бы имѣть успѣхъ...

Христіана съ нимъ согласилась.

— А вы любите музыку? спросилъ онъ.

— Очень.

— На меня она производитъ какое-то болѣзненное впечатлѣніе. Когда я слушаю любимую вещь, мнѣ при первыхъ аккордахъ начинаетъ казаться, будто кожа моя понемногу отдѣляется отъ тѣла, потомъ словно таетъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, такъ что звуки каждаго инструмента какъ бы рѣжутъ мнѣ самые нервы... Мнѣ чудится, что оркестръ и не изъ скрипокъ и виолончелей извлекаетъ свои звуки, а изъ монхъ обнаженныхъ, натянутыхъ донельзя нервовъ, отзывчиво трепещущихъ при каждой нотѣ. Я слушаю музыку не только ушами, но всѣми фибрами моего существа; она заставляетъ меня трепетать съ ногъ до головы. Ощущеніе это, если хотите, мучительное, но въ то же время оно доставляетъ мнѣ неизяснимое наслажденіе или вѣрнѣе необъятное счастье.

— Вы, какъ видно, человекъ очень впечатлительный и чувствующій очень живо, улыбаясь сказала она.

— Еще бы?!.. Въ этой-то способности живо воспринимать впечатлѣнія для меня и заключается все блаженство жизни... Безъ этого и жить бы не стоило!.. Я не завидую людямъ, у которыхъ душа защищена такою же толстою броней, какъ тѣло черепахи или гиппопотама... По-моему, на свѣтѣ

счастливы только тѣ, на кого впечатлѣнія дѣйствуютъ, какъ удары ножа въ сердце, кого они до физической боли задираютъ за живое, кому самая эта боль пріятна, такъ что ею наслаждаешься или просто лакомишься, какъ вкуснымъ блюдомъ... Да, надо подвергать анализу всѣ наши какъ пріятныя, такъ и тяжелыя ощущенія, надо насыщаться, упиваться ими или до сознанія высочайшаго счастья или до конечныхъ предѣловъ мучительнѣйшей нравственной и физической пытки.

Она взглянула на него съ тѣмъ удивленіемъ, которое чуть ли не съ перваго дня знакомства вызывали въ ней всѣ его слова и всѣ его поступки.

Вотъ уже цѣлую недѣлю новый пріятель, — такъ-какъ, не смотря на то, что первое впечатлѣніе, произведенное на молодую женщину новымъ знакомымъ, было далеко не въ пользу послѣдняго, они почти сразу сдѣлались пріятелями, — не переставалъ ежеминутно колебать, даже потрясать ея душевное спокойствіе, волновать его, какъ волнуютъ воду, бросая въ нее камни, — а камни, которыми Брѣтиньи неустанно смущалъ тишину ея сладко дремавшей мысли, были очень крупны.

Отецъ ея, какъ и всѣ впрочемъ отцы, даже послѣ ея замужества, не переставалъ смотрѣть на нее, какъ на ребенка, съ которымъ не стоитъ толковать о матеріяхъ важныхъ; братъ заставлялъ ее смѣяться, но не размышлять; мужъ находилъ возможнымъ говорить съ ней только о самыхъ обыденныхъ предметахъ, преимущественно касающихся ихъ совмѣстной жизни, и какъ сердце, такъ и мысль молодой женщины, до самой встрѣчи съ Полемъ, продолжали пребывать въ прежнемъ полудѣтскомъ, безмятежно-сладкомъ и вполнѣ довольномъ оцѣпенѣніи. Брѣтиньи съ первой почти встрѣчи, словно ударами топора, сталъ пробивать броню, оковывавшую эту молодую душу, сталъ смущать ея блаженный сонъ, безпрестанно внушая ей новыя мысли, невѣдомыя чувства. Новый пріятель ея принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, не смотря на свою угловатость, благодаря самымъ свойствамъ своей рѣзкой, вѣчно напряженной натуры, особенно нравятся женщинамъ, всѣмъ женщинамъ вообще. Онъ умѣлъ съ ними говорить обо всемъ, не исключая и самыхъ щекотливыхъ предметовъ, умѣлъ заставлять ихъ понимать все. Неспособный на продолжительное и упорное усиліе воли, но смысленный донельзя, умѣя и страстно любить и страстно ненавидѣть, раз-

суждая обо всемъ съ неудержимой и наивной пылкостью не истово убѣжденнаго человѣка, настолько же измѣнчивый, насколько и склонный доходить въ своихъ увлеченіяхъ до энтузіазма, онъ, при совершенно мужскомъ складѣ ума, обладалъ чисто женскимъ темпераментомъ, со всей его довѣрчивой подвижностью, его измѣнчивостью, его нервностью и его неотразимымъ очарованіемъ.

Тутъ къ нимъ весь въ попыхахъ подошелъ Гонтранъ.

— Обернитесь, сказалъ онъ:— и полюбуитесь на чету Онора.

Христіана и Поль повернулись и дѣйствительно увидали доктора подъ руку съ толстой, пожилой женщиной, даже въ молодости вѣроятно не отличавшейся миловидностью, и одѣтою въ ярко-голубое платье. Голову этой барыни можно было принять за пѣлую клумбу: цвѣты всевозможныхъ видовъ и всевозможныхъ оттѣнковъ красовались на ея шляпѣ.

— Неужто это его жена? съ изумленіемъ воскликнула Христіана:— она старше его по крайней мѣрѣ лѣтъ на пятнадцать.

— Да, ей будетъ вѣрныхъ лѣтъ шестьдесятъ пять, если не болѣе, отозвался Гонтранъ:— она когда-то была акушеркой... Встрѣтились они вѣроятно на практикѣ у постели больной; принимая ребенка, влюбились другъ въ друга, женились, но зажили не совсѣмъ счастливо, такъ какъ, говорятъ, грызутся съ утра до ночи.

Они отправились обратно къ казино, откуда безпрестанно слышались возгласы. Тамъ на большомъ столѣ были разставлены выигрыши томболы, а Петрусь Мартэль при содѣйствіи своей единственной актрисы м-ль Одленъ вынималъ изъ колеса билетки, выкрикивая нумера и тономъ и съ ужимками уличнаго гаера, что очень забавляло собравшихся около него зрителей. Появился и маркизь, сопровождаемый Андэрматтомъ и обѣими сестрами Оріоль.

— Здѣсь и шумно, и всякаго народа слишкомъ много, сказалъ онъ:— пойдете-ка лучше гулять.

Всѣ съ нимъ согласились и по узенькой тропинкѣ, извиравшейся между виноградниками, направились къ дорогѣ въ Прадьеръ. Впереди всѣхъ бодро и легко шла Христіана. Въ Анвалѣ она какъ будто совсѣмъ переродилась: прежнія ея недомоганія, прежнія минуты полной апатіи и унынія, доходившія порою до слезъ и вспышекъ безпричиннаго гнѣва, теперь совсѣмъ исчезли, словно кто вдохнулъ въ нее новыя

силы и возбудилъ въ ней желаніе жить полной жизнью и наслаждаться этою жизнью всѣми фибрами своего существа. Можетъ быть ванны, восстанавливая ея здоровье, нѣсколько разшатанное парижской жизнью, способствовали такому свѣтлomu настроенію, а можетъ быть виною этому было и постоянное присутствіе до безумія увлекающагося Брэтиньи, заговорившаго съ нею до сихъ поръ невѣдомымъ ей пылкимъ языкомъ...

Такъ поодинокѣ, гуськомъ, прошли они виноградникъ и добрались до большой дороги. Всѣ разбились на группы. Впереди шель теперь Андэрматъ подъ руку съ Луизой Оріоль, старшей изъ двухъ сестеръ, разговаривая съ нею о производительности и цѣнности земли въ Оверни. Луиза, какъ настоящая дочь своего отца, то-есть какъ настоящая крестьянка, отлично, до мельчайшихъ подробностей зная толкъ во всемъ, что касалось земледѣлія и садоводства, разговаривала объ этомъ съ серьезною увѣренностью спеціалиста-практика и не лишеннымъ граціи тономъ благовоспитанной дѣвицы, проведенной нѣсколько лѣтъ въ модномъ пансіонѣ. Слушая эти степенныя рѣчи, сообщавшія самыя точныя свѣдѣнія, Андэрматъ искоса поглядывалъ на свою собесѣдницу и находилъ ее прелестной; его крайне удивляло, что молоденькая дѣвушка можетъ говорить о серьезныхъ вещахъ какъ настоящій дѣлецъ.

— Неужто въ самомъ дѣлѣ цѣна на землю въ Лиманьи доходитъ иногда до тридцати тысячъ франковъ за гекторъ?— спрашивалъ онъ съ изумленіемъ.

— Да, очень часто, отвѣчала она:—когда на ней произрастаютъ виноградъ или фруктовыя деревья. Вы вѣроятно знаете, что всѣ лучшіе фрукты, подающіеся въ Парижѣ за десертомъ, идутъ изъ здѣшнихъ краевъ.

При этомъ открытіи дѣлецъ - Андэрматъ уже не съ прежнимъ равнодушіемъ, а почти съ благоговѣніемъ взглянулъ на разстилающуюся передъ нимъ безбрежную равнину, вѣчно подернутую легкою дымкою синеватаго тумана.

Христіана и Поль тоже остановились передъ этой необъятной картиной и любуясь ею, казалось готовы были простоять тутъ цѣлую вѣчность.

— Какъ хорошо! тихо заговорилъ Брэтиньи:—сознайтесь, вѣдь въ самомъ дѣлѣ хорошо! Не знаю, почему этотъ ландшафтъ производитъ на меня такое глубокое впечатлѣніе... вѣроятно потому, что онъ васъ охватываетъ своею безпредѣльною

ширю, такъ что при видѣ именно этой шири мысль какъ будто расправляетъ крылья и полету ея нѣтъ ни преградъ, ни предѣла... вотъ и уносить она васъ далеко-далеко, въ тѣ невѣдомые края, которые рисуютъ намъ наши мечты, и которыхъ мы никогда не увидимъ...

Молодая женщина молча слушала его полузадумчивыя, полувосторженные рѣчи. Какое-то странное, самой ей непонятное волненіе начинало овладѣвать ею: она какъ будто ожидала чего-то, какъ будто надѣялась, что вотъ-вотъ сейчасъ услышитъ, даже на яву увидеть что-то новое, никогда еще неслышанное и невиданное, а ей самой мало-по-малу начинали грезиться какія-то фантастическія страны, сплошь залитыя или голубымъ или розовымъ свѣтомъ, страны полныя такого блеска и такого очарованія, что стоитъ имъ хоть разъ промелькнуть въ воображеніи, и душа вѣчно будетъ къ нимъ порываться, находя все дѣйствительно существующее и блѣднымъ, и не привлекательнымъ.

— Да, — продолжалъ онъ: — ландшафтъ этотъ прекрасенъ, потому что... потому что онъ прекрасенъ... Есть на свѣтѣ мѣстности болѣе живописныя, болѣе величавыя, но въ нихъ нѣтъ такой гармоніи, какъ здѣсь, а что можетъ быть выше гармоничной красоты? Ничто на свѣтѣ! Только ради нея и стоитъ жить... а между тѣмъ какъ мало на свѣтѣ людей, способныхъ цѣнить ее и понимать!.. Линія, изгибъ стана у живой женщины или статуи, очертаніе горы, колоритъ картины, или вотъ этотъ синеватый туманъ, отрывокъ музыкальной фразы, хватающій васъ за сердце, какъ напимѣръ въ Жюкондѣ — что все это такое въ глазахъ толпы? — мелочи, вздоръ, ничто! — а между тѣмъ эти-то именно мелочи и дороги человѣку впечатлительному, влюбленному въ красоту и способному понимать ее... Онѣ-то и дѣлаютъ изъ художниковъ настоящихъ творцовъ, почти приравнивая ихъ къ Творцу вселенной!.. Да вотъ слушайте, я вамъ прочту стихотвореніе Бодлера. Поэтъ лучше объяснитъ вамъ, что я хочу сказать...

„Откуда бы на землю ни явилась
Ты, красота: — съ небесъ, изъ нѣдръ ли ада —
Не все ль равно?“...

началъ онъ и до конца прочелъ извѣстное стихотвореніе, прочелъ очень хорошо, съ большимъ одушевленіемъ.

Она, удивленная его лирическимъ порывомъ, смотря ему

прямо въ глаза, какъ будто недоумѣвая, какъ будто ожидая объясненія, почему именно ему такъ нравится только что прочитанное стихотвореніе. Онъ понялъ выраженіе этого взгляда и раздосадованный тѣмъ, что не сумѣлъ сообщить и ей мгновенно охватившаго его восторга, съ замѣтнымъ отгѣнкомъ про- нїи сказалъ:

— Женщины вообще не одарены непосредственнымъ чувствомъ прекраснаго; имъ все надо прежде объяснить,—такъ сказать, разжевать да въ ротъ положить, и возможно это бываетъ только тогда, когда личность объясняющаго сумѣла добиться ихъ полной симпатїи... потому я поступилъ очень глупо, вообразивъ, что на васъ сразу можетъ произвести глубокое впечатлѣніе пѣвецъ такихъ тончайшихъ, едва уловимыхъ ощущеній, какъ Бодлэръ...

Онъ снялъ шляпу и отвѣшивая Христіанѣ глубокой, почтительный поклонъ, уже безъ малѣйшей пронїи добавилъ:—Я съ своей стороны всѣми силами буду стараться заслужить вашу симпатію хоть на столько, чтобы сообщить и вамъ тѣ ощущенія, которыя возбуждаетъ во мнѣ поэзія, природа, искусство, вообще все прекрасное.

Его слова не показались ей дерзкими; она нашла, что они только нѣсколько странны. Впрочемъ она объ этомъ мало думала: ее поразило въ немъ его элегантность, его изящество, которыхъ она до этой минуты не замѣчала; ихъ для нея до сихъ поръ заслоняли его слишкомъ высокій ротъ, широкія плечи, какъ вообще всѣ очертанія, даже всѣ приемы его черезчуръ мужественной, крупной и тяжеловатой фигуры. Лицо его съ рѣзко очерченными, какъ будто незаконченными чертами тоже не отличалось банальной красотой и на первый взглядъ казалось суровымъ, даже грубымъ, но стоило привыкнуть къ этому лицу, и оно выглядѣло уже не только прїятнымъ, но даже не лишеннымъ своеобразной прелести. Невыгодное впечатлѣніе, производимое на незнакомаго человѣка наружностью Брѣтиньи, скоро изглаживалось, благодаря главнымъ образомъ его тихому, мягкому, нѣсколько глухому голосу, въ которомъ минутами звучали необыкновенно нѣжныя и задумевныя ноты.

— А онъ человѣкъ не дюжинный,—подумала Христіана, впервые замѣтивъ то изящество, которымъ онъ отличался съ ногъ до головы:—только его достоинства не сразу бросаются въ глаза, а ихъ нужно открывать въ немъ постепенно.

Въ эту минуту къ нимъ подбѣжалъ Гонтранъ, еще издали кричавшій:—Эй, Поль... и ты сестренка... подождите меня!..

— Пойдемте послушаемъ, какъ болтаетъ младшая Оріоль, — добавилъ онъ, не переставая смѣяться, — она, ей Богу, премиленькая и преуменькая... Папаша какъ-то сумѣлъ раззадорить ее и она съ необыкновеннымъ комизмомъ рассказываетъ теперь самыя уморительныя вещи... Подождемте ихъ.

Они остановились, ожидая маркиза, шедшаго къ нимъ подъ руку съ Шарлотой Оріоль.

Дѣвушка дѣйствительно съ дѣтскимъ одушевленіемъ передавала въ лицахъ разныя деревенскія исторіи и анекдоты, въ совершенствѣ передразнивая и говоръ и ухватки оверскихъ крестьянъ. Глаза ея блестѣли; нѣсколько крупныя, но красиво очерченныя губки ея улыбались, и изъ-за нихъ виднѣлись два ряда безукоризненно бѣлыхъ зубовъ; немного вздернутый носикъ придавалъ ея хорошенькому личику необыкновенно смысленный видъ; къ тому же свѣжа она была словно едва распустившійся цвѣтокъ, такъ что въ каждомъ являлось затаенное желаніе расцѣловать ее.

Луиза Оріоль и Андэрматтъ далеко опередили своихъ спутниковъ; другіе, уже и безъ того сильно усталые, не хотѣли идти за ними и успѣлись отдохнуть на травѣ подѣ тѣнью развѣсистаго дерева. Когда же банкиръ и старшая дѣвица Оріоль вернулись, всѣ обратно отправились къ зданію водѣ.

Было уже не рано. Подходя къ рѣшеткѣ парка, гуляющіе услышали звуки оркестра, наигрывавшаго какой-то веселенькій плясовой, хотя довольно однообразный мотивъ...

— Ахъ, тамъ идетъ пляска! воскликнула Шарлотта Оріоль, и всѣ поспѣшили къ площадкѣ, гдѣ дѣйствительно крестьяне и крестьянки съ одушевленіемъ выплясывали мѣстный народный танецъ, что-то вродѣ тяжеловѣснаго минуэта, въ которомъ танцоры и танцорки ходили неуклюже, подпрыгивали и жеманно раскланивались другъ съ другомъ. Женщины слегка поднимали юбки, защипнувъ ихъ большимъ и указательнымъ пальцами обѣихъ рукъ; мужчины старательно выгибали и округляли локти. Кое-кто изъ посѣтителей водѣ тоже вмѣшался въ танцы: Пѣтрустъ Мартэль съ своимъ огромнымъ животомъ скакалъ и прыгалъ передъ м-ль Одленъ, тоже подпрыгивавшею и отвѣчавшею на его поклоны съ ломанной граціей балетной фигурантки; комикъ Ляпальмъ неистово вскидывалъ ногами и жести-

кулировалъ передъ кассиршей, тоже усиленно вертѣвшей плечами, какъ опытная посѣтительница парижскихъ танцклассовъ.

Вдругъ среди танцующихъ Гонтранъ замѣтилъ доктора Онора, выплясывавшаго съ увлеченіемъ, какъ оно и подобало чистокровному уроженцу Оверни, и подошелъ къ нему. Оркестръ внезапно смолкъ; танцы прекратились. Докторъ Онора, едва переводя духъ и усердно вытирая лобъ и шею, подошелъ къ маркизу и сталъ любезно раскланиваться.

— Знаете, маркизь, сказалъ онъ:—пріятно иногда помодѣть на нѣсколько минутъ.

Гонтранъ положилъ доктору руку на плечо и съ нехорошей усмѣшкой сказалъ:— „А я не зналъ, докторъ, что вы женаты“.

— Да, къ несчастію, женатъ, отвѣтилъ тотъ очень серьезно.

— Какъ это къ несчастію? что это значить.

— А то и значить, что я когда-то имѣлъ глупость жениться, — и вотъ ужъ двадцать лѣтъ въ этомъ каюсь.

— Почему?

— Очень просто. Я сказалъ вамъ, что уже двадцать лѣтъ какъ женатъ и до сихъ поръ не могу еще привыкнуть къ своему положенію. Когда я возвращаюсь домой, у меня каждый вечеръ вырывается восклицаніе:— „Га, а старая корга эта еще здѣсь! Неужто я до конца жизни обязанъ выносить ея присутствіе?“

Докторъ сказалъ это такимъ серьезнымъ и убѣжденнымъ тономъ, что всѣ невольно засмѣялись. Тутъ ударили въ колоколь; это разомъ служило и призывомъ къ обѣду и сигналомъ окончанія празднества. Сестеръ Оріоль чинно проводили домой, а когда тѣ скрылись, стали о нихъ разговаривать. Всѣ были согласны, что онѣ очень милы, въ особенности младшая; одинъ только Андэрматтъ находилъ, что старшая лучше.

— Смотрите, какъ гибка и податлива натура женщины, — замѣтилъ маркизь, — отцовское золото сдѣлало изъ крестьянокъ настоящихъ барышень, когда онѣ вѣроятно еще и цѣны денегамъ не знали.

— Которая вамъ больше нравится, старшая или младшая? — спросила Христіана у Брѣтиньи.

— Я даже на нихъ и не взглянулъ, — отвѣтилъ онъ, — да какое мнѣ до нихъ дѣло, когда есть третья, которая мнѣ нравится болѣе всѣхъ на свѣтѣ.

Послѣднія слова были сказаны очень тихо; Христіана при-

творилась, будто ихъ не разслышала и, не промолвивъ болѣе ни слова, прошла въ столовую.

VI.

Всѣ послѣдующіе дни Христіана провела очень весело; на душѣ у нея было какъ-то особенно легко и свѣтло; жизнь казалась ей безоблачнымъ сномъ, лучезарной мечтой. Вставъ утромъ съ постели, она тотчасъ же наскоро одѣвалась и отправлялась брать ванну; это она находила истиннымъ наслажденіемъ. Просидѣвъ полчаса въ теплой проточной водѣ, она выходила изъ нея освѣженная, бодрая, въ какомъ-то радужномъ настроеніи, уже не покидавшемъ ее во весь день. Ей было хорошо: о чемъ думать, чего желать, когда и такъ живется спокойно и счастливо? Она чувствовала, что всѣ окружающіе любятъ ее, заботятся о ней; молодая жизнь бьетъ ключемъ въ ея жилы, пьянитъ ее своими чарами, а тутъ еще словно фонъ роскошной картины, на которой главная фигура сама она, живописный край, роскошная природа... Все это было какъ бы продолженіемъ пріятнаго ощущенія, вызваннаго утренней ванной, и вся жизнь казалась ей тоже ванной, только несравненно болѣе широкихъ размѣровъ и, вмѣсто воды, до самыхъ краевъ наполненною счастьемъ, въ которое она беззаботно погружалась и тѣломъ и душою.

Андэрматтъ еще заранѣе рѣшивъ, что одну недѣлю будетъ проводить въ Анвалѣ, а другую въ Парижѣ, уѣхалъ, прося жену наблюдать, чтобы разбитый параличемъ калѣка не прерывалъ начатаго леченія, почему она каждое утро въ сопровожденіи отца, брата и Поля Брѣтиньи отправлялась смотрѣть, какъ — по выраженію Гонтрана — „варятъ супъ изъ стараго бродяги“. Не одни они туда являлись аккуратно: къ ямѣ, вырытой Ориолями, приходили и другіе посѣтители водъ, окружали импровизированную ванну и разговаривали съ калѣкой.

Леченіе пока не дало еще никакихъ особенно блестящихъ результатовъ, но по увѣренію самого Кловиса уже являлись кое-какіе утѣшительные симптомы. Онъ говорилъ, что ходить еще не можетъ, но по ногамъ его начали бѣгать какіе-то мурашки, которыя то колятъ, то щекочатъ его и даже ночью не даютъ покоя...

Всѣ обитатели Анваля—и крестьяне, и представители болѣе интеллигентныхъ классовъ раздѣлились на два лагеря: — вѣрящихъ и сомнѣвающихся, но всѣ живо интересовались исходомъ предпринятаго опыта...

Христиана часто заходила послѣ завтрака къ Ориолямъ, а потомъ и они и обѣ дѣвушки отправлялись вмѣстѣ гулять. Ни одна женщина, особенно молодая не можетъ обходиться безъ общества другихъ женщинъ; среди прочихъ обитательницъ Анвала, помимо Луизы и Шарлотты не было ни одной, съ кѣмъ Христианѣ было бы пріятно вести знакомство, и она съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ сближалась съ дочерьми богача-крестьянина, что онѣ были дѣвушки благовоспитанныя и очень не глупыя. Ей нравились и практичная, впрочемъ не доходящая до педантизма, серьезность старшей, а еще болѣе веселый смѣхъ и остроумныя выходки младшей, такъ что она часто видалась съ ними не изъ одного желанія угодить мужу. Все общество нерѣдко предпринимало дальнія экскурсіи то пѣшкомъ, то въ допотопной шестимѣстной раскидной каретѣ.

Особенно полюбили они небольшую долинку въ окрестностяхъ Шатѣль-Гююна, ведущую къ эрмитажу Санъ-Суси, и чаще всего отправлялись туда. Дороги въ этой долинкѣ узкія, такъ что болѣе чѣмъ по двое въ рядъ ходить по нимъ невозможно. Христиана брала подъ руку то отца, то Гонтрана, но чаще всего Брѣтиньи, и при этомъ стараніями Поля непремѣнно случалось такъ, что они или значительно опережать другихъ или отстаютъ отъ нихъ, чтобы удобнѣе было говорить съ глаза-на-глазѣ.

Поль совершенно измѣнилъ свое прежнее обращеніе съ молодой женщиной, шутилъ и смѣялся менѣе, былъ менѣе рѣзокъ, но несравненно болѣе почтителенъ и внимателенъ. Разговоры ихъ принимали все болѣе и болѣе интимный характеръ; темою для этихъ разговоровъ чаще всего служили сердечныя чувства. Поль говорилъ объ этихъ дѣлахъ какъ человѣкъ опытный, какъ знатокъ, хорошо извѣдавшій сердце женщины, которымъ онъ на своемъ вѣку обязанъ былъ и минутами высочайшаго блаженства и самыми жестокими страданіями. Христиана слушала его внимательно, съ полнымъ сочувствіемъ и даже сама лукаво вызывала на откровенность: въ ней пробуждалось какое-то жгучее любопытство. По мѣрѣ того, какъ она знакомилась съ нимъ ближе, ей хотѣлось узнать его еще короче, хотѣлось хоть мысленно проникнуть во всѣ сокровенныя изгибы мужской души, узнать всѣ подробности бурно проведенной мужской жизни, полной любовныхъ тайнъ, о которыхъ она сумѣла составить себѣ только самое поверхностное понятіе по немногимъ прочитаннымъ книгамъ. Поль, желая

нравиться, самъ былъ не прочь высказываться и выставлѣть себя съ эффектной стороны. Притворяясь, будто уступаетъ только ея желанію, онъ съ каждымъ днемъ давалъ ей все глубже заглянуть въ свое прошлое и порою, самъ еще живо чувствуя всѣ раны и обжоги, нанесенные обманутой или отвергнутой любовью, доходилъ при этомъ до страстнаго краснорѣчія. Онъ раскрывалъ передъ ея глазами цѣлый невѣдомый міръ и въ образныхъ, пламенныхъ выраженіяхъ, никогда впрочемъ не переступавшихъ за предѣлы самаго строгаго приличія и убѣжденія, описывалъ всю жгучую нѣгу зарождающихся желаній, все томленіе ожиданія и возрастающихъ надеждъ, всю ту важную роль, которую въ жизни влюбленнаго человѣка играютъ всякія бездѣлки вродѣ подареннаго цвѣтка или ленточки, хранимыхъ какъ нѣчто драгоцѣнное даже святое, а потомъ то мучительное сжиманіе сердца, которое является вмѣстѣ съ рожденіемъ перваго сомнѣнія и тревожныхъ предположеній, всѣ жестокія пытки ревности и все безпредѣльное блаженство перваго поцѣлуя.

Все это онъ умѣлъ передавать увлекательно, поэтично, прилично прикрывая легкой дымкой слишкомъ щекотливые эпизоды и описанія. Какъ всѣ мужчины, вѣчно мучимые ненасытностью желанія и помыслами о женщинахъ, онъ, не называя по имени ни одной изъ тѣхъ, кого любилъ, говорилъ о нихъ весь трепеща еще отъ лихорадки страсти, припоминалъ бездну милыхъ граціозныхъ подробностей, въ которыхъ порою проглядывала такая нѣжность, такая искренность и глубина чувства, что они способны задѣтъ за живое сердце женщины и вызвать слезы умиленія на ея глаза,—бездну тѣхъ глупыхъ на первый взглядъ мелочей, которыя изъ любовныхъ отношеній между людьми, одаренными чуткой впечатлительностью, изощреннымъ вкусомъ и развитымъ умомъ, создаютъ нѣчто необычайно милое, изящное, даже прекрасное.

Такіе повидимому невинные, но тѣмъ не менѣе сильно волнующіе кровь разговоры каждый день возникали между Полемъ и Христіаной, съ каждымъ днемъ становились продолжительнѣе и западали въ душу молодой женщины, какъ зерно брошенное въ разрыхленную землю. Христіана, разумѣется, понимала, что Брѣтиньи ухаживаетъ за нею, что онъ находитъ ее хорошенькой, даже можетъ быть болѣе чѣмъ хорошенькой, но этого ей казалось мало; ей хотѣлось въ конецъ завладѣть

его сердцемъ, и желаніе нравиться внушило ей безконечное множество хитрыхъ, чисто женскихъ уловокъ. Такъ, напиримѣръ, когда бывало онъ, подозрѣвая себя въ собственныхъ словахъ, взволнуется не на шутку, она тотчасъ же оставляла его и принималась безопасно болтать съ другими, или когда она замѣчала, что вотъ-вотъ сейчасъ у него съ языка сорвется прямой или косвенный намекъ на его чувство къ ней, она, не дождавшись конца фразы, бросила на него одинъ изъ тѣхъ быстрыхъ и глубокихъ взглядовъ, которые какъ огонь жгутъ сердце мужчины, и которые, не высказывая ничего опредѣленнаго, все-таки дають понять, что старанія влюбленнаго не напрасны.

Чего же хотѣла она, чего дожидала отъ такой опасной игры?—Ровно ничего. Она просто забавлялась, шутила огнемъ, потому что была женщиной и не предвидѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ такой опасной забавы; потомъ ее еще мучило любопытство: — хотѣлось знать, что будетъ далѣе и чѣмъ все это кончится? Помимо всего этого въ ней мгновенно пробудилось чувство кокетства, прирожденное каждой женщинѣ. До встрѣчи съ Полемъ она, не смотря на то, что уже слишкомъ два года была замужемъ, все-таки оставалась совсѣмъ дѣвочкой, но онъ своими безпрестанными разговорами о любви пробудилъ въ ней женщину, сразу научившуюся понимать ту смуту, которая съ каждымъ днемъ возрастала въ его душѣ, то постоянно усиливающееся волненіе, которое онъ испытывалъ въ ея присутствіи, разницу въ интонаціяхъ голоса, когда онъ говорилъ съ другими или съ нею. Все это совершилось быстро, словно какимъ-то наитіемъ, какъ это впрочемъ всегда бываетъ, когда женщина догадается, какія желанія, какія надежды она возбуждаетъ. Ухаживали за ней ранѣе и другіе, но ихъ пошлыя любезности, ихъ чувствительныя мины, молящія взгляды и унылыя позы вызывали у нея веселый дѣтски-наивный смѣхъ и какъ ни старались, ни ухищрялись и ни ломались свѣтскіе вздыхатели, имъ ни на одну секунду не удалось смутить безмятежнаго спокойствія, мирнаго сна ея души. Но при встрѣчѣ съ Полемъ она сразу почувствовала, что онъ совсѣмъ не то, что другіе, что онъ противникъ увлекательный и опасный; въ ней явилось чувство женскаго самосохраненія, сразу превратившее ее изъ беззаботной дѣвочки въ существо, смѣлое, коварное, предусмотрительное, какимъ-то инстинктомъ угадывающее чужія мысли и намѣренія, и, пока у него самого сердце не задѣто за-

Прилож. журн. „Дѣло“ № 2. Февраль, 1887 г. 6

живое, умѣющее не только обороняться, но и завлекать мужчинъ, опутывая ихъ невидимыми сѣтями.

Брѣтѣи при первомъ знакомствѣ нашель Христіану нѣсколько неинтересной, даже глуповатой. Онъ до сихъ поръ привыкъ знаться съ женщинами опытными, прошедшими въ дѣлѣ любви сквозь огонь и воду, мастерски усвоившими себѣ всѣ уловки утонченнаго кокетства, потому не въ состояніи былъ сразу оцѣнить молодую женщину, принявъ ея прѣстодушіе за глупость и обращался съ нею нѣсколько свысока, даже отчасти насмѣшливо. Но красота ея ему нравилась, и онъ по старой привычкѣ сталъ ухаживать за нею, не придавая этому никакого особеннаго значенія и конечно не ожидая, что самъ же первый попадетъ въ собственныя сѣти. Онъ зналъ, что ничѣмъ такъ не легко смутить покой дѣвственной души, какъ безпрестанными разговорами про любовь и не прямыми объясненіями, а возбуждая любопытство женщины разказами про любовь свою къ другимъ; вотъ и началъ онъ во время безконечныхъ ежедневныхъ прогулокъ повѣрять ей свои бывлыя тайны и въ этой формѣ читать цѣлыя лекціи о любви.

Это забавляло его такъ же, какъ и ее, но съ той минуты, когда въ Христіанѣ пробудилось врожденное кокетство, сразу научившее ее всѣмъ уловкамъ, которыми женщины умѣютъ очаровывать мужчинъ, и она такъ же хладнокровно, какъ будто дѣло шло не болѣе какъ о выигрышѣ партіи въ крокетъ, рѣшила, что этотъ человѣкъ, умѣющій такъ тонко чувствовать и любить такъ пылко, во что бы то ни стало будетъ у ея ногъ, онъ въ самомъ дѣлѣ полюбилъ ее.

Убѣдившись въ этомъ, онъ совершенно растерялся; вся его самоувѣренность исчезла; онъ сдѣлался неловкимъ, нервнымъ, а она все продолжала забавляться имъ, какъ кошка мышью. Если бы на мѣстѣ Христіаны была другая, болѣе опытная женщина, уже обожженная любовью, онъ не сталъ бы стѣсняться, прямо высказалъ бы ей свою страсть и сумѣлъ бы побѣдить ее одною силой своего пылкаго темперамента; но въ ней, никогда еще не любившей, онъ видѣлъ почти дѣвушку, и это отразилось на самомъ характерѣ его чувства къ ней. Онъ любилъ ее какъ-то особенно, какъ любятъ ребенка или невѣсту, то есть, необыкновенно почтительно и нѣжно; ему хотѣлось бы служить ей опорой, защитникомъ, хотѣлось бы избавить отъ малѣйшаго непріятнаго ощущенія, сметать съ ея

пути всё неприятности, неизбежныя въ жизни, готовъ былъ всёю пожертвовать ради ея счастья.

Думаль онъ о ней безпрестанно, и ему становилось досадно, когда его кто-нибудь хоть на минуту отвлекалъ отъ этихъ постоянныхъ думъ; онъ сердился даже, если кто-нибудь изъ сосѣдей по табль-д'оту обращался къ нему съ вопросомъ и ему поневолѣ приходилось отвѣчать, а между тѣмъ онъ рѣшительно не зналъ, какъ держать себя съ нею, о чемъ съ нею говорить. Его жгло желаніе чѣмъ-нибудь доказать ей свою любовь, а случая къ этому не только не представлялось, но онъ даже не дерзалъ заикнуться о томъ, что само проспилось на языкъ, волновался, метался словно дикій звѣрь въ клѣткѣ, всѣми силами сдерживая рыданія, порою подступавшія ему къ горлу. Она все это видѣла, но не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что съ нимъ происходило, продолжала свою жестокою, чисто жалкую игру. Когда имъ во время безконечныхъ прогулокъ случилось значительно отстать отъ другихъ своихъ спутниковъ, а въ его тонѣ начинало прорываться нѣчто такое, отчего ей, женщинѣ хоть и нѣсколько легкомысленной, но все-таки державшейся на-сторожѣ, самой становилось жутко, она бѣгомъ пускалась догонять другихъ, весело крича издали: — „Папа, Гонтранъ, давайте въ четыре угла играть!“

Эта игра съ нѣкоторыхъ поръ вошла у нихъ въ моду и служила главной цѣлью всѣхъ прогулокъ: попадалась ли поляна между деревьями или мѣсто на дорогѣ пошире, тотчасъ же начиналась оживленная бѣготня, словно у вырвавшихся на волю школьниковъ. Христіана, обѣ сестры Оріоль, даже Гонтранъ, съ свойственнымъ каждому молодому существу желаніемъ вѣчно бѣгать, забавлялись отъ души; одинъ только Брѣтиньи, у котораго на умѣ было совсѣмъ иное, сначала хмурился, даже ворчалъ, но мало-по-малу поддавался общему увлеченію. Тѣмъ временемъ маркизъ, постоянно сопровождавшій молодежь, всегда и на все согласный, лишь бы его самого не тормозили выше мѣры, садился гдѣ-нибудь подъ деревомъ и смотрѣлъ, какъ рѣзвился его пасионъ, такъ называлъ онъ сопровождавшее его молодое общество и находилъ, что пріятнѣе такой жизни ничего и придумать нельзя.

Однако Поль съ каждымъ днемъ становился все страннѣе и однажды не только встревожилъ, но и не на шутку напугалъ Христіану. Въ этотъ день она и Гонтранъ втроемъ ходили къ

ущелью, называемому „Концомъ свѣта“, изъ котораго вытекаетъ анвальскій источникъ. Въ этомъ мѣстѣ скалы сходились все ближе и ближе и наконецъ дорогу преграждалъ огромный, почти совсѣмъ отвѣстный утесъ метровъ въ пятьдесятъ вышиною, на которомъ въ значительномъ разстояніи одна надъ другими виднѣлись самой природой устроенные уступы и площадки. Гуляющіе обыкновенно тутъ и останавливаются, но въ этотъ день Полю пришла фантазія взобраться на вершину утеса. Кое-какъ вскоробкавшись на одну изъ площадокъ, онъ вдругъ закричалъ своимъ спутникамъ: — „Идите сюда и вы; здѣсь прелесть какъ хорошо... Крошечное озеро, обросшее кустарникомъ... Идите же!“

Гонтранъ и Христіана послѣдовали его примѣру. На первыя двѣ площадки взобраться оказалось не особенно трудно, но до третьей, именно до той, на которой находился Полю, было слишкомъ высоко особенно для женщины, а выступовъ на скалѣ, куда бы можно было поставить ногу, еще меньше. Брѣтінья легъ на землю, а руки протянулъ внизъ къ Христіанѣ; Гонтранъ же тѣмъ временемъ указывалъ сестрѣ, куда ставить ногу...

Добрались они кое-какъ до крошечнаго озера, размѣромъ немного болѣе объемистаго чана и обросшаго кустарникомъ, пустившимъ корни въ тонкій слой земли, нанесенной на скалы вѣтромъ съ сосѣднихъ горъ, полюбовались этимъ прелестнымъ уголкомъ, и по настоянію Поля стали подниматься еще выше. Такъ добрались они до послѣдней площадки, гдѣ ущелье становилось до того узко, что двое челсвѣкъ держась за руку могли касаться обѣихъ противоположныхъ стѣнъ и гдѣ совсѣмъ уже отвѣсная стѣна, по которой, струился водопадикъ метровъ въ двадцать вышиною, совсѣмъ преграждалъ дальнѣйшій путь. Кругомъ ничего не было видно, кромѣ скалъ, струйки воды, вырывающейся изъ трещины, да узкой полосы ярко-голубаго неба надъ головою; только говоръ водопада слегка нарушалъ тишину, царившую въ ущельѣ; словомъ, то было однимъ изъ тѣхъ мирныхъ и таинственныхъ убѣжищъ, которыя чаще попадаютъ въ разказахъ, чѣмъ въ природѣ и которыхъ воображеніе латинскихъ поэтовъ населяло античными нимфами. Такая именно мысль и пришла въ голову Христіанѣ.

— Здѣсь какъ-то жутко, сказала она:— мнѣ кажется, будто мы отсюда спугнули фею...

— Очень жаль, если спугнули, отозвался Гонтранъ: — очень пріятно было бы посмотрѣть на ея розовое тѣло, какъ душемъ орошаемое вотъ этимъ водопадикомъ или купающееся въ томъ крошечномъ озерѣ.

Полю ничего не сказалъ.

Приходилось возвращаться назадъ, а это оказалось даже труднѣе, чѣмъ взбираться наверхъ. Впрочемъ, съ нѣсколькихъ ступенекъ они уже спустились благополучно, но на краю одной изъ нихъ Христіана остановилась. До слѣдующей площадки было такъ далеко, а въ скалѣ сверху не было замѣтно ни одного уступа. Брѣтینی соскользнула внизъ по скалѣ, потомъ, протягивая къ молодой женщинѣ распростертые руки, сказалъ: — „Прыгайте“.

Она не рѣшалась. Ей страшно было не прыжка, и не ушибиться боялась она: — нѣтъ, ей страшнѣе былъ самъ Полю и въ особенности его пристальный взглядъ, словно у голоднаго звѣря, горѣвшій дикою, кровожадною страстью; страшно его повелительно протянутыхъ къ ней рукъ. На нее напала ужась, ей хотѣлось кричать, бѣжать куда-нибудь, опять взобраться на самый верхъ утеса — и оттуда броситься куда глаза глядятъ и лучше расшибиться на смерть, чѣмъ попасть въ его распростертые объятія, манившія ее съ неотразимой силой.

— Прыгай же, сказалъ стоявшій сзади ея братъ и толкнулъ ее.

Чувствуя, что почва ускользаетъ у нея подъ ногами, она зажмурилась и почти въ тоже мгновеніе, ничего не видя, какъ ее нѣжно схватили могучія руки Поля Брѣтینی. Все еще не раскрывая глазъ скользнула она вдоль всего тѣла молодого человѣка, и при этомъ его страстное дыханіе словно знойный вѣтерокъ пахнулъ ей въ лицо...

Чувствуя, что она твердо стоитъ на ногахъ и что, слѣдовательно, опасность миновала, она быстро оправилась и начала даже смѣяться надъ своею трусостью, но этотъ ничтожный случай сдѣлалъ ее осторожнѣе, и она въ теченіе нѣсколькихъ дней всячески избѣгала оставаться наединѣ съ Брѣтینی, а онъ не переставалъ жадно сторожить ее глазами и бродить около нея, словно волкъ вокругъ овечки въ извѣстной баснѣ.

Между тѣмъ давно уже затѣвались поѣздки къ лежавшему въ горахъ небольшому озеру Тазна. Предполагалось отправиться вшестеромъ, — въ томъ числѣ и обѣ сестры Оріоль, — съ утра, все въ томъ же старинномъ шестимѣстномъ рыдванѣ, захвативъ

съ собою провизіи, чтобы тамъ же и пообѣдать на вольномъ воздухѣ, а потомъ уже при лунномъ свѣтѣ возвратиться домой. Христіана не нашла возможнымъ уклониться отъ этой поѣздки, и вотъ въ необыкновенно жаркій день, палящими лучами солнца, накалявшими скалы словно плиты сильно натопленной печи, всѣ отправились къ озеру. Дорога постоянно круто поднималась въ гору. Тройка взмыленныхъ лошадей, едва переводя духъ, тащила тяжелый экипажъ и шла почти все время шагомъ. Кучеръ, наклонивъ голову, дремалъ на козлахъ; легіоны зеленыхъ ящерицъ сновали по скаламъ у самаго края дороги. Знойный воздухъ, казалось, насквозь пронизанъ былъ невидимою огненною пылью. Порою, когда набѣгалъ легкій вѣтерокъ, этотъ воздухъ жегъ лицо, словно вблизи былъ сильный пожаръ; когда рыдванъ пробѣжалъ сосновымъ лѣсомъ, обдавало запахомъ растопленной смолы.

Въ экипажѣ царило полное молчаніе. Три женщины, сидя на заднихъ мѣстахъ экипажа, шурили отъ солнца глаза. Маркизь и Гонтранъ спали, завѣсивъ лицо носовыми платками. Поль не спускалъ глазъ съ Христіаны; она тоже—повременамъ украдкой взглядывала на него изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ.

Экипажъ все продолжалъ ѣхать въ гору, поднимая колесами облака совѣтъ почти бѣлой пыли. Когда онъ добрался до плоскогорья, кучеръ востепенулся, лошади тоже подбодрились и побѣжали легкой рысцей. Кругомъ разстилалось широкое пространство, испещренное воздѣланными нивами, рощами, деревушками и отдѣльными фермами. Вдали, налѣво, виднѣлись усѣянные вершины угасшихъ вулкановъ.

Озеро, которое служило цѣлью поѣздки, само собой образовалось въ крайнемъ кратерѣ, замыкающемъ Оверньскій хребетъ, и Христіана, случайно приподнявшись съ мѣста, первая увидела его. Къ нему вели крутые подъемы, обросшіе зеленью, окружавшею его совершенно правильнымъ кольцомъ, и само оно сіяло металлическимъ блескомъ, словно серебряная монета на солнцѣ. Всѣ вышли изъ экипажа и по узкой тропинкѣ углубились въ тѣнистую чащу. Дойдя до берега, общество усѣлось и улеглось на полянѣ, поросшей густой, высокой и сочной травой. Тутъ послѣ трехъ часовъ, проведенныхъ въ дорогѣ подъ палящими лучами солнца, среди столбовъ пыли, было очень хорошо: видъ прекрасный, подъ тѣнью деревьевъ прохладно, какъ въ гротѣ. Маркизь тотчасъ же заснулъ опять; Гонтранъ тоже скоро по-

слѣдовалъ его примѣру. Женщины углубляли руки въ слегка влажную траву, прикасались къ ней лицомъ, и это послѣ только что вынесеннаго зноя доставляло имъ необыкновенно освѣжающее, пріятное ощущение, доходящее почти до блаженства. Поль разговаривалъ съ ними, но разговоръ не клеился: послѣ долгой паузы кто нибудь вставляетъ свое слово, потомъ замолчить опять; всѣ наслаждались, и имъ было не до послѣдовательной бесѣды. Христіана видимо о чемъ-то мечтала и была еще молчаливѣе другихъ.

Но вотъ кучеръ принесъ корзины съ съѣстными припасами и дѣвѣцъ Оріоль, пріученныя дома къ хозяйству, тотчасъ же отправились готовить обѣдъ; Поль и Христіана остались наединѣ.

— Рѣдко случалось мнѣ переживать такія чудесныя минуты, какъ теперь, проговорилъ онъ такъ тихо, что голосъ его напоминалъ тѣ едва уловимые неопредѣленные звуки, которые порою издали доносятъ вѣтеръ.

Какъ ни просты, даже ничтожны были эти слова, они такъ глубоко взволновали душу молодой женщины, какъ никогда и ничто еще ее не волновало. Она на нихъ ничего не отвѣтила и продолжала смотрѣть вдаль, на противоположный берегъ озера, гдѣ притаилась въ зелени, совершенно одиноко виднѣлся домикъ, вѣроятно охотничій павильонъ. Домикъ этотъ былъ такъ малъ, что вѣроятно весь состоялъ изъ одной только комнаты.

— Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, какъ хорошо было бы людямъ, безконечно любящимъ другъ друга, прожить нѣсколько дней въ полнѣйшемъ уединеніи, хотъ бы въ этой крошечной хаткѣ? снова заговорилъ Поль, слѣдя за направленіемъ взгляда Христіаны. — Да, прожить съ глаза на глазъ, безъ докучныхъ свидѣтелей, только отравляющихъ блаженство любви, и если бы это было возможно, то не слѣдуетъ ли махнуть на все рукой, пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ ради такого счастья?.. Развѣ можно назвать жизнью наше обыденное, будничное прозябаніе? Конечно, нѣтъ!.. И что такое, въ самомъ дѣлѣ, та глупая жизнь, которую всѣ мы ведемъ, когда она не согрѣта какимъ-нибудь сильнымъ желаніемъ, какою-нибудь горячею надеждой?.. Просыпаться утромъ, не ожидая ничего особеннаго отъ предстоящаго дня, вставать, хладнокровно исполнять то или другое, умѣренно ѣсть, пить тоже умѣренно и наконѣцъ спокойно засыпать крѣпкимъ сномъ вдоволь находившейся скотины... Да развѣ можно придумать что-нибудь скучнѣе, что-нибудь печальнѣе такой канители?

Христіана все продолжала смотрѣть на домикъ. Сердце ея было переполнено какимъ-то неизвѣданнымъ чувствомъ, бурной волной подступавшимъ ей къ горлу. Она готова была заплакать. Въ ея воображеніи проносились такія картины блаженства, о какихъ она никогда до тѣхъ поръ не имѣла даже понятія. И она въ свою очередь тоже думала, что въ самомъ дѣлѣ было бы хорошо пожить здѣсь наединѣ съ любимымъ человѣкомъ, любуясь этимъ озеромъ — игрушкой, не видя постороннихъ людей, не слыша ихъ банальныхъ надоедливыхъ разговоровъ, а внемля только шелесту листьевъ, говору волны, плещущей о стѣны кратера, да упоительно-нѣжнымъ рѣчамъ любимаго человѣка... Неужто есть на свѣтѣ счастливыя, которымъ доступно такое счастье? Конечно, есть! — Какъ это она до сихъ поръ не понимала, что существуютъ такія необъятныя радости?!..

Явились дѣвицы Оріоль и сообщили, что обѣдъ готовъ. Было уже около шести часовъ, и всѣ порядочно проголодались. Разбудили маркиза и Гонтрана и всѣ, отойдя на нѣсколько шаговъ, по-турецки усѣлись передъ тарелками, скользившими по травѣ. Дѣвушки продолжали прислуживать за обѣдомъ, такъ какъ мужчины до того облѣнились, что ни одинъ изъ нихъ даже не подумалъ избавить ихъ отъ этой скучной обязанности. Обѣдъ былъ изобильный, вкусный; пирующие ѣли не торопясь, тутъ же бросая остатки и кости въ озеро. Въ корзинахъ оказалось и шампанское; первая вылетѣвшая пробка заставила всѣхъ слегка содрогнуться, да и дѣйствительно звукъ этотъ совсѣмъ не гармонировалъ съ окружающею картиной.

Солнце садилось; въ воздухѣ разлилась влажная прохлада; вмѣстѣ съ наступающими сумерками какая-то щемящая грусть спустилась на гладкую поверхность озера, словно въ колыбели дремавшаго въ глубинѣ кратера. Когда солнце стало низко склоняться къ горизонту, вода окрасилась золотисто-огненными тонами; когда же оно совсѣмъ закатилось, и по небу разлилось словно багровое зарево пожара, озеро вдругъ стало похоже на громадную чашу, наполненную кровью, и въ то же мгновеніе изъ-за одной изъ вершинъ горнаго хребта появился блѣдный ликъ луны и тихо поплылъ по безоблачному, еще свѣтлому небу. По мѣрѣ того, какъ темнѣло, а мѣсяцъ поднимался выше, свѣтъ его становился все ярче и кратеръ принялъ видъ кубка, наполненнаго литымъ серебромъ. Тутъ по поверхности воды, весь день остававшейся неподвижной, какъ зеркало и отчетливо отражавшей

окужающіе ея берега, словно дрожь, стали довольно медленно разбѣгаться крупныя круги, или быстро проносились мелкая рябь: то столѣтніе карпы и прожорливыя щуки, весь день тайвшіяся въ глубинѣ, начали играть и плескаться при лунномъ сіяніи.

По окончаніи обѣда тѣ же двѣ дѣвицы опять убрали въ карзины посуду и бутылки и потомъ передали все это кучеру. Пора было возвращаться домой. Когда все общество очутилось опять на узкой лѣсной тропинкѣ, на которую сквозь листву деревьевъ, словно серебряный дождь лились яркіе лучи мѣсяца, пришлось идти поодионокѣ. Христіана шла предпоследней, а Брѣтінны замыкала шествіе. Вдругъ молодая женщина услышала, какъ голосъ Поля, задыхаясь отъ волненія и страсти, тихо говорилъ ей почти на ухо:— „Я люблю васъ!.. Люблю!.. Люблю!..“

Сердце Христіаны забилося такъ сильно, что ноги ея стали подкашиваться—и она едва не упала. Тѣмъ не менѣе они продолжали идти впередъ,—она совсѣмъ растерянная, дѣлая надъ собой нечеловѣческія усилія, чтобы не обернуться и съ бѣшеннымъ поцѣлуемъ не повиснуть на шею молодого человѣка, а онъ тѣмъ временемъ схватилъ косынку, прикрывавшую ея плечи и въ какомъ-то изступленіи сталъ цѣловать легкую ткань. Пока всѣ шли въ тѣни, у Христіаны не доставало силы освободиться отъ охватившаго ея обоянія любви; она была какъ въ чадѣ и едва чувствовала землю подъ ногами, но когда лѣсъ кончился и всѣ вступили въ полосу свѣта, она сразу овладѣла собою. Однако, прежде чѣмъ снова сѣсть въ экипажъ, она обернулась и какъ бы на прощаніе съ озеромъ обѣими руками послала ему горячій поцѣлуй. Поль, разумѣется, понялъ значеніе этого внезапнаго порыва.

Во всю дорогу домой она, совершенно разбитая, уничтоженная наплывомъ новыхъ ощущеній, не проронила ни единого слова,—и тѣломъ и душой ея овладѣло какое-то тупое оцѣпенѣніе; по возвращеніи же въ гостиницу, она, не прощаясь ни съ кѣмъ, даже не оглядываясь, прямо пробѣжала къ себѣ въ спальню. Тутъ она тотчасъ же заперлась не только на крючокъ, но даже на ключъ и совсѣмъ растерянная, остановилась среди полупустой и полутемной комнаты, освѣщенной единственною свѣчею, бросавшей колеблющіяся тѣни на стѣны и на занавѣски...

Молодой женщинѣ было жутко среди этой унылой обстановки, среди царившаго вокругъ нея полного безмолвія; сердце ея тревожно ныло при воспоминаніи о страстномъ признаніи

Брѣтіньи:— „Что же это такое?“ спрашивала она себя:— „Чѣмъ же это кончится, и что мнѣ дѣлать теперь?“

Она въ полномъ изнеможеніи опустила на кресло. Мысли вихремъ кружились у нея въ головѣ и съ такою быстротою смѣнялись одна другою, что она не въ силахъ была остановиться ни на одной изъ нихъ... Чувство хоть и безпричинной, но томительной тоски все сильнѣе охватывало ее; ей хотѣлось плакать; жизнь казалась ей темнымъ лѣсомъ, въ которомъ вдругъ очутилась она одинокая, беспомощная...

Чувствуя, что ей тяжело дышать, она вообразила, будто въ комнатѣ душно; она встала, откинула занавѣску у стеклянной двери и вышла на балконъ. На дворѣ было свѣжо; мѣсяцъ поднялся уже очень высоко и, — тоже одиноко плывя по голубоватому небу, — обливалъ землю своимъ холоднымъ свѣтомъ. Всюду царил мертвая тишина; все спало, и только изрѣдка, едва слышно до слуха молодой женщины долетали рыдающіе, щемящіе душу звуки скрипки Сэнъ-Ландри, имѣвшаго обыкновеніе долго играть по ночамъ.

На балконѣ Христіанъ стало еще грустнѣе. Вдругъ она содрогнулась до мозга костей, словно одержимая опаснымъ недугомъ... Отчего ее теперь такъ поразила какая-то страшная пустота кругомъ? Развѣ не всегда было такъ? Отчего она этого не замѣчала ранѣе? Не оттого ли, что она сама теперь сознавала, что стоитъ надъ бездною, что у нея голова кружится, а бездна притягиваетъ, манитъ... опоры ей ждать не отъ кого?..

Однако у нея есть отецъ, есть братъ, есть наконецъ мужъ! Всѣ они любятъ ее, сама она любила ихъ до этой минуты... Отчего же ей стало вдругъ такъ ясно, что они для нея чужіе, совсѣмъ, совсѣмъ чужіе? Спокойная любовь отца, товарищескіе отношенія брата, холодная привязанность мужа—все это сразу показалось ей такимъ мелкимъ, ничтожнымъ, не имѣющимъ никакой цѣны... Пока она думала объ этихъ личностяхъ, образы ихъ являлись въ ея воображеніи. Вотъ ея отецъ, добрый и ласковый, но въ сущности ко всему равнодушный, готовый помириться со всѣмъ на свѣтѣ, лишь бы его самого оставляли въ покоѣ; вотъ ея насмѣшливый скептикъ-братъ... а этотъ краснощекий болтливый толстякъ—неужто онъ въ самомъ дѣлѣ ея мужъ, которому она обязана всю жизнь принадлежать и тѣломъ и душою, обязана въ силу контракта? его-то она должна любить!.. Да развѣ это возможно?! и передъ нею, какъ на яву встала

его самодовольная фигура, развязно входящая въ комнату, здоровающаяся съ любезнымъ, но въ сущности совершенно равнодушнымъ видомъ, и весело потирающая руки со словами:— „А какой я сегодня кушъ зашибъ!“ И зачѣмъ онъ ей это говорить? Не лучше ли было бы просто обнять поласковѣе и понѣжнѣе сказать:— „Я люблю тебя!“ то-есть именно то, что она такъ недавно услышала отъ другого.

Жгучіе слова эти до сихъ поръ звенѣли у нея въ ухахъ, отзывались въ ея сердцѣ—и его страстный образъ тоже промелькнулъ въ ея воображеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ она почувствовала такой горячій, неудержимый порывъ любви къ Брѣтиньи, что сама бросилась бы къ нему на шею, если бы онъ находился около нея въ эту минуту.

VII.

Хотя Христіана наканунѣ легла очень поздно, но проснулась вмѣстѣ съ разсвѣтомъ. Посмотрѣла она который часъ.— Всего только шестой вначалѣ.

— Вставать еще рано, подумала она, и съ наслажденіемъ потянулась въ постели.

Настроеніе духа ея совсѣмъ перемѣнилось. На сердцѣ было необыкновенно весело, легко, свѣтло, словно невѣсть какая радость, какое необъятное счастье обрушилось на нее за ночь. Какое же это было счастье? Не долго задумывалась она надъ этимъ вопросомъ: отвѣтъ явился самъ собою.

И такъ, онъ ее любить,—вотъ оно это неожиданное счастье!

Вмѣстѣ съ этой мыслью образъ Поля снова промелькнулъ передъ нею. Какъ онъ теперь былъ непохожъ на того Брѣтиньи, котораго представилъ ей братъ, и какимъ онъ показался ей при первомъ знакомствѣ! Манеры, наружность, тонъ его являлись теперь совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ при первой встрѣчѣ, не вызвавшей въ ней симпатіи; какъ ни старалась она увидѣть его именно такимъ, какимъ онъ показался ей когда-то, но не могла не смотря на всѣ усилія воображенія: дѣло въ томъ, что образъ его за это время прошелъ черезъ всѣ тѣ медленныя и ежедневныя измѣненія, которыя превращаютъ перваго встрѣчнаго въ человѣка сначала знакомаго, потомъ въ пріятеля и, наконецъ, въ человѣка беззавѣтно любимаго. Сами того не замѣчая, вы начинаете поддаваться обаянію часто встрѣчаемой личности; всѣ высказываемыя этою личностью мысли, слова и чувства, затаенный смыслъ его улыбки, наружность, движенія, звукъ

его голоса — начинаютъ постепенно и неизгладимо запечатлѣваться у васъ въ душѣ, завладѣваютъ всѣмъ вашимъ существомъ, такъ-что вы уже не вольны въ своихъ сужденіяхъ; все что бы ни сдѣлала и ни сказала — такая личность, вамъ дорого и мило, потому что вы уже не въ силахъ освободиться отъ овладѣвшихъ вами чаръ, и вамъ становится невозможно вспомнить, чѣмъ была на вашъ взглядъ эта личность въ первые дни знакомства.

— Итакъ, онъ меня любить, подумала Христиана и это сознаніе не вызвало въ ней ни тревоги, ни страха за будущее, — ничего кромѣ неизвѣстной до тѣхъ поръ, безконечной радости. Правда, ее нѣсколько смущалъ вопросъ: — „Что далѣе будетъ дѣлать Поль и какъ ей самой относиться къ нему?“ но она не долго задумывалась надъ этимъ, — ей, во-первыхъ, было самой неловко останавливаться на такомъ щекотливомъ предметѣ, а потомъ она сильно рассчитывала и на деликатность Поля и на свою собственную ловкость, которая по ея мнѣнію, всегда научить ее какъ избѣгнуть слишкомъ рискованнаго шага.

Вышла она изъ дома въ обыкновенное время и тотчасъ же встрѣтилась съ Бретиньи, курившимъ папирску на крыльцѣ гостинницы.

— Какъ сегодня ваше здоровье? спросилъ онъ подавая ей руку.

— Превосходно! — спала, какъ убитая, отвѣтила она, тоже подавая ему руку, но слегка волнуемая страхомъ, какъ бы онъ не пожалъ слишкомъ сильно эту руку и не задержалъ ее въ своей долѣе чѣмъ бы слѣдовало. Однако, онъ только едва-едва коснулся ея пальцевъ и, дружески разговаривая, пошелъ съ нею, какъ будто и онъ и она совсѣмъ забыли о томъ, что произошло между ними наканунѣ.

Такъ не только прошелъ этотъ день, но и всѣ слѣдующіе. Поль ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не напомнилъ о своемъ горячемъ порывѣ, о своей страстной мольбѣ и далъ Христианѣ успокоиться совершенно. Она же съ своей стороны не только думала, но и была глубоко убѣждена, что имъ надолго удастся остановиться на томъ невообразимо-сладкомъ фазисѣ чувства, который позволяетъ прямо смотрѣть въ глаза другъ другу, такъ какъ не влечетъ за собою никакихъ укоровъ совѣсти и не забрызганъ ни однимъ пятнышкомъ грязи; тѣмъ не менѣе они всячески избѣгали оставаться наединѣ, вдали отъ другихъ.

Однако, въ субботу той же недѣли Поль, маркизь и Христіана вечеромъ втроемъ возвращались домой; Гонтранъ въ этотъ день остался играть въ карты въ казино съ инженеромъ Орби-Пастеромъ, съ Рикье и съ докторомъ Онора. Мѣсяць только-что началъ выплывать изъ-за вѣтвей вѣковыхъ каштановъ.

— Какъ бы въ такую ночь интересно было взглянуть на Турноэльскій замокъ, словно вскользь замѣтилъ Брѣтины.

Христіана тотчасъ ухватила за эту мысль. Ночь, луна, развалины — все это имѣло тоже вліяніе, и на нее какъ на большинство другихъ женщинъ.

— Пойдемъ, папа, пожалуйста, пойдемъ туда! говорила она: — вспомни только, какъ хорошъ Турноэль даже днемъ! Какъ же очарователенъ онъ долженъ быть теперь!

Маркизу совсѣмъ не хотѣлось идти далѣе; мысль о покойной постели прельщала его несравненно болѣе всякихъ развалинъ; но Христіана настаивала на своемъ.

— Пойдемъ, папа! Не самъ ли ты говорилъ, что никогда ничего не видывалъ живописиѣ этой высокой полуразвалившейся башни; подумай, какъ очаровательно должно быть все это при лунномъ свѣтѣ!

— Ну, хорошо, пойдемъ, согласился онъ наконецъ: — Только чуръ!.. побудемъ тамъ минутъ пять или десять, а тамъ сейчасъ же и по домамъ, — я привыкъ ложиться не позже одиннадцати часовъ.

— Посмотримъ и тотчасъ же вернемся назадъ. Туда не болѣе двадцати минутъ ходьбы! обрадовалась дочь.

Всѣ трое отправились вмѣстѣ: Христіана подъ руку съ отцемъ, а Поль рядомъ съ нею. Онъ рассказывалъ про свои прежнія путешествія, говорилъ про Швейцарію, Италію, Сицилію; съ энтузіазмомъ описывалъ прелесть Monte-Rosa, окруженной цѣлымъ роємъ на вѣки застывшихъ ледяныхъ глыбъ, при солнечномъ восходѣ; съ неменьшимъ восторгомъ описывалъ онъ свое восхождение на вершину Этны, гдѣ, взобравшись на три тысячи метровъ надъ уровнемъ облаковъ, видѣлъ надъ собою одно неизмѣримое синее небо, а подъ собою такое же синее море да чудовищное жерло вулкана, душившее его своими смрадными испареніями. Желая произвести болѣе впечатлѣніе, онъ нарочно усиливалъ краски, давалъ картинамъ болѣе крупныя размѣры; Христіана слушала и трепетала отъ восторга, словно видя на яву все, что онъ описывалъ.

Вдругъ, при одномъ изъ изгибовъ дороги, передъ ними откры-

лись Турноэльскія развалины. Бывшій замокъ съ своею громадною башней высился на отвѣсной скалѣ, и его силуэтъ, на половину разрушенный временемъ и войнами, отчетливо выдѣлялся теперь, словно фантастическое видѣніе на тоже фантастичномъ свѣтло-серебристомъ фонѣ неба.

Всѣ трое, при видѣ величавой картины, напоминавшей смѣлыя произведенія Густава Дорэ, остановились какъ вкопанные. Всѣ стояли и любовались молча. Маркизь первый очнулся отъ восторга.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ красиво, заговорилъ онъ, — знаете что: сядемъ здѣсь и полюбуемся нѣсколько минутъ.

Но Христіана и слышать не хотѣла.

— О, нѣтъ, папа; пойдемте дальше до самаго подножія скалы, воскликнула она, — вѣдь это такая прелесть, такая прелесть!

На этотъ разъ маркизь однако былъ неумолимъ.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный, я и такъ много ходилъ сегодня... усталъ ужасно... Да вотъ у тебя есть спутникъ, добавилъ онъ, указывая на Брѣтинью, — онъ тебя проводить, а я подожду васъ здѣсь.

Христіана колебалась: на нее съ одной стороны напелъ внезапный страхъ, а съ другой ей не хотѣлось явнымъ недовѣріемъ огорчить или даже обидѣть дорогого человѣка.

— Пойдемте, проговорилъ Поль повидимому совсѣмъ спокойнымъ тономъ.

— Да, да, ступайте, подхватилъ маркизь, — я подожду васъ здѣсь.

Послѣднія слова заставили Христіану окончательно рѣшиться. „Отецъ будетъ здѣсь же недалеко—чего же мнѣ бояться?“ подумала она и, обращаясь къ Полю, сказала.

— Пожалуй пойдемте.

Они отправились рядомъ, но едва молодая женщина успѣла пройти нѣсколько шаговъ, какъ на нее напалъ какой-то безотчетный, неодолимый страхъ. Все ее пугало: и самый замокъ, и ночь, и главнымъ образомъ—присутствіе Брѣтиньи. Какъ и нѣсколько дней тому назадъ на возвратномъ пути отъ озера, ноги ея начали подкашиваться и ей казалось будто онѣ при каждомъ ея шагѣ все глубже и глубже погружаются въ землю, и что земля эта сейчасъ поглотитъ ее. Дыханіе у нея захватывало; она рѣшительно не въ силахъ была идти далѣе; тутъ на пути имъ попался развѣсистый каштанъ, стоявшій на границѣ между лугомъ и проѣзжей дорогой.

— Я дальше не пойду,—проговорила она надорванным голосомъ, сѣла на траву и прислонилась спиной къ дереву,— я тоже устала, а картина и отсюда видна отлично.

Поль сѣлъ рядомъ съ нею. Она слышала, какъ сильно билось его сердце. Помолчалъ онъ нѣсколько мгновений и, словно собравшись съ духомъ, спросилъ:— „Какъ вы думаете — жили мы оба съ вами когда-нибудь и гдѣ нибудь прежде, чѣмъ воплотились въ нашу теперешнюю оболочку?“

Христіана была до того взволнована, что даже не поняла, о чемъ онъ спрашиваетъ.

— Я не знаю!—отвѣчала она на удачу.—Я никогда объ этомъ не думала.

— А я,— снова началъ онъ,— я думаю, или, вѣрнѣе, чувствую по временамъ, что я жилъ и ранѣе. Мнѣ часто случилось попадать въ совершенно новую для меня мѣстность, и вдругъ она сразу начинала казаться до того знакомой, какъ будто я вѣкъ прожилъ въ ней. Вотъ, напримѣръ, хоть этотъ замокъ; съ перваго взгляда на него я сказалъ себѣ:— „А! я жилъ когда-то въ немъ, сражался, защищалъ его съ отчаянной отвагою, потому что онъ былъ мой, а самъ я былъ его владѣльцемъ. Я убѣжденъ также, что любилъ въ немъ женщину, похожую на васъ, которую звали такъ же какъ и васъ Христіаной... Да я въ этомъ до того убѣжденъ, что мнѣ стоитъ только взглянуть на эту развалину, чтобы мнѣ тотчасъ же вообразилось, будто сейчасъ на вершинѣ башни появитесь вы, лично вы—и станете звать меня по имени... Постарайтесь припомнить, не сохранилось ли у васъ въ памяти чего нибудь подобнаго. Свади замка есть большой лѣсъ, доходящій до глубокой долины. Подумайте, поищите въ своихъ воспоминаніяхъ, не встрѣчались ли мы тамъ съ вами, не вели ли долгихъ бесѣдъ по вечерамъ наединѣ? Вы лѣтомъ одѣвались въ легкія, полувоздушныя ткани, а я облеченъ былъ въ тяжелые средневѣковые доспѣхи, звонко бречавшіе въ тѣни деревьевъ... Постарайтесь же припомнить, Христіана! потому что ваше имя какъ будто давно мнѣ знакомо, я какъ будто давно уже привыкъ выговаривать его съ безпредѣльной любовью... Оно-то какъ нѣчто родное поразило меня при первой встрѣчѣ, и я сразу по имени узналъ въ васъ ту, которую когда-то любилъ въ этомъ замкѣ.

Онъ говорилъ все это съ такимъ восторженнымъ убѣжденіемъ, что казалось будто нѣтъ возможности усомниться въ полной

реальности его бредней. Въ поэтическій экстазъ приводила его опьяняющая, дурманящая близость молодой женщины,—и эта ночь, и лунный свѣтъ, и чудный видъ фантастическаго замка.

Вдругъ онъ упалъ на колѣни передъ Христіаной.

— Вотъ я наконецъ нашелъ васъ, началъ онъ дрожащимъ голосомъ,—я такъ давно васъ искалъ!.. дозвоьте же мнѣ и теперь любить васъ какъ тогда!

Она хотѣла было встать, убѣждать къ отцу, но у нея не хватило ни силы, ни смѣлости. Страстная рѣчь его словно приковала ее къ мѣсту и вызывала въ ней желаніе слушать его еще... еще... до безконечности. Его слова пьянили и уносили душу ея въ чудный міръ грезъ, полный луннаго свѣта и таинственной поэзіи сѣверныхъ балладъ, въ тотъ міръ куда стремятся многіе, но котораго рѣдко кто достигаетъ.

Онъ схватилъ ее за обѣ руки и, цѣлуя концы ея пальцевъ, словно въ забытіи лепеталъ: — „Христіана.... Христіана.... возьмите меня... убейте меня... Я васъ люблю до безумія... Христіана!“

Молодая женщина чувствовала, что Поль самъ дрожалъ отъ лихорадки страсти. Теперь онъ обнималъ и цѣловалъ ея колѣни, а изъ его груди вырывались какіе-то отчаянные стоны, похожіе на рыданія. У нея въ головѣ даже мелькнула мысль, не сходить ли онъ съ ума? Ей стало страшно; она вскочила было съ мѣста, хотѣла бѣжать, но не успѣла еще и шагу сдѣлать, какъ онъ схватилъ ее и бѣшенно припальгубами къ ея губамъ.

Тутъ она, словно надломленная жгучей лаской, безъ малѣйшаго крика, безъ сопротивленія, даже безъ негодованія, снова склонилась на землю—и овладѣть ею ему стоило такъ же мало труда, какъ сорвать спѣлый плодъ.

Однако, едва онъ на минуту выпустилъ ее изъ объятій, какъ она, растерянная, объятая ужасомъ, со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать къ отцу. Поль тотчасъ же догналъ ее и взялъ за руку, тихо и нѣжно промолвилъ: — Берегитесь, Христіана! вы забываете, что вашъ отецъ здѣсь.

Она послушалась и пошла тише, но какой-то неровной походкой—не оглядываясь, не говоря ему ни слова; онъ же смущенно шелъ рядомъ съ нею и самъ заговорить не дерзалъ.

Увидѣвъ ихъ еще издали, маркизъ всталъ съ мѣста и пошелъ къ нимъ навстрѣчу.

— Пойдемте теперь скорѣе, сказалъ онъ:—Я очень озябъ...

Положим—на всѣ эти красивыя развалины взглянуть иногда пріятно, но для здоровья это никуда не годится, особенно когда берешь теплыя ванны.

Христіана прижималась къ нему, словно ища для себя покровительства, даже защиты въ его отцовской привязанности. По возвращеніи домой, дойдя до своей спальни, она быстро раздѣлась, легла въ постель, укрылась съ головой одѣяломъ и, уткнувшись лицомъ въ подушку, долго и горько плакала. Мысли ея совсѣмъ растерялись; плакала она совсѣмъ безотчетно, ни о чемъ не думая, не жалѣя, не чувствуя ни малѣйшаго горя на сердцѣ, а какъ-то инстинктивно, сама не зная почему; такъ люди инстинктивно начинаютъ пѣть, когда имъ весело. Слезы наконецъ утомили ее, она-крѣпко уснула и спокойно проспала до утра.

Часовъ въ девять, когда она еще не вставала съ постели, кто-то тихонько постучался къ ней въ дверь.

— Войдите! крикнула она, и въ ту же минуту на порогѣ появился ея мужъ, съ дорожной фуражкой на головѣ, какъ всегда румяный, оживленный и веселый. Черезъ плечо у него висѣла замшевая сумка для денегъ, съ которой онъ никогда не расставался въ дорогѣ.

— Ты еще спишь! проговорилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто только вчера простился съ нею:—а я, какъ видишь, вхожу попросту безъ доклада... Ты, надѣюсь, здорова?.. Ну и отлично!.. Въ Парижѣ погода—великолѣпная...

Онъ, снявъ фуражку и подойдя къ постели, хотѣлъ поцѣловать жену; но на Христіану при видѣ этого самодовольнаго, краснощекаго и пухлага человѣка, беззаботно протягивавшаго къ ней губы, напалъ какой-то непобѣдимый нервный страхъ, заставившій ее невольно отодвинуться ближе къ стѣнѣ. Однако она быстро оправилась и, зажмуривъ глаза, подставила мужу лобъ для поцѣлуя.

— Ты позволишь, чтобы я немного умылся у тебя въ уборной? заговорилъ онъ, запечатлѣвъ на ея лбу равнодушный поцѣлуй:—меня сегодня не ждали, и у меня въ комнатѣ ничего не приготовлено. Такъ можно?

— Конечно можно!—едва слышно пролепетала она. Онъ же вышелъ въ уборную, гдѣ тотчасъ принялся усердно фыркать и полоскаться.

— Что у васъ здѣсь новаго?—крикнулъ онъ изъ сосѣдней комнаты:—а въ Парижѣ анализъ воды дѣлать превосходные ре-

зультаты. Неожиданно оказалось, что мы можемъ излечивать нѣсколько такихъ болѣзней, противъ которыхъ воды Русейна не дѣйствительны... Лучшаго и ожидать было невозможно...

Христіана сидѣла теперь на постели, задыхаясь отъ мучительнаго чувства, навѣяннаго на нее внезапнымъ возвращеніемъ мужа. Гнетущее горе цемило ей сердце, голова кружилась, что-то похожее на упрекъ совѣсти зашевелилось въ душѣ. Андэрматтъ скоро явился снова, совсѣмъ уже готовый и разспространяя въ комнатѣ сильный запахъ вервены.

— А что у васъ новаго?—обратился онъ къ женѣ съ прежнимъ вопросомъ, фамиллярно садясь къ ней на постель:— что калѣка? Выздоровливаетъ?.. Не можетъ быть, чтобы онъ не выздоровѣлъ при тѣхъ цѣлебныхъ свойствахъ, которыя мы нашли въ водѣ.

Христіана за это время совсѣмъ забыла о самомъ существованіи Кловиса, потому не безъ запинки отвѣчала, что кажется ему лучше.

— Впрочемъ, навѣрное не знаю,—тотчасъ добавила она:— я эту недѣлю не ходила къ источнику... я... я была не совсѣмъ здорова...

— Что такое съ тобою?—спросилъ онъ, съ участіемъ вглядываясь ей въ лицо:— Да, ты въ самомъ дѣлѣ блѣднѣе обыкновеннаго... Это впрочемъ очень къ тебѣ идетъ, и я рѣдко видалъ тебя такую авантажной...

Онъ, желая обнять ее, потянулся было къ ней на кровать, но она съ такимъ ужасомъ откинулась назадъ, что онъ остановился съ распростертыми руками и въ недоумѣніи разинулъ ротъ.

— Что съ тобою?—спросилъ онъ черезъ минуту:— къ тебѣ кажется ужъ и притрогиваться нельзя?.. Право, я не замышлялъ ничего для тебя неприятнаго.

Онъ опять хотѣлъ протянуть къ ней руки; глаза его подернулись масляной влагой.

— Нѣтъ, оставь!—воскликнула она:— мнѣ кажется... мнѣ кажется... что я беременна.

Сказала она это, чтобы хоть какъ-нибудь отдѣлаться отъ его объятій. Она сама знала, что лгала, и лгала по внезапному вдохновенію, такъ-что вышло это правдоподобно. Въ данную минуту она готова была крикнуть, что у нея черная оспа или чума, если бы эти болѣзни первыя пришли ей на умъ.

Мужъ въ свою очередь поблѣднѣлъ. Глубокая радость раз-

лилась у него въ душѣ. Ему хотѣлось теперь цѣловать Христиану долго, нѣжно; хотѣлось кружиться по комнатѣ, прыгать отъ счастья, благодаря жену за неожиданное извѣстіе.

— Неужто это правда? и такъ скоро!.. Я никакъ не ожидалъ, безсвязно лепеталъ онъ, — да неужто въ самомъ дѣлѣ правда?

— Кажется, что такъ... Я не совсѣмъ увѣрена... но очень можетъ быть...

— О, какое счастье! воскликнулъ было онъ, собирався упасть на колѣни передъ женой; но тутъ опять постучались въ дверь. Вошла горничная и сообщила, что докторъ Лятанъ желаетъ немедленно переговорить съ г. Андэрматтомъ.

— Хорошо, попросите его въ нашу гостиную, сказалъ дѣлецъ и самъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, куда почти въ то же мгновеніе явился Лятанъ. Лицо у доктора было торжественное, обращеніе сдержанное, вся фигура его дышала преувеличеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства.

— Что съ вами, докторъ? спросилъ Андэрматтъ, подавая вошедшему руку. Лятанъ холодно пожалъ концы протянутыхъ ему пальцевъ.

— Что со мною? началъ онъ такимъ тономъ, какимъ секунданты обыкновенно приступаютъ къ объясненіямъ по поводу дуэли, — со мной произошло очень непріятное происшествіе, которое я считаю необходимымъ довести до вашего свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить вамъ и свое поведеніе. Когда вамъ угодно было сдѣлать мнѣ честь, то-есть когда вамъ заблагоразсудилось пригласить меня для пользованія вашей супруги, я счелъ своимъ долгомъ немедленно явиться на ваше приглашеніе. И что же я узнаю? За нѣсколько минутъ до моего прихода ваша супруга уже успѣла посоветоваться съ однимъ изъ моихъ собратьевъ по наукѣ, именно съ инспекторомъ здѣшнихъ водъ, приведеннымъ къ вамъ отцомъ вашей супруги; долготлѣтная опытность г. инспектора вѣроятно внушаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ знанія вашего покорнаго слуги. Изъ этого какъ бы слѣдуетъ, что я, явившись вторымъ, хотѣлъ отбить практику у собрата, а этотъ поступокъ считается крайне неприличнымъ между людьми моей профессіи, крайне неделикатнымъ, словомъ, не имѣющимъ настоящаго названія, способнаго заклеить его достойнымъ образомъ, а намъ, людямъ науки, исполняя наши медицинскія обязанности, необходимы необыкновенный тактъ, необыкновенная осторожность, чтобы не задѣть за живое щекотливое самолюбіе

собрата, иначе для насъ могутъ воспослѣдовать очень крупныя неприятели. Съ этой точки зрѣнія, мой визитъ къ вашей супругѣ могъ быть дѣйствительно принятъ за неблаговидный поступокъ, а именно въ этомъ тонѣ и отзывался о немъ инспекторъ водъ, и къ тому же въ такихъ выраженіяхъ, что не внушай мнѣ его преклонныя лѣта достодождной доли уваженія, я былъ бы вынужденъ вызвать его на дуэль. Теперь, чтобы хоть сколько нибудь оправдаться въ его глазахъ и въ мнѣніи всего окрестнаго медицинскаго персонала, мнѣ одно только и остается, а именно, — какъ это для меня ни прискорбно, — отказаться отъ дальнѣйшей подачи медицинскихъ совѣтовъ вашей супругѣ... Извините же меня, если вы въ этомъ отказѣ найдете хоть что-нибудь обидное для себя.

— Мнѣ очень понятно, докторъ, то щекотливое положеніе, въ которое вы поставлены, — не безъ замѣшательства отвѣчалъ Андэрматтъ на эту длинную рацею: — повѣрьте, что въ этомъ отношеніи вина падаетъ не на меня и не на мою жену... Мой тестъ привелъ сюда своего доктора, не спросая ни меня, ни жены моей, слѣдовательно вся отвѣтственность должна пасть на него одного. Если угодно, я сейчасъ отправлюсь къ доктору Бонфиль и объясню ему...

— Нѣтъ, благодарю васъ, перебилъ его Лятанъ: — тамъ, гдѣ затронута профессиональная честь, всякія объясненія могутъ быть приняты за сознание своей вины или, если вы хотите, своей неосторожности, почему лучше оставить дѣло, какъ оно есть и ограничиться...

Тутъ уже Андэрматтъ перебилъ его. Въ немъ заговорилъ богачъ-дѣлецъ, воображающій, будто благодаря его милліонамъ, не только талантъ, знанія, но даже самая совѣсть людей должны быть подвластны ему, а вдругъ какой-то лекаришка, какой-то торгошъ медицинскими рецептами имѣетъ наглость противиться ему, поднимаетъ носъ предъ нимъ, Андэрматтомъ, имѣющимъ возможность за клочекъ бумаги, на которомъ нацарапано нѣсколько медицинскихъ каракуль, платить по пяти, двадцати пяти, пятидесяти франковъ, словомъ сколько ему заблагоразсудится!.. Это его взбѣсило.

— Какъ знаете, докторъ, сухо заговорилъ онъ: — и если вы желаете ограничиться тѣмъ, что есть, извольте! Очень буду радъ, если эта выходка не будетъ имѣть печальнаго вліянія на вашу дальнѣйшую карьеру, но очень боюсь, какъ бы не вышло

наоборотъ, и мы, надѣюсь, скоро увидимъ, кому изъ насъ двоихъ придется сильнѣе сожалѣть о возникшей между нами размолвкѣ.

Докторъ тоже оскорбился. Онъ всталъ съ мѣста и, кланаяся, очень вѣжливо сказалъ:— „Ни мало не сомнѣваюсь, что сильнѣе сожалѣть о возникшемъ между нами недоразумѣніи придется мнѣ. Мнѣ даже и теперь очень прискорбна вся эта исторія, но что же дѣлать?—я никогда не колеблюсь, когда предстоитъ выборъ между тѣмъ, чего требуютъ мой личный интересъ и моя совѣсть.

Онъ поклонился еще разъ и направился къ выходу, но въ дверяхъ встрѣтился съ взволнованнымъ маркизомъ Равнэль, державшимъ въ рукахъ какое-то письмо.

— Вотъ, милый мой, полюбуйтесь, какимъ пріятностямъ я подвергаюсь, благодаря вамъ, —заговорилъ маркизь, оставшись наединѣ съ зятемъ,—докторъ Ботфиль очень обиженъ тѣмъ, что вы, разъ уже обратившись къ нему, совѣтовались еще и съ другимъ... Вотъ онъ теперь присылаетъ мнѣ счетъ и въ очень сухой запискѣ сообщаетъ, чтобы я болѣе не рассчитывалъ на его опытность и познанія. Что же мнѣ дѣлать теперь?...

Андэрматтъ разсердился еще болѣе; онъ скорыми шагами заходилъ по комнатѣ, сильно жестикулируя и подогрѣвая себя своими собственными словами и аргументами; но въ гнѣвѣ его чувствовалось что-то ребяческое, напускное, никому не страшное.

— Кто жъ виновать?—кричалъ онъ,—конечно тотъ, кому пришла нелѣпая мысль, пригласить въ качествѣ настоящаго доктора этого стараго свирѣпаго осла, и даже не предупредивъ меня, когда я самъ обо всемъ уже позаботился, заручился инструкціей парижскаго знаменитаго врача на счетъ относительной цѣнности трехъ здѣшнихъ шарлатановъ, и вслѣдствіе этого зналъ къ кому обратиться... Тутъ же, кромѣ глупостей, никто ничего не дѣлаетъ!..

Рѣчь его продолжала литься шумливымъ потокомъ; по тому выраженію, которое онъ придавалъ словамъ:— „мой докторъ, моя опытность, мое состояніе“,—ясно было видно, что онъ ничьего контроля надъ собой не признаетъ, что онъ владѣетъ милліонами, слѣдовательно самъ себя полнѣйшій господинъ; въ томъ же тонѣ, которымъ произносились слова:— „моя жена“, такъ и слышалось внушеніе, что маркизь для Христіаны ровно ничего не значитъ, и не имѣетъ на нее болѣе никакихъ правъ, послѣ того, какъ самъ онъ, Андэрматтъ, на ней женился. Глаголы „жениться“ и „купить“ имѣли для него одинаковое значеніе.

Въ самый разгаръ спора вошелъ Гонтранъ и съ насмѣшливой улыбкой усѣлся на кресло. Онъ ничего не говорилъ, а только слушалъ, и ссора тестя съ зятемъ доставляло ему огромное удовольствіе.

Когда Андэрматтъ докричался до того, что совѣмъ выбился изъ силъ, и вслѣдствіе этого замолчалъ, — Гонтранъ поднялъ руку, и въ свою очередь воскликнулъ: — „Я требую права голоса!.. Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы остались безъ докторовъ. Теперь настало мое время предложить своего кандидата, и я предлагаю доктора Онора. За нимъ, по крайней мѣрѣ, нельзя не признать хоть того несомнѣннаго достоинства, добытаго долголѣтней практикой, что на счетъ здѣшнихъ водъ у него составилось самое опредѣленное, самое непоколебимое мнѣніе: онъ прописывалъ ихъ и будетъ прописывать своимъ пациентамъ, но самъ не выпьетъ ни одного стакана. Хотите, я отправлюсь къ нему. Всѣ переговоры я беру на себя...“

Маркизь, приходившій въ ужасъ при одной мысли о перемѣнѣ доктора и способа леченія, радъ былъ поскорѣе покончить съ этимъ дѣломъ; Андэрматту, нѣсколько встревоженному недавнимъ признаніемъ жены, тоже хотѣлось поскорѣе посоветываться съ докторомъ, слѣдовательно оставалось только принять предложеніе Гонтрана, которому поручено было тотчасъ же пригласить Онора.

Христіана изъ другой комнаты слышала споры, возгласы, даже крики, но занятая собственными мыслями, не вслушивалась, а потому никакъ не могла понять въ чемъ дѣло. Вчерашнее событіе и сегодняшній неожиданный пріѣздъ Андэрматта такъ поразили ее, что всѣ мысли ея перепутались. Какъ только мужъ вышелъ изъ комнаты, она, находя постель самымъ опаснымъ мѣстомъ, мигомъ соскочила съ нея и торопливо принялась одѣваться безъ помощи горничной. Ей казалось, будто весь міръ вокругъ нея измѣнился, что жизнь и люди стали совѣмъ другими, чѣмъ наканунѣ.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ снова послышался голосъ Андэрматта.

— А, вотъ и вы, Брѣтины? говорилъ дѣлецъ: — какъживаете?

Тонъ его въ разговорѣ съ Полемъ былъ почему-то несравненно фамилиарнѣе, чѣмъ прежде.

— Отлично, милѣйшій мой Андэрматтъ, отвѣчалъ другой: — когда пріѣхали? сегодня?..

Христiana зачесывала кверху волосы на вискахъ, когда до нея долетѣли только что приведенныя фразы... Ей грезилось, что въ эту минуту по другую сторону перегородки Андерматтъ и Поль дружески пожимаютъ другъ другу руки. Эта мысль привела ее въ такой ужасъ, что ноги ея подкосились, и она вынуждена была тяжело опуститься въ кресло. Волосы ея рассыпались, золотистымъ плащемъ прикрывъ ея плечи и спину...

Теперь говорилъ Поль, и каждое неясно долетавшее до нея слово его рѣчи какъ будто ударялось о ея сердце и отдавалось у нея въ груди, словно отъ удара молота о стѣнки колокола.

— Впрочемъ, что же такое? Вѣдь я люблю его!.. люблю! почти вслухъ воскликнула она. Новая эта мысль—и ясно высказанная, и ясно слышанная—сразу успокоила, утѣшила и помирила ее съ совѣстью. Вся ея энергія проснулась, и въ одно мгновеніе внушила ей неизмѣнное рѣшеніе. Молодая женщина продолжала причесываться, а сама тѣмъ временемъ въ полголоса твердила:— „У нея есть любовникъ... Да, есть со вчерашняго вечера. Что же изъ этого?“..

Повторяла она эту фразу долго, настойчиво, какъ бы для того, чтобы ею упорнѣе укрѣпиться въ своей рѣшимости, и вмѣстѣ съ тѣмъ на вѣкъ покончить съ разными страхами и упреками совѣсти. По обыкновенію всѣхъ честныхъ, въ сущности нравственныхъ, но побѣжденныхъ страстью душъ, она рѣшилась беззавѣтно всецѣло отдаться Полю, любви къ нему, пожертвовать жизнью, счастіемъ, всѣмъ на свѣтѣ, думая самоотверженіемъ заслужить и оправданіе себѣ и прощеніе, и даже попрежнему остаться достойной всеобщаго уваженія, то есть очиститься отъ совершаемаго грѣха огнемъ самой страсти... Она изъ за перегородки принялась посылать Полю страстные поцѣлуи, въ которыхъ искренно и навѣки отдавалась ему всѣмъ своимъ существомъ, какъ отдаются великой идеѣ или посвящаютъ себя на служеніе божеству. Недавняя дѣвочка, хотя уже научившаяся лукавить и кокетничать, но все-таки еще робкая, застѣнчивая, внезапно умерла въ ней безвозвратно, — но за то въ ней тоже мгновенно родилась женщина, созрѣвшая для страсти, женщина отважно готовая на все, что до сихъ поръ слегка высказывалось только въ смѣломъ и энергичномъ взглядѣ ея глубокихъ голубыхъ глазъ.

Дверь отворилась. Христiana не взглянула, кто вошелъ; она по инстинкту или по только что пробудившемуся въ ней чувству, и такъ уже догадалась, что вошедшій былъ именно ея мужъ.

— Скоро ты будешь готова? спросилъ онъ:—мы всё собираемся идти къ новому источнику, — хочется взглянуть, поправляется ли нашъ калѣка.

— Хорошо, милый мой Уиль, спокойно отвѣтила она:— подождите меня; я буду готова черезъ пять минутъ.

Въ это время въ гостинной послышался голосъ Гонтрана, звавшаго Андэрматта.

— Чего не ожидалъ, такъ не ожидалъ, заговорилъ молодой графъ:—вообразите, не успѣлъ я и десяти шаговъ сдѣлать, какъ въ паркѣ попадается мнѣ Онора... Не ожидалъ я, что онъ такой дуракъ!—Бойтся своихъ товарищей, а потому и отказывается отъ вашего предложенія... толкуеть о какихъ-то обычаяхъ, приличіяхъ, нравственной порядчности... Право, слушая его, можно было бы подумать, будто онъ въ самомъ дѣлѣ... Ну, а какъ бы тамъ ни было, а я никакъ не ожидалъ, что онъ такой невообразимый олухъ.

Маркизь глядѣлъ на сына какъ пораженный громомъ. Одна мысль, что онъ безъ совѣта медика можетъ выпить лишнихъ полстакана воды, просидѣть въ ваннѣ пятью минутами долѣе и выпить нѣсколько глотковъ менѣе, чѣмъ слѣдовало для успешнаго хода леченія, приводила его въ ужасъ. Онъ до сихъ поръ воображалъ, что всѣ свойства воды изслѣдованы до математической точности, что всѣ дозы приемовъ и всѣ фазисы леченія исчислены до мелочей, что даже сама природа, создавая минеральные источники, имѣла въ виду только больныхъ, и вручила свои сокровенныя тайны исключительно врачамъ, словно жрецамъ или вдохновеннымъ ученымъ.

— Значить, здѣсь можно умереть, не добившись ни отъ кого помощи,—воскликнулъ онъ, наконецъ.—Можно издохнуть какъ собакъ, и никто изъ этихъ господъ даже не тронется съ мѣста, ради вашего спасенія!

Въ немъ закипѣла эгоистическая злоба, вызванная страхомъ за свое драгоценное здоровье.

— Да, вѣдь это безобразіе!—горячился онъ.—Неужто на этихъ негодаевъ ни суда, ни расправы нѣтъ?! Они имѣютъ дипломъ и берутъ деньги за визиты, слѣдовательно, обязаны лечить больныхъ, не смѣютъ отказываться, точно такъ же, какъ желѣзныя дороги обязаны забирать всѣхъ пассажировъ! Сейчасъ напишу объ этомъ во всѣ газеты!..

Онъ въ сильномъ волненіи ходилъ по комнатѣ и, обращаясь

къ сыну, продолжалъ:—слушай, нужно въ Руаге или въ Клермонъ послать за кѣмъ-нибудь изъ тамошнихъ докторовъ; не можемъ же мы оставаться безъ медицинской помощи...

— Но имъ неизвѣстны свойства анвильскихъ водъ,—смѣясь отвѣтилъ Гонтранъ.—Здѣшнія воды совсѣмъ иначе дѣйствуютъ и на пищевареніе, и на кровообращеніе, чѣмъ, напримѣръ, клермонскія... Потомъ можно чѣмъ угодно поручиться, что и тѣ доктора не поѣдутъ, чтобы здѣшніе не обидѣлись и не имѣли права говорить, будто тѣ хотятъ у нихъ практику отбивать.

— Что же намъ дѣлать послѣ этого?—воскликнулъ маркизь отчаяннымъ тономъ.

Андэрматъ торопливо взялъ шляпу.

— Дайте мнѣ приняться за это дѣло,—сказалъ онъ.—Ручаюсь, что сегодня же вечеромъ и Лятанъ, и Бонфиль, и Онорэ... да, всѣ трое явятся сюда съ повинной головою... въ ноги намъ кланяться будутъ... А теперь пойдете, посмотримъ, въ какомъ положеніи нашъ калѣка...

— Готова ты, Христіана?—крикнулъ онъ, обращаясь въ ту сторону, гдѣ находилась спальня жены.

— Готова!—отвѣтила молодая женщина и въ ту же минуту появилась на порогѣ. Она была блѣдна, но смотрѣла бодро и рѣшительно. Поцѣловавъ отца и брата, она обратилась къ Полю и подала ему руку; онъ, опустивъ глаза, пожалъ эту руку весь дрожа отъ волненія. Когда Андэрматъ, маркизь и Гонтранъ, не обращая на нихъ вниманія, ушли впередъ съ одушевленіемъ разговаривая между собою; она, взглянувъ на Брѣгитны рѣшительнымъ взоромъ, хотъ и полнымъ безконечной нѣжности, твердо сказала:—„Я принадлежу тебѣ тѣломъ и душою. Дѣлай изъ меня все, что хочешь!“ Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, быстро пошла за другими.

Приближаясь къ новому источнику, еще издали было видно, нѣчто въ родѣ огромнаго гриба, словно плававшего въ наполненной водою ямѣ, вырытой Ориюлями. Оказалось, что то была шляпа Кловиса, спокойно спавшаго въ своей незатѣливой ваннѣ. Бродяга привыкъ къ горячей водѣ, и теперь нѣжился въ ней по цѣлымъ часамъ, прикрываясь отъ солнца рваной войлочной шляпой съ широкими полями.

Андэрматъ разбудилъ его.

— Ну, что, старина, какъ поживаешь? спросилъ онъ.

Приложеніе журнала „Дѣло“ № 2. Февраль 1887 г. 1/27

— Ничего, живемъ понемногу, отвѣтилъ тотъ, узнавъ своего патрона.

— Ну, а ходить начинаешь?

— Какъ кроликъ прыгаю, отозвался Кловисъ, и при этомъ широкая улыбка расплылась по его безобразному лицу: — въ будущее воскресенъ такъ-то стану отплясывать съ своей маской, что любо-дорого!.. Вода чудесная; я отъ нея хоть сейчасъ го-жусь по вѣнецъ...

Сердце Андэрматта сильно забилося. „Неужто ты въ самомъ дѣлѣ ходишь?“ радостно спросилъ онъ.

— Ну, гдѣ еще ходить! сказалъ Кловисъ, переставая шутить: — двигаться понемногу начинаю, ну а чтобы ходить со-всѣмъ какъ люди ходятъ, куда еще, а скоро, авось, начну.

Банкиръ захотѣлъ тотчасъ же убѣдиться лично насколько велики успѣхи леченія.

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ-то ты ходишь, заволновался онъ: — ну, а вы помогите намъ!

Вокругъ ямы поднялась невообразимая суета; Андэрматтъ разумѣется хлопоталъ больше всѣхъ, командуя словно капитанъ на кораблѣ: — „Вы, Гонтранъ, тащите его за лѣвую руку, а вы, Брэтиньи, за правую!.. Я же его подъ мышки подхватчу... Ну, дружно... разъ... два... три... Что же вы-то, маркизь, не поможете?.. Тащите его за ногу... да не за эту... за ту, что въ водѣ!.. Поскорѣе же, господа!.. Силъ моихъ нѣтъ... Ну вотъ такъ, такъ... Разъ, два, и конецъ!.. Фу!..“

Бродягу посадили на землю. Онъ, чтобы поглумиться надъ окружающими, во все продолженіе трудной церемоніи, ни однимъ движеніемъ не помогъ парижскимъ франтамъ, тащившимъ его изъ воды.

Его поставили на ноги, дали въ руки костыли, и онъ, опираясь на нихъ, какъ на трости, сталъ, сгорбившись, крехтя и со стонами, медленно передвигать ноги, словно улитка, ползя и оставляя за собою длинную мокрую полосу на бѣлой пыли дороги.

Андэрматтъ былъ въ восторгѣ.

— Bravo, bravo! превосходно! кричалъ онъ аплодируя, какъ въ театрѣ, но замѣтивъ, что утомленный больной пошатнулся, со всѣхъ ногъ бросился его поддерживать, заботливо повторяя: — „довольно, довольно! Злоупотреблять не окрѣпшими силами не слѣдуетъ!.. Садись-ка опять въ ванну“.

Кловиса опять погрузили въ воду, и при этомъ всѣ четверо

мужчинъ обращались съ нимъ, словно съ хрупкой драгоценной вещью, а самъ виновникъ торжества, потягиваясь и позѣвывая, въ свою очередь твердилъ:— „Вотъ это такъ водица! Чудотворная!.. Цѣны нѣтъ такому сокровищу“!..

— Не ждите меня къ завтраку, внезапно обратился Андэрматъ къ маркизу:—я иду прямо къ Оріолямъ и не знаю, когда освобожусь... Дѣла этого не слѣдуетъ откладывать въ дальній ящикъ, а ковать желѣзо надо, пока оно горячо!—и онъ торопливой походкой довольнаго человѣка, почти бѣгомъ направился къ деревнѣ.

Христіана, стоя рядомъ съ Полемъ, задумчиво глядѣла на вершину обрыва, на которой она когда-то ожидала взрыва скалы... Да, ровно мѣсяць тому назадъ, она сидѣла тамъ на побурѣвшей травѣ... Мѣсяць тому назадъ!.. только мѣсяць, и сколько пережнѣ!.. Она мысленно припоминала всѣ подробности: полкъ поваровъ и поварятъ, три разноцвѣтныхъ зонтика, эпизодъ съ несчастной собакой... Каждое слово тогда совсѣмъ еще незнакомаго Брѣтиньи воскресало въ ея памяти... Какимъ неуклюжимъ показался онъ ей тогда... а теперь, ровно черезъ мѣсяць, она его любовница!.. Такъ это правда?—у нея есть любовникъ!.. Любовникъ... Какое странное слово... и она не то съ недоумѣніемъ, не то съ удивленіемъ, не то съ радостью повторяла его въ глубинѣ своей совѣсти...

— Любовникъ, мысленно продолжала она:— то-есть человѣкъ, который вчера еще былъ ей совсѣмъ чужимъ, а сегодня и тѣло ея и душа связаны съ нимъ тою таинственною, невидимою цѣпью, которою природа сковываетъ мужчину съ женщиною, цѣпью хоть и сладостной, но все-таки позорной, въ которой стыдно признаться не только передъ другими, но и передъ собою.

— Да люблю ли еще я его? спросила она сама себя, и желая убѣдиться, мелькомъ взглянула на Брѣтиньи. Взгляды ихъ встрѣтились; его глаза словно погладили ее по сердцу: она прочла столько безпредѣльной нѣжности, столько страсти, что дрожь пробѣжала по ея тѣлу, а на душѣ снова стало свѣтло и радостно. Теперь у нея явилось безумное, непобѣдимое желаніе схватить его за руку, небрежно игравшую въ поблекшей травѣ, и крѣпко-крѣпко пожать эту мощную руку. Она тоже положила кисть своей руки на траву и потомъ почти тотчасъ увидала, какъ къ ея пальцамъ тихо, едва замѣтно и лю-

бовно, словно животное, отыскивающее самку, стали приближаться его пальцы. Обѣ руки до того близко подползли одна къ другой, что мизинцы ихъ сходились, пожимая другъ друга, расходясь и сходясь снова, какъ двѣ пары губъ, сливающихся въ цѣломъ рядѣ поцѣлуевъ. Какъ ни была слаба, ничтожна эта ласка, но молодую женщину она волновала такъ же сильно, какъ еслибъ Поль изо всей мочи сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ... Ей почти дѣлалось дурно...

Тутъ только поняла она, какъ люди вообще, а женщины въ особенности перестаютъ принадлежать самимъ себѣ, какъ подъ всепоглощающимъ вліяніемъ любви перестаютъ быть самими собою, какъ другое существо завладѣваетъ всѣмъ, что въ нихъ есть, и тѣломъ ихъ и душою, и мыслями, и волей, всѣмъ, всѣмъ, словно коршунъ съ размаха своихъ могучихъ крылъ, налетѣвшій на мелкую птичку.

Тѣмъ временемъ маркизъ и Гонтранъ разговаривали между собою объ Андэрматтѣ. Оба восторгались его дѣловитостью, быстротою его соображенія, вѣрностью взгляда, смѣлостью въ спекуляціяхъ, и неопѣненной ровностью его уживчиваго характера. Они заранѣе были вполне увѣрены въ полнѣйшемъ успѣхѣхъ его новаго предпріятія и радовались, что имъ удалось породниться съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ.

Христіана и Поль, занятые другъ другомъ, не обращали вниманія на то, что говорилось около нихъ; но отецъ вдругъ обратился прямо къ дочери.

— Знаешь, душа моя, легко можетъ стать, что ты скоро сдѣлаешься одною изъ самыхъ богатыхъ женщинъ во всей Франціи, и что имя мадамъ Андэрматтъ будетъ произноситься съ такою же завистью, какъ и фамилія баронессы Ротшильдъ? Гриль дѣйствительно человѣкъ недюжинный; умъ у него замѣчательный, чуть не гениальный...

Какая-то странная не то ревность, не то зависть закипѣла въ сердцѣ Поля.

— Полноте, заговорилъ онъ: — знаю я насколько замѣчательны гениальныя способности разныхъ такъ называемыхъ дѣльцовъ. Кромѣ денегъ у нихъ въ головѣ нѣтъ ровно ничего. Всѣ великія чувства и мысли, всѣ высшія побужденія, которыми вдохновляется, увлекается и наслаждается человѣчество, какъ искусство, поэзія, какъ ни съ чѣмъ несравнимое обольщеніе любви, — такимъ господамъ совсѣмъ чужды. Всѣ мысли, всѣ мечты

ихъ поглощены одними деньгами... Наживать, копить, ковать деньги, — больше они ни на что не способны. Доступны ли имъ безкорыстныя интеллигентныя наслажденія, составляющія для людей дѣйствительно замѣчательныхъ главную прелесть, главную цѣль жизни? — нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Ловить рыбу въ мутной водѣ — вотъ все, что нужно этимъ прославляемымъ дѣдкамъ, и приравнивать ихъ къ настоящимъ замѣчательнымъ людямъ тоже, что считать продавцевъ картинъ равными художникамъ, издателей — писателямъ, а театральныхъ антрепренеровъ самому Шекспиру.

Поля спохватился, что зашелъ слишкомъ далеко, и продолжалъ уже въ болѣе спокойномъ тонѣ: — „все это я говорю, конечно, ни на счетъ вашего зятя, маркиза. Его я считаю мнѣйшимъ человѣкомъ и за то именно особенно люблю, что нахожу его несравненно выше всѣхъ остальныхъ людей одной съ намъ профессіи“.

Гонтранъ засмѣялся и тѣмъ злобнымъ тономъ, какимъ онъ позволялъ себѣ высказывать все на свѣтѣ когда на него находила минута откровенности, или нападало желаніе глумиться, или язвить, — сказалъ: — „Во всякомъ случаѣ эти господа хороши тѣмъ, что женятся на нашихъ сестрахъ или имѣютъ возможность плодить на свѣтѣ богатыхъ невѣстъ и выдавать ихъ за насъ за мужъ“.

Эти слова укололи маркиза. Онъ всталъ съ мѣста и сказалъ сыну: — „Ты, Гонтранъ, иной разъ бываешь просто возмутительнѣе“.

— Сумѣютъ ли эти господа умереть за любимую женщину? продолжалъ Брѣгини въ полголоса, обращаясь уже къ одной Христіанѣ: — или согласятся ли отдать ей все свое состояніе... все цѣликомъ, ничего не оставляя себѣ?

Эти слова ясно дали понять Христіанѣ, что не только вся душа, все состояніе Поля, но даже самая жизнь его принадлежать ей одной. Ей захотѣлось во что бы то ни стало пожать ему руку.

— Встаньте сами, а потомъ помогите встать и мнѣ, сказала она: — я отсидѣла ногу и теперь двинуться не могу безъ чужой помощи.

Онъ вскочилъ съ мѣста, обернулся спиною къ другимъ, взялъ ее за руки и, тѣсно прижимая къ себѣ, помогъ ей подняться; а Христіана, взглянувъ на него, увидала, что губы его без-

звучно говорить: — „Я люблю тебя!“ Она быстро отвернулась, чтобы въ порывѣ неуправляемой страсти не сказать ему вслухъ тѣхъ же трехъ словъ.

Всѣ направились къ гостинницѣ. Часъ водопитія и ваннъ уже прошелъ; приходилось ожидать завтрака. Насталъ и этотъ часъ, но Андэрматтъ не являлся. Въ ожиданіи его прошлись еще по парку и, наконецъ, рѣшили сѣсть за столъ безъ него. Завтракъ тянулся долго, а Андэрматта все не было... Позавтракавъ, всѣ сѣли на воздухъ подъ деревьями. Часъ проходилъ за часомъ; лучи солнца скользили по зеленой листвѣ, а само оно начинало склоняться къ горамъ, а банкира все не было.

— А, вотъ и онъ, наконецъ! сказалъ маркизъ, первый увидѣвъ зятя. Андэрматтъ шелъ быстро, снявъ шляпу и вытирая себѣ лобъ платкомъ. Галетухъ его сѣхалъ на бокъ, жилетъ былъ до половины растегнутъ; вообще видъ у него былъ такой, какъ будто дѣлецъ возвращался изъ дальняго путешествія или только-что вынесъ тяжелую и продолжительную борьбу.

— Побѣда! крикнулъ онъ, едва завидя маркиза, — дѣло слажено, но какого труда это мнѣ стоило! Этотъ старый песь Оріоль совсѣмъ меня измучилъ... Одно время дѣло приняло плачевный оборотъ: старикъ заломилъ такую несообразную цѣну, что хоть бросай!.. Я уже совсѣмъ было ушелъ, да старый скряга вернулъ меня...

Сталъ онъ далѣе подробно разсказывать, что Оріоль сначала совсѣмъ было не хотѣлъ продавать землю, а предлагалъ предоставить ее только во временное владѣніе общества, требуя на свою долю половину барышей. Когда же Андэрматтъ цифрами доказалъ, что такое условіе невыносимо, положили, наконецъ, на томъ, что владѣлецъ уступаетъ компаніи участокъ земли вдоль ручья и получить за это двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ, то-есть разъ въ сорокъ больше противъ дѣйствительной стоимости участка, помимо четвертой части изъ чистаго дохода общества; оно же на этомъ мѣстѣ выстроитъ казино, зданіе для водъ, гостинницу и все, что окажется необходимымъ. Кромѣ того Андэрматтъ рѣшилъ отдѣлить нѣсколько мелкихъ участковъ, выстроить на нихъ дачи и предложить ихъ въ даръ кое-кому изъ парижскихъ докторовъ, чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ. Андэрматтъ и Оріоль уже заключили между собою нотаріальное условіе, но если минеральной воды на купленномъ участкѣ не окажется, то условіе должно считаться недѣйствительнымъ.

— Итакъ, какъ видите, дѣло въ шляпѣ, заключилъ Андэрматтъ,—и я сегодня же уѣзжаю въ Парижъ.

— Какъ, сегодня? воскликнулъ маркизъ.

— Конечно! времени терять нечего... Здѣсь Обри-Пастёръ можетъ и безъ меня дѣлать изслѣдованія, а я тѣмъ временемъ буду въ Парижѣ устраивать кампанію на акціяхъ, въ которой большинство голосовъ должно быть за меня. Понимаете? Для этого я вамъ, батюшка, предложу въ подарокъ десять акцій, по пятисотъ франковъ каждая; столько же Гонтрану...

— Очень благодаренъ, отозвался послѣдній,—только я вамъ ихъ обратно продаю, слѣдовательно вы должны мнѣ пять тысячъ франковъ.

Оказалось, что эта выходка совсѣмъ не по вкусу банкиру, которому было не до шутокъ.

— Если вы не въ состояніи серьезно относиться къ дѣламъ, сказалъ онъ суровымъ тономъ,—то и не нужно; найду другого...

— Не сердитесь за шутку, дорогой! воскликнулъ встревоженный Гонтранъ,—вы кажется давно знаете, что я весь вашъ и тѣломъ и душою...

Андэрматтъ ничего на это не отвѣтилъ, но, обращаясь къ Полю, сказалъ:—„Милѣйшій мой Брѣтиньи, если вы желаете доставить мнѣ огромное удовольствіе, то и вы примете отъ меня десять акцій!“

— Этого удовольствія я вамъ не доставлю, вѣжливо кланяясь отвѣтилъ Поль,—но если вы желаете оказать мнѣ услугу, то позвольте мнѣ самому взять акцій на сто тысячъ франковъ. Это будетъ дѣйствительно крупная услуга, потому что я отъ вашего предпріятія жду самыхъ блестящихъ результатовъ.

Уильямъ рассыпался въ любезностяхъ и крѣпко пожималъ руку Брѣтиньи. Онъ постоянно чувствовалъ непреодолимое желаніе расцѣловать каждаго, кто приносилъ ему деньги на его предпріятія, но Христіана покраснѣла до корней волосъ, ее покорило отъ предложенія Брѣтиньи: ей казалось, будто одинъ продалъ, а другой купилъ ее.

— Если бы мы съ Полемъ не любили другъ друга, подумалъ ли бы онъ предложить мужу такую крупную сумму? думала она,—конечно, нѣтъ!.. Или если ему непремѣнно этого хотѣлось, то предлагать деньги слѣдовало, по крайней мѣрѣ, не въ моемъ присутствіи.

Позвонили къ обѣду. Едва успѣли сѣсть за столъ, какъ

м-ше Пайль, обращаясь къ Андѣрматту, спросила:— „Правда ли, что вы хотите открывать новое заведеніе водъ?“

— Да, правда, одного уже существующаго заведенія мало, отвѣтилъ тотъ и, обращаясь къ Обри-Пастѣру, продолжалъ:— „Простите, что я даже за обѣдомъ буду надобѣвать вамъ дѣловымъ разговоромъ, но у меня другого времени нѣтъ, такъ какъ я сегодня же уѣзжаю въ Парижъ. Не возьмете ли вы на себя трудъ изслѣдовать, есть ли еще минеральные источники на той землѣ, которую я купилъ, и руководить всѣми работами по этой части?“

Горному инженеру очень польстило такое предложеніе. Онъ, конечно, согласился, и тутъ же за столомъ, при всей примолкнувшей публикѣ, всѣ условія были заключены въ нѣсколько минутъ съ тою быстротою и съ тою точностью, которыми отличался Андѣрматтъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Присутствующіе смотрѣли на него съ какимъ-то благоговѣніемъ; прислуга ему первому стала подавать кушанья и при этомъ на лицѣ ея появлялось подобострастное почтеніе, которое, впрочемъ, тотчасъ же исчезало, какъ только блюдо приходилось передавать другимъ.

Не задолго до конца обѣда одинъ изъ слугъ подаль герою дня карточку на тарелкѣ; тотъ прочелъ въ полголоса:— „Докторъ Лятанъ былъ бы очень счастливъ, если бы г. баронъ Андѣрматтъ могъ удѣлить ему нѣсколько минутъ до своего отъѣзда въ Парижъ“.

— Отвѣтите доктору, сказалъ онъ:— что мнѣ теперь некогда, но черезъ недѣлю или дней черезъ десять я вернусь, и тогда я къ его услугамъ.

Въ эту минуту Христіанъ отъ имени доктора Онора подали уже не букетъ, а цѣлую корзину цвѣтовъ.

— Ну—двое укрощены, засмѣялся Гонтранъ:— одинъ только Бонфиль еще какъ видно упрямится...

Въ концѣ обѣда Андѣрматту доложили, что экипажъ готовъ. Онъ пошелъ наверхъ взять свою кожанную сумку, неизмѣнно сопровождавшую его въ дорогѣ... Выйдя садиться въ экипажъ, онъ увидаль, что передъ крыльцомъ собралось полдеревни. Петрусь Мартель крѣпко пожалъ ему руку и съ безцеремонностью, свойственной такого рода лицедѣямъ, шепнулъ ему на ухо:— Когда вы вернетесь, я сообщу вамъ одинъ проектъ; дѣло великолѣпное.— Вотъ увидите...

Вдругъ откуда-то явился инспекторъ водъ; онъ по обыкно-

Въ сердцѣ Лондона *).

Рождественскій разсказъ Д. Райса-Джонса.

I.

Рождество приближалось. Было воскресенье въ концѣ ноября и сильно морозило. Смотри изъ окна въ миссіонерскомъ домѣ Св. Егидія, я не видѣлъ на улицѣ ни одной души, кромѣ старой ирландки, которая ежедневно въ извѣстные часы сидитъ на ступеняхъ католической церкви.

Миссіонерская церковь Св. Егидія, въ которой я въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ уже состою пасторомъ, находится у самой арки, отдѣляющей Сардинскую улицу отъ Линкольн-Инфильда. Первоначально это былъ просто деревянный сарай на заднемъ дворѣ, но года четыре тому назадъ къ нему прибавили нижній этажъ каменнаго дома, а подвальная кухня превращена въ ризницу, освѣщенную только газомъ. Поэтому жилища часть дома находится надъ церковью, и въ нее ведетъ особая дверь и узкая лѣстница самой первобытной конструкціи.

Въ маленькой группѣ, собравшейся утромъ въ это воскре-

---

*) Мѣстность которую описываетъ авторъ этого очерка дѣйствительно составляетъ сердце Лондона; она находится между Пестъ-Сидомъ и Сити, между самыми многолюдными улицами Страндомъ и Гольборномъ, продолженіемъ Оксфордской,—и не смотря на это узенькіе переулки, окружающіе Ковентгарденскій рынокъ и Дрюриэнскій театръ, составляютъ одни изъ самыхъ нищенскихъ, самыхъ труппныхъ закоулковъ Лондона. Что касается до автора, то онъ одинъ изъ тѣхъ почтенныхъ, скромныхъ пасторовъ англиканской церкви, которые посвящаютъ всю свою жизнь истинно благотворной дѣятельности среди несчастныхъ отверженцевъ пятимилліонной англійской столицы. Эти лондонскіе миссіонеры и миссіонерскія учрежденія, которыми они руководятъ, приносятъ вѣчно болѣе пользы чѣмъ прославленные миссіонерскіе подвиги среди дикарей Средней Африки или необитаемыхъ австралійскихъ острововъ, которые далеко не представляютъ такой интересной почвы для благотворительности, какъ милліонное нищенское населеніе Лондона. *Прим. переводчика.*

сенье, вокруг жарко топившейся печи, въ миссіонерской церкви находился одинъ бѣдный мальчикъ, котораго я никогда прежде не видывалъ. Онъ очевидно вошелъ въ церковь, какъ въ теплое убѣжище, отъ уличнаго холода и, подкравшись къ печкѣ, оставался тамъ во все время службы; на него никто не обращалъ вниманія, такъ какъ его нищенская одежда не представляла ничего удивительнаго для моихъ прихожанъ, состоящихъ почти исключительно изъ бѣднѣйшихъ бѣдняковъ. Но когда всѣ вышли изъ церкви, онъ продолжалъ сидѣть у печки, словно ему не хотѣлось съ ней разстаться.

Тутъ я замѣтилъ его. Согнувшись и обернувъ лице къ печкѣ, онъ упирался локтями на колѣни, а подбородокъ поддерживалъ обѣими руками; издали его можно было принять за грудку лохмотьевъ. Но не успѣлъ я заговорить съ нимъ, какъ онъ вскочилъ и обернулся. Я тогда увидѣлъ передъ собой мальчика небольшого роста, но мускулистаго и повидимому очень сильнаго. Старый скрутокъ надѣтый на немъ очевидно принадлежалъ человѣку, который былъ втрое его выше, но все-таки онъ не скрывалъ того, что на мальчикѣ не было рубашки. Рукава были завернуты почти до локтей, но какъ локти въ скрутокъ, такъ и колѣнки въ панталонахъ выглядывали изъ большихъ дыръ; горло и грудь были также обнажены, а ноги были босыя, если не считать того, что одна изъ нихъ была обвязана тряпкой. Лице его было блѣдное, изнуренное, очень грязное; но честное и открытое,—глаза его смотрѣли на меня такъ жалобно и такъ довѣрчиво, что я не могъ устоять.

Въ отвѣтъ на мои вопросы, мальчикъ объяснилъ, что его зовутъ Джэкомъ, что ему четырнадцать или пятнадцать лѣтъ, что съ малолѣтства у него не было крова и что онъ проводитъ ночи на ступеняхъ подъѣздовъ, въ корридорахъ домовъ, обитаемыхъ бѣдняками, въ телѣгахъ на Ковентгарденскомъ рынкѣ, или на мостахъ. Онъ не получилъ никакого воспитанія, —никогда въ жизни не бывалъ въ школѣ, но также ни разу не сиживалъ и въ тюрьмѣ, такъ какъ онъ „не дѣлалъ ничего дурнаго“. Онъ не зналъ грамоты и не умѣлъ смотрѣть на часы. Какъ добывалъ онъ средства къ жизни? Никакъ; подобные ему ребята не живутъ, а только не умираютъ съ голода. Впрочемъ, онъ очень любилъ жареную печенку и какъ только у него заводилась мелочь —лакомился печенкой. Однако онъ уже давно не обѣдалъ, и вообще въ послѣднее время ѣлъ очень мало. Нѣсколько дней

передъ тѣмъ телѣга переѣхала ему черезъ ногу, и онъ такъ хромалъ, что не въ состояніи былъ бѣгать по комиссіямъ, отворять дверцы экипажей, помогать возницамъ на рынкахъ, вообще чѣмъ нибудь заработать кусокъ хлѣба. Нога у него все еще болѣла; онъ съ трудомъ добрался до церкви и былъ бы очень благодаренъ, еслибъ ему позволили тутъ остаться; у печки было такъ хорошо, такъ тепло, что онъ ничего болѣе не желалъ,—даже могъ обойтись безъ ѣды и питья.

Я однако не позволилъ бѣдному Джэку остаться въ церкви, а повелъ его въ миссіонерскій домъ и, накормивъ до-сыта, посадилъ къ печкѣ въ классной комнатѣ, гдѣ происходили уроки Закона Божія. Въ теченіе дня я заходилъ нѣсколько разъ, чтобы взглянуть на него, и каждый разъ заставлялъ его спать.

Передъ вечерней службой я разбудилъ его и спросилъ—не хочетъ ли онъ пойти въ церковь. Онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Да, сэръ, я очень радъ пойти въ церковь, если вы позволите мнѣ сидѣть у печки, какъ утромъ... и... и...

— Что еще?

— Мнѣ совѣстно сказать... это дерзко съ моей стороны, но мнѣ некуда пойти отсюда, какъ на холодную улицу, а я не могу съ больной ногой скоро ходить, чтобъ согрѣться... вотъ я хотѣлъ попросить васъ, сэръ... ужъ извините меня... позвольте мнѣ остаться всю ночь въ церкви. Я ничего не трону.

Я объяснилъ ему, что по многимъ причинамъ онъ не можетъ ночевать въ церкви, и бѣдный Джэкъ грустно поникъ головой. Онъ считалъ, что это прекрасное мѣсто для ночлега, гораздо лучше всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ обыкновенно ночевалъ. Но когда я прибавилъ, что я сдѣлаю ему постель въ той комнатѣ, гдѣ онъ теперь находится, то лицо его просіяло.

— О, благодарю васъ, сэръ, воскликнулъ онъ,—и здѣсь очень удобно.

Джэкъ пошелъ со мною на вечернюю службу, но его пришлось нѣсколько разъ толкать, такъ громко онъ храпѣлъ.

II.

Послѣ ужина я повелъ Джэка въ свой кабинетъ, который привелъ его въ удивленіе и даже въ ужасъ. Онъ никогда не видывалъ такого собранія книгъ, иначе какъ въ книжныхъ лавкахъ, и очевидно не понималъ, зачѣмъ кому-нибудь, кромѣ книгопродавцевъ, имѣть столько книгъ.

— Ну, Джэкъ, сказалъ я, усадивъ его противъ себя у ка-

мина: — я желаю, чтобы ты рассказал мнѣ всю правду о себѣ, т. е. рассказал мнѣ исторію своей жизни. Понимаешь меня? .

— Да, сэръ, — отвѣчалъ Джэкъ: — понимаю и готовъ рассказать вамъ все, что знаю о себѣ и ничего не солгу; но со мною не случилось никакой исторіи.

— Ну, оставимъ исторію, — Расскажи мнѣ свою прошедшую жизнь... гдѣ ты родился и воспитывался, кто твои родители и т. д.

— Я не могу, сэръ. Я не знаю.

— Ты долженъ знать что нибудь о себѣ. Кто твои отецъ и мать и гдѣ они живутъ?

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери. Мать умерла, когда я былъ еще маленькимъ, а женщина, на которой отецъ женился тотчасъ, какъ умерла мать, не настоящая мнѣ мать, — такъ мнѣ по крайней мѣрѣ говорили.

— Но отецъ твой живъ?

— У меня нѣтъ отца, сэръ.

— Мнѣ кажется по твоему лицу, что ты не говоришь всей правды.

Джэкъ заплакалъ и черезъ нѣсколько минутъ сознался, что онъ не увѣренъ въ смерти своего отца.

— Но мнѣ все равно, если онъ и живъ, — прибавилъ мальчикъ: — я уже много лѣтъ не видалъ его, а когда я видѣлъ въ послѣдній разъ, то былъ еще ребенкомъ, и онъ не обращалъ на меня никакого вниманія: я тогда рѣшилъ не обращать и на него вниманія и не считать его отцемъ; онъ только мѣшалъ моему счастью и больше ничего. Раза два меня хотѣли взять на воспитанье въ хорошіе дома, но не взяли, потому что у меня былъ отецъ, и онъ могъ во всякое время отнять меня. Вотъ я и рѣшился говорить, что онъ умеръ, а то мнѣ никто не дастъ куса хлѣба.

Я сожалѣю, что не могу передать графически, въ типичномъ изложеніи самаго Джэка, исторію его прежней жизни и долженъ удовольствоваться краткимъ пересказомъ.

Джэкъ былъ младшій сынъ изъ числа семи дѣтей, четырехъ мальчиковъ и трехъ дѣвочекъ. Мать ихъ умерла, когда Джэкъ былъ еще очень малъ, и вскорѣ послѣ ея смерти отецъ женился на второй женѣ, которая разогнала всѣхъ дѣтей, за исключеніемъ Джэка, — Джэкъ былъ слишкомъ малъ, чтобъ безнаказанно лишить его родительскаго крова.

Одинъ изъ его братьевъ пошелъ въ солдаты и былъ посланъ въ Индію; другой гдѣ-то шатался въ Лондонѣ; третьяго онъ

уже много лѣтъ потерялъ изъ вида. Изъ сестеръ—старшая вышла замужъ очень рано и осталась вдовой съ четырьмя дѣтьми; потомъ она вышла замужъ вторично за очень бѣднаго человѣка, отъ котораго имѣла еще семерыхъ или восьмерыхъ дѣтей. Всѣ эти дѣти, изъ которыхъ старшій однихъ лѣтъ съ Джэкомъ, живутъ съ родителями въ одной комнатѣ. Вторая сестра была глухо-нѣмая и вышла замужъ также за глухо-нѣмого; третья провела семь лѣтъ въ исправительномъ заведеніи и потомъ поселилась у глухо-нѣмой четы, которая имѣла нѣсколькихъ дѣтей. Мать ихъ, однако, умерла и глухо-нѣмой женился на сестрѣ своей покойной жены.

Бѣдный Джэкъ рассказывалъ всѣ эти поразительные факты, такъ просто, какъ будто въ нихъ не было ничего удивительнаго. Лично о себѣ онъ объяснилъ, что жилъ у отца нѣсколько времени послѣ его вторичной женитьбы, но что мачиха такъ безмилосердно била его, что принужденъ былъ убѣжать. Съ тѣхъ поръ въ продолженіи семи лѣтъ онъ ни одной ночи не проводилъ на постели.

III.

Наступилъ рождественскій сочельникъ и Джэкъ все еще былъ у меня, но онъ значительно преобразился. Волоса его были коротко обстрижены, онъ былъ вымытъ и на немъ была приличная дѣтская одежда. Хотя онъ не былъ совершенно лакеемъ, но служилъ въ домѣ: чистилъ сапоги, натиралъ полы, отворялъ наружную дверь и исполнялъ всевозможныя порученія. Я надѣялся сдѣлать изъ него хорошаго слугу; онъ былъ очень трудолюбивъ, послушенъ и смѣтливъ. Поведеніе его было безукоризненное. Въ немъ не было ничего лукаваго и скрытнаго; онъ былъ правдивъ и вся его душа была на распашку, такъ что нельзя было не полюбить его. Онъ съ удивительной покорностью мирился съ своей новой обстановкой и тѣми ограниченіями свободы, которыя я считалъ необходимыми на первое время.

Но въ рождественскій сочельникъ Джэкъ попросилъ у меня позволенія отлучиться на короткое время, и я не только охотно согласился, но далъ ему шесть пенсовъ въ видѣ награды за его хорошее поведеніе. Я только просилъ его вернуться домой не позже девяти часовъ вечера.

Прошло девять часовъ,—нѣтъ Джэка. Пробыло десять и онъ все-таки не явился. Я началъ беспокоиться и мое довѣріе къ нему пошатнулось. Что было мнѣ дѣлать,—дозволить неблагодарному мальчику вернуться къ его прежней уличной жизни и за-

быть о немъ? Или сосчитать ложки и подать заявленіе въ полицію? Я былъ вполне убѣжденъ, что всѣ ложки на лице и что онъ ничего не унесъ съ собою, кромѣ надѣтаго на немъ платья и подаренныхъ ему шести пенсовъ. Но какая судьба ожидала этого мальчика, котораго я принялъ въ свой домъ и кормилъ тѣмъ же хлѣбомъ, что и своихъ дѣтей? Конечно, онъ рано или поздно вступилъ бы въ ряды той многочисленной арміи отверженцевъ, которые проводятъ полжизни въ тюрьмѣ, а остальную—голодаютъ. Поэтому я рѣшился отыскать Джекка во что бы то ни стало и тотчасъ началъ поиски.

Былъ уже одиннадцатый часъ вечера, но въ это время улицы нашего околотка кипятъ жизнью, особенно же въ рождественскій сочельникъ. Поразмысливъ о томъ, гдѣ бы можно было всего скорѣе навести справки о пропавшемъ мальчикѣ, я направился въ „Кофейню Дюка“, самую дешевую въ Лондонѣ, которая находилась въ Сардинской улицѣ.

Эта кофейня состоитъ изъ одной маленькой комнаты въ нижнемъ этажѣ съ шестью столами, за каждымъ, изъ нихъ могутъ помѣститься не болѣе шести человѣкъ. Но я никогда не видалъ въ ней болѣе полудюжины посѣтителей, а обыкновенно въ ней бываетъ по два или по три человѣка за разъ, да и то передъ ними часто стоятъ на столѣ только грязныя кости домино. Хозяинъ кофейни держитъ около двѣнадцати жильцевъ съ платой по полукронѣ въ недѣлю, но они большей частью работники, не имѣющіе работы, а потому имъ нечѣмъ платить за квартиру. Хозяинъ же не любитъ выгонять ихъ и терпитъ большіе долги, доходящіе до двухъ и трехъ фунтовъ стерлинговъ.

Благодаря любезности хозяина, я имѣю свободный доступъ во всякое время въ кофейню, не требуя ничего. Я часто пользуюсь этой привиллегіей, потому что мистеръ Бланкъ, такъ зовутъ хозяина кофейни, всегда охотно сообщаетъ мнѣ свѣдѣнія объ интересующихъ меня бѣднякахъ и маленькихъ оборванцахъ.

Къ нему я и отправился за справкой о Джекѣ, но узнавъ въ чемъ дѣло, онъ только покачалъ головой и промолвилъ:

— Неблагодарный бродяга.

Я спрашиваю его не видалъ ли онъ его вечеромъ, а онъ только отвѣчаетъ:

— Неблагодарный бродяга.

— Не можете ли вы указать мнѣ мѣсто, гдѣ я могъ бы всего вѣрнѣе найти его? продолжаю и получаю снова въ отвѣтъ:

— Неблагодарный бродяга.

— Такъ вы не видѣли его и не можете посовѣтывать гдѣ искать его?

— Я не видалъ его, сэръ; это вѣрно, но я не говорю, что не могъ бы найти его, еслибъ за это взялся. Но на вашемъ мѣстѣ я не сталъ бы заботиться о немъ. Не стоитъ хлопотать о мальчишкѣ, который бѣгаетъ отъ своего счастья и послѣ всего, что вы для него сдѣлали. Это просто неблагодарный бродяга.

— Но я долженъ найти его, возразилъ я:— онъ не сдѣлалъ ничего дурного, а если не вернулся домой, то можетъ быть онъ занемогъ.

— Онъ занемогъ? Нѣтъ, такіе молодчики не занемогаютъ. Его скорѣе взяли въ полицію.

Я вздрогнулъ при мысли, что бѣднаго Джэка заперли въ кутузку, а хозяинъ кофейни продолжалъ:

— Вотъ видите, сэръ, полиція должна хорошо знать мальчика, который провелъ всю свою жизнь на улицѣ и теперь увидавъ на немъ хорошую одежду и не зная, что вы приняли его они конечно схватятъ его по подозрѣнію въ кражѣ.

— Во всякомъ случаѣ они не должны задерживать его. Я выручу его тотчасъ. Мистеръ Бланкъ, помогите мнѣ отыскать мальчика.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сэръ, и не скажу болѣе ни одного слова противъ него. Въ сущности я не знаю о немъ ничего дурного, и если онъ былъ безпомощнымъ, бѣднымъ оборванцемъ, когда вы взяли его, то это не преступленіе, да и мнѣ послѣднему слѣдовало бы упрекать въ этомъ бѣдняковъ; вѣдь я живу ими. Я было разсердился на него за неблагодарность къ вамъ, но можетъ быть я и не правъ. Знаете что, я пойду съ вами, сэръ; мы вмѣстѣ скорѣе найдемъ его.

Я съ радостью принялъ это предложеніе и мистеръ Бланкъ, сказавъ на ухо что-то своему работнику, пошелъ одѣваться. Черезъ минуту онъ явился совершенно готовый, но прежде чѣмъ пуститься въ путь, онъ сказалъ:

— Въ передней комнатѣ сидитъ мальчикъ, который могъ бы оказать большую помощь въ нашихъ поискахъ. Это чистильщикъ сапоговъ, но онъ не принадлежитъ къ корпораціи, а работаетъ на себя въ качествѣ добровольца; онъ не стоитъ въ известномъ мѣстѣ, а распространяетъ свои торговыя операціи по всему городу. Только въ базарные дни онъ придерживается

Ковентгарденскаго рынка и я увѣренъ, что онъ знаетъ всѣхъ мальчишекъ, шатающихся въ той мѣстности. Ей, Боссъ, пройди сюда на минутку!

Мистеръ Бланкъ произнесъ послѣднія слова пріотворивъ дверь въ кофейню, и Боссъ тотчасъ явился. Это былъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, съ худощавымъ лицомъ и бойкими, живыми глазами, но видимо застѣнчивый; съ перваго взгляда онъ понравился мнѣ и послѣдующее наше знакомство только подтвердило это благопріятное впечатлѣніе.

— Ну, Боссъ, сказалъ мистеръ Бланкъ: ты вѣроятно знаешь этого джентльмена?

Боссъ кивнулъ головой.

— И ты знаешь такъ же Джэка, котораго онъ взялъ съ улицы?

— Да.

— Встрѣчалъ ты его сегодня вечеромъ?

— Не могу сказать ни да, ни нѣтъ.

— Можешь ты найти его?

— Я не сыщикъ и не согласенъ ловить бѣдняка; развѣ онъ совершилъ убійство или что нибудь въ этомъ родѣ?

Я успокоилъ Босса и объяснилъ, что никто не желаетъ зла Джэку, а напротивъ я хочу спасти его отъ непріятностей и нищеты.

— Тебѣ нечего бояться, Боссъ, прибавилъ мистеръ Бланкъ: я отвѣчаю за этого джентльмена, а ты кажется не можешь сомнѣваться во мнѣ; я другъ бѣдныхъ дѣтей и тебѣ лично позволяю хранить здѣсь даромъ ваксу и щетки.

— Хорошо, отвѣчалъ Боссъ; въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, что я видѣлъ сегодня вечеромъ Джэка, но гдѣ онъ теперь, не знаю.

— Гдѣ ты видѣлъ его?

— Въ Большой Дикой улицѣ.

— Что онъ тамъ дѣлалъ?

— Онъ игралъ въ лотерею у бабушки Блэкъ.

— Лотерея еще продолжается?

— Да, и вѣроятно продлится еще нѣсколько часовъ.

— Пойдемте прямо туда, предложилъ мистеръ Бланкъ и мы отправились въ путь подъ предводительствомъ Босса.

IV.

— Съ праздникомъ, сэръ. Вы идете на верхъ къ бабушкѣ?

Съ этими словами выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу маленькая дѣвочка и, схвативъ меня за руку, тащила къ себѣ, какъ она это всегда дѣлаетъ при нашихъ встрѣчахъ.

Ей всего четвертый годъ, но она привыкла уже заботиться о себѣ и бѣгаетъ одна по улицамъ во всякое время дня и ночи. Это самое веселое, вѣчно смѣющееся существо на свѣтѣ. Она живетъ у бабушки во второмъ этажѣ надъ цирюльней, въ маленькой задней комнаткѣ, изъ которой бабушка уже не выходитъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. И однако, насколько мнѣ извѣстно она сидитъ дома не по болѣзни. Какъ я ни старался узнать въ чемъ дѣло, но не могъ; повидимому же она совершенно здорова и физически и умственно. Я всегда застаю ее сидящей въ креслѣ у камина. И на мои вопросы объ ея здравьи она постоянно отвѣчаетъ:

— Благодарю васъ, сэръ, я здорова.

При первомъ нашемъ знакомствѣ мужъ ея былъ еще въ живыхъ и онъ представлялъ еще болѣе оригинальный типъ. Онъ всегда сидѣлъ у верстака рядомъ съ кресломъ жены и шилъ башмаки. Онъ выходилъ изъ дома очень рѣдко, только за провизіей и иногда въ церковь. Однимъ словомъ эта странная чета вела одинокую жизнь въ самомъ сердцѣ Лондона, среди многочислннѣйшаго и шумнѣйшаго населенія. Зачѣмъ эта старуха заперлась отъ окружающаго міра и не выходила на улицу, когда она совершенно свободно ходила по комнатѣ, — остается для меня до сихъ поръ тайной. Сначала я думалъ, что она такъ поступаетъ изъ желанія быть вѣчно съ мужемъ, а послѣ его смерти она можетъ быть уже не могла отучиться отъ столь долговременной привычки. Во всякомъ случаѣ она сама ничѣмъ не объясняла своей эксцентричности, и только подтверждала фактъ, что она не выходила изъ комнаты въ продолженіи пятнадцати лѣтъ. Напротивъ старикъ при жизни не скрывалъ своей ненависти къ сосѣдямъ и причины этой ненависти. Я часто уговаривалъ его погулять или пойти въ церковь, и онъ обыкновенно восклицалъ въ сильномъ волненіи и трагическимъ тономъ:

— Посмотрите на меня, сэръ! Посмотрите на меня! И скажите, есть ли на свѣтѣ такой отвратительный уродъ какъ я. Мое безобразное лице пугаетъ дѣтей и они разбѣгаются, увидавъ меня издали. Я могу повторить съ псалмопѣвцемъ: „И сталъ я чудовищемъ для многихъ“.

Бѣдный старикъ! Онъ въ сущности вовсе не былъ чудовищемъ. Онъ былъ образцовый мужъ, трезвый, трудолюбивый, честный; онъ былъ очень добръ съ женой и внучатами. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ у него случился нервный ударъ, и онъ говорилъ и смотрѣлъ съ трудомъ. Это уродство такъ тяготило его, что онъ наконецъ сошелъ съ ума и я помѣстилъ его въ больницу, гдѣ онъ умеръ черезъ нѣсколько дней. Жена же его по прежнему сидитъ въ своемъ креслѣ у камина, а маленькая внучка, пожелавшая мнѣ на улицѣ веселыхъ праздниковъ, ухаживаетъ за нею.

На порогѣ своей двери стоялъ цирюльникъ; онъ курилъ трубку и разговаривалъ знаками съ глухонѣмымъ. Этотъ глухонѣмой, былъ женатъ также на глухонѣмой и я зналъ ихъ впервые въ Пободійскомъ домѣ для бѣдняковъ близъ Дрюриэнскаго театра и хотя ихъ комната была очень опрятная и удобная, но они находились въ несчастномъ положеніи. Жена страдала отъ тяжелой, хронической болѣзни, а мужъ не имѣлъ работы. Я не знаю азбуки глухонѣмыхъ и потому разговаривалъ съ ними письменно. Бѣднякъ прекрасно читалъ и писалъ. Какъ онъ, такъ и жена его находились въ преклонныхъ годахъ и онъ боялся, что въ качествѣ глухонѣмого его никто не возьметъ на работу. Не смотря на все это ни одинъ изъ нихъ не жаловался на свою судьбу, и они переносили ее очень мужественно. При встрѣчахъ со мною на улицѣ старикъ всегда пріятно улыбался. Но однажды онъ остановилъ меня отчаянными знаками. Сначала онъ сильно покачалъ головой, а потомъ указалъ рукой на крѣпъ, окружавшій его шляпу, громко застоналъ и поспѣшно удалился. Я понялъ, что онъ потерялъ жену и съ нею все, что было дорого ему въ жизни.

Онъ теперь живетъ одинъ и это Рождество было первое, которое ему приходилось провести безъ той, которая дѣлила его радости и горе въ продолженіи сорока лѣтъ. Вонъ онъ дѣлаетъ тѣ же отчаянные знаки, и цирюльникъ тщетно старается утѣшить его. Онъ по прежнему указываетъ на крѣпъ и, махнувъ рукой, направляется въ свою комнату, гдѣ одинъ одиноконекъ встрѣтитъ Рождество.

Но въ ту самую минуту какъ онъ повернулся, чтобы уйти, Красная Шапочка подбѣжала къ нему и схвативъ его за руки защебетала нѣжнымъ голоскомъ.

— Рождество пришло!

V.

Мистеръ Бланкъ и Боссъ очень недовольны этими останковками.

— Если мы будемъ такъ терять время, произносить первый: то лоттерея кончится и наша птица улетитъ.

Мы поспѣшили къ дому, въ которомъ бабушка Блэкъ держитъ лавку съ сластями, но оказалось, что лавка уже заперта.

— Опоздали, воскликнулъ мистеръ Бланкъ.

— Я въ этомъ еще не увѣренъ, сказалъ Боссъ, припадая ухомъ къ замочной скважинѣ, но черезъ минуту онъ произносить:— Да, вы правы, здѣсь нѣтъ никого, но я знаю гдѣ они. Идите за мною.

Боссъ открываетъ дверь и ведетъ насъ по темному корридору и внизъ по очень узкой лѣстницѣ въ подземелье. Онъ идетъ впереди и такъ спокойно, такъ увѣренно, какъ будто провель тутъ всю свою жизнь.

— Они здѣсь въ заднемъ подвалѣ, сказалъ онъ, на минуту останавливаясь: я войду и посмотрю тутъ ли нашъ мальчуганъ; на меня никто не обратитъ вниманія, я изъ ихъ компаніи и бабушка Блэкъ подумаетъ, что я пришелъ такъ, попытать счастья. Но вы лучше не показывайтесь. Въ переднемъ подвалѣ живетъ мой товарищъ, чистильщикъ сапоговъ; я проведу васъ къ нему, и вы подождете. Онъ будетъ очень радъ вашему посѣщенію.

Мы теперь находились въ подземномъ Лондонѣ, вокругъ насъ было такъ темно, что голова у меня закружилась. Однако мы еще не успѣли повиноваться распоряженію Босса, какъ дверь въ задній подвалъ неожиданно отворилась, и мы увидали сцену, которую трудно описать.

Въ маленькой комнатѣ, не болѣе шестнадцати футовъ длины и двѣнадцати ширины, и столъ низенькой, что человекъ высокаго роста не могъ бы стоять въ ней выпрямившись, кишело около пятнадцати дѣтей обоого пола и всѣхъ возрастовъ отъ восемнадцати до пяти лѣтъ. Посрединѣ стоялъ небольшой столъ, за которымъ сидѣла старуха, похожая на одну изъ Макбетовскихъ вѣдьмъ. Передъ нею горѣли двѣ свѣчки, при тускломъ мерцаніи которыхъ едва можно было разобрать подробности этой чудовищной сцены и отвратительныя черты старухи.

Своими костлявыми, грязными руками она держала шляпу внизъ тульей и изъ этой шляпы мальчики и дѣвочки вынимали свернутые билетки. Они поспѣшно развертывали ихъ и бросали на полъ съ проклятіями. Имя выигравшей призъ малень-

кой дѣвочки встрѣчалось общимъ неодобрѣніемъ и слышались громкіе крики: „Обманъ! Обманъ!“ Эта маленькая дѣвочка была внучка старухи и въ этотъ вечеръ уже выиграла три или четыре раза.

Однако бабушка Блэкъ съ ловкостью искуснаго тактика, заглушаетъ этотъ взрывъ неудовольствія новымъ еще болѣе увлекательнымъ соблазномъ. Она вынимаетъ изъ кармана ящичекъ съ кистями и громко восклицаетъ:

— Ну, милашки, попробуйте еще разъ счастья! Кто хочетъ выиграть сластей на 5 пенсовъ за три. Ну, подходите. Двойная пятерка выигрываетъ; всѣ остальные теряютъ. Выиграешь — трость въ три фута длины и толщиною въ мою руку — изъ чистѣйшаго сахара. Ну, голубчики, кто не рискуетъ, тотъ ничего не получаетъ. Разъ, два, три.

Старуха очевидно умѣла обращаться съ этими бѣдными дѣтьми. Они попались на удочку. Страсть къ игрѣ такъ сильна въ нихъ, что легко поборола чувство разочарованія и недовольство, возбужденныя постоянными обманами. Звукъ костей для нихъ самая сладкая мелодія, — невольно чарующая и ослѣпляющая ихъ. Они окружаютъ столъ и старуха собираетъ богатую жатву пенсовъ.

Но тутъ ли Джэкъ? Я не могъ въ этомъ убѣдиться, потому что по совѣту Босса мы спрятались въ темномъ корридорѣ и онъ не покидалъ насъ. Прежде чѣмъ пойти къ играющимъ, онъ считалъ необходимымъ водворить насъ у своего товарища въ переднемъ подвалѣ, гдѣ мы могли дожидать его въ полной безопасности. Онъ главное боялся, что Джэкъ, увидавъ насъ не рѣшится покинуть свою кампанію или напротивъ убѣжитъ отъ стыда. Кромѣ того Босса могли бы заподозрить въ измѣнѣ, и тогда его жизнь не стоила бы гроша.

VI.

Остановившись у двери передняго подвала Боссъ какъ-то особенно постучалъ и промолвилъ какой-то пароль. Дверь отворилась и насъ впустилъ въ комнату человекъ невзрачный, но не страшный. Это былъ не бульдогъ, а просто самый низкій типъ человѣческаго существа. Насъ поразило съ перваго взгляда совершенное отсутствіе въ немъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ; это какая-то смѣсь идиота и горицеллы, но горицеллы изнуренной, больной.

По ремеслу онъ чистильщикъ сапоговъ, какъ насъ предупредилъ Боссъ, и какъ его одежда такъ и лице вполнѣ убѣж-

даютъ насъ въ этомъ. Не меньшимъ доказательствомъ того же факта служить и занимаемая имъ комната. Единственная въ ней мебель: маленькій столъ, два перевернутыхъ апельсиновыхъ ящика вмѣсто стульевъ и нѣчто въ родѣ кровати—въ сущности гряда грязныхъ тряпокъ, нагроможденная на нѣсколькихъ апельсиновыхъ ящикахъ.

На этой постели и подъ этими грязными тряпками лежала женщина, которую чистильщикъ сапоговъ называетъ своей женой, хотя Боссъ повидимому не имѣлъ никакого о ней понятія. Она не спала, но спряталась отъ насъ потому, что ея мужъ заложилъ ея единственные сапоги, чулки и платье для покупки бутылки джина на Рождество. Только было видно ея лице, но такое грязное, что при слабомъ свѣтѣ сальной свѣчки его трудно отличить отъ грязныхъ тряпокъ. Однако черты его были замѣчательныя, нѣкогда должно быть очень красивыя. Съ перваго же взгляда я узналъ въ ней женщину, которую видалъ прежде не разъ. Очевидно она меня также узнала и съ болѣзненнымъ стономъ спрятала свое лице въ грудѣ лохмотьевъ.

Я постараюсь въ кратцѣ разказать все, что мнѣ извѣстно объ этой женщинѣ.

Три года тому назадъ въ одинъ зимній воскресный вечеръ мнѣ сказали, что какая-то дама осталась въ церквѣ послѣ службы и непременно желаетъ меня видѣть. Она находилась въ самомъ несчастномъ положеніи и просила у меня помощи. Я уже привыкъ къ подобнымъ посѣтительницамъ, и меня ни мало не удивляютъ ихъ просьбы. Но эта женщина не походила на обыкновенную просительницу. Правда ея одежда была самая нищенская и она была почти босая, но она говорила и держала себя какъ приличная, хорошо воспитанная дама. Кромѣ того лице ея сохраняло остатки нѣкогда замѣчательной красоты и манеры ея были скромныя, утонченныя. Она не стала увѣрять меня по примѣру большинства просительницъ, что она видывала лучшіе дни, но просто объявила, что она находится въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и, что сама навлекла на себя всѣ несчастья. Я далъ ей немного денегъ, чтобъ поѣсть и переночевать и позволилъ ей прійти ко мнѣ на другой день, хотя былъ увѣренъ, что никогда болѣе ея не увижу. Но она явилась на слѣдующее утро и я поручилъ одной дамѣ привыкшей имѣть дѣло съ бѣдными переговаривать съ нею. Она произвела на эту даму прекрасное впечатленіе и отзывъ ея былъ самый сочувственный.

— Кажется, сказала она: эта бѣдная женщина не всегда была хорошаго поведенія, но она раскаивается въ своихъ поступкахъ и уже много выстрадала. Я полагаю, что она получила отличное образованіе и принадлежитъ къ хорошему обществу. По ея словамъ она умѣетъ рисовать и нашла бы себѣ работу еслибъ имѣла приличную одежду. Дадимъ ей случай съизнова начать жизнь. Я найду ей платье, бѣлье и сапоги, а вы обезпечьте ей на недѣлю квартиру и столъ. Въ это время мы увидимъ, стоитъ ли продолжать нашъ опытъ.

Я согласился и доставилъ ей квартиру со столомъ, а добрая дама дала ей необходимую одежду, въ томъ числѣ очень хорошій ватерпруфъ. Спустя три дня она пришла къ намъ прилично одѣтая, совершенно веселая и объявила, что на другой день поступаетъ на мѣсто. Это извѣстіе оказалось справедливымъ и въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ она усердно работала, регулярно приходила въ церковь и вообще вела себя безукоризненно. Потомъ къ моему величайшему сожалѣнію она вдругъ исчезла. Я навелъ справки о ней въ магазинъ, на который она работала и мнѣ сказали, что никто не знаетъ, куда она дѣлась, что она была отличная работница, но слишкомъ предавалась пьянству.

И вотъ, въ какомъ положеніи я теперь нашелъ ее.

Въ эту минуту вернулся Боссъ съ извѣстіемъ, что Джэкъ былъ у бабушки Блэкъ, но ушелъ въ десятомъ часу съ двумя другими мальчиками и, что ихъ видѣли потомъ въ Портсмутской улицѣ, передъ кабачкомъ „Черный Джэкъ“.

Мы простились съ чистильщикомъ сапоговъ и хотѣли уже уйти, какъ его несчастная подруга, поднявшись на кровати и указывая мнѣ на старый поношенный ватерпруфъ, воскликнула:

— Посмотрите на это, сэръ. Это единственная вещь напоминающая мнѣ о лучшихъ дняхъ. Мнѣ подарила этотъ ватерпруфъ ваша добрая дама, и я ходила въ немъ въ вашу церковь. Я все продала и заложила, но съ этимъ не могу разстаться. Скажите вашей доброй дамѣ, что я упала такъ низко, какъ нельзя ниже, но что среди этого ада, созданнаго мною самой я вѣчно буду съ глубокой благодарностью вспоминать о ней. Благодарю васъ, сэръ, за вашъ визитъ и желаю вамъ и всѣмъ вашимъ веселыхъ праздниковъ.

Мы поспѣшили выбраться изъ подземнаго Лондона, гдѣ такъ душно и мрачно.

VII.

Возвратясь по Сардинской улицѣ мы снова очутились въ Линкольн-Инфилидѣ. Затѣмъ мы направляемъ свои шаги въ Портсмутскую улицу, на лѣвой сторонѣ которой находится „старая лавка рѣдкостей“ Чарльса Диккенса, а на правой „кабачекъ Черный Джэкъ“; который въ старину назывался „Прыжкомъ“, въ память того замѣчательнаго факта, что Джэкъ Шепардъ, спасаясь отъ преслѣдователей, выскочилъ изъ него въ окно перваго этажа.

Я рѣшительно не понималъ къ чему мой бѣдный Джэкъ забрался въ такой уединенный, забытый уголокъ? Неужели онъ поклонялся своему пресловутому тезкѣ, какъ идеалу? Въ этомъ не было ничего невѣроятнаго такъ какъ хотя Джэкъ самъ не умѣлъ читать, но въ числѣ его прежнихъ товарищей были конечно и грамотные; а доступная для нихъ литература прославляла геройскій подвѣлъ разбойниковъ, убійцъ и воровъ.

Какъ бы то ни было, мы не нашли его въ „Черномъ Джэкѣ“, хотя по словамъ хозяина въ теченіи вечера тамъ перебивало три мальчика, походившіе по ихъ примѣтамъ на нашего бѣглеца,

Тогда Боссъ замѣчаетъ, что онъ всего вѣроятнѣе въ это время находится въ Клеркскомъ рынкѣ и мы, дойдя до конца Портсмутской улицы, поворачиваемъ направо и входимъ въ Джильбертскій переулочекъ, черезъ который перекинута также старинная арка или галлерейя. Въ этомъ переулкѣ есть нѣсколько лавокъ рѣдкостей и изъ него въ обѣ стороны выходятъ узкіе проходы, соединяющіе его съ Ширильдской улицей и Клемент-Инъ. Вообще эта мѣстность перерѣзана столькими переулками и проходами, что можетъ показаться человѣку попавшему сюда впервые, да еще ночью настоящимъ лабиринтомъ.

Изъ темнаго Джильбертскаго переулка мы выходимъ въ Верскую улицу и наконецъ достигаемъ Клеркскаго рынка. Тутъ столько народа, ларей и телѣжекъ съ всевозможнымъ товаромъ, что нельзя двигаться иначе какъ шагъ за шагомъ. Поэтому мы на свободѣ дѣлаемъ свои наблюденія, а по моему трудно найти болѣе интересное зрѣлище.

Всѣ окна лавокъ весело освѣщены газовыми рожками и увѣшаны вѣтками остролистника и омелы, а также другими предметами, специально предназначенными для Рождества. Лари и телѣжки, расположенныя двумя рядами вдоль всей улицы завалены зелеными вѣтками, яблоками, апельсинами, конфетами, хлопущ-

ками, флагами и шарами. Правда на многихъ телѣжкахъ виднѣются рыба и овощи: картофель, капуста, рѣпа, морковь, особенно лукъ. Но эта выставка скромныхъ предметовъ потребления нисколько не омрачаетъ блестящей картины, напротивъ она придаетъ ей особую прелесть. Она во очью провозглашаетъ вѣчный союзъ полезнаго съ пріятнымъ и доказываетъ, что страна переполнена изобиліемъ. Интересно прислушаться, какъ продавцы и полезнаго и пріятнаго приглашаютъ къ себѣ покупателей. Приходите, выбирайте, берите самое лучшее и побольше, о деньгахъ не думайте, имъ не надо денегъ, у нихъ достаточно денегъ, и они явились на рынокъ только съ цѣлью сдѣлать друзьямъ подарки на Рождество. Всѣ должны весело встрѣтить праздники, и если они не отдадутъ свой товаръ даромъ, а берутъ за него самую пустую цѣну, то лишь изъ уваженія къ покупателямъ и чтобъ не оскорбить ихъ благородной гордости.

Большинство этихъ лавочниковъ не придерживается какой-нибудь специальной торговли, а продаютъ то, что имъ удалось выгодно купить; такъ, торговецъ, продающій сегодня рыбу, можетъ быть вчера продавалъ овощи и обратно. Но встрѣчаются и торговцы-специалисты, напримѣръ торговцы печеными каштанами или картофелемъ, леденцами, устрицами и т. д. Впрочемъ, вмѣстѣ съ устрицами, которыхъ покупщики часто ѣдятъ тутъ же, посыпая перцемъ и поливая уксусомъ, обыкновенно продаются раки, креветы, улитки и т. д. Креветы пользуются въ этой мѣстности особымъ уваженіемъ; ихъ продаютъ обыкновенно въ маленькихъ бумажныхъ пакетикахъ, и покупщики относятъ ихъ домой къ чаю или поѣдаютъ во время прогулки, при чемъ шелуху бросаютъ въ носъ своимъ друзьямъ или граціозно выплевываютъ черезъ плечо.

Значительна также торговля орѣхами, къ которымъ бѣдные люди чувствуютъ особое пристрастіе вѣроятно по той же причинѣ, по которой они оказываютъ замѣтное предпочтеніе пирогамъ со свиной и ветчиной. Все это предметы очень сытные. Попробуйте наѣсться до сыта орѣхами или пирогомъ со свиной и два дня не проголодаетесь.

VIII.

Но Джэкъ не оказался ни въ Клеркскомъ рынкѣ, ни на Угольномъ Дворѣ на Дрюрилэнъ, куда мы направились по совѣту одного товарища Босса, котораго мы встрѣтили среди нашихъ странствій. Изъ Дрюрилэнъ мы пошли въ улицы

Паркеръ и Маклинъ, гдѣ заглянули въ нѣсколько ночлежныхъ домовъ съ платой по три и по четыре пенса за ночь.

Большинство лавокъ тутъ еще открыты и еслибъ у насъ было время, то нѣкоторыя изъ нихъ заслуживали бы подробнаго осмотра, особенно лавки съ рѣдкими птицами. Въ нихъ продаются не только всевозможныя птицы, но и различныя животныя: собаки, кошки, бѣлыя мыши и крысы, кролики и морскія свинки.

Семь улицъ, скрещивающіяся въ этомъ мѣстѣ, болѣе или менѣе оживлены, въ особенности Литль-Ерль, гдѣ происходитъ настоящій базаръ. Посрединѣ, на открытой площадкѣ зазываетъ публику Дешевый Джэкъ, очень ловкій смѣтливый юноша съ кольцами на рукахъ и въ красномъ шарфѣ на шеѣ. Онъ стоитъ у своей телѣжки съ голлантерейнымъ товаромъ, который онъ расхваливаетъ въ самыхъ цвѣтистыхъ фразахъ и увѣряетъ, что отдаетъ все даромъ ради праздниковъ. И, странно сказать, бѣдный народъ такъ быстро раскупаетъ его товаръ, что онъ едва успѣваетъ собирать деньги. Неподалеку отъ Дешеваго Джэка помѣщается шарлатанъ-докторъ, продающій свои лекарства, которыя, по его словамъ, дѣлаютъ чудеса. Онъ держитъ въ рукахъ коробку съ лепешками, вылечивающими отъ всевозможныхъ недуговъ, и отъ времени до времени самъ глотаетъ лепешку въ доказательство, что онѣ не могутъ принести вреда. Его также слушаютъ съ разинутыми ртами и у него также покупаютъ лекарства.

Тутъ же, стоя на стулѣ, окруженный многочисленной публикой слушателей, разглагольствуетъ проповѣдникъ. Онъ говоритъ гладко, плавно и такъ громко, что его могли бы слышать десять тысячъ человѣкъ; выражается онъ грубо и хвалится тѣмъ, что никогда не бывалъ въ школѣ, но близко знакомъ съ библейю и не ищетъ словъ. Онъ рассказываетъ, что нѣкогда былъ самымъ отъявленнымъ негодяемъ—и послѣ этого честнаго, но унижательнаго сознанія продолжаетъ, задавая самому себѣ вопросы:

— И что же, Дикъ, ты былъ счастливъ, когда пьянствовалъ, дрался на кулачкахъ, билъ жену, морилъ съ голода дѣтей, ругался надъ религіей, осмѣивалъ все святое? Ну, сознавайся, старина. И положивъ руку на сердце, я отвѣчала—нѣтъ. Ну, а теперь, Дикъ, какъ ты поживаешь? Теперь меня зовутъ счастливымъ Дикомъ—и я дѣйствительно счастливъ.

Потомъ онъ начинаетъ пѣть гимны; сначала нѣкоторые изъ слушателей смѣются, но онъ поетъ очень хорошо—и вся публика рукоплещетъ.

Не много далѣе другой ораторъ проповѣдуетъ о трезвости. Онъ пламенно нападаетъ на всѣхъ, именующихъ себя христианами и пьющихъ крѣпкіе напитки. Ему все равно кто бы они не были—Методисты, Пресвитеріанцы, Баптисты, Англиканцы или Католики; они одинаково попадутъ въ адъ. Наконецъ мы наталкиваемся на проповѣдника совершенно иного закала. Онъ также какъ счастливый Дикъ говорить о религіи, но доказываетъ, что все человѣчество или большая часть его заблуждается, что онъ хочетъ освободить всѣхъ отъ тираній духовенства, аристократіи и т. д.

IX.

Уже очень поздно, далеко за полночь. Колокола сотни церквей оповѣщаютъ вѣрующихъ о наступленіи Рождества. Но о Джэкѣ нѣтъ ни слуха, ни духа. Я вижу съ сожалѣніемъ, что мнѣ придется приостановить поиски. Но прежде чѣмъ покинуть эту мѣстность, я хочу еще разъ взглянуть на базаръ въ Ерльской улицѣ.

Большинство покупателей тутъ—женщины; однѣ изъ нихъ съ мужьями, другія съ грудными дѣтьми; но встрѣчаются и маленькія дѣвочки въ материнскихъ шляпкахъ и шаляхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ цѣлый день продавали на улицахъ вѣтки остролистника, и теперь на вырученныя деньги покупали рождественскій обѣдъ для своихъ больныхъ родителей и голодныхъ сестеръ. Другія все еще старались зашибить пенсъ, распѣвая комическія пѣсни или заунывные романсы.

Въ концѣ улицы находится таверна „Виноградная Кисть“; передъ дверью ея стояла толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, вниманье которыхъ было поглощено происходившимъ передъ ними зрѣлищемъ. Отъ времени до времени они громко аплодировали, словно сидѣли въ театрѣ. Когда наступала тишина между этими взрывами одобренія, то до насъ долеталъ женскій голосъ, пѣвшій и декламировавшій съ интонаціями извѣстныхъ пѣвицъ, актеровъ и актрисъ.

— Это безумная Нелли! воскликнулъ Бланкъ.

— Да, это она, повторилъ Боссъ.

— Я всегда узнаю ея голосъ, замѣтилъ Бланкъ.

— И отличный у нея голосъ, прибавилъ Боссъ тономъ опыт-

наго театральнаго критика: многіе говорятъ, что у нея первый голось въ Лондонѣ, и что еслибъ она осталась на сценѣ, то приобрѣла бы большое состояніе. Но я считаю, что она и теперь всѣхъ заткнетъ за поясъ.

— Знаете, что Боссъ, можетъ быть мы найдемъ здѣсь Джэка, замѣтилъ мистеръ Бланкъ.

— Очень вѣроятно, отвѣчалъ Боссъ:— Джэкъ страшно любить театръ, но у него рѣдко бываютъ деньги на билетъ въ галлерей, и онъ всегда бѣгаетъ за уличными пѣвцами и актерами. Я знаю, что онъ питаетъ особую страсть къ безумной Нелли, и такъ часто бѣгалъ за ней, что она замѣтила его и не разъ давала ему мѣдякъ на кусокъ хлѣба, конечно когда у нея самой бывали деньги. Я по этому не удивлюсь, если мы найдемъ здѣсь Джэка; надо посмотрѣть.

Назначивъ мѣсто свиданія, мы разбрелись въ толпѣ. Я протолкался впередъ, увѣренный, что благодаря моему зимнему пальто никто не узнаетъ во мнѣ пастора.

Всякій, имѣющій хоть каплю сожалѣнія въ глубинѣ своего сердца, не можетъ видѣть молодой женщины въ такомъ униженномъ положеніи безъ грустнаго чувства, а Нелли была замѣчательно хорошенькой и имѣла рѣдкій талантъ. Къ ея чести надо сказать, что въ ея представленіи не было ничего предосудительнаго; оно состояло изъ невинныхъ пѣсней и пародій.

О прежней исторіи безумной Нелли очень мало извѣстно. Она сама говоритъ, что ея родители люди порядочные, но отецъ умеръ, когда она была еще ребенкомъ. Онъ былъ ирландецъ, мать ея англичанка, и она родилась въ Лондонѣ. Съ самаго дѣтства Нелли обнаруживала страсть къ театру и хотѣла сдѣлаться актрисой. Мать противилась этому желанію, и она убѣждала изъ дома. Ей какъ-то удалось получить ангажементъ на Дрюриленскій театръ, но онъ продолжался не долго, и она имѣла успѣхъ только въ одномъ изъ Ист-Эндскихъ кафе-шантановъ. Но тамъ она по несчастью приобрѣла страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, подъ вліяніемъ которыхъ она просто бѣсновалась. Ея кличка объяснялась и эксцентричностью ея характера, такъ что всѣ называли ее „безумной Нелли“. Но это прозвище не было дано ей изъ укоризны, и вообще она пользовалась большою популярностью среди бѣднаго населенія. Ее не только любили, но и уважали, потому что вращался въ средѣ людей всякаго рода и сорта, а также представляя на улицахъ и въ тавернахъ, она никому не дозво-

ляла ни малѣйшей фамиллярности и по общему отзыву вела себя, какъ настоящая лэди.

Но она была очень бѣдной лэди, судя по ея одеждѣ или лучше сказать по старому ватерпруфу, который скрывалъ ея платье или отсутствіе онаго, и по черной шляпкѣ съ красными перьями. Но талантъ выше костюма и даетъ себя чувствовать не смотря на лохмотья. Она искусно передразнивала моднаго франта и вызывала дружный смѣхъ зрителей своими уморительными позами, походкой и ужимками. Потомъ она представляла, какъ знаменитыя баллерины танцуютъ, а подь конецъ плясала джигъ и торжественно заявляла, что болѣе не можетъ танцовать, даже еслибъ ее сталъ упрашивать самъ лордъ-канцлеръ.

Видя, что представленіе кончилось, толпа разошлась, и Нелли, осталась одна. Тогда какой-то пьяный негодяй подошелъ къ ней и хотѣлъ ее обнять, но она быстро отскочила и ударила его по лицу. Онъ бросился на нее со сжатыми кулаками, но въ ту же минуту упалъ на землю, сваленный ловкимъ ударомъ.

— Пойдемте съ нами, Нелли,—сказалъ мистеръ Бланкъ, подоспѣвшій къ ней на помощь:—мы васъ защитимъ. Вы знаете меня и Босса, а этотъ джентльмень нашъ пріятель.

— Благодарю васъ,—отвѣчала Нелли:—но я не нуждаюсь ни въ чьей защитѣ. Я сама постою за себя. Прощайте и желаю вамъ, господа, веселыхъ праздниковъ.

— Погодите, Нелли, если вы не нуждаетесь въ нашей помощи, то мы нуждаемся въ вашей.

— Какую помощь могу я оказать вамъ. Вы смѣтаетесь надо мною.

— Нѣтъ, Нелли, вотъ въ чемъ дѣло,—сказалъ Бланкъ:—вы знаете маленькаго Джэка, который всегда бѣгалъ за вами и слушалъ съ восторгомъ ваше пѣнье. Вы, конечно, знаете, что его взялъ къ себѣ одинъ джентльмень, живущій по сосѣдству со мною. Вотъ этотъ джентльмень—и онъ очень беспокоится о бѣдномъ Джэкѣ; его увели какіе-то дурные люди, и мы не можемъ его нигдѣ найти. Постарайтесь, Нелли, отыскать его; вы можете это сдѣлать скорѣе всѣхъ, и если вы его приведете домой, то сдѣлаете ему благодареніе, да и сами не останетесь въ убыткѣ.

Нелли съ негодованіемъ отказалась отъ всякаго вознагражденія, но выразила большое сочувствіе къ Джэку и обѣщала найти его и доставить ко мнѣ.

— Я не могу спасти себя,—промолвила она, удаляясь:—но я спасу этого бѣднаго мальчика.

Черезъ минуту она исчезла въ одномъ изъ мрачныхъ лабиринтовъ, которые пересѣкаютъ другъ друга въ этой мѣстности. Боссъ направился къ тому ночлежному дому, гдѣ онъ обыкновенно спитъ. Мистеръ Бланкъ также скрылся куда-то и я остался одинъ.

Х.

Наступаетъ Рождество; о Джэкѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, а я не могу продолжать поисковъ, такъ какъ занять весь день другими обязанностями. Однако мысль о немъ не покидаетъ меня ни на минуту.

Рождество проходитъ, проходитъ и второй день праздниковъ, а о Джэкѣ все нѣтъ ни слуха, ни духа. Но на третій день является молодая женщина, до того блѣдная и утомленная, что отворявшая ей дверь служанка перепугалась. Это была безумная Нелли. Я вышелъ къ ней и, увидавъ ея нахмуренное лицо, понялъ, что она принесла мнѣ дурныя вѣсти. Но она не хотѣла отвѣчать мнѣ и только просила, чтобъ я немедленно пошелъ съ нею въ Литль-Вайльдъ-Стритъ, темный переулочекъ, гдѣ преимущественно жили самые бѣдные Ирландцы. Я послѣдовалъ за ней—и, остановясь передъ подъѣздомъ одного изъ домовъ, она указала мнѣ на Джэка, спавшаго на ступеняхъ.

— Вотъ, сказала она: я сдержала свое слово. Но я не спала ни минуты съ Рождественской ночи и мнѣ надо отдохнуть.. Но, сэръ, не будьте съ нимъ очень строги. Нѣтъ, я денегъ не возьму за спасенье Джэка, за такія услуги я денегъ не беру. Но все-таки благодарю васъ, сэръ.

И она поспѣшно убѣжала.

Вотъ какъ Джэкъ разсказалъ исторію своего бѣгства.

— Все это случилось по винѣ шести пенсовъ, которые вы дали мнѣ на праздникъ, началъ онъ, — лучше бы вы не давали.

— Я это теперъ самъ вижу. Но разскажи мнѣ, какъ ты провелъ Рождество?—что же ты сдѣлалъ съ шестью пенсами, касается до тебя, а не до меня. Это твои деньги.

— Я все разскажу съ той минуты, какъ я ушелъ изъ дома и до той, когда вы привели меня назадъ. Но я долженъ начать съ шести пенсовъ; благодаря имъ-то я запоздалъ и не вернулся.

— Хорошо, разсказывай обо всемъ.

— Выйдя изъ дома съ этими деньгами на улицу, я встрѣтилъ двухъ знакомыхъ мальчишекъ—Крокодила и Перца. Они

оба поджидали меня, — и Перець, подбѣжавъ, сказалъ: „Пойдемъ гулять“. „Ладно, отвѣчалъ я“. „У бабушки Блэкъ будетъ лотерея, сказалъ Крокодилъ, пойдемъ туда“. И мы пошли. У бабушки комната не важная, тамъ или страшно холодно, или страшно жарко. На этотъ разъ было страшно жарко, но чаще бываетъ такъ холодно, что кошка бабушки залѣзаетъ въ печку, спасаясь отъ сквозного вѣтра.

— Развѣ стекла въ рамахъ выбиты?

— Нѣтъ, сэръ; этого бабушка не допустила бы потому, что тогда растащили бы всѣ сласти на окнѣ. Но полъ въ большихъ щеляхъ и сквозь него можно видѣть все, что дѣлается въ подвалѣ, впрочемъ, тамъ ничего не видно, слишкомъ темно; въ подвалѣ нѣтъ окна, только желѣзная рѣшетка; вѣтеръ тамъ гуляетъ на свободѣ и страшно свиститъ въ щели пола.

— Ну, какая же была тамъ лотерея, какой выигрышъ?

— О, выигрышъ былъ прекрасный, сэръ. Большая сахарная трость.

— А сколько вы платили за билетъ?

— По три пенса.

— Сколько васъ играло?

— Двадцать.

— Такъ старуха получила за свою сахарную палку пять шиллинговъ?

— Да, и столько же за коробку съ конфетами. И оба выигрыша взяла ея внучка.

— Какая счастливая. А ты бралъ билетъ и на вторую лотерею?

— Да, и проигралъ всѣ деньги, которыя вы дали.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ я ушелъ съ Перцемъ и Крокодиломъ. Было уже десять часовъ и я сказалъ имъ: „Не знаю, что мнѣ дѣлать; мнѣ велѣли вернуться въ девять часовъ, а въ десять у насъ запираютъ. Куда дѣться? Мнѣ нечемъ заплатить даже за входъ въ трехпенсовый ночлежный домъ“. Перець провелъ руками по лбу и воскликнулъ: „Пойдемъ гулять“. — „Такъ ты думаешь, что меня домой не пустятъ?“ спросилъ я. — „Конечно нѣтъ“, отвѣчалъ онъ. Тогда мы пошли мимо Чернаго Джэка, на Клеркскій рынокъ, а оттуда въ Дрюрилэнъ и по Музейной улицѣ до Оксфордской. Тутъ мы остановились. „Что намъ теперь дѣлать?“ спросилъ я. Перець опять задумался и, воскликнувъ: „Пойдемъ

погулять“, направился въ Гольборнъ. Мы послѣдовали за нимъ и ни разу не перевели духа, пока не дошли до Стратфорда. Было уже четыре часа утра.

— Что же вы дѣлали въ Стратфордѣ?

— Мы слушали музыку. Дядя Кингъ и его трубачи и барабанщикъ поздравляли околотокъ съ наступленіемъ Рождества. Вы знаете дядю Кинга, онъ принадлежитъ къ обществу трезвости, а его барабанщикъ живетъ по сосѣдству съ вами; по ремеслу онъ мусорщикъ. Они играли до пяти часовъ и мы всюду слѣдовали за ними.

— А потомъ?

— Потомъ Перець угостилъ насъ чашкой кофе въ Ольдгэтѣ; у него оставалось немного денегъ. Подкрѣпившись, мы пошли въ Сент-Джемскій паркъ и оставались тамъ, пока всѣ отправились домой обѣдать, кромѣ тѣхъ, у кого нѣтъ ни дома, ни обѣда.

— Но у тебя былъ домъ и обѣдъ, и вѣроятно у твоихъ товарищей также. Скажи пожалуйста, въ чемъ состоялъ вашъ рождественскій обѣдъ?

— Въ кускѣ хлѣба съ сыромъ; Перець платилъ опять за всѣхъ.

— И что же вы были довольны?

— Еще бы; прежде чѣмъ я узналъ васъ, мнѣ часто приходилось по воскресеньямъ довольствоваться черствой коркой; ну, а сыръ—всегда сыръ.

— А послѣ обѣда?

— Послѣ обѣда мы обошли весь Гойдъ-Паркъ и, вернувшись въ этотъ околотокъ, просидѣли на ступеняхъ одного подъѣзда до 10 часовъ, когда Перець воскликнулъ: „Пойдемъ погулять“. Мы пошли недалеко, въ Гампстэдъ. Тамъ мы оставались цѣлый день.

— Но что вы тамъ дѣлали? Что ѣли?

— Мы смотрѣли какъ катаются на качеляхъ и ѣздить на ослахъ. Перець опять угостилъ насъ кускомъ хлѣба съ сыромъ.

— А изъ Гампстэда куда вы дѣлись?

— Мы вернулись въ сумерки сюда и хотѣли переночевать на ступеняхъ подъѣзда; но было такъ холодно, что Перець наконецъ вскочилъ и говорить намъ: „Если мы тутъ заснемъ, то проснемся замерзшими. Пойдемъ погулять“. Мы пошли до Батереи и вернулись только къ утру. Это было уже воскре-

сенье, и Перець ушелъ домой, а Крокодилъ также куда-то скрылся. Я остался одинъ и едва не умеръ съ голода; но какой-то мальчуганъ далъ мнѣ кусокъ пирога—и я заснулъ. Вы меня разбудили, привели домой и не только не бранили, но обласкали. Это было для меня худшимъ наказаніемъ, чѣмъ самая страшная порка.

Послѣ этой трехдневной отлучки Джэкъ преспокойно принялся за свою прежнюю трудолюбивую жизнь и велъ себя такъ хорошо, что спустя полгода я рекомендовалъ его въ одно благотворительное учрежденіе, состоявшее подъ руководствомъ очень разумной и почтенной дамы. Онъ исполняетъ должность слуги и получаетъ двѣнадцать фунтовъ стерлинговъ въ годъ, кромѣ квартиры и стола. Имъ всѣ очень довольны; онъ работаетъ усердно и ведетъ себя безукоризненно; его упрекаютъ только въ одномъ, что иногда, очутившись одинъ на улицѣ, онъ, по старой привычкѣ, начинаетъ прыгать и кувыркаться.

Въ прошлое воскресенье Джэкъ приходилъ ко мнѣ съ визитомъ; онъ теперь на взглядъ такой приличный и счастливый, что никто не узналъ бы въ немъ бѣднаго оборванца, котораго однажды въ холодное зимнее утро принесла къ моимъ ногамъ человѣческая волна въ сердцѣ Лондона.

XXII. ОТЗЫВЫ РЕДАКЦИИ О ПРИСЛАННЫХ КНИГАХЪ.

Угро-русскія народныя пѣсни, собраны Г. А. де-Воланомъ. Спб.

Этотъ серьезный трудъ, напечатанный по распоряженію русскаго географическаго общества, въ XIII томѣ „Записокъ“ Общества, и вышедшій потомъ отдѣльною книгою, составляетъ, по словамъ редактора „Записокъ“ Я. М. Истомина, весьма замѣтный вкладъ въ нашу не богатую литературу объ угро-руссахъ. Трудъ де-Волана основанъ на его личныхъ наблюденіяхъ, на книгѣ Бидермана „Венгерскіе ругены“, (то-есть русскіе) и по другимъ сочиненіямъ. Редакція „Записокъ“ обставила сборникъ г. де-Волана всѣми учеными комментаріями: слѣчила пѣсни, приведенныя авторомъ съ существующимъ уже сборникомъ А. П. Дешко, отмѣтила всѣ угро-русскіе варианты, и прибавила къ нимъ варианты мало-русскіе изъ сборника Чубинскаго, и великорусскіе. За опредѣленіемъ значенія пѣсенъ, помѣщенъ очеркъ быта угорскихъ русскихъ: верховинцевъ, долинянъ, спешаковъ, крайнянъ. Самыя пѣсни, числомъ 525, расположены по предметамъ, и заключаютъ въ себѣ три отдѣла: любовь (коханье), отношеніе семейное, отношеніе родственное и бытовыя черты. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе областныхъ и заимствованныхъ словъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ, и указатель мѣстностей, упоминаемыхъ въ пѣсняхъ. Въ приложеніи помѣщены пѣсни верховинцевъ по сборнику Бачинскаго, коломыйки по сборнику Андрея Гладонико, и пѣсни крайнянъ и спешаковъ по сборнику Левицкаго. Наконецъ помѣщены два алфавита пѣсенъ для текста и приложеній. Прекрасно составленная этнографическая карта Венгріи доказываетъ, что эта половина австрійской имперіи населена только наполовину мадыарскимъ племенемъ, а большую часть страны занимаютъ славянскія племена. Такимъ образомъ сборникъ г. де-Волана, удовлетворяя всѣмъ научнымъ требованіямъ, въ тоже время даетъ полное понятіе о народномъ творествѣ родственнаго намъ племени, о которомъ къ сожалѣнію у насъ такъ мало свѣдѣній.

Сыр-Дарьинская область. Описание, составленное по официальнымъ источникамъ *Е. Смирновымъ*. Спб. 1887.

Земля наша, какъ извѣстно, велика и обильна, но и описанія ея, точнаго и подробнаго, также нѣтъ, особенно отдаленныхъ окраинъ и недавно присоединенныхъ къ ней областей. Поэтому трудъ г. Смирнова заслуживаетъ особаго вниманія, какъ единственный въ своемъ родѣ. Но и помимо своего официального происхожденія, онъ замѣчателенъ своимъ серьезнымъ характеромъ, вполне отвѣчающимъ требованіямъ современной науки. Въ объемистой книгѣ, прекрасно изданной въ типографскомъ отношеніи, (до 360 страницъ), двѣнадцать главъ, въ которыхъ заключаются всѣ свѣдѣнія, относящіяся до этого малоизвѣстнаго края, управление, бытъ и природа котораго рѣзко отличаются отъ другихъ окраинъ. Уже по одному составу населенія области, наполовину кочевого, и въ которомъ туземный элементъ почти въ десять разъ численнѣе русскаго—можно судить, какими особенностями характеризуется край еще такъ недавно вошедшій въ составъ нашего отечества. Авторъ, послѣ краткаго историческаго и географическаго очерка области, ея фауны и флоры, говоритъ подробнѣе о ея колонизаціи, землѣдѣліи, состояніи промышленности, торговли, о финансовомъ положеніи, санитарномъ состояніи, народномъ образованіи и строительно-дорожной части. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ сообщается много любопытныхъ и совершенно новыхъ свѣдѣній. Выводовъ авторъ не дѣлаетъ, да они едва ли и возможны въ подобномъ трудѣ. Желательно было бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о бытѣ и нравахъ туземцевъ, но кто знаетъ, какъ трудно собирать свѣдѣнія о внутренней жизни азіатскихъ племенъ, тотъ не поставитъ въ вину г. Смирнову бѣдность данныхъ по этой части. Что же касается до совершеннаго отсутствія въ книгѣ свѣдѣній о русскихъ военныхъ силахъ въ краѣ, то умолчаніе объ этомъ совершенно понятно и рационально. Въ концѣ книги помѣщено шестнадцать приложеній, состоящихъ изъ статистическихъ данныхъ и числовыхъ таблицъ разнаго рода, начиная съ метеорологіи, и оканчивая цифрами, относящимися къ производительности и тѣрмовѣдѣнію.

Книжки журнала „Дѣло“ выходятъ за истиншій мѣсяць, т. е. въ концѣ
каждаго мѣсяца.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, куда можно было бы адресовать книги журнала. Иначе редакція не ручается за исправную доставку книжекъ и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе ихъ.

2) Если книга журнала вовсе не получается подписчикомъ, или не доходитъ своевременно, то надлежитъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей.

3) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ сообщать старый печатный адресъ съ бандероли, или нумеръ билета, и прилагать три почтовые семи-копѣчныя марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ Главную контору журнала „Дѣло“. Лица, адресующіяся писменно въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать на отвѣты почтовые марки.

6) Рукописи, признанныя редакцію неудобными для помѣщенія, хранятся въ конторѣ не болѣе трехъ мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются, если не будутъ востребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя бы и были приложены почтовые марки. Всѣ рукописи и стихотворенія подлежатъ сокращенію и стилистической выправкѣ, по усмотрѣнію редакціи. Измѣненія и дополненія статей производятся по соглашенію съ авторомъ. Высылка рукописей иногороднымъ возможна въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ
„Д Ъ Л О“

Въ 1887 году „ДѢЛО“ будетъ издаваться подъ той же редакціей, и по той же программѣ, выходя въ свѣтъ въ концѣ
каждаго мѣсяца книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Допускается разсрочка по соглашенію съ редакціей, и въ казенныхъ учрежденіяхъ, за ручательствомъ казначеевъ: 7 р. при подпискѣ, 5 р. 1-го мая и 5 р. 1-го августа. Учащимся, духовенству, сельскимъ и уѣзднымъ училищамъ, учителямъ и учительницамъ журналъ высылается на льготныхъ условіяхъ, вмѣсто 17 руб. за 12 руб., съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., 1-го марта 3 р., 1-го іюня 3 р. и 1-го сентября 3 р.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

	На годъ	На 1/2 г.	На 1/3 г.	На 1/4 г.	На 1 м.
Безъ доставки	15 р. 50 к.	8 р. }	6 р. }	4 р. }	} 1 р. 50 к.
Съ дост. въ С.-Петербургъ и Моск. 16 > — >	9 > }	7 > }	6 > }	2 р. }	
Съ пересылкой иногороднымъ. 17 > — >	10 > }	7 > }	6 > }	— }	
За границу	19 > — >	11 > }	9 > }	7 > }	

Подписка на „Дѣло“ принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ журнала, уголъ Орловскаго пер. и 1-й ул. Песковъ, д. № 1/2 (ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 3 ч. дня), въ книжныхъ магазинахъ: Э. Мелье (Невскій, у Полицейскаго моста, домъ Голландской церкви), „Новаго Времени“ (Невскій, 38). Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ экземпляра. Иногородныхъ просятъ обращаться въ С.-Петербургъ исключительно въ Главную Контору журнала „ДѢЛО“, адресъ которой извѣстенъ почтатуму.

4342-13

Редакція и главная контора журнала „Дѣло“ помѣщаются въ Орловскомъ пер. на углу 1-й ул. Песковъ, д. № 1/2 и открыты для личныхъ объясненій, — редакція по средамъ отъ 2 до 4 часовъ, а контора ежедневно, кромѣ праздничныхъ

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED
STANDARD STUDY CHARGE

CANCELLED
BOOK DUE - FEB
643834
APR 26 1979

Widener Library

3 2044 079 302 865